This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

R 28/31

А. Е. Бурцевъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ДРЕВНЕ-СЛАВЯНСКОЙ и РУССКОЙ

ПИСЬМЕННОСТИ

отъ XIV до начала XX вѣка.

37

Burtsev, A. E.

Библіографическое обозрѣніе

древне-славянской и русской письменности

и

другихъ литературно-художественныхъ памятниковъ

отъ XIV до начала XX вѣка.

№ 1.

составилъ

А. Е. БУРЦЕВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

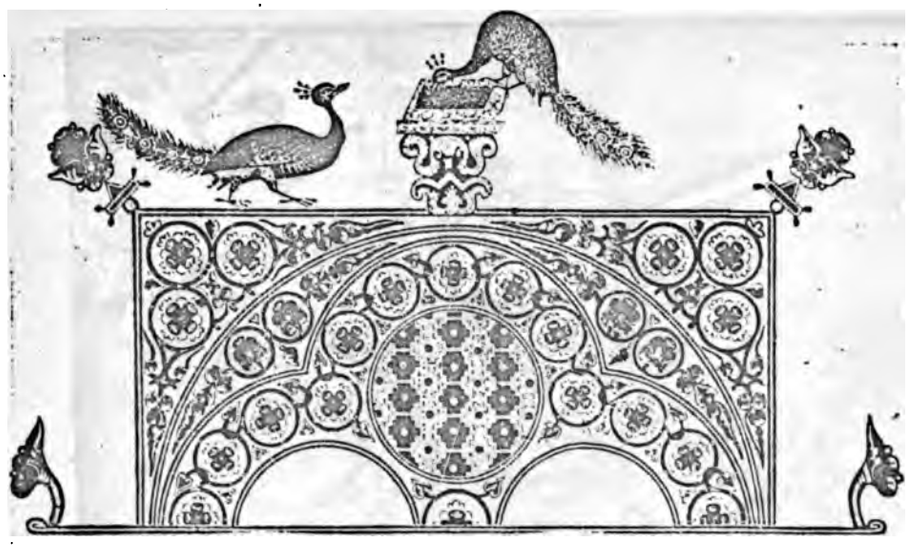
1904.

Печатано въ количествѣ 130 экземп. не для продажи.

Z 2491.5
B895
v.1

Дозволено цензурою в С. Петербурзі 5 Н[illegible] 1903 г.

Типографія Акц. Общ. Електричеств. Едисон. Пр[illegible] № 6



РУКОПИСИ и РИСУНКИ

XIX вѣка.

1. **Автобіографія** архимандрита Гавріила, собственноручно имъ писанная въ 1862 году. - Въ 4 д. л.

Автобіографія состоитъ изъ 4-хъ отдѣловъ:

I) время рожденія,
II) студенческія проповѣди,
III) о литературныхъ трудахъ,
IV) о лекціяхъ въ университетѣ.

2. **Англійскіе невольники въ Америкѣ.** Открытый листъ начала XIX вѣка, писанный скорописью на двухъ страницахъ въ четвертку, безъ означенія имени автора и года.

Эта статья пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ Иванова въ СПБ., изъ бумагъ А. Ковалькова.

3. **Байрамчевская учительская семинарія.** Статья учителя Байрамчевской учительской семинаріи Ивана Мачеха, писанная мелкою скорописью на шести страницахъ въ листѣ, въ концѣ помѣта: „10 апрѣля 1873 года".

4. **Бакчисарай.** Рукописное стихотвореніе XIX вѣка А. Муравьева, писанное скорописью на одномъ листѣ безъ означенія года и мѣста.

Ниже привожу перепечатку всего стихотворенія.

БАКЧИСАРАЙ.

(Отрывокъ изъ описательныхъ поэмъ Тавриды).

Пустынный дворъ Бакчисарая
Унылой озаренъ луной;
Разгулялъ другъ, она играя,
Скользитъ по кельѣ гробовой,
Гдѣ грозныхъ и надменныхъ хановъ,
Давно забытый тлѣетъ прахъ,
Гдѣ воля дремлющихъ тирановъ
Ужъ не законъ въ нѣмыхъ гробахъ!
Исчезла слава сильныхъ хановъ!
Дворецъ ихъ пустъ, гарема нѣтъ!
Тамъ только слышенъ шумъ фонтановъ.
Луны непостоянный свѣтъ

НЕОЖИДАННАЯ ГОСТЬЯ.

На стеклахъ росписныхъ играетъ,
И по узорчатымъ поламъ
Широкій лучъ ея блуждаетъ,
Какъ блѣдный духъ по облакамъ!

Или въ зеленомъ лозъ объемѣ,
Сквозь легкій виноградный сводъ,
Она въ кристальныхъ водоемѣ
Осеребряетъ зыби водъ,
И гроздій тѣнь на нихъ наводитъ—
Дробится ликъ ея въ струяхъ,
То по волнамъ играя, ходитъ,
То засыпаетъ въ ихъ зыбяхъ!

И будитъ дремлющіе своды
Фонтановъ однозвучныхъ шумъ;—
Изъ чаши въ чашу льются воды,
Лелѣятеля сладкихъ думъ.
Все измѣнили быстры годы!
Гдѣ ханскій блескъ?—Но водометъ
Задумчивыя пѣнитъ воды,
На память тѣхъ, которыхъ нѣтъ.

Ан. Муравьевъ.

5. **Басни Хемницера.** Рукопись XVIII вѣка. Письмо скорописное, въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Ниже привожу дословную перепечатку двухъ басенъ.

БАСНИ.

I.

ВИШНЯ и ПТИЦЫ.

(Изъ Езопа).

На вишнѣ ягоды лишь только покраснѣли,
Откуда птицы налетѣли!
По вѣткамъ, по сучкамъ посѣли;
Чирикаютъ, поютъ
И вишни спѣлыя наперерыхъ клюютъ.
Когда же всѣ ихъ ощипали,
Вспорхнули и пропали!

—

Давно-ль Пахомъ нашъ жилъ, какъ
. . знатный господинъ.
Ахъ! сколько у него тогда гостей
бывало!
И все пріятели! —Теперь какъ перстъ
одинъ:
Ни денегъ, ни друзей не стало!

А. Измаиловъ.

II.

Лѣнивые и ретивые кони.

Въ однѣхъ повозкахъ шли ретивые
кони,
Въ другихъ лѣнивые. Пришедъ къ
горѣ, они
Лѣнивые ни съ мѣста—стали.
А вѣдь въ дорогѣ не стоять!
Ну! ну!-- и погонять!
Ни съ мѣста. — Способа другаго не
сыскали,
Какъ изъ возовъ коней лѣнивыхъ
выпрягать,
А не лѣнивыхъ впрячь. Впрягли коней
ретивыхъ,
Чтобъ вывесть на гору повозки за
лѣнивыхъ.
Лишь только что одну взвезутъ,
Въ другую ихъ перепрягутъ.
Когда жь кормить обозъ остановили,
Всѣхъ на одну траву, на тотъ же лугъ
пустили.
Случившися я тутъ,
Подумалъ: вотъ житье какое!
Ретивому коню всегда работы вдвое,
А тотъ-же кормъ даютъ!

Хемницеръ.

6. **Батракъ.** (Народная легенда). Соч. Трефелева. На шести страцахъ въ четвертку, безъ означенія года.

Привожу здѣсь полную перепечатку подлинника.

БАТРАКЪ.

(Народная легенда).

I.

Охъ, ты, доля женская,
Какъ подъ часъ ты тяжела!
Въ страшныхъ мукахъ деревенская
Баба двойней родила,
И старуху повивальницу
Не успѣла пригласить:
Въ Аграфену-то Купальницу
Стала травушку косить;
Солнце бабу такъ и жарило,
Припекало съ головы,
Вдругъ въ головушку ударило,
И у срѣзанной травы,
Тамъ, гдѣ красная рябинушка
Пень раскинула, одна
Повалилась сиротинушка—
Незамужняя жена.

II.

Въ небѣ къ ангелу крылатому
Обращенъ былъ нѣкій гласъ:
„Ты лети къ селу Богатому
И найди, найди сейчасъ,
Подъ высокою рябиною
Бабу—Феклою зовутъ,
И минутою единою
Совершн надъ нею судъ:
Душу вынь изъ тѣла грѣшнаго!“
Въ небѣ голосъ прогремѣлъ.
И жилецъ святой нездѣшняго—
Міра къ бабѣ прилетѣлъ.
Видитъ ангелъ Феклу бѣдную:
Дѣтямъ краснымъ, какъ кумачъ,
Грудь даетъ она, грудь блѣдную,
Унимая дѣтскій плачъ.
Жалко ангелу—губителю
Близнецовъ - такъ хороши!...
И явился къ Вседержителю
Онъ безъ Феклиной души.
--„Что ты вынулъ душу грѣшную?“.
--„Нѣтъ, не вынулъ, виноватъ!
Жаль родильницу, сердешную,
Больше жаль ея ребятъ.

Напитаетъ кто ихъ съ молоду?
Ѣсть чужіе не дадутъ;
Безъ сосцовъ родимыхъ съ голоду
Ребятишки пропадутъ".
Взялъ Господь свой посохъ каменный,
Не подыметъ человѣкъ,—
И рукой могучей, пламенной
Онъ гранитъ большой разсѣкъ.
Ангелъ съ воплемъ влѣзъ въ отверстіе
Перевелъ немного духъ
И изъ камня шлетъ извѣстіе:
„Червячковъ я вижу двухъ".
—„Кто червей питалъ, сторицею
Напиталъ бы и сиротъ
Свѣжей райскою пшеницею;
Не противься же впередъ!"
И Господь за ослушаніе
Крыльевъ ангела лишилъ,
И на землю—въ наказаніе—
На три года опустилъ.

III.

У попа Преображенскаго
Просто чудо—не батракъ!
Онъ не любитъ пола женскаго
И не милъ ему кабакъ.
Никогда не дожидается
Попуканья попадьи;
Все работой занимается:
Сѣетъ, жнетъ, чинитъ ладьи;
Въ сентябрѣ, подъ утро темное
Въ лодкѣ ѣздитъ съ острогой,
Мѣтко рыбу бьетъ; скоромное
Рѣдко ѣстъ—такой благой!
А придутъ домой кутейнички
Къ Рождеству, зимой,—„для васъ,
Говоритъ батракъ,—мошенники,
Я и саночки припасъ".
На горѣ стоитъ,—любуется,
Усмѣхаючись, глядитъ,
Какъ ребячество бѣснуется
И на саночкахъ скользитъ.
—„Такъ бы въ Царство вамъ Небесное
Прилетѣть легко, друзья!
Вотъ житье тамъ пречудесное!
Что смѣетесь? знаю я"...
И батракъ на небо взглядывалъ,
Затуманившись слегка.
И никто вѣдь не разглядывалъ
Емельяна батрака.

IV.

Шла недѣля за недѣлею;
Годъ прошелъ, прошелъ другой.
Не нахвалятся Емелею:
Парень смирный, дорогой;
Попадьѣ—большой капризницѣ,
Угождаетъ завсегда;
Книгъ досталъ въ церковной ризницѣ
И читаетъ безъ труда;
Отдыхаетъ лишь надъ книгами,
И, желая быть въ раю,
Разукрасился веригами
И бичуетъ плоть свою.
Иногда онъ юродствовалъ
Вмѣстѣ съ нѣкою вдовой,
Но ему не доброхотствовалъ
Вольнодумецъ становой.
Бранью грубой, не хорошею
Оскорблялъ всегда его:
„Если хочешь быть святошею—
Вонъ изъ стана моего!
Упеку тебя подъ слѣдствіе
Чтобъ народъ не возмущалъ".
Полъ Иванъ, предвидя бѣдствіе,
Лепту-взятку обѣщалъ
И, исполнивъ обѣщаніе,
Гнѣвъ на милость измѣнилъ.
Батраку же увѣщаніе
Добродушно учинилъ:
—„Отъ юродства безполезнаго
Воздержись,—не та пора;
А не то—тебя любезнаго
Прогоню я со двора".
Разъ случилось за обѣднею
Былъ батракъ у Покрова,
Со старухою послѣднею
Перекинулъ слова два;
Погрозилъ лакею барскому—
Тотъ все горничной мигахъ,

Вставъ на клиросъ, пономарскому
Пѣнью басомъ помогалъ.
Вышелъ онъ изъ храма Божія,
Нищей далъ старинный грошъ...
Вдругъ всѣ ахнули прохожіе:
Камень въ крестъ пустилъ... хорошъ!..
„Полно, что ты, братъ знать хмѣлюшка
Въ молодой башкѣ шумитъ?“...
Потѣшается Емелюшка—
Снова камень въ крестъ летитъ.
И за церковь православную
Заступилася толпа
И дала науку славную,
Безъ согласія попа.

V.

Наученъ толпою строгою,
Попамявшею бока,
Шелъ батракъ путемъ-дорогою
Близь царева кабака.
Тамъ веселая бесѣдушка
Началась еще съ утра:
Два любезные сосѣдушка,
Усидѣвши полведра,
Другъ на друга любовалися,
Оба плакали навзрыдъ,
Обнимались, цѣловалися...
Очень нѣженъ русскій бытъ.
Охъ, ты, русская идиллія,
Ты кровава и грязна!
Вотъ собравши всѣ усилія,
Стонетъ пьяницы жена:
Терпитъ горе - жизнь суровую,
Какъ ей вѣкъ съ тираномъ жить?
Всю избилъ:—шубейку новую
Не давала заложить...
Съ воплемъ женщины сливается
Пьяныхъ рѣчь; и что за рѣчь
Пара пьяныхъ обѣщается
Супротивницу посѣчь!
Охъ, ты, доля, доля женская,
Какъ подъ-часъ ты тяжела!
Горемыка деревенская
Ты зачѣмъ сюда пришла?
Знай, сидѣла *бы за печкою*
Надъ малюткою сынкомъ,
Проливая быстрой рѣчкою
Слезы горькія тайкомъ;
Проклиная жизнь постыдную,
Жизнь разбитую свою,
Пѣсню спѣла бы унылую:
Баю, баюшки баю!
Ты лежи, сынокъ, до времени,
А какъ вспомнишь, подростешь,
Изъ всего-то роду племени
Дѣвку ражую возьмешь;
Также будешь ты показывать
Надъ женою власть свою:
И буянить и наказывать...
Баю, баюшки, баю!
Охъ, ты, доля, доля женская,
Какъ подъ часъ ты тяжела!
Дура-баба деревенская,
Ты зачѣмъ въ кабакъ пришла?
Иль забыла руку грязную,
Пудовой большой кулакъ?..
И на сцену безобразную
Тихо молится батракъ.
Увидали то прохожіе:
Помѣшался мужичекъ!
Называетъ имя Божіе,
А не видитъ - кабачекъ!

VI.

—„Емельянъ, ты забываешься!
У тебя съ мозгами лобъ;
А ты чѣмъ, братъ, занимаешься?“
Горячился страшно попъ.
—„Ты безчинствуешь по улицамъ,
Оскорбляешь Божій храмъ
И—вѣдь это на смѣхъ курицамъ,—
Сталъ молиться кабакамъ!
Это просто еретичество!
За тебя, мой другъ, дрожу;
За такое озорничество
Я отъ мѣста откажу.
То особенно разительно,
Что ты вовсе не былъ пьянъ!“
Отвѣчалъ ему почтительно,
Шапку снявши, Емельянъ,
„—Не къ церковнымъ строеніи

Мой булыжникъ пошадалъ,
Не предъ водкою колѣни я
Преклонилъ и самъ рыдалъ,
Нѣтъ,—надъ церковью Покровскою
Я увидѣлъ бѣсовъ рать:
Съ этой силою чертовскою
Я и началъ воевать.
Какъ кружились бѣсы разные!
Изо всѣхъ проклятыхъ мѣстъ
Прилетѣли безобразные
И старались сѣсть на крестъ.
Предъ питейнымъ заведеніемъ
Я молился Богу,—да!
Пьяный мужъ съ ожесточеніемъ
Билъ жену свою тогда;
Я возвелъ къ Царю небесному:
Іисусе мой Христе!
Самъ Ты преданъ былъ тѣлесному
Истязанью на крестѣ:
Ради ранъ Твоихъ зіяющихъ
Я прошу Тебя: спаси
Слабыхъ всѣхъ отъ угнетающихъ,
А ихъ много!"..—„Человѣкъ
Ты хоть и маленькій,
Но башка, братъ!.. Пару косъ
Захвати... денечикъ аленькой—
Мы пойдемъ на сѣнокосъ"...

VII.

Вышли въ поле, оглянулися,—
Разцвѣла кругомъ земля,
И цвѣтами захлебнулися
Безконечныя поля.
Дѣти сумрачнаго Сѣвера—
Море синихъ васильковъ,
Море розоваго клевера
Наградите бѣдняковъ!
Въ утро солнечное, чистое,
Вы, покрытые росой,
Въ сѣно мягкое, душистое
Превращайтесь подъ косой;
А потомъ копной высокою
Подымитесь къ небу вы,
Не мѣшайтесь лишь съ осокою:
Хуже въ свѣтѣ нѣтъ травы!
До осоки не касается
Попъ Иванъ,—лихой косарь!
Съ батракомъ перекликается:
„Ну, голубчикъ, пріударь!
Вотъ валяй на эти полосы,
Развернися по травѣ!"...
Вдругъ вскочили дыбомъ волосы
У попа на головѣ;
Онъ услышалъ рѣчи смѣлыя
И увидѣлъ чудеса:
—„Дай мнѣ, Боже крылья бѣлыя
Я хочу на Небеса!
Долго ль мнѣ еще унылому
Въ батракахъ жить по найму,
Не пора ли мнѣ, безкрылому,
Бросить душную тюрьму?
Здѣсь тюрьма, житье порочное,
Между братьями вражда.
Наказаніе урочное
Вынесъ я. Туда, туда!..
Такъ, смотря на небо синее,
Свѣтлый ангелъ тосковалъ,
И ему бѣлѣе инея
Крылья длинныя Богъ далъ.
И далеко бросивъ въ сторону,
Зазвенѣвшую косу,
Тяжело, подобно ворону,
Онъ поднялся.—„Унесу
О землѣ воспоминаніе,—
Онъ вскричалъ среди небесъ,—
Люди сельскаго страданіе
Богу помнить"... И исчезъ.

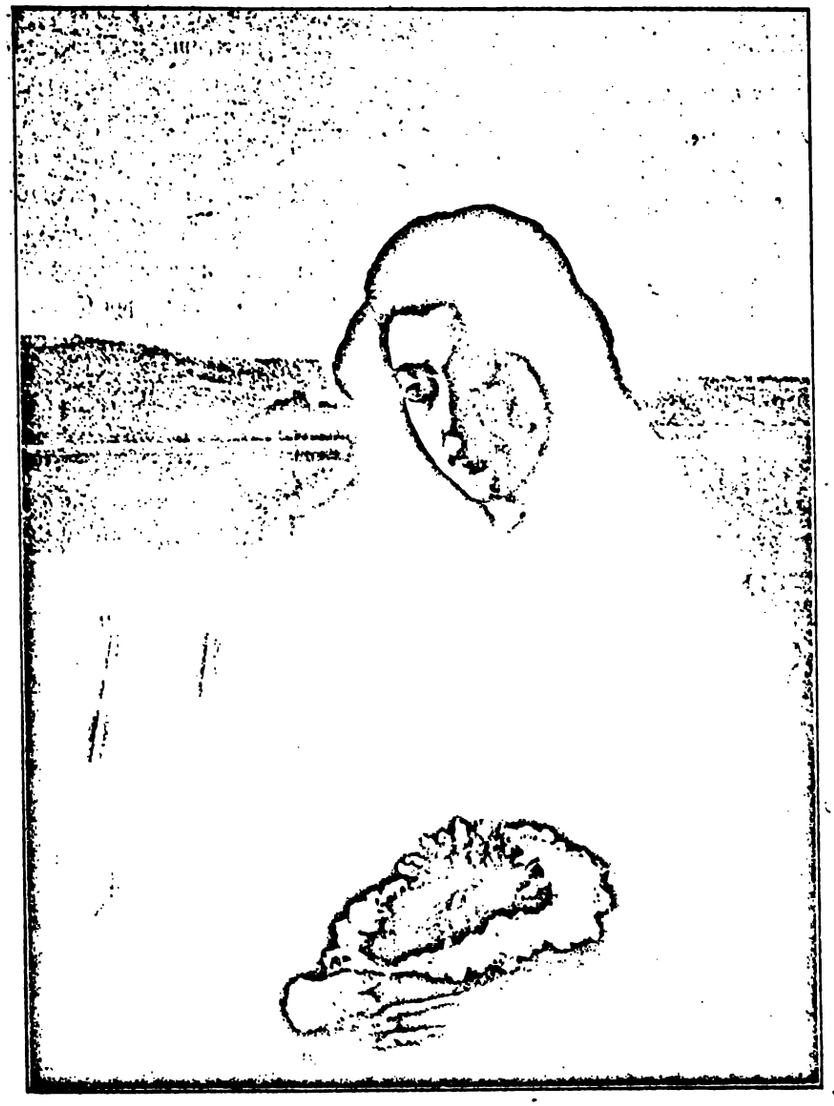
Трефилевъ.

7. **Бегистонская надпись.** — Собственноручная статья С. Андріанова, писанная въ концѣ минувшаго столѣтія, на 36 листахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Рукопись пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ С. Т. Трусова, въ СПБ.

8. **Безумная.** — Русская повѣсть. Сочиненіе Ивана Козлова. Рукопись 1830 г.—Въ 4 д. л. 32 стр.

Писана красивою и разборчивою скорописью, на толстой синей бумагѣ.



Мой букетъ съ каждымъ днемъ вянетъ.

Рисунокъ академика М. Маймона.

По экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

Въ концѣ тетрадки слѣдуетъ подпись: Санкт-петербургъ, 30 сентября 1830 года.

9. Библіографическіе листочки.—Рукопись XIX вѣка, соч. Н. Назарова. Писанная мелкою скорописью, на 60 страницахъ въ 8 д. л.—Въ концѣ подпись: „Н. Назаровъ".

Эта любопытная рукопись куплена мною за 3 рубля.

10. **Бобылиха въ прологѣ.** Акварель извѣстнаго художника Л. М. Клодта въ 4 д. л.

Купленъ мой рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Иванова.

11. **„Брожу окруженный цвѣтами“**— (Изъ Гейне). Стихотвореніе А. Васильева, собственноручно имъ написанное, на четырехъ страницахъ въ листъ, въ концѣ подпись автора-переводчика.

Стихотвореніе это, кажется, еще не было напечатано.

12. **Будочникъ.** — Стихотвореніе Полежаева. Рукопись въ четвертку, на 20 страницахъ.

Это стихотвореніе пріобрѣтено мною у букиниста Трусова, въ СПБ.

13. **Весна.** — Собственноручное стихотвореніе г. Ранча, писанное мелкою скорописью на двухъ страницахъ въ четвертку, безъ означенія года.

Привожу дословную перепечатку всего стихотворенія.

ВЕСНА.

Слышишь соловей безпечной
Подъ черемухою млечной
Пѣснь поетъ веснѣ младой;
Видишь—розъ душистыхъ вѣтки,
Увиваясь вкругъ бесѣдки,
Дышутъ радостью живой.

Наслаждайся! намъ весна
Не на долгій срокъ дана.

Посмотри, какъ бѣлы крины
Надъ коврами луговины
Величаются красой...
Что грядущему вѣряться?
Можетъ быть намъ любоваться
Ужъ послѣднею весной!

Наслаждайся! намъ весна
Не на долгій срокъ дана.

Тамъ качаясь на лиліѣ
Перла млечнаго бѣлѣе
Раннiй воздухъ пьетъ роса.
Если жаждешь наслажденья,
Въ немъ сыпамъ земнаго тлѣнья
Не откажутъ Небеса.

Наслаждайся! намъ весна
Не на долгій срокъ дана.

Дѣвъ прелестныя ланиты—
Розы съ лиліями слиты;
Серги перловы—роса...
Что надеждой долгой льститься?
Быстро, быстро юность мчится,
Скоро блекнетъ ихъ краса.

Наслаждайся! намъ весна
Не на долгій срокъ дана.

Въ цвѣтникѣ благоуханномъ
Съ анемономъ и тюльпаномъ
Прелесть роза сдружена.
Научись у нихъ быть другомъ,
Съ милыми дѣлись досугомъ,
И весна твоя красна...

Наслаждайся! намъ весна
Не на долгій срокъ дана.

Придетъ время—зелень свянетъ,
Роза блекнуть, сохнуть станетъ...
Что до будущаго намъ?
Видишь—стелется коврами
Зелень съ юными цвѣтами
По пригоркамъ и лугамъ.

Наслаждайся! намъ весна
Не на долгій срокъ дана.

Съ сводовъ неба свѣтлымъ утромъ
Сходитъ росы перламутромъ,
Въ вѣтрахъ дышетъ ароматъ...
Что за нами, что предъ нами—
Не забыть?—дни съ крылами:
Дунетъ вѣтеръ и—улетятъ.

Наслаждайся! намъ весна
Не на долгій срокъ дана.

Росы блещутъ перламутромъ,
Воздухъ сладокъ—только утромъ,
День взойдетъ—и все не то:
Ароматы разлетятся,
Розы съ розами простятся

И уйдутъ въ эфиръ пустой...
Наслаждайся! намъ весна
Не на долгій срокъ дана.

Придетъ лѣто—лѣто минетъ;
Придетъ осень и остынетъ
Кровь играющая въ насъ—
И—прости земли веселье!
Мы пойдемъ на новоселье...
Насладись—пока твой часъ!
Наслаждайся! намъ весна
Не на долгій срокъ дана.

Ранчъ.

14. Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія. — Соч. Ломоносова, писанное мелкою скорописью на двѣ страницы въ четвертку, безъ означенія года.

Стихотвореніе слѣдующаго содержанія.

Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ, при случаѣ великаго сѣвернаго сіянія.

1.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь;
Открылась бездна звѣздъ полна
Звѣздамъ числа нѣтъ, бездны дна.
Песчинка какъ въ морскихъ волнахъ,
Какъ мала искра въ вѣчномъ льдѣ,
Какъ въ сильномъ вихрѣ тонкій прахъ,
Въ свирѣпомъ какъ перо огнѣ,
Такъ я въ сей безднѣ углубленъ,
Теряюсь, мыслями утомленъ!

2.

Уста премудрыхъ намъ гласятъ:
Тамъ разныхъ множество свѣтовъ;
Несчетны солнца тамъ горятъ,
Народы тамъ и кругъ вѣковъ:
Для общей славы торжества
Тамъ равна сила естества.

3.

Но гдѣ-жь, натура, твой законъ?
Съ полночныхъ странъ встаетъ заря!
Не солнце-ль ставитъ тамъ свой тронъ?
Не льдисты-ль мещутъ огнь моря?
Се хладный пламень насъ покрылъ!
Се въ ночь на землю день вступилъ!

4.

О вы, которыхъ быстрый зракъ
Проникаетъ въ книгу вѣчныхъ правъ,
Которымъ малый всегда знакъ
Являетъ естества уставъ:
Вамъ путь извѣстенъ всѣхъ планетъ;
Скажите, что насъ такъ мятетъ?

5.

Что зыблетъ ясный ночью лучъ?
Что тонкій пламень въ твердь разитъ?
Какъ молнія безъ грозныхъ тучъ
Стремится отъ земли въ зенитъ?
Какъ можетъ быть, чтобъ мерзлый паръ
Среди зимы рождалъ пожаръ?

6.

Тамъ споритъ жарка мгла съ водой
Иль солнечны лучи блестятъ,
Склоняясь сквозь мракъ густой,
Иль тучныхъ горъ верхи горятъ,
Иль . . . морѣ дуть престалъ Зефиръ
И гладки волны бьютъ въ эфиръ?

7.

Сомнѣній полонъ вашъ отвѣтъ
О томъ, что окрестъ ближнихъ мѣстъ.
Скажите-жь коль пространенъ свѣтъ?
И что малѣйшихъ далѣ звѣздъ?
Не свѣдомъ тварей вамъ конецъ?
Скажите-жь коль великъ вашъ Творецъ?

Ломоносовъ.

15. **Вечеръ въ Одессѣ.** — Собственноручное стихотвореніе Ранча, писанное мелкою скорописью на одномъ листѣ,-съ помѣтою: „Одесса. 1823 года".

Привожу это стихотвореніе полностію.

Вечеръ въ Одессѣ

На морѣ легкій легъ туманъ,
Повѣяла прохлада съ брега—
Очарованье южныхъ странъ
И дышетъ сладко страстна нѣга.

Подумаешь—тамъ каждый разъ,
Какъ Гесперъ въ небѣ засіяетъ,
Киприда изъ шелковыхъ власъ
Жемчужну пѣну выжимаетъ.

И, улыбаяся, она
Любовью огненною пышетъ,
И вся окрестная страна
Божественною нѣгой дышетъ.

(1823. Одесса). *Ранчъ.*

16. **Воззваніе къ Днѣпру.** Рукописное стихотвореніе неизвѣстнаго автора, писанное мелкою скорописью на одномъ листѣ, безъ означенія года.

Вотъ содержаніе этого стихотворенія.

Воззваніе къ Днѣпру.

Днѣпръ, воинственный Днѣпръ! Россіи Тибръ величавый!
Воемъ сѣдыхъ валовъ на брань зовущій утесы!
Подвиговъ дивныхъ рѣка, рѣка далекихъ столѣтій!
Кто твои годы сочтетъ, кто воспоминанія вспомнитъ?
Мракъ проникая временъ дѣяній отблескомъ свѣтлымъ,
Дикихъ славянъ племена по тебѣ издавна скитались!—
Ты на безплодныхъ скалахъ изъ древніе грады валелѣялъ,
Мрачный Смоленскъ тебя посылаетъ къ дальнему югу,
Любечь отцвѣлъ на твоихъ берегахъ, и Кіевъ надменный,
Сталъ на твердыхъ скалахъ, смирилъ кичливые народы!
Царь одинокихъ степей, безмолвный браней свидѣтель,
Сколько вражьей крови слилось съ твоими волнами?
Сколько разъ на тебѣ шатры половецки бѣлѣлись,—
Печенѣговъ толпы въ твоихъ гнѣздились утесахъ.

17. **Водопадъ.** Собственноручное стихотвореніе Л. Якубовича, писанное мелкою скорописью на двухъ страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Привожу полное содержаніе этого стихотворенія.

ВОДОПАДЪ.

Вонъ тамъ, гдѣ вѣчно по уступамъ
Гремитъ и блещетъ водопадъ,
И гдѣ подобно мерзлымъ трупамъ
Граниты синіе стоятъ:
Оцѣпенѣвъ окрестность дремлетъ,
Лишь звѣрь, припавши на скалѣ,
Паденью водъ нагорныхъ внемлетъ,
Глядясь въ ихъ зыбкомъ хрусталѣ.
Какъ водопадъ кипитъ и рвется
Могучій мыслію поэтъ:
Толпа на звукъ не отзовется,
На чувства—чувствъ у черни нѣтъ;
Лишь другъ природы просвѣщенный,
Среди лѣсовъ своихъ, въ глуши,
Вполнѣ оцѣнитъ трудъ священный,
Огонь божественной души.

Л. Якубовичъ.

18. **Всадникъ.** Собственноручное стихотвореніе А. Комарова, писанное мелкою скорописью, въ половинѣ XIX вѣка, на двухъ страни-

цахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Привожу дословную перепечатку этого стихотворенія.

ВСАДНИКЪ.

Вдоль по улицѣ широкой,
На гнѣдомъ конѣ, стрѣлой,
Чернобровой, черноокой
Мчится всадникъ удалой.
Борзый конь хранитъ и пышетъ.
И, крутясь подъ сѣдокомъ,
Подъ собой земли не слышетъ,
Но крутымъ бедрамъ хвостомъ
Бьетъ — и пыль клубитъ столбомъ!
Съ крикомъ рѣзвые мальчишки,
Бросивъ игры, бросивъ книжки,
Къ воротамъ бѣгутъ стремглавъ;
А красавицы дѣвицы
Растеряли иглы, спицы,
Къ окнамъ съ мѣста повскакавъ...
Но красавецъ мимо, мимо...
Ихъ поклономъ не даритъ—
Словно вѣтеръ онъ летитъ
На конѣ неукротимомъ.—
Только слышенъ стукъ копытъ,
Только пыль по слѣдъ валитъ.—
Гордый юноша куда ты
Вихремъ мчишься?—Ужъ не въ тѣ ль
Бѣлокаменны палаты.
Что виднѣются отсель?
Въ тѣхъ палатахъ одиноко
Теремъ пышный и высокой
Въ рощу окнами стоитъ.—
Тамъ до полночи глубокой
Огонекъ всегда горитъ,
И на занавесѣ темной,
Какъ померкнетъ ясный день,
Отражается нескромно
Съ тѣнью дѣвы чья то тѣнь.
То не дѣвы тѣнь: такъ сладко,
Въ полуночной тишинѣ,
Но цѣлуются украдкой
Дѣвы юныя однѣ!
Нѣтъ, то стройной, то высокой
Дѣвственникъ! — и мнится мнѣ,
Онъ то улицей широкой,
Чернобровой, черноокой
Вихремъ мчится на конѣ!

А. Комаровъ.

19. Въ бесѣдѣ ты своимъ искусствомъ любовь и дружбу можешь слить. — Рукописное стихотвореніе неизвѣстнаго автора, писанное скорописью на двухъ страницахъ въ четвертку.

Содержаніе стихотворенія слѣдующее.

Въ бесѣдѣ ты своимъ искусствомъ
Любовь и дружбу можешь слить;
Но чувству не ужиться съ чувствомъ, —
Въ одномъ ихъ сердцѣ не вмѣстить.
И если другъ въ твоей прелестной
Захочетъ полюбить тебя,—
Что скажешь ты тогда? - извѣстно:
Подальше отъ любви друзья!
Но мы любовь не порицаемъ,—
На этотъ разъ друзьямъ ты вѣрь;
Быть можетъ, что мы всѣ узнаемъ,
Что ты одинъ узналъ теперь.
И вѣрные былому кругу,
Мы чувство чувствомъ освѣтимъ:
Одной рукой обнявъ подругу,
Другою -другу отдадимъ.

20. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ въ большой модѣ былъ романсъ „Скажите ей.“, который превосходно пѣлъ иногда извѣстный пѣвецъ Никольскій; вотъ слова этого романса.

Скажите ей, что пламенной душою
Съ ея душой сливаюсь тайно я:
Скажите ей, что горькою тоскою
Отравлена млада жизнь моя.

Скажите ей, какъ страстно и какъ нѣжно
Люблю ее,— какъ Бога херувимъ;
Скажите ей, что въ груди безнадежной
Увяну я бездушной не любимъ.

Скажите ей, какъ дорого мнѣ стоитъ
И грустно мнѣ притворнымъ съ нею быть;
Скажите ей, какъ томно сердце ноетъ,
Когда она велитъ любовь мою таить!

Скажите ей, какое мнѣ страданье,
Когда спокойно взоръ ея глядитъ;
Когда въ замѣнъ нѣмаго обожанья
Она, какъ льдомъ, мнѣ душу холодитъ!

Скажите ей! скажите ей!

По поводу этого романса П. А. Каратыгинъ написалъ Никольскому слѣдующій экспромтъ.

Скажи ты намъ! въ твои дѣла мѣшаться
Какой же слѣдъ, совсѣмъ неловко намъ:
И съ носомъ тутъ за чѣмъ же, другъ сонаться:
Ты это все скажи ей лучше самъ.

Скажи ты намъ, да кто жь она такая?
И гдѣ живетъ, мамзель или мадамъ?
Здѣсь, наконецъ, есть почта городская:
Ты напиши—да и пошли ей самъ.

21. Въ нашъ вѣкъ всеобщаго прогресса. — Стихотвореніе неизвѣстнаго автора, писанное на одномъ листѣ въ четвертку, безъ означенія года.

Вотъ содержаніе этого стихотворенія.

Въ нашъ вѣкъ всеобщаго прогресса
Прогрессъ коснулся и до насъ,
Хотя объ немъ, конечно, пресса
Не молвитъ даже въ добрый часъ.
Здѣсь волки рыскали, бывало,
Во мракъ былъ городъ погруженъ;
Но время лучшее настало:
Взмахнулъ обухъ - волковъ не стало,
И городъ вмигъ сталъ освѣщенъ.

22. Въ Персію. Рукописное стихотвореніе XIX вѣка А. Муравьева, писанное мелкою скорописью на одномъ листѣ, безъ означенія года и мѣста.

Содержаніе стихотворенія слѣдующее.

Въ Персію.

Я слышу кличъ призывной брани
Ему внимаетъ жадный слухъ.
На битву рвется мечъ изъ длани.
Въ груди пылаетъ юный духъ!

Зарокотали смертью струны—
Я узнаю ихъ вѣщій гласъ!
Ихъ громозвучные перуны,
Друзья на бой подвергнутъ васъ!

На бой, на бой, на поле славы,
Стремитесь бурною толпой!
Васъ увѣнчаетъ лавръ кровавый,
Безсмертье—храмъ откроетъ свой!

Сожмите мечъ въ рукѣ могучей!
Отважно обнажите грудь!
На сонмъ враговъ, какъ вихрь летучій,
Неситесь въ незабвенный путь!

Туда, туда, гдѣ бурны волны
Аракса берега поятъ,
И гдѣ ковчега стражъ безмолвный,
Стоитъ двухглавый Араратъ!

Туда, гдѣ колыбель вселенной,
Гдѣ міра первобытный рай,
Тамъ лавръ для насъ цвѣтетъ нетлѣнный,
Молвѣ велитъ: не умолкай!

О, конь, кипящій духомъ брани,
Неси меня на бурный бой!
Какъ цвѣтъ да не увяну ранній,
Да не паду въ странѣ чужой!

И ты, рукѣ нетерпѣливой,
Не измѣни надеждѣ мечъ!
Тебѣ вѣряю я порывы
Души младой съ тобою лечь!

Ан. Муравьевъ.

23. Выписка изъ журнала двора ея величества царицы вавилонской, день 13 іюля 1836 года.

Писанная скорописью на 8 страницахъ. Безъ обозначенія имени автора.

Это весьма любопытное произведеніе пріобрѣтено мною изъ бумагъ А. Ковалькова.

24. Гаврилиада (изъ Беранже). Рукопись половины XIX вѣка, писанная мелкою скорописью, на 20 листахъ въ четвертку (безъ подписи автора).

Редакція иная, сравнительно съ печатнымъ текстомъ.

25. **Гаданіе на картахъ.** Акварельный рисунокъ художника М. Померанцева. Въ четвертку.

Рисунокъ пріобрѣтенъ мною лично отъ художника.

26. **Гаданіе передъ зеркаломъ.** Рисунокъ художника Померанцева, въ четвертку; исполненъ въ 1802 году.

Подарокъ художника.

27. **Гармонія жизни.** (Подражаніе Шиллеру). Собственноручное стихотвореніе Тютчева, писанное на двухъ страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Содержаніе стихотворенія слѣдующее.

ГАРМОНІЯ ЖИЗНИ.

(Подражаніе Шиллеру).

—

Лебедь.

Вся жизнь моя по волѣ протекая,
Скрывается съ игривою струей!
Лишь образъ мой, какъ тѣнь, перелетая,
Рисуется на зыби голубой!...

Орелъ.

Къ жилищу бурь своею властью
На мощныхъ возносилъ крылахъ,
Смѣюсь я грозному напастью!...
Мой домъ въ туманахъ и въ снѣгахъ!...

Лебедь.

Прохладную росу глотая жадно
Безбрежностью стремлюсь упиться я!
И предаюсь забвенію отрадно—
На зеркальной водѣ съ закатомъ дня.

Орелъ.

Мой взоръ отважно вопрошаетъ.—
Разитъ ли гибелью гроза:
Когда въ мгновенье зажигаетъ
Она дремучіе лѣса...

Лебедь.

Проникнутый таинственною силой
Слетѣлъ съ небесъ я къ Ледѣ молодой!
И вмигъ ее блаженство чувствъ лишило
Лишь до меня коснулася рукой.

Орелъ.

Ничтожна прелестію Леда—
Не мнѣ предъ ней склоняться въ прахъ!
Я несъ къ Олимпу Ганимеда
Въ держащихъ молнію когтяхъ!...

Лебедь.

Съ предчувствіемъ на звѣзды я взираю
И волѣ давъ мечтаніямъ моимъ,
Я въ свѣтлый миръ невольно улетаю,
Желаніемъ невѣдомымъ томимъ.

Орелъ.

Я съ раннихъ дней привыкъ безъ страха
Парить въ безоблачныхъ странахъ.
Я презираю узы праха!
Я близокъ силою къ богамъ!

Лебедь.

Пройдя свой вѣкъ спокойно, незамѣтно,
Я при концѣ печали слезъ, не лью:
Встрѣчаю смерть съ улыбкою привѣтной—
И звучно пѣснь прощальную пою!

Орелъ.

Я мчусь въ селеніе святое,
Когда слабѣетъ жизнь моя;

И гордо разорвавъ земное,
Какъ Фениксъ возраждаюсь я!...

Тютчевъ.

28. Головка дѣвушки. — Акварель извѣстнаго художника Васильева, рисованная около 1865 года.

Купленъ мною рисунокъ послѣ смерти художника-архитектора Уербаха.

29. Гражданинъ. — Рукописное стихотвореніе К. Рылѣева. Писанное на одномъ продолговатомъ листѣ, безъ означенія года.

30. **Грязь въ профиль** (Вечернія звѣзды). Рукописное стихотвореніе неизвѣстнаго автора, писанное мелкою скорописью на двухъ страницахъ въ четвертку, безъ означенія времени.

СВИДАНІЕ.

Съ акварр. рисунка К. П. Брюллова.
Изъ альбома графа Ферзена.

Привожу это любопытное стихотвореніе полностью.

Грязь въ профиль.

(Вечернія звѣзды).

Стариковскимъ халатомъ не мытымъ пять лѣтъ,
Небо глупо виситъ надъ землею.
Я бъ татарину продалъ его за пятакъ,
Даже вмѣстѣ со ржавой луною.
Эхъ, луна! не срами на весь городъ себя!
Право, лучше бы ты не свѣтила:
Точно въ рамсъ проигралася ты до гроша,
Или муху во снѣ проглотила.
О, луна! нынче сталъ я реальный поэтъ;
Доканаетъ тебя моя лира
И съ заржавѣвшей пуговкой ѣдко сравнитъ,
Что писецъ потерялъ съ вицъ-мундира.
Да, реальнымъ поэтомъ я сталъ. И теперь
Буду пѣть въ вдохновенномъ экстазѣ.
Какъ ты думаешь, милый читатель, о чемъ?
О предметѣ высокомъ -- о грязи.
Да, воистину, грязь — современный предметъ,
Это перлъ моего пѣснопѣнья,
И въ общественной жизни отъ рѣка у насъ
Коренное имѣетъ значенье;
Это клей неразрывный; имъ скрѣплено
Все великое общества зданье:
Подчиненный и старшій, бѣднякъ и богачъ
Скрѣплены имъ со дня мірозданья.
Грязь—великая вещь! вѣроятно ее
Изобрѣлъ даровитѣйшій геній;
Безъ нея бы на свѣтѣ разрушилась въ прахъ
Вся система людскихъ отношеній.
Въ ней порою премилыя травки растутъ:
Убѣжденія, взгляды, идеи,
Преиріятные проекты; но лучше всего
Выростаютъ и зрѣютъ лакеи.
Вотъ въ гремящей каретѣ летитъ откупщикъ,
Толщиною брюшка удивляетъ;
Отъ каретныхъ колесъ и копытъ лошадей
Брызжетъ грязь, бѣдняковъ покрываетъ,
Но не брезгай той грязью цѣлебной
Если хочешь потолще брюшко отростить.
Въ продолженье карьеры служебной
Грязь гражданская славный и чудный декоктъ,
И полезна здоровью кармана.
Такъ я спѣлъ, и курносое рыльце луны
Улыбнулося мнѣ изъ тумана.

Отрывокъ.

Это видѣли три ваньки.
Баба, шедшая на рынокъ,
Да редакторъ Аскоченскій,
Возвращавшійся съ поминокъ.

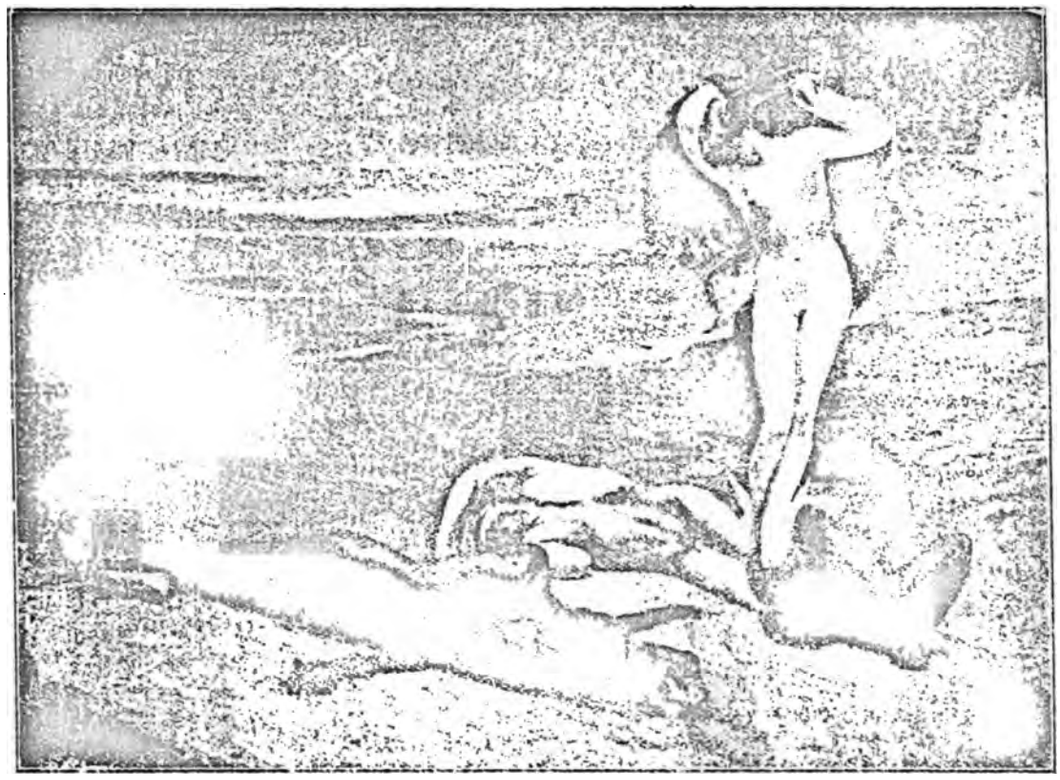
31. **Давно ли, кажется, васъ нѣтъ.** — Рукописное стихотвореніе А. Козлова, писанное скорописью, 1856 г. въ четвертку на двухъ страницахъ, безъ означенія мѣста.

Пріобрѣтено мною стихотвореніе въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

Вотъ полное содержаніе этого стихотворенія.

Милостивый Государь Алексѣй Яковлевичъ!

Давно ли, кажется, васъ нѣтъ,
И какъ въ Москвѣ все измѣнилось?
Какъ опустѣлъ вашъ кабинетъ,
Какъ въ немъ унынье поселилось, —
И книжный шкафъ, какъ истуканъ,
Глядитъ какимъ-то мрачнымъ чудомъ,
Въ немъ жизнь, и смерти цѣлый станъ,
Всѣ литераторы подъ спудомъ;
Какъ видно, въ ожиданьи васъ,
Премудрости свои скрываютъ,



ГОРГОНА и ГЕРОЙ.

Рисунокъ Итальянскаго художника Сорторы.

И посторонних на Парнасъ
Никакъ къ себѣ не допускаютъ.
Книгопродавцы, точно тѣнь,
Безъ васъ совсѣмъ перемѣнились,—
Сидятъ задумчивы весь день,
Головки къ низу опустились,—
Хотя кой-что и продаютъ,
Но какъ-то томно, машинально,
Какъ будто все кого-то ждутъ...
Но ожиданье безотрадно:
У Сухаревой башни стонъ
И на Никольской точно тоже,
Безъ васъ имъ всѣмъ большой уронъ,
Никто не платитъ имъ дороже.
Театръ совсѣмъ осиротѣлъ
Съ тѣхъ поръ, какъ васъ въ Москвѣ не стало,
Хоть посѣтителей имѣлъ,
За то цѣнителей—ужъ мало;
Оркестръ не радостно гремитъ,
Актеры духомъ упадаютъ,
Ничто талантъ не веселитъ,
Когда его не понимаютъ,—
И зрители подчасъ бѣгутъ
Бывъ очень недовольны сами,
Что многіе артисты врутъ,
Не дорожа совсѣмъ ролями.
И мы, всѣ знающіе васъ,
Не рѣдко духомъ унываемъ,
И при свиданьи всякій разъ
О вашей дружбѣ вспоминаемъ,
Бранимъ васъ ласковымъ словцомъ:
Любезнымъ, добрымъ называя,
Милымъ, славнымъ молодцомъ,
И сочинителемъ считая;
Что и понудило меня
Писать какъ автору стихами.
Хвалы иль брани стою я,—
О томъ разсудите вы сами.

Всепокорнѣйшій вашъ слуга
А. Козловъ.

1856 года 18 іюня.

ДАМА ВЪ РОЗОВОМЪ.

Рисунокъ бельгійскаго художника Альфреда Стевенсъ.

32. Да, вы сдержали ваше слово. — Собственноручное стихотвореніе Ѳ. Тютчева, писанное мелкою скорописью на одномъ листѣ, въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Это стихотвореніе пріобрѣтено мною въ книжномъ магазинѣ Иванова.

Содержаніе стихотворенія слѣдующее.

Да, вы сдержали ваше слово,
Не двинувъ пушки, ни рубля,
Въ свои права вступаетъ снова
Родная русская земля.

И намъ давно завѣщанное море
Опять послушною волной,
О краткомъ позабывъ позорѣ,
Лобзаетъ берегъ свой родной.

Счастливъ въ нашъ вѣкъ кому побѣда
Далась не кровью, а умомъ;
Счастливъ, кто точку Архимеда
Умѣлъ сыскать въ себѣ самомъ.

Ѳ. Тютчевъ.

33. Дарума. — Собственноручное стихотвореніе М. Хитрово, писанное въ Токіо 2/14 ноября 1901 г., на одномъ листѣ, въ четвертку.

Это стихотвореніе пріобрѣтено мною въ книжномъ магазинѣ Иванова.

Ниже привожу дословную перепечатку этого стихотворенія.

ДАРУМА *).

Пытуемъ жаждою ума,
Въ далекій путь, во время оно,
Искать пустился Дарума
На свѣтѣ лучшаго закона.
И цѣлый міръ онъ обошелъ,
Онъ исходилъ всѣ страны свѣта
Но въ ихъ законахъ не нашелъ
Онъ ни единаго отвѣта.
И понялъ онъ, что не умомъ
Дано пріять уразумѣнье,
И сталъ искать въ себѣ самомъ
Вопросамъ жизни разрѣшенье.
И онъ тогда покинулъ свѣтъ
Съ его тревожной суетою,
И пробылъ девять долгихъ лѣтъ
Наединѣ съ самимъ собою.
Пытливый духъ онъ укротилъ,
Отрекся отъ ума гордыни,
И въ чистомъ сердцѣ ощутилъ
Приливъ любви и благостыни,
И въ немъ онъ ясно распозналъ
Задачу бытія земнаго...
И, — „кромѣ сердца", — онъ сказалъ,
„Закона нѣтъ другого".

М. Хитрово.

Токіо,
2/14 ноября 1901 г.

*) Дарума одинъ изъ самыхъ популярныхъ апостоловъ буддизма въ Японіи. Онъ жилъ во II вѣкѣ до Р. Х. Изъ Индіи черезъ Тибетъ, Китай и Корею онъ прошелъ въ Японію и основалъ тутъ, до сихъ поръ существующую и весьма распространенную буддійскую секту Дзенъ-Сю.

34. Демонъ. Поэма Лермонтова. Рукопись XIX вѣка, въ 8 д., на 40 листахъ. Писана скорописью.

Рукопись куплена мною въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

35. Денежная реформа въ Россіи. Экономическое положеніе въ Россіи. Въ листъ 12 страницъ, безъ означенія имени автора. На оборотѣ послѣдняго листа имѣется помѣта „1 мая 1896 года"

36. Деревенскія посѣдки. Акварель художника М. Померанцева, въ четвертку.

Рисунокъ пріобрѣтенъ лично мною отъ художника.

37. Деревня въ Малороссіи. Акварель художника Вавулина, въ четвертку.

Рисунокъ купленъ мною въ книжномъ мазинѣ Иванова.

38. Десять собственноручныхъ подлинниковъ. Стихотворенія А. Ва-

сильева. На десяти страницахъ, безъ означенія года.

Ниже привожу дословную перепечатку всѣхъ десяти стихотвореній.

I.

Брожу, окруженный цвѣтами,
И самъ съ ними вмѣстѣ цвѣту,
На каждомъ шагу спотыкаюсь
Въ какомъ-то пріятномъ чаду.

Совсѣмъ отъ любви опьяненный,
Къ твоимъ я ногамъ упаду,
Держи-жъ меня, милая, крѣпче,
Вѣдь много народу въ саду.

II.

Мы въ темной почтовой каретѣ
Съ ней ѣхали вмѣстѣ всю ночь,
И весело съ ней всю дорогу
Шутили, смѣялись вдвоемъ.

Но только лишь утро настало,
Какъ съ ней удивился мы:
Сидѣлъ пассажиръ между нами,
Слѣпой, притаившись, Амуръ.

III.

Что напрасно взоръ туманишь,
Одинокая слеза?
Ты, отъ прежнихъ лѣтъ, оставшись,
Навернулась на глаза.

Много блещущихъ сестричекъ
Было прежде у тебя;
Но ихъ съ муками и съ счастьемъ
По ночамъ всѣ пролилъ я.

И разсѣялись туманомъ
Тѣ двѣ звѣздочки мои,
Что мнѣ муками и счастьемъ
Улыбаясь, сердце жгли.

И любовь мои исчезла
Словно дымъ, пропалъ и слѣдъ!
О, пролейся же скорѣе
Ты, слеза минувшихъ лѣтъ!

IV.

У нихъ собранье. Весь сіяетъ
Ихъ домъ въ огняхъ, какъ яркій день;
Вонъ тамъ, вверху, въ окнѣ мелькаетъ
Обворожительная тѣнь.

Но ты меня не примѣчаешь:
Я здѣсь внизу стою во тьмѣ,
А что волнуетъ сердце мнѣ,
Того подавно ты не знаешь.

То сердце мрачное тебя
Такъ жарко любитъ, страстно рвется
Оно въ груди; но для тебя
Все это тайной остается.

V.

Въ розу влюбленъ мотылекъ,
Сто разъ онъ ее обнимаетъ;
Его-жъ самого золотой
Лучъ солнца съ любовью ласкаетъ.

А роза въ кого влюблена?
Желалъ бы я очень провѣдать:
Въ пѣвца ли ночей—соловья,
Въ прекрасную ль звѣздочку ночи?

Не знаю въ кого влюблена
Она; но ихъ всѣхъ такъ люблю я:
Лучъ солнца, и розу и пѣснь соловья,
И яркую звѣздочку ночи.

VI.

Когда я говорилъ вамъ про мои страданія,
Зѣвали вы тогда въ убійственномъ молчаніи;
Когда же я воспѣлъ ихъ гладкими стихами,
Меня осыпали тогда вы похвалами.

VII.

Вотъ кто впервые въ жизни любитъ,
Хотя бъ несчастливо—онъ Богъ!
Но кто другой разъ неудачу
Въ любви узнаетъ—тотъ дуракъ.

Дуракъ и я: люблю, не зная
Любви взаимной; надо мной
Смѣется цѣлый міръ земной,
И я смѣюсь и... умираю.

VIII.

Идутъ невидимо года,
За поколѣньемъ поколѣнье,
Но не умолкнетъ никогда
Въ груди моей волненье.

Еще хоть разъ мнѣ увидать
Тебя, прекрасная, молю я!
И умирая повторять:
Когда бъ вы знали, какъ люблю я!

IX.

Былъ нѣкогда старый король,
Онъ сѣдъ былъ и холоденъ сердцемъ;
Женился тотъ старый король
И взялъ онъ жену молодую.

Красавецъ былъ пажъ молодой,
Шалунъ съ бѣлокурой головкой;
Онъ шелковый шлейфъ за своей
Прекрасной носилъ королевой.

Ты знаешь ли старую пѣснь?
Звучитъ она сладко и грустно:
Должны были оба они умереть
Они такъ любили другъ друга.

X.

Боги Греціи

Блестящая луна! тобой озарено,
Текучимъ золотомъ сверкаетъ море;
Какъ будто свѣтъ дневной сквозь тонкій флеръ тумана
На дальнихъ стелется пустынныхъ берегахъ.
На ясно-голубомъ беззвѣздномъ небѣ
Несутся бѣлыя, густыя облака,
Какъ колоссальныя боговъ изображенья,
Какъ мрамора прозрачнаго статуи.

Нѣтъ, вовсе то не облака!
То подлинно они, Эллады божества,
Что міромъ весело когда-то управляли;
Теперь же, падшія и мертвыя, они
Какъ страшныя несутся привидѣнья
Среди полуночныхъ небесъ.

И странно изумленъ, разсматриваю я
Воздушный пантеонъ,
Въ торжественномъ идущія безмолвьи
Гигантскія фигуры:
Вотъ это Кроніонъ, владыка неба,
Какъ снѣгъ главы его бѣлѣютъ кудри,
Тѣ знаменитыя, прославленныя кудри,
Что весь Олимпъ однимъ движеньемъ потрясали;
И держитъ онъ въ рукѣ угасшіе перуны,
А на лицѣ его несчастье и печаль
И гордости старинной выраженье.
Да, лучшія тѣ были времена,
О, Зевсъ! когда тебя, державный, забавляли
И нимфы стройныя, и юноши и гекатомбы!
Но сверженъ ты теперь съ престола.
Какъ самъ ты старика отца низвергнулъ
И погубилъ своихъ Титановъ дядей,
О, Зевсъ—отцеубійца!
И гордую тебя я узнаю, о Гера!

. . . . . .

Но ты теперь ужъ не царица неба!
Твои прекрасныя потухли очи,
Лилейныя твои безсильны руки
И мщеніе твое теперь не страшно!

. . . . . .

Я узнаю тебя, премудрая Аѳина!
Но ни эгидою, ни мудростью своей
Ты гибели боговъ не отвратила.
И узнаю тебя я, Афродита!
Твои златистыя, бывало, косы
Теперь серебряными стали;
Хоть дивнымъ поясомъ твой станъ еще украшенъ,
Но ужасъ на меня краса твоя наводитъ,
И если бы меня, какъ тѣхъ героевъ древнихъ,
Хотѣла ты своей любовью осчастливить,
Я умеръ бы навѣрное отъ страха:
Богиней смерти мнѣ являешься теперь,
Венера—Либитина!
И не съ любовью, какъ прежде на тебя

Вонъ тамъ глядитъ ужасный Аресъ.
Печаленъ юноша прекрасный Аполлонъ;
Молчитъ его божественная лира,
На пиршествѣ боговъ давно не раздаются
Ея веселые, плѣнительные звуки.
Еще печальнѣе глядитъ хромой Гефестъ,
И на себя онъ больше не беретъ
Обязанность прекрасной Гебы;
Въ собраніи боговъ заботливо не подаетъ
Онъ нектаръ сладостный, и съ давнихъ поръ умолкъ
Боговъ не умолкавшій хохотъ!

Я никогда васъ, боги не любилъ:
Противны греки мнѣ и римлянъ не павижу,
Но въ сердце мнѣ святое состраданье
И жалость западетъ, когда на васъ смотрю я,
Вы жалкіе, покинутые боги,
Вы мертвыя, въ ночи блуждающія тѣни
И, какъ туманъ, безсильные, которыхъ
Малѣйшій вѣтръ колеблетъ и разноситъ.
. . . . . .
Такъ говорилъ я имъ и видимо краснѣли
Тѣ блѣдныя и облачныя тѣни,
И на меня съ предсмертною тоскою
Взглянувши, вмигъ онѣ исчезли.
Вотъ мѣсяцъ спрятался за облако густое,
И разшумѣлося сердито море,
А на небѣ ночномъ, какъ свѣточи побѣды,
Такъ ярко вѣчныя зажглися звѣзды.

А. Васильевъ.

39. Дворцовая революція 1801 года, марта 12-го. Ея причины и слѣдствія. Статья А. Ѳ. Воейкова. Рукопись XIX вѣка. — Въ 4 д. л., 60 страницъ.

Писана красивою и четкою скорописью.

Въ рукописи весьма подробно говорится о заговорѣ противъ Императора Павла I-го.

Эта рѣдкая рукопись куплена мною за 10 рублей.

40. Двумужница или зачѣмъ пойдешь, то найдешь. Сочиненіе князя Шаховскаго. Писано въ 1836 году. Въ листъ, 240 страницъ.

Рукопись озаглавлена: „Романтическая драма въ двухъ частяхъ, въ пяти суткахъ, съ принадлежащими къ ней протяжными, плясовыми, хороводными, подлюденными и разбойничьими пѣснями, плясками хороводными и святочными играми.

Въ первой части помѣщенъ забавный разсказъ: „Свахаха въ бѣдахъ". Народный бытъ въ двухъ суткахъ.

Сутки I. Васильевъ вечеръ.
Сутки II. Богомольцы и пр.

Во II-й части помѣщенъ „Волжскій разбойникъ". Русская быль въ трехъ суткахъ.

Сутки I. Новоселье.
Сутки II. Ивановъ день.
Сутки III. Разбойничій притонъ.

41. Домъ сумасшедшихъ. Сатира А. Ѳ. Воейкова. — Рукопись въ 8 д. л., безъ означенія года.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь полную перепечатку подлинника.

Домъ сумасшедшихъ.

(Сатира А. Ѳ. Воейкова).

—

Други милые, терпѣнье!
Раскажу вамъ чудный сонъ.
Не игра воображенья.
Не случайный призракъ онъ.
Нѣтъ, то мщенью предъидущій
И грозящій неба гласъ,

ВОЕЙКОВЪ, А. Ѳ.

Извѣстный литераторъ род. въ 1778 г., ум. 1839 г.

Съ гравюры А. Сѣрякова.

Къ покаянію зовущій
И пророческій для насъ.

Вечеромъ, разставшись съ вами,
Въ уголку сидѣлъ одинъ
И Кутузова стихами
Я растапливалъ каминъ,
Подбавлялъ изъ Глинки сору,
И твоихъ, о Мерзляковъ!
Изъ Омира, по сю пору,
Недописанныхъ стиховъ.
Дымъ отъ смѣси этой ѣдкой,
Носъ мнѣ сажей закоптилъ,
И въ награду крѣпко, крѣпко
И пріятно усыпилъ.
Снилось мнѣ, что въ Петроградѣ
Чрезъ Обуховъ мостъ пѣшкомъ
Перешедъ, спѣшу къ оградѣ
И вступаю въ желтый домъ.
Отъ любви съума сошедшихъ
Въ списокъ бѣгло я взглянулъ,
И твоихъ проказъ прошедшихъ
Длинный рядъ воспомянулъ.
О Каверинъ! *) долгъ романамъ
Былъ тобою заплаченъ;
Но, сказавъ: „прости“ обманамъ,
Ты давно ужъ сталъ уменъ.
Карамзинъ—Титъ Ливій русскій,
Ты, какъ Шаликовъ, стоналъ,
Щеголялъ, какъ шутъ французскій...
Ахъ! кто молодъ не бывалъ!

Я и самъ... но сновидѣнье
Прежде, други, разскажу.
Во второе отдѣленіе
Я чинехонько вхожу.
„Берегитесь... здѣсь Магницкій“! **)
Насъ вожатый упредилъ:

*) Тотъ самый, къ которому Пушкинъ писалъ посланія.

**) Магницкій, бывшій попечитель Спб. учеб. округа.

„Онъ укуситъ васъ,—не близко!“
Я съ боязнью отступилъ.
Предъ безумцемъ на амвонѣ
Кавалерскихъ связка лентъ,
Просьбица о пансіонѣ,
Святцы, списокъ всѣхъ арендъ,
Дачь, земель, лѣсовъ казенныхъ,
Изливалъ онъ ядъ въ словахъ:
„Горе! добрый царь на тронѣ,
Вѣръ терпимость, пытокъ нѣтъ;
Ахъ! зачѣмъ не при Неронѣ
Я рожденъ на бѣлый свѣтъ!
Благотворный бы представилъ
Инквизиціи проэктъ:
Въ маслѣ бы варить заставилъ
Философовъ разныхъ сектъ.
Заподжаривъ такъ, и съѣлъ бы
И Небеснаго Творца.
Я, за орденъ—христіанинъ,
Я, за землю мартинистъ,
Я, за деньги—мусульманинъ,
За аренду—атеистъ!
Я, какъ дьяволъ, ненавижу
Бога, ближнихъ и царя,
Зло имъ дѣлать—силю и вижу
Въ честь Христова алтаря“.
Что съ нимъ долго тарабарить!
Вѣдь натура въ немъ не та:
Лучше просто пріударить
Полячишку въ три кнута.

Вотъ кадетомъ заклейменный,
Меценатъ, Карлгофъ поэтъ,
Въ общемъ мнѣньи зачерненный
И Булгарина клевретъ!
Худъ, мизеренъ, сплюснутъ съ виду,
Сухощавъ душой своей,
Отвратительная гнида
Съ Аполлоновыхъ . . . ей!
Вотъ онъ съ харей фарисейской,
Петръ Иванычъ Осударь, *)
Академіи Россійской
Непремѣнный секретарь.

*) Петръ Ивановичъ Соколовъ, непремѣнный секретарь бывшей Россійской Академіи «Осударь» - это его поговорка.

Ничего не сочиняетъ,
Ничего не издаетъ,
Три оклада получаетъ
И столовыя беретъ.
На дворѣ Академіи
Грядъ капусты накопалъ;
Не пріютъ пѣвцамъ Россіи,
А лабазъ для дегтю склалъ.
Въ Академіяхъ бываютъ
Дураки, бывали встарь;—
Въ нашей двое засѣдаютъ:
Президентъ и секретарь.

Вотъ Шишкова... кто не слышалъ,
Въ женской юпкѣ гренадеръ!
За нее то замужъ вышелъ
Нашъ столичный старовѣръ!
На старушкѣ токъ атласный,
Въ лентахъ, періяхъ и цвѣтахъ,
Въ желтомъ платьѣ, поясъ красный,
И въ пунцовыхъ башмакахъ!
Причтъ поповъ и полкъ гусаровъ,
Князь Кутузовъ, князь Рѣпнинъ,
Битый Корсаковъ, Кайсаровъ,
И Огаркинъ и Свѣчинъ —
Къ ней валитесь хлюстомъ: сердце
Преширокое у ней.
Да и въ старикѣ-младенцѣ
Кладъ - не мужъ попался ей.

42. **Дисциплина въ учебныхъ заведеніяхъ.** Статья учителя Байрамчевской учительской семинаріи Ивана Мачеха. Писана мелкою скорописью на 10 страницахъ въ листъ, съ помѣтою: „25-го апрѣля 1873 года“.

43. **Досуги.** Рукописный журналъ, издаваемый А. В. С. 1845 года. Вышло 8 №№.—№ 1 вышелъ въ январѣ 1845 г., а № 8—5-го августа того же года.

Этотъ чрезвычайно любопытный журналъ издавался неизвѣстно кѣмъ и безъ подписи сотрудниковъ; но въ послѣднемъ № 8 помѣщена „Пѣснь сиротки“,

Дорога въ Монте Карло.

Акварель французскаго художника Мюрмонс.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцова.

подъ которой имѣется подпись — Леденцовъ.

Для болѣе нагляднаго представленія объ этомъ журналѣ, считаю не лишнимъ привести здѣсь его въ дословной перепечаткѣ.

Пѣсня сиротки.

I.

Грустно мнѣ безродному!
Въ бѣломъ свѣтѣ жить!
Страшно между горестей
Жизнь свою влачить!

Всѣмъ, всѣмъ людямъ счастіе улыбается,
Отъ меня же бѣднаго
Словно прячется.

Взглянешь ли на деревцо,
Сердце обомретъ:
Какъ оно зеленое
Роскошно растетъ!

Встрѣтишь ли нечаянно
Пташку межъ кустовъ...
Есть у нихъ, подумаешь,
Есть родимый кровъ.

Лугъ съ цвѣтами милыми
Кипется въ глаза,
Въ сердцѣ грусть появится,
А въ глазахъ—слеза.

Что мнѣ дѣлать бѣдному,
Какъ мнѣ въ свѣтѣ жить,
Гдѣ мнѣ безпріютному
Голову склонить?

Кто мнѣ будетъ матерью,
Кто—роднымъ отцемъ,
Кто меня порадуетъ
Ласковымъ словцомъ?

Рисовалъ съ натуры М. Знаменскій.

Докторъ Ч.— Ваше Вашество прикажите прекратить даровую раздачу водки— люди умираютъ.

— Ничего пусть ихъ... Сегодня праздникъ.

Кто вздохнетъ надъ холмикомъ,
Гдѣ я буду спать?...
Нѣтъ, по мнѣ — сироточкѣ
Некому вздыхать!
Всѣ меня покинули
Съ смертію родныхъ.
Былъ утѣхой братецъ мнѣ,
Но и тотъ утихъ.
Нѣтъ, ужъ видно счастіе
Я найду въ землѣ:
Тамъ спать въ тѣсномъ гробикѣ
Сладко будетъ мнѣ!!

II.

Отрады, нѣтъ въ моихъ созданьяхъ!
Пишу, читаю цѣлый вѣкъ,
И наконецъ при всѣхъ познаньяхъ
Остаюсь тотъ же человѣкъ.

III.

Свѣтъ наполнился друзьями;
Ихъ вездѣ теперь найдешь!
Къ нимъ приди хоть ты съ мѣшками, —
Безъ рубашки же уйдешь.

IV.

„Что здоровъ-ли?“ — другъ сказалъ.
—Карманъ боленъ—отвѣчалъ.
Ты меня спасешь отъ бѣдъ? —
„Спасъ бы, да лѣкарства нѣтъ“.

ООРВИ-ГОЛОВА.

Повѣсть.

I.

Солнце величественно скрывалось за горы, оставляя осиротѣвшую землю и спускаясь ниже и ниже, совсѣмъ исчезало. Лазуревый сводъ небесъ одѣлся розовымъ заревомъ скрывающагося солнца и какими-то сѣроватыми тучками. Лѣсъ покрылся густымъ туманомъ и темнота, воцарившаяся въ немъ, вливала въ сердце невольный трепетъ. Онъ казался дремучимъ и непроходимымъ.

Пастухъ уже пропѣлъ вечернюю свою молитву на тростниковой свирѣли и угналъ свое стадо для покоя. Рѣзвыя птички, обитатели лѣсовъ, покинули свои веселыя пѣсни и удалились въ свои теплыя гнѣзда, или беззаботно уснули на древесныхъ вѣтвяхъ.

Блѣдная луна, тихо выкатясь на небо печально смотрѣлась въ струяхъ рѣки и, изрѣдка, бросая свои тусклые взоры, осеребряла листья деревъ. Сама природа, погрузясь въ глубокій сонъ, сохраняла тишину, изрѣдка прерываемую или пискомъ летучихъ мышей, или полетомъ и крикомъ хищной, ночной птицы или жалобнымъ воемъ голодныхъ волковъ. Въ лѣсу было темно и мрачно. Узкая, извилистая и поросшая травою дорожка, пролегающая черезъ лѣсъ, чуть-чуть освѣщалась блѣднымъ лучемъ мѣсяца и казалась вовсе непроѣзжаемою. Къ тому же голыя деревья, мелькая въ лѣсу, придавали сей картинѣ что-то страшное.

Въ одной утесистой горѣ, находящейся въ семъ лѣсѣ, были сдѣланы самою природою пещеры, извѣстныя обитаніемъ людей, занимающихся постыднымъ ремесломъ.

Въ одной изъ сихъ пещеръ находилось человѣкъ до двадцати пяти. Одни изъ нихъ, закутавшись въ плащи и развалясь на голой землѣ, спали крѣпкимъ сномъ, другіе, сидя у разведеннаго огня, спокойно курили трубки и слушали разсказъ одного изъ своихъ товарищей.

Лица у всѣхъ были грубыя, загорѣлыя,— физіономія звѣрская,—выражающая постоянное безпокойствіе, суровость, хитрость и какой-то безпечный разгулъ жизни. Разбитыя бутылки, стаканы, оружіе и другія вещи лежали въ безпорядкѣ на землѣ.

— Я вскочилъ на крыльцо, — продолжалъ разсказчикъ, — а дверь-то заперта! Нечего дѣлать! пришлось уйти! Вѣдь не ломиться же стать!

„Трусъ!“ — проворчалъ одинъ изъ слушавшихъ, съ какою-то адскою злостью и презрѣніемъ.

— Врешь ты сатана! хочешь ли я тебѣ докажу, что Дреблопе не трусъ.— вскричалъ обиженный разсказчикъ дрожащимъ голосомъ, вставая съ своего мѣста и хватаясь за рукоятку кинжала.

— Докажи!—спокойно отвѣчалъ тотъ, пустивши изо рта кольцо дыма.

Разсказчикъ, изумленный его перемѣною, не зналъ что дѣлать и стоялъ подобно истукану, вперивъ свои глаза на него.

— Ну расказывай дальше, Дребло,— продолжалъ Рыжакъ, подошедъ къ нему и усаживая его на мѣсто. Дребло сѣлъ и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Я вижу, что мнѣ здѣсь дѣлать нечего; соскочилъ съ крыльца и въ окно, выбилъ раму, и что-жь тамъ увидѣлъ?.. Она стоитъ на колѣняхъ да и молится! Вѣрно она голубушка, предчувствовала... Я сжалился на нее... Нечего таить грѣхи. Признаюсь вамъ, что я чего то испугался, даже морозъ подралъ по кожѣ, а какъ вспомнилъ про атамана, такъ и страхъ куда дѣвался... подско-

чилъ въ ней да и по горлышку!.. И не пискнула даже!

— Вотъ такъ-то! закричали трое слушавшихъ. — Ну, что Рыжакъ, трусъ ли Дребло?

— Что-жь, я правду говорилъ, — отвѣчалъ Рыжакъ. — Вѣдь самъ Дребло сказалъ, что онъ струсилъ, когда увидалъ ее.

— А послѣ-то не струсилъ, — возразилъ одинъ.

— Про то я не говорю. А вотъ послушайте-ка меня.

— Ну хорошо, послушаемъ.

Дребло уступилъ свое мѣсто, а самъ сѣлъ на его.

— Когда я былъ еще новобранцемъ, — началъ Рыжакъ, — то случилось, что атаманъ послалъ меня для испытанія зарѣзать какого-то господина Таро. Мнѣ хоть этого и не хотѣлось, да что-жь дѣлать... чужая воля!.. Пришлось, хоть и не хочется, а иди. Вотъ я, развѣдавъ хорошенько, гдѣ живетъ этотъ Таро, пришелъ къ нему вродѣ купца. Надобно вамъ сказать, что на этотъ разъ у него было гостей дюжины съ двѣ! Не смотря на это, я началъ съ нимъ говорить о вещахъ, о которыхъ не имѣю и понятія. Онъ меня сбилъ съ толку, и я, совсѣмъ растерявшись, хотѣлъ поправить свою ошибку и даже пытался нѣсколько разъ перемѣнить разговоръ; но все было напрасно. Этотъ дьяволъ словно угадывалъ мои намѣренія и, пользуясь моимъ смущеніемъ, началъ крупно погонаривать; я тоже... Дѣло дошло до того, что онъ велѣлъ меня схватить. Тутъ — то кровь заговорила.. Не вытерпѣлъ я этого... Что! меня схватить! Ахъ онъ мерзавецъ!.. Меня взять, да еще тогда, когда я свободенъ, когда я могу показать себя... Такъ и стало!... И я имъ показалъ!"..

— Что жь ты имъ показалъ? — спросилъ его одинъ изъ слушавшихъ, радостно оскаля зубы.

Во первыхъ я разозлился, какъ левъ. — отвѣчалъ Рыжакъ съ жаромъ; — во вторыхъ, я въ пылу моего гнѣва схватилъ его одной рукой за горло, а другой, вытащивъ изъ-подъ кафтана кинжалъ, приставилъ его къ его груди. „Знай, закричалъ я, что я разбойникъ, прозванный Рыжакъ... Меня атаманъ послалъ тебя зарѣзать и я"... Тутъ подбѣжалъ ко мнѣ одинъ изъ молодчиковъ, вѣрно, думая меня удержать...

Разбойникъ прервалъ свой разсказъ дикимъ смѣхомъ, отголоски котораго страшно раздавались во внутренностяхъ другихъ пещеръ. Когда онъ немного успокоился, то дальше продолжалъ свой разсказъ.

— Я махнулъ, — и его какъ не бывало! При такой короткой расправѣ никто болѣе не захотѣлъ меня тревожить. И я, успѣшно кончивъ свой долгъ, т. е., зарѣзавъ господина Таро и толкнувъ того, другого, преспокойно вышелъ... Вотъ иду... и какой то чертъ кричитъ сзади: держите его! зарѣзалъ дескать. Мнѣ, вмѣсто того, чтобъ дать тягу, захотѣлось и этого негодяя отправить къ черту. Я не успѣлъ еще обернуться, какъ былъ уже облапанъ тремя дюжими полицейскими: одного я успѣлъ попросить на тотъ свѣтъ, а ужъ другіе-то порядкомъ меня скрутили, да и повели въ часть. Оттуда въ тюрьму. Не прошло еще дня, какъ я...

Вдругъ въ лѣсу раздался громкій свистъ... за нимъ другой... третій...

Всѣ вскочили, схватили оружіе и принялись будить спящихъ товарищей.

Не прошло и трехъ минутъ, какъ уже они были въ лѣсу.

II.

По упомянутой дорогѣ ѣхала коляска, въ сопровожденіи нѣсколькихъ верховыхъ. Лошади, переступая шагъ за шагомъ, лѣниво подавались впередъ. Кучеръ, понукая лошадей, ворчалъ себѣ подъ носъ что-то, походившее на неудовольствіе. Въ коляскѣ сидѣли двѣ женщины. По темнотѣ ночи ихъ нельзя было хорошенько разсмотрѣть. Онѣ, такъ же, какъ и всадники, окружающіе ихъ коляску, не были праздны.

— Я вамъ совѣтывала, барышня, не ѣхать,—говорила одна изъ нихъ. По голосу ея можно было заключить, что она старуха.—Видите, какая ночь.. Ни зги не видно! Чтобы вамъ отложить денька на два.

— Да какъ же, няня... Мнѣ хочется увидать папеньку и маменьку,—сказала другая тихимъ и пріятнымъ голосомъ.

— Помилуйте сударыня, Вѣра Павловна! Вѣдь это большая разница: на два дня отложить, или на всю жизнь!

На всю жизнь!—вскричала Вѣра Павловна съ ужасомъ.—Нѣтъ, няня, не пугай меня такимъ образомъ. Ты знаешь, что меня провожаютъ такіе люди, на которыхъ можно положиться.

— Однако жь...—начала няня, но громкій хохотъ, раздавшійся за коляской, прервалъ ея слова.

— Остановите, ради Бога, вашихъ лошадей!—кричалъ кто-то умоляющимъ голосомъ.

— „Вставай, вставай!“ — раздались грубые голоса, и лѣсъ снова оглушился громкимъ смѣхомъ.

— „Никакъ на насъ напали разбойники?..—спросила въ испугѣ Вѣра Павловна у своей няни.

— И полно, матушка! Какіе тутъ разбойники!.. Развѣ вы не слышете голосъ Сергѣя Ивановича?

— Да что жь онъ такъ жалобно кричитъ?

— Вѣрно товарищи съ нимъ пошутили и онъ...

— „Да гдѣ жь моя лошадь?“—снова послышался прежній голосъ и громкій смѣхъ, разразившійся по лѣсу, сильно подѣйствовалъ на Вѣру Павловну. Она поблѣднѣла, затряслась, какъ травка, колеблемая сильнымъ вѣтромъ.

— „Разбойники!“—продолжалъ тотъ же печальный голосъ.—„Что вы со мной хотите дѣлать?!.. Пощадите меня!.. Неужели у васъ нѣтъ никакой жалости?..“

Вѣра Павловна, не сомнѣваясь болѣе, что на нихъ напали разбойники, безъ чувствъ упала въ объятія своей няни.

Очувствовавшись отъ обморока, она увидѣла, что вокругъ ея всѣ суетились и старались ей помочь.

Ее увѣрили, что все благополучно и что голосъ, слышанный ею, былъ точно Сергѣя Ивановича, а смѣхъ—его товарищей.

Чрезъ нѣсколько минутъ разговоръ снова водворился между провожатыми, но уже не столь громкій, какъ прежній.

Одинъ теноръ, вѣроятно желая оживить разговоръ, громко спросилъ у кого-то: „Михаилъ Андреевичъ, случалось ли вамъ когда нибудь ѣхать подобной дорогой?“

— „Случалось“,—отвѣчалъ тотъ, къ которому относился вопросъ.

— „Не было ли съ вами,—продолжалъ теноръ, во время дороги какого нибудь происшествія?“

— Было, и довольно смѣшное и вмѣстѣ съ тѣмъ странное, которое...

— „Сдѣлайте милость, разскажите его намъ“,—сказали вмѣстѣ нѣсколько голосовъ, въ числѣ коихъ былъ и знакомый намъ теноръ.

— „Хорошо“.—Михаилъ Андреевичъ погрузился въ задумчивость, потомъ, какъ

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

49. Дѣвушка въ кисейномъ платьѣ. Акварельный рисунокъ работы художника Красильникова, въ четвертку.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

50. Дѣвушка. Рисунокъ перомъ А. фонъ-Баумгартенъ, въ четвертку.

Этотъ рисунокъ купленъ мною въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

51. Дѣвушка съ собачкою на рукахъ, исполненная акварелью художникомъ Красильниковымъ въ 1869 г., въ четвертку.

Купленъ мною рисунокъ за три рубля въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

52. Дѣло о государственномъ преступникѣ Дмитріѣ Каракозовѣ, покусившагося на священную жизнь Государя Императора Александра Втораго.— Подробное донесеніе о его происхожденіи и времени ученія и службы. — Писанное скорописью на восьми страницахъ въ листѣ, въ концѣ означено: „15-го апрѣля 1866 года".

53. Евреи въ деревнѣ. Рукопись XIX вѣка, - на десяти листахъ (in fol.), писанная скорописью. Безъ означенія года и подписи автора.

Рукопись пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ Трусова, въ Спб.

54. Еврейскій вопросъ въ древнемъ Римѣ. Рѣчь проф. Г. Э. Зенгера (Варшавск. университетъ). Рукопись на двѣнадцати страницахъ, въ 4 долю листа.

Въ концѣ подпись автора. Переводъ М. Маслова. Харьковъ. Февраль 1890 г.

55. Ермакъ.—Произведеніе неизвѣстнаго автора, писанное мелкою скорописью на двухъ листахъ, безъ означенія года.

Привожу здѣсь полную перепечатку подлинника.

ЕРМАКЪ.

Путникъ.

Младой остякъ!—ненастье въ полѣ!
Остановы твой быстрый бѣгъ!
Моей стези не видно болѣ,
Ее занесъ пушистый снѣгъ!

Остякъ.

Стою, о, путникъ!—хладной дланью
Тебя привѣтствуетъ остякъ!
И ты, быть можетъ, въ слѣдъ за ланью
Гонялся въ ледяныхъ степяхъ?
Я самъ, съ пернатою стрѣлою,
Опередилъ встающій день;
Мы позднею сошлись порою
Насъ ночи настигаетъ тѣнь!

Путникъ.

Я весь продрогъ,— мои рѣсницы
Одною льдиной обросли.
Меня не грѣетъ мѣхъ куницы.
Остякъ! куда мы забрели?

Остякъ.

Куда?—Иртыша ты не знаешь?
На чьихъ же, путникъ, мы брегахъ,
По ширинѣ его узнаешь,
Хотя засыпанъ онъ въ снѣгахъ!
Когда бы лѣто—гласомъ бурнымъ
Иртышъ проговорилъ бы самъ!
Разъ бросивъ взоръ къ валамъ лазурнымъ,
Ужъ не забудешь; всѣмъ рѣкамъ,
И даже вою Енисея,
На левлѣ часто я внималъ:
Но выразительнѣй, сильнѣе
Иртыша—нѣтъ, я не слыхалъ!
Смотри, ужъ вьюга перестала;

вспомнишь, морозъ по кожѣ подираетъ!.. Вдругъ противъ насъ бѣгутъ разбойники... О, ужасъ!.. Что намъ дѣлать? Лошади стали, ямщикъ дрожитъ, какъ осиновый листъ; Андрей — тоже; только я одинъ бодрствую... я, не теряя времени, хватаю ружье... бацъ!.. и первый, который сидѣлъ на лошади, вмигъ очутился подъ нею. Дымъ разсѣялся, и смѣшная картина представилась глазамъ нашимъ. Эти негодяи бѣгли отъ стаи голодныхъ волковъ, яростно отражая своими кистинями, но по тѣснотѣ мѣста они били не волковъ, но своихъ же товарищей, притомъ же съ одной стороны волки, съ другой ружье и пистолеты угрожали имъ порядочно.

Андрей и ямщикъ, которые до того тряслись, словно въ лихорадкѣ, весело оскалили свои зубы и стали хохотать отъ души. Особливо ямщикъ,—онъ даже стегнулъ одного разбойника кнутомъ и, выхлестнувъ глазъ, подвергнулъ его несчастію быть растерзаннымъ волками. На здоровье имъ! Наконецъ злодѣи, видя великое опустошеніе со стороны волковъ, которые вѣроятно день, два или три постились, кинулись на насъ, но мы встрѣтили ихъ порядкомъ: я изъ ружья, потомъ саблей; ямщикъ кнутомъ,—но за то самъ получилъ рану; Андрей изъ пистолетовъ. Послѣдній изъ злодѣевъ, котораго волки хватали уже за ноги, выстрѣлилъ и.. Андрей лежалъ у ногъ моихъ.

Послѣ сего бѣдствія слѣдовало новое: ожесточенные волки кидались уже не на лошадей, а прямо въ кибитку, гдѣ были встрѣчаемы сабельными ударами и мѣткими выстрѣлами. Лошади рванулись и понеслись. Ямщикъ едва держалъ возжи. И вотъ я живъ, здоровъ и даже не раненъ, получаю двѣ тысячи отъ того, что держалъ со мною пари".

— Браво! Браво!—вскричали проводжатые.—Вотъ такъ молодецъ! Нечего сказать!

— „А ты что? — сказалъ теноръ слугѣ,— что ты намъ разскажешь? Вотъ, господа,—прибавилъ онъ, обращаясь къ товарищамъ,—Мартынъ хочетъ намъ разсказать что-то".

— Хорошо, хорошо!

— „Ну, что жь ты молчишь?— вскричалъ теноръ,—говори жь!"

— Сейчасъ, Петръ Мартыновичъ,— отвѣчалъ Мартынъ. Только я не больно-то хорошо умѣю сказывать.

— „Ничего, какъ умѣешь, такъ и говори!".

— Извольте-съ. — Мартынъ кашлянулъ и послѣ нѣсколькихъ отговорокъ началъ.—Когда я былъ батракомъ у батьки, что въ селѣ Фряковѣ, то случилось, что этотъ батька послалъ меня въ городъ Муромъ (какъ вы сами батюшка, Михаилъ Андреевичъ, изволили сказывать). Вотъ я по обычаю христіанскому помолился Богу, поставилъ иконѣ Богоматери свѣчку, взялъ котомку, да и пошелъ въ путь дороженьку. Вотъ, видитель, иду, да все иду, да иду; вотъ и пришелъ въ этотъ проклятый лѣсъ. Глядь—дорога и не вдалече отъ нея подъ кусточкомъ лежитъ куцый волкъ. Вы вѣрно знаете, какихъ волковъ мы называемъ куцыми, т. е. какъ бы вамъ сказать-то: это волкъ безъ хвоста, потому что у него можетъ люди отрубили хвостъ, а можетъ и братья его же обгрызли. Только я, знаете, такъ на него укнулъ, что онъ и свѣта бѣлаго не взвидѣлъ, да и подралъ. Я за нимъ; авось дескать поймаю. Вотъ бѣгу и прибѣгаю къ одной полянѣ, глядь, а тамъ и лежатъ эти разбойники (чтобъ имъ всѣмъ передохнуть окаяннымъ!) Ужь они меня тармошили, тармошили, всѣ заплатки отпороли: дескать нѣтъ-ли здѣсь зашитыхъ денегъ. Ты, дескать, въ дорогу идешь, такъ не мудрено, говорятъ, что

со страху-то денежки и вашилъ куда нибудь подальше. Вотъ они шарили, шарили, чтобъ найти деньжонокъ, а какъ у меня ихъ не случилось, то они меня и въ вашей. Да еще какъ: до крови приколотили, проклятые. Вотъ я ушелъ отъ нихъ; прихожу къ ручью,— себя не узнаю: я да не я; носъ весь въ крови, харя— тоже. Вотъ черпнулъ я воды въ пригоршню, да и промылся. Потомъ и пошелъ дальше, Богъ знаетъ куда. Вдругъ слышу свистъ, топотъ, гамъ, крикъ. Я струхнулъ, инда мурашки пошли по закожью. Вдругъ какъ это снова разбойники, подумалъ я. Э! да чортъ съ ними! авось отпустятъ опять, какъ и эти. Вотъ я и прикорнулъ за кустъ, чтобъ узнать, кто дескать это та...

Вдругъ у самой коляски раздался пронзительный свистъ. Всѣ вздрогнули. Вѣра Павловна вскрикнула и прижалась къ своей няни. Лошади помчались. Свистъ повторился еще, только тише прежняго, потомъ и въ третій разъ,—и еще тише. Лошади, мчавшія коляску, съ шумомъ ринулись на землю и переворотили экипажъ на бокъ. Вскорѣ подоспѣли провожатые, подняли коляску и стали приводить въ чувство женщинъ.

Когда все было приведено въ порядокъ и когда экипажъ двинулся впередъ, то вдругъ изъ-за куста выскочилъ человѣкъ исполинскаго роста и, загородя дорогу, громко закричалъ онъ: „Стой!“

Нѣсколько пуль прожужжало мимо ушей его. Это казалось раздражило великана. Онъ выхватилъ изъ-за пояса топоръ и яростно бросился на праваго всадника, тотъ увернулся, и увлеченный силою стремленія исполинъ, съ силою грохнулся на землю. Его неудача ободрила проѣзжающихъ, они сдѣлали еще нѣсколько выстрѣловъ, но великанъ уже былъ въ кустахъ и на его призывный свистъ высыпала толпа бродягъ на дорогу. Завязалась драка. Разбойники восторжествовали. И по кончинѣ битвы, за которую многіе изъ нихъ заплатили жизнью, они стали накладывать на добычу оковы. Уже всѣ путники были въ оковахъ, кромѣ одного, котораго двое разбойниковъ держали за руки и съ злобною усмѣшкою смотрѣли на сію жертву. Исполинъ, остановившій проѣзжихъ, стоялъ посреди толпы и веселился побѣдою, не смотря на то, что человѣкъ 15 его товарищей лишились жизни. Онъ велѣлъ и на остального наложить цѣпи, и лишь только одинъ изъ злодѣевъ принялся исполнять приказаніе своего повелителя, какъ ловкій ударъ путника повергъ его на землю. Бродяги съ лютостью бросились на смѣльчака; но тотъ былъ уже на своемъ вороном конѣ и далеко скакалъ за нимъ. Исполинъ повелѣваетъ схватить его, и семеро бродягъ вскакиваютъ на лошадей и отправляются въ погоню. Между тѣмъ прочіе, со всѣмъ караваномъ, скрываются въ густотѣ лѣса.

(*Продолженіе послѣдуетъ*).

44. **Древній періодъ русской исторіи** въ кіевскомъ синопсисѣ (до смерти Олега).—Рукопись XIX вѣка, въ четвертку, на 60 листахъ.

Рукопись куплена мною въ Спб. въ книжномъ магазинѣ Трусова.

45. **Друзьямъ.** — Рукописное стихотвореніе неизвѣстнаго автора, писанное мелкою скорописью на двухъ страницахъ въ четвертку, безъ означенія года.

Содержаніе стихотворенія слѣдующее.

ДРУЗЬЯМЪ.

I.

Не дивитеся друзья,
Что не разъ
Между васъ

Остякъ.

Мнѣ страхъ напомнилъ имя!
Бѣги! бѣги!

Путникъ.

Тебя-ль, герой,—
Иртышъ залилъ неумолимый?
И погребальною волной
Великая покрылась сила.
Утѣшься, грозный богатырь!
Пускай Иртышъ твоя могила!
Надгробный памятникъ—Сибирь!

А. М.

56. **„Ерунда“** рукописный журналъ, издаваемый П. Б. 1872 г. Вышелъ № 1 въ мартѣ съ портретомъ на заглавномъ листѣ „Макъ-Магонъ“.

Въ началѣ перваго № помѣщено краткое вступленіе, гдѣ говорится, что—„съ 20-го марта 1872 г. будетъ выходить художественно-карикатурный листокъ „Ерунда“, заключающій въ себѣ картины юмористическаго содержанія и аллегорическіе портреты замѣчательныхъ дѣятелей“.

Въ „Ерундѣ“ будетъ заключаться по 2 или 3 картинки, форматъ въ 8 д. л.

„Ерунда“ выходитъ отдѣльными №№. Подписная цѣна 5 коп. въ мѣсяцъ, а каждый №—5 коп.

57. **Жизнь и приключенія кавалера Фоблаза.** Романъ въ 14 частяхъ. Переводъ съ французскаго Писано мелкою скорописью. Въ листъ, 560 страницъ (безъ подписи переводчика).

Рукопись эта пріобрѣтена мною по смерти извѣстнаго издателя г. Шигина, которымъ, по всей вѣроятности, приготовлена была для изданія. Переводъ довольно хорошій.

ТУМАНЪ.

Серія художника Кошаровскаго.

58. **Жена скомороха.** Былъ XVII вѣка. Стихотвореніе Леонида Трефолева. Корректурный экземпляръ, съ помѣтками цензора: 1-го іюля 1887 года. На одномъ листѣ синей бумаги.

59. **Женщина въ платкѣ.** Акварель художника Цербаха. Въ продолговатый листъ.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Трусова.

60. **Женщина съ ребенкомъ.** Акварель художника Е. В., исполненная въ 1865 г., въ 4 д. л.—Рисунокъ превосходной работы.

ГОЛОВКА.

Этюдъ художника А. Боровскаго.

Купленъ мною въ книжномъ магазинѣ Иванова.

61. **Женская головка**, нарисованная карандашемъ около 1852 г. извѣстнымъ нашимъ граверомъ Пожалостинымъ.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Иванова (Невскій просп., д. вел. кн. Сергія Александровича).

62. **Забавный рукописный сборникъ**, писанный мелкой скорописью начала XIX вѣка. — Въ 4 д. л., 160 стр.

Находясь въ магазинѣ одного изъ Спб. книготорговцевъ, случайно купилъ рукописную книжку въ малую четвертку, переплетенную въ старинный, современный переплетъ, съ золотымъ обрѣзомъ, писанную четкимъ почеркомъ начала XIX вѣка.

Къ сожалѣнію, въ сборникѣ нигдѣ не значится имени автора.

Для болѣе нагляднаго представленія объ этомъ очень рѣдкомъ сборникѣ, считаю не лишнимъ привести здѣсь полную и дословную перепечатку съ подлинника, съ сохраненіемъ орѳографіи послѣдняго.

Изъясненія въ любви:

Приказнаго.

О ты! всѣхъ прелестей Палата,
Ты Президентъ души моей.
Твой взоръ, указъ мнѣ изъ Сената
Понѣже въ волѣ я твоей.
Твоей прельщенъ я красотою,
Спѣшу въ секвестръ себя отдать.
Меня ты можешь за собою
Безъ справокъ пошлинъ отказать.
Въ Архивѣ-ль я когда бываю,
Иль въ канцеляріи сижу,
Повсюду образъ твой встрѣчаю:
Въ повытьѣ-ль межъ бумагъ ищу,
Клянусь по чести предъ зерцаломъ,
Что предъ тобою сущій вздоръ
И самъ Сенаторъ въ платьѣ аломъ,
Въ кафтанѣ шитомъ Прокуроръ.
На вѣкъ твоей я преданъ власти,
Въ журналъ любви меня впиши,
Прочти экстрактъ нѣжнѣйшей страсти
И вышись пламенной любви.
Взгляни хоть разъ одинъ умильно,
Въ Контору сердца моего,
Оно трепещетъ, бьется сильно,
И ждетъ отвѣта твоего.
Твои мнѣ разговоры сладки,
Я подъ присягой говорю,
Они пріятнѣе чѣмъ взятки
Бездушному Секретарю.
Прими-жъ любви моей прошенье:
Я предъ тобою бью челомъ;
Скрѣпи о мнѣ опредѣленье
Своей улыбкой, какъ перомъ,
И такъ, какъ бы процессъ безгласный
Судьбу мою возобнови,
Я буду истецъ самый страстный
Въ вышеписанной любви.
Коль мѣсто то, которымъ льщуся,

Въ твоемъ я сердцѣ получу,
Сидѣть въ совѣтѣ откажуся,
Министромъ быть не захочу.
Но коль себя, всѣхъ золъ въ добавокъ
Въ твоей Герольдьи буду зрѣть,
Мнѣ лучше безъ суда и справокъ
На лобномъ мѣстѣ умереть.

Пѣхотнаго офицера.

Какъ залпъ ужасный средь сраженья
Разитъ стоящихъ предъ собою,
Такъ точно, бывъ безъ защищенья,
Сраженъ твоей я красотою.

* * *

Безъ сердца сталъ я, какъ безъ шпаги,
Я подъ арестъ тобою взятъ;
И нѣтъ теперь во мнѣ отваги
Чтобъ штурмомъ взять его назадъ.

* * *

Твой взоръ, какъ пуля изъ винтовки,
Пронзилъ мнѣ сердце, какъ мишонь;
Съ тѣхъ поръ иду безъ остановки
Къ тебѣ маршъ-маршемъ цѣлый день.

* * *

Привиловъ никакихъ не знаю,
Хочу тебя аттаковать:
Но только гдѣ лишь повстрѣчаю,
То вдругъ начну салютовать.

* * *

Пробьетъ походъ въ груди сердечко,
Спѣшу всю честь тебѣ отдать
И жду командное словечко
Ученье предъ тобой начать.

* * *

Point de vue ты непремѣнный
Тебя вездѣ мой ищетъ взглядъ.
И ты въ душѣ моей плѣненной
Ввела любовный вахтпарадъ.

* * *

Наряду ждалъ, но не дождался,
Со вздохомъ въ очередь взглянулъ;
Приказу нѣтъ, чтобъ я являлся,
Къ тебѣ въ безсмѣнный караулъ.

* * *

Когда-жъ я чести сей не стою,
Позволь Ефрейторомъ мнѣ быть,
Чтобъ, притопнувши ногою,
Любви рапортъ тобѣ вручить.

* * *

Повѣрь, ни мило ни обидно
Мнѣ сидѣть предъ тобою фрунтъ:
Какъ счастье мнѣ того завидно,
Кто визитеръ твой будетъ Рундъ.

* * *

На что ему успѣхи въ свѣтѣ,
На что ружье и барабанъ;
Онъ счастливъ въ маленькомъ предметѣ,
Какъ-бы предъ ротой Капитанъ.

* * *

Съ тобой всегда онъ въ ногу ходитъ,
Равняется вездѣ съ тобой,
Маневры разные заводитъ,
Вы веселитесь межъ собой.

* * *

А я, какъ часовой въ ненастье,
Тобой заставленъ вѣкъ скучать,
Во фрунтѣ видѣть лишь несчастье,
А съ флангомъ горести встрѣчать.

* * *

Огнемъ батальнымъ я вздыхаю,
Тревога сердце рушитъ сонъ.
Я все на свѣтѣ презираю:
Противенъ даже экспантонъ.

* * *

Прости рапортъ мнѣ этотъ смѣлый:
Въ любви я ордеръ получилъ;
Коль ты гнѣвна, какъ свѣтъ мнѣ бѣлый
Какъ фухтель флейтщику не милъ.

* * *

Въ любви отставка безъ мундира
И выключка меня страшитъ:
Въ тебѣ теряю командира:
Такъ горя скроюсь въ инвалидъ.

* * *

И такъ дни проводя счастливо,
Любви снабжакъ потчуся снесть.
Стой! Стой! не вѣрь! донесъ фальшиво, —
Мнѣ, видно, съ нимъ и умереть.

Отвѣтъ.

Не купидоновой стрѣлою
Меня хотѣлъ ты поразить,

По Геркулесовой рукою
Кинжалъ насильно въ грудь вонзить.

* * *

Но ахъ! опомнился влюбленный,
Хромой въ любви кузнецъ Вулканъ;
Сколь намъ противенъ крикъ военный
И сколь несносенъ барабанъ.

* * *

Марсъ храбрый воинъ не повсюдно
Въ храмъ Афродиты приходилъ,
Но нѣжно, тихо благородно
Атаковалъ и побѣдилъ.

* *

И такъ, зачѣмъ же ты рѣшился
Мнѣ пѣсню порохомъ писать,
Во всѣ доспѣхи снарядился
И сердце хочешь фрунтомъ взять?

* *

На Point de vue меня-жъ поставилъ,
Давъ должность истукана той,
Которую ты только славилъ,
Которою плѣненъ красой.

* * *

Въ безсмѣнный караулъ желаешь
И хочешь аргусомъ мнѣ быть,
Юноной явно называешь,
Но такъ-ли должно дамъ любить?

* *

Любовь есть чувство благородства,
А не бугальный жаръ и громъ,
Въ ней ни малѣйшаго нѣтъ сходства
Съ мгновеннымъ пороха огнемъ.

* *

Кто любитъ нѣжно и учтиво,
Не по-солдатски съ дубу рветъ,
Тотъ,—увѣряю васъ нелживо,
Скорѣй успѣхъ въ любви найдетъ.

* *

Но и подумайте вы сами:
Пристойно-ли Амуру быть
Подъ каской, съ черными усами
И алебардъ въ рукахъ носить?

* *

Зайти межъ нимфъ и толстымъ басомъ
Кричать имъ: «Нимфы! маршъ впередъ!»
Я признаюсь, что этимъ часомъ
На чорта-бъ походилъ Эротъ.

* * *

Онъ подлинно-бы безъ мундира
Въ любви отставку получилъ.
Сердцамъ нѣтъ въ свѣтѣ командира
Кромѣ того, кто тихъ и милъ.

* *

Намъ все равно: вертится-ль скоро
Иль медлитъ твой калбукъ:
Любовь тамъ повторяетъ форо,
Гдѣ слышенъ стонъ, не ружей звукъ.

* *

Рубить, колоть, сражаться смѣло,
Всѣхъ перерѣзать наконецъ,
Совсѣмъ есть постороннее дѣло
Для влюбленныхъ сердецъ.

* *

Имъ знать не нужно гдѣ атака,
И гдѣ всѣ плаваютъ въ крови;
У дамъ одна лишь только драка:
Убить соперника въ любви.

* *

И такъ, зачѣмъ-же ты рѣшился
Меня атаковать штыкомъ?
Ты вѣрно, какъ солдатъ забылся,
Что штыкъ Амуру не знакомъ?

Пѣхотнаго Артиллериста.

О ты! которая имѣщаешь
Въ себѣ красотъ всѣхъ оригиналъ,
Любить ты страстно заставляешь
Тебя лишь только кто узналъ.

*

Ты бѣлоснѣжною рукою
Фитиль любви во мнѣ зажгла,
Плѣнивъ меня своей красою,
Блаженство чувствовать дала.

Любить тебя, вотъ вся отрада,
Что я имѣю въ жизни сей.
Съ тобой не страшна канонада
Огонь картечный съ батарей.

*

Рисунокъ П. Заворуйскаго.

По экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

Вездѣ я о тебѣ мечтая,
На батареѣ-ли стою,
Ядромъ-ли пушку заряжая,
Иль холостымъ изъ ней палю.

* * *

Въ мишень стрѣляю-ль на ученьи,
Въ лабораторіи-ль сижу,
Мнѣ безъ тебя одно мученье:
Тобой одной только дышу.

* * *

Но коли можетъ то случиться,
Что ты начнешь мнѣ измѣнять,
Тогда не въ силахъ примѣниться,
Не въ силахъ буду я стрѣлять.

Коннаго Артиллериста.

Извѣстенъ мнѣ составъ любовный
И въ немъ уже испытанъ я;
Лишь будь приводъ мнѣ гладкой, ровной,
Въ минуту запалю тебя.

* * *

Съ тобою мы однѣхъ конструкціи
И служимъ лишь одной любви,
Охотники до эволюцій
Реве у насъ всегда въ крови.

* * *

Скажи, когда тебѣ угодно,
Чтобъ сердце я отвелъ въ парадъ:
Теперь на практикѣ открою:
Съ тобой и отличиться радъ.

Сейчасъ-же вытяну, построю
Мой фронтъ въ присутствіи твоемъ;
Искусство покажу, открою
Каковъ артиллеристъ верхомъ.

* * *

Почтеніе, любовь и нѣжность
Сперва во фронтѣ изъявлю,
Потомъ возьмусь за принадлежность
И къ батареѣ приступлю.

* * *

Какъ разъ я все мое движенье
Представлю, милая, тебѣ;
Любить и наступать умѣнье
Замѣтишь тотчасъ дамъ въ себѣ.

Смотри, какъ скоро, какъ проворно
Возьмусь впередъ на передки,
Какъ сердце предъ тобой покорно
Надѣнетъ хоботъ мастерски.

* * *

На мѣсто Унтеръ-Офицера
Употребляя свой куражъ,
Усерденъ буду безъ примѣра,
Тотчасъ скомандую: маршъ-маршъ!

* * *

Помчусь такъ быстро, какъ ракета,
Дамъ обѣ шпоры солоной,
Достигну моего предмета
И вдругъ:—стой! съ передковъ долой!..

* * *

Тебѣ, любезная, въ отраду
И въ честь твоимъ я красотамъ
Открою мигомъ канонаду,
Три залпа хватскихъ сряду дамъ.

* * *

Посыплются картечи градомъ,
Любовный щитъ твой я пробью,
И вдругъ торжественнымъ парадомъ
Всю страсть передъ тобой пролью.

* * *

Симъ кончится мое ученье
И спѣшивъ ужъ потомъ себя,
Отдамъ приказъ я въ заключенье
Во вѣкъ не забывать тебя.

Гусара.

Давно уже меня ты въ лошадь обратила,
Мундштукъ и трензель мнѣ на сердце наложила.
Коновязь милая! къ тебѣ привязанъ я,
И все мнѣ кажется навозомъ безъ тебя.

* * *

Манежъ, конюшня, строй и самый вахтпарадъ,
Не могутъ поселить въ душѣ моей отрадъ.
Какъ ординарецъ, ты вездѣ передо мной;
Смотря на лошадей, я вижу образъ твой.

* * *

Ужасное седло на сердцѣ я имѣю,
Какъ конь бракованный, я скоро околѣю.
Одна ты вылечишь души моей запалъ;
Ты лучшій для меня на свѣтѣ коновалъ.

* * *

Подруга жизни ты, попона утѣшенья,
Мишень намѣренія, кобура наслажденья,
Подсумокъ нѣжности и вьюкъ ты всѣхъ красотъ,
Шефъ прелестей!.. къ тебѣ желанье въ бродъ идетъ.

* * *

Надежду сладкую и вздоховъ эскадроны
Въ конвоѣ у тебя, ты ихъ чрезъ понтоны
Въ любовный вагенбургъ позволь препроводить
И въ сердцѣ мнѣ твоемъ свой лагерь учредить.

* * *

Ремонтный, словно, конь бѣсился я и рвался,
Какъ на арканъ, дражайшая, къ тебѣ попался,
По сердцу моему сколько не брыкать,
Аркана этого во вѣкъ не перервать.

* * *

Одинъ хоть раціонъ мнѣ дай своей ты дружбы.
Уставомъ поклянусь кавалерійской службы,
Что я готовъ пребыть на вѣкъ твой патронташъ.
Взаимная любовь пусть будетъ лозунгъ нашъ.

* * *

Пусть Гименъ и Амуръ предъ нами въ фронтѣ станутъ,
Ремнемъ супружества сердца на вѣки стянутъ,
Тогда мы станемъ вмѣстѣ жить,
Ракію добрую изъ фляги будемъ пить.

* * *

Не станешь наблюдать ты строгой дисциплины:
Гусары у меня не стонутъ отъ дубины,
И конь верховый мой побоевъ не видалъ,
Я самъ его всегда скребницею чесалъ.

* * *

Такъ добродушенъ я, но коль тебя, драгую
За неисправности подъ-часъ и арестую,

Но гнѣвайся на то, порядокъ такъ велитъ,
Тамъ ссора, гдѣ любовь,—пословица гласитъ.

* * *

Ты знаешь, что мундиръ намъ положенъ по штату,
Другого надѣвать никакъ нельзя солдату,
Хотя бы ты рога хотѣла озлатить,
Но мнѣ подъ киверомъ не можно ихъ носить.

* * *

Вотъ, Ангелъ, что тебѣ любовникъ рапортуетъ.
Какъ время для него не скоро маршируетъ;
Ахъ скоро-ли, скажи, получитъ орденъ онъ,
Чтобъ въ замкѣ прелестей составить гарнизонъ.

* * *

Но если моего рапорта не уважишь,
Терпитамъ-басамъ ты всю кровь мнѣ взбудоражишь,
Ракію хлопну я въ главу пистолетъ!
Прощай, души моей, дражайшій этикетъ!

Врача.

О ты! мой яхонтъ драгоцѣнный,
О ты! магнитъ всѣхъ чувствъ моихъ,
Прости, что врачъ тобой плѣненный
Держитъ пасть у ногъ твоихъ.

* * *

Какъ скоро устремить случалось
Мнѣ органъ зрѣнья на тебя,
Все сердце кровью обливалось,
Въ бинтахъ любви я зрѣлъ себя.

* * *

Мои сосуды напряглися,
Расторглися системы жилъ
И духи жизненны сперлися,
Пострѣломъ пораженъ я былъ.

* * *

О сколь любви шпицеръ мѣтокъ
И сколь востеръ ея ланцетъ,
Пилюлю смерти напослѣдокъ,
Казалось, пульсъ совсѣмъ прерветъ.

* * *

Къ чему-жъ пиценія такая
Артеріи моей дана,
И тѣмъ ли страсть моя большая
Тобою днесь награждена.

* * *

Ужъ въ жизни влагъ во мнѣ не стало.
И весь изсохъ я какъ скелетъ,
И шприцъ питательный ни мало
Тѣлесныхъ соковъ не даетъ.

* * *

Гдѣ пластыри надеждъ дѣвались?
Плѣнира! мой упалъ весь духъ;
Я же какъ лянисъ инфернѣлисъ,
Я черенъ сдѣлался и сухъ.

* * *

Увы, жестокая, тронися,
Цѣлебный свой бальзамъ пролей,
И надъ нещастнымъ умилися,
Позволь тебя считать моей.

* * *

Будь ты аптекою моей,
Будь ты и Эскуланій мой,
И перевязкою своею
Ты жизнь мнѣ возвратишь, покой.

Математика.

Какъ Архимедъ, мудрецъ почтенный,
Зажегъ Маркеловъ древній флотъ;
Такъ ты зажгла мой духъ смущенный,
Оставивъ мнѣ въ любви оплотъ.

* * *

Чтобъ сей оплотъ прервать надежно
Надлежитъ пиѣломъ послать;
Пребудетъ сердце безмятежно,
Престану страстію пылать.

* * *

Какъ темой важной занимался,
Ударѣлъ себя для вящшихъ мукъ,
Ужъ X нашелъ, лишь Z остался,
И грифель выронилъ изъ рукъ.

* * *

Власы твои какъ аспидъ черны
И руки столь бѣлы, какъ мѣлъ,
Глаза только безпримѣрны,
Что самъ Нефтонъ хулить не смѣлъ.

* * *

Изъ скорби чтобъ минимъ составить,
Успѣха максимъ обрѣсти,
Надлежитъ плюсы вѣрно ставить
И диференцію найти.

* * *

Повсюду во мысляхъ ты несома
И въ кругѣ образъ твой я зрю,
Что я влюбленъ, то аксіома,
Поверь, не ложно говорю.

* * *

Не сдѣлай алгебрѣ паденья!
Скажи, мой свѣтъ, что ты моя,
Тогда съ елипсисомъ почтенья
На вѣкъ къ тебѣ пребуду я.

Престань ты мучить страсти хладомъ
И слезы жалости пролей:
Моя доска мнѣ стала адомъ,
И мѣлъ не пристаетъ ужъ къ ней.

* * *

Какъ губка грецкая сухая
Лежитъ безъ дѣйствія въ углу,
Такъ точно я весь изсыхая
На сердцѣ своемъ зрю лишь мглу.

Поставь мое ты сердце въ скобки,
Квадратный корень извлеки;
Твои красы исчислить громки
Строкой Нефтона научи.

* * *

Какъ славный Пиѳагоръ трудился
Квадраты катетовъ найти,
Такъ точно я весь истомился
Тебя желая обрѣсти.

А сколько силился, старался
Къ тебѣ пройти чтобъ по прямой:
Мой путь всегда не удавался,
Все шелъ по линіи кривой.

* * *

Какъ центръ пребудетъ въ кругѣ вѣчно,
О чемъ я смѣло побожусь,
Такъ я любить тебя сердечно
Тетраедромъ на вѣкъ клянусь!

Сотри съ меня отрады минусъ
И интегралъ взять упреди,
Сыскать Субстангенсъ, Секансъ, Синусъ,
Печаль мою въ ноль обрати.

* * *

Подай, прекрасная, надежду
Разбить въ квадраты чтобъ красу,
Тогда и съ иксами одежду
Къ тебѣ въ награду принесу.

Когда же ты не согласишься
И скорбь мою возвысишь въ кубъ,
То въ черну доску превратишься,
Лишась своихъ карминныхъ губъ.

Секретаря межевыхъ дѣлъ.

О ты! преузорчна дача,
Усадьба прелестей однѣхъ,
Но это для меня задача
Въ экстрактѣ поясню я ихъ.

* * *

Позволь, діоптромъ чувствъ сердечныхъ,
Измѣрить мѣстность твою,
О сколько живыхъ урочищъ, смертныхъ
Въ тебѣ я . . . . . .

* * *

Но паче волость низовая
Къ тебѣ мой умъ и духъ влечетъ,
Инструкція хоть межевая
И вопреки мнѣ вопіетъ.

* * *

Коль нѣтъ другихъ владѣльцевъ спору
На волость милую твою,
То справь за мной по договору,
Я угобжу (?) какъ бы свою.

* * *

А я—да будетъ всѣмъ извѣстно,
Былъ негдѣ, нѣкій землемѣръ;
Мое познаніе чудесно
Чужимъ землямъ чинитъ размѣръ.

* * *

И въ силу онаго искусства
Теперь въ Сенатѣ нахожусь,
Но праву благородства чувства
Еще я совѣсти боюсь.

* * *

Но я отъ васъ встревоженъ снова:
Въ мечетѣ презрѣнный взоръ,
Какъ бы записку не готову
Спросилъ вдругъ строгій Прокуроръ.

* * *

Но впрочемъ похвалясь въ бездѣтствѣ,
И я имѣю хуторъ свой,
Онъ, такъ сказать, въ сосѣдствѣ
Съ рѣченной волостью твоей.

* * *

И если вы связать рѣшитесь
Мой хуторъ съ волостью въ одно,
То сами послѣ согласитесь
Закрыть златое ваше дно.

Морскаго.

Какъ молонья плывущихъ зракъ
Средь темной ослѣпляетъ ночи,
Краса твоя разящи такъ,
Сверкнувъ, мои затмила очи;
Смущенъ и изумленъ я сталъ
Узрѣвъ толь Ангела прекрасна;
Не столь опасенъ мачтамъ шквалъ,
Коль ты казалась мнѣ опасна.

* * *

Исчезъ тогда штиль чувствъ моихъ;
Престрашна буря въ нихъ возстала,
Ты жъ изъ очей своихъ драгихъ
Брантскугелемъ въ меня метала.
Тогда въ смятеніи моемъ,
Зря грозну прелесть предъ собою,
Не могъ я управлять рулемъ
И флагъ спустилъ передъ тобою.

* * *

Съ тѣхъ поръ тебѣ отдавшись въ плѣнъ,
Твоей я воли повинуюсь,
Къ тебѣ душевно прилѣпленъ,
Я за тобою буксируюсь.
Съ тѣхъ поръ Пахгаузъ твой иль домъ,
Тебя который сокрываетъ,
Съ такой же силой какъ мальстромъ
Меня отсюду привлекаетъ.

* * *

Мнѣ въ морѣ утѣшенья нѣтъ,
Всегда я безъ тебя тоскую,
И часто мысленно, мой свѣтъ
Къ тебѣ я нынѣ лавирую.
Наполненъ завсегда мечтъ,
Тебя въ убранствѣ зрю богатомъ,
То яхтой иногда златой,
То легкимъ чистенькимъ фрегатомъ.

* * *

Тогда я мню тебя прогнать,
Надеждою себя ласкаю,
Спѣшу и марсели отдать
И брамоли я распускаю.
Когда же парусовъ нельзя
При штормѣ много несть жестокомъ,
Любовью грузъ мои нагрузя,
Иду, лечу къ тебѣ подъ фокомъ.

* * *

Иль коли не извѣстенъ мнѣ
Пунктъ мѣста твоего, драгая,
По близости я въ той странѣ
Лежу на дрейфѣ, ожидая,
Лишь ты отколь предпримешь путь,
Конструкцію твою драгую
Узрю, хоть въ горизонтѣ будь,
И въ мигъ тебя запеленгую.

* * *

Тогда не медля ни часа,
Къ тебѣ я курсъ мой направляю,
Брасонлью ставлю паруса,
Сержусь, кричу, повелѣваю,
Въ кильватеръ за тобой пускаюсь,
Узловъ по десяти бѣгу,
Но вдругъ отъ мыслей пробуждаюсь
И ахъ! стою на берегу.

Гостиннодворца.

О ты сокровище сердецъ,
Отличныхъ прелестей соборъ,
Прости, что на тебя Купецъ
Дерзнулъ возвесть свой взоръ.

* * *

Въ тебѣ зрю дивные красы:
Какъ бархатъ мягки твои руки
Какъ левантинъ твои власы
И рѣчь твоя перунъ для скуки.

* * *

Волшебной красоты сіянье
И быстрыхъ глазъ твоихъ огня,
Не затемнитъ брилліантъ сіяньемъ,
Не превзойдетъ свѣтило дня.

* * *

Рисунокъ П. Заборскаго.

По экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

Вездѣ я о тебѣ мечтая,
На батареѣ-ли стою,
Ядромъ-ли пушку заряжая,
Иль холостымъ изъ ней палю.

* * *

Въ мишень стрѣляю-ль на ученьи,
Въ лабораторіи-ль сижу,
Мнѣ безъ тебя одно мученье:
Тобой одной только дышу.

* * *

Но коли можетъ то случиться,
Что ты начнешь мнѣ измѣнять,
Тогда не въ силахъ примѣниться,
Не въ силахъ буду я стрѣлять.

Коннаго Артиллериста.

Извѣстенъ мнѣ составъ любовный
И въ немъ уже испытанъ я;
Лишь будь приводъ мнѣ гладкой, ровной,
Въ минуту запалю тебя.

* * *

Съ тобою мы однѣхъ конструкцій
И служимъ лишь одной любви,
Охотники до эволюцій
Реве у насъ всегда въ крови.

* * *

Скажи, когда тебѣ угодно,
Чтобъ сердце я отвелъ въ парадъ:
Теперь на практикѣ открою:
Съ тобой и отличиться радъ.

Сейчасъ-же вытяну, построю
Мой фронтъ въ присутствіи твоемъ:
Искусство покажу, открою
Каковъ артиллеристъ верхомъ.

* * *

Почтеніе, любовь и нѣжность
Сперва во фронтѣ изъявлю,
Потомъ возьмусь за принадлежность
И къ батареѣ приступлю.

* * *

Какъ разъ я все мое движенье
Представлю, милая, тебѣ;
Любить и наступать умѣнье
Замѣтить тотчасъ дамъ въ себѣ.

Но еслижъ измѣню, драгая,
Злодѣя громы пусть разятъ
И пусть судьба караетъ злая,
Военный судъ пусть нарядитъ,
Пусть шлюзы всѣ мои прорвутся,
Вода плотины пусть снесетъ,
Ошибки въ съемкахъ пусть найдутся,
Контръ-форсы ледъ пусть разобьетъ!
Пусть въ перемычкѣ крѣпкой, прочной
Свай повалитъ цѣлый рядъ!
Меня же герцогъ строгій точный
Включитъ въ строительный отрядъ.
Съ почтенна поприща пусть сгонятъ,
Покажутъ строгости примѣръ!
Пускай шитье съ мундира спорютъ
И я не буду инженеръ!..
Но если время премѣнится,
И чувства наши охладитъ,
Увы!.. какой сводъ не валится
И равновѣсіе хранитъ?...
Но, ахъ!.. что любя пылая,
Конецъ, блаженству представлять?
И что фундаментъ созидая
О разрушеніи мечтать?..
Нѣтъ, нѣтъ! союзъ да будетъ прочный,
Пока ударитъ смерти часъ;
Твои слова реестъ урочный,
Твой взоръ отъ Герцога приказъ!
И какъ совѣта положенья
Твои желанья буду чтить;
Оставлю всѣ мои строенья,
Не строить счастье, а любить!
Но свѣта и людей не зная,
Я прежде въ мнѣніяхъ блуждалъ,
Кубичный корень извлекая
Блаженства въ выкладкахъ искалъ,
Лагранжъ, Лапласъ меня плѣняли,
Къ наукамъ страсть меня влекла,
Умъ интегралы занимали,
И алгебра въ умѣ жила.
Либви жъ вкусивъ нѣжнѣйши чувства,
Я заблужденья увидалъ:
Безъ инженернаго искусства,
Безъ вычисленій счастливъ сталъ!
И счастливъ буду, хоть бы снова
Во тьму невѣжества я впалъ,
Изъ уравненія простого
Я бъ иксъ вывести не зналъ.
Хотя бъ не зналъ (и такъ остался)
Фасада съ планомъ различить,
Въ проэкціяхъ бы ошибался,
Тѣней не могъ опредѣлить.
И такъ, прошу тебя, драгая,
Проэктъ скорѣй конфирмовать!
Судьбы рѣшенья ожидая,
Льзя-ль сердцу не страдать?
Не знаешь ты какъ духъ томится,
И день и ночь какъ я грущу?
Беру рейсфедеръ, онъ валится:
Ужъ цѣлый мѣсяцъ не черчу.
Отчетный планъ весь запылился,
Теодолитъ заржавѣлъ мой!
Въ вѣдомостяхъ и спискахъ бился,
Въ записке спутался дневной.
Изъ столь жестока положенья
Скорѣй ты выведи меня!
Береговыя укрѣпленья
Я оставлю для тебя.
Съ мостами, шлюзами прощаюсь,
Машины въ жертву приношу,
Одной тобою занимаюсь.
Сказать «люблю» тебя прошу:
Пролей мнѣ чувства новы въ душу,
Дай въ сердцѣ радости ожить!
Клянусь и клятву не нарушу:
Ахъ, полно строить и служить!
Хоть тихо, но благополучно
Всѣ къ общей цѣли мы пойдемъ,
Съ тобой пойдемъ мы неразлучно
Не по шоссе -простымъ путемъ.

Дьячка.

Егда азъ убо тя узрѣхъ,
О! Ангелъ во плоти чистѣйшій,
Впадохъ внезапу въ лютый грѣхъ,
Грѣхъ лютый -абіе прелѣйшій!
Держалъ тогда псалтирь въ рукахъ
И чтохъ кафизму ужъ шестую,
Но лишь узрѣлъ красу твою...
Азъ книгу уронилъ святую!
Власы твои, какъ стадо козъ,
Близъ галаадскія пустыни;
Какъ кедръ ливанскій -твой есть носъ,
И взоры яко голубины.
Царя пророка будто столбъ,
Твоя злато-рубина шея,
И твой обширный бѣлый лобъ
Сіяетъ какъ у Моисея!
И перси тучныя твои -
Какъ серны на горахъ младыи,
Внемли: внемли мольбы мои,
Вмѣстилище души святыя!
Егда узрѣхъ красы твои,
Узрѣ лѣта сеи колико,

Воспѣхъ бы гимны ти свои
И самъ священнѣйшій владыко!
Азъ убо ти прошу, молю:
Воеже ми любовь творити...
Да впредь не мучусь, не скорблю,
И сице не останусь жити.

Табашника.

Я завтра по утру съ разсвѣтомъ
Къ дражайшей въ комнату пойду
Съ набитой трубкой, за отвѣтомъ,
Огнь въ сердцѣ у нея, найду.
Паду предъ нею на колѣнки.
Скажу: люблю такъ—какъ табакъ:
Поклявшись трубкою изъ пѣнки.
Открою ей всю тайну такъ:
Прошу ты сжалься дорогая,
Чубукъ страданья преломи,
Любовію ко мнѣ пылая
И сердце и табакъ зажги.
Предѣлой къ сердцу моему оправу,
Чтобъ огнь не выпалъ изъ него
И не сожегъ мою ограду
Достигнуть сердца твоего.
Повѣрь, что сердце мое страстно
Нисколько нѣту сѣры въ немъ,
И что одной тебѣ подвластно,
Клянусь турецкимъ табакомъ!
Престань же мучить, дорогая!
Взгляни съ слезою на меня;
Я, страстію къ тебѣ пылая,
Чту выше дрепкрону тебя!
Не вакитафу я ожидаю,
Не кнастеру къ себѣ прошу--
Любовію къ тебѣ пылаю,
И отъ тебя отвѣта жду.
Надѣюсь, что ты не откажешь
Въ любовной страсти сей моей:
Мундштукъ изъ янтаря закажешь
И дашь въ залогъ любви своей.
Но если вздумаешь ломаться,
Другому руку свою дать—
Красы всѣ въ пепелъ превратятся,
Сердца престанешь ты плѣнять
Прелестныя розовыя щеки
Желтѣе будутъ чѣмъ табакъ,
И нѣжны ямочки глубоки,
Какъ дымъ исчезнутъ на щекахъ.
Вотъ рокъ жестокій для кичливыхъ
И крѣпкихъ, какъ бокунъ, сердецъ.
Напротивъ, для миролюбивыхъ
Блаженъ бываетъ и конецъ.
Страшись, любезная, подвергнуть
Себя несчастью горьку;
Старайся лучше иго свергнуть:
Позволь въ чубукъ мнѣ вставить «зорьку».

Бутошника.

О ты, которая красою
Во всѣхъ кварталахъ верхъ берешь,
Меня убила ты тоскою
И вонъ изъ бутки все влечешь.

Такъ ты на душу наложила
Колодки съ цѣпью и замкомъ,
И сердце бѣдное сразила
Ты алебарды остріемъ.

* * *

Съ тѣхъ поръ я не смотрю ужъ строго
За околодкомъ всѣмъ моимъ,
И пьяныхъ появилось много,
Но для тебя прощаю имъ.

* * *

Когда ликъ алебарды ясной
Играетъ съ солнечнымъ лучемъ,
Твой образъ милый и прекрасный,
Какъ въ зеркалѣ, я вижу въ немъ.

* * *

Я радъ, какъ на часахъ бываю;
Все думаю: нейдешь-ли ты?
Но тщетно ожидаю
Тебя, о свѣжи красоты!
Твой станъ какъ каланча прямая
И какъ фонарь твой свѣтелъ взоръ.
Какъ часто, о тебѣ мечтая,
Не вижу, что идетъ дозоръ.
Коль частный приставъ проѣзжаетъ,
Идетъ квартальный ли порой,
Но ахъ! мой взоръ не примѣчаетъ,
Онъ занятъ лишь одной тобой.

* * *

Какъ въ облакахъ луна взойдетъ,
Я всѣмъ покоя не даваю,
Кричу прегромко: кто идетъ?
И думаю—не ты ли, дорогая.

* * *

Мнѣ душно въ буткѣ становится,
Какой-то мучитъ сильный жаръ

Вся внутренность моя стромится,
Какъ трубы на большой пожаръ.

* * *

Пусть буду мучиться на стражѣ,
Но стану все тебя любить,
И оберъ-полиціймейстеръ даже
Того не въ силахъ запретить.
Когда отвергнешь ты признанье,
Столь вѣрное, какъ рапортъ въ часть,
Мнѣ не снести то наказанье,
Мнѣ не снести мою напасть.

* * *

И если, ангелъ полицейскій,
Ко мнѣ ты будешь столько строгъ,
То властію тогда судейской
Пусть буду брошенъ я въ острогъ.

Сюжетъ красавицамъ.

Красавицы! Вы есть совершенная прелесть очей нашихъ! сладостный магнитъ, привлекающій сердца мужчинъ. Вы очаровываете слухъ нашъ нѣжнымъ и стройнымъ вашимъ голосомъ! прикосновеніе ваше къ намъ дѣлаетъ въ насъ пріятное электрическое сотрясеніе; пламенный поцѣлуй разливаетъ бальзамъ неописаннаго вкуса по всѣмъ нервамъ состава нашего; удивительная бѣлизна вашего тѣла съ приличнымъ румянцемъ, подобнымъ розамъ, по мѣстамъ разбросаннымъ, и отмѣнно волнисто пушистыхъ волосъ вашихъ, влечетъ насъ неминуемо упасть въ объятія ваши... въ сію-то минуту, когда мы находимся въ тѣсныхъ вашихъ объятіяхъ, тогда забываемъ все, забываемъ самихъ себя, и хотя бы въ это время разъяренные перуны раздробили самыя каменныя скалы, хотя-бъ огненный океанъ поглощалъ землю, звѣзды падали и подавляли другъ друга; хотя бы весь гимнъ натуры превращался въ хаосъ; но все это въ то наисладчайшее мгновеніе ока не показалось бы намъ зломъ, и мы хотя бъ также, и въ то же время, поглощены были разверстою пропастью, но умерли бы съ удовольствіемъ, не ощутивъ страшнаго часа, превращающаго насъ въ небытіе.—Прекрасныя очаровательницы! я люблю васъ! преданъ вашимъ прелестямъ! дышу утѣхою, получаемою отъ васъ! Но при всемъ томъ, какъ честный человѣкъ долженъ сказать правду, долженъ возвѣстить, что вы есть такое въ совершенной точности: блестящая наружность не есть еще прямое достоинство; позолоченная мѣдь не есть чистое золото, хотя сначала и покажется онымъ; но ядъ, сокрывающійся въ мѣди, скоро можетъ оказать себя въ самой его силѣ.

Если бы женщины могли бы узнать въ точности самихъ себя, ежели бы вникли во всѣ изгибы своей сложности, въ составъ своего сердца и души: онѣ бы по справедливости должны были возненавидѣть свой полъ, должны бъ не тщеславится своими наружными красотами, но убѣгать дневнаго свѣта, укрываясь въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Онѣ проклялы бы тогда день своего рожденія и, наконецъ, возненавидѣли бы отвращеніе собственно къ себѣ.

Что есть женщина.

Слабѣйшее твореніе, вмѣстилище бѣдствій, источникъ непримиримыхъ ссоръ, самая вредная игрушка, бичъ мудрости, горячій уголь вѣчныхъ раздоровъ, избранный сосудъ діавола, отъ самаго начала вѣковъ. Увеселеніе, основанное на пагубѣ, зло, терпимое необходимостью, непримиримый врагъ ангеловъ, животное ненасытное ничѣмъ, бездна легковѣрія и глупости, соборище своенравія, суета суетъ, прелесть далекѣ, ядъ вблизи, ангелъ на улицѣ, діаволъ въ дому, сова въ окнѣ, сорока въ дверяхъ и коза въ вертоградѣ. Ахъ, какъ бы желалъ я опровергнуть все сіе очерняющее полъ

Но я отъ васъ встревоженъ снова:
Въ мечтѣ презрѣнный взоръ,
Какъ бы записку не готову
Спросилъ вдругъ строгій Прокуроръ.

* * *

Но впрочемъ похвалясь въ бездѣтствѣ,
И я имѣю хуторъ свой,
Онъ, такъ сказать, въ сосѣдствѣ
Съ рѣченной волостью твоей.

* * *

И если вы связать рѣшитесь
Мой хуторъ съ волостью въ одно,
То сами послѣ согласитесь
Закрыть златое ваше дно.

Морскаго.

Какъ молонья плывущихъ зракъ
Среди темной ослѣпляетъ ночи,
Краса твоя разящи такъ,
Сверкнувъ, мои затмила очи;
Смущенъ и изумленъ я сталъ
Узрѣвъ толь Ангела прекрасна;
Не столь опасенъ мачтамъ шквалъ,
Коль ты казалась мнѣ опасна.

* * *

Исчезъ тогда штиль чувствъ моихъ;
Престрашна буря въ нихъ возстала,
Ты жъ изъ очей своихъ драгихъ
Брантскугелемъ въ меня метала.
Тогда въ смятеніи моемъ,
Зря грозну прелесть предъ собою,
Не могъ я управлять рулемъ
И флагъ спустилъ передъ тобою.

* * *

Съ тѣхъ поръ тебѣ отдавшись въ плѣнъ,
Твоей я воли повинуюсь,
Къ тебѣ душевно прилѣпленъ,
Я за тобою буксируюсь.
Съ тѣхъ поръ Пахгаусъ твой иль домъ,
Тебя который сокрываетъ,
Съ такой же силой какъ мальстромъ
Меня отсюду привлекаетъ.

* * *

Мнѣ въ морѣ утѣшенья нѣтъ,
Всегда я безъ тебя тоскую,
И часто мысленно, мой свѣтъ
Къ тебѣ я нынѣ лавирую.
Наполненъ завсегда мечт ,
Тебя въ убранствѣ зрю богатомъ,
То яхтой иногда златой,
То легкимъ чистенькимъ фрегатомъ.

* * *

Тогда я мню тебя прогнать,
Надеждою себя ласкаю,
Спѣшу и марсели отдать
И брамоли я распускаю.
Когда же парусовъ нельзя
При штормѣ много несть жестокомъ,
Любовью грузъ мои нагрузя,
Иду, лечу къ тебѣ подъ фокомъ.

* * *

Иль коли не извѣстенъ мнѣ
Пунктъ мѣста твоего, драгая,
По близости я въ той странѣ
Лежу на дрейфѣ, ожидая,
Лишь ты отколь предпримешь путь,
Конструкцію твою драгую
Узрю, хоть въ горизонтъ будь,
И въ мигъ тебя запеленгую.

* * *

Тогда не медля ни часа,
Къ тебѣ я курсъ мои направляю,
Брасопью ставлю паруса,
Сержусь, кричу, повелѣваю,
Въ кильватеръ за тобой пускаюсь,
Узловъ по десяти бѣгу,
Но вдругъ отъ мыслей пробуждаюсь
И ахъ! стою на берегу.

Гостинодворца.

О ты! сокровище сердецъ,
Отличныхъ прелестей соборъ,
Прости, что на тебя Купецъ
Дерзнулъ возвесть свой взоръ.

* * *

Въ тебѣ зрю дивные красы:
Какъ бархатъ мягки твои руки
Какъ левантинъ твои власы
И рѣчь твоя перуны для скуки.

* * *

Волшебной красоты сіянье
И быстрыхъ глазъ твоихъ огни,
Не затемнитъ брилліантъ сіяньемъ,
Не превзойдетъ свѣтило дня.

* * *

Премудрый Сирахъ въ Гл. 25, ст. 5, описываетъ женщинъ такимъ образомъ: всякое лукавство и язва сердечная скрывается въ единыхъ женщинахъ, и изъ ихъ ухищреній происходятъ всѣ нелѣпости, случающіяся въ мірѣ. Сему доказательствомъ можетъ служить слѣдующее: не женскимъ ли лукавствомъ и ухищреніемъ Киръ, царь персидскій, отъ имени коего трепетали сильные цари и многочисленные народы, былъ побѣжденъ и убитъ. Это произошло отъ жены именемъ Томиры.

Соломонъ, премудрѣйшій изъ царей своего времени, не чрезъ женщинъ ли дошелъ до такого безумія, что возроталъ на Бога и поклонялся идоламъ? Не предстательствомъ ли коварной Далилы, сильнѣйшій Самсонъ, противъ коего не шли сто тысящъ крѣпкихъ мужей, впалъ въ руки враговъ своихъ? Сей несчастный, будучи лишенъ зрѣнія, вздохнувъ отъ глубины сердца, произнесъ сіи незабвенныя слова: я погибъ, и отъ кого же? отъ женщины, которой былъ преданъ всей душой, которую любилъ болѣе самого себя, которая любила и меня. Но, ахъ! можетъ ли что нибудь быть на свѣтѣ лукавѣе женщины; можетъ ли быть что ядовитѣе сего рода?

Но чрезъ Елену ли, измѣнившую своему мужу, и ушедшую съ любовникомъ въ его отечество, погибла Троя, разрушились семейства многихъ царей и Пергамская страна обагрилась кровію больше ста тысячъ воиновъ?

Жена Іуденна доводитъ св. Апостола Петра до того, что сей верховный святитель отрекается отъ своего Учителя, Іисуса Христа!

Въ толкованіи 4 гл. Іоанна Богослова, говоритъ св. Златоустъ: «Между всѣми лютыми нѣтъ ни единаго столь ненавистнаго и вреднаго, какъ женщина».

Кто ввергнулъ въ преступленіе Адама? —жена его Ева. И такъ не отъ жены ли погибъ родъ человѣческій? Діаволъ всегда избираетъ орудіемъ своимъ женщину; ибо совершенно знаетъ онъ, что сіи твари есть легкомысленны, злобны, упрямы и честолюбивы.

Св. Кипріанъ, говоря о женщинахъ, заключаетъ слѣдующее: онѣ перемѣняютъ наряды свои для уловленія въ сѣть свою мужчинъ, единственно у сатаны; въ домахъ же своихъ премудряютъ его.

Іоаннъ Предтеча и Креститель Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ что былъ обезглавленъ? Чрезъ злость жены Иродіады. Сія хитрая возлюбленница Сатаны и наперстница, за пляску дочери своей передъ царемъ, и когда онъ будучи въ шумѣ пьянственномъ, за таковое увеселеніе обѣщалъ ей, плясавицѣ, дать все чего она испроситъ, и даже до полу-царствія своего, — не велѣла ей просить ничего болѣе, какъ главу сего св. Іоанна, который въ то время по ея же проискамъ сидѣлъ заточеннымъ въ темницѣ.

Ѳеофилактъ св. епископъ Болгарскій, разсуждая о женщинахъ, говоритъ: женщина есть моровое повѣтріе, умерщвляющее человѣка.

По сему же поводу въ предисловіи къ Евангелію, Евангелистъ Матѳей пишетъ: возрѣвый на жену, восже вожелати ее,—уже любодѣйствуетъ съ нею въ сердцѣ своемъ, и сей горше согрѣшаетъ.

И такъ, не долженъ ли всякой человѣкъ, желающій тишины, убѣгать женщинъ, какъ разъяреннаго углія, дабы не ожечься.

Возведемъ очи наши на житіе святыхъ, простремъ взоръ нашъ на бореніе съ бѣсами праведныхъ пустынниковъ, и что же увидимъ мы? Діаволъ по тщательномъ истощеніи всѣхъ средствъ для искушенія благочестиваго мужа прибѣгаетъ къ женскому полу. Онъ присылаетъ къ

нему прекрасную дѣву, которая, какъ бы заблудясь въ вертепахъ, проситъ показать ей прямую дорогу; или подъ видомъ болѣзни, желаетъ получить отъ святости его исцѣленіе. Много святыхъ отшельниковъ избѣгли сихъ коварныхъ сѣтей; но сколько же погрязло въ оныхъ?

Было и такъ, что діаволъ, не нашедши въ скорости женщины, принималъ самъ на себя ихъ образъ, для прельщенія бѣдныхъ схимниковъ.

Каково же? и одинъ образъ жены привлекаетъ уже къ согрѣшенію. Почему же въ житіи святыхъ спасшихся женъ не видимъ мы, чтобы Сатана для ихъ искушенія посылалъ къ нимъ мужчинъ? — а это для него видно есть вещь не возможная. Что можетъ отвѣтить женщина, услышавъ слова сына Сирахова Іисуса, который говорилъ вдохновенно: Се видѣхъ жену дивну, сѣдящую посреди міра и не разумѣхъ. Ангелъ же Господень, сошедъ ко мнѣ, глаголяй: Сіе есть беззаконіе! и вверже камень во уста ея.

Изъ сего не видимъ-ли мы, что эмблема всѣхъ нечестивыхъ есть жена. Камень, вверженный въ уста нечестивицы, не ясно ли представляетъ намъ желаніе его заградить уста симъ безпрестанно лепещущимъ тварямъ, и нарыгающимъ безпрерывно хули и крамолу.

Марія Египтянина, будучи еще любодѣйцею, сколько низринула во адъ прельщенныхъ ею, она, чтобъ взяли ее на корабль, въ которомъ отъѣзжали для поклоненія одному святому мѣсту въ Палестинѣ, объявила всѣмъ пассажирамъ, что за провозъ и прокормленіе платитъ своимъ тѣломъ; и такъ, тѣ самые, которые до ея прихода думали единственно о святости своего пути, тѣ самые были соблазнены и согрѣшили.

Марія потомъ спаслась; но умолила-ли она за всѣхъ тѣхъ, кои повергались за нее во тьму кромѣшную? Этого неизвѣстно.

Прекрасный и вмѣстѣ цѣломудренный Іосифъ, отъ кого и за что пострадалъ въ Египтѣ, и вверженъ былъ въ темницу? отъ жены Пентефрія, бывшаго господиномъ Іосифу и за что? за то, что не согласился на непотребныя ея желанія. Сія прелюбодѣйца, не могши склонить цѣломудреннаго юношу на удовлетвореніе ея похотливости, возложила предъ своимъ мужемъ вину свою на невиннаго: чего хотѣла сама, то наклеветала на него. Она усильно тащила Іосифа на свое ложе и сказала, что онъ приходилъ къ ней съ тѣмъ, дабы ее обезчестить и симъ обезчестить ея мужа. Іосифъ, вырываясь изъ столь мерзкихъ объятій, принужденъ былъ оставить въ рукахъ ея свою епанчу, по злодѣйкѣ послужило сіе, какъ бы поличеніемъ, и способствовало къ погибели несчастнаго и невиннаго юноши.

Кто-жъ, кромѣ жены, можетъ дать такой оборотъ дѣлу? Кому войдетъ въ голову наклеветать на другого то, что самъ хотѣлъ сдѣлать? Никто, кромѣ сего пола, можетъ быть только перемѣнчивъ, чтобъ вдругъ перейти столь быстро изъ любви къ совершенной ненависти, и стараться еще всѣми мѣрами о погибели того, котораго нѣкогда любила.

Дочери праведнаго и Богомъ любимаго Лота не устыдились искусить отца своего, по сгорѣніи Содома и Гомора, не устыдились довести его до блудодѣйства съ ними, напоивъ старика нарочно для сего допьяна... Боже! какое кровосмѣшеніе! Но что можетъ быть священное для женщинъ?..

Вирсавія, жена Урія, изъ тщеславія, чтобъ сдѣлаться наложницею Царя Давида, безъ содроганія и безъ совѣсти предаетъ на жертву добраго и вѣрнаго мужа своего Урія, который и убитъ измѣнически на войнѣ, по повелѣнію прельщеннаго Царя. Вирсавія знала объ

Воспѣхъ бы гимны ти свои
И самъ священнѣйшій владыко!
Азъ убо тя прошу, молю:
Воеже ми любовь творити...
Да впредь не мучусь, не скорблю,
И сице не останусь жити.

Табашника.

Я завтра по утру съ разсвѣтомъ
Къ дражайшей въ комнату пойду
Съ набитой трубкой, за отвѣтомъ,
Огнь въ сердцѣ у нея, найду.
Паду предъ нею на колѣнки.
Скажу: люблю такъ—какъ табакъ:
Поклянишись трубкою изъ пѣнки.
Открою ей всю тайну такъ:
Прошу ты сжалься дорогая,
Чубукъ страданья преломи,
Любовію ко мнѣ пылая
И сердце и табакъ зажги.
Предѣлой къ сердцу моему отраву,
Чтобъ огнь не выпалъ изъ него
И не сожегъ мою ограду
Достигнуть сердца твоего.
Повѣрь, что сердце мое страстно
Нисколько нѣту сѣры въ немъ,
И что одной тебѣ подвластно,
Клянусь турецкимъ табакомъ!
Престань же мучить, дорогая!
Взгляни съ слезою на меня;
Я, страстію къ тебѣ пылая,
Чту выше дрепкрону тебя!
Не вакштафу я ожидаю,
Не кнастеру къ тебѣ прошу—
Любовію къ тебѣ пылаю,
И отъ тебя отвѣта жду.
Надѣюсь, что ты не откажешь
Въ любовной страсти сей моей:
Мундштукъ изъ янтаря закажешь
И дашь въ залогъ любви своей.
Но если вздумаешь ломаться,
Другому руку свою дать—
Красы всѣ въ пепелъ превратятся,
Сердца престанешь ты плѣнять
Прелестныя розовыя щеки
Желтѣе будутъ чѣмъ табакъ,
И нѣжны ямочки глубоки,
Какъ дымъ исчезнутъ на щекахъ.
Вотъ рокъ жестокій для кичливыхъ
И крѣпкихъ, какъ бокунъ, сердецъ.
Напротивъ, для миролюбивыхъ
Блаженъ бываетъ и конецъ.
Страшись, любезная, подвергнуть
Себя несчастью горьку;
Старайся лучше иго свергнуть:
Позволь въ чубукъ мнѣ вставить «зорьку».

Бутошника.

О ты, которая красою
Во всѣхъ кварталахъ верхъ берешь,
Меня убила ты тоскою
И вонъ изъ бутки все влечешь.

Такъ ты на душу наложила
Колодки съ цѣпью и замкомъ,
И сердце бѣдное сразила
Ты алебарды острѣемъ.

* * *

Съ тѣхъ поръ я не смотрю ужъ строго
За околодкомъ всѣмъ моимъ,
И пьяныхъ появилось много,
Но для тебя прощаю имъ.

* * *

Когда ликъ алебарды ясной
Играетъ съ солнечнымъ лучемъ,
Твой образъ милый и прекрасный,
Какъ въ зеркалѣ, я вижу въ немъ.

* * *

Я радъ, какъ на часахъ бываю;
Все думаю: нейдешь-ли ты?
Но тщетно ожидаю
Тебя, о свѣжи красоты!
Твой станъ какъ каланча прямая
И какъ фонарь твой свѣтелъ взоръ.
Какъ часто, о тебѣ мечтая,
Не вижу, что идетъ дозоръ.
Коль частный приставъ проѣзжаетъ,
Идетъ квартальный ли порой.
Но ахъ! мой взоръ не примѣчаетъ,
Онъ занятъ лишь одной тобой.

* * *

Какъ въ облакахъ луна взойдетъ,
Я всѣмъ покоя не даваю,
Кричу прегромко: кто идетъ?
И думаю—не ты ли, дорогая.

* * *

Мнѣ душно въ буткѣ становится,
Какой-то мучитъ сильный жаръ

Вся внутренность моя стромится,
Какъ трубы на большой пожаръ.

* * *

Пусть буду мучиться на стражѣ,
Но стану все тебя любить,
И оберъ-полиціймейстеръ даже
Того не въ силахъ запретить.
Когда отвергнешь ты признанье,
Столь вѣрное, какъ рапортъ въ часть,
Мнѣ не снести то наказанье,
Мнѣ не снести мою напасть.

* * *

И если, ангелъ полицейскій,
Ко мнѣ ты будешь столько строгъ,
То властію тогда судейской
Пусть буду брошенъ я въ острогъ.

Сюжетъ красавицамъ.

Красавицы! Вы есть совершенная прелесть очей нашихъ! сладостный магнитъ, привлекающій сердца мужчинъ. Вы очаровываете слухъ нашъ нѣжнымъ и стройнымъ вашимъ голосомъ! прикосновеніе ваше къ намъ дѣлаетъ въ насъ пріятное электрическое сотрясеніе; пламенный поцѣлуй разливаетъ бальзамъ неописаннаго вкуса по всѣмъ нервамъ состава нашего; удивительная бѣлизна вашего тѣла съ приличнымъ румянцемъ, подобнымъ розамъ, по мѣстамъ разбросаннымъ, и отмѣнно волнисто пушистыхъ волосъ вашихъ, влечетъ насъ неминуемо упасть въ объятія ваши... въ сію-то минуту, когда мы находимся въ тѣсныхъ вашихъ объятіяхъ, тогда забываемъ все, забываемъ самихъ себя, и хотя бы въ это время разъяренные перуны раздробили самыя каменныя скалы, хотя-бъ огненный океанъ поглощалъ землю, звѣзды падали и подавляли другъ друга; хотя бы весь гимнъ натуры превращался въ хаосъ; но все это въ то наисладчайшее мгновеніе ока не показалось бы намъ зломъ, и мы хотя бъ также, и въ то же время, поглощены были разверстою пропастью, но умерли бы съ удовольствіемъ, не ощутивъ страшнаго часа, превращающаго насъ въ небытіе.— Прекрасныя очаровательницы! я люблю васъ! преданъ вашимъ прелестямъ! дышу утѣхою, получаемою отъ васъ! Но при всемъ томъ, какъ честный человѣкъ долженъ сказать правду, долженъ возвѣстить, что вы есть такое въ совершенной точности: блестящая наружность не есть еще прямое достоинство; позолоченная мѣдь не есть чистое золото, хотя сначала и покажется онымъ; но ядъ, сокрывающійся въ мѣди, скоро можетъ оказать себя въ самой его силѣ.

Если бы женщины могли бы узнать въ точности самихъ себя, ежели бы вникли во всѣ изгибы своей сложности, въ составъ своего сердца и души: онѣ бы по справедливости должны были возненавидѣть свой полъ, должны бъ не тщеславится своими наружными красотами, но убѣгать дневнаго свѣта, укрываясь въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ. Онѣ проклялиби тогда день своего рожденія и, наконецъ, возненавидѣли бы отвращеніе собственно къ себѣ.

Что есть женщина.

Слабѣйшее твореніе, вмѣстилище бѣдствій, источникъ непримиримыхъ ссоръ, самая вредная игрушка, бичъ мудрости, горячій уголь вѣчныхъ раздоровъ, избранный сосудъ діавола, отъ самаго начала вѣковъ. Увеселеніе, основанное на пагубѣ, зло, терпимое необходимостью, непримиримый врагъ ангеловъ, животное ненасытное ничѣмъ, бездна легковѣрія и глупости, соборище своенравія, суета суетъ, прелесть далекѣ, ядъ вблизи, ангелъ на улицѣ, діаволъ въ дому, сова въ окнѣ, сорока въ дверяхъ и коза въ вертоградѣ. Ахъ, какъ бы желалъ я опровергнуть все сіе очерняющее полъ

женскій; желалъ бы, чтобъ, можно мнѣ было сказать нѣсколько словъ въ пользу красавицъ; но могу ли воспротивиться цѣлому свѣту, преступить предметы справедливости?

Возьмемъ св. Писаніе, развернемъ книгу древнихъ философовъ, что находится въ святыхъ начертаніяхъ? Что пишутъ любители мудрости о семъ пунктѣ? Что видимъ сами мы?—Пишетъ Іеронимъ: „жена благая сыскивается рѣже, нежели самый Фениксъ. А Фениксъ есть ни что иное, какъ птица, существующая въ однѣхъ сказкахъ".

И такъ жена есть совершенное химерическое прельщеніе, врагъ благости, соборъ ухищреній, ядъ подслащенный и вина грѣха смерти.

Раскроемъ книги, писанныя перомъ святыхъ, что говорятъ они о женщинѣ? Іисусъ, сынъ Сираховъ, пишетъ: лучше жить со львомъ и зміями, нѣже жити съ женою лукавою. Гл. 25, стр. 18.—Мала есть всяка злоба противъ злобы женской. Ст. 21.—Отъ жены начало грѣха, и тою умираетъ человѣкъ. Ст. 27.—Яко же во древѣ червь, тако погубляетъ мужа жена злонравная. Гл. 12, ст. 4.—Злоба мужеска лучше, нежели добродѣтель женска. Гл. 42, ст. 14.—Что можно сказать вопреки сему св. мужу.—Премудрый Соломонъ глаголетъ: лучше жити въ землѣ пустѣ, нежели съ женою сварливою, язычною и гнѣвливою. Притч. 12, ст. 19.—Его же Эклезіастъ гласитъ: Обрѣтохъ горчайше смерти жену, яже есть ловитва и сѣти для сердца ея, узы въ руку ея, благій предъ лицемъ Божіемъ ядъ будетъ его. Гл. 7, ст. 27.—Еще: Человѣка единаго отъ тысящъ обрѣтохъ, а жены во всѣхъ сихъ не обрѣтохъ. Гл. 7, ст. 29.—Говоритъ св. Августинъ: женщина всегда упрямѣе и своенравнѣе всякаго мужчины, потому что она болѣе его заражена поверхностію и честолюбіемъ, гордостію и яростью, въ упрямствѣ равняется ослу, и онымъ сіи обѣ твари и всѣхъ прочихъ животныхъ превосходитъ. Ибо у обѣихъ выбить изъ головы то, что онѣ когда нибудь въ оную себѣ вложили, столько-же трудно, какъ воспрепятствовать ручьямъ течь отъ своихъ источниковъ, или обратить назадъ теченіе рѣки.

Его же: св. Августинъ, въ одномъ своемъ сочиненіи, такъ говоритъ о женщинахъ: „аще бо кто возмогъ исчислити песокъ сущій въ морѣ, и той не постигъ бы всего женскаго лукавства".

Іоаннъ Златоустъ въ своемъ толкованіи на 19 главу Евангелиста Матѳея, пишетъ такъ: „Женщина есть другъ діавола, путь всякихъ неистовствъ, уязвленіе скорпіона, непримиримый врагъ согласія, домашняя погибель и самая вреднѣйшая тварь".

Св. Григорій относится о женщинахъ не лучше другихъ: Женщина,—говоритъ онъ, имѣетъ въ себѣ ядъ аспидовъ, языкъ скорпіоновъ, глаза василисковы, ухищреніе драконово, и что злоба всего свѣта есть ничто противъ злобы женской. Св. Бернардъ въ 25 проповѣди своей называетъ женщинъ первымъ орудіемъ діавола. Св. Евангелистъ Іоаннъ представляетъ намъ женщину, сидящую на семи-главомъ животномъ зміѣ, держащую въ рукѣ чашу, наполненную нечестія, изъ коей пьютъ величайшіе грѣшники міра; въ притчахъ царя Соломона читаемъ мы: уста женскія точатъ медъ самосладчайшій; но вкусомъ оный столь бываетъ горекъ, какъ бы самая полынь.

Св. Павелъ утверждаетъ, что женщина, сопряженная бракомъ съ человѣкомъ разумнымъ, можетъ она лишить его совершеннаго покоя и отвлечь отъ упражненій и обязанностей.

Премудрый Сирахъ въ Гл. 25, ст. 5, описываетъ женщинъ такимъ образомъ: всякое лукавство и язва сердечная скрывается въ единыхъ женщинахъ, и изъ ихъ ухищреній происходятъ всѣ нелѣпости, случающіяся въ мірѣ. Сему доказательствомъ можетъ служить слѣдующее: не женскимъ ли лукавствомъ и ухищреніемъ Киръ, царь персидскій, отъ имени коего трепетали сильные цари и многочисленные народы, былъ побѣжденъ и убитъ. Это произошло отъ жены именемъ Томиры.

Соломонъ, премудрѣйшій изъ царей своего времени, не чрезъ женщинъ ли дошелъ до такого безумія, что возроталъ на Бога и поклонялся идоламъ? Не предстательствомъ ли коварной Далилы, сильнѣйшій Самсонъ, противъ коего не шли сто тысящъ крѣпкихъ мужей, впалъ въ руки враговъ своихъ? Сей несчастный, будучи лишенъ зрѣнія, вздохнувъ отъ глубины сердца, произнесъ сіи незабвенныя слова: я погибъ, и отъ кого же? отъ женщины, которой былъ преданъ всей душой, которую любилъ болѣе самого себя, которая любила и меня. Но, ахъ! можетъ ли что нибудь быть на свѣтѣ лукавѣе женщины; можетъ ли быть что ядовитѣе сего рода?

Но чрезъ Елену ли, измѣнившую своему мужу, и ушедшую съ любовникомъ въ его отечество, погибла Троя, разрушились семейства многихъ царей и Пергамская страна обагрилась кровію больше ста тысячъ воиновъ?

Жена Іудеина доводитъ св. Апостола Петра до того, что сей верховный святитель отрекается отъ своего Учителя, Іисуса Христа!

Въ толкованіи 4 гл. Іоанна Богослова, говоритъ св. Златоустъ: «Между всѣми лютыми нѣтъ ни единаго столь ненавистнаго и вреднаго, какъ женщина».

Кто ввергнулъ въ преступленіе Адама? —жена его Ева. И такъ не отъ жены ли погибъ родъ человѣческій? Діаволъ всегда избираетъ орудіемъ своимъ женщину; ибо совершенно знаетъ онъ, что сіи твари есть легкомысленны, злобны, упрямы и честолюбивы.

Св. Кипріанъ, говоря о женщинахъ, заключаетъ слѣдующее: онѣ перемѣняютъ наряды свои для уловленія въ сѣть свою мужчинъ, единственно у сатаны; въ домахъ же своихъ премудряютъ его.

Іоаннъ Предтеча и Креститель Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ что былъ обезглавленъ? Чрезъ злость жены Иродіады. Сія хитрая возлюбленница Сатаны и наперстница, за пляску дочери своей передъ царемъ, и когда онъ будучи въ шумѣ пьянственномъ, за таковое увеселеніе обѣщалъ ей, плясавицѣ, дать все чего она испроситъ, и даже до полу-царствія своего, — не велѣла ей просить ничего болѣе, какъ главу сего св. Іоанна, который въ то время по ея же проискамъ сидѣлъ заточеннымъ въ темницѣ.

Ѳеофилактъ св. епископъ Болгарскій, разсуждая о женщинахъ, говоритъ: женщина есть моровое повѣтріе, умерщвляющее человѣка.

По сему же поводу въ предисловіи къ Евангелію, Евангелистъ Матѳей пишетъ: возрѣвый на жену, восже вожелати ее,—уже любодѣйствуетъ съ нею въ сердцѣ своемъ, и сей горше согрѣшаетъ.

И такъ, не долженъ ли всякой человѣкъ, желающій тишины, убѣгать женщинъ, какъ разъяреннаго углія, дабы не ожечься.

Возведемъ очи наши на житіе святыхъ, простремъ взоръ нашъ на бореніе съ бѣсами праведныхъ пустынниковъ, и что же увидимъ мы? Діаволъ по тщательномъ истощеніи всѣхъ средствъ для искушенія благочестиваго мужа прибѣгаетъ къ женскому полу. Онъ присылаетъ къ

нему прекрасную дѣву, которая, какъ бы заблудясь въ вертепахъ, проситъ показать ей прямую дорогу; или подъ видомъ болѣзни, желаетъ получить отъ святости его исцѣленіе. Много святыхъ отшельниковъ избѣгли сихъ коварныхъ сѣтей; но сколько же погрязло въ оныхъ?

Было и такъ, что діаволъ, не нашедши въ скорости женщины, принималъ самъ на себя ихъ образъ, для прельщенія бѣдныхъ схимниковъ.

Каково же? и одинъ образъ жены привлекаетъ уже къ согрѣшенію. Почему же въ житіи святыхъ спасшихся женъ не видимъ мы, чтобы Сатана для ихъ искушенія посылалъ къ нимъ мужчинъ? — а это для него видно есть вещь не возможная. Что можетъ отвѣтить женщина, услышавъ слова сына Сирахова Іисуса, который говорилъ вдохновенно: Се видѣхъ жену дивну, сѣдящую посреди міра и не разумѣхъ. Ангелъ же Господень, сошедъ ко мнѣ, глаголяй: Сіе есть беззаконіе! и вверже камень во уста ея.

Изъ сего не видимъ-ли мы, что эмблема всѣхъ неистовствъ есть жена. Камень, вверженный въ уста нечестивицы, не ясно ли представляетъ намъ желаніе его заградить уста симъ безпрестанно лепещущимъ тварямъ, и нарыгающимъ безпрерывно козни и крамолу.

Марія Египтянина, будучи еще любодѣйцею, сколько низринула во адъ прельщенныхъ ею, она, чтобъ взяли ее на корабль, въ которомъ отъѣзжали для поклоненія одному святому мѣсту въ Палестинѣ, объявила всѣмъ пассажирамъ, что за провозъ и прокормленіе платитъ своимъ тѣломъ; и такъ, тѣ самые, которые до ея прихода думали единственно о святости своего пути, тѣ самые были соблазнены и согрѣшили.

Марія потомъ спаслась; но умолила-ли она за всѣхъ тѣхъ, кои повергались за нее во тьму кромѣшную? Этого неизвѣстно.

Прекрасный и вмѣстѣ цѣломудренный Іосифъ, отъ кого и за что пострадалъ въ Египтѣ, и вверженъ былъ въ темницу? отъ жены Пентефрія, бывшаго господиномъ Іосифу и за что? за то, что не согласился на непотребныя ея желанія. Сія прелюбодѣйца, не могши склонить цѣломудреннаго юношу на удовлетвореніе ея похотливости, возложила предъ своимъ мужемъ вину свою на невиннаго: чего хотѣла сама, то наклеветала на него. Она усильно тащила Іосифа на свое ложе и сказала, что онъ приходилъ къ ней съ тѣмъ, дабы ее обезчестить и симъ обезчестить ея мужа. Іосифъ, вырываясь изъ столь мерзкихъ объятій, принужденъ былъ оставить въ рукахъ ея свою епанчу, но злодѣйкѣ послужило сіе, какъ бы поличеніемъ, и способствовало къ погибели несчастнаго и невиннаго юноши.

Кто-жъ, кромѣ жены, можетъ дать такой оборотъ дѣлу? Кому войдетъ въ голову наклеветать на другого то, что самъ хотѣлъ сдѣлать? Никто, кромѣ сего пола, можетъ быть только перемѣнчивъ, чтобъ вдругъ перейти столь быстро изъ любви къ совершенной ненависти, и стараться еще всѣми мѣрами о погибели того, котораго нѣкогда любила.

Дочери праведнаго и Богомъ любимаго Лота не устыдились искусить отца своего, по сгорѣніи Содома и Гомора, не устыдились довести его до блудодѣйства съ ними, напоивъ старика нарочно для сего допьяна... Боже! какое кровосмѣшеніе! Но что можетъ быть священное для женщинъ?..

Вирсавія, жена Урія, изъ тщеславія, чтобъ сдѣлаться наложницею Царя Давида, безъ содроганія и безъ совѣсти предаетъ на жертву добраго и вѣрнаго мужа своего Урія, который и убитъ измѣнически на войнѣ, по повелѣнію прельщеннаго Царя. Вирсавія знала объ

этомъ повелѣніи, но будучи беременною отъ Давида, опасалась мужняго порицанія, а потому, забывъ человѣчество, не захотѣла она отвратить любовника своего отъ принятаго намѣренія...

Для женщинъ нѣтъ ничего такого въ свѣтѣ, чѣмъ бы онѣ не пожертвовали для своей суетности.

Іезекіилъ, пророкъ, видя развращеніе и распутство Іерусалима, не нашелъ ничего хуже, какъ уподобить сей городъ женщинѣ, которая разлагаетъ колѣна свои всякому мимо идущему, созидаетъ на распутіяхъ домы блудническіе, которая платитъ даже блудникамъ своимъ, и упрашиваетъ ихъ приходить опять, которая еще не насытясь таковымъ любодѣяніемъ и прелюбодѣяніемъ съ людьми, сшиваетъ изъ разныхъ матерій, на подобіе мужскихъ дѣтородныхъ частей и утѣшаетъ себя ими. Пророчества Іезекиля, гл. 16, ст. 16 и далѣе.

Непотребность женщинъ не доказывается ли и тѣмъ, что онѣ во всѣхъ религіяхъ не допускаются въ чины священства. И святая вѣра греческая именно возбраняетъ имъ во святая святыхъ. Можетъ быть, женщины въ защиту своего пола скажутъ: „Если весь родъ нашъ есть ничто иное, какъ зло сего міра, то почему же Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, Онъ же и Богъ, захотѣлъ чрезъ Дѣву войти въ свѣтъ?“

На вопросъ надобно быть отвѣту — вотъ онъ.

Марія, какъ повѣствуетъ святое писаніе, была единая Божественная Дѣва во всемъ родѣ Израилевомъ, хотя народъ сей изъ всѣхъ былъ исключительно любезенъ Богу; но она въ немъ нашлась только единая того достойная, и слѣдовательно была единая въ цѣломъ мірѣ цѣломудренная, которой нѣтъ примѣра, и отъ которой родился Христосъ и ни кто больше.

„Марія успе сномъ вѣчнымъ и благимъ, не оставя намъ жены наслѣдія своего“.

И такъ по преданію св. праведныхъ отецъ нашихъ, и по многимъ доводамъ видимъ мы, что женщина есть діаволъ надъ діаволомъ;—послушаемъ же теперь, что скажутъ намъ древніе наши философы, испытавшіе на себѣ тяжесть женскаго бремени.

Тертуліанъ пишетъ: „нисколько надобно страшиться гнѣва діавольскаго, какъ гнѣва жены. Ибо діаволъ, дѣлая зло, дѣлаетъ оное одинъ, самъ собою, но женщина злобствуя, воспомоществуется цѣлымъ адомъ“.

Плутархъ вотъ что говоритъ о женщинахъ: нѣтъ ничего оборотливѣе языка женскаго, и нѣтъ ядовитѣе словъ ея, нѣтъ опаснѣе сердца ея и обманчивѣе ея слезъ. Плачъ женскій предвѣщаетъ уже намѣреніе обмануть.

Платонъ благодаритъ Бога за три вещи: 1) что онъ грекъ, а не варваръ, 2) что рожденъ человѣкомъ, а не скотомъ и 3) что созданъ мужчиною, и не женщиною.

Оригенъ называетъ женщину началомъ грѣха, орудіемъ діавола, причиною изгнанія Адама изъ рая, первою преступницею заповѣди Божіей и вдобавокъ говоритъ, что Іовъ многострадальный не имѣлъ у себя столь великаго и непреоборимаго врага, какъ жену свою, и что по чему, діаволъ, лишивъ его всего любезнаго, оставилъ ее для того единственно, дабы чрезъ нее достигнуть своего намѣренія, т. е. принудить его возропщать на Господа.

Катонъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ слѣдующее: мудрость и истинный разумъ не могутъ быть согласными съ женскимъ своенравіемъ; родъ женскій зараженъ единственно завистью и ложнымъ честолюбіемъ.

Важный Симонидъ, будучи вопрошенъ: что есть женщина? — „Она есть первое зеркало непостоянства, посрамленіе человѣчества, безпрерывная злоба для мужчинъ, война неутомимая семействъ, вредъ, видимый повседневно, препятствіе ихъ уединенію, самая ядовитѣйшая скорпія и бремя неудобоносимое“.

Пишетъ Марціалъ: нѣтъ ничего на свѣтѣ хуже женщины; нельзя изъ всего ихъ пола обрѣсть единой, прямой, добродѣтельной; а ежели бы кто изыскалъ сему противное, это-бы было диво всего свѣта.

Такъ Ливій и повѣствуетъ, что первое употребленіе яда и всѣхъ отравъ, а также и всѣхъ злодѣйствъ и суевѣрій, все сіе произошло отъ женщинъ.

Дамврій, въ одномъ письмѣ своемъ, изъясняетъ о женщинахъ такъ: женщина имѣетъ ярость львиную, похоть козлиную, а вѣроломствомъ и ухищреніемъ превосходитъ всѣхъ тварей на свѣтѣ.

Аристотель называетъ женщинъ животными, безпрестанно болтающими вздоръ, и никогда не слышно отъ нихъ, чтобы поговорили единственно для показанія и отъ чистаго сердца о своей добродѣтели, и чтобы въ рѣчь ихъ входило благоразуміе, но всегда слышимъ ихъ лепечущими о честолюбіи и единственно по своему непостоянству. Онъ совѣтуетъ подобныхъ сему мужчинъ одѣвать въ женское платье.

Однажды спросили Пиѳагора, для чего онъ отдалъ дочь свою за величайшаго своего непріятеля? для того, чтобы отмстить ему, — отвѣчалъ онъ. Я не нашелъ ничего лучшаго, какъ женить его, — женщина не есть-ли самое ядовитое животное; не всѣмъ ли извѣстно, что она имѣетъ два нетерпимѣйшихъ свойства: одно есть честолюбіе, а другое — властолюбіе.

Сервилій, философствуя о свойствѣ женъ, говоритъ: женщина есть хамелеонъ, любящій вѣтеръ и перемѣняющій цвѣтъ кожи своея по цвѣту мѣста, гдѣ онъ находится. Она влюбляется во всякій видимый предметъ, но въ этотъ же часъ перебѣгаетъ къ другому. Женщины были, есть и будутъ всегдашними и совершенными художницами злодѣйства. Онѣ не только что суть первою причиною грѣха и смерти, но источникъ всѣхъ несчастій, видимыхъ въ мірѣ. Подобно, какъ волъ сотворенъ къ воздѣлыванію земли, птицы къ порханію въ воздухѣ, песъ въ ловитвѣ, обезьяна для увеселенія, — такъ женщина и чортъ созданы для пакостей всему роду человѣческому.

Діогенъ-Циникъ удостовѣряетъ, что нѣтъ въ свѣтѣ худшаго предзнаменованія, какъ первая по выходѣ изъ дома встрѣча воспослѣдуетъ съ женщиною, и непремѣнно должно, чтобы не случилось непріятностей, или самаго несчастія, — возвратиться домой, оставя исполненіе своихъ намѣреній до другого времени.

Преданіе египтянъ вотъ что говоритъ о первоначальномъ рожденіи женщины:

„Рѣка Нилъ, выступая въ раннія свои времена изъ предѣловъ ей назначенныхъ берегами, и разлившись болѣе нежели она разливается нынѣ, оставила потомъ, по слитіи водъ, множество на землѣ иловатыхъ частицъ, кои съ помощію вѣтра и по своей клейкости соединяясь и сцѣпляясь между собою, а притомъ будучи обогрѣваемы солнцемъ, произвели изъ сего множества разныхъ животныхъ, между коими женщины и зміи были первыми по величинѣ своей твари.

При крещеніи младенца мужскаго пола священникъ изгоняетъ изъ него нечистаго духа двадцать разъ, но при крещеніи дѣвицы тридцать. А сіе есть конечно важнымъ доказательствомъ, что діаволъ весьма любитъ женскій полъ, и

что хотя въ тогдашнее время силою молитвъ и принужденнымъ находитъ себя отступить отъ дѣвицы,— по прилѣ-возрастѣ онъ опять къ ней привѣрѣпляется и, повидимому, вѣчно уже не отстаетъ.

Древнія изустныя преданія много также повѣтствуютъ намъ о тѣсной дружбѣ женщинъ съ Вельзевуломъ и о оныхъ хитрости, пронырствахъ и злодѣяніяхъ. Вопшемъ сюда нѣкоторыя изъ нихъ.

НИЩІЕ.

Древнее изустное преданіе.

Два друга, питающіеся мірскимъ подаяніемъ, жили съ самыхъ юныхъ лѣтъ въ совершенномъ согласіи; они не вѣдали объ имѣніи вражды. Два ихъ тѣла составляли единую душу. И такъ какъ единъ изъ нихъ ослѣпъ, то другой былъ ему стражемъ его покоя.

Непримиримый врагъ человѣчества, адское исчадіе, злой демонъ взиралъ на толикое ихъ согласіе пасмурными глазами. Гдѣ есть согласіе, тамъ раздоръ быть не можетъ, гдѣ нѣтъ раздора— нѣтъ и грѣха, а гдѣ нѣтъ грѣха, тамъ не можетъ быть и діаволъ; но сносно ли для него, чтобы не быть ему тамъ, гдѣ онъ хочетъ?—а онъ хочетъ быть вездѣ.

Всѣ ухищренія ада истощены были имъ для поселенія вражды между столь тѣсными друзьями, но сіи, вопреки діаволу, жили въ совершенномъ согласіи. Такимъ постояннымъ ихъ дружествомъ— утомленный, злодѣй рѣшился на послѣднее дѣйство, яко вѣрнѣйшее прочихъ всѣхъ: онъ открываетъ свое негодованіе женщинѣ, если она поссоритъ сихъ друзей,—возвратитъ ея молодость и сдѣлаетъ красавицей.

Какая изъ женщинъ не согласится на всѣ злодѣянія, для сей, толико важной для нихъ награды? Онѣ не пожелаютъ быть разумными, сострадательными и справедливыми: нѣтъ, нѣтъ, онѣ никогда не пожелаютъ ни одной изъ семи добродѣтелей Евангельскихъ, ихъ гордость ведетъ къ властолюбію, а для сего нужна молодость и красота.

Злодѣйка съ радостью принимаетъ на себя бремя Сатаны и начинаетъ играть первую роль ада. Она встаетъ на другой день ранѣе обыкновеннаго (ибо не спала во всю ночь, выдумывая хитрости къ уловленію праведниковъ), мѣситъ квашню и дѣлаетъ хлѣбы, сажаетъ оные въ истопленную печь, и одинъ не совершенно доспеченный вынимаетъ изъ жару. Съ симъ то пагубнымъ хлѣбомъ бѣжитъ къ бѣднымъ друзьямъ и, подавая въ окно, говоритъ зрячему сіи двусмысленныя слова: примите? бѣдные люди, и кушайте на здоровье; вотъ вамъ теплый хлѣбъ да сыръ. Принявшій благодаритъ женщину, слѣпой приподнявшись съ своего ложа также благословляетъ. Но сія фурія, не внимая ихъ признательности, а желая получить обѣщанное, оставляетъ діавола у окна, дабы онъ могъ тотъ же часъ увидѣть, что она умѣетъ дѣлать то, за что возьмется,— и идетъ въ баню.

Слѣпой старикъ, услыша о тепломъ хлѣбѣ, попросилъ у зрячаго отрѣзать ему отъ него ломтикъ; тотъ немедленно выполняетъ просьбу своего друга. Сей также пожелалъ отвѣдать и сыру, ибо слышалъ, что женщина сказала—вотъ вамъ теплый хлѣбъ да сыръ. Товарищъ увѣряетъ, что онъ не только не получалъ никакого сыру, но и не видалъ. Слѣпой, слыша таковыя отрицанія, не не зналъ что подумать: онъ ясно слышалъ выговоренное слово сыръ.

Во время размышленія вкралось по-

немногу подозрѣніе въ невинное его сердце. Уже онъ считалъ друга своего вѣроломнымъ обманщикомъ. Первый помыселъ ведетъ къ другому; малое преступленіе рождаетъ великое: дошло сначала до небольшихъ укоризнъ, потомъ вспыхнула ясная война, и друзья — отъ ухищренія языка женскаго — должны были наконецъ разойтись.

И такъ, одно двусмысленное слово, выговоренное злодѣйкою, сдѣлалось причиною разрыва дружбы и основаніемъ вражды. Вотъ вамъ хлѣбъ, да сыръ, такъ сказала подаваючи милостыню хитрая старуха. Съ одной стороны слова сіи могутъ означать и хлѣбъ и настоящій сыръ: съ другой же — одинъ только хлѣбъ, который не доеченъ, какъ должно, а потому называется сыръ, что было и справедливо.

Кто же можетъ выдумать кромѣ женщины подобное сему?

Вотъ еще достовѣрное сказаніе одного мужа, отличавшагося, какъ святымъ житіемъ своимъ, такъ и проповѣданіемъ рукописныхъ преданій.

Двадцать лѣтъ діаволъ соблазнялъ единаго мужа въ ссорѣ съ его женою; но сей, будучи, кротокъ сердцемъ, уклонялся отъ вздоровъ жены, хотя она и часто отъ діавола имѣла поводъ къ справедливости на него негодованія.

Гражданинъ ада лишился уже всей надежды собрать плоды съ трудовъ своихъ, какъ вдругъ пришло ему на мысль, вмѣшать въ это дѣло еще женщину. Гдѣ нельзя найти таковыхъ услужницъ? Кто дѣлаетъ сплетни? женщины! кто любитъ злословить? — женщины! О Боже вездѣ, во всѣхъ и всегда негодное дѣло, — есть дѣло руки женской!!...

Коварная злодѣйка соглашается разстроить семейство и за какую же плату? за пару новыхъ башмаковъ! Сія достойная тщеръ тартара идетъ къ упомянутой чегѣ, зная, что мужъ въ то время находится только одинъ въ домѣ Она объявляетъ ему за тайну, что жена его имѣетъ непозволенное обхожденіе съ однимъ молодымъ человѣкомъ, что это она знаетъ достовѣрно и можетъ доказать. Мужъ, будучи въ прочемъ равнодушный ко всему, заражается ревностію. Сія фурія, грызущая сердце и питающаяся мученіемъ, представляетъ ему во всемъ блескѣ красоты, какое терпитъ онъ чрезъ непотребную безчестіе.

Жена прелюбодѣйца наноситъ безчестіе мужу и выставляетъ его посмѣшищемъ для народа; но мужъ, не любящій жены своей, не дѣлаетъ ей никакого пятна, а приводитъ только другихъ въ жалость о ея участи. Жена прелюбодѣйца не вложитъ ли мужу омерзѣніе къ себѣ и особенно къ тому сосуду, которымъ по закону, долженъ онъ наслаждаться одинъ. Въ части мужской, изданной для размноженія рода человѣческаго, не остается ничего по соитіи, но въ части женской остается нѣчто всѣмъ извѣстное. И такъ мужъ, воображая найти въ женѣ своей изліяніе другаго, по справедливости мерзитъ женою блудницею. — Но возвратимся къ искусительницѣ.

Единая наперница Сатаны, дабы излить весь ядъ въ чувствительное сердце мужа, прибавляетъ къ первой лжи еще большую клевету: она съ таинственнымъ видомъ въ полголоса напѣваетъ ему на ухо, чтобы онъ какъ можно, остерегался коварствъ жены своей, которая посягаетъ на самую жизнь его. — „Осматривай, говоритъ она ему, осматривай со тщаніемъ всегда свою постель и бойся, чтобы сонъ временный не обратился въ вѣчный“. — Такимъ образомъ, встревожа спокойствіе мужа, пошла искать жену.

Женщина все то найдетъ, чего ищетъ и, не исполняя своихъ намѣреній, не можетъ быть покойна. Она, хотя бы это

стоило потери ея славы доброй, на что разъ рѣшится, то уже исполнитъ непремѣнно. Такъ сдѣлала и сія скаредная сплетница. Она отыскала жену и наговорила ей на мужа, что только могло прійти въ ея голову, и также не упустила говорить, что мужъ ее не любитъ, что онъ имѣетъ любовницу, съ которой имѣетъ частыя и секретныя свиданія.

Жена, будучи и безъ сего нрава сварливаго, рветъ со злобою на себѣ волосы, и клянется отмстить мужу за презрѣніе ея прелестей, но ихъ хотя она и не имѣла, но у злодѣйки, подкупленной діаволомъ, были совсѣмъ другія мысли. Она съ давняго времени была влюблена въ того, котораго теперь панчувствительнѣйше огорчила: она сама желала быть на мѣстѣ разсерженной жены, и такъ искала погибели ей, а не ему.—Вотъ— мыслила она, вотъ случай, чрезъ который могу получить пару новыхъ башмаковъ и любовника, изъ котораго, современемъ, сдѣлаю себѣ мужа.

Планъ расположенъ, должно дѣйствовать. Скаредная медуза представляетъ женѣ, что ясное и скорое нападеніе есть средство весьма опасное, что должно прежде всего стараться обратить мужа къ его должности, а потомъ исподволь искоренить соперницу. Она предлагаетъ ей ножъ, который въ ту же минуту и подала.

„Этотъ ножъ (такъ продолжаетъ злодѣйка свою рѣчь) есть обвороженный талисманъ: стоитъ только положить подъ изголовье, ложась спать, и все передѣлается по нашему“.

Она изъ предосторожности запретила раздраженной женѣ показывать мужу даже сердитый видъ, но велѣла быть веселою и спокойною.—Ибо,—такъ она увѣряла,—обвороженіе не замедлитъ подѣйствовать.

Наступила ночь. Жена, ложась въ постель, не позабыла положить роковое желѣзо въ назначенное мѣсто и, твердо надѣясь на увѣреніе своей сосѣдки, скоро засыпаетъ. Но мужъ находился совсѣмъ въ другомъ размышленіи: веселый видъ жены удостовѣрилъ его въ точности ея непотребства. Онъ помнитъ также наставленіе, данное ему сосѣдкою, что жена посягаетъ на жизнь его. Несчастный,— почти не дыша,—подходитъ къ спящей, осматриваетъ съ осторожностію постель, и большой ножъ передъ его глазами. Видъ страшнаго сего орудія приводитъ его въ трепетъ, но ярость въ ту же минуту заступаетъ мѣсто ужаса,—онъ съ стремленіемъ схватываетъ смертоносный инструментъ и вскричалъ: „Злодѣйка! не довольно ли того, что ты безчестишь меня мерзкимъ своимъ поведеніемъ, но стремишься еще и лишить меня жизни,— и такъ умри сама! Смерть твоя, можетъ быть, послужитъ тебѣ къ очищенію прегрѣшеній, и кровь омоетъ стыдъ мой!...“

Жена открываетъ глаза, но съ тѣмъ, чтобы сомкнуть ихъ опять на вѣки, ибо острое желѣзо было уже въ ея сердцѣ. Успѣла однакожъ она своему мужу объявить, что значитъ ножъ сей и для чего положенъ.

„Боже!—возопилъ невинный убійца:— и такъ мы оба обмануты злодѣйкою! она мнѣ сказала также о тебѣ, что ты распутствуешь и ищешь умертвить меня. Теперь умремъ оба! Я не могу жить послѣ такого злодѣянія, и хотя я не такъ виненъ какъ разбойникъ, но убійство подобнаго себѣ требуетъ возмѣстія“.

Выговоривъ сіе, вынимаетъ онъ ножъ изъ сердца жены, и вонзаетъ въ собственное свое.

Вотъ вдругъ двѣ жертвы, поверженныя женскимъ коварствомъ! Женщины никогда не смотрятъ на послѣдствія зла; ихъ дальновидность простирается не да-

лѣе конца ихъ носа. Онѣ, думая о настоящемъ, не судятъ о будущемъ. Своенравіе есть господствующая въ нихъ страсть и чрезъ сіе часто онѣ дѣлаютъ вредъ даже самимъ себѣ, —корысть правитъ ихъ сердцами, самолюбіе ввергаетъ въ гордость, а гордость есть мать пороковъ.

Всѣхъ много бы можно было еще написать здѣсь примѣровъ, подающихъ намъ вѣрное понятіе о твари, называемой женщинами. Но оставимъ трудъ сей. Довольно, когда самое священное писаніе говоритъ о нихъ, какъ о извергахъ рода человѣческаго; когда древніе философы говорятъ то же; когда сами мы, къ несчастію нашему, видимъ ежечасно подтвержденіи всего въ преждебывшіе и отдаленнѣйшіе вѣка описаннаго, къ сожалѣнію, съ новыми прибавленіями обмановъ и прочаго.

И такъ, вотъ что есть женщина въ новомъ ея видѣ! да войдетъ всякой въ точность ихъ характера; пусть проникнетъ всякій прямо философическими непристрастными глазами въ ихъ внутренность; пускай разберетъ сердца ихъ и анатомируетъ до самой мелочи.

Тогда это можно сказать безъ изъясненія всякому вмѣстѣ съ Соломономъ: „жена есть зло всѣхъ злѣйшее на землѣ“.

МЕЧТЫ.

Обмануть я!
Прочь отъ меня
Мои мечты!
Ея черты,
Я васъ любилъ,
Я васъ ловилъ
И день и ночь!
Летите прочь!
Обмануть я!...
Она мила;
Она одна!—
Ей равныхъ нѣтъ!
Но съ раннихъ лѣтъ
Ей туалетъ
И цѣлый свѣтъ
Одно твердилъ:
Ее хвалилъ.
Она мила!
Но влюблена
Въ одну себя!

Лѣта бѣгутъ
Лѣта уйдутъ!
Лови, лови
Часы любви!
Измѣнитъ свѣтъ
И туалетъ,
Амуръ вспорхнетъ
И отлетитъ!
За нимъ уйдетъ
Рой волокитъ!
Пора мечты
И красоты,
Какъ сонъ пройдетъ
И не придетъ...
Далекъ страстей
Я встрѣтясь съ ней
Скажу тогда
Съ усмѣшкой —да!
Она мила...
Была!!!...

Сновидѣніе.

Вчерась мнѣ виделось во снѣ
Что былъ я въ рощицѣ прекрасной
И тамъ одинъ на муравѣ атласной
Лежалъ—и будто бы ко мнѣ
Съ улыбкой милой, страстной
Явилась дѣвушка, легла
И поцѣлуемъ кровь зажгла.
Ахъ! съ нею въ красотѣ сравниться
Лишь могутъ граціи однѣ,
Я обнялъ, обнялъ и вполнѣ
Уже готовъ былъ насладиться.
Какъ вдругъ! о Боже мой! жена
Толкнула такъ меня со сна,
Что долженъ былъ я пробудиться
И милой дѣвушки лишиться;
Какъ жаль, какъ больно было мнѣ!
Досталось же за то женѣ!...

Лунатикъ по неволѣ.

Сказка.

Жилъ былъ стариннаго покрою
Драгунскій храбрый капитанъ,
Наскучивъ службой, маршъ къ покою
Въ деревню штурмовать крестьянъ.
Чтобъ дать герою блеску болѣ,
Скажу о немъ, каковъ онъ былъ.
Онъ вѣкъ провелъ на ратномъ полѣ,
Курилъ табакъ и храбро пилъ.
Усы колечкомъ извивались
Вокругъ носа римскаго его,
На верхню губу опирались,
Смотрѣли вкось изъ-подъ него.
Лицо рябинами покрыто
Пестро, какъ рѣшето иль сито,
И словомъ—прямо кавалеръ
Драгунскій храбрый офицеръ.

Чѣмъ онъ въ деревнѣ занимался?
Крестьянамъ тактику читалъ,
Строи, атаки толковалъ
И самъ собою любовался.
И вдругъ, не знаю почему,
Влюбиться вздумалось ему.
Драгунскій капитанъ—не шутка!
Впередъ не станетъ отлагать:
Взглянувъ—пошелъ атаковать.
Удача иль отказъ—имъ дутка.

Сударыни, онъ началъ такъ:
Ты видишь—я мужикъ простакъ
Въ словахъ, въ любви не знаю сладу:
Когда сдаешься, честь отдамъ.
И въ мигъ ударили по рукамъ.
Дѣвица слова не дала,
Съ улыбкой на него взглянула,
Умомъ и разумомъ смекнула,
Что кладъ въ мужья себѣ нашла.
У многихъ женщинъ есть замашка:
Хоть мало въ простакѣ пути,
Охотно за него идти.
Такой-де, мужъ, женѣ рубашка!
Имъ можно такъ и сякъ вертѣть,
Подчасъ заснуть ему велѣть,
Подчасъ-чуть-чуть глаза прищурить,
А иногда совсѣмъ зажмурить.
И такъ за свадебку пиркомъ,
И—здравствуй съ милымъ муженькомъ.

Живутъ они мѣсяцы и годы,
Горюетъ съ муженькомъ жена,
Мужъ человѣкъ старинной моды;
Жена въ столицѣ рождена.
Ну какъ же мужемъ не наскучить?
Онъ можетъ съ нѣжностью своей
Въ два мѣсяца жену измучить.
Драгунъ въ любви—прямой злодѣй.
Все имъ сраженье, да сраженье,
Атаки, приступы и строй;
Заря—маршъ воинъ на ученье:
Отбили—но онъ все герой.

Межъ тѣмъ какою то судьбою
Въ деревню къ моему герою
Пріѣхалъ молодой дворянинъ:
Имѣлъ деревни, деньги, чинъ,
Умѣлъ пришаркнуть, изгибаться,
По модѣ быть одѣтъ, чесаться,
На языкѣ залетъ, рѣзецъ,
Плъ франтовъ мудрый молодецъ!
Ума онъ не имѣлъ, и стало
Въ немъ ничего не доставало,
Чтобъ женщину собой плѣнить.
Прошло съ недѣлю, или болѣ.
Драгунская жена въ неволѣ.
Охотно рада полюбить
И мужу новый лавръ привить:
Но какъ? когда? помыслить должно:
У воина всегда дозоръ,
За всѣми онъ смотритъ осторожно—
И вѣчно ихъ не дремлетъ взоръ.
Извѣстно всѣмъ, что сынъ Киприды
Увертливъ, хитеръ и плутоватъ—
На вымыслы, жестокъ, богатъ,
Охотно дѣлаетъ обиды
Сѣдымъ и пожилымъ мужьямъ,
Ну такъ, что слишкомъ худо любямъ.
Въ жену онъ хитрости вселяетъ,
Жену помыслить заставляетъ
Чѣмъ нуждѣ, горю подсобить—
Посмотримъ, какъ начнутъ шутить.

Герой, измученный трудами,
Лежалъ въ постели, на боку;
Сосалъ онъ трубку табаку,
Пыхтѣлъ, похлопывалъ глазами,
Сидѣла близь него жена:
Смущенно, томно воздыхала,
Притворно слезы проливала.
На толь, на толь мнѣ жизнь дана,
Чтобъ вѣчно мучиться, терзаться,
И большихъ горестей дождаться?—
Какихъ? герой мой вопросилъ:
Иль непріятель близко подступилъ?
Иль думаетъ начать блокаду?
Иль съ мѣста сбилъ мою засаду?

Или—Плутонъ? Впередъ ступай—
Пали, скорѣе заѣзжай—
Колонна будетъ—слушай, стройся. .—
Ахъ, другъ мой милый, успокойся!
Какая, душенька, война?
Несчастлива твоя жена.—
Жена! что развѣ съ плаца сбили!
Но мы пардона не просили.
Но то и я хочу сказать,
Хотябъ желала помолчать:
Лунатикъ ты. —Кто? я?!... Такъ точно:
И здравіе твое не прочно:
Забылъ, что ночью дѣлалъ ты?
Я ночью дѣлалъ то, что должно
Какія страшныя мечты!
—Сперва легонько, осторожно
Вскочилъ и въ дырочку пролѣзъ,
Не хлопнулъ дверью и безъ стуку:
Потомъ взялъ шестъ предлинный въ руку
На крышку по стѣнѣ пролѣзъ:
Сидѣлъ съ минуту, ослушался,
Смѣялся, плакалъ и сердился
И къ счастію въ постелю лѣгъ.
За палецъ и тебя схватила,
Рукою жала и давила,
Чтобъ только ты проснуться могъ,
И въ самомъ дѣлѣ такъ случилось,
Что храбрый капитанъ во снѣ,
Сражался съ кѣмъ то на войнѣ,
Воображенье воспалилось!
Слича слова жены своей
Съ ночнымъ мечтательнымъ исходомъ,
Въ минуту сдѣлался уродомъ,
Душевно въ томъ повѣривъ ей.

Какъ славный винопой съ похмѣлья
Надувшись, безъ вина сидитъ,
И вспомня прежни дни веселья,
Повѣсивъ рыло, чуть пыхтитъ,
Такъ мой герой воображенья
Погрялъ въ печаль и размышленья.

И такъ лунатикъ точно я?
— Ахъ, точно истинно, душа моя,
Чтожъ будешь дѣлать ты со мною?
— Хочу за лекаремъ послать.
Но гдѣ его въ деревнѣ взять?
Вчера вечернею зарею
Пріѣхалъ Милонъ, нашъ сосѣдъ,
Такъ нѣтъ-ли съ нимъ,—а если нѣтъ?
— И! какъ не быть. Пошли скорѣе
И самой молніи быстрѣе
Жена послала за дружкомъ,
Чтобы онъ съ лекарскимъ лицомъ,
Въ одеждѣ мудрой, черной, длинной,
Какъ нѣмецъ, скромный, благочинный,
Къ нимъ въ домъ съ рецептами предсталъ.
Минута—медикусъ подложный
Махнулъ съ курьерской подорожной.
Герой взглянулъ,—затрепеталъ.
Какъ туча черная нахмурясь,
Дождемъ и молніей грозитъ,
Такъ лекарь нетоурясь
Героемъ, взоромъ смерть сулитъ.
На что ни смотритъ,—поглощаетъ,
Увидя лекаря съ собой,
Дрожитъ, трясется, обмираетъ,
Умомъ страдающій герой.
Такъ смотритъ нашъ солистъ извѣстный,
Нѣмецкой мастеръ гробовой,
Фигуря ножкою прелестной
И въ танцахъ носитъ смерть съ собой.
Ступая чинно, благородно,
Какъ нѣмчура—легко свободно
Чуть дамѣ руку подаетъ,
То будто въ гробъ зоветъ.

Лоча подагры, водяныя,
Горячки: съ пятнами, простыя,
Мигрень, изжогу, немъ въ костяхъ,
Истерики и лихорадки,
Всѣ женски нынѣшни припадки,
Скажу въ короткихъ вамъ словахъ,
Я отрасль древняго колѣна,
Родной племянникъ Галліена,
Мнѣ шуринъ славный Ипократъ
И Эскуланъ крестовый братъ,
И вся мнѣ медицина—сватъ.
Нужна ли жизнь кому?—дамъ душу:
Свалить ли съ ногъ кого? тотчасъ
Я солидаю, строю, рушу,
И умерщвляю все какъ разъ».
Сказалъ и руку взялъ больнаго.
Герой мой струсилъ, задрожалъ.
У лекарей вѣдь нѣтъ святаго.
Они всѣхъ давятъ на повалъ.

Ты подъ какой рожденъ планетой?
Не знаю я науки этой.
Рожденъ ты точно подъ луной,
И такъ лунатикъ ты другъ мой.—
— Лунатикъ, точно? О! конечно;
Ты долженъ вѣрить въ этомъ мнѣ.
Ну, частоль бредишь ты во снѣ?
— И нѣтъ, мой другъ любезный,—вѣчно.
Скажи— ты хочешь облегченья?
— Безъ всякаго, сударь, сомнѣнья.
Когда не въ духѣ умирать,

Себя ты долженъ пеленать,
Когда ложиться будешь спать.
— Какъ! пеленать?—Ни слова болѣ.
Да, да, промолвила жена.
Иль спеленаю по неволѣ:
Вылѣчивать мнѣ власть дана.

Сказалъ—и сдѣлалъ грозну рожу,
Прихлопнулъ дверью и пошелъ.
Герою подрало всю кожу,
Герой отъ страха онемѣлъ.

— Какъ пеленать? на что похоже,
И что я буду за дуракъ?—
Но если жизнь всего дороже,
То для чего жъ, мой другъ? Никакъ!
Такъ ты не хочешь согласиться?
Терзай несчастную жену,
Заставь ее всего страшиться.
Заставь ее страдать одну;
Заставь, чтобъ съ смертію твоею
Пошла я по міру съ семьею.
Ты любишь, а велишь стенать.
И въ нищетѣ мнѣ умирать
И слезы ложны полились.—
Зарюмилъ, тронувшись, герой:
«Не плачь, супруга, не крушись,
Что хочешь дѣлай ты со мною».—
И сталъ на все простакъ согласенъ.

Какъ милъ, какъ уменъ, прекрасенъ,
Нельзя тебя не цѣловать,
Нельзя тебя не обожать;
Вотъ мужъ любезный и примѣрный,
Послушливый, тихій, кроткій, вѣрный!
Вотъ мужъ—примолвлю: дуракъ!
Но кто не обольщенъ женою?
Онѣ вертятся сатаною
Въ мигъ обратятъ въ Мединцевъ Шишакъ.

Уже чуть солнышко блистало,
Стыдясь передъ розовой зарей,
И искры тусклыя бросало
Отъ угасающихъ лучей.
Герой въ постелю лечь сбирался:
Онъ легъ и тотчасъ спеленался.

Такъ дамы моды на заказъ,
Какъ будто куклы на показъ,
Вокругъ себя и все шнуруютъ—
Чтобы не тронуться рукой,
Чтобъ не умѣть ступить ногой—
И какъ статуйки маршируютъ.
Герой заснулъ,—но гдѣ жена?
Какъ ласточка съ гнѣзда вспорхнула
Съ дружечкомъ милымъ прикорнула.
Имѣетъ тонкій вкусъ она.
Жена?—кой чортъ не отвѣчаетъ?
Жена!—ахти, какъ крѣпко спитъ!
Жена! герой мой продолжаетъ—
И видитъ, что одинъ лежитъ.
Желалъ бы тотчасъ приподняться,
Но, какъ? нельзя распеленаться.
Желалъ бы въ мигъ маршировать
Стучать начаянну тревогу,
Но, какъ? ни руку онъ, ни ногу
Не въ состояніи поднять.

Клянусь честью капитана,
Что я въ любезныхъ дуракахъ,
Что изъ меня срамца, болвана
Сыграли при моихъ глазахъ.
Клянусь, и во чтобъ ни стало...
Надулся въ мигъ—и одѣяло,
Пеленки порвались какъ разъ,
И вставъ въ пріятномъ безпорядкѣ,
Какъ мать героя родила,
Трясется, будто въ лихорадкѣ,
И хочетъ ревизовать дѣла.

Луна въ окошко чуть мелькала
Рисуя на стѣнѣ лучи:
И тусклый свѣтъ свой проливала
Сквозь мраки дремлющей ночи.
Вездѣ, казалось, бродятъ тѣни—
Герой на цыпочкахъ побрелъ.
На все онъ пристально смотрѣлъ,
И вышелъ полегоньку въ сѣни.
Вездѣ разставилъ въ мигъ дозоры,
Вездѣ передовой форпостъ:
Самъ занялъ самый важный постъ,
Другіе приперъ на запоры:
Не можно птичкѣ пропорхнуть.
Была каморка межъ другими,
Гдѣ вздумалось женѣ заснуть:
Туда онъ захотѣлъ взглянуть
Очами ясными своими.
Взглянулъ—и что же тамъ нашелъ,
Чего бы вѣчно не хотѣлъ.

Власы волнисты разсыпались
У ней небрежно по грудямъ:
Сквозь нихъ, какъ нехотя, казались
Цвѣточки алыя глазамъ.
Изъ устъ чуть вздохи вылетали,
И капли пота осушали
На розовыхъ ея щекахъ:
Слегка свернулось одѣяло
И будто съ нуждой открывало

Картину рѣдкую для грезъ.
Любовникъ нѣжный, несравненный,
Ея ласканьемъ упоенный,
Казалося въ послѣдній разъ
Вздохнулъ—и огнь въ лицѣ погасъ.

Къ ружью!—дозоръ идетъ скорѣй—
И началъ шевелить усы—
Вставайте—время на часы.
Ну, становись во фронтъ примѣ!
Жена упала передъ нимъ,
Упала не сказавъ ни слова.
Къ отвѣту будь теперь готова,
А тамъ съ врагомъ поговоримъ!

Представьте нѣжну Афродиту,
Семнадцати не болѣ лѣтъ,
Смертельной блѣдностью покрыту,
Изъ глазъ слеза струей течетъ,
Когда упала на колѣни,
Вулканова внимая пѣни:
Когда едва пощады ждетъ
Представьте грознаго Ареи
Преображеннаго въ Орфея,
Онъ чуть отъ страха не умретъ
Любовникъ это драгоцѣнный.

Сдаешься ты военноплѣнной?
Слабеньки городъ защищать!
Оставимъ же и мы блокаду
И перестанемъ осаждать.
Но будемъ впрочемъ ретираду
За вашу трусость почитать;
И мирные принявъ законы,
Введемъ мы въ крѣпость гарнизоны
И нужные посты займемъ;
Пардонъ, жена,—пардонъ даемъ,
Но съ тѣмъ, чтобъ крѣпко защищаться
И въ первый приступъ не сдаваться.
Она коснулася къ рукѣ,
И стала скромно въ уголкѣ.

Ты что въ уцелинѣ засѣлъ?
Герой мой къ Марсу обратился,
Слабенько врагъ мой укрѣпился,
И рано ты ура запѣлъ,
Изъ шанцовъ тотчасъ разстрѣлю.
Ба! ба! да ты меня лѣчилъ?
Ну, видишь ли какъ я вскочилъ
И лунатизмомъ не страдаю,
Я прошпиу рецептъ,—вставай!
Пардона ты не ожидай.

Увы! онъ долженъ приподняться
И съ трусостью повиноваться.
Герой къ нему рѣчь обратилъ:
Ты всю разстроилъ дисциплину,
Не объявивъ впередъ причину,
Войну прегнусную открылъ
И цитадель мою разбилъ.
Такъ точно чтобъ наказанъ былъ.
Стань здѣсь. Хоть чуть пошевелишься,
То цѣлымъ залпомъ вдругъ хвачу,
Я въ стычкахъ вѣчно не шучу.
Махну—и головы лишишься.
Сказалъ и двери отворилъ.
Вотъ дефиле изволь продраться,
Чтобы умѣть ретироваться.
Взмахнулъ ружье—и такъ хватилъ
Ручнымъ его своимъ прикладомъ,
Что нетиметръ мой задомъ, задомъ
Съ двора чуть лыжи навострилъ.
И задѣвшись за пороги,
Съ трудомъ домой направилъ ноги.
А ты, сказалъ герой женѣ,
Забудь, что было на войнѣ,
Забудь сраженія примѣры,
Хоть страждетъ честь, хочу простить.
Нельзя ужъ бреши починить.
Маршъ вдругъ на зимнія квартиры!

Мужья, которы въ сорокъ лѣтъ
На грѣхъ задумали жениться,
Когда уже надежды нѣтъ
Младой дѣвицѣ полюбиться;
Которымъ храбрый офицеръ
Несчастный подаетъ примѣръ:
Всмотритесь—худо жить съ такою
Младой, прекрасною женою,
Что въ дочери годится вамъ,
И не хотя,—но быть бѣдамъ.

ОБНОВА.

Ню... умолкни все въ натурѣ!
Ню подлячаго супругу на бандурѣ.
Жилъ секретарь,
Завалчивая тварь,
А у него была супруга дорогая,
Какая?
О томъ читателю хоть и не скажу
Но точно докажу,
Что баба не повѣса.
Хотя была и стараго остатокъ лѣса
И слишана по русски—топоромъ,
Но дѣло тутъ не въ томъ.
Она была вѣрна и муженька любила,
Коровъ водила,

Варила,
Шила
И такъ секретарю премного удружила.
Супругъ хотя и былъ похожъ на дикобраза,
Жену свою любилъ
И въ угожденіе обнову ей купилъ,
Рабронтъ, съ какой-то сѣткой.
Жена одѣлась и сдѣлалась насѣдкой,
Надулась и носъ къ верху подняла.
Скажешь, о Муза намъ, куда пошла
Надѣвъ обнову?
Доить корову...

63. Забаровскій, Н., художникъ.

„Крестьянскій праздникъ въ деревнѣ (Новгородской губ.)".

Рисовано тушью. Въ 4 д. л. Безъ означенія года.

Его-же. „Старикъ за чтеніемъ книги".

Рисовано тушью. Въ 4 д. л. Безъ означеніе года.

64. Завѣщаніе. Стихотвореніе П. Суслова, собственноручно писанное авторомъ въ половинѣ минувшаго (XIX) вѣка. На двухъ страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Стихотвореніе это пріобрѣтено мною въ книжномъ магазинѣ Трусова, въ Спб.

Привожу здѣсь его полное содержаніе.

Завѣщаніе.

Близокъ, близокъ часъ желанный!
Скоро, милые друзья,
Факелъ грустный, погребальный
Загорится для меня.
Съ вѣтвью масличной въ десницѣ
Я увижу смерть свою,
И подобно голубицѣ,
Въ край отчизны воспарю.

ЗА ЧТЕНІЕМЪ БИБЛІИ.

Рисунокъ Н. Забаровскаго. Изъ собранія А. Е. Бурнова.

Въ край отчизны—гдѣ познаемъ
Пылъ страстей, печалей, бѣдъ,
Гдѣ ни чѣмъ не помрачаемъ,
Блещутъ правды вѣчный свѣтъ!
Въ край отчизны—гдѣ сливаясь
Тонутъ въ безднѣ—тьмы вѣковъ,
Гдѣ цвѣтутъ, не измѣняясь,
Счастье, дружба и любовь:
Гдѣ все дивно, благодатно;
Гдѣ веселью нѣтъ конца:
Гдѣ судьбою коловратной
Не стѣсняются сердца!

*

Не печальтесь о разлукѣ,
Други милые мои!
Въ грозной опыта наукѣ
Протекали мои всѣ дни.
За минуту радость міра
Я платилъ годами бѣдъ,
И—какъ гость уходитъ съ пира—
Ухожу я отъ суетъ.
Подъ грозою въ бурномъ морѣ
Плылъ мой жизненный челнокъ,
Якорь брошенъ—и ужъ болѣ
Не страшусь тебя злой рокъ!
Не боюсь твоихъ клевретовъ.
Мнѣ твердившихъ на землѣ:
Въ горній міръ—души полетовъ
Не достигнуть ихъ стрѣлѣ!

*

Други милые! я съ вами
И за гробомъ буду жить.
Что напрасными слезами
Прахъ безжизненный кропить!
Дайте мѣсто утѣшенью,
Мы увидимся опять
«Смерть есть близкій другъ рожденью!»
Мудрецы намъ говорятъ.

*

О! не ставьте надо мною
Урны съ надписью своей!
Пусть играетъ вѣтръ травою
Надъ могилою моей;
Пусть блистательнымъ привѣтомъ
Солнце холмъ мой веселитъ,
И луна перловымъ свѣтомъ
Въ тишинѣ его даритъ:
Но до сладкаго свиданья
Въ лучшей милой сторонѣ,
Сохраните воспоминанье
Въ вашемъ сердцѣ обо мнѣ!
Сохраните мысль святую,
Что я вѣренъ дружбѣ былъ
И, оставя міръ, тоскую
Все о тѣхъ, кого любилъ!
Съ обновленіемъ природы,
Солнца вѣшняго въ лучахъ,
Проведите часъ свободы
На кладбищѣ, гдѣ мой прахъ;—
Прочитайте изъ «*Свирели*» *)
Стихъ сердечной, но простой,
Спойте пѣсню, что мы пѣли
Въ цвѣтѣ юности златой!
Тѣнь моя плѣнится ею,
И невидимый очамъ
Я вамъ ласкою повѣю
Утѣшительной сердцамъ..
Ощущая близость друга
И въ груди скрывая вздохъ,
Вы цвѣтовъ роднаго луга
На могильный бросьте мохъ!
Этотъ даръ любви и мира
Будетъ сладокъ для меня,
И—какъ гость, жилецъ эфира—
Жертвой сей утѣшусь я.
А когда настанетъ время
Вамъ, чрезъ много, много лѣтъ,
Сбросить грустной жизни бремя,
Чтобъ увидѣть лучшій свѣтъ,
Я и тамъ васъ первый встрѣчу
Лаской искреннихъ рѣчей;
Провожу васъ по лазури
Къ тѣмъ обители небесъ,
Гдѣ безвѣстны міра бури,
Гдѣ безвѣстны токи слезъ;
Гдѣ въ тиши, страстей не зная,
Улетѣвшія съ земли
Души, пьютъ въ истокахъ рая
Жизни вѣчныя струи,
И парящ въ кругахъ эфирныхъ,
Въ средоточіи святомъ,
Въ хорахъ геніевъ счастливыхъ
Забываютъ о земномъ.

Н. Сусловъ.

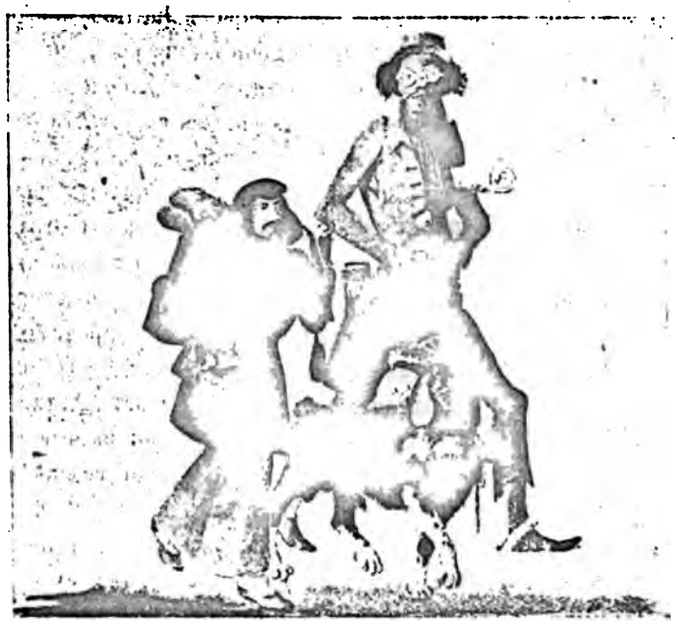
65. **Замокъ.** Рисунокъ карандашомъ художника Владиміра Красильникова, исполненный въ 1812 г.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Л. Ф. Мелина, въ Спб.

*) Подъ симъ названіемъ будутъ изданы сочиненія автора.

Этюдъ женской головки. Фалатъ.

Подлинникъ находится въ собраніи **А. В. Бурцева.**



ЗАКУРИМЪ

Акварель французскаго художника Мюрмоне.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

тки о преподаваніи химиологіи въ реальныхъ учи-
гатья инженера-техно-
Колесника, преподава-
и въ динаб. реальномъ
— Въ четвертку, на 26

эта пріобрѣтена мною у
Семенова, въ Спб.

тки къ Ювеналу. (Sat III.
Собственноручная статья
а Д. И. Нагуевскаго,
скорописью на 9 листахъ
тку, безъ означенія года

ски Александра Дмитріевича
о временахъ Императора
I.—Рукопись XIX вѣка,
160 страницъ, писанная
ю (къ сожалѣнію безъ
конца).

Эти весьма любопытныя записки Балашова представляютъ чрезвычайно важный историческій матеріалъ, который считаю необходимымъ сообщить читателямъ полностію въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился въ имѣющейся у меня рукописи (т. е. безъ начала и конца) и съ орѳографіей подлинника.

Александръ Дмитріевичъ Балашовъ родился въ Москвѣ 13 іюля 1770 года, умеръ въ Кронштадтѣ 8 мая 1837 года. Былъ сперва петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ, потомъ исправляющимъ должность петербургскаго военнаго губернатора (1809—1810 г.), наконецъ былъ министромъ полиціи (1810—1816 гг.), а съ 1820 по 1825 гг. генералъ-губернаторомъ губерній: Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской.

.....„За завтракомъ мы мы пили шампанскимъ здоровье сперва Государя, а потомъ Аглинскаго Короля. Послѣ завтраку онъ просилъ у меня позволенія посмотрѣть, что есть примѣчанія достойнаго въ Ревелѣ; я опасаясь, чтобъ не было его намѣреніе осматривать укрѣпленіевъ, отвѣчалъ ему, что я съ удовольствіемъ ему самъ покажу наши достопамятности, которыхъ впрочемъ число не велико; и такъ мы пошли въ церковь, что на вышь-городѣ, и войдя въ оную, я показалъ Нельсону памятникъ, воздвигнутый Императрицею Екатериною II покойному адмиралу Россійскаго флота Грейгу, сказавъ, что сіе служитъ доказательствомъ тому, что агличане служили Россіи съ усердіемъ, и что Россійскіе Государи уважаютъ сію націю и достоинства оной. Онъ, увидя, помнится мнѣ, три руки на гербѣ, узналъ его и сказалъ: дѣйствительно, вотъ гербъ Грейговъ. Симъ я показываніе мое ограничилъ, сказавъ, что у насъ нѣтъ по истинѣ никакихъ другихъ достопамятностей. Звалъ его обѣдать, но онъ отозвался, сказавъ, что сіе можетъ показаться Государю слишкомъ большою вольностію, безъ полученія еще его отзыву. Я ему говорилъ, что есть ли не обезпокою его, то желалъ бы отдать визитъ ему на его флотѣ; онъ съ пріятностію сіе принялъ и сказалъ, что онъ очень будетъ радъ показать мнѣ флотъ свой, и потомъ подослалъ Полковника Стюара. (который намъ служилъ иногда переводчикомъ, ибо Нельсонъ не свободно изъяснялся по французски) спросить когда я буду; я назначилъ черезъ день, дабы между тѣмъ получить отвѣтъ отъ Государя. Отвѣтъ сей пришелъ на другой день: Государь изволилъ одобрить отзывъ, мною сдѣланной, и приказалъ сходственно тому поступить, то есть, что хотя за всѣми увѣреніями Аглинскаго Двора и нельзя предполагать непріязненныхъ видовъ, но что на сіе полагаться не должно и есть ли бы покусилось послѣ отзыва мною сдѣланнаго Аглинское вооруженное судно приблизиться къ нашимъ берегамъ, то счесть сіе за разрывъ и отражать силу силою.

Мы сговорясь вмѣстѣ съ адмираломъ Спиридовымъ, инженернымъ генераломъ Князевымъ и прочими генералами, пустились на 16 весельномъ катерѣ по утру на флотъ Аглинской и прибыли благополучно; были встрѣчены со всѣми почестями морскими, Нельсонъ самъ показывалъ намъ всѣ части его корабля, водилъ повсюду; и подлинно надлежало любоваться каждому гвоздику или винтику, такъ все отдѣлано рачительно и искусно. Онъ далъ намъ прекрасной завтракъ, разбивъ съ лучшими винами, портеромъ, англинскимъ пивомъ и проч. Показывалъ намъ эстампы своихъ сраженіевъ Абуксирскаго, Копенгагенскаго и протчихъ; показывалъ планы побѣдъ сихъ, разсказывалъ ошибки непріятеля и какъ онъ ими воспользовался; наконецъ показывалъ награжденіи имъ полученныя, луну Турецкую, орденъ для него сдѣланный, эгретъ на шляпу бриллiантовый, другіе ордена, изъ коихъ на немъ было три звѣзды, двѣ рядомъ и третья внизу; но признавался, что дороже или милѣе всего шпага, которую ему поднесли дѣйствовавшіе подъ его командою капитаны въ Абуксирскомъ сраженіи: ефесъ изображаетъ крокодила, на чашкѣ же съ одной стороны емалевое изображеніе сраженія, а съ другой стороны, на синей емали же, имена всѣхъ тѣхъ капитановъ, которые ему подарокъ сей сдѣлали. Въ каютѣ его все убранство стояло въ портретѣ миледи Гамильтонъ его короткой пріятельницы. Осмотрѣвши все, мы простились съ нимъ, и хотя поднялась сильная погода и онъ

предлагалъ намъ взять судно побольше нашего, но мы поупрямились и поѣхали на своимъ катерѣ; сильное волненіе открытаго моря дѣлало переѣздъ нашъ весьма затруднительнымъ и Нельсонъ со флоту видя, что мы уже нѣсколько часовъ боремся съ вѣтромъ, прислалъ къ намъ люгоръ, не захотимъ ли мы пересѣсть въ него; и нѣкоторые было и заговаривали, какъ-то генералъ Князевъ, которой ни живъ, ни мертвъ, лежалъ уже, а не сидѣлъ, но большая часть пересилила, и мы поставили на своемъ, аглинской помощи не приняли и на русскомъ катерѣ доѣхали, хотя правду сказать—были мы въ семъ возвратномъ пути 9 часовъ, дабы совершить мили полторы разстоянія, и пріѣхали уже ночью.

Я доносилъ о всѣхъ движеніяхъ начальника Аглинскаго флота, и чрезъ три дни послѣ сего, получено было повелѣніе объявить Адмиралу Нельсону, что доколѣ останется его эскадра противу береговъ Россійскихъ, дотолѣ остановлены будутъ начавшіеся переговоры въ Петербургѣ съ Лордомъ Сентелегломъ. Лордъ Нельсонъ отправился того же дня, подаря мнѣ медаль, выбитую на побѣду его у Копенгагена.

Вскорѣ послѣ сего происшествія велѣно было мнѣ распустить корпусъ войскъ и миръ съ Англіею былъ заключенъ.

Сего года Іюня 22 числа родился у меня сынъ Дмитрій. Радость моя была не описанная; не имѣя до тѣхъ поръ никогда дѣтей, увидить у себя еще и сына, верхъ моихъ желаній составлявшаго. Государь удостоилъ быть воспреемникомъ и по обыкновенію пожаловалъ перстень. Между тѣмъ послѣдовалъ указъ, которымъ смѣшались нѣкоторымъ образомъ части военная съ гражданскою, касательно Полиціи, и почти разобрать было не возможно, кто долженъ быть Начальникомъ оной, слѣдовательно и города военной ли Губернаторъ или Гражданской; сей товарищъ мой г. Лангель былъ человѣкъ весьма осторожной и весьма крючковатой; онъ заводилъ всегда меня, чтобы я принялъ на себя въ семъ дѣлѣ тотъ видъ, которой его удовлетворитъ желаніе, а меня подвергаетъ отвѣтственности; я писалъ къ К. Голицыну Рижскому военному Губернатору, которой имѣлъ Начальство надъ Гражданскою частію; онъ не взялся меня разрѣшить; я доносилъ Сенату и просилъ разрѣшенія, Сенатъ прислалъ мнѣ указъ, въ которомъ сказано, что прежде военныхъ Губернаторовъ были въ Ревелѣ Оберъ-Коменданты, то и нѣтъ сомнѣнія, какъ поступать мнѣ; но Оберъ-Коменданты были тогда, какъ была Ревельская губернія, а при Императорѣ Павлѣ I отданы Естляндіи ея привилегіи, а по привилегіямъ Полиція должна быть подъ Магистратомъ. Магистратъ же военному Губернатору не подчиненъ, а Оберъ-Комендантамъ Полиція была подчинена, и такъ и тутъ я разрѣшенія не получилъ, а между тѣмъ завелось у меня по сей части много непріятныхъ переписокъ, которыя и продолжались по конецъ сего года: я наскучивъ оными, послалъ прошеніе о увольненіи меня на годъ въ отпускъ. Государь черезъ гр. Ливена приказалъ меня увѣдомить, что Онъ предполагать изволитъ дать мнѣ вмѣсто Ревельскаго Гарнизоннаго полку Санктъ-Петербургской Гренадерской; и что таковое назначеніе не перемѣнитъ ли моего намѣренія ѣхать на такъ продолжительное время въ отпускъ. Я благодарилъ, принималъ СПб. Гренадерской полкъ съ пріятностію, и вмѣсто году просился только на два мѣсяца въ отпускъ.

Въ слѣдъ за симъ, по Высочайшему же повелѣнію, былъ я вопрошонъ: есть

ли у меня въ полку офицеры, достойные служить въ Армейскихъ полкахъ. У меня офицеровъ было много хорошихъ, которые провѣдавъ о томъ, что я и самъ перемѣняю полкъ, приступили ко мнѣ съ просьбами, почти всѣ, чтобы ихъ перевести съ собою въ С.-Петербургскій полкъ. Я представилъ о 53 офицерахъ, меня въ отпускъ отпустили, офицеровъ, у меня изъ полку перевели, но о перемѣнѣ мнѣ полка ни слова ни сказали; и еще въ небытность мою прислала Военная Коллегія выбрать у меня изъ полку лучшихъ 900 человѣкъ, которыхъ и взяли. Около Мая мѣсяца 1802 г. возвратился я въ Ревель, нашелъ Губернатора Гражданскаго полнымъ Начальникомъ городу, войска всѣ выведенными и мой Гарнизонный полкъ въ жалкомъ положеніи; вмѣсто выбывшихъ хорошихъ офицеровъ дали самаго дурнаго поведенія; вмѣсто выбывшихъ нижнихъ чиновъ самыхъ лучшихъ, дали калѣкъ и уродовъ, и я съ Мая и по Сентябрь пробывъ въ семъ положеніи, посовѣстился даромъ брать жалованье и послалъ прошеніе въ отставку; вмѣсто отставки меня изъ милости отпустили въ отпускъ до излеченія. Я поѣхалъ въ деревню къ своей семьѣ, которая уже сей разъ въ Ревель не пріѣзжала, и передъ самымъ выѣздомъ получилъ увѣдомленіе, что родился у меня Сентября (?) дня сынъ Володимиръ, который жилъ только (?) дней и умеръ. И такъ я поѣхалъ съ чувствами весьма непріятными, пріѣхавъ, однакоже, и найдя всѣхъ остальныхъ изъ семьи моей здоровыми, началъ опять заниматься хозяйствомъ и сталъ время проводить безъ скуки. Домъ мой сдѣлался намъ уже малъ, ибо сверхъ своей семьи взяли мы къ себѣ двухъ двоюродныхъ сестеръ Натальи Антипатровны Кашинцовыхъ. На домѣ надстроили еще этажъ и стали заниматься сельскими упражненіями. Въ Москвѣ купили домъ и на зиму съѣзжали въ сію древнюю столицу; матушка и сестра Александра Дмитріевна также у насъ жили, и такимъ образомъ мы проводили 1803 годъ; въ слѣдующемъ же матушка купила себѣ мѣсто почти противъ нашего дому и построила себѣ домикъ небольшой, но уютной, и радовалась имъ; я дѣлалъ и планъ дому и присмотръ имѣлъ за работою, что по привязанности ее ко мнѣ увеличивало цѣну въ глазахъ ее сей маленькой ея собственности.

Въ концѣ зимы вздумали мы съѣздить въ Казань единственно за тѣмъ, чтобы повидаться съ родными нашими, то есть съ Пушкинымъ Ник. Мих. и его женою Авд. Серг. и благополучно вояжъ сей совершили. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ 24 дня Богъ даровалъ мнѣ дочь Анну; между тѣмъ временемъ, для прекращенія нѣкоторыхъ мелочныхъ ссоръ между крестьянъ нашихъ и мачихи жены моей Евгеніи Ивановны Коповницыной, положили мы раздѣлить лѣса общаго владѣнія нашего въ Ярославскихъ деревняхъ; я былъ для сего самъ въ тѣхъ мѣстахъ и весьма миролюбно кончивъ разборъ сей, возвращался я въ свою подмосковную и на дорогѣ получилъ письмо, въ которомъ пріятель мой увѣдомляетъ меня, что я сдѣланъ *шефомъ Троицкаго Мушкатерскаго полка*, которой находится въ Ѳеодосіи въ Крыму; я поспѣшилъ пріѣхать въ Москву и узналъ, что въ одномъ приказѣ со мною полковнику Запольскому данъ полкъ Екатеринославской Гренадерской въ Ковнѣ на Прусской границѣ, а моему полку велѣно итить въ крѣпость Усть-Лабинскую, на Кавказскую линію и содержать кардонъ на 700 верстахъ разстоянія. Извѣстно, что мѣсто сіе есть самое не здоровое во всей линіи Кавказской; я, считая, что назначеніе сіе сдѣланное безъ сношенія

со мною, есть доказательствомъ неуваженія ко мнѣ, ибо я, бывъ удостоенъ прежде къ важнѣйшимъ порученіямъ, какъ-то: военнымъ губернаторомъ весьма значительнаго городу по военнымъ съ Англіею обстоятельствамъ, Корпуснымъ Командиромъ и проч., не могъ понять истинной тому причины, и дабы разрѣшить сіе мнѣ въ мысляхъ моихъ, отправилъ въ Петербургъ письмо къ Государю, въ которомъ писалъ, что бывъ боленъ и для излѣченія отпущенъ, я еще прежде, нежели выпользовался, назначенъ въ край самой нездоровой, командовать полкомъ, которой никогда весь вмѣстѣ быть не можетъ, то прошу или мнѣ другаго назначенія, или отставки, или подтвержденія отправиться. Я весьма въ скоромъ времени получилъ отставку съ мундиромъ; сіе было Сентября (?) дня.

Въ семъ положеніи проведя Октябрь и Ноябрь, встрѣтилась мнѣ надобность съѣздить въ Петербургъ, нужно мнѣ было записать въ службу сына родственника моего Подгорицкаго, котораго отецъ мнѣ ввѣрилъ уже два года, чтобъ далъ я ему хорошую дорогу для службы; но какъ онъ былъ еще очень молодъ, а я своей службы не основалъ, то я и медлилъ до сего времени, тутъ же я, вышедъ въ отставку, потерялъ возможность руководствовать ему самъ и намѣренъ былъ его записать въ Юнкерскую Школу, для чего въ Декабрѣ мѣсяцѣ и пустился съ нимъ вмѣстѣ въ Петербургъ, а между тѣмъ, любопытно мнѣ было проникнуть причину происшедшаго со мною.

Пріѣхавъ, былъ я у Князя Дмитрія Петровича Волхонскаго, которой женатъ на теткѣ моей жены, которая еще и крестная ей мать. Онъ принялъ меня довольно холодно и, говоря о моей службѣ, сказалъ мнѣ, что я прихотливъ, но однако же, что онъ постарается узнать причину, а можетъ быть и поможетъ мнѣ; я, оскорбясь симъ отзывомъ, отвѣчалъ ему, что помогать мнѣ не въ чемъ, ибо я ничего не прошу и мнѣ ничего не надо! Былъ я у племянника его, человѣка мнѣ знакомаго Генералъ-Адъютанта Кн. П. М. Волхонскаго; тотъ, освѣдомясь о моемъ положеніи, сказалъ мнѣ, что если я, паче чаянія, хочу опять быть въ службѣ, то бы просилъ Военную Коллегію, но что онъ и тутъ сумнѣвается объ успѣхѣ, ибо Государь съ трудомъ принимаетъ вышедшихъ уже въ отставку при немъ; я отвѣчалъ, что я въ службу не прошусь и пріѣхалъ къ нему не какъ проситель, а какъ человѣкъ, которой давнюю пріязнь не только между нами, но и между родителями нашими бывшую помнитъ! Сіи первоначальныя мои попытки для развѣдыванія бывъ не удачны, я и прекратилъ ихъ. Между тѣмъ временемъ, бывъ на балу у Гончарова, увидѣлъ я стараго своего сослуживца въ Измайловскомъ полку Комаровскаго, которой былъ Сержантомъ и потомъ Прапорщикомъ, а я Поручикомъ, но уже теперь Генералъ-Адъютантомъ и Графомъ; съ нимъ не удалось какъ то мнѣ сойтиться все сіе время; онъ, увидя меня, обрадовался и обошелся со мною, какъ доброй товарищъ молодости, а черезъ то и меня побудилъ быть съ нимъ откровеннѣе прочихъ; онъ у меня спрашивалъ, для чего я не служу, а я ему въ отвѣтъ разсказалъ въ кратцѣ мою исторію.—На другой день услышалъ я, что былъ у меня Графъ Комаровскій и не засталъ дома, велѣлъ звать къ себѣ. Я къ нему поѣхалъ; онъ мнѣ сказалъ, что Государь намѣренъ мнѣ предложить мѣсто черезъ Гр. Кочубея, Министра Внутреннихъ Дѣлъ и, что онъ за удовольствіе счелъ предварить меня объ этомъ; я, въ большомъ удивленіи, спрашивалъ: что за мѣсто и какъ сіе слу-

читься могло? — онъ мнѣ ничего болѣе не сказалъ.

На другой день дѣйствительно фельдъегерь отъ Гр. Кочубея позвалъ меня къ нему. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, у котораго я былъ въ первый разъ въ жизни, увѣрялъ меня сперьва, что Государь изволитъ меня считать человѣкомъ на многое въ службѣ полезнымъ и, сожалѣя, что я ее оставилъ, желалъ бы опять въ оную меня привлечь и для того намѣренъ мнѣ предложить мѣсто, но предварительно поручилъ ему, Гр. Кочубею, объясниться со мною, не сочту ли я его по наружности ниже тѣхъ, которыя я уже занималъ, хотя Государь Самъ изволилъ увѣрять, что въ существѣ своемъ оно ему важнѣе многихъ, имѣющихъ видъ важнѣйшій... Я, не давъ ему докончить, отвѣчалъ ему, чтобы онъ не отъималъ у меня достоинства объявленіемъ мнѣ, какое есть сіе мѣсто, что я удивляюсь, слыша отъ него, что Государь ко мнѣ милостивъ, ибо считалъ тому противное, причемъ и разсказалъ притчину моей отставки; но когда я такъ щастливъ, что ошибся, когда Государь Самъ удостаиваетъ меня избирать на какое бы то ни было мѣсто, то я не желаю знать, какое оно и съ радостью принимаю всякое, которое угодно будетъ Государю мнѣ предложить; самъ же никакого просить не буду, ибо обстоятельства мои таковы, что мнѣ выгоднѣе всего оставаться въ отставкѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ и понятіи не имѣетъ о тѣхъ непріятностяхъ, которыя со мною случились, что онъ все слышанное отъ меня донесетъ Государю и отвѣтъ скажетъ мнѣ черезъ день, то есть 20 числа, послѣ обѣда.

Я поѣхалъ къ Комаровскому, которой мнѣ сказалъ, что очень кстати; послѣ нашего разговора на балѣ, на другой день, Государь спросилъ у него, знаетъ ли онъ меня, какъ сослуживца въ Измайловскомъ полку, и не соглашусь ли я быть Московскимъ Оберъ-Полиціймейстеромъ, — что онъ отвѣчалъ, что онъ меня знаетъ, и если прикажетъ Государь, то спроситъ о согласіи; но Государь изволилъ сказать: „нѣтъ, такъ ты ему не говори ни слова; а я поручу Гр. Кочубею.“ —

Въ назначенный день пріѣхалъ я къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ; онъ объявилъ мнѣ указъ, уже подписанный, и притомъ сказывалъ мнѣ, что Государь на меня никогда не гнѣвался, а напротивъ былъ всегда доволенъ службою моею, а особливо Ревельской; намѣренъ былъ подъ моимъ начальствомъ отправить десантъ въ Италію, въ помощь Генералъ-Лейтенанту Апрепу, для чего мнѣ и полкъ назначенъ былъ въ Крыму. но въ послѣдствіи Гр. Ливенъ уповательно забылъ сіе обстоятельство и все смѣшалъ, откомандировалъ сей же самый полкъ на Кавказъ, и что и нынѣче Государь изъ особенной довѣренности назначаетъ меня въ Москву Оберъ-Полиціймейстеромъ, тогда какъ представленъ былъ другой; я отвѣчалъ, что повинуюсь, хотя и не знаю полицейской службы и, конечно, не готовился въ оную; но что уповательно сіе обстоятельство не сдѣлаетъ тѣсной связи военнаго Губернатора со мною, съ которымъ я еще и не знакомъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что Государь намѣренъ написать своеручное письмо, которое сему пособитъ. Сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя замѣчанія на счетъ Москвы, и на счетъ тамошняго начальника Беклешова. Все сіе окончилось очень скоро, ибо я въ Петербургъ пріѣхалъ того же Декабря (?) дня.

Я поѣхалъ въ тотъ же самой день обѣдать къ Волхонскому, и передъ самымъ обѣдомъ хозяинъ, отведя меня въ сторону, говорилъ мнѣ, что есть одно

мѣсто, которое онъ хочетъ похлопотать, чтобы мнѣ досталось и мѣсто хорошее, но что онъ еще не можетъ увѣрить меня навѣрное. Я спросилъ, какое это мѣсто и, услышавъ, что сіе мѣсто есть Московскаго Оберъ-Полиціймейстера, отвѣчалъ ему, что я уже его получилъ.— „Какъ получилъ!“ „Севодни Государь Указъ подписалъ“. — Тутъ къ намъ подошли другіе гости и пришли сказать, что кушать поставили. За обѣдомъ мнѣ случилось сидѣть подлѣ княгини, а князю вздумалось сказать ей: „поздравь Александра Дмитріевича. Онъ сдѣланъ Оберъ-Полиціймейстеромъ въ Москву“. Она мнѣ сказала: „поздравляю и радуюсь, что ему удалось тебѣ это доставить; мѣсто очень видное, только вамъ надо стараться, чтобъ и это не потерять, какъ прежнія; иногда легче доставить, нежели поддержать можно“. Я ей отвѣчалъ, что усердно благодарю за совѣтъ, которой есть родственной, но что князь тутъ не участникъ, ибо онъ сего и не зналъ, а я ему, шедши за столъ сказалъ. Она замолчала и весь столъ была очень ко мнѣ внимательна.

На другой день былъ я представленъ Государю. Его Величество милостиво со мною обошелся, изволилъ разсказывать нѣкоторыя обстоятельства Москвы, напомнилъ нѣкоторыя обстоятельства Ревеля. И я былъ доволенъ симъ назначеніемъ, мнѣ предложеннымъ, хотя оно и казалось менѣе значущимъ прежняго моего мѣста. Я пробылъ въ Петербургѣ еще нѣкоторое время и отправился въ Москву 21 Генваря 1805 г. Предъ отъѣздомъ откланивался Государю и былъ очень милостивымъ маперомъ принятъ и получилъ обѣщанное письмо къ А. А. Беклешову.

Пріѣхавъ въ Москву, явился я тотчасъ къ моему Начальнику: отъ него принятъ былъ безъ большой ласки, но мнѣ очень пріятнымъ маперомъ: онъ мнѣ сказалъ, что мы съ нимъ были не знакомы и другъ другу надѣлали непріятности, бывъ оба совершенно въ томъ невинны (то есть при Павлѣ I, когда онъ былъ Генералъ-Прокуроромъ), что меня сдѣлали Оберъ-Полиціймейстеромъ въ противность его представленія; но что все это не мѣшаетъ ему радоваться о моемъ назначеніи, ибо онъ слышалъ много обо мнѣ добраго, и требовать отъ меня будетъ только чистосердечія и увѣренъ, что соображая его характеръ съ тѣмъ, что слышитъ о моемъ, мы будемъ другъ другомъ довольны. Я съ моей стороны ручался смѣло за чистосердечіе; говорилъ ему, что знаю, что онъ человѣкъ взыскательной по службѣ, но что я и самъ таковъ, и увѣренъ, что тому, кто служитъ съ прямымъ усердіемъ, выгодно быть въ командѣ у взыскательнаго начальника, даже у строгаго, но справедливаго. Что я съ своей стороны полагаю: всѣ чиновники, служащіе, раздѣляются на три класса: нижній классъ — каковы, между прочимъ, и офицеры полицейскіе, — должны исполнять даваемыя имъ повелѣнія безмолвно; средній классъ, въ которомъ и я состою, получая приказаніи отъ высшихъ, могутъ иногда представлять тѣ неудобства, которыя они ожидаютъ встрѣтить, ибо предметы исполненія ближе имъ извѣстны; но при дальнѣйшемъ настояніи должны, не смотря на свое мнѣніе, исполнить по данному приказаніе. Наконецъ высшіе чиновники, въ каковомъ классѣ находится и онъ, получая высшія повелѣнія, должны убѣждены быть, что они дѣйствительно ко благу общему идутъ, въ противномъ случаѣ, естьли не имѣютъ довольно силы или возможности обстоять то, что признаютъ въ душѣ своей общеполезнымъ дѣломъ, должны лучше итить

прочь, нежели исполнять противу убѣжденія своей совѣсти.

Таковое откровенное при первомъ разѣ мое разсужденіе ему понравилось. Онъ мнѣ сказалъ, что видитъ, что мы поладимъ. И подлинно—онъ предъузналъ: все время бытности моей въ его командѣ я считаю самымъ пріятнымъ временемъ службы моей въ Генералъ-Маіорскомъ званіи. Онъ обходился со мною какъ бы большой братъ съ меньшимъ; я могъ ему откровенно говорить обо всякой матеріи свои мысли, и часто слышалъ отъ него прекрасныя наставленіи и разсужденіи.

Я входилъ понемногу во всѣ подробности новой должности моей; не спѣшилъ ничего переиначивать; но спѣшилъ все узнать; наконецъ, войдя основательно въ существенной Полицейской части, примѣтилъ, что понятіе о ней, большею частію, было фальшиво и у обывателей и у самихъ исполнителей сей части, и Полиція сдѣлалась нечувствительно какимъ то непріятелемъ общества, а она установлена быть покровителемъ онаго и первымъ его доброхотомъ. Что надлежало требовать отъ обывателей, я требовалъ рѣшительно и настоятельно; такъ мое слово имѣло большой вѣсъ, и всякой увѣренъ былъ, что уже непремѣнно исполнить его должно; но изъ-за сего уже не было случая, не было возможности сдѣлать облегченія, которое бы я не употребилъ въ дѣйство, для избавленія ихъ отъ всякаго излишняго притѣсненія, убытку даже безпокойства. И черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Полицію въ Москвѣ стали болѣе и болѣе любить, слѣдственно и меня; и я имѣлъ величайшее удовольствіе видить вмѣстѣ, что обыватели меня одобряли, подчиненные любили и начальникъ уважалъ особенно, а по сему и милости Государь изливалъ на меня. Я въ первые семь мѣсяцевъ получилъ въ прибавокъ къ Оберъ-Полиціймейстерскому жалованію, жалованіе Генералъ-Маіорское, столовые деньги и 19 Августа—ленту Анненскую. Но менѣе двухъ лѣтъ подъ симъ пріятнымъ мнѣ Начальствомъ я находился: Александръ Андреевичъ Беклешовъ пошелъ въ отставку, и на мѣсто его опредѣленъ Т. И. Тутолминъ, хотя и его благосклонностію пользовался, но уже мнѣ столько пріятности не было, ибо наши нравы и правила не столько между собою сходства имѣли, какъ съ его предмѣстникомъ.

Въ концѣ сего 1806 года Государь пожаловалъ мнѣ аренду, отъ 3,000 до 4,000 руб. доходу приносящую. Я, какъ въ концѣ прошлаго 1805 г., такъ равно и въ концѣ 1806, ѣздилъ въ Петербургъ взглянуть, что и какъ происходитъ въ резиденціи, выпросить нѣкоторымъ чиновникамъ Полиціи нѣкоторыя награжденія и проч., гдѣ я началъ и новый 1807 г.; возвратясь же въ Москву, нашелъ мать мою и жену нездоровыхъ; болѣзни ихъ усиливались часъ отъ часу, и я переѣзжалъ отъ одной больной къ другой безпрестанно, наконецъ Февраля 28 лишился я матери, а Марта 31—и жены! Такъ въ непродолжительномъ времени сдѣлавъ сіи горестныя потери, одну за другою, всѣ мои чувства и разсудокъ самой пришелъ въ нѣкоторое замѣшательство; я чувствовалъ сверхъ горести какую-то пустоту въ сердцѣ и въ головѣ; послѣ нѣкотораго времени однако же принялся я опять за службу, которая сей годъ, послѣ ударовъ судьбою мнѣ нанесенныхъ, была уже крайне тягостна и я скучалъ моею должностью. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ однако же дали мнѣ Орденъ Св. Владиміра 3-й степени. Въ Октябрѣ отправился я опять въ Петербургъ и съ тѣмъ уже намѣреніемъ, чтобы проситься отъ должности Оберъ-Полиціймейстера

прочь. Пріѣхавъ въ Петербургъ, нашелъ я тутъ и Александра Андреевича Беклешова, къ которому поѣхалъ во первыхъ посовѣтываться о моемъ намѣреніи; онъ мнѣ приговорилъ, и я адресовался къ человѣку, которой, во всякой мой пріѣздъ оказывалъ мнѣ доброхотство, то есть къ Графу Кочубею. Онъ сказалъ мнѣ, что естьли я хочу, чтобъ онъ участвовалъ въ семъ дѣлѣ, то-бы спѣшилъ, потому что на сихъ дняхъ будетъ Кн. Куракинъ, которой сдѣланъ будетъ на его мѣсто, и что онъ тогда не будетъ въ состояніи уже ничего сдѣлать; велѣлъ мнѣ сдѣлать о моей просьбѣ записку, и распрашивалъ у меня, чего же бы я хотѣлъ; я отвѣчалъ: ничего, кромѣ, чтобы не быть Оберъ-Полиціймейстеромъ; онъ говорилъ мнѣ, что я могу имѣть право проситься въ Свиту къ Государю, или въ Генералъ-Губернаторы или въ Сенаторы. Я отвѣчалъ, что всякому изъ сихъ мѣстъ я буду радъ, лишь бы вонъ изъ Полиціи. Въ сіе разсужденіе опять вступился Александръ Андреевичъ Беклешовъ, и переговоры были безъ меня сперьва у Гр. Кочубея съ Государемъ, а наконецъ и Беклешовъ хотѣлъ объясниться самъ съ Государемъ о свойствахъ моихъ, и я уже не знаю, какъ и отъ кого что вышло, только у меня спрашивалъ Гр. Кочубей, согласенъ ли я быть Генералъ-Губернаторомъ Малороссійскимъ, по приказанію Государя. Я отвѣчалъ, что все то исполню, что мнѣ приказано будетъ. Между тѣмъ пріѣхалъ Кн. Куракинъ и двоюродной его братъ Кн. Лобановъ, и какимъ образомъ все передѣлалось,— я опять не знаю, только именемъ Государя, Поповъ В. С. предложилъ мнѣ быть Генералъ-Кригсъ-Коммисаромъ. Я совсѣмъ не хотѣлъ принимать сей должности, отговаривался много; но совсѣмъ тѣмъ не умѣлъ отговариваться, а особливо потому, что Александръ Андреевичъ Беклешовъ настаивать тоже сталъ въ томъ, чтобы я принялъ. И такъ 24 Ноября вышелъ указъ о семъ моемъ назначеніи. Государю я представленъ былъ вмѣстѣ съ другими, то есть публично, черезъ Коменданта; слѣдовательно большихъ и разговоровъ не было.

Послѣ нѣкотораго времени, получилъ я 10,000 руб. отъ Государя, какъ бы въ вознагражденіе того, что мнѣ опредѣлили меньше и жалованья и столовыхъ денегъ, нежели имѣлъ я прежде.

Въ началѣ Декабря поѣхалъ я въ Москву, какъ для сдачи должности Полицейской, такъ и за тѣмъ, чтобы подробнѣе войтить во всѣ части Коммисаріатской, ибо главныя заготовленіи всѣхъ вещей на армію дѣлаются въ Московскомъ Депо, для чего я остановилъ подрядъ сапоговъ и холста, оконченной уже прежде моего назначенія въ сію должность, но еще неутвержденный законнымъ порядкомъ; онъ былъ слишкомъ на два милліона. Пріѣхавъ въ Москву, я возобновилъ торги и, не смотря на малую опытность мою въ семъ дѣлѣ, сберегъ въ казнѣ 97,000 руб. Въ Москвѣ мнѣ было много хлопотъ: должность сдаю, новую принимаю, всѣ магазейны, всѣ фабрики Коммисаріатскія осматриваю, изъ коихъ иныя отъ Москвы верстъ за 20 и за 30. И въ сіе же время, сперьва давно знакомая съ семьей нашей К. С. Урусова, почтенная старушка, говоритъ сестрѣ моей, что есть одна любезная очень дѣвица, нраву ангельскаго, и весьма достаточная, которая составитъ, конечно, благополучіе мужа своего и будетъ хорошая мать, что ей даже извѣстно, что родственники ея желали бы, чтобы я вздумалъ жениться на ней; потомъ и опять въ другой разъ, то есть въ другое свиданье, тоже повторяетъ. Сестра моя отвѣчала, что у меня

дѣти есть; она повторила, что и на сіе согласны будутъ и что она вѣрно будетъ хорошая мать и чужимъ дѣтямъ, которыхъ приметъ своими. Наконецъ, сенаторъ Дмитріевъ Иванъ Ивановичъ, двоюродный братъ дѣвицы сей, адресуется самъ ко мнѣ и говоритъ, что онъ старался узнать меня короче за тѣмъ, что пришло ему въ голову, что его двоюродная сестра, Елена Петровна Бекетова, можетъ составить мое благополучіе, а я — ея; и что, узнавъ меня короче, онъ болѣе удостовѣрился въ томъ, что онъ очень бы желалъ, чтобъ мы другъ друга узнали, и чтобъ его мечтаніе сбылось. Сіе было поводомъ, что я зачалъ помышлять о новой женидьбѣ. Всѣ мои развѣдыванія единогласно удостовѣряли въ томъ, что дѣвица сія нраву очень хорошаго, добра, добродѣтельна, умна и скромна. Въ первой разъ видилъ я ее въ Клобѣ. Мысли мои нѣкоторое время боролись съ чувствами огорченій годъ тому назадъ меня постигшихъ. Перемѣна должности, вступленіе въ такую, которая мнѣ неизвѣстна, перемѣна мѣстопребыванія,—все сіе приводило въ нѣкоторую тревогу всю внутренность мою; я видилъ необходимость мнѣ имѣть друга; видилъ нужду дѣтямъ моимъ имѣть мать; лѣта мои не позволяли мнѣ помышлять о томъ, чтобъ новой союзъ мой былъ на страсти основанъ. Со всѣмъ тѣмъ, однако-же, не желалъ я спѣшить моимъ рѣшеніемъ; я желалъ, по крайней мѣрѣ имѣть полгода времени на размышленіе, и въ семъ нерѣшительномъ положеніи отправился въ Петербургъ и пріѣхалъ накапунѣ 1 Генваря 1808 года.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Поповъ, одобря всѣ распоряженіи мною по Коммисаріату, представлялъ Государю, чтобы мнѣ данъ былъ чинъ слѣдующій по моему званію Генералъ-Лейтенанты; но, сказывалъ онъ мнѣ, Государь отозвался, что еще надо подождать. Я продолжалъ входить во всѣ подробности должности моей; сперьва очень она мнѣ не нравилась по неопредѣленности правилъ оной, но при ближайшемъ занятіи моемъ дѣломъ Коммисаріатскимъ, я увидѣлъ, что правила сіи составить очень можно съ математическою точностію; я примѣтилъ, что коренной законъ, или основаніе части сей очень хорошъ и измѣнялся только вкрадывающимися обстоятельствами, и особливо перемѣнами, которыя въ послѣднія времена были весьма часты и весьма разновидны. Главное обстоятельство успѣха Коммисаріатскаго дѣйствія состоять должно въ томъ, чтобы жалованье въ свое время всюду было отпущено; чтобы вещи Коммисаріатскія вездѣ, гдѣ имъ быть надо, были бы въ довольномъ количествѣ. Но если образцы вещамъ Коммисаріатскимъ будутъ безпрестанно мѣняться; есть ли Казначейство не будетъ въ свое время денегъ отпускать, — то Коммисаріатъ исправенъ быть не можетъ. Я нашелъ, что ежедневно мой Казначей ѣздитъ въ Государственное Казначейство и выпрашиваетъ, какъ будто изъ милости, по сотнямъ, по десяткамъ тысячъ; а иногда сколько не проситъ, но возвратится съ пустыми руками. Я исходатайствовалъ: 1. Чтобъ Казначейство, при приближеніи новаго году, имѣло повелѣніе не только какую сумму въ теченіи слѣдующаго года отпустить въ Коммисаріатъ, но и сколько, когда именно. При исполненіи сего я принималъ на себя отвѣтственность исправности, а при неисполненіи неисправность слагалась на Казначейство. 2. Правиломъ сдѣлано, что сумма, на обыкновенный кругъ расходовъ Коммисаріата отпускаемая, отнюдь бы не могла быть истрачиваема на тѣ предмѣты или перемѣны, которыя въ теченіи года придуманы будутъ; на кои

вмѣстѣ съ указомъ о новомъ образцѣ былъ бы указъ и о новомъ ассигнованіи суммъ. 3. Также сдѣлано постановленіе, чтобы въ случаѣ перемѣны образца какой бы то вещи ни было, всѣ то сорта преждняго заготовленія вещи, но то число подряженныя и выставленныя, были бы отпущены въ полки, кромѣ гвардейскихъ, по старому образцу, а новый образецъ тогда бы только принималъ свое дѣйствіе, когда всѣ преждняго заготовленія вещи будутъ уже изъ Коммисаріатскихъ мѣстъ выпущены. Сіи были главныя основы, на которыхъ утверждаясь, я съ удовольствіемъ предвидѣлъ постоянную возможность Коммисаріату быть исправну и уже и доказательствы того при мнѣ еще сами себя оказали.

Между тѣмъ получаю я письмо отъ СПБ. военнаго Губернатора Князя Лобанова, которымъ онъ приглашаетъ меня къ себѣ, и по пріѣздѣ моемъ, объявляетъ мнѣ, что воля Государя есть узнать: согласенъ ли я буду принять на себя—*Начальство надъ СПБ. Полиціею?* Я отвѣчалъ, что до сихъ поръ я никогда не выбиралъ себѣ службу, что и теперь готовъ буду исполнить волю Государеву; но я увѣренъ, что Его Величеству не угодно, чтобы я имѣлъ видъ униженія въ званіи, а потому я считаю, что Оберъ-Полиціймейстеромъ мнѣ быть было бы уже не прилично; что я теперь имѣю у себя 11 генераловъ въ командѣ, а Оберъ-Полиціймейстеръ положенъ 5-го класса, и такъ я повиноваться готовъ воли Государя, но прошу, подъ какимъ видомъ угодно будетъ, оправдать меня передъ публикою, естьли это надо; но впротчемъ, что я мѣстомъ мной занимаемымъ доволенъ и перемѣны не ищу. Всѣ сіи наши разговоры я счелъ обязанностію довести до свѣдѣнія моего Начальника Военнаго Министра Графа Аракчеева, и на другой день поѣхавъ къ нему, нарочно для сего, объяснилъ; но онъ мнѣ не повѣрилъ и счелъ, что на то были мои происки, затѣмъ, чтобы не служить въ его командѣ; хотя я въ доказательство тому противнаго просилъ его, чтобы онъ обстоялъ, буде желаетъ имѣть меня у себя въ командѣ, чтобы меня не перемѣщали и проч., но онъ остался непреклоненъ въ своемъ заключеніи, и сіе произвело уже въ послѣдствіи его недовѣрчивость ко мнѣ.

Послѣ сего, разные люди, близъ особы Государя находящіеся, спрашивали меня (уповательно—по порученію), одинъ—буду ли я доволенъ, естьли мнѣ при семъ перемѣщеніи дадутъ орденъ Св. Владиміра 2-й степени, другой, что намѣреніе Государя сдѣлать меня Генералъ-Адъютантомъ Управляющимъ Полиціею, третій спрашивалъ, что мнѣ будетъ пріятнѣе: быть Генералъ-Полиціймейстеромъ или вторымъ военнымъ Губернаторомъ. Наконецъ всѣ сіи толки умолки и осталась одна недовѣрчивость Министра моего ко мнѣ; какъ вдругъ неожиданно, два мѣсяца спусти, 24-го Марта отдано въ Приказѣ, что я сдѣланъ Оберъ-Полиціймейстеромъ. Просто и такъ перемѣнилось одно неудовольствіе на другое: недовѣрчивость Начальника уступила мѣсто непріятному Оберъ-Полиціймейстерству, и хотя въ послѣдствіи я получилъ все, что мнѣ слѣдовать могло и, болѣе нежели чего, можетъ быть, я стоилъ, но сіе время было для меня крайне непріятно и затруднительно, ибо сверхъ того, что я уже сказалъ, Оберъ-Полиціймейстеръ Эртель, котораго я смѣнилъ, не желая разстаться съ сей должностію, употреблялъ все, что придумать могъ, дабы доказать, что необходимъ для сего мѣста; вездѣ старался и словомъ и дѣломъ мнѣ мѣшать, употребляя на то и прежднее свое вліяніе

и клевету и все, что придумать могъ: онъ увѣрялъ всѣхъ бывшихъ своихъ подчиненныхъ, что я опредѣленъ на двѣ недѣли, и что кто осмѣлится показать какое нибудь усердіе къ новому Начальнику, тому бѣда будетъ, когда онъ опять приметъ свою должность. И у меня вдругъ къ Святой недѣли, гдѣ Полиціи труда много, сказались больными оба Полиціймейстера, изъ которыхъ одинъ своякъ Эртелю, Начальникъ Драгунской Команды, Брантъ-Маіоръ, Главной Докторъ, то есть всѣ Начальники до одного, и остался я одинъ, не привыкшій къ обычаю публики и народа Петербургскаго, ни къ обрядамъ Дворскимъ. Эртель мнѣ не сдалъ ни одной копѣйки изъ суммъ, принадлежащихъ Полиціи, и процессъ о семъ продолжался 4 года, и наконецъ ему простили 70,000 р., которыя слѣдовало ему заплатить; онъ ежедневно разглашалъ по городу, что въ томъ мѣстѣ сдѣлалось смертоубійство въ городѣ, что грабежи и воровство ежедневныя, и не одно не отъискано; на пожарѣ случившемся, онъ въ сертукѣ, замѣшавшись между народу, разсказывалъ въ разныхъ углахъ, что онъ самъ свидѣтель, какъ при началѣ пожара часъ цѣлой не было ни одной трубы; и тому подобныя предпринималъ низвости, чтобы мнѣ вредить. Но Богу благодареніе, все сіе, хотя весьма не вдругъ, привелъ я въ порядокъ, и какъ ему, такъ и всѣмъ почти тѣмъ, кого онъ употреблялъ противъ меня, удалось мнѣ сдѣлать добро въ послѣдствіи; но съ начала положеніе мое было тяжело. Но мой Военной Губернаторъ былъ мною очень доволенъ, и Государь, гдѣ случай доходилъ изъясниться, изволилъ милостивымъ образомъ на мой счетъ, а въ Маѣ мѣсяцѣ, когда Кн. Лобановъ занемогъ, мнѣ приказано было отправлять его должность, кромѣ части воинской; по сему предмѣту бывъ наединѣ съ Государемъ, онъ мнѣ изволилъ сказать, что Онъ взялъ меня въ Оберъ-Полиціймейстеры затѣмъ, что имѣетъ большую на меня надежду, что Ему угодно сблизить меня съ Собою, что Онъ меня считаетъ такимъ человѣкомъ, на котораго положиться можетъ, и отъ котораго ожидаетъ, что полезенъ Ему будетъ очень впередъ; что Онъ мнѣ ввѣряетъ безопасность Особы Своей, и что мнѣ позволяетъ, когда бы то ни было, пріѣзжать во дворецъ и велѣть камеръ-динеру о себѣ доложить, и естьли бы имѣлъ я что большой важности Ему доложить, то могу сіе сдѣлать не черезъ Военнаго Губернатора, но прямо, наблюдая приличность благопристойности; что Государь избралъ меня еще въ то время, когда былъ я въ Москвѣ Оберъ-Полиціймейстеромъ и желалъ подъ какимъ нибудь видомъ привлечь въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобы при случаѣ приближать къ себѣ: все сіе достаточно было усладить мои протчія непріятности; и уже съ сего времени я часто имѣлъ порученія прямо, хотя Кн. Лобановъ и выздоровѣлъ.

Между тѣмъ время приходило мнѣ рѣшиться о моей женитьбѣ, и я слыша отовсюду доброе объ Е. П., рѣшилъ предложить ей руку и получилъ пріятный отзывъ согласія. Въ началѣ Іюня мѣсяца я выпросился въ отпускъ на 28 дней и также испросилъ и позволеніе у Государя на женидьбу. 13 Іюля въ день моего рожденія была наша помолвка, а 22—самая свадьба; въ началѣ Августа возвратился я въ Петербургъ къ моей должности, которую отправлялъ съ тѣми же выгодными обо мнѣ заключеніями Государя, и 30 числа получилъ алмазные знаки Анненскаго ордена, а черезъ три дни Государь поѣхалъ въ Ерфуртъ для свиданія съ Наполеономъ, и мнѣ приказалъ къ нему писать осо-

бенно обо всемъ, что сочту нужнымъ довести до Его свѣдѣнія; назначенъ мнѣ былъ камеръ-динеръ, которому я отдавалъ мои письмы, и Государь возвратясь, къ первому адресовался ко мнѣ, распрашивая о здоровье моемъ, ибо я чувствуя разстройство въ своихъ нервахъ, упоминалъ въ моихъ донесеніяхъ. Къ концу года, какъ отъ нездоровья, такъ отъ странностей Кн. Лобанова и протчихъ обстоятельствъ просилъ я увольненіе отъ должности Оберъ-Полиціймейстера, или чтобы мнѣ данъ былъ помощникъ. Мнѣ позволено было его выбрать; я представилъ въ сіе званіе Генералъ-Маіора Папкова, которой и былъ утвержденъ. И такъ я получилъ видъ болѣе нежели Оберъ-Полиціймеcтерской, а въ сіе званіе почти попалъ мой Помощникъ.

Пріѣхалъ Король и Королева Прусскіе. Всѣ празднества для нихъ дѣланныя, касательно Полицейской части, распоряжаемы были, большею частію самимъ Государемъ чрезъ меня, и мною, почему и Начальникъ мой имѣлъ нѣкакой странной видъ.

1 Генваря 1809 года получилъ я табакерку съ вензелемъ Государевымъ, а при отъѣздѣ Короля Прусскаго табакерку отъ него, съ его вензелемъ. Вскорѣ послѣ сего Кн. Лобановъ попросился для излѣченія болѣзни, его отпустили лѣчиться, а меня сдѣлали 2 Февраля Спб. военнымъ Губернаторомъ и Генералъ-Адъютантомъ. Сіе назначеніе и само по себѣ весьма значущее, а необыкновенностію своею еще болѣе блистательное (ибо не было примѣра поступленія изъ Оберъ-Полиціймейстеровъ въ Спб. военные Губернаторы), возвысило меня въ глазахъ публики. Государь скоро отправился въ Финляндію и въ концѣ Марта возвратился, найдя городъ и часть мою вообще въ исправности, пожаловалъ въ Свѣтлое Воскресеніе меня Генералъ-Лейтенантомъ.

Вообще Государь очень милостиво со мною обходился съ самаго вступленія моего въ сію должность и нерѣдко удостоивалъ меня особенной довѣренности, особливо же примѣтить сіе можно изъ слѣдующаго обстоятельства: въ 1809 г. одинъ разъ, когда былъ я съ рапортомъ у Государя, Онъ мнѣ приказалъ сѣсть и слушать; разсказавъ мнѣ сперва слегка происшествіи, бывшія до войны съ Французами и, коснувшись нѣсколько притчинъ, по коимъ заключенъ былъ Тильзитскій миръ, продолжалъ Государь, что сколько бы то ни отсрочивали, но съ тѣхъ поръ и до нынѣ видѣли мы, что всѣ Государства Европейскія одно за другимъ претерпѣли величайшія бѣдствіи, а мы, благодаря Бога, еще ничего не потеряли, а еще и пріобрѣтеніи нѣкоторыя сдѣлали: однако же я нынче себя лучше полагалъ, нежели я есть; на сихъ дняхъ мнѣ сдѣлана пропозиція такого роду, которая не можетъ не привести въ большія хлопоты, тотъ ли, другой я отвѣтъ сдѣлаю". — Тутъ Государь разсказалъ мнѣ какимъ образомъ Наполеонъ предлагаетъ руку великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ (*). 1810 года Генваря 1 числа я сдѣланъ членомъ Совѣта Государственнаго, тогда составленнаго вновь. Того же года Іюля 25 Министромъ Полиціи, при учрежденіи сего Министерства, и нѣсколько времени спустя Государь мнѣ изволилъ сказать, при одномъ докладѣ, что Онъ надивится не можетъ моимъ докладамъ; что я ихъ дѣлаю, какъ бы я лѣтъ десять былъ уже Министромъ, тогда какъ другіе по полугоду отправляя сію должность, не могутъ къ ней привыкнуть.

*) Есть ли время позволитъ, то пріобщу я здѣсь всѣ тѣ случаи, кои интересны быть могутъ во время моего В. Г. въ Спб., подъ знакомъ (*).

1811 года Апрѣля 2 дня, въ день Свѣтлаго Воскресенія получилъ я Орденъ Св. Александра Невскаго, тотъ самый, которой Государь носилъ; мнѣ Онъ присланъ былъ при собственноручной запискѣ Государевой сими словами: „Для возложенія на себя".

Въ 1812 г. поручено мнѣ было производство Комитета по финансовой части, котораго важность видна изъ рескрипта (**), Государевой рукою начерно писаннаго.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ Государь мнѣ изволилъ сказать, что намѣренъ со мною поговорить обо мнѣ: что Онъ собирается ѣхать въ Армію и не знаетъ какъ ему со мною быть; что желалъ бы раздѣлить меня на двѣ части и одну взять съ собою, а другую оставить для управленія Столицею въ Его отсутствіе, и спрашивалъ мои о томъ мысли. Я отвѣчалъ, чтобы сдѣлалъ милость, Государь рѣшилъ бы это обстоятельство безъ меня; что же касается до моихъ дѣлъ, то они такъ устроены, что я могу и оставаться и ѣхать, какъ будетъ приказано. Рѣшено было, чтобъ я ѣхалъ, и по довольномъ разсмотрѣніи и разсужденіи послѣдовалъ рескриптъ ко мнѣ 28 Марта, поручить должность Министра Полиціи и Начальство надъ городомъ сдать Генералу отъ Инфантеріи С. К. Вязмитинову. Въ три дни я сдалъ все сіе и рапортъ 31 числа подалъ (*), изъ котораго видно, въ какомъ положеніи дѣла столицы я принялъ, отправлялъ и сдалъ, равно и число вошедшихъ, оконченныхъ и остающихся не рѣшенными.

7 Апрѣля родился у меня сынъ Александръ, а 19 числа я поѣхалъ въ Вильну, гдѣ 16 числа Іюня былъ я призванъ неожиданно Государемъ въ вечеру и получилъ приказаніе ѣхать къ Императору Французскому съ собственноручнымъ Его Величества письмомъ и съ словеснымъ порученіемъ (*). По удержаніи меня Маршаломъ Давустомъ нѣсколькихъ дней въ Главной его квартирѣ, пріѣхалъ я къ Императору Наполеону 21 числа, въ тотъ самый городъ Вильну, изъ котораго поѣхалъ отъ Россійскаго Императора; а 23 числа я возвратился къ своему Государю въ мѣстечко Видзы и вмѣстѣ съ Его Величествомъ продолжалъ походъ до 6 Іюля; въ сей день были мы верстъ за 20 до Полотска. Государь изволилъ рѣшить ночью ѣхать въ Москву, и приказалъ мнѣ, на другой день по утру, каждому разсказать его назначеніе, и потомъ самому отправиться въ слѣдъ за Государемъ. Я догналъ Его Величество въ Смоленскѣ и вмѣстѣ пріѣхали 12 числа въ Москву. Я жилъ также въ Кремлевскомъ Дворцѣ, какъ и Государь, дабы быть въ готовности къ принятію приказаній Его. Здѣсь прожили мы недѣлю, въ которое время Государь иногда изволилъ ѣздить въ открытой коляскѣ по городу со мною, разспрашивалъ разныя мѣста, приходы, домы и проч.

22 числа пріѣхали мы по утру рано въ Петербургъ. Государь не возстановилъ того порядка въ дѣлахъ, которой былъ до его отъѣзду, а приказалъ, чтобы на томъ же основаніи отправлялись дѣла, какъ и въ его отсутствіе: Министры назначенныхъ дней для докладу не имѣли, а кто имѣлъ особенной важности дѣло, тотъ испрашивалъ назначеніе часу для докладу. Генералъ Вязмитиновъ продолжалъ отправлять дѣла по Министерству Полиціи и по городу, а я остался при особенно порученныхъ дѣлахъ при Государѣ. Въ Августѣ Государь изволилъ ѣздить въ Финляндію, гдѣ въ городѣ Або было у Его Величества свиданіе съ Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ. При отъѣздѣ Государь мнѣ поручилъ увѣдомлять Его о всемъ, что замѣчательнаго происходить будетъ въ Его отсутствіе.

По возвращеніи Государя остался тотъ же порядокъ въ докладахъ и управленіи; я началъ рѣже ѣздить во дворецъ, что и подало поводъ нѣкоторымъ полагать и говорить, что милость Государя ко мнѣ перемѣнилась; я однако же нисколько не примѣчалъ Его перемѣны, но видя отечество мое въ ужасномъ положеніи, рвался, такъ сказать, быть на что нибудь полезну. Еще въ Августѣ мѣсяцѣ просилъ я Государя позволить мнѣ ѣхать въ Армію, ибо мое мѣсто занято и я праздень. Его Величество мнѣ отвѣчалъ: „подожди, вотъ скоро мы получимъ извѣстіе отъ Кн. Кутузова, и естьли онъ отдалитъ французовъ отъ Москвы, то мы вмѣстѣ поѣдемъ". Послѣ сего было сраженіе при Бородинѣ и наконецъ взятіе Москвы; послѣ чего въ Сентябрѣ я опять повторилъ просьбу мою; Государь мнѣ сказалъ, чтобъ я обождалъ немного; наконецъ я въ Октябрѣ мѣсяцѣ, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, прочолъ Государю, заготовленное къ Нему мною письмо (·). Онъ мнѣ сказалъ: „Мнѣ, право, Самому очень не ловко и непріятно, что ты должности своей не отправляешь; но что-жъ Мнѣ дѣлать; Я весьма сильно ошибся въ Моихъ разсчетахъ, Я полагалъ, что С. К. тотчасъ послѣ пріѣзда Моего будетъ просить, чтобы уволили его отъ такой кучи дѣлъ, которая его давить должна; но онъ ничего не говоритъ и до сихъ поръ". Я отвѣчалъ Ему, что я нисколько не въ притензіи на сіе мѣсто и что оно хорошо занимается имъ, а я прошусь въ Армію. Государь: „Нѣтъ, оно не хорошо занимается, потому что Полиція слабѣетъ часъ отъ часу. С. К. человѣкъ честной и хорошій, но лѣты его уже отнимаютъ возможность быть столько дѣятельну, какъ для сего мѣста надо; а въ Армію тебя мнѣ какимъ же образомъ послать, есть ли такъ какъ Генералъ-Адъютанта, то Фельдмаршалъ можетъ войтить въ претензію, что ты присланъ за нимъ присматривать и меня увѣдомлять; есть ли такъ какъ Генералъ-Лейтенанта, то тебѣ тамъ дадутъ корпусъ или дивизію и тебя тамъ прихватятъ, а ты Мнѣ надобенъ здѣсь. Хотя и кажется будто ты не отправляешь должности своей, но Я въ етомъ не столько теряю, потому что Я имѣю въ тебѣ человѣка, которому Я поручаю всѣ тѣ обстоятельства, которыя мнѣ важнѣе протчихъ и всѣ деликатные случаи, да и знаю, что у меня человѣкъ готовъ способной на многое". И подобными сему разсужденіями оканчивались почти всегда разговоры наши о сей матеріи.

Вчера, то есть 14 Ноября Государь мнѣ говорилъ, что особенному моему попеченію поручаетъ, чтобы не произвели заразы всѣ трупы во множествѣ въ разныхъ мѣстахъ Московской, Тверской, Смоленской и Калужской губерній на поверхности земли и мелко зарытыя находящіеся; я просилъ позволенія объѣхать сіи мѣста. Государь мнѣ отвѣчалъ: „конечно, ето можно бы, но Я бы лучше желалъ, чтобы ты былъ подлѣ Меня". Между тѣмъ, когда я Ему говорилъ, что естьли Ему угодно продолжать употребленіе меня по Полиціи, то не прикажетъ ли Онъ мнѣ заняться образованіемъ Полиціи. Онъ очень сему обрадовался и сказалъ мнѣ: „дѣйствительно ето самое лучшее, что ты могъ вздумать; поставь себя въ сношеніе съ Коммисіею о составленіи Законовъ, потребуй, какіе есть у нихъ матеріалы, и однимъ словомъ, займись этимъ; ты помнишь, что намъ всегда текущія дѣла мѣшали, а теперь у тебя ихъ мало".—Въ сей же самый день Государь наградилъ всѣхъ тѣхъ чиновниковъ, которые при мнѣ по письменнымъ дѣламъ находятся.

Я потребовалъ свѣдѣніи изъ Ком-

мисіи о составленіи Законовъ и зачалъ было сею частію заниматься весьма сюріознымъ образомъ и видилъ надежду принести пользу службѣ Полицейской и Государству слѣдовательно; по 6 Декабря Государь мнѣ изволилъ сказать, что Онъ въ ночь ѣдетъ прямо въ Вильну, откуда уже непріятель былъ выгнанъ, а мнѣ приказываетъ проѣхать въ Москву и чрезъ всю ту дорогу, которую опустошилъ непріятель, проѣхавъ, — тоже явиться въ Вильнѣ. 10 Декабря я отправился, 15 выѣхалъ изъ Москвы, а 25 пріѣхалъ въ Вильну. Ужасы опустошенія мѣстъ сихъ неизъяснимы; но нигдѣ почти не нашолъ я на лицахъ мнѣ встрѣчающихся той горести, того унынія, той угнетающей печали, которая видима при необыкновенномъ бѣдствіи, напримѣръ, послѣ пожара, наводненія, чумы или голода, а какое то чувство жестокости и даже какъ бы нѣкоторой отрады отъ мщенія происходящей. Впрочемъ иные города, не только деревни, такъ были разорены, что, напримѣръ, въ Гжатской пристани, гдѣ было около тысячи домовъ и много прекрасныхъ, каменныхъ, остался изо всѣхъ одинъ только домъ, въ которомъ я приставалъ, а и тотъ безъ службъ. На другой день выступили мы изъ Вильны, а 1 число Генваря 1813 г. выступили и за границу въ Меричѣ.

Обозрѣвая умственно прошедшій годъ, нахожу я слѣдующія замѣчательныя для себя эпохи: въ Февралѣ мѣсяцѣ послѣдовалъ на мое имя секретный рескриптъ, которой начерно писанъ рукою самого Государя и у меня хранится, изъ котораго видно, что Онъ не только полагалъ во мнѣ довѣренность, но и щиталъ меня человѣкомъ знающимъ въ важнѣйшихъ Государственныхъ дѣлахъ и особенно въ финансовой части. Въ Мартѣ мѣсяцѣ имѣлъ я очень тяжелое мнѣ порученіе отобрать всѣ бумаги у Сперанскаго и Магницкаго и послать каждаго изъ нихъ съ Полицейскимъ офицеромъ въ дальнія губерніи подъ надзоръ. Въ семъ же мѣсяцѣ Государь, призвавъ меня однажды, изволилъ сказать: „Я хочу поговорить съ тобою о тебѣ, что Мнѣ съ тобою дѣлать? Ты знаешь, что я собираюсь ѣхать въ Армію: взять ли Мнѣ тебя съ Собою или оставить здѣсь". Я отвѣчалъ: Государь, гдѣ Вы считаете меня Вамъ болѣе полезнымъ, туда и употребите; я такъ держу мои дѣла, что готовъ и здѣсь оставаться. Государь мнѣ сказалъ: „Я бы хотѣлъ тебя разрубить пополамъ, и половину взять съ Собою, а другую здѣсь оставить". Я былъ очень тронутъ такъ милостивымъ отзывомъ. Государь рѣшилъ, чтобы я ѣхалъ и тутъ же удостоилъ, перебирая кого бы оставить вмѣсто меня, потребовать и моего мнѣнія. Я перебралъ человѣка два, и имянно И. В. Кутузова, Гр. Комаровскаго, о которыхъ Государь сказалъ, что они надобны въ Арміи; потомъ я предложилъ Генерала Вязмитинова, которой уже и прежде сей Столицею управлялъ. Государь изволилъ сказать, что наши мнѣнія сошлись и мнѣ же и поручилъ переговорить съ нимъ и устроить взаимныя наши сношенія. 28 числа Государь далъ мнѣ Указъ о сдачѣ должностей, а 31 я уже подалъ рапортъ о исполненіи сего и отчетъ Управленія моего Министерствомъ и С.-Петербургомъ, и я полагалъ, что сей послѣдній долженствовалъ привлечь на себя вниманіе Монаршее, но Государь меня обнялъ и слегка поблагодарилъ, симъ и кончилось. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ сына моего Дмитрія записали въ пажи, въ семъ же мѣсяцѣ 7 числа родился у меня сынъ Александръ, а 19 числа поѣхалъ въ слѣдъ за Государемъ въ Армію. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ посланъ я былъ Государемъ къ Наполеону. Въ

томъ же мѣсяцѣ я съ двумя другими осмѣлились мы подать на бумагѣ мнѣніе наше о тогдашнемъ положеніи дѣлъ и о мѣстѣ пребыванія Государя. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ одинъ разъ Государь во время походу, подозвавъ меня, сталъ говорить, что Онъ чувствуетъ и самъ, что присутствіе Его нужно въ Москвѣ, но какъ Ему оставить Армію, баталія можетъ быть очень скоро, и можетъ быть кончится и въ невыгоду нашу, ибо силы непріятелевы превосходнѣе гораздо нашихъ; тогда и здѣсь потеряютъ голову и въ Петербургѣ не будутъ знать, что дѣлать, которой еще можетъ быть и въ опасности; естьли бы былъ у меня человѣкъ, котораго могъ бы я оставить здѣсь и которой бы въ нужномъ случаѣ, при удачѣ и здѣсь бы далъ хорошій совѣтъ и поспѣшно бы доѣхалъ до Петербурга и тамъ бы разсказалъ всѣ обстоятельствы вѣрно и присовѣтовалъ бы что дѣлать... тогда бы я, можетъ быть, рѣшился ѣхать; но гдѣ взять такого человѣка! Я замолчалъ, ибо подъѣзжали протчіе Генералъ-Адъютанты; но на другой день велѣлъ доложить Государю, что имѣю нужду ему объяснить нѣкоторое обстоятельство и, войдя, сказалъ, что мнѣ хотѣлось бы возобновить вчерашній разговоръ, и продолжая оный, я предложилъ Государю: не угодно ли будетъ Ему меня употребить такимъ образомъ, какъ Онъ вчера предполагалъ: что я голову потеряю въ опасныхъ обстоятельствахъ не скоро, что по званію моему я проѣду скорѣй обыкновеннаго, разскажу обстоятельствы вѣрно что узнавъ свойствы каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ въ Петербургѣ, я улобнѣе другаго сіе исполню, тѣмъ болѣе, что я и членъ Совѣта и Министерскаго Кабинета. Государю сіе очень понравилось и Онъ тутъ же рѣшился ѣхать на другой день; но когда вѣсти сіи дошли до Гр. Аракчеева и Шишкова, то они оба принялись меня уговаривать, чтобы я Государя не оставлялъ, что они оба Москвы не знаютъ, а что меня тамъ любятъ и проч. Что все дѣло будетъ испорчено, естьли меня тамъ не будетъ, что не вселиться этузіазму въ жителяхъ къ сильному ополченію и что интриговать будутъ Р. Т.—Я противурѣчилъ имъ своими резонами; наконецъ позвали меня къ Государю и Онъ мнѣ сказалъ, что обдумавъ хорошенько, считаетъ, что меня Ему оставить никакъ нельзя, потому что ѣдитъ онъ во внутрь Россіи за тѣмъ, чтобы организовать во всѣхъ губерніяхъ сильное ополченіе или внутреннюю защиту, и что все сіе итить должно черезъ меня, что въ Москвѣ привыкли меня любить и уважать, а въ губерніяхъ всѣ привыкли мои предписанія съ дѣятельностію исполнять, однимъ словомъ, что я необходимъ для Государя, въ теперешнемъ случаѣ. Мнѣ было нечего дѣлать; какъ первой предметъ мой былъ, чтобы ѣхалъ Государь во внутрь Россіи, то я долженъ былъ согласиться на всѣ протчія при этомъ. Тутъ начали мы разбирать, кого бы оставить въ ту Коммисію, которая мнѣ назначалась, и наконецъ, по предложенію моему, избранъ былъ Генералъ-Адъютантъ Кутузовъ; и Государь приказалъ мнѣ взять его въ свою квартиру и подробное дать наставленіе, что ему дѣлать и какъ. Отъѣздъ Государя былъ негласенъ: онъ поѣхалъ никѣмъ неожиданно, въ ночь, а мнѣ дано было приказаніе каждому разсказать волю Государя объ немъ, то есть всѣмъ, кромѣ Главнокомандующаго и его подчиненныхъ, на другой день. Я сіе исполнивъ, отправился въ слѣдъ Государю и настигъ Его въ Смоленскѣ, потомъ въ Москву пріѣхали вмѣстѣ 12 Іюля, а въ Петербургъ — 22.

По возвращеніи Государь скоро поѣхалъ въ Финляндію видиться съ Наслѣднымъ Принцемъ Шведскимъ, а меня оставилъ въ Петербургѣ, сказавъ мнѣ, что Онъ не доволенъ Начальствомъ Полицейскимъ, которое слабо, то и оставляетъ меня на всякой случай, чтобы не случилось чего необыкновеннаго, въ каковомъ обстоятельствѣ приказываетъ мнѣ и дѣйствовать и Его черезъ курiеровъ увѣдомлять.

Въ Августѣ мѣсяцѣ, при полученіи извѣстія о распряхъ, происходящихъ въ Арміи и бывъ недоволенъ Главнокомандующимъ Генераломъ Барклаемъ, приказалъ собраться шести человѣкамъ: Гр. Н. И. Салтыкову, Кн. П. В. Лопухину, С. К. Вязмитинову, Гр. В. П. Кочубею, Гр. А. А. Аракчееву и мнѣ, и разобравъ по всѣмъ бумагамъ, получаемымъ оффиціально и конфидаціально и сдѣлать свое мнѣніе на слѣдующіе пункты: 1-е. Можетъ ли съ выгодою далѣе продолжать команду Генералъ Барклай надъ Арміею. 2-е. Въ случаѣ противномъ, кому заступить его мѣсто. 3-е. Послѣ сего можетъ ли Генералъ Барклай оставаться Военнымъ Министромъ, или нѣтъ. На сіи важные пункты мы сдѣлали единогласно свое мнѣніе, которое и утверждено было во всей его силѣ. Князь Кутузовъ былъ назначенъ Начальникомъ всѣхъ Армій и поѣхалъ къ своему мѣсту.

1813 годъ.

Началъ его я какъ выше значитъ походомъ за границу; въ концѣ Генваря пришли въ Плоцкъ на Вислу, около сего же времени выслала ключи свои Варшава. Я получилъ позволеніе побывать въ сей древней Польской Столицѣ. Возвратясь, нашелъ уже Армію опять на походѣ; дойдя до Калиша, остановилась Армія за распутицею. Здѣсь заключили трактатъ съ Пруссіею и Государь поѣхалъ видаться съ Королемъ въ Бреслау и мнѣ приказалъ ѣхать за Собою. Оттуда возвратились мы опять въ Калишъ, куда и Король Прусской пріѣхалъ, и потомъ оба предприняли путешествіе свое въ Саксонію съ арміями вмѣстѣ; я выпросилъ позволеніе ѣхать напередъ и съ авангардомъ въ Дрезденъ, и всю страстную недѣлю провелъ въ немъ, прежде Государеву пріѣзду. Къ Свѣтлому Воскресенью прибылъ Государь и былъ великолѣпно встрѣченъ, а дни черезъ четыре пошли мы далѣе впередъ и, дойдя до Люцина, дали баталію у деревни Гросъ-Гершинъ, въ виду Люцина, 20 Апрѣля. Государь нѣсколько разъ во время дѣла, стоя подъ ядрами, говорилъ мнѣ, что Онъ удивляется моей твердости, что Онъ ни малѣйшей перемѣны не видитъ во мнѣ, какъ бывалъ Онъ со мною въ кабинетѣ, въ Петербургѣ. Я спросилъ Его: развѣ Онъ ожидалъ найтить во мнѣ труса? Онъ началъ извиняться и доказывать смыслъ Его словъ, со всѣмъ не въ ту сторону направляемый, говоря, что какъ я въ первой разъ видѣлъ, то удивляетъ Его такъ малое мое безпокойство объ опасности и равнодушіе, которое не всегда во мнѣ Онъ примѣтилъ и проч. Потомъ, когда вздумалось Государю проѣхать по всей линіи непріятельскихъ выстрѣловъ, что составляло версты двѣ, гдѣ натурально ядры попадались безпрестанно, по иныя уже на излетѣ, и одинъ разъ, когда Государь, бывъ послѣднимъ человѣкомъ къ непріятельской сторонѣ, ѣхалъ шагомъ, я увидилъ, что ядро прямо катится на то мѣсто, гдѣ ступитъ Его лошадь, заскакалъ между ядра и Государя и закричалъ, чтобъ Государь впередъ проѣхалъ; Онъ меня съ пріятностію побранилъ, говоря, что не должно такъ себя експозировать.

По окончаніи дѣла, мы часть ночи

остались на мѣстѣ сраженія и положили, чтобъ на другой день со свѣтомъ вмѣстѣ вновь атаковать, поѣхали въ ближнюю деревню съ Государемъ; но въ теченіе остальной части ночи, командующіе Генералы передумали, и на другой день мы ретировались черезъ Фрейбергъ на Дрезденъ. Въ Фрейбергѣ за обѣдомъ, Государь опять сталъ хвалить мою неустрашимость, разсказывая обо мнѣ Аглинскому послу Катгарту; потомъ товарищи мои Генералъ-Адъютанты, а особливо Гр. Шуваловъ и Гр. Ожаровской, тоже мнѣ комплименты дѣлали; я удивляюсь всѣмъ этимъ похваламъ, потому что я только, что не конфузился и не терялъ головы.

Ретираду продолжая черезъ Дрезденъ; мы дошли до Баудцына Будисенъ, позади этого города опять было большее сраженіе 8-е и 9-е число Мая, и потомъ опять ретирада къ Лигницу и Швейдницу, и какъ между тѣмъ еще передъ сраженіемъ Наполеонъ прислалъ предложеніе о перемиріи, то въ бытность главной квартиры въ Петерсвалдау, подлѣ города Рейхенбаха и заключено перемиріе недѣль на 6, а потомъ и еще продолжено.

Я въ теченіи всего времени похода имѣлъ большую трудность доклады мои дѣлать Государю: послѣ прозьбы моей о семъ проходило недѣли двѣ или три, а потомъ, когда бываю принятъ, не могъ цѣлаго доклада окончать, ибо Государь всегда занятъ по военной части; мнѣ же по оной никакого не даютъ дѣла, сколько бы я того ни желалъ; впротчемъ ни по какому обстоятельству не вижу я, чтобы это было отъ немилости Государя ко мнѣ, однако же совсѣмъ тѣмъ дѣла отъ этого терпютъ и я, видя это, старался уже ихъ, сколько можно, отъ себя отклонить затѣмъ, чтобы мнѣ уже было возможно временемъ отлучиться, есть ли дѣла не даютъ мнѣ дѣлать.

И такъ, по объявленіи перемирія, просилъ я письмомъ у Государя позволенія отлучиться до излѣченія, потому что и дѣйствительно здоровье мое слабо переносить всѣ безпокойства и всю суету ежедневныхъ перемѣнъ квартиръ, часто сырыхъ, переѣздовъ подъ дождями, при вѣтрахъ и непогодахъ. Сіе произвело изъясненіе между Государемъ и мною, въ которомъ я разсказалъ всю непріятность бездѣйственнаго моего положенія и соединеннаго съ тѣмъ неуваженія. Онъ мнѣ говорилъ, что какъ я уже началъ свою карьеру и довольно удачно, то не видитъ притчины употреблять меня въ другую, что Ему я надобенъ въ томъ званіи, которое я нону, то есть Министра Полиціи; что Онъ никоимъ образомъ оставаться съ В. не можетъ и только согласенъ былъ его употребить на время своего отсутствія, что какъ скоро Онъ воротится, то я долженъ опять принять свои прежніи должности, и что меня взялъ въ Собою за тѣмъ, что полагалъ мнѣ пріятно будетъ быть вездѣ съ Нимъ, что Онъ Генералъ-Адъютантовъ, а особливо старшихъ, какъ я, не употребляетъ на коммисіи не важныя, но что имѣетъ ихъ готовыми на нужный случай. Однимъ словомъ мы кончили на томъ, чтобы я на время перемирія съѣздилъ бы въ водамъ поправить свое здоровье и потомъ бы воротился и, окончa накопившіяся между тѣмъ дѣла, и опять бы поѣхалъ, есть ли сдѣлать то захочу, куда будетъ мнѣ съѣздить интересно. Когда же возвратился въ Россію, то Государь мнѣ позволитъ, есть ли я захочу, отлучиться мѣсяца на 3 или 4 для устройства разстроившихся дѣлъ своихъ. Потомъ я приму Начальство моего Министерства и представлю проектъ устройства Полицейской части во всемъ Государствѣ, который разсмотрится въ Комитетѣ Министровъ и внесется на Государево разсмотрѣніе

и высочайшее его утвержденіе, послѣ чего Государь мнѣ назначитъ Товарища или Помощника, которой былъ бы совершенно въ моей командѣ, и которому, въ мое присутствіе, поручалъ бы я части по моему усмотрѣнію, а въ мое отсутствіе чтобы могъ онъ замѣнять мою должность; я же бы могъ отлучаться по своему разсужденію въ ту и другую губерніи, а есть ли бы возможность была, объѣхалъ бы и всѣ со временемъ: бывъ въ каждой, вошелъ бы во всѣ подробности ея обстоятельствъ, узналъ бы ея выгоды и невыгоды и устроилъ бы Полицію въ оной сколько возможно наилучшимъ образомъ.

И такъ я, желая всегда и лѣченіе мое соединить съ пользою въ познаніяхъ, выбралъ для сего цѣлительныя воды Баденскія, которыя находятся мили четыре отъ самой Вѣны. Былъ я въ сей Австрійской столицѣ и Баденѣ около мѣсяца времени; видилъ все, что примѣчательнаго отыскать могъ и прежде окончанія перемирія возвратился въ Петрсвалдау.

Въ Вѣну ѣхалъ я черезъ Прагу, и чтобы нѣсколько узнать древній Богемскій городъ сей, остановился въ немъ три дни, а назадъ возвращался черезъ Брюнъ и Ольмюцъ. Подлѣ перваго изъ сихъ городовъ было замѣчательное Аустерлицкое сраженіе, и мнѣ хотѣлось посмотрѣть мѣсто сраженія.

Возвратясь, принятъ былъ я Государемъ хорошо, то есть также, какъ и былъ отпущенъ; прочелъ Ему небольшія замѣчанія, которыя сдѣлалъ я, бывши въ Вѣнѣ. Здѣсь послѣдовалъ оборонительный и наступательный трактатъ съ Австріею, и Государь, а въ его свитѣ и я, отправились въ Прагу, куда въ слѣдъ за Нимъ пріѣхали и мы; насъ помѣстили также во дворцѣ. Императоръ Францъ II выѣзжалъ встрѣчать за городъ Государя, показывалъ войска свои и пр.

Въ сіе же время пріѣхалъ изъ Америки Генералъ Моро, и передался изъ французской Арміи Генералъ Жомини. Первой, не знаю почему, непремѣнно хотѣлъ со мною познакомиться; въ первой день пріѣзда его пришелъ самъ ко мнѣ, тогда какъ я не видалъ его еще никогда, и обошелся такимъ образомъ, что мнѣ показался онъ желающимъ прямо общаго добра, а не личностію своею стремящійся возвыситься или чего либо достигнуть; но черезъ нѣсколько дней вышли мы въ походъ подъ Дрезденъ, и прибылъ 14 числа Государь; Онъ и я, мы вмѣстѣ, считали, какъ было 5 и 6 часовъ по полудни, такъ близко были подъ городомъ. На другой же день, то есть 15 числа, съ раннимъ утромъ началась сильная перестрѣлка и наконецъ большое дѣло и около полудни, когда Государь разговаривалъ съ Моро и, по причинѣ случившейся ямы съ водою передъ лошадью Государя, Онъ хотѣлъ дать Моро проѣхать и его слѣдомъ Самому, какъ ядромъ убило лошадь у Моро и оторвало ему обѣ ноги. Я былъ два человѣка далые Государя и очевидной свидѣтель былъ сему; Моро сдѣлали ампютацію, и онъ послѣ нее былъ очень бодръ и крѣпокъ, но по причинѣ ретирады, въ которой тогда была Армія, не можно было ему дать довольно покою, и онъ въ седьмой день умеръ, но умеръ, какъ человѣкъ великаго духу! Сей день былъ для меня очень тяжолъ. Съ пяти часовъ утра и до полуночи былъ безпрестанно, 19 часовъ, подъ сильнымъ дождемъ, при великомъ вѣтрѣ, безъ пищи и питья и на одну минуту не входя подъ крышку. Какъ человѣкъ, подверженный ревматизмамъ и флюсамъ, я очень боялся, чтобы мнѣ не занемочь на другой день; однако же я этотъ день еще не столько разстроилъ себя, какъ въ слѣдующіе дни. 18 числа былъ я при разбитіи корпуса Генерала

Вандама, и случилось такъ, что я, пріѣхавъ къ Генералу Барклаю съ приказаніемъ отъ Государя, остался при немъ съ полчаса и былъ близкой свидѣтель совершеннаго истребленія сего Корпуса и взятія въ полонъ Генераловъ Вандама, Аксо и проч. 4. Сраженіе сіе было у Кульма, близъ Теплица, гдѣ и главная наша квартира остановилась. Послѣ сего дѣла, я, перемогаясь нѣсколько времени, наконецъ принужденъ былъ слечь, бывъ боленъ весьма сильною простудою, и выдержалъ мучительныхъ недѣли двѣ, въ которыя, однако же по счастью, дѣлъ не было и главная квартира оставалась все это время на одномъ мѣстѣ.

Въ началѣ Сентября мѣсяца получилъ я назначеніе отъ Государя отправиться въ Лондонъ и отвести Россійскіе ордена Принцу-Регенту, взамѣнъ ордена Подвязки или „*honny soit qui mal y pense*", которой Государь отъ него получилъ. 24 Сентября я отправился черезъ Прагу, Гернертъ, Бауценъ, Берлинъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней, Стрелицъ, Ростокъ и Стральзундъ, гдѣ сѣлъ на миленькое, вооруженное 10-ю пушками судно и отправился въ Штатъ 9-го Октября. Но путешествіе мое моремъ Балтійскимъ было не очень задачно, то есть 24 мили или 168 верстъ проѣхали мы безъ трехъ часовъ шестеро сутокъ, во все сіе время попутнаго вѣтра намъ было только послѣдніе два часа; тяжелаго очень времени было дни три, въ которое я ни пить, ни ѣсть, ни читать, ни писать не могъ. Сперва долго боролись мы съ противнымъ вѣтромъ, а потомъ не знали какъ подвигаться безъ вѣтру впередъ. 18 Октября пріѣхалъ я въ Гатамбургъ, гдѣ сперьва не было пакетъ-ботовъ, а потомъ противный вѣтеръ не пускалъ меня до 23 числа, въ которое сѣлъ я на пакетъ-ботъ и отправились въ морѣ. На морѣ, вмѣсто обѣщанныхъ трехъ или четырехъ дней, пробыли мы 15 сутокъ и 6 часовъ несноснаго времени, ибо безпрестанные противные вѣтры и почти безпрестанная буря еще болѣе усугубила то тяжелое чувство, которое и безъ того море надо мною производило (см. журналъ сего времени). Наконецъ, не попавъ въ Гареджъ, куда пристать мы предполагали, вышли на берегъ мы въ деревенькѣ Левстовъ, или Ловитовъ, 7 числа Ноября, гдѣ и ночевали. Трудно изобразить удовольствіе, съ какимъ я проводилъ сію ночь, хотя спать совсѣмъ не могъ, и въ головѣ все продолжалось, такъ сказать, колыханье морское; но послѣ такъ тяжелаго переѣзду по морю, я чувствовалъ себя уже на землѣ, и сіе было мнѣ чрезвычайно утѣшительно, къ тому же ожидалъ черезъ день, доѣхавъ въ Лондонъ, получить письма отъ жены и родныхъ! Слѣдующую ночь однако же долженъ былъ еще ночевать въ Кольчестерѣ, ибо силы не было далѣе ѣхать отъ боли зубъ и головы. 9 числа пріѣхалъ я въ Лондонъ, гдѣ отъ посла нашего Графа Ливена, отъ Регента и отъ всѣхъ Лордовъ имѣлъ во все время пребыванія моего много вѣжливостей и обязательныхъ поступковъ.

1813. Ноябрь.

Въ Лондонѣ пробылъ я съ 9 Ноября по 1 Декабря; въ сіе время все, что интереснаго со мною могло повстрѣчаться, находиться должно въ моемъ журналѣ и въ письмахъ моихъ къ женѣ моей, и дабы не повторять теперь сего здѣсь, я не включаю. 2 Декабря былъ я въ Гарвичѣ и сѣлъ на фрегатъ, именуемый Свеаборгъ, а 4 уже пріѣхалъ и вышелъ на берегъ въ Скевелингѣ, версты три отъ Гаги; 5 выѣхалъ изъ Гаги, 6 изъ Амстердама, 12 ночевалъ я въ Франкфуртѣ на Майнѣ, а 15 пріѣхалъ въ главную квартиру въ Френбургъ, близъ

Швейцаріи. Принятъ былъ Государемъ милостиво, Онъ со мною разговаривалъ съ 8 до 7 часовъ и, между протчимъ, говоря, что когда кончитъ военныя движенія, то примется за внутренность, и прибавилъ: „тутъ Я надѣюсь уже на тебя, что ты мнѣ будешь лучшій помощникъ"; потомъ, когда я спрашивалъ, прикажетъ ли мнѣ продолжать мое путешествіе, ибо я имѣлъ прежде приказаніе возвратиться черезъ Швецію и Петербургъ, Онъ мнѣ отвѣчалъ: „ты можешь ѣхать, только Я тебя долженъ предварить, чтобъ ты опять послѣ на Меня не пѣнялъ, что не пройдетъ двухъ недѣль, какъ будетъ, конечно, весьма интересное произшествіе (по обстоятельствамъ разговора я видилъ, что произшествіе сіе—будетъ сраженіе)". И такъ остался я на двѣ недѣли, къ чему Государь присоединилъ, что Ему пріятно будетъ начать Новый годъ вмѣстѣ со мною.

Имѣя однако же свободное время двѣ недѣли, я воспользовался имъ и выпросилъ позволеніе объѣхать нѣкоторые ближніе Кантоны Швейцаріи. Былъ въ Шафгаузѣ, въ Цюрихѣ, въ Люцернѣ, Бернѣ, Солёрѣ, и къ Новому году пріѣхалъ въ Базель (см. журналъ Швейцаріи 1813).

1814 годъ.

Прошлой 1813 годъ начали мы переходомъ черезъ Нименъ, а нынѣшній переходомъ черезъ Рейнъ. Въ оба сіи 1-е Генваря, Государь, отслужа молебенъ по одну сторону рѣки, переходилъ по утру со всею Гвардіею, сіи двѣ, такъ дальнія одна отъ другой, рѣки и границы, и я въ оба раза былъ при Его особѣ, въ первый въ Меричѣ, а въ послѣдній—въ Лерахѣ, гдѣ были также и Императоръ Австрійскій и Король Прусскій; потомъ пошли мы на Вилларсаксель, городъ Везу (Vesoul), Камбо, Фонтанъ, Файбиліо, въ Франшъ Копье, въ г. Лангръ, въ Шампаніи, Шомонъ на Марнѣ; было у насъ сильное сраженіе 20 и 21 Генваря при Бріеннѣ, гдѣ Наполеонъ въ молодости былъ воспитанъ, а тутъ командовалъ и былъ разбитъ, и Бріеннъ нами взятъ. Во время сраженія, еще при концѣ, Государь, подъѣхавъ ко мнѣ, сказалъ мнѣ: „ну, я тебя удерживалъ до сраженія; теперь скажи Мнѣ, гдѣ ты желаешь быть на службѣ; тутъ или тамъ?"—показывая Востокъ и Западъ. Я отвѣчалъ, что есть ли Государь подъ симъ разумѣетъ Петербургъ и Парижъ, то лучше сперва въ Парижѣ! Государь сказалъ: „такъ ето и рѣшено: оставайся же". Послѣ за сіе сраженіе Король Баварскій далъ мнѣ Командорственный крестъ военнаго ордена Максимиліана Іосифа. Потомъ пошли мы въ Баръ *sur Aube*, въ Вандевръ, Баръ *sur Seine*, въ Трою, въ *Sont sur Seine* и въ Брей.

Во время сихъ переходовъ одинъ разъ, встрѣтя меня на улицѣ Б. Штейнъ, извѣстный человѣкъ умомъ своимъ, бывшій прежде Министромъ Прусскимъ, а въ сіе время пользовавшійся большимъ фаворомъ у Государя и особенной довѣренностію, обнялъ меня и поздравилъ съ тѣмъ, что я сдѣланъ буду Губернаторомъ Парижа; я отвѣчалъ, что я ни отъ кого сего не слыхалъ, а онъ мнѣ отвѣчалъ, что таково расположеніе есть Государя. Потомъ на другой день пришелъ Лагаръ, воспитатель Государя, и послѣ нѣкоторыхъ околичностей сказалъ, что пришелъ поговорить о Парижѣ, и предварить меня, что половина Парижа находится на каменныхъ каріерахъ, изъ подъ которой камню много выбрано, чрезъ что и составилось родъ сводовъ, которые, есть ли не взять предосторожностей, можетъ непріятель при оставленіи городу наполнить порохомъ

и потомъ взорвать и съ самими побѣдителями на воздухъ; что половина жителей Парижа только запасается съѣстными припасами, а другая питается единственно только съ рынку и слѣдственно черезъ подвозы изъ ближнихъ деревень, то естьли окружить весь городъ и не пропускать сихъ припасовъ, то легко можетъ воспослѣдовать смятеніе или бунтъ отъ голоду, и проч. и проч. Я у него спрашивалъ, зачѣмъ все ето онъ мнѣ разсказываетъ; онъ мнѣ отвѣчалъ, что ето все мнѣ нужно знать на будущей моей должности военнаго Губернатора въ Парижѣ. Я и ему сказалъ, что я приказанія такого не имѣю. Онъ подтвердилъ, что таковое назначеніе онъ слышалъ отъ самого Государя, и думаетъ, что ето уже рѣшено!

На третій день пришелъ ко мнѣ Гр. Аракчеевъ и сказывалъ за секретъ, что идетъ дѣло о назначеніи меня или Кн. Волхонскаго въ Парижѣ Военнымъ Губернаторомъ, но что мнѣніе Государя есть—меня, а не его сдѣлать Начальникомъ сего города, когда онъ взятъ будетъ. Наконецъ нѣсколько Генералъ-Адъютантовъ мнѣ тоже сказывали, что Государю угодно, чтобы я и подписывался С.-Петербургской и Парижской Военной Губернаторъ.

Но всѣ сіи слухи продолжались, пока мы шли впередъ, дойдя же до Брея, то есть 88 верстъ отъ Парижа, по нѣкоторымъ поверхностямъ Наполеона надъ Генералами Блюхеромъ, Сакенымъ, Вреде, Витгенштейномъ и Паленымъ, мы стали ретироваться сперва въ Трепель, потомъ въ Труа, въ Вандевръ, въ Баръ *Sur Aube*, Шамонъ и Лангръ; въ которое время уже позабыли всѣ о будущемъ взятіи Парижа, а считали, что остановимся мы на Рейнѣ; однако же мы подвинулись опять въ Шамонъ, гдѣ я вдругъ неожиданно получилъ назначеніе ѣхать въ Италію къ Неаполитанскому Королю. Государь, призвавъ меня къ Себѣ, сказалъ мнѣ во первыхъ, что въ доказательство того, что бережетъ Онъ меня всегда на самыя деликатныя порученіи, намѣренъ Онъ меня, пославъ прежде къ Наполеону, послать теперь и къ зятю его. Что Король Мюратъ проситъ принять его союзъ, что Австрійскій дворъ сильно и даже неотступно сего требуетъ и, что отъ Неаполитанскаго двора пріѣхалъ уже и уполномоченный Дюкъ-де-Кампо-Кіара въ нашу Главную Квартиру, что Государь отозвался Австрійскому Двору, что Онъ на все то согласенъ будетъ, что служитъ къ выгодѣ союзниковъ; но что Король Мюратъ, считаетъ Онъ, принятъ иначе въ союзъ быть не долженъ, какъ чтобы Онъ напередъ началъ дѣйствовать противу французовъ, и имъ вредить. На что Государю отвѣчали, что онъ дѣйствовать готовъ, но только опасается, что начавъ дѣйствовать, естьли не будетъ присоединенъ къ общей Коалиціи, то, отставъ отъ одной стороны и, не бывъ принятъ другою, погубитъ свое королевство; естьли же въ нашей главной квартирѣ, которая въ серединѣ Франціи, ожидать извѣстія, что онъ уже началъ дѣйствовать, то пройдетъ много времени, и отъ того можетъ произойдти большая невыгода, или переходъ Мюратовъ опять на сторону Наполеона. Что, наконецъ, Государь отвѣчалъ, чтобы съ одной стороны и намъ не быть въ тщетномъ ожиданіи и Короля Неаполитанскаго не оставить въ нерѣшительность, что Государь пошлетъ въ его главную квартиру довѣреннаго своего человѣка, которой будетъ свидѣтель его дѣйствія и самъ вмѣстѣ съ нимъ дѣйствовать будетъ, и естьли увидитъ, что онъ дѣйствительно будетъ сіе исполнять, то и трактатъ заключить, не дѣлая уже впрот-

чемъ болѣе никакого сюда вопроса, потому что получитъ по сей части неограниченное уполномочиваніе, и что на сіе то Государь меня избираетъ! Я, выслушавъ сіе и многія еще, сему подобныя рѣчи, отвѣчалъ Государю, что я готовъ гдѣ ему угодно быть употребленъ, ибо одно бездѣйствіе мнѣ несносно, что вижу, что тутъ ляжетъ на меня большая очень отвѣтственность, во перьвыхъ, тогда ли заключу трактатъ, когда нужно будетъ, во вторыхъ такъ ли заключу, какъ надо; даже и то мнѣ трудно узнать, что называться должно Мюратово дѣйствіе, — сперьва онъ движеніе будетъ дѣлать, послѣ того начнутся сраженіи можетъ быть небольшія, а важныя могутъ быть позже гораздо; въ которое изъ сихъ временъ могу я принять, что онъ уже дѣйствуетъ; можетъ быть онъ побѣдитель, можетъ быть онъ и побѣжденъ! А уповательно, что и онъ съ своими Министрами и Австрійской Посланникъ будутъ принуждать меня скорѣе заключить мой трактатъ? Государь мнѣ сказалъ на отрѣзъ, что во всемъ етомъ оставляетъ Онъ мнѣ поступить по усмотрѣнію моему, какъ увижу къ лучшему, и что сверхъ того предваряетъ меня и въ томъ, что новыхъ повелѣніевъ давать мнѣ не будетъ, ибо и Австрійскому Двору отвѣтствовано, что я неограниченно уполномоченъ и разрѣшонъ заключить трактатъ подъ однимъ только условіемъ, чтобъ Король Неаполитанской дѣйствовалъ напередъ. Я наконецъ готовъ уже былъ со всѣмъ откланяться, сдѣлалъ я слѣдующій вопросъ Государю: „неужели, Ваше Величество, и въ правду имѣете желаніе вступить въ союзъ съ Мюратомъ?“ Государь мнѣ отвѣчалъ: „какъ можетъ быть, чтобъ я етого желалъ, развѣ Мюратъ етотъ не тотъ самой, которой раззорялъ Россію, которой жегъ Москву, которой есть и былъ всегда родственникъ ближній Наполеоновъ и его креатура! Но Я всѣ чувства Свои теперь приношу въ жертву доброму согласію союзныхъ Государей, а етого отъ Меня не отступно требуютъ Австрійцы, и Я соглашаюсь войтить въ сей союзъ, сколько Мнѣ ето ни тяжело“. Я спросилъ: „слѣдовательно, естьли я, при соблюденіи всего мнѣ предписаннаго, союза сего не заключу, то Ваше Величество на меня не прогнѣваетесь?“ — Государь отвѣчалъ: „ето будетъ твой *chef d'oeuvre;* но Я предваряю тебя, что Я посылаю тебя заключить трактатъ, и есть ли ты его не сдѣлаешь и произведешь неудовольствіе Австрійцевъ, то Я долженъ буду всю сію вину возложить на тебя и поступить сообразно сему, ибо Я посылаю тебя единственно для того, чтобы, заставя дѣйствовать и Мюрата и Беллегарда, заключить трактатъ непремѣнно!“ — Я присовокупилъ, что я ето принимаю, то есть, что мнѣ надо жертвовать собою, и что я исполню съ обыкновеннымъ моимъ усердіемъ и готовностію собою жертвовать, естьли предвижу изъ етого пользу Государя моего и Отечества; только просилъ приказать увѣдомлять меня о томъ, что происходить будетъ въ главной квартирѣ, чтобы я, не знавъ сего, не попалъ въ фальшивое заключеніе и не испортилъ бы дѣла. Государь ту же минуту, призвавъ Графа Несельрота, приказалъ ему обо всемъ меня увѣдомлять, чего, однако же, впослѣдствіи не было, ибо перьвое увѣдомленіе получилъ я отъ него то, которое написалъ Онъ ко мнѣ 50 дней спустя послѣ моего отъѣзда и 19 дней послѣ входу войскъ нашихъ въ Парижъ.

Я выѣхалъ 1-го Марта изъ Шомона и Лангра черезъ Базель, Рейти, Бальзону; 13-го пріѣхалъ въ Верону, гдѣ я нашелъ главную квартиру Гр. Белле-

гарда, Австрійскаго Генералъ-Фельдмаршала, гдѣ, пробывъ сутки, отправился черезъ Виченцу, Падую, Монселиче, Равиго, Ферару и 17-го пріѣхалъ въ Болонью, гдѣ главная квартира была Короля Мюрата, а 19-го познакомился съ Папою. Найдя повсюду здѣсь бездѣйствіе, удалось мнѣ возбудить въ той и другой Арміи дѣятельность, ибо командующіе Арміями еще не видались до моего пріѣзду; я имъ предложилъ сіе свиданіе и уже 25-го мы всѣ съѣхались въ Реверѣ, 26-го сдѣланы распоряженіи, 27-го выступили войска и мы съ ними, 1-го апрѣля аттаковали мы Борго, Сендонино и взяли 2-го Фіеренцоллу, и на завтра приготовились блокировать Піяченцу, но получили извѣстіе о взятіи Парижа и о сверженіи Наполеона и повелѣніе о заключеніи перемирія.

Все, что могло быть интереснаго въ сіе время и потомъ до возвращенія моего, помѣщено мною было или въ письмы къ женѣ моей или въ журналѣ, на которыя я и ссылаюсь; а здѣсь скажу только, что мы пробыли нѣсколько дней въ Парижѣ, заключали нашъ союзъ, ибо Мюратъ дѣйствовалъ, а только запрещеніе съ нашей стороны прекратило сіе дѣйствіе... но заключить никакъ не могли. Они даже соглашались, представляя намъ выгоды въ своихъ портахъ державъ наиболѣе фаворизированныхъ, не имѣть въ томъ взаимности у насъ; соглашались, чтобы владѣнія ихъ не были имъ гарантированы нашею Державою, и протчее тому подобное. Совсѣмъ тѣмъ однакоже мнѣ удалось не связать рукъ нашей дипломатической части симъ союзомъ и не заключить его, и ни Австрійцовъ, ни Неаполитанцевъ не разсердить и, пробывъ безъ увѣдомленія отъ нашего Двора о томъ, что мнѣ дѣлать до 10 Іюня, уѣхалъ безъ отзыву меня моимъ Дворомъ и остаться притомъ въ добромъ согласіи съ Неаполитанскимъ Королемъ. Сіе время провелъ я такимъ образомъ: выѣхалъ изъ Пармы 6-го апрѣля, былъ въ Реджіо, въ Моденѣ и ночевалъ въ Болоньи; 7-го былъ въ мѣстечкѣ или деревнѣ *Піетромало*, гдѣ болѣе 113 лѣтъ огонь неугасаемый выходитъ безпрестанно изъ земли; 8-го пріѣхалъ во Флоренцію, 11-го выѣхалъ; былъ въ Пизѣ и пріѣхалъ въ Ливорну, видилъ островъ Ельбу; поѣздилъ по Средиземному морю; 13-го былъ опять въ Пизѣ, ходилъ по святой землѣ и пр. Какъ въ Ливорнѣ, такъ и здѣсь три недѣли тому назадъ было весьма сильное землетресеніе, отчего нѣкоторые домы разрушились, а у другихъ домы разсѣлись, и въ 3 часа по полуночи были всѣ жители на площади и за городомъ. 14 былъ въ Сіенѣ, 15 въ Акватидентѣ, въ Бользано и 16 доѣхалъ до Рима, а 24, выѣхавъ, былъ во Фраскати, въ Велетри, въ Моло ди Гаста. 26 пріѣхалъ я въ Неаполь, откуда ѣздилъ я въ Пестумъ, былъ на Везувіи, жилъ нѣкоторое время въ Портичи, въ Помпеи, въ Геркуланумѣ, въ Пуцоли, въ Казертѣ, на Острову Капреѣ и 10 Іюня выѣхалъ и 11 опять былъ въ Римѣ, а 18 пустился далѣе въ Акватиденте, 19 въ Сіеннѣ и 20 пріѣхалъ во Флоренцію, а 21 въ Болонь, 22 въ Миланъ, 23 въ Верону, 24 въ Виченцу, въ Падую и чрезъ мѣстечко Мистра къ вечеру прилылъ я въ Венецію, 26 выѣхавъ, былъ въ Тревизо, 27 въ Удинѣ, 28 въ Клагенфуртѣ, 29 въ Юденбергѣ; 1 Іюля пріѣхалъ я въ Вѣну и 2 выѣхалъ, ибо, не заставъ Государя, поѣхалъ догонять Его; былъ въ Знаимѣ, 3 въ Иглавѣ 4 въ Прагѣ, 5 въ Теплицѣ и въ Дрезденѣ, гдѣ, услыша о пріѣздѣ Его черезъ Лейбцигъ на Франкфуртъ на Одерѣ, пустился туда; но 6 въ Гюбинѣ узнавъ, что 16 часовъ Онъ уже у меня впереди,

послалъ къ Нему куріеромъ Адъютанта моего Пушкина, а самъ поѣхалъ дожидать отвѣта черезъ Берлинъ въ Дрезденъ, и былъ 8 во Франкфуртѣ, 9 въ Берлинѣ, а 16 выѣхалъ, 17 былъ въ Виртембергѣ, 18 въ Лейбцигѣ и 19 въ Дрезденъ доѣхалъ, гдѣ прождавъ отвѣту до 14 Августа, 15 выѣхалъ и черезъ Варшаву пріѣхалъ 27 въ Петербургъ. Государь, принявъ меня особенно милостиво, сказалъ мнѣ, что я точно дѣйствовалъ въ Его вкусѣ, а чрезъ три дня, то есть 30, пожаловалъ мнѣ орденъ св. Владиміра 1 степени, а женѣ моей Бантъ Ордена св. Екатерины. Вскорѣ потомъ, то есть чрезъ день, Государь отправился на конгресъ, и 15 мы съ женою отправились въ Москву и деревни и въ Петербургъ возвратились уже послѣ новаго году. Весь сей годъ проводилъ я безъ большой пріятности: во Франціи много терпѣлъ отъ холоду въ комнатахъ, въ Италіи бывъ, отъ того было не весело, что извѣстія никакого не имѣлъ ни отъ семьи своей, ни изъ главной квартиры Государя и въ Парижъ не попалъ.

1815 годъ.

Въ новой годъ были мы въ въ Ярославской деревни и 5 Генваря воротились въ Питербургъ; въ Февралѣ я былъ боленъ, въ Мартѣ, по случаю возвращенія Наполеона съ острова Эльбы, всѣ Генералъ-Адъютанты получили повелѣніе ѣхать въ Гельбрунъ, гдѣ назначена была главная квартира, и ожидать прибытія Государя; мнѣ же приказано было, чрезъ Кн. Волхонскаго, отдать на выборъ, что я желаю: находиться ли при Государѣ въ сію кампанію, или имѣть порученіе внутри Россіи. Я въ отвѣтъ на сіе отправился самъ въ Вѣну для полученія лично приказанія, какое угодно будетъ мнѣ дать Государю. Выѣхалъ изъ Питербурга 21 Апрѣля, 23 проѣхалъ Дерптъ, 24 былъ въ Ригѣ, 26 въ Вильнѣ, 28 въ Гроднѣ, 29 въ Бѣлостокѣ, 1 Мая въ Варшавѣ, 4 въ Краковѣ и въ Величкѣ и 7 пріѣхалъ въ Вѣну, былъ милостиво принятъ и въ короткое время бытности Государя при мнѣ въ Вѣнѣ, ибо Онъ поѣхалъ черезъ недѣлю послѣ моего пріѣзду, по успѣлъ я все выпросить возвращеніе Дворянства одному нещастному Медвѣдеву. 22 я выѣхалъ изъ Вѣны, 23 былъ въ Эмсѣ, 24 въ Браунау, 25 въ Мюнхенѣ, 26 въ Аузбургѣ, 27 въ Ульмѣ, въ Штутгардѣ, въ Лудвигбургѣ и наконецъ въ Гельбронѣ; но главная квартира переведена была уже въ Гейдельбергъ, куда я пріѣхалъ 28 числа. Здѣсь мы пробыли до тѣхъ поръ, какъ получено извѣстіе о совершенномъ разбитіи Наполеона при Ватерлоо или Бальамансѣ; съ симъ извѣстіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ особеннымъ порученіемъ, изображеннымъ въ рескриптѣ къ Кн. Николаю Ивановичу Салтыкову, отъ 11 числа Іюня 1815, былъ въ Питербургъ отправленъ я и выѣхалъ 13 числа изъ Гейдельберга, а въ Питербургъ пріѣхалъ 27 и нашелъ, что у меня родился десять дней тому назадъ сынъ Иванъ, и жена моя еще не оправилась отъ родовъ. Порученіе исполнивъ, получилъ я отъ вдовствующей Императрицы въ подарокъ табакерку; въ разсужденіи же того, которое изображено было въ рескриптѣ къ Кн. Салтыкову, не знаю для чего, но онъ не привелъ его въ исполненіе и подъ тѣмъ предлогомъ, что нѣтъ довольно важныхъ дѣлъ, ничего мнѣ не ввѣривъ осмотрѣть; послѣ я занемогъ, и когда сдѣлалось лучше, то я опять пустился въ путь 17 Августа, 20 былъ въ Ригѣ, 22 переѣхалъ границу, 27 былъ въ Берлинѣ, 1 Сентября во Франкфуртѣ на Майнѣ, а 4 пріѣхалъ я и въ самый Парижъ, а 29 изъ него выѣхалъ; какъ все сіе время проводилъ, видно изъ моего журналу. 6 Октября былъ я въ Вей-

нарнѣ, а 8 пріѣхалъ въ Берлинъ, а 12 и Государь прибылъ, гдѣ и пробылъ Его Величество до 27, а равно и я послѣ чего черезъ Кенигсбергъ отправился въ Питербургъ; передъ отъѣздомъ Король Прусской далъ мнѣ Орденъ Краснаго Орла 1 класса. Пріѣхалъ я въ Питербургъ 11 Ноября, а Государь 1 Декабря. Годъ сей былъ изъ довольно неважныхъ годовъ моей жизни; могъ бы онъ быть замѣчательнымъ, есть ли бы далъ Кн. Салтыковъ полный ходъ порученію, мнѣ сдѣланному въ его рескриптѣ; но онъ сего не сдѣлалъ! — Въ первыя недѣли пріѣзда Государя не хотѣлъ я беспокоить Его собою, и такимъ образомъ и окончился сей годъ.

1816. Генварь.

1 Генваря былъ я въ Питербургѣ; вскорѣ послѣ Новаго года просилъ я Государя позволить мнѣ съѣздить въ свои деревни будущею весною; Онъ мнѣ отвѣчалъ, что весною мнѣ нужно будетъ быть въ Питербургѣ, а ѣхалъ бы, естьли хочу, теперь, а къ веснѣ бы воротился, что я и исполнилъ: поѣхалъ въ самомъ концѣ Генваря съ Еленою Петровною и воротились 1 Марта; однако же по настаніи весны, не видалъ я, куда бы мнѣ готовилось употребленіе, и такъ, прождавъ до Мая, рѣшился я просить Государя опять о позволеніи мнѣ заняться собственными своими дѣлами деревенскими. Государь мнѣ отвѣчалъ, что и объ етомъ и обо многомъ Ему угодно со мною поговорить, на что Онъ и назначитъ время; и наконецъ я призванъ былъ въ кабинетъ; Государь мнѣ изволилъ говорить, что давно бы пора мнѣ отправлять мои должности, но что ето происходитъ отъ того, что Ему угодно бы было напередъ привести въ исполненіе свои соображенія, касательно устройства государственныхъ частей, а потомъ уже мнѣ, приказать приводить ихъ въ дѣйство въ касательномъ до моей части. Я спросилъ, по какой же части меня угодно употребить? Онъ отвѣчалъ: „какъ, по какой? Я полагаю всегда, что все, что Полицейской части касается, — принадлежитъ тебѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ Я тебѣ ету часть ввѣрилъ, я еще не встрѣчалъ человѣка, кому бы Я считалъ съ большею пользою для службы можно было поручить сію часть; равно, надѣюсь, что и ты не откажешься ею заниматься!“ Я отвѣчалъ, что тутъ нѣтъ нужды о моемъ расположеніи, а я желалъ бы только знать волю Государя. Онъ мнѣ прибавилъ, что конечно я буду около Москвы, то какъ и Онъ располагается быть тамъ въ Августѣ, то мы и увидимся и о дальнѣйшемъ моемъ употребленіи будемъ говорить. Я сказалъ Государю, что всякой разъ, когда Ему угодно будетъ меня точно, а не очереднаго Генерала куда либо употребить, то я, естьли бы былъ и въ отставкѣ, не только въ отпуску, то готовъ все оставить и явиться, куда буду нуженъ; но, чтобы напротивъ, когда лично во мнѣ нужды не будетъ, то бы позволилъ Государь мнѣ заняться моими собственными дѣлами. Государь мнѣ отвѣчалъ: „ето очень справедливо, и Я очень охотно иду на ето“. Я было спрашивалъ еще: не возвратить ли мнѣ всѣ бумаги, до образованія Полиціи касающіяся, въ Коммисію Законовъ, откуда они взяты, Государь отвѣчалъ: зачѣмъ же; у тебя хоть медленно, но все сія часть пойдетъ, а тамъ будутъ они лежать попустому“. Я было упомянулъ о статистической части: продолжать ли ее? Государь отвѣчалъ: „непремѣнно, потому что Я отъ нея со временемъ ожидаю большой пользы“. Къ сему было еще присоединено много кое-какихъ пріятныхъ разго-

воровъ, и я былъ очень доволенъ симъ объясненіемъ.

Поѣхалъ я изъ Питербурга 16 Іюня. Былъ въ Москвѣ, въ деревняхъ и возвратился къ пріѣзду Государя опять въ Москву. Государь былъ въ Москвѣ съ 15 Августа по 30, обходился со мною милостиво, но обо мнѣ ничего не говорилъ, равно и я Ему о себѣ. Послѣ отъѣзда Государя, я еще оставался до 24 Сентября и 27 воротился въ Спб. Какъ опять по прежнему все со мною ничего не дѣлаютъ, то я, дождавшись до Декабря, хотѣлъ узнать: не можно ли что либо рѣшительнаго предпринять до новаго году, и для того просилъ Государя позволить мнѣ Его занять минутъ на 5, въ которыя и сталъ Его просить, чтобъ Онъ избавилъ меня отъ полученія трактаменту по тѣмъ должностямъ, которыя я не занимаю. Онъ отвѣчалъ, что я для того трактаментъ получаю, что мнѣ должно вступить въ мои должности, а что я еще не вступилъ, то это происходитъ отъ такихъ притчинъ, которыя ни до Него, ни до меня не касаются, и что есть у Него одно деликатное порученіе за границею, касающееся вмѣстѣ и до политическихъ дѣлъ и до фамильныхъ, и что есть ли я захочу исполненіе его взять на себя, то къ моему возвращенію и обстоятельствы моего невступленія въ должности придутъ въ порядокъ. Я отвѣчалъ, что порученіе выполнить готовъ, но что отъ прекращенія трактаменту еще разъ Его прошу, говоря, что когда опять буду нести должности, тогда и соединенные съ ними оклады получать готовъ, а до тѣхъ поръ прошу ихъ избавить.

1816. Декабрь.

Потомъ, пришедъ домой, тогожъ дня, то есть 4 Декабря, написалъ я къ Государю письмо, въ которомъ еще Его просилъ о семъ же, дѣлая Ему нѣкоторое описаніе всего, что до меня принадлежитъ. Государь, отпуская меня, по сдѣланному мнѣ порученію за границею, еще повторилъ, что какъ поѣздка моя продолжится недѣль десять или двѣнадцать, то на сіе время перемѣнъ дѣлать было бы странно, а по возвращеніи моемъ надо же мнѣ будетъ вступить въ отправленіе моихъ должностей.

Такимъ образомъ я окончилъ сей годъ, въ которой болѣе занимался деревенскими дѣлами своими, а по службѣ весь годъ былъ въ нерѣшительномъ и странномъ положеніи.

1817. Генварь.

Новый годъ провелъ я въ Питербургѣ въ ежеминутной готовности быть на другой день отправлену. Сіе ожиданіе однако же продолжилось до 18 Генваря, въ которое я отправился изъ Питербурга. 19 былъ въ Ямбургѣ и Нарвѣ, 22 въ Ригѣ, 23 въ Митавѣ, 25 въ Полангенѣ, 29 въ Кенигсбергѣ, 6 Февраля въ Франкфуртѣ на Одерѣ, 9 въ Дрезденѣ, 12 въ Веймарѣ, 15 въ Франкфуртѣ на Майнѣ и наконецъ 17 въ Стутгардѣ, гдѣ послѣ хорошаго пріему, пріятнаго угощенія, получилъ я портреты Короля и Королевы въ табакеркахъ съ фоліантами. 23 выѣхалъ поутру рано и того же дня въ вечеру пріѣхалъ въ Карлсруэ. Здѣсь также хорошій пріемъ и угощеніе, или и лучше, сверхъ того получилъ два Ордена Баденскихъ Fidelitas и Церинскаго Льва, и табакерку съ портретомъ Великаго Герцога Баденскаго и браліянтами; 27 отправился въ путь и черезъ Страсбургъ 3 Марта пріѣхалъ въ Парижъ, а выѣхалъ изъ онаго 18, то есть, пробывъ двѣ недѣли. 20 пріѣхалъ я въ Бріоксель, гдѣ принятъ былъ также довольно хорошо, и пробылъ до 23, потомъ черезъ Лувень, Ліэжъ, Эсъ-ла-Шапель (Ахенъ), Колонь, Бонъ, Кобланцъ, Бахарахъ,—26 пріѣхалъ въ Майницъ

и къ вечеру во Франкфуртъ; а 28 изъ онаго и 30 въ Веймарѣ, 31 въ Лейбцигѣ, а 1 Апрѣля пріѣхалъ я въ Берлинъ, а 2 выѣхалъ; 8 былъ въ Кенигсбергѣ, 9 и 10 на Штрандѣ и того жъ дня къ вечеру въ границѣ Россійской—въ Поланген, 12 въ Ригѣ, а 17 возвратился въ Питербургъ. Государь опять со мною обошелся милостиво, но и опять ничего въ разсужденіи меня, не сдѣлано!

По пріѣздѣ моемъ я занемогъ лихорадкою; потомъ, какъ она прошла, черезъ короткое время, опять пришла, и такимъ образомъ проводилъ я половину года сего. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ, въ концѣ, просилъ я позволеніе съѣздить въ Москву, и теперь его получа, собираюсь въ сей путь недѣли черезъ полторы или двѣ.

23 Іюля 1817.

Въ началѣ сего года, передъ отъѣздомъ въ чужіе края, Генваря 10 купили мы обще съ женою пополамъ имѣніе въ С.-Петербургской губерніи Шлиссельбургскаго уѣзда село Покровское, мыза Шапки-тожъ; заплатили за него 350 т., а то, что за пошлины заплачено, то 27 т. получили отъ Г. М. Копьева, которому по условію выдѣлили около 2,000 десятинъ земли и лѣсу, оставя себѣ 20,000 десятинъ. Въ Августѣ мѣсяцѣ, 11 числа, поѣхалъ я въ Москву и откланивался Государю уже въ Царскомъ Селѣ; Его Величество спросилъ у меня—зачѣмъ я ѣду, - и на мой отвѣтъ, узнавъ, что сестра моя лишилась мужа Г. М. Панкова, объ немъ сожалѣлъ. Я, воспользуясь симъ случаемъ, вручилъ Ему письмо отъ нее, съ изображеніемъ состоянія, въ которомъ она осталась съ 5-ю малолѣтними дѣтьми. Онъ милостиво мнѣ сказалъ: „Я симъ займусь, и что можно—сдѣлаю; а съ тобою въ Москвѣ увидѣвшись, положимъ о твоемъ будущемъ служеніи рѣшительную мѣру; ты Меня тамъ дождись“.—Я дождался Государя въ Москвѣ; но ни мнѣ Онъ ни слова не говорилъ обо мнѣ, ни я Ему болѣе не докучалъ, а въ Октябрѣ мѣсяцѣ отправился въ Питербургъ, не имѣя особеннаго занятія въ Москвѣ, хотя Дворъ тамъ находился. Такимъ образомъ я всегда старался отдаляться отъ Двора, когда не видалъ я, чтобы считался я на что либо нужнымъ.

Въ Питербургѣ пробылъ я съ семьею своей до 8 Декабря, въ которое число поѣхалъ я къ Государеву Рожденью въ Москву съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы кончить службу и странное положеніе мое, продолжающееся столько лѣтъ; и такъ, отправя свое дежурство 19 Декабря, отдалъ я Камеръ-Динеру письмо къ Государю, у сего по №... приложенное.—Государь, увидавъ меня въ Рождество и вдовствующей Государыни на половинѣ, подойдя, изволилъ сказать: „Мнѣ, братецъ, съ тобою надо поговорить; Я на сихъ дняхъ пришлю за тобою“. Я поклонился. Симъ и кончился 1817 годъ.

1818 годъ.

Въ 1 день Генваря въ перѣшимости участи моей проводилъ я въ Москвѣ, и по обыкновенію, бывая всегда во Дворцѣ на дежурствѣ и проч., былъ и этотъ день съ поздравленіемъ у Государя вмѣстѣ съ другими; тутъ Онъ мнѣ ничего не изволилъ сказать, а сей разъ, какъ и прежній, на половинѣ вдовствующей Государыни, когда мы всѣ готовились къ обѣду, Онъ, подошедъ, изволилъ сказать мнѣ тутъ: „Честь имѣю поздравить съ Новымъ годомъ; желаю новаго щастья“. Я отвѣчалъ на томъ же тонѣ „и нужно, Государь“. Онъ прибавилъ: „прійди ко Мнѣ на этихъ дняхъ, когда хочешь, кромѣ завтрашняго дня; Мнѣ съ тобою поговорить надо“. Я былъ на послѣзавтра у дверей Его Кабинета, но мнѣ отвѣчали, что Государь теперь принять

не можетъ, а пришлетъ за мною, когда будетъ ему время, на свободѣ.

Между тѣмъ въ Питербургѣ, въ домѣ моемъ былъ большой пожаръ 5 Генваря, гдѣ сгорѣло болѣе, нежели на полмилліона рублей, то есть всѣ жены моей жемчуги, бриллiанты, шали, кружева, бѣлье, платьи, золотыя вещи, часть серебряныхъ, вазы фарфоровыя, бронзы, часы, табакерки, мнѣ жалованныя, мебели спальныя и проч., и проч. Курьеръ о семъ пріѣхалъ ко мнѣ, и я ни о чемъ уже болѣе не думалъ, какъ ѣхать успокоить жену свою и дѣтей увидѣть, и по истинѣ не думалъ объ убыткѣ, а беспокоился единственно о семьѣ своей. 9-е число въ вечеру пріѣхавъ во Дворецъ, послалъ я черезъ Камердинера записку докладную, въ которой просилъ только позволенія ѣхать въ Питербургъ. Государь мнѣ приказалъ отвѣчать, что Онъ въ тотъ день принять меня никакъ не можетъ, и естьли я не могу дождаться до слѣдующаго дни, чтобы ѣхалъ, естьли же захочу дождаться слѣдующаго утра, то бы пришелъ къ нему передъ отъѣздомъ. Я отвѣчалъ, что останусь до утра, и пришелъ на другой день передъ парадомъ: приказано однакоже мнѣ было войтить въ Кабинетъ послѣ параду, и вотъ нашъ разговоръ: Государь держалъ въ рукахъ своихъ двѣ бумаги: записку о бывшемъ у меня пожарѣ для СПБ. Военнаго Генералъ-Губернатора и мое письмо, поданное въ Декабрѣ—и интересовался сперьва знать о моемъ пожарѣ, показывалъ, что ему доносятъ, спрашивалъ, что я получилъ и проч., потомъ изволилъ сказать: „теперь поговоримъ объ письмѣ твоемъ, вотъ оно; но прежде, нежели будемъ разсуждать о твоемъ желаніи, хотѣлось бы Мнѣ знать, не ошибаюсь ли Я въ притчинѣ, побудившей тебя проситься въ отставку, можетъ быть, не вводитъ ли Меня въ заблужденіе ближнее разстояніе чиселъ".—Я такъ мало къ сему былъ приготовленъ, что не понималъ даже, о чемъ рѣчь идетъ Государева. Онъ продолжалъ: „12 число произведенъ Кн. Волхонской, которой былъ моложе тебя, а 19 того жъ мѣсяца ты подаешь просьбу въ отставку".—Я отвѣчалъ: „помилуйте, Государь, какъ могу я обижаться тѣмъ, что Вы награждаете тѣхъ, кого употребляете; кого же и награждать; меня бы напротивъ, Государь, вы обидели, давъ награду какую нибудь; позвольте мнѣ сказать, что всѣ награды, которыя мы получаемъ, намъ лестны только потому, что мы считаемъ, что ихъ заслужили; какъ же могу я заслужить, не бывъ ни на что употребленъ?"—Государь сказалъ; „ну такъ ето и кончено; Я на етотъ счетъ успокоенъ; а Я, было, не зналъ, что и подумать: съ одной стороны Я видилъ, что ето на тебя не похожѣ, но съ другой—эпохи такъ блискія приводили Меня въ сумлѣніе; Я же разсуждалъ, что можетъ ли быть тебѣ пріятно быть произведену для того только, что надо произвесть того, кто позади тебя, а ты на дорогѣ случился!"—Я, въ доказательство того, что не мыслилъ я обижаться производствомъ Кн. Волхонскаго, просилъ позволеніе прочесть бумагу, въ которой коротенько написана вся моя исторія бытности при Дворѣ, изъ которой Его Величество увидитъ мое положеніе, мои чувствы и притчину моей прозьбы, которая впротчемъ, бывъ писана еще начерно, не была и готова къ представленію Ему, слѣдовательно точно изображающая мои чувствы. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Я читалъ твое письмо; готовъ слушать твою бумагу, послѣ которой прибавь еще словесно все, что ты имѣешь сказать; но потомъ уже дай Мнѣ говорить, слушай и не перебивай".

Я бумагу мою прочолъ; потомъ дополнилъ нѣсколько словами въ той же силѣ. Государь спросилъ: „все ли ты сказалъ, что хотѣлъ?"—Все.— „Слушай же и не перебивай.—Дѣйствительно справедливо, что приближилъ Я тебя къ Себѣ безъ твоего исканія, далъ тебѣ значительныя должности, далъ тебѣ довѣренность Мою, разныя порученіи и никогда не имѣлъ случаю раскаиваться въ томъ, напротивъ, былъ доволенъ тобою; казалось Мнѣ, что и ты Меня любилъ, что ты не скучалъ ни множествомъ дѣлъ, ни блискимъ нашымъ соглашеніемъ, и все сіе продолжалось до начатія войны; когда Я собирался отправляться, спросилъ Я у тебя, что хочешь ты со Мною ли ѣхать или оставаться въ Питербургѣ; ты захотѣлъ ѣхать со Мною и Я тебя взялъ..." - Тутъ я осмѣлился остановить Его Величество и напомнить, что сіе было не точно такъ, а пмянно, что Государь, когда спросилъ у меня такимъ образомъ, то я отвѣчалъ, что я готовъ и ѣхать и оставаться, лишь бы я былъ полезенъ на службу Государю и Отечеству, на что Государь отвѣчалъ мнѣ въ то время, что желалъ бы разрубить меня пополамъ, и половину взять съ собою, а другую оставить въ Россіи! Я сказалъ, что послѣ такъ лѣстнаго отзыву мнѣ нечего и говорить, а исполнить, что будетъ назначено; Государь изволилъ сказать: „и такъ ты со Мною ѣдешь!"—Государь сіе выслушавъ, изволилъ мнѣ замѣтить, что я далъ слово не перебивать Его рѣчи, и я замолчалъ, а Онъ продолжалъ: „и такимъ образомъ Я нисколько не думалъ сдѣлать тебѣ непріятное, и ни мало не желая тебя отдалить отъ Себя, а напротивъ, быть съ тобою вмѣстѣ, что было сходно и съ твоимъ желаніемъ; потомъ согласишься ты, что обстоятельствы были такъ важны общественныя, что нѣкогда Мнѣ было заниматься твоими особенно, и я, пользуясь твоими способностями, употреблялъ тебя по бывшимъ тогда надобностямъ съ пользою; кромѣ того, что черезъ тебя шла большая часть Полицейскихъ дѣлъ, доходящихъ до Меня по сему министерству, находился ты во всѣхъ сраженіяхъ при Мнѣ, и Я тебя употреблялъ по надобностямъ, иногда иное приказать, иное посмотрѣть, объ иномъ освѣдомиться, иной корпусъ подвинуть, иную дивизію отдалить и прочее; я очень помню, какъ въ Люцинскомъ дѣлѣ ты подъ ядрами разсужденіи свои дѣлалъ такъ же равнодушно, какъ прежде въ Кабинетѣ; какъ Я на тебя разсердился, что ты заскакалъ передъ Мою лошадь, чтобы катившееся ядро, даже не коснулось; какъ въ Бауценскомъ дѣлѣ послалъ Я тебя между выстрѣловъ непріятельскихъ и своихъ, гдѣ и адъютантъ твой въ полонъ попалъ; какъ въ Дрезденскомъ, черезъ два человѣка отъ тебя убили Генерала Моро; какъ въ Бріенскомъ подъ пулями Мы съ тобою разбирали, гдѣ тебѣ быть Губернаторомъ; не посылалъ ли Я тебя для переговору къ Наполеону, не давалъ ли коммисіи въ Вѣну, не посылалъ ли Я тебя съ порученіями къ Регенту въ Англію, не посылалъ ли для трактованія объ мирѣ къ Неаполитанскому Королю въ Италію? Однимъ словомъ, ты никакъ не можешь сказать, что Я тебя не употреблялъ во время войны. Вотъ по возвращеніи нашемъ, признаюсь, что ожиданіе Мое не выполнилось и употребленіе твое не столько было дѣятельно, какъ бы должно, и какъ бы я желалъ. Я полагалъ, что Генералъ Вязмитиновъ какъ человѣкъ старой, только что мы возвратимся, будетъ просить увольненія, и ты бы тогда старымъ порядкомъ мѣста свои и заступилъ; вмѣсто того онъ

и не думаетъ и не располагается проситься; Я же, признаюсь, что есть во Мнѣ, да думаю и умретъ со Мною, нѣкоторая деликатность въ службѣ: какъ у человѣка взять должности, отъ которыхъ онъ не просится прочь; а къ тому же и не должно смѣшивать съ обыкновенною службою тѣхъ, которые употреблены были въ 1812 году; ну естьли Я его отставлю, а ему сдѣлается ударъ или умретъ старикъ! Чины, отличія онъ уже всѣ имѣетъ! Однимъ словомъ, Мнѣ тутъ ничего не оставалось дѣлать, кромѣ того, что Я сдѣлалъ, то есть: оставить при тебѣ всѣ твои званія и трактаментъ, за которой ты хотя и сердишься, но Я затѣмъ хочу, чтобы ты его получалъ, чтобы всѣ видѣли, что Я не доволенъ тобою, а что естьли ты не употребленъ, то сіе по какимъ либо невыгоднымъ для тебя причинамъ. Наконецъ, замысливъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ управленіи, Я и тутъ тебѣ готовлю такое мѣсто, которое поставитъ тебя въ возможность быть въ огромномъ видѣ полезну отечеству, чего ты желаешь и на что имѣешь способности, но чего до сихъ поръ еще обстоятельствы не допускаютъ. Однимъ словомъ, ты видишь ясно, что Я передъ тобою ни въ одномъ случаѣ не виноватъ: я все дѣлалъ, что отъ меня только зависѣло. Вотъ и теперь Я говорю съ тобою болѣе часу въ Кабинетѣ, тогда какъ люди значущіе, въ Андреевскихъ лентахъ сего добиваются и добиться не могутъ и не добьются, напримѣръ Гр. Марковъ и ему подобные. Чрезъ все это Я показываю кого Я сколько уважаю, или нѣтъ. Впротчемъ Я согласенъ, что обстоятельствы, въ которыхъ ты находишься, не совсѣмъ для тебя до сихъ поръ благопріятны; что же дѣлать? надлѣжитъ имѣть нѣкоторое терпѣніе. Теперь скажи мнѣ, чего мнѣ дѣлать съ твоимъ письмомъ: привести его въ исполненіе очень скоро можно: отдать въ приказѣ— и дѣло кончено, и я увѣренъ, что ты по характерности или по упрямству такъ и сдѣлаешь, какъ ты пишешь; уединишься и будешь заниматься хозяйствомъ и дѣтьми; но не думаешь ли ты, что тебя благоразумные люди похвалятъ за ето? напротивъ, они тебя осудятъ и будутъ говорить: „вотъ человѣкъ, которой имѣетъ способности быть полезенъ отечеству своей службою, но для того, что не дѣлается въ службѣ по его, онъ бросилъ все и занимается только собственными дѣлами, а тамъ пусть идетъ, какъ хочетъ". Вотъ что говорить будутъ! И такъ не лучше ли послушаться моего совѣту, согласиться, чтобы Я сіе письмо при тебѣ же бы бросилъ въ каминъ и спокойно ожидать того, что случится, и естьли не будутъ умѣть Я или послѣ Меня и другой кто, воспользоваться твоими способностями, то о семъ ни мало не заботиться, естьли же будешь употребленъ, то продолжать служить, какъ служилъ: ты выбралъ хорошую очень дорогу, идешь не опираясь ни на того, ни на другаго, такъ и продолжай, будутъ умѣть знать тебѣ цѣну, —хорошо, не будутъ умѣть—имъ же хуже, а ты все свое дѣло сдѣлалъ. У тебя между многихъ хорошихъ свойствъ есть одно, которое много тебя портитъ; ето то, что ты, видивъ, что обстоятельствы не таковы, какъ бы тебѣ хотѣлось,—думаешь самъ ихъ поправить; не полагаешь, что все ето опредѣляется свыше; слишкомъ много хлопочешь; не удостовѣренъ въ томъ, что всѣ старанія наши должно устремить къ тому, чтобы современемъ хотя достигнуть внутренняго спокойствія,—оно-то есть верховная цѣль нашихъ желаній".

Я возразилъ было, сказавъ, что есть-

ли я ничего и не имѣю сказать противу всего того, что слышу, но что со всѣмъ тѣмъ Его Величество согласится со мною, что судьба ко мнѣ весьма не милосерда была послѣднія сіи 6 лѣтъ. Онъ меня остановилъ, напомнивъ сперьва во второй разъ, что я худо слово свое держу и перебиваю, и между тѣмъ я самъ себя изобличилъ, сказавъ, что притчиною сему судьба,—судьбы нѣтъ на свѣтѣ! Я отвѣчалъ, что подъ именемъ судьбы я разумѣлъ Провидѣніе, или недовѣдомымъ мнѣ образомъ соединеніе обстоятельствъ. Государь у меня спросилъ, можетъ ли Онъ бросить мою бумагу въ каминъ? я отвѣчалъ, что такъ милостивое Его ко мнѣ снисхожденіе меня обезоруживаетъ и перемѣняетъ совсѣмъ мои мысли, что видя, что Онъ удостаиваетъ меня считать на службу Ему годнымъ и даже удостоиваетъ не только мною заниматься болѣе часа времени и одобряетъ всѣ мои поступки, то я совсѣмъ предаюсь Его волѣ, и дѣлалъ бы съ письмомъ моимъ, что Ему угодно. Послѣ чего Онъ бросилъ при мнѣ его въ каминъ, и я опять остался въ недоумѣніи: какъ соединить такъ выгодное Его обо заключеніе съ поступками въ разсужденіи меня. Государь сказалъ мнѣ въ заключеніе: „Ну теперь поѣзжай успокоивать жену свою въ Питербургѣ, а я и самъ скоро буду тамъ; для окончательнаго положенія по изготовленному мною преобразованію нужно мнѣ переговорить сперьва съ нѣкоторыми изъ находящихся тамъ людьми".—Я просилъ позволенія взять съ собою сына; Онъ позволилъ, и я въ тотъ же день выѣхалъ.

Бывъ въ Питербургѣ, я въ двѣ недѣли приправилъ домъ, устроилъ вновь хозяйство, совершенно испровергнутое, занялъ денегъ и протчее все, что нужно, привелъ въ порядокъ и воротился въ Москву. Государемъ былъ принятъ благосклонно. По нѣкоторомъ времени Онъ отправился въ Варшаву, и я, за день до выѣзда Его, подалъ Ему письмо, о которомъ просилъ, чтобъ Онъ прочелъ его въ Варшавѣ или гдѣ Ему время будетъ, въ которомъ и просилъ себѣ въ займы денегъ 200 т. руб., но не получилъ ни денегъ, ни отвѣту, и занялъ послѣ у Гр. Разумовскаго.

По возвращеніи Государя въ Питербургъ, опять обходился со мною милостиво; но къ великому удивленію моему, послѣ Его словъ объ Вязмитиновѣ, сдѣланъ на мѣсто его Военнымъ Губернаторомъ въ Питербургѣ Гр. Милорадовичъ, а онъ пожалованъ Графомъ и остался управлять Министерствомъ Полиціи.

Имѣлъ я и еще въ Сентябрѣ мѣсяцѣ разговоръ на единѣ съ Государемъ, но въ которомъ Онъ и не далъ мнѣ продолжать рѣчи объ моемъ увольненіи, сказавъ, что мнѣ итить въ отставку ни почему нельзя, ибо естьли я нездоровъ, то Онъ мнѣ не препятствуетъ лѣчиться; естьли я хочу по хозяйственнымъ своимъ дѣламъ заниматься, то и на сіе мнѣ Онъ дастъ позволеніе, чтобъ я ѣхалъ, куда хочу и дѣлалъ бы, что хочу; впротчемъ былъ бы готовъ явиться, когда Онъ меня потребуетъ. Такимъ образомъ Государь мнѣ, такъ сказать, не далъ возможности ничего почти о себѣ Ему сказать; Онъ еще прибавилъ: „Я слышу, что ты заботишься о томъ, чтобы домъ, гдѣ ты живешь, очистить для Гр. Милорадовича,—отнюдь не надо, живи, какъ ты жилъ до сихъ: Милорадовичъ домъ себѣ найдетъ и безъ этого, а когда придетъ тебѣ должность, тогда и домы тебѣ будутъ. Ну, теперь прощай! ты знаешь, что Я сегодня ѣду, и обѣдаю у Матушки въ Павловскомъ, а теперь уже половина втораго, а здѣсь еще меня дожидаются человѣкъ десять! Съ симъ словомъ обнялъ меня, и я вышелъ вонъ.

Такимъ образомъ Государь уѣхалъ, а послѣ Него тоже отправился и я въ Москву и далѣе въ деревни Арзамаскую, Саратовскую и Симбирскую въ Сентябрѣ, а въ Октябрѣ воротился въ Питербургъ.

Нерѣшительность моего положенія все однакоже чрезвычайно мнѣ была тягостна, и я все помышлялъ, какъ бы мнѣ ее окончить, и всего ближе и приличнѣе мнѣ казалось выйтить въ отставку. Между тѣмъ Государь пріѣхалъ наканунѣ Рождества, слѣдовательно за недѣлю до новаго году; но я счелъ, что такъ скоро беспокоить Его повтореніемъ моей прозьбы было бы не прилично, и такъ оставилъ сіе до Крещенья. Въ семъ году произведены въ полные Генералы Ермоловъ и К. Яшвиль, бывшіе моложе меня въ Генералъ-Лейтенанты.

На другой день Крещенья послалъ я коротенькую записку, съ прозьбою позволенія войтить въ Кабинетъ Государя, когда Онъ менѣе занятъ будетъ, на которую отвѣта никакого не получилъ; но какъ черезъ день отъ сего пріѣхалъ куріеръ съ извѣстіемъ о кончинѣ Королевы Виртембергской, Великой Княгини Екатерины Павловны, то я и понималъ, что при толикомъ огорченіи Государю было не до меня; однако потомъ время проходило, и я все былъ въ тщетномъ ожиданіи. Пропустя шесть недѣль, я счелъ, что уже могу почесть за рѣшительный отказъ по моей запискѣ и для того написалъ коротинькую просьбу въ отставку, кромѣ здоровья не говоря ни о чемъ болѣе, и отправилъ ее къ Государю. Почему и ожидалъ, что или меня отставятъ, или изъяснятся со мною, потому что полагать я долженъ былъ, что перемѣнились мысли Государя, ибо мнѣ было поставлено на видъ, что притчина недопущенія меня къ должностямъ, была деликатность, противу Вязмитынова, отчего-же сія деликатность миновала, а я все остался, какъ и прежде? Просилъ я денегъ взаймы; могли мнѣ не дать, но отвѣчать; остави же безъ отвѣту, видно меня не поняли, и можетъ быть подумали, что я прошу денегъ, а меня бы сто обидѣло. Наконецъ, докуда же будутъ меня по службѣ обходить младшіе? Вотъ главныя притчины, побудившія меня въ семъ случаѣ! Но ожиданіе мое опять было тщетно, не вышло ни того, ни другаго. Государь продолжалъ обходиться со мною не худо; увидивъ, почти всякой разъ, скажетъ что-нибудь, или спроситъ, или пріятно поклонится.

Въ сіе время сынъ мой, Камеръ-Пажемъ бывшій, былъ боленъ, и я просилъ, какъ слѣдуетъ по порядку ихъ службы, отдать его ко мнѣ въ домъ для излѣченія, на что получилъ удовлетворительный отзывъ, но на прозьбу свою— ничего. Пропустя еще недѣли четыре, счелъ я, что уже имѣю право нѣсколько попахаиться, чтобы имѣть развязку своихъ дѣлъ, и выбралъ время, когда былъ я дежурный, и когда Государь возвращался съ разводу, и подали Ему какую то прозьбу, то я будто бы спросить о ней, куда ее отправить, вошелъ за Государемъ въ переднюю комнату Государыниной и спросилъ о сей прозьбѣ. Онъ взялъ ее, сказавъ, что Самъ отправитъ, а я сталъ благодарить за позволеніе сына взять къ себѣ, отчего и продолжился нѣсколько разговоръ нашъ о его болѣзни и проч., причемъ я рѣшился напомянуть Ему, что я принималъ смѣлость къ Нему писать и не получилъ отвѣту. *Государь*: „На что же Мнѣ тебѣ отвѣчать?“—*Я*: „я, Государь, боленъ и прошусь въ отставку“. *Государь*: „Отчего такое нетерпѣніе?“—*Я*: „я боленъ, Государь“. *Государь*: „Теперь не то время, когда подаютъ просьбы въ отставку“.—*Я*: „Хотя могъ бы

я, Государь, въ оправданіе свое сказать, что тогда Вашего Величества здѣсь не было, но я симъ не пользуюсь; я прошу только позволить мнѣ надѣяться, что въ Сентябрѣ я отставленъ буду". *Государь*: „Не думаю".—Я счелъ, что болѣе мнѣ занимать Его собою въ такомъ мѣстѣ не должно; спросилъ, позволитъ ли мнѣ Онъ нынѣшнее весеннее и лѣтнее время проводить въ деревнѣ на свѣжемъ воздухѣ? Онъ мнѣ отвѣчалъ: „вотъ на ето Я очень согласенъ; поѣзжай куда хочешь: въ здѣшнія деревни, или въ другія, дѣлай то или другое, что хочешь, но будь готовъ по первому Моему позыву явиться ко Мнѣ". Такимъ образомъ я съ Іюня мѣсяца и отправился въ Питербургскую деревню, гдѣ и теперь нахожусь, то есть въ концѣ Августа.

Во все лѣто я рѣдко очень бывалъ у Двора. Въ Іюнѣ сына моего 9-е число произвели въ Офицеры; я былъ въ Царскомъ селѣ благодарить Государя. Въ Іюлѣ былъ и въ Царскомъ селѣ и въ Павловскомъ, 22, проводить Государя, которой поѣхалъ въ Архангельскъ и поздравить Государыню съ Ея тезоименитствомъ. Въ Августѣ, въ Павловскѣ поздравить съ разрѣшеніемъ Великой Княгини. Въ теченіе сего лѣта одинъ разъ я поѣхалъ попробовать верховую лошадь и нечаянно встрѣтилъ Государя. Онъ на другой день, увидивъ меня, сталъ разсказывать предстоящимъ: „вчера Я повстрѣчался съ Алекс. Дмитр. и долженъ былъ претереть глаза, чтобы имъ повѣрить: верхомъ скачетъ, и гдѣ же — въ Екатерингофѣ!" Я отвѣчалъ, что я пробовалъ лошадь, и что я иногда ѣзжу верхомъ. *Государь*: „рѣдко, и я не полагаю, чтобы ты любилъ ѣздить".— Такимъ образомъ и всегда Государь что нибудь скажетъ со мною, по многихъ ласканій я не вижу.

Пишу я сіе въ деревнѣ 17 Августа, и столько разъ уже пробовавъ безъ успѣшно проситься въ отставку, что, наконецъ, думаю нынѣшнею осень уже объ етомъ и не поминать, ибо наконецъ уже сіе и смѣшно сдѣлалось!

Къ концу лѣта я воротился въ Столицу и съ семьею своей. Государь пріѣхалъ наканунѣ рожденія вдовствующей Государыни; въ день рожденія, 14 Октября, былъ я въ Гатчинѣ и возвратился въ городъ; на другой же день по утру вдругъ умеръ скоропостижно Управлявшій Министерствомъ Полиціи Гр. Вязмитиновъ. — Генералъ Гр. Аракчеевъ пріѣхалъ къ тѣлу, запечаталъ Кабинетъ и бумаги, и болѣе ничего слышно не было. Пакеты, на имя покойнаго получаемые, оставались болѣе недѣли не распечатываемы; наконецъ Директоры Министерства сего вошли съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ, что отъ сего нѣкоторыя дѣла остановились, не терпящія времени. И было отмѣнно какъ странно видить напримѣръ меня, какъ члена Комитета и Министра Полиціи, занимающагося обще съ другими размышленіемъ, кому бы распечатывать и приводить въ исполненіе бумаги, до Министерства Полиціи принадлежащія! — рѣшено распечатывать Директорамъ и что слѣдуетъ вносить въ Комитетъ Министровъ, разумѣется, меня не касаясь, какъ и прежде.

Наконецъ 1 Ноября ко мнѣ фельдъегеръ съ приказаніемъ быть къ Государю въ 5 часовъ пополудни; послѣ милостиваго принятія Государь мнѣ изволилъ сказать: *).

*) Въ подлинной рукописи Александра Дмитріевича, слова Государя Императора первоначально записаны были такимъ образомъ:

«Ты помнишь, мы съ тобой не одинъ разъ говорили, какъ бы улучшить внутреннее управленіе Государства, и всегда останавливались на той мысли, чтобъ усилить мѣстныя управленія; я теперь рѣшился приводить сіе въ исполненіе, и надѣюсь, что ты не откажешься помочь Мнѣ въ етомъ. За-

Государь, призвавъ меня въ Кабинетъ Свой, такимъ образомъ началъ разговоръ со мною:

„Я тебѣ всегда говорилъ, что весьма желаю употребить тебя дѣятельнымъ образомъ, и хочу теперь воспользоваться первымъ случаемъ, гдѣ имѣю нужду въ человѣкѣ, особенную и большую довѣренность заслуживающемъ. Сядемъ, потому что говорить будемъ не мало. Я, войдя на престолъ, нашелъ Управленіе Государства въ довольно смѣшенномъ и странномъ видѣ. При Государынѣ Екатеринѣ II было сдѣлано учрежденіе Губерній, довольно соображенное въ его частяхъ, но приведенное во всѣхъ его пунктахъ къ одному лицу Генералъ-Прокурора, которой и былъ какъ бы Гражданскій Визирь Азіятскимъ державамъ свойственной. Государь Императоръ Павелъ, найдя неудобство въ Намѣстникахъ того виду, ихъ отмѣнилъ, потомъ вмѣсто Губернаторовъ сдѣлалъ Гражданскихъ Губернаторовъ, и Военныхъ Губернаторовъ, уничтоживъ Управы Благочинія, и протчія перемѣны, чрезъ что учрежденіе поколебалось и въ такомъ видѣ и оставалось. По сему Я и видилъ, что не только нѣкоторая реформа въ правленіи, но и совершенная организація была нужна. Долго Я размышлялъ начать ли ее снизу или съ верху, и удостовѣрился наконецъ и разсужденіемъ и опытомъ, что съ низу она была бы отмѣнно мѣдлительна и неудобна, и такъ я рѣшился дѣлать ее съ верху, а по сему и послѣдовало раздѣленіе Министерствъ, которое потомъ, оказавъ свои удобствы и неудобствы, нужно было переначивать иногда; учрежденъ Комитетъ Министровъ, переорганизованъ Государственный Совѣтъ и, за послѣдовавшими затѣмъ войнами далѣе ничего сдѣлать не успѣли, и дѣла внутри губерній отъ часу болѣе ослабѣли и наконецъ миръ и тишина въ Европѣ теперешнія даютъ Мнѣ возможность продолжать начатое съ верху образованіе: Я удостовѣренъ, что Государство не можетъ быть хорошо управляемо, есть ли не будетъ въ среднемъ и нижнемъ его разрядѣ подобія съ вышнихъ; также и въ томъ, что Государство, дабы дѣятельно было управляемо, должно быть раздѣлено не на весьма многія части, иначе надзоръ Государя будетъ всегда слабъ; на сихъ—то двухъ главныхъ правилахъ Я предположилъ основать внутренней Мой распорядокъ управленія, а потому считаю Я, что безъ Округовъ или Областей, раздѣленіе Государства на 52 губерніи, бывъ слишкомъ раздробительно, — неудобно; и нужно сдѣлать соединеніе нѣсколькихъ вмѣстѣ и подчинить ихъ до-

трудненіе Мое только состоитъ, какъ бы сіе сдѣлать удобнѣе: сперва представилась Мнѣ мысль обратиться къ распорядку Императрицы Екатерины и учредить повсюду Намѣстниковъ или Генералъ-Губернаторовъ, соединя по двѣ Губерніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я почувствовалъ и невозможность: Она счастливѣе была Меня; Я, признаюсь, что не имѣю 26 человѣкъ въ виду такихъ Генераловъ, которые бы по мнѣнію Моему могли быть способны на сіи должности, и вмѣстѣ съ тѣмъ не были бы необходимы по другимъ должностямъ. Послѣ сей мысли, Я обратился къ другой, чтобъ собрать губерніи по пяти подъ начальствомъ Генералъ-Губернатора такого, на котораго бы могъ Я положиться и сдѣлать его въ равной степени съ Министрами, чрезъ что могъ бы Я и найти человѣкъ 12 такихъ, какихъ мнѣ надо и довольно времени съ каждымъ заняться всякой годъ о надобностяхъ порученнаго Ему края; но Мнѣ говорятъ, что одному невозможно обнять такую огромность 5 губерній, и что Генералъ-Губернаторы, равносильные Министрамъ, будутъ взаимно одни другимъ вредить, дѣйствуя каждый по своему правилу. Я на сіе отвѣчалъ, что я берусь доказать, что и 5 губерній не много одному и что Министры сами найдутъ выгоду въ учрежденіи Генералъ-Губернаторовъ, если организація будетъ хорошо сдѣлана. Государь изволилъ мнѣ сказать, что намѣренъ опытъ сдѣлать тѣмъ, чтобы мнѣ поручить пять: Воронежскую, Орловскую, Тульскую, Рязанскую и Тамбовскую; и къ сему присовокупилъ Государь объясненіе своихъ мыслей, какъ угодно Ему учредить сіи округи, удостоивъ мнѣ разсказать и постепенный ходъ, Имъ принятый, касательно внутренняго образованія управленія, со времени восшествія Его на Престолъ (здѣсь надо прочесть записки мои сего времени по службѣ).

вѣренному лицу, съ властію, приличною Моему Намѣстнику. Соединеніе, бывшее при Государынѣ — по двѣ губерніи подъ начальство одного — потому не возможно, что Я признаюсь, — нѣту у Меня 26 человѣкъ такихъ, которымъ бы хотѣлъ дать полную довѣренность и власть большую; а дабы видить всѣ удобства и неудобства учрежденія сего, то Я сперьва хочу составить одну Область изъ 5 губерній, которая бы могла быть образцовая для протчихъ, и желаю, чтобъ Начальникъ оной или Генералъ-Губернаторъ старался бы дѣлать для Области своей все то добро, которое стараюсь дѣлать Я для цѣлаго Государства, или бралъ бы вышней распорядокъ за примѣръ".

4 Ноября вышелъ указъ о моемъ назначеніи, а Министерство Полиціи присоединено къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и отдано въ Управленіе Графу Кочубею. Причемъ много было толковъ: иные говорили, что черезъ сіе желали меня отдалить отъ Министерства и даже изъ Питербурга; иные, что надававъ мнѣ столько Губерній, что и примѣру не бывало, хотятъ меня задавить дѣлами и хлопотами; иные, что выставя меня непріязненнымъ человѣкомъ всему Министерству, найдется, конечно, хотя одинъ изъ нихъ такой, которой меня раздавитъ; иные, что мнѣ готовится чрезъ сіе назначеніе участь Пестеля и Камбурлея, двухъ Генералъ-Губернаторовъ, погибшихъ недавно. Да и вообще еще до сихъ поръ ни одинъ Генералъ-Губернаторъ хорошо не кончилъ, и ни одинъ Министръ никогда еще обиненъ ни въ чемъ не былъ, то и переименованіе изъ Министровъ въ Генералъ-Губернаторы выгоднымъ, кажется, почесться не можетъ!

Но я былъ доволенъ, что странность положенія моего миновалась; ибо я, до сихъ поръ, жилъ въ Питербургѣ, считался Военнымъ Губернаторомъ Питербургскимъ — и не управлялъ ничѣмъ; считался Министромъ Полиціи, находился подлѣ Министерства — и до него не касался; а теперь я Генералъ-Губернаторъ, имѣющій 5,700,000 жителей подъ моимъ покровительствомъ; буду жить посреди ихъ и управлять своею должностію; а доказавъ, что я управлять оною могу, выйтить потомъ могу и въ отставку, по обыкновенному порядку, безъ всякой необыкновенности.

Я зачалъ входить въ мои обязанности, собирать свѣдѣніи, нѣсколько разъ былъ у Государя за наставленіями, и такимъ образомъ провелъ въ Питербургѣ остатокъ 1819 года.

1820 годъ.

Начало сего года былъ я въ Питербургѣ и въ Генварѣ мѣсяцѣ поѣхалъ въ свои губерніи. Объѣхавъ ихъ такимъ образомъ, что началъ я съ Тулы, потомъ мѣсяцъ былъ въ Орлѣ и столько же въ Воронежѣ, гдѣ и основалъ себѣ на первой случай пребываніе, и потомъ также мѣсяцъ пробылъ въ Тамбовѣ, и наконецъ, пріѣхалъ я и въ Рязань. Какъ, что и гдѣ нашелъ — здѣсь не мѣсто описывать, а помню, что осенью возвратился въ Воронежъ.

1821 годъ.

Былъ Государь въ Воронежѣ. Обѣдалъ у меня и по Его назначенію были приглашены многіе — человѣкъ 40—50. Государь былъ ко мнѣ милостивъ: по представленію моему многихъ пожаловалъ наградами.

1822, 1823, 1824, 1825 годы.

Не припомню говорить о каждомъ годѣ особенно, ибо они всѣ на одинъ похожи.

ЗВУКЪ.

Рисунокъ итальянскаго художника Сеантини.

69. Записка Владимірскаго губернатора о правильномъ и разумномъ развитіи народа. Рукопись на 16 стр. въ листъ, писана крупною скорописью.

70. Записки Маіора Экельна, о бытности его въ плѣну у чеченцовъ. Рукопись (1851 года) писана скорописью на 96 листахъ.

Военный министръ, разсмотрѣвъ эту рукопись маіора Экельна, о бытности его въ плѣну у чеченцевъ, изволилъ признать неудобнымъ напечатать оную, такъ какъ нѣкоторыя подробности, лично до него относящіяся, и сужденіе его на счетъ характера войны въ Чечнѣ, не принадлежатъ къ разряду свѣдѣній, помѣщаемыхъ въ журналахъ. Записки г. Экельна очень любопытны по своимъ воспоминаніямъ о Чечнѣ.

71. Записки о преслѣдованіяхъ, которымъ статскій совѣтникъ Бураковъ подвергался въ послѣдніе два года, вслѣдствіе издавна заведенной придворно-дипломатически-полицейской интриги, имѣющей цѣлью навязать ему какіе-то тайные признаки помѣшательства, и о доказательствахъ несправедливости взводимыхъ на него обвиненій. Писаны крупною скорописью на 51 листѣ. Безъ означенія года (около 1860).

Эта любопытная рукопись содержитъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. Причины и цѣль записокъ.

II. Новѣйшія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и интригѣ въ столицѣ.

III. О преслѣдованіяхъ, которымъ подвергался проситель въ продолженіе поѣздокъ его по губерніямъ въ 1860 и 1861 гг.

IV. Нѣсколько новыхъ доказательствъ справедливости разсказанныхъ просителемъ романическихъ его приключеній и неосновательности навязываемыхъ ему тайныхъ признаковъ помѣшательства.

V. Отповѣдь просителя на сдѣланныя ему угрозы и сказанныя проповѣди о любви къ ближнему, прощеніи врагамъ своимъ.

VI. Приключеніе. Нѣсколько замѣчаній объ участи и интригѣ французскаго посольства и Хрущова.

Содержаніе этой рукописи чрезвычайно любопытно.

72. Земское и городское управленіе въ древней Ливоніи до соединенія орденовъ. — 35 стр. Писана собственноручно авторомъ.

Въ началѣ рукописи авторъ говоритъ:

„Съ 1885 г. въ Ригѣ Е. Чешихинымъ предпринято изданіе „Исторія Ливоніи съ древнѣйшихъ временъ“ —

безсрочными выпусками; до настоящаго времени вышли первые два выпуска этого изданія, содержащіе въ себѣ введеніе и изложеніе событій въ Ливоніи съ появленія въ ней католичества (около 1184 г.) до соединенія орденовъ (12 мая 1237 г.)".

74. „Изгнаніе Клейнмихеля". Элегія (подражаніе Батюшкову). Рукопись XIX вѣка, писана мелкою скорописью на 8 стр. въ 8 д. л.

Эта тетрадка куплена мною за 2 руб.

Изліянія чувствъ вѣрноподданныхъ.

Стихи на кончину

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

Что?.. Боже!.. что?.. ужель Его не стало?
Ужели свѣтлый лучъ Предвѣчнаго погасъ?
И Богъ ли до конца прогнѣвался на насъ?..
Но вотъ повсюду стонъ! — все царство возрыдало!
И вопль Россіи вторитъ свѣтъ:
Нѣтъ Александра!.. нѣтъ!

* * *

Изгнаніе іезуитовъ изъ С.-Петербурга въ 1815 году.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

75. **Изліянія чувства вѣрноподданныхъ.**—Стихи на кончину Императора Александра Перваго. Сочиненіе Ѳ. Кокошкина. Писаны скорописью на 3 листахъ въ четвертку, съ помѣтою: „Москва. 1826 года".

Привожу дословное содержаніе этихъ стиховъ.

Такъ нѣтъ уже Тебя, нашъ ангелъ-утѣшитель!
Нѣтъ болѣе Тебя, полсвѣта Освободитель!
Нѣтъ болѣе Тебя, дней счастливыхъ залогъ!
О горе, горе намъ!—прогнѣванъ нами Богъ!

* * *

Давно ль немолчная Его вѣнчала слава?
Давно ль отъ подвига Россійская Держава
Въ восторгѣ видѣла торжественный возвратъ?
Давно ль первопрестольный градъ

Его рукою обновленный,
Длань благодѣющу, стопы Его лобзалъ?
Давно ли Крымъ въ своихъ долинахъ повторялъ
Отца—Монарха гласъ священный?
Давно ли тихій Донъ кликъ радостный внималъ
Его пришествіемъ восторженнаго края?
Давно ль Россія вся, обѣты возсылая
Во храмахъ Вышняго, молила сохранить
Златую дней отрадныхъ нить.
Давно ли мысль о Немъ—благъ новыхъ упованье?
Давно ли кроткій взоръ—россіянъ ликованье?
Давно ль?.. и что жь!—надгробное рыданье!
Во храмахъ плачъ и стонъ!
И вѣстника молитвъ унылый, томный звонъ,
Изъ края въ край Россію оглашаетъ!
И вотъ—подъ сѣнію Державнаго вѣнца
Священный гробъ Отечества Отца
Отъ Юга къ Сѣверу вопль чадъ сопровождаетъ!
Во плачѣ погруженъ Дворъ Царскій и чертогъ,
И войско, и Синклитъ... о! кто не возрыдаетъ!

* * *

О! царствующихъ Царь! Великій россовъ Богъ!
Забыта ли Тобой страна, Тебѣ любезна?
Или Твой правый гнѣвъ... Но се!.. отъ круга звѣздна
Раздался гулъ громовъ! и вотъ,—сквозь черныхъ тучъ
Проникъ и озарилъ животворящій лучъ!
И гласъ Превѣчнаго не изъяснимый, чудный,
Вѣщающъ милость съ правотой,
Льетъ въ сердца восторгъ и страхъ святой.

* * *

Прервите ропотъ безрасудный!
Судебъ моихъ никто же исповѣсть!
Мнѣ россъ любезенъ былъ и есть!
Посланникъ мой вашъ Царь, отецъ, вашъ другъ на тронѣ,
На отческомъ Моемъ почія лонѣ
Пріемлетъ отъ Меня мзду правую и честь.
Царя надъ вами Я по сердцу вамъ поставлю:
Его чрезъ васъ, и васъ черезъ Него прославлю.
Еще въ лѣтахъ младыхъ Онъ опытомъ богатъ,
Онъ мудрый зрѣлъ примѣръ въ дни скорбныя годины;
Маріи сынъ, Онъ внукъ Петра, Екатерины,
Онъ Александра братъ!
Въ Немъ тотъ же кроткій духъ, въ Немъ тоже къ благу рвенье.
Престаните отъ слезъ!
Се царь вамъ Николай, се Александръ воскресъ!
О счастье россіянъ и славы продолженье!
Надъ Нимъ Мое благословенье»!

Ѳ. Кокошкинъ.

Москва 1826.

76. Изъ Аркадіи поздней ноченькой. — Собственноручное стихотвореніе фонъ-Анеберга, писано мелкою скорописью на 2 стр. въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Привожу дословную перепечатку всего стихотворенія.

Изъ Аркадіи поздней ноченькой
Мчится тройка одна за другой,
Раздается въ нихъ пѣсня за пѣсенькой,
Колокольчикъ звенитъ подъ дугой.

Ямщики—удальцы все съ бородками,
Не жалѣютъ хозяйскихъ коней...
А въ саняхъ—офицеры съ молодками
(Для приличія взяли мужей)?!..

Сторониться прохожій торопится;
Оглянулся... остался лишь слѣдъ;
Только издали еле доносится
Колокольчикъ, а троекъ ужъ нѣтъ...

Лихо мчатся... Вдругъ небо красное;
На части, смотрятъ—выкинутъ шаръ.
Знать веселье то не напрасное...
«Эй! ямщикъ, поѣзжай на пожаръ»!

Ужъ вѣтромъ дымъ къ нимъ доносится.
Вотъ подъѣхали... Смотрятъ,—одинъ
Унести свой сундукъ ужъ торопится,
Вотъ другой, тамъ и третій за нимъ.

Съ ребятишками выйти старается
Изъ глубокаго снѣга... а тамъ
Старушенка сидитъ, убивается..
Не слыхать ничего—шумъ и гамъ!..

Только пламя одно величавое,
Силу чувствуя будто свою,
Уничтожитъ спѣшитъ обветшалое,
Что не нужно изъ нихъ никому.

Смолкли въ саночкахъ дамы веселыя
И любуются славнымъ огнемъ;
Имъ не холодно—шубки-то теплыя,
И пріятно—свѣтло, будто днемъ.

Эхъ!—съ голоднымъ вѣдь сытый не знается,
Вѣдь не знаетъ онъ бѣднаго нуждъ.

Не богатъ ты—къ тебѣ не нуждается
Да и вѣчно тебѣ будетъ чуждъ...

фонъ-Анеберъ.

77. Изъ Горація. Книга II. Ода 18. Собственноручное стихотвореніе В. Филимонова, писанное мелкою скорописью на 2 страницахъ въ четверку, безъ означенія года и мѣста.

Привожу дословную перепечатку этого стихотворенія.

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Книга II. Ода 28.

(«Non ebur»—etc).

Посвящено М. П. Гусятникову.

Не кость слоновая, не своды позлащенны
Простой мой украшаютъ кровъ;
Ропметскіе брусья въ немъ не бремонятъ столповъ,
Въ странахъ Ливійскихъ изсѣченныхъ;
Безвѣстный, не стяжалъ Аттала я дворцовъ;
Мнѣ пурпура кліентовъ знатныхъ дщери
Лакедемонскаго не ткутъ;
Но честенъ я, поэтъ, и боги идутъ
Къ моей уединенной двери;
Своей доволенъ я судьбой!
Боговъ не бременю мольбой
И другу сильному я просьбой не скучаю;
Сабинскимъ уголкомъ богатъ
И болѣ щастья не желаю.—

За днями быстро дни летятъ,
И новыя луны ужъ близко захожденье...
Готовишь мракомъ ты, а завтра погребенье,
Ужъ гробъ отверстъ—ты строишь домъ
Богачъ на берегу морскомъ;
Имѣешь въ Баіяхъ обширное владѣнье;
Но не довольнъ твердой ты землей:
Ты берегъ въ морѣ выдвигаешь
И волны шумныя упорно вытѣсняешь...
Почто сдвигаешь ты межи своихъ полей?
И кліентовъ рубежъ по что переступаешь,
У бѣдныхъ отнимаешь кровъ
Семейства гонишь разоренны?
И жены, и мужья, лишенные домовъ,
Выносятъ на груди отеческихъ боговъ,
Дѣтей, безъ вретищъ бнаженныхъ.
Но въ гробъ сокровища возмешь ли ты съ собой?
Жилище Орково—чертогъ вѣрнѣйшій твой.
Зачѣмъ стремишься въ даль въ своихъ мечтаньяхъ смѣлыхъ?
Жилище всѣмъ назначено одно.
Земля правдивая разверзется равно
Для узника въ цѣпяхъ и для дѣтей Царевыхъ.
Прельщенный золотомъ, не возвратилъ Харонъ
Лукаваго изъ ада Прометея;
Тантала гордаго весь родъ въ немъ держитъ онъ;
О бѣдныхъ страждущихъ жалѣя,
Онъ призванный иль нѣтъ, ихъ облегчаетъ стонъ.

В. Филимоновъ.

78. Иллюстрированное путешествіе Измаила-паши визиря султана. Въ 8 д. л. 58 рисунковъ, исполненныхъ отъ руки перомъ. Безъ означенія имени автора.

Этотъ экземпляръ пріобрѣтенъ мною въ книжномъ магазинѣ Иванова, изъ книгъ Ковалькова.

79. Исповѣдь бѣднаго стихотворца.— Рукопись начала XIX вѣка, писана мелкою скорописью на 10 страницахъ въ четвертку (безъ подписи автора).

Это стихотвореніе пріобрѣтено мною у букиниста Семенова, въ Спб.

80. Историческій обзоръ доказательствъ теоремы о параллелограммѣ силъ.—Въ листъ.

Въ концѣ рукописи находится приложеніе статики или ученіе о силахъ, расположенной по времени опубликованія, заключаетъ въ себѣ оригинальныя и самостоятельныя произведенія ученыхъ Западной Европы, причемъ учебники, не содержавшіе въ себѣ какихъ либо самостоятельныхъ изслѣдованій или работы— не упомянуты.

81. Историческое обозрѣніе законовъ о довѣренностяхъ и повѣренныхъ.

Писано скорописью, въ листъ, 50 стр.

Эта любопытная рукопись заключаетъ въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

I. Внѣшняя форма довѣренности и внутреннее ея содержаніе.

II. О лицахъ, кои могутъ быть довѣрителями и повѣренными.

III. Порядокъ совершенія вѣрющихъ писемъ.

IV. О взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ довѣрителя и повѣреннаго.

V. Порядокъ прекращенія довѣренности.

Въ концѣ рукописи находится подпись: Александръ Троицкій.

82. **Исторія вопроса о сущности.** — Рукопись XIX вѣка, писана мелкою скорописью на 189 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Это собственноручная статья П. Бильдинскаго.

83. **Исторія постановленія россійскаго законодательства о мірахъ къ поощренію и совершенствованію сельскаго хозяйства вообще.** Писана скорописью (около 1840 г.), въ листъ 140 стр.

Въ этой рукописи помѣщены слѣдующія довольно любопытныя статьи: I) Предисловіе. II) Періодъ новой исторіи. III) Подать низшаго сословія. IV) Земледѣліе. V) Скотоводство. VI) Конскіе заводы. VII) Лѣсоводство. VIII) Охота, звѣриные и рыбные промыслы. IX) Виноделіе. X) Сады. XI) Табакъ. XII) Шелководство. XIII) Пчеловодство. XIV) Каменный уголь. XV) Торфъ. XVI) Слюда. XVII) Общества и пр.

Заглавный листъ рукописи украшенъ фигурною рамкою.

84. **Исторія русскаго государства отъ пришествія варяговъ.** — Рукопись XIX вѣка. Въ четвертку, на 20 стр.

„Исторія" написана стихами, начинающимися строфою.

«Послушайте ребята,
Что вамъ разскажетъ дѣдъ!
Земля у насъ богата,
Порядку лишь въ ней нѣтъ».

Это любопытное сочиненіе безъ подписи автора.

85. **Картины славянскихъ нравовъ.** Въ листъ, на 60 страницахъ, писана скорописью, безъ означенія имени автора.

Вся рукопись состоитъ изъ описанія *„сербской свадьбы"*.

Означенный экземпляръ купленъ мною за 5 руб., въ хорошо сохранившемся видѣ.

86. **Клеветникамъ Россіи.** Рукописное стихотвореніе неизвѣстнаго автора, писанное мелкою скорописью на 2 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года.

87. **Когда къ тебѣ приходитъ искушенье.** — Стихотвореніе неизвѣстнаго автора, написанное на открытомъ листѣ (2 стр.), въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Ниже помѣщаю перепечатку этого стихотворенія.

Когда къ тебѣ приходитъ искушенье
И одолѣть тебя готово зло,
Сокройся ты тогда въ уединенье
И передъ образомъ склони свое чело.

Раскрой, читай святую книгу Бога,
Внимай душой ты эти словеса
И всякая пройдетъ въ тебѣ тревога
И сердцемъ ты увидишь небеса.

И въ книгѣ сей высокое ученье
Божественный языкъ передавалъ,
Отъ Духа Свята было вдохновенье
У тѣхъ, кто намъ ту книгу написалъ.

Повѣрь, когда преклонны будутъ лѣта,
Душевныхъ бурь прокатится волна,
Покинешь всѣ ты книги, только эта
Съ тобой на вѣкъ останется одна.

И въ ней найдешь, что ни гдѣ дотолѣ
Не обрѣталъ въ пространномъ мірѣ семъ,
И ничего просить не станешь болѣ
За нее, тогда предъ словомъ будешь нѣмъ.

КАТОЛИЧЕСКІЙ МОНАХЪ.

Рисунокъ неизвѣстнаго художника.

Изъ сборника А. Е. Бурцева.

Такъ въ часъ, когда приходитъ искушенье
Къ тебѣ, раскрой ты эту книгу предъ собой,
Читай и вѣрь: въ единое мгновенье
Ты будешь чистъ и радостенъ душой.

А. А. Сел...

88. Комментарій на книгу „Самодержавіе на святой Руси наканунѣ XX вѣка, его расхищеніе, обезличеніе и возстановленіе“. А. Пороховщикова. (Безъ означенія года).—Въ листъ.

Трудъ Г-на А. Пороховщикова—одинъ изъ тѣхъ трудовъ, которые заслуживаютъ полной похвалы безъ великихъ оговорокъ, и, что еще лучше, искренней признательности со стороны каждаго, занимающагося изученіемъ быта своей родины.

Въ этой книгѣ помѣщено 8 главъ слѣдующаго содержанія:

I. Комментарій на мою книгу „Самодержавіе на святой Руси наканунѣ XX вѣка. Его расхищеніе, обезличеніе и возстановленіе“.

II. Двѣ справки къ „комментарію“.

III. Докладная записка министру внутреннихъ дѣлъ.

IV. „Довѣрительное письмо“ къ министру внутреннихъ дѣлъ.

V. Рѣчь по поводу предполагаемой денежной реформы (въ собраніи 5 апрѣля 1896 года Вольно-Экономическаго общества).

VI. Справка Членамъ Государственнаго Совѣта (12 ноября 1896 г.).

VII. Дополненіе къ „Справкѣ“ (16 ноября 1896 г.).

VIII. Отдѣльное приложеніе. 1. Изба, ея значеніе въ жизни народа и государства.

Краткая исторія вопроса объ обращеніи деревяннопосоломенной Руси въ огнестойкую и несгораемую, отъ Петра Великаго до нашихъ дней. 2. Письмо отца Іоанна Кронштадтскаго.

Ни одного достоинства нельзя отнять у его статей: онѣ написаны бойкимъ перомъ, и въ этомъ отношеніи оправдываютъ данную извѣстность автора и публициста.

89. **Конверсіи: англійская и русская.** Статья Іосифа Ивановича Бартковича. Въ листъ 32 стр. Писана скорописью, безъ означенія года.

90. **Конспектъ по исторіи революціи 1789 года.** - Въ 4 д. л. 100 стр.

Писанная скорописью рукопись 1865 г.

Въ началѣ рукописи помѣщено краткое введеніе.

Куплена мною эта весьма любопытная рукопись за 3 рубля.

91. **„Концертъ“.** Листокъ половины XIX вѣка, начинающійся словами:

„Съ дозволенія правительства данъ будетъ концертъ въ пользу уволенныхъ военныхъ генераловъ. Концертъ въ двухъ отдѣленіяхъ“.

Писанъ мелкою скорописью безъ означенія имени автора.

92. **Корейцы села Благословеннаго.** Историко-этнографическій очеркъ А. В. Кириллова. Въ листъ 13 стр.

93. **Краткій обзоръ управленія генералъ-адъютанта Сухозанета I-го Юризанскими заводами.**—Рукопись въ листъ. 56 стр.

Въ этой рукописи помѣщены слѣдующія статьи:

I. О порядкѣ въ устройствѣ заводовъ и благоденствіи крестьянъ постепенно возростающемъ.

II. О повинности крестьянъ для завода и о вознагражденіи за оныя.

III. Сужденіе гражданскаго губернатора Барановскаго.

IV. Промежуточное замѣчательное обстоятельство.

V. Указаніе важнѣйшихъ подмогъ крестьянамъ. 1858, 1859 и 1860 гг.

VI. О самовольной отлучкѣ крестьянъ.

VII. Посылка г. Пушкартевича.

VIII. Заключеніе.

94. **Краткое изложеніе свода образованія территорій Московскаго государства по ученію Сергѣевича.**

(Лекціи и собр. Рус. Кр. 1888 г.) К. Версовскій.

Рукопись въ листъ; писана мелкою скорописью на 26 страницахъ.

Купленъ мною экземпляръ за 3 руб.

95. **Краткое описаніе о положеніи Франціи, въ каковомъ она находилась въ 1801 году.** - Писано скорописью, въ листъ, безъ означенія имени автора этой весьма любопытной статьи.

96. **Критика на сочиненіе г. Гуревича, подъ заглавіемъ „Эпоха Псамметиха“,** напечатанное въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за 1871 годъ,- профессора харьковскаго университета Александра Рославскаго-Петровскаго.

Писана мелкою скорописью на 6 листахъ въ 4 д. л.

ДЖОВАННИ СЕГАНТИНИ.

Знаменитый итальянскій художникъ;
родился 15 Января 1858 г. умеръ 29 Сентября 1899 г.

Съ портрета самого художника.

97. Критическая замѣтка объ изданныхъ въ Россіи учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ по французскому языку. Рукописная статья преподавателя гимназіи Онисима Клеръ.—На 22 листахъ большого формата.

98. Критическая статья В. Николаева, по поводу книги дѣйствительнаго члена Императорскаго русскаго географическаго общества „О преподаваніи географіи землевладѣнія въ средней и низшей школѣ" г. Краузе.—Рукопись въ листъ на 8 страницахъ, писана скорописью.

99. Крискій статутъ къ древнему хорвато-долматскому законодательству. Собственноручная статья Ѳ. Леонтьева, писанная скорописью на 34 листахъ (in fol.); безъ означенія года и мѣста.

Рукопись пріобрѣтена мною за 3 руб. въ книжномъ магазинѣ Трусова, въ Спб.

КУПАЛЬЩИКИ.

Съ картины Англійскаго художника Марка Фишеръ.

100. Куплеты, пѣтые 2 сентября 1837 г. послѣ „Ревизора“.

1.

(А. П. Волковымъ, представлявшимъ роль ревизора-Хлестакова).

По волѣ автора піэсы
Я нынче очень много вралъ,
И изъ безпутнаго повѣсы
Я въ ревизоры вдругъ попалъ.
Теперь открылось все, къ несчастію.
Меня бѣда большая ждетъ;
Но стоитъ Вамъ принять участье,
Такъ все спокойно съ рукъ сойдетъ.

2.

(А. П. Озеровымъ, представлявшимъ роль Бобчинскаго).

Къ чему такія опасенья?
Я тутъ одинъ виною былъ
И изъ пустаго подозрѣнья
Всю эту кашу заварилъ.
Но, какъ Бобчинскій, я клянуся,
За васъ геройски заступлюсь;
Скорѣй погибнуть самъ рѣшуся,
Чѣмъ выдать васъ, сударь, рѣшусь.

3.

(Г. С. Поповымъ, игравшимъ роль Осипа).

Сегодня слишкомъ розоврался
И раскутился баринъ мой,
А съ нимъ и я въ бѣду попался,
А все тутъ денежки виной.
Меня однакожъ оправдаютъ:
Нельзя же не взять когда даютъ,

Какъ задарятъ, да заласкаютъ
Хоть кого съ пути собьютъ!

4.

(Княземъ Н. П. Трубецкимъ, игравшимъ роль Шпекина).

Спектакль устроили мы скоро,
Экспромтомъ созвали друзей,
И на прощанье «Ревизора»
Рѣшились выучить въ пять дней.
Но сладивъ такъ спектакль проворно,
Не могъ никакъ онъ твердымъ быть;
За то и просимъ мы покорно
Всю нашу труппу извинить.

5.

(Антониной Дмитріевной).

Прошли дни счастья и восторга,
Намъ Павловскъ должно оставлять!
Дней въ жизни радостныхъ немного,
Такъ будемъ снова мы желать,
Чтобы съ грядущими годами
Не измѣнились чувства въ насъ,
Чтобъ радость чистая съ друзьями
Къ намъ снова въ Павловскъ принеслась!

101. **„Къ Антонинѣ“.** Листокъ начала XIX вѣка, содержащій въ себѣ стихотвореніе, начинающееся строфою:

«Прошли дни счастья и восторга
Намъ Павловскъ должно оставлять!
Дней въ жизни радостныхъ немного,
Такъ будемъ снова мы желать,
Чтобъ и съ грядущими годами
Не измѣнились чувства въ насъ,
Чтобъ радость чистая съ друзьями
Къ намъ снова въ Павловскъ принеслась.

Въ четвертку, на 2 страницахъ, безъ означенія имени автора.

102. **Къ былинѣ о сорока каликахъ.** Собственноручная статья Всев. Миллера, писанная мелкою скорописью на 67 страницахъ въ листъ (безъ означенія года и мѣста): въ концѣ имѣется подпись автора.

Рукопись пріобрѣтена мною за 5 руб. въ книжномъ магазинѣ С. П. Трусова.

103. **Къ вопросу о нападкахъ къ изученію древнихъ языковъ въ классическихъ гимназіяхъ.**—Статья П. П. —Въ четвертку, на 14 листахъ.

Рукопись пріобрѣтена мною въ Спб., въ книжномъ магазинѣ Иванова.

105. **Къ жестокой.** Рукописное стихотвореніе г. Величко, писанное мелкою скорописью на 2 стр. въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Стихотвореніе пріобрѣтено мною въ книжномъ магазинѣ Иванова.

Привожу содержаніе этого стихотворенія.

Къ жестокой.

—

Доколь во мнѣ не зажигался
Тобой любови страстный огнь,
Я все любилъ, всѣмъ утѣшался
И къ радостямъ не зналъ препонъ.

Среди невинна развлеченья
И каждый день и каждый часъ
Вкушалъ я новы наслажденья.
Но щастье долголь тѣшитъ насъ?...

Лишь ты очамъ моимъ явилась,
И я любовну страсть позналъ;
Съ тѣхъ поръ вся жизнь моя затмилась,
Съ тѣхъ поръ я щастливъ быть престалъ.

Межъ тѣмъ, какъ пламенной любови
Ужасный огнь меня палитъ;
Не знаешь ты волненья крови,
Жестокій хладъ въ тебѣ разлитъ!

Ты страсть мою пренебрегаешь,
Противенъ взоръ мой для тебя,
И даже радость ощущаешь,
Нещадно жизнь мою губя...

Уже мученьемъ и терзаньемъ
Во всѣхъ я жалость возбудилъ:
Въ тебѣ одной лишь состраданья
Доселѣ я не находилъ.

Ты гордостью водясь одною,
Какъ, скажешь, смѣхъ прельщаться мной,
Но я ль, любезная, виною,
Что сердце нѣжно мнѣ дано.

И ты столь рождена прекрасной,
Что каменны сердца смягчишь!...
Ты рану зришь мою опасной,
Почто жь ее умножить мнишь?

Ахъ! я тебя забыть старался—
Немного будто забывалъ,
Но мигъ—и вновь воспламенялся
И больше прежняго пылалъ!

Теперь же знай, что сколь сурова
Ко мнѣ ты не желаешь быть,
Во мнѣ же сердца нѣтъ другаго,
Одно жь тебѣ принадлежитъ!

Покуда жизнь не прекратится,
Оно не тронется иной—
Хоть безъ надежды будетъ биться,
Но биться для тебя одной!...

Лишась на вѣкъ драгой свободы
И всѣхъ забывши прелесть благъ,
Средь всѣхъ людей, средь всей природы
Лишь зрю тебя въ своихъ глазахъ.

И мыслю о тебѣ всечасно,
Порой вкушая сладость сна.
Я вижу, слышу гласъ прекрасной
И сердце кажетъ вотъ она!

И сильно, страстно затрепещетъ,
По жиламъ пламень пробѣжитъ,
И радость на глазахъ заблещетъ
Увы!—но призракъ улетитъ.

И я мечтаю пробужденный,
Зрю все уныло предъ собой,
Сижу, на грудь склонивъ главой,
Въ ужасну думу погруженный...

Гдѣ прежде радость находилъ,
Вездѣ тамъ зрю тоску унылу,
Лишаюсь постепенно силъ
И медленно иду въ могилу...

Когда же мой ударитъ часъ,
Когда меня на вѣкъ лишишься,
Тогда, быть можетъ, ты смягчась,
Почто—ты скажешь—ты угасъ!

Тогда, быть можетъ, посѣтишь
Мой гробъ, дашь токъ слезамъ горячимъ.
Но, ахъ! уже не возвратишь
Ты вѣрна друга поздним плачемъ.

Величко.

3 декабря
1826 г.

106. **„Къ Машинькѣ“**. Листокъ начала XIX вѣка, содержащій въ себѣ стихотвореніе, начинающееся строфою:

«Я отъ себя Вамъ и отъ Лины
Желаю въ Ваши именины,
Чтобъ вы любили также насъ,
Какъ Ваши дѣти любятъ Васъ».

Писано мелкою скорописью на 2 страницахъ, безъ означенія года.

Купленъ мною экземпляръ отъ С. П. Трусова.

107. **„Къ Сашинькѣ“**. Листокъ начала XIX вѣка, содержащій въ себѣ стихотвореніе, начинающееся слѣдующею строфою:

«Примите мой привѣтъ простой,
Мое родное поздравленье!
Я васъ привыкъ любить душой,
Вы радость мнѣ и утѣшенье.
Дай Богъ, чтобъ въ жизненныхъ путяхъ
Вы дни счастливо проводили,
И чтобъ всегда въ своихъ дѣтяхъ
Отраду сердца находили.

Въ четвертку, на 2 страницахъ, безъ означенія года.

108. **Къ Эммѣ** (изъ Шиллера). Рукописное стихотвореніе Н. Козлова. Писанное мелкою скорописью на 2 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Привожу дословную перепечатку этого стихотворенія.

КЪ ЭММѢ.

(изъ шиллера).

Туманъ далекій затмѣваетъ
Былую радость навсегда;
И томно взоръ еще плѣняетъ
Одна прекрасная звѣзда:
Но звѣзды прелестью своей—
Лишь блескъ одинъ во тьмѣ ночей.

*

Когда бъ ты въ гробѣ охладѣла,
Уснула непробуднымъ сномъ,

Тобой тоска бъ моя владѣла,
Жила бы въ сердцѣ ты моемъ.
Но, ахъ! собою свѣтъ плѣня,
Ты въ немъ живешь не для меня.

*

Иль сладость нѣжности сердечной,
О, Эмма! можно позабыть?
Тому, что гибнетъ, что не вѣчно,
О, Эмма! какъ любовью быть?
Ужель огонь ея святой
Изчезнетъ, будто жаръ земной?

Н. Козловъ.

109. Латинскіе переводы. Рукопись XIX вѣка, писанная мелкою скорописью на 20 страницахъ, въ четвертку.

Рукопись эта пріобрѣтена мною въ Москвѣ.

110. Листокъ XIX вѣка, подъ заглавіемъ „Ода на восшествіе на престолъ Государя Императора Александра Николаевича". Писанъ мелкою скорописью на 4 страницахъ въ 8 д. л. (безъ означенія автора).

111. Листокъ начала XIX вѣка „О холерѣ".

Замѣтка эта писана мелкою скорописью, безъ означенія года и имени автора.

112. Листокъ начала XIX вѣка, подъ заглавіемъ „Стишки".—Писанъ мелкою скорописью, въ четвертку, безъ означенія года.

Содержаніе слѣдующее.

Стишки.

—

Заноетъ сердечко
Въ разлукѣ, въ тоскѣ,
Взгляну на колечко
На правой рукѣ.

Подарокъ прощальный,
Что милою данъ,
Залогъ обручальный,
Святый талисманъ.

Взгляну—облегченье
Почувствую вдругъ,
Тобой, Провидѣнье,
Данъ рѣдкій мнѣ другъ.

Въ бѣдахъ утѣшитель,
Мой геній въ трудахъ,
Мой ангелъ-хранитель
Въ поступкахъ, въ словахъ.

Хранитель—такъ точно;
Онъ совѣсть моя!
Душою заочно
Съ нимъ каждый мигъ я!

113. Листокъ половины XIX вѣка, въ четвертку, писанъ мелкою скорописью, на 2 страницахъ.

На листкѣ помѣщено стихотвореніе, начинающееся со строфы:

Сирена въ волны заманила
Юнца, плѣнившагося ей:
На вѣкъ она его сгубила
Отравою любви своей.

114. Литературныя бесѣды въ гимназіяхъ.

Собственноручная статья В. Соколовскаго, писанная скорописью на 24 страницахъ, въ четвертку.

Рукопись пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ С. И. Трусова, въ Спб.

115. Лѣто въ деревнѣ. Акварель художника Павлова, въ четвертку.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Мельникова, въ Спб.

116. Лѣсная глушь зимой. Рисунокъ перомъ художника В. Смирнова, въ 8 д. л.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

117. Мадона, исполненная акварелью художникомъ Красильниковымъ, въ четвертку.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

ЛѢТОМЪ.

Рисунокъ Хорватскаго художника Буковинъ.

118. Мамка съ ребенкомъ. Акварель извѣстнаго нашего художника Орловскаго, въ 8 д. л.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

119. Манашина, исполненная акварелью художникомъ А. В., въ 1864 г., въ четвертку.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

120. Марьина роща. Старинное преданіе, писанное скорописью на 50 страницахъ въ четвертку; безъ означенія времени и автора.

Рукопись пріобрѣтена мною въ Москвѣ.

121. Матеріалы для біографіи графа Михаила Михаиловича Сперанскаго.

I. Арестъ графа Сперанскаго и отправка его въ Пермь по высочайшему повелѣнію. — Рукопись XIX вѣка. Въ листъ, на 8 страницахъ. Письмо скорописное, безъ подписи автора и означенія времени.

II. Копія съ письма тайнаго совѣтника графа Сперанскаго Государю Императору Александру Павловичу. Въ январѣ 1813 года изъ г. Перми. — Рукопись XIX вѣка, въ

лист на 34 страницахъ, писана мелкою скорописью, безъ подписи.

Въ виду огромнаго интереса и безспорно-историческаго значенія, заключающихся въ означенныхъ бумагахъ, считаю долгомъ предложить вниманію читателей содержаніе обѣихъ этихъ рукописей, приводимыхъ здѣсь полностію, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинниковъ.

Сперанскій былъ сосланъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ въ августѣ и сентябрѣ 1812 года графъ П. А. Толстой имѣлъ свою главную квартиру, по званію начальника III округа ополченія, которое тогда формировалось въ низовыхъ губерніяхъ.

Сентября 15, въ день коронаціи Императора Александра Павловича, послѣ обѣда, состоявшій при графѣ Толстомъ за адъютанта по ополченію, коллежскій ассесоръ Ф., получилъ приказаніе *немедленно* явиться къ графу, *по весьма нужному дѣлу*. Прибывъ къ П. А. онъ засталъ его съ запечатаннымъ конвертомъ въ рукѣ. Графъ, подавая ему конвертъ, говоритъ: „Поѣзжай сейчасъ къ Руновскому (гражданскому губернатору), вручи ему этотъ конвертъ и не отходи ни на минуту, пока все не будетъ исполнено, а потомъ возвратись ко мнѣ, съ подробнымъ обо всемъ отчетомъ.

Ф. отправился по назначенію. Руновскій, прочитавъ содержаніе бумаги, воскликнулъ: „Боже мой! кто бы это думалъ!“ и, пославъ за частнымъ приставомъ, вмѣстѣ съ нимъ и съ Ф. поѣхалъ въ квартиру Сперанскаго и объявилъ ему Высочайшее повелѣніе отправиться въ тотъ же вечеръ въ Пермь. Сперанскій былъ видимо встревоженъ, схватилъ себя за голову и послѣ нѣкотораго молчанія сказалъ: „Ну, я этого ожидалъ! Надѣюсь, однако же, господа, что вы не откажете дать мнѣ часъ времени, привести въ порядокъ кое-какія бумаги и написать одну бумагу“.—Получивъ согласіе, онъ тотчасъ сѣлъ къ письменному столу и началъ писать. Между тѣмъ привели почтовыхъ лошадей и впрягли въ коляску Сперанскаго и въ карету Руновскаго.

Сперанскій писалъ болѣе часа и, кончивъ, отдалъ Ф. два запечатанные конверта, съ просьбою вручить ихъ графу Толстому. Одинъ конвертъ былъ на имя графа, другой на имя Государя въ собственныя руки. „Кланяйтесь графу, — сказалъ Сперанскій, — и попросите его отправить какъ можно скорѣе“. Послѣ того онъ собрался въ дорогу и, сѣвъ вмѣстѣ съ частнымъ приставомъ въ коляску, поѣхалъ по тракту въ Пермь. Губернаторъ и Ф. провожали ихъ до первой станціи. Садясь въ коляску, Сперанскій былъ молчаливъ и, повидимому, убитъ духомъ.

Доѣхавъ до первой станціи, Ф. поѣхалъ назадъ къ графу П. А. и вручилъ ему оба конверта. Графъ распечаталъ и прочиталъ тотъ, который былъ на его имя, а другой бросилъ на столъ, со словами: „вздоръ!“

Письмо на имя графа П. А. было слѣдующаго содержанія:

„Приношу Вашему Сіятельству слѣдующія мои всепокорнѣйшія просьбы:

1) Прилагаемое при семъ письмо доставить Государю, при Вашемъ донесеніи.

2) При отправленіи семейства моего оказать возможную помощь и снисхожденіе.

3) Врагамъ моимъ здѣсь и разнымъ ихъ толкамъ наложить молчаніе.

4) Наконецъ, и сіе для меня всего важнѣе, сохранить доброе Ваше о мнѣ мнѣніе. Оно всегда было для меня драгоцѣнно и, смѣю сказать, по чувствамъ моимъ и правиламъ, я его достоинъ.

Князю Егору Александровичу (Грузинскому) прошу поклониться".

Письмо на имя Государя не было послано и никогда не достигло своего назначенія. Впослѣдствіи, въ 1827 или 1826 годахъ, Сперанскій, узнавъ объ этомъ, сказалъ (разумѣя графа П. А.): „Это на него похоже".

Въ дополненіе надобно сказать, что въ тотъ день (15-го сентября), тотчасъ послѣ обѣдни, за нѣсколько часовъ до прибытія фельдъегера съ высочайшимъ повелѣніемъ, Сперанскій былъ съ поздравленіемъ у графа П. А. и тутъ, въ первый разъ въ жизни, онъ увидѣлся и познакомился съ Карамзинымъ.

Высочайшій рескриптъ (собственноручный), полученный графомъ Толстымъ, былъ подписанъ 8 сентября и заключалъ въ себѣ нѣсколько словъ касательно тогдашнихъ военныхъ обстоятельствъ и ополченія. Въ концѣ рескрипта было сказано: „При семъ прилагаю рапортъ вице-губернатора нижегородскаго о тайномъ совѣтникѣ Сперанскомъ. Есть-ли онъ справедливъ, то отправить сего вреднаго человѣка подъ карауломъ въ Пермь, съ предписаніемъ губернатору отъ моего имени, имѣть его подъ тѣснымъ присмотромъ и отвѣчать за всѣ его шаги и поведеніе".

Рапортъ нижегородскаго вице-губернатора Крюкова (чрезъ покровительство Сперанскаго опредѣленнаго въ эту должность), былъ на имя министра полиціи и заключался въ слѣдующемъ:

„6-го числа настоящаго августа, въ день Преображенія Господня, когда я былъ на Макарьевской ярмаркѣ, здѣшній преосвященный епископъ Моисей, по случаю храмоваго праздника въ каѳедральномъ соборѣ, давалъ обѣденный столъ, къ коему были приглашены и нѣкоторые изъ губернскихъ чиновниковъ. Послѣ обѣда былъ тутъ и господинъ тайный совѣтникъ Сперанскій, обѣдать однакожь не оставался, но между закускою, занимаясь онъ съ преосвященнымъ обоюдными разговорами, кои, доведя до нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, говорилъ о Наполеонѣ и о успѣхахъ его предпріятій, къ чему г. Сперанскій дополнилъ, что въ прошедшія кампаніи въ нѣмецкихъ областяхъ, при завоеваніи ихъ, онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, оказывалъ къ нему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще для сбереженія ихъ приставлялъ караулъ. Что слышали бывшіе тамъ чиновники, отъ которыхъ о томъ на сихъ дняхъ я узналъ. О чемъ долгомъ поставляю Вашему Высокопревосходительству всепокорнѣйше донести".

Рапортъ этотъ Крюковъ писалъ исправляя должность гражданскаго губернатора, который въ то время былъ или боленъ или въ отсутствіи. Нельзя не замѣтить, что не обративъ вниманія на слова рескрипта: „если онъ (т. е. рапортъ) справедливъ, графъ П. А. распорядился безъ всякихъ распросовъ и изслѣдованій.

Сперанскій писалъ къ графу П. А. изъ Перми, 4-го октября 1812 года:

„М. Г. П. А. Сибирь есть земной рай въ сравненіи съ Пермью, Ваше Сіятельство были невольнымъ орудіемъ моей сюда ссылки: будьте нѣкогда благодѣтельнымъ посредникомъ моего отсюда возвращенія. Зная Ваши благородныя чувства, не могу себѣ представить, чтобы Вы сами согласились когда нибудь вѣрить сплетнямъ враговъ моихъ. Нелѣпость ихъ слишкомъ ощутительна и впрочемъ сама собою откроется, когда только удостоите вопросить меня".

Между тѣмъ, прилагаемое при семъ письмо, прошу доставить сколько возможно вѣрнѣе и непосредственнѣе. Я въ немъ прошу одной милости: насущнаго

хлѣба, прежде мною заслуженнаго. Враги мои считаютъ у меня милліоны, а я, при безмѣрной здѣшней дороговизнѣ и послѣ всѣхъ разорительныхъ переѣздовъ, скоро буду нуждаться въ первыхъ потребностяхъ жизни".

Списокъ съ письма тайнаго совѣтника Сперанскаго къ Государю Императору

въ январѣ 1813 года,
изъ Перми.

Всемилостивѣйшій Государь!

При отлученіи меня, Ваше Императорское Величество, между прочими знаками милостиваго вниманія сказали мнѣ, что „во всякомъ другомъ положеніи дѣла, менѣе настоятельномъ, Вы употребили бы годъ или два, чтобъ точнѣе разсмотрѣть и повѣрить свѣдѣнія, къ Вамъ о мнѣ дошедшія".

Изъ сего я долженъ заключить, что мнѣніе Ваше о мнѣ, не рѣшено еще невозвратно. Въ послѣдствіи назначеніе денежнаго мнѣ пособія и невидимая, но мнѣ примѣтная защита Ваша, утвердила еще болѣе сію надежду.

Среди дѣлъ столь высокой важности, мнѣ казалось непристойнымъ развлекать собою Ваше вниманіе. Теперь, когда дѣла сіи пріемлютъ видъ оконченный, могу ли я ласкать себя, что Ваше Величество удостоите исполнить то, что прежде признавали справедливымъ?

Представляю сіе письмо посредствомъ моей дочери, потому что всякой другой путь откровеннаго изъясненія мнѣ пресѣченъ, и не знаю еще, какъ и сіе дойдетъ непосредственно до рукъ Вашихъ.

Удостойте Всемилостивѣйшій Государь Вашего вниманія, объясненія, при семъ прилагаемыя, не столько изъ снисхожденія къ моей судьбѣ, какъ по уваженію ихъ предмета. Судьба моя и безъ нихъ, по единому движенію справедливости и благости Вашей могла бы рѣшиться. Но Государи всегда имѣютъ личную и прямую пользу, внимать истинѣ, особливо когда она касается до важныхъ дѣлъ государственныхъ.

Есмь съ благоговѣніемъ и проч.

Въ самомъ началѣ царствованія Ваше Императорское Величество поставили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего Правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія и слѣдовать ему неуклонно.

Отъ сего единаго начала постепенно возникали всѣ главныя учрежденія Ваши,—учрежденія, кои по важности и пространству своему могли бы прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, еслибы или люди были справедливѣе, или обстоятельства были счастливѣе.

Исполнители, коихъ Ваше Величество употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый попеременно въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветъ и злословія, въ большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами не рѣдко встрѣчались съ такъ называемымъ общимъ мнѣніемъ, когда привычки и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще болѣе въ будущемъ.

Не взирая на сіе, чрезъ 12 лѣтъ Ваше Величество постоянно слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы; но главная мысль и намѣреніе оставались непремѣннымъ.

До 1808 года я былъ почти только зрителемъ и отдаленнымъ исполнителемъ сихъ преобразованій; но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда въ 1803 году Вашему Величеству угодно

было поручить мнѣ чрезъ графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ образованія Судебныхъ и Правительственныхъ мѣстъ въ имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ.

Въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, Ваше Величество начали занимать меня постоянно предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ Вамъ дошедшія и нерѣдко удостаивая провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества надлежало наконецъ составить одно цѣлое.— Отсюду произошелъ планъ Всеобщаго Государственнаго Образованія.

Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго; но идеямъ, съ 1801 года занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе.

Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть Правительства на началахъ постоянныхъ, и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сея власти болѣе правильности, достоинства и истинной славы.

Въ теченіи слишкомъ двухъ мѣсяцевъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и поправленій, Ваше Величество наконецъ положили приводить его въ дѣйствіе.

Полезнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана приуготовить вдругъ, открыть единовременно: тогда они являлись бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но Ваше Величество признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но въ послѣдствіи оно содѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана Правительства, судили намѣреніе его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, страшились вредныхъ установленій.

Пройду кратко всѣ установленія, отъ плана сего возникшія, дабы означить, какъ и вмѣстѣ съ ними возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда ихъ преслѣдовавшая.

I. *Совѣтъ*. Учрежденіе его, за мѣсяцъ прежде открытія, сообщено было гр. Николаю Ивановичу Салтыкову и кн. Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили; всѣ послѣдствія его оправдали. Но одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе французскому, хотя кромѣ раздѣленія дѣлъ, ничего они не имѣютъ общаго. Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть Государеву.—Гдѣ и какимъ образомъ? Не по Государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ Совѣтъ? Не единымъ ли словомъ Его рѣшаются? Но зависть и клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными.

II. *Министерства*. Въ Манифестѣ 1802 года обѣщаны были подробныя учрежденія или инструкціи министрамъ; но до 1810 года ихъ не было. Безпорядки и смѣшеніе, при личныхъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ доходили до крайности. Ваше Величество столь въ средоточіи дѣлъ, въ собственной работѣ Вашей съ министрами болѣе всѣхъ сіе чувствовали и почти ежедневно напоминали мнѣ о необходимости сего учреж-

денія. По мысли Вашего Величества составленъ былъ планъ, внесенъ на разсмотрѣніе предсѣдателей Совѣта, всѣми единогласно одобренъ и потомъ принятъ въ Совѣтѣ. На семъ основанъ былъ манифестъ о раздѣленіи министерствъ и составленъ общій уставъ.

Въ раздѣленіи министерствъ допущена нѣкоторая отъ прежняго перемѣна въ размѣщеніи, или тоже сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны, и на будущее время нѣсколько разъ еще измѣниться могутъ. Изъ сей перемѣны возникли два новыя министерства: полиціи и контроля; но первое учрежденіе по собственному и личному убѣжденію Вашего Величества въ его необходимости, а второе основано на порядкѣ счетовъ, неоспоримомъ и очевидномъ.

Общій Уставъ постановилъ самые точные и ясные предѣлы отношеніямъ и власти министровъ. Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно Государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно можетъ теперь покрыто пылью и прахомъ, но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ.

Надлежало приступить къ *Частнымъ Уставамъ*. Возложено было на самихъ министровъ составить проэкты, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привесть въ единство.

Здѣсь каждый министръ считалъ ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, стараясь наполнить ее и людьми и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ собственности, былъ явный Иллюминатъ и предатель государства, — и это былъ я. Мнѣ одному противъ осьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У одного министра финансовъ, не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два департамента, и сверхъ того нѣсколько отдѣленій, и такимъ образомъ уменьшены штаты ежегодно болѣе сто тысячъ рублей. Въ самыхъ правилахъ *Наказа* надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсѣчь притязаніе власти, привести ее въ предѣлы, преградить насильныя завладѣнія одной части надъ другою, и словомъ, всѣ сіи *Наказы* вовсе передѣлать. Можно ли было сего достигнуть, не прослывъ рушителемъ всякаго добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?

Другіе, можетъ быть, меня счастливѣ совершить сію работу, но совершить ее необходимо: ибо какъ скоро одно министерство движетъ по данному направленію, то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другія: иначе они другъ друга затруднять будутъ, какъ то опытъ уже и доказалъ и доказывать будетъ.

Между тѣмъ какъ занимались сею работою, Ваше Величество подтверждали мнѣ многократно объ образованіи Сената.

III. *Сенатъ*. Образованіе Сената было въ необходимой связи съ учрежденіемъ министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ совершенно противуположныхъ.

Проэктъ сего образованія прежде всего сообщенъ былъ гр. Завадовскому, кн. Лопухину и гр. Кочубею. Письменные ихъ отзывы находятся при самыхъ бумагахъ. Послѣ сего онъ разсмотрѣнъ въ собраніи предсѣдателей, напечатанъ, внесенъ въ Совѣтъ; мѣсяцъ времяни опредѣленъ былъ для того, чтобы каждый у себя дома могъ его обдумать.

Изъ сего хода всякъ легко могъ усмотрѣть, что не желалъ тутъ ни изторгнуть согласія, ни предвосхитить его смѣшеніемъ и поспѣшностію.

Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду здѣсь упоминать о томъ, что въ укоризнахъ сихъ было жестокаго и терзающаго мою личность. Обращусь къ

самому источнику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія. Возраженія сіи большею частію происходили отъ того, что элементы Правительства нашего не довольно еще образованы, и разумъ людей, его составляющихъ, не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка, чтобы признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми. И слѣдовательно надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія, чтобъ наконецъ ихъ ощутили, и тогда вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія Ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія.

Мысль сія съ горестію вырывалась у меня въ самыхъ публичныхъ разговорахъ и разсужденіяхъ. Я представилъ ее во всей силѣ и Вашему Величеству, и означилъ уже въ докладной запискѣ, которая при дѣлахъ и теперь должна находиться. Могъ ли я тогда подумать, что сіе самое разсужденіе дастъ поводомъ врагамъ моимъ сдѣлать то злое приложеніе, какое въ послѣдствіи оказалось?

Между тѣмъ мнѣнія въ пользу проэкта были и многочисленны и уважительны. Съ твердостію и чистотою намѣреній Ваше Величество не рѣшились еще остановить исполненія; двумя записками, въ разное время отъ меня поднесенными, представлялъ я сколь не удобно было бы, при настоящемъ расположеніи умовъ, продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастающіе слухи о войнѣ рѣшили наконецъ Ваше Величество—отложить до времени.

Дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь! чтобъ время сіе настало. Проэктъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ или и совсѣмъ передѣланъ людьми болѣе меня свѣдущими; но я твердо увѣренъ, что безъ устройства Сената, сообразнаго устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботы нежели пользы и достоинства.

IV. *Законы.* Есть люди, кои и Коммиссію Законовъ считаютъ вреднымъ установленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени почти непрерывно существовала.

Развлеченной множествомъ дѣлъ я не могъ сей части дать того ходу, какого бы желалъ; но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано въ теченіи двухъ лѣтъ болѣе, нежели во все предъидущее время. Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ несвязныхъ планахъ и обѣщаніяхъ; въ мое время не только составлены твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ Совѣтѣ разсмотрѣны двѣ труднѣйшія части Гражданскаго уложенія; третья и послѣдняя требовала только отдѣлки.

Совсѣмъ тѣмъ никогда не хвалился я сими работами и охотно и въ свѣтѣ и предъ Вашимъ Величествомъ раздѣлялъ честь ихъ съ Коммиссіею; но несправедливость людей принуждаетъ наконецъ меня быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компилляціи, представленныя мнѣ отъ Коммиссіи, т. е. отъ г. Розенкампфа—и если найдутъ во мнѣ два параграфа, коими бы я воспользовался: я уступаю имъ всю честь сего произведенія. Сличеніе сіе не трудно, ибо компилляціи сіи всѣ остались въ моемъ кабинетѣ.

Другіе искали доказать, что Уложеніе, мною внесенное, есть переводъ съ французскаго или близкое подражаніе; ложь или незнаніе, кои изобличить также не трудно: ибо то и другое напечатано. Въ источники своемъ, т. е. въ Римскомъ Правѣ всѣ уложенія всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ ихъ источниковъ и коренного ихъ языка, можно черпать прямо изъ нихъ,

не подражая никому, и не учась ни въ нѣмецкихъ, ни во французскихъ университетахъ.

V. *Финансы.* Въ исходѣ 1809 года, тогда какъ Ваше Величество занимали меня планомъ общаго образованія, предсталъ вопросъ дѣлу сему посторонній, но по важности своей привлекшій на себя все Ваше вниманіе. Ваше Величество съ справедливымъ безпокойствомъ взирали на постепенный упадокъ ассигнацій, и немогли съ равнодушіемъ видѣть, что средства къ пополненію недостатковъ, Вамъ представленныя, состояли въ умноженіи тѣхъ же ассигнацій. Безпокойство сіе возросло до высшей степени, когда въ смѣтѣ на 1810-й годъ, заранѣе представленной, открытъ былъ ужасный недостатокъ, 105 м. рублей, а способовъ къ замѣнѣ его въ виду не было.

Вступило къ Вамъ множество проектовъ, но всѣ они представляли минутныя и вредныя облегченія. Ваше Величество желали открыть корень зла и пресѣчь его, доколѣ была еще возможность.

Сею однако рѣшительностію, смѣло могу утвердить, Ваше Величество спасли тогда государство отъ банкротства.

Послѣ множества о семъ разсужденій, составленъ былъ планъ *финансовъ* и внесенъ къ Комитетъ, который тогда въ домѣ г. Гурьева собирался. По двунедѣльномъ предварительномъ разсмотрѣніи, онъ признанъ былъ необходимымъ, и представленъ Совѣту. Были споры, но самое важное большинство его одобрили; принялись за исполненіе.

Здѣсь же самые члены Правительства, кои планъ одобряли, вмѣсто того, чтобъ единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его,— и тотъ, кто долженъ былъ главнымъ быть его исполнителемъ, министръ финансовъ, не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ его противникомъ на дѣлѣ.

Откуда сіе противорѣчіе? оно изъясняется слѣдующимъ: весьма легко сказать: *прекратить выпускъ ассигнацій*; но надобно было чѣмъ нибудь ихъ замѣнить; для сего надлежало:

1) Сократить и привести въ порядокъ издержки, а здѣсь-то и неудобства и роптаніе. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстроординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе, и въ концѣ всего еще ожидать ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому же правилу.— Могъ ли кому нравиться сей вещей порядокъ!

2) Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ двадцать лѣтъ Россія ихъ не знала. Каждый членъ Правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало однакожь, чтобъ кто нибудь и понесъ. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сію жертву, меня осыпали эпиграмами, ругательствами, и проч., и проч., и другіе были въ сторонѣ.

Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхами народнаго неудовольствія и подозрѣніями во мнѣ. Отчетъ, который за 1810 годъ имѣлъ я счастіе представить въ Февралѣ послѣдующаго года, изображалъ во всей ихъ силѣ мои опасенія. Я предвидѣлъ не безъ страха всѣ личныя слѣдствія, и тогда же просилъ уволить меня отъ званія Государственнаго Секретаря *). Ваше Величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои страхи и мои желанія.

*) Отчетъ сей въ бумагахъ.

Такъ прошелъ 1810 годъ.

1811 годъ представилъ совсѣмъ противныя явленія. Тутъ министръ финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, якобы неблаговременные. Онъ, министръ финансовъ доказывалъ, что въ половинѣ года все станетъ; прошелъ цѣлый годъ,—ничто не остановилось и передержка была малозначуща. Тѣмъ не менѣе, я и въ семъ году былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

Насталъ 1812 годъ. Недостатокъ весьма важный и сверхъ того близкая война. Министръ финансовъ представилъ систему налоговъ чрезмѣрно крутую и тягостную *). Часть ихъ принята, другая замѣнена налогами легчайшими. Сіе смягченіе и сіи перемѣны умножили раздраженіе, послужили послѣ министру финансовъ и обширному кругу друзей его, весьма выгоднымъ предлогомъ отрѣчься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя всю ихъ отвѣтственность и, по примѣру 1810 года, но уже съ большею силою, на меня одного обратить всѣ неудовольствія.

Если бы въ сіе время можно было напечатать всѣ представленія сего Министра: тогда всѣ нарѣканія съ меня обратились бы на него; но его бумаги лежали спокойно въ дѣлахъ Совѣта, а Манифестъ съ примѣчаніями, толкованіями, московскими вѣстьми и ложными страхами ходили по рукамъ. Я мнилъ, что спокойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ разсѣютъ сію бурю. Въ самомъ дѣлѣ они начали угнетать; налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ **).

Но между тѣмъ, какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая зависть *) не дремала и воспользовалась сопряженіемъ обстоятельствъ.

Приступаю къ подробностямъ, весьма для меня горестнымъ.

Я не знаю съ точностію, въ чемъ состояли секретные доносы на меня введенные. Изъ словъ, кои при отлученіи меня Ваше Величество сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненія: 1) что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство, 2) привести налогами въ ненависть Правительство, 3) отзывы о Правительствѣ.

1. *О финансахъ.* Къ 1810 году доходы государственные составляли около 125 милліоновъ; къ 1812 году они доведены были до 300 милліоновъ—Приращеніе въ два года 175 милліоновъ.

Слова можно прикрасить, исказить и перетолковать, а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ перемѣнить нельзя.

Смѣло могу еще разъ утвердить, что перемѣнивъ систему финансовъ, Ваше Величество спасли государство отъ банкротства. Придетъ время, Всемилостивѣйшій Государь! когда благія учрежденія Ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословеніе всѣхъ людей благомыслящихъ: тогда, смѣю думать, и мое имя и мои бѣдствія вспомнятъ не безъ сожалѣнія.

Планъ финансовъ и всѣ операціи на немъ основанныя, всегда выдержатъ съ честію самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинно-государственныхъ людей, не только у насъ, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ. Не словами, но математическимъ счетомъ можно доказать, что если бы въ свое время онъ не былъ принятъ: то не только вести настоящую войну, но и встрѣтить ее было бы не съ чѣмъ. И тотъ же планъ, въ обшир-

*) Представленіе сіе и журналъ Совѣта въ Канцеляріи Государственной.

**) Большая ихъ часть и теперь еще существуетъ.

*) Разумѣю моихъ доносителей. Имена ихъ Вашему Величеству извѣстны.

ныхъ его примѣненіяхъ, можетъ еще доставить важныя пособія въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

Но отчего же столько ропоту? Оттого, что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

Отчего, еще вопрошаютъ, понизились еще болѣе ассигнаціи, со времени введенія плана? Это есть секретъ Правительства; онъ состоитъ въ томъ: 1) Что въ то же самое время, какъ перемѣняли систему, принуждены былъ выпустить около 46 милліоновъ новыхъ ассигнацій. 2) Въ томъ, что отъ прежняго Казначейства, безъ умысла, по единому назначенію представленъ былъ неправильный счетъ той массы, которая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности тогда узнать никакъ было не возможно, основаны были первыя операціи. Но совсѣмъ тѣмъ, упизясь въ первый годъ, ассигнаціи потомъ такъ твердо установились, что въ теченіи трехъ послѣдующихъ лѣтъ онѣ сохраняли свое достоинство, и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ свободнѣе по цѣнѣ ихъ принимаются въ народѣ, нежели серебро. Сіе ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита?

2) *О ропотѣ отъ налоговъ.* Какое странное притязаніе желать, чтобъ народъ кланялся и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами? Естественно сперва поговорятъ, побранятъ, потомъ перестанутъ, а со временемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ. Гдѣ же не бранили за налоги? Но можно ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? Если налоги въ половинѣ Февраля произвели опасный ропотъ, то куда же дѣвалась ихъ опасность въ Мартѣ, въ Маѣ, въ Іюнѣ? Гдѣ слѣды сего общаго неудовольствія? Какимъ волшебствомъ тотъ же народъ, тоже дворянство, коего ропотомъ въ Февралѣ стращали, въ Маѣ и Іюнѣ готовъ былъ всѣмъ жертвовать? Откуда сія перемѣна? Налоги не были сложены; напротивъ во многихъ мѣстахъ усилены. Слѣдовательно опасный ропотъ сей былъ басня, выдуманная людьми легкомысленными, кои проживъ весь вѣкъ свой въ женскихъ сплетняхъ, по тѣмъ же сплетнямъ и московскимъ вѣстямъ судятъ о дѣлахъ государственныхъ и даже (горько помыслить) мнятъ управлять ими.

Не могу здѣсь миновать одного примѣчанія, которое и прежде, въ первомъ письмѣ моемъ отсюда я старался, сколько могъ, означить.

Не попустите, Всемилостивѣйшій Государь, чтобы система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества,—чтобъ система сія, всегда приводившая государей къ безгласію, а государство къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго Вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего Правительства, доселѣ составлялъ отраду, награду и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели или люди коварные и властолюбивые могутъ видѣть въ народѣ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно и лично преданныхъ, могутъ въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и въ пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропоты, опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіяхъ сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ: преступленіемъ противъ самого Величества.—Но Богъ, проведшій Васъ сквозь

толикое множество трудныхъ произшествій и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ свѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ русскимъ правиламъ.—Истинныя русскія правила суть взаимная любовь и довѣріе между Государемъ и подданными, точное отношеніе отца къ дѣтямъ, а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно не справедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не русскіе, но совѣты или малодушные, или злые и во всѣхъ отношеніяхъ Васъ недостойные. Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ, напротивъ строптиво и ужасно, когда его слушаютъ.

Простите, Всемилостивѣйшій Государь, сіе невольное сердца моего изліяніе. Враги мои могли очернить меня предъ Вами, но никогда не отъучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія.

3) *Объ отзывахъ.* Третій пунктъ обвиненія, сколько могъ я выразумѣть, состоитъ въ томъ, что я отзывался худо о Правительствѣ.

Если доносители подъ именемъ Правительства разумѣютъ тѣ элементы, изъ которыхъ оно слагается, т. е. разныя установленія. То правда, что я не скрывался и въ послѣднее время съ горестію многимъ повторялъ, что они, состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и несообразны. Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ и, смѣю сказать, мнѣніе Вашего Величества; скрывать же сего я не имѣлъ нужды.

Если разумѣютъ подъ именемъ Правительства людей, его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь. Горесть видѣть все искаженнымъ, все перетолкованнымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчью и, при покорности намѣреніямъ Вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противоположность имъ на дѣлѣ,—горесть, снѣдавшая мое сердце и часто доводившая до отчаянія имѣть, при сихъ элементахъ и людяхъ, какой либо въ дѣлахъ успѣхъ, не взирая на всѣ Ваши желанія,—горесть сія часто, и особливо въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывалась у меня невольнымъ образомъ изъ сердца. Но, Всемилостивѣйшій Государь, измученъ, дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно терзаемъ самыми жестокими укоризнами, могъ ли я быть всегда равнодушнымъ? И впрочемъ сіи самые члены Правительства, коихъ чувствительность отзывомъ симъ толико оскорбилась, не воздавали ли мнѣ за сіе сторицею?

Но чтобъ могъ я подъ именемъ Правительства разумѣть особу Вашего Величества!... душа моя возмущается при размышленіи, что я доведенъ до того, чтобъ опровергать сію гнусную клевету иначе, какъ презрѣніемъ. Съ 1801 года чрезъ 12 лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ Вашего лица, я неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душею за всѣми Вашими намѣреніями и въ послѣдствіи два года былъ близкимъ ихъ исполнителемъ.

Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ, и никогда не хотѣлъ обольщать Вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить Вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для чего сочиняемы были мною не докладныя записки,

но, можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ всего сего смѣю сослаться на собственныя Ваши воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я Вамъ подносилъ. Какимъ же образомъ, съ какою уродливою живостію противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ я порицать и злословить въ послѣднее время то, что очевидно чтилъ и уважалъ въ теченіи столь многихъ лѣтъ? Для чего? Какую цѣль могла имѣть сія лживость? Возбудить неудовольствія? Но въ комъ? Въ Армсфельдѣ? въ Балашовѣ? И на какой же конецъ? Чтобъ сдѣлать переворотъ въ Правительствѣ? Но въ чью пользу? Гдѣ способы? Гдѣ сообщники? Гдѣ связи? Въ дѣлахъ 20 лѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двугодичномъ моемъ удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и уши открыты слушать обо мнѣ всякую клевету и нелѣпость, открылъ ли кто одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой-либо связи подозрительной?

Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце: непріятели мои могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ французской системѣ, но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведеніе мое столь было ясно, что еслибъ бумаги и дѣла мои можно было напечатать,—тогда сами непріятели мои устыдились бы своихъ предположеній. Не я ли былъ одинъ изъ первыхъ, который обращалъ вниманіе Вашего Величества на предстоящую войну и на всѣ казни, ей, предшествовавшія. Ссылаюсь на подробныя записки, многократно въ разныхъ эпохахъ и за долгое время поднесенныя. Онѣ всѣ находятся въ моихъ бумагахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто, можетъ быть, по крайней мѣрѣ случайно, столько не содѣйствовалъ, чтобъ заранѣе освѣтить истинныя намѣренія Франціи, какъ я. Когда отправляли въ Парижъ гр. Нессельрода на краткое время, съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному, и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли представилъ Вашему Величеству открыть съ нимъ переписку, которая въ послѣдствіи сдѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ. И впрочемъ если бы и не могъ я привести сихъ и подобныхъ симъ подробностей и доводовъ, какъ можно вообще согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи—и лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка—и въ то же время всемѣрно содѣйствовать его устроенію; желать ослабить Правительство—и вмѣстѣ возвышать его доходы, быть глубокимъ честолюбцемъ—и имѣть вокругъ себя однихъ враговъ; желать привести у народа въ ненависть Правительство—и себя перваго и прежде всего подвергать неминуемо сей самой ненависти? Пусть согласятъ все сіе мои доносители;—мнѣ и писать и мыслить о семъ уже омерзительно.

Между тѣмъ однакоже сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано мѣрою моего удаленія *), составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего въ народѣ обвиненія.

Вамъ единственно, Всемилостивѣйшій Государь, Вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать: въ вѣчной правдѣ предъ Богомъ, Вы обязаны, Государь, сіе сдѣлать. Вы не можете тутъ имѣть во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія; Вашею тайною, а не своею я связанъ; слѣдо-

*) А паче въ Пермь.

вательно Вамъ же и развязать все должно. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть Вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною?

Обращаюсь еще разъ къ личнымъ отзывамъ, отчего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Оттого, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется посторонним.

Еслибъ въ правотѣ моей совѣсти и дѣлъ нужно мнѣ было писпускаться къ симъ потаеннымъ сплетнямъ, на коихъ основаны мои обвиненія, я легко могъ бы показать и начало ихъ и происхожденіе, открыть и воздушныя ихъ финансовыя системы и личные корыстолюбивые ихъ разсчеты; указать всѣ лица, запечатать каждаго изъ нихъ своею печатію; обличить ложь въ самомъ ея средоточіи и представить на все столь ясные доводы, что они сами бы, можетъ быть овѣмѣли. Но къ чему всѣ сіи улики? Онѣ будутъ теперь имѣть видъ *рекриминацій* всегда ненавистныхъ. И сверхъ того враги мои, можетъ быть, и въ сію минуту стоятъ предъ Вашимъ Величествомъ, а я за 2.000 верстъ и весь, почти совершенно въ ихъ власти *).

Мнѣ остается пояснить одно обстоятельство, которое бывъ обвиненію посторонним, чрезмѣрно однакоже обрадовало моихъ непріятелей, давъ имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною.

Ваше Величество припомнить, безъ сомнѣнія, изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и просилъ исходатайствовать ему у Васъ минуту вниманія. „На что?" изволили Вы спросить. „Онъ что-то нашелъ въ перменстраціи, чего не хотѣлъ сказать канцлеру, не представивъ прежде Вамъ". Ваше Величество сказали мнѣ, что позовете его чрезъ Геслера; что дѣйствительно и исполнили и, давъ ему Ваши наставленія, дозволили и впредь въ подобныхъ случаяхъ также къ Себѣ относиться.—Бекъ, благодаря меня за сей случай, предложилъ, что когда встрѣтится въ дѣлѣ его что либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать въ чистотѣ совѣсти, не считая себя чуждымъ Правительству и его тайнамъ. Съ вѣдома ли его, или нѣтъ, но чрезъ третье лицо въ самомъ дѣлѣ изрѣдка и безъ связи получилъ я нѣсколько сихъ листовъ. Что они въ себѣ содержали? Пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія, кои,—стоя въ средоточіи дѣлъ, имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ Вашему Величеству, —я въ тысячу разъ лучше и подробнѣе всегда зналъ, нежели они.—Что могли мнѣ новаго сказать какой нибудь г. Бушъ и ему подобные жалкіе дипломаты? Слѣдовательно допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначить имъ высокой важности. Одинъ взглядъ на содержаніе (*) удостовѣритъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ маловажности ихъ; числа ихъ доказываютъ, что они вошли ко мнѣ безъ связи, а сіе вмѣстѣ можетъ увѣрить, что тутъ могло быть легкомысліе; но никто никогда не въ силахъ превратить сего въ государственное преступленіе.

Совсѣмъ тѣмъ и прежде и теперь я повергаю себя единственно въ Ваше великодушіе и желаю еще лучше быть *прощеннымъ*, нежели во всемъ правымъ.

Нужно ли, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ я оправдывалъ себя и противъ

*) Это не фраза, а сущая истина.

тѣхъ обвиненій, кои разсѣеваемы были моими врагами о нравственныхъ моихъ правилахъ и о связяхъ моихъ съ мартинистами, иллюминатами и пр.?

Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ; вообще о всѣхъ вещахъ я старался имѣть собственныя мои мнѣнія, и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ.

Когда Ваше Величество о предметахъ сего рода и въ особенности о мистической ихъ части пожелали имѣть свѣдѣнія, я съ удовольствіемъ готовъ посвятить Вамъ всѣ плоды моихъ собственныхъ изысканій и размышленій. Бесѣды сіи мнѣ тѣмъ были пріятнѣе, чѣмъ болѣе я видѣлъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными Вашими чувствіями. Не изъ книгъ, не изъ сектъ и партій почерпалъ я сіи истины; онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многодѣлія прервали слишкомъ рано сіи лестныя для меня сношенія и хотя не имѣлъ я еще времени открыть Вамъ во всемъ пространствѣ истинное ихъ знаменованіе, но судя по самому ихъ началу, смѣю сослаться на собственное Ваше сердце и на самыя бумаги, у Васъ оставшіяся. Что другое въ сихъ истинахъ Вы слышали отъ меня, кромѣ указаній на достоинства человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго. Да и когда, при какомъ случаѣ слышали Вы, Всемилостивѣйшій Государь, отъ меня другія правила? Во все время, какъ я пользовался Вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ или кому старался повредить въ глазахъ Вашихъ? На кого навелъ я какую либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ я всегда и при всѣхъ случаяхъ желалъ питать и возвышать въ душѣ Вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость и снисхожденіе, коими Богъ и природа въ благости своей Васъ одарили.

Всемилостивѣйшій Государь! въ невидимомъ присутствіи Бога сердцевѣдца, смѣю здѣсь вопросить: такъ ли поступаетъ, совѣтуетъ, дѣйствуетъ и говоритъ мрачный честолюбецъ, ненавидящій своего Государя и желающій привесть его въ ненависть?

Простите, Всемилостивѣйшій Государь, пространство сихъ изъясненій. Въ теченіе двухъ почти лѣтъ враги мои говорили одни. Мнѣ оставалось страдать и молчать.

Въ награду всѣхъ горестей, мною претерпѣнныхъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе Вамъ, къ славѣ Вашей и къ благу Государства подъятыхъ, въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ, и наконецъ въ воспоминаніе тѣхъ милостивыхъ и лестныхъ мнѣ частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между Вами и мною,—прошу единой милости: дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ въ маленькой моей деревнѣ провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестьми преизобильной. Если въ семъ уединеніи угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя Гражданскую, Уголовную или Судебную, я приму сіе личное отъ Вашего Величества порученіе съ радостію, и исполню его безъ всякой помощи съ усердіемъ, не ища другой награды какъ только: *свободы* и *забвенія*.

Богъ, общій Отецъ и Судья Государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія Вашего Величества въ пользу Государства; да ниспошлетъ Вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія, и усердныхъ безъ властолюбія. Сіе бу-

детъ на всегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ быть лично Вамъ преданнѣе.

Пермь Въ Январѣ 1818.

122. **Матеріалы для исторіи Базиліанскихъ школъ въ предѣлахъ нынѣшняго юго-западнаго края Россіи до 1811 года.** Статья Н. Петрова.—Написана на 28 листахъ большаго формата.

123. **Матеріалы для исторіи и статистики учебныхъ заведеній г. Ардатова и уѣзда его, Симбирской губерніи.** Составилъ М. И. Куроптевъ. На 91 листѣ.

Въ концѣ рукописи собственноручная подпись автора М. И. Куроптева, съ помѣтою 1869 года.

124. **Мизгирь,** нарисованный красками, около 1881 г., въ Спб. извѣстнымъ нашимъ художникомъ Л. М. Клодтомъ.

Купленъ мною рисунокъ за 5 руб.

125. **Мнѣ грустно отъ того, что вамъ 17 лѣтъ.** „Черновой".—Автографъ и собственноручная запись Крылова. Писанъ карандашомъ на поллистѣ сѣрой бумаги (безъ означенія года).

126. **Молодая испанка.** Акварель художника Красильникова, въ четвертку.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

127. **Московскій кремль.** Рукописная статья неизвѣстнаго автора. Писана мелкою скорописью на 16 страницахъ въ четвертку. Въ концѣ помѣчено: 27 мая 1844 года.

Эта любопытная рукопись пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

128. **Мужикъ на возу.** Рисунокъ художника Красильникова, 1842 г. въ четвертку.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

129. **Мужикъ въ телѣгѣ.** Акварель художника Орловскаго, въ 8 д. л.

Купленъ мною рисунокъ въ книжномъ магазинѣ Иванова въ, Спб.

130. **Мысли въ слухъ, у подножія статуи Петра Великаго.** Рукопись XIX вѣка, въ четвертку. 12 страницъ. Писана скорописью.

Купленъ мною экземпляръ у букиниста Клочкова.

131. **Надгробная Ф. И. Глѣбову и Давыдову.** — Писана на одномъ продолговатомъ листѣ безъ означенія года.

Считаю не лишнимъ привести содержаніе этого сочиненія полностію.

Надгробная ф. И. Глѣбову.

—

Здѣсь Глѣбовъ кончилъ вѣкъ!
Какой хвалы его достойна память?—
Былъ храбрый человѣкъ!
Вотъ много для небесъ,—ужели для свѣта мало?

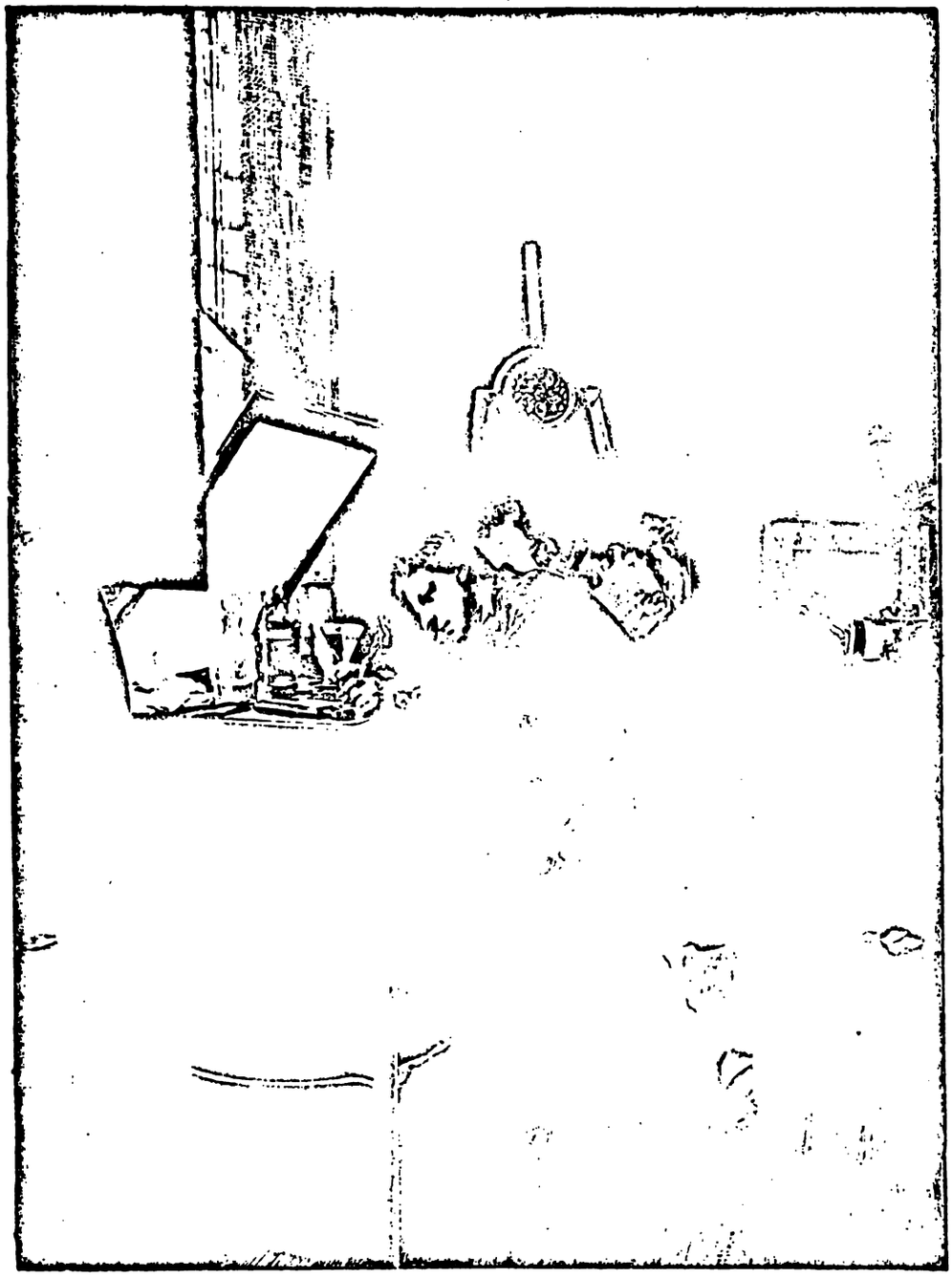
Надгробная юношѣ Давыдову.

—

Постой!—взгляни—заплачь,—се юноша лежитъ!
Чувствительная мать здѣсь прахъ его сокрыла
Съ надеждой всѣхъ отрадъ въ немъ щастье схоронила
И съ смертію его къ ней смерть ея бѣжитъ.
Увы! прочтя сіе кто трогать не станетъ?
Чье сердце не вздохнетъ и чья слеза не канетъ?

* * *

Любезное любить
Природа насъ влечетъ:
Нельзя иначе жить
Ни нынче, ни впередъ.



„Граверъ“ кар. художника **Мейсонье.**

Рѣз. на деревѣ грав. **В. В. Кореневъ** (прямо съ оригинала въ Парижѣ).

Подлинникъ работы В. В. Коренева находится въ собраніи **А. В. Бурцева.**

Наполеонъ на Бородинскихъ высотахъ.

Съ картины художника Верещагина.

182. Надъ пропастью. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Сочиненіе Михновича и Александрова.

Писана мелкою скорописью, въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Рукопись пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

183. Нама (Уаль Патру Мискупъ). Собственноручное стихотвореніе Делибюрадера, писанное скорописью на одномъ листѣ, безъ означенія года и мѣста.

Привожу это стихотвореніе полностію.

НАМА.

(Уаль патру мискупъ).

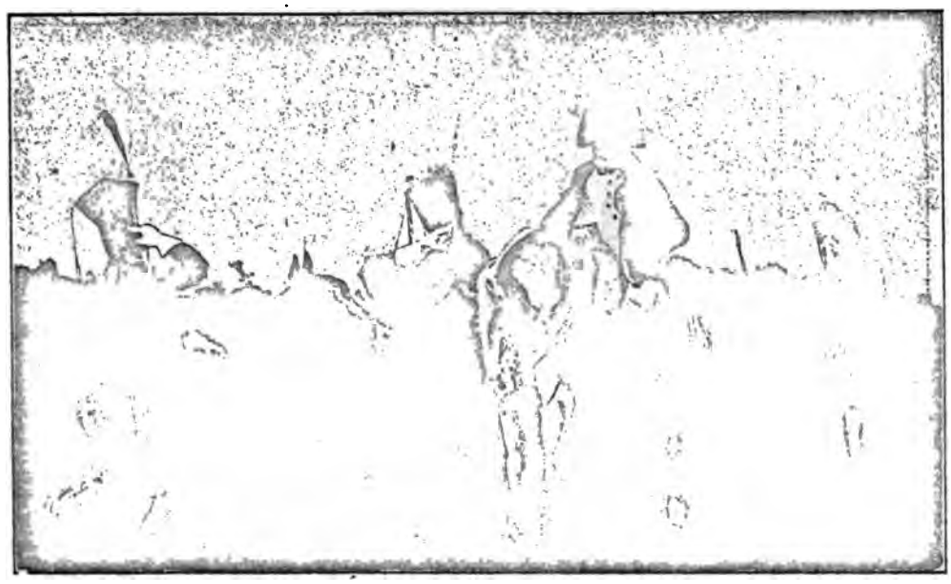
Устъ ея дыханье—
Мускусъ благовонный,
А ланиты—розы;
Зубы—млечны перлы,
Станъ—лозы стройнѣе;
Бедра округленны
Холмики песочны;
Локоны густые—
Мракъ осенней ночи.
А лицо сіяетъ,
Словно полный мѣсяцъ.

(Съ арабскаго). *Делибюрадеръ.*

134. На манифестъ Государя Императора Николая I-го 14 декабря 1854 г Стихотвореніе Майкова, писанное мелкою скорописью на 24 страницахъ въ четвертку, съ подписью въ концѣ: „Майковъ Москва. 1855 года".

Рукопись эта пріобрѣтена мною въ Спб. у букиниста Иванова за 5 руб.

135. „На миръ съ Портою". Отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ Глинки. Писанъ на од-



НАПОЛЕОНЪ.

Рисунокъ французскаго художника NN.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

номъ листѣ, въ четвертку, безъ означенія года.

Вотъ полное содержаніе этого отрывка.

На миръ съ Портою.

Отмстить—или простить?—
Два чувства душу волновали
Дѣтей Москвы, которыя
Отъ моря до моря, готовясь отворить
На Седьмихолміи *) завѣтныя ворота.
Ужъ въ двухъ моряхъ два русскихъ флота
Склѣились съ воинствомъ, на двухъ его крылахъ,
И дружно взвѣяли и флаги и знамена.
И милости, иль близкаго ей плѣна
Ждетъ Порта.. Жребій на вѣса...
Но мщеніе—души великой ниже!
Пожаръ Москвы прощенъ въ Парижѣ;
То чудо совершилъ достойный алтарей.
И вотъ, лелѣянный Всевышнею десницей,
Явился нашъ Орелъ передъ другой столицей!
Потомство и вѣка глядятъ на двухъ царей;
Которому жь намъ болѣе дивиться:
Одинъ—умѣлъ войти, другой—остановиться.

Глинка.

*) Седьмихоліе означаетъ Константинополь, такъ какъ онъ основанъ на семи холмахъ.

136. Наполеонъ всѣ царства поглотилъ.

Рукописное сочиненіе неизвѣстнаго автора XIX вѣка, на одной страницѣ въ четвертку, безъ означенія мѣста и года.

137. Наркотическія средства.—Рукопись XIX вѣка, въ четвертку, на 30 листахъ, писанная скорописью, безъ означенія имени автора.

138. „Не знаю, что значило-бъ это, что на сердце грустно мнѣ".—(Изъ Гейне). Стихотвореніе А. Васильева, собственноручно имъ писанное, на одномъ листѣ,—4 стр., безъ означенія года.

Бѣгство Наполеона изъ Россіи.

Рисунокъ французскаго художника NN.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

139. Неизданное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова, начинающееся строфою:

«Какъ твои глазки смѣются блестя,
Какъ горячо въ тебѣ сердце»...

Писано на одномъ листѣ, безъ означенія года.

140. Ненапечатанное стихотвореніе А. Полежаева.

Въ 1838 году чрезъ уѣздный городъ Мещевскъ (калужск. губ.) проходилъ Бородинскій полкъ; въ числѣ юнкеровъ этого полка былъ тогда Полежаевъ. Здѣсь онъ зашелъ, между прочимъ, къ смотрителю духовнаго училища протоіерею И. Ф. Чупрову, провелъ у него цѣлыхъ два дня въ безпрестанныхъ почти восторженныхъ рѣчахъ и на память о себѣ оставилъ небольшое стихотвореніе, написанное экспромтомъ. Не отличаясь замѣчательными поэтическими красотами, оно однакожъ не менѣе многихъ другихъ носитъ печать особеннаго субъективнаго таланта этого поэта, и кажется достойно сохраненія въ печати, какъ произведеніе человѣка, который по выраженію Бѣлинскаго, „въ самомъ паденіи своемъ былъ замѣчательнѣе тысячи людей, которые никогда не спотыкались“ и который „будучи не признанъ при жизни, не можетъ возвратить должнаго себѣ и по смерти, не столько по недостатку въ силѣ, сколько по причинамъ, скрывавшимся въ самой эпохѣ, въ которую онъ явился“.

Вотъ это стихотвореніе.

Враждуя съ вѣтренной судьбой
Всегда я вѣтренностью боренъ
И своенравно не доволенъ
Никѣмъ, а болѣе собой.

Ни кѣмъ—за то, что чернымъ ядомъ
Сердца людей напоены;
Собою—за то, что вѣчнымъ ядомъ
Душа и грудь моя полны.

Но есть пріятныя мгновенья,
Я испыталъ ихъ среди васъ,
И вѣрьте, съ чувствомъ сожалѣнья
Я вспомяну о нихъ не разъ.

— Не могу, мой другъ, не могу.
Ты самъ долженъ знать и всегда помнить, что отъ смерти и отъ оброка никуда не уйдешь.

Оригинальный рисунокъ художника М. Знаменскаго.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

Въ концѣ этого листка находится подпись „Н. Зайцевъ", и дата: „Калуга. 28 февраля 1860 года".

141. **Необходимость народнаго образованія и мѣры къ его распространенію.**

Рукописная статья безъ имени автора, писанная мелкою скорописью на 34 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Рукопись пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

142. **Неоконченная исторія.** Разсказы XIX вѣка. Переводъ съ англійскаго А. Волкова. Въ четвертку, на 52 листахъ. Письмо скорописное. Первый листъ начинается съ предисловія. Въ концѣ рукописи находится собственноручная подпись А. Волкова.

Купленъ мною экземпляръ въ книжномъ магазинѣ Марцева, въ Спб

143. **Ночь на морѣ.** Рисунокъ углемъ знаменитаго нашего художника Судковскаго. Въ четвертку.

Этотъ рисунокъ изъ библіотеки Княжевича; мною купленъ въ магазинѣ Мельникова, въ Спб.

144. **Нѣмецкая литература по исторіи педагогики.**

Собственноручная статья Н. Запольскаго, писанная скорописью на 34 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Рукопись пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ Иванова за 1 рубль.

145. Нѣсколько словъ о древней славянской рукописи. Написалъ д-ръ фил. Скимборовичъ.

Писана скорописью на 20 страницахъ въ листъ.

Въ этой любопытной рукописи говорится: I) Извѣстіе о весьма рѣдкой рукописи XI-го столѣтія. II) Библіографическое описаніе рукописи. III) Заключеніе.

Для ознакомленія читателей съ этой любопытной статьей, считаю не лишнимъ привести ее здѣсь полностію.

I.

Извѣстіе о весьма рѣдкой рукописи XI-го столѣтія.

Занимающій почетное мѣсто въ ученомъ мірѣ писатель, археологъ, историкъ, эстетикъ, философъ, стихотворецъ, повѣствователь, литераторъ, редакторъ многихъ періодическихъ изданій, Іосифъ Игнатій Крашевскій, еще въ 1861 году помѣстилъ въ варшавскомъ журналѣ: „*Польская Газета*" (№ 151) очень интересную статью, въ которой между прочимъ, значится слѣдующее:

„На дняхъ мы имѣли случай осмотрѣть одинъ изъ самыхъ древнихъ памятниковъ, если не самый древнѣйшій памятникъ славянской литературы, доселѣ вовсе неизвѣстный не только у насъ, но и за границею.

„Это рукопись на пергаментѣ, которой мы должны отдать преимущество предъ другими и дать ей первое мѣсто между самыми замѣчательными памятниками славянской литературы. Рукопись эта заслуживаетъ вниманія, какъ по отношенію къ языку, такъ и по чрезвычайной важности для исторіи европейскаго (??) и византійскаго искусствъ. Довольно сказать, что рукопись эта, начатая въ 1020 году, а оконченная въ 1095 году— есть Псалтырь Давыда, переведенный по приказанію перваго Кіевскаго епископа, всѣмъ извѣстнаго Михаила Гречина. Переводъ этотъ оконченъ былъ уже послѣ его смерти, что видно изъ слѣдующей надписи, находящейся въ концѣ рукописи:

„Лѣта 1095 списана быть книга сія „Давыда Царя, повелѣніемъ Смиреннаго „Владыки Михаила, рукою грѣшнаго Спи„рыдіона (въ подлинникѣ: *Спиридонья „протодіякона*), а писана въ градѣ „Кіевѣ".

Въ № 166 той же „*Польской Газеты*" редакторъ ея Крашевскій пишетъ:

„Печатая извѣстіе (въ № 151) о „славянскомъ Псалтырѣ, мы основыва„лись на запискахъ извѣстнаго славяно„фила и профессора б. Императорскаго „виленскаго университета Бобровскаго, „который призналъ этотъ псалтырь па„мятникомъ XII вѣка. Но его записка „была для насъ только указаніемъ. Не „имѣя времени сравнивать рукописи, „мы полагали, что говоритъ правду зна„токъ, которому эта рукопись принад„лежала" (вѣрно ученый библіографъ В. Трембицкій).

Львовскій ученый библіотекарь Августъ Бѣльовскій (изслѣдователь московской суподальной рукописи XII столѣтія п. з. „*Память и житіе Бл. Отца Меѳодія*", а также Нестеровой *) и другихъ лѣтописей), узнавъ изъ журналовъ о столь важномъ открытіи, писалъ ко мнѣ и къ Г-ну К. Б—ру требуя, если не фотографической копіи, то по крайней мѣрѣ подробнаго описанія памятника едва не XI столѣтія!

Много стоило мнѣ труда достать для фотографіи эту рукопись, находящуюся въ частныхъ рукахъ и оцѣненную по-

*) Какъ доказываетъ сочиненіе Авг. Бѣл. подъ заг. «*Monumenta historica*», изданное въ Львовѣ 1854 г., стр. 946.

койнымъ библіографомъ В. Трембицкимъ въ 7.500 рублей серебромъ.

Но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ этотъ прославленный памятникъ письменности одинадцатаго или двѣнадцатаго столѣтія! Тотчасъ при первомъ на него взглядѣ весьма легко я замѣтилъ, что почеркъ книги слѣдуетъ отнести не къ XI или XII-му вѣку, а развѣ къ началу XV или къ концу XVI-го столѣтія.

II.

Библіографическое описаніе рукописи.

Рукопись Псалтыря Давыда, почитавшаяся чрезвычайно древнею, по ближайшемъ изслѣдованіи оказалась не старѣе четырнадцатаго вѣка. Она состоитъ изъ 229 страницъ in 4° majori, почти въ листѣ небольшаго формата. Внутри книги позже вклеены двѣ страницы на простой бумагѣ: рукопись же — на пергаментѣ.

Слѣдуетъ предполагать, что эта древняя рукопись, доставшаяся въ 1518 году въ руки Авраама Іосифовича Глебицкаго подскарбія (казнохранителя) короля Сигизмунда Перваго, для него же была вновь сдѣлана, отдана въ бархатный переплетъ и красиво обновлена, что и свидѣтельствуетъ надпись, находящаяся внизу первой страницы:

„Сей рабъ Божій, нарѣченный въ „священномъ крещеніи Іоаннъ, а на рѣк„ломъ Авраамъ Езофовичъ, подскарбій „земскій Великаго Княжества Литов„скаго, Государя Короля Его Милости „Жизгимонта Казимировича, сію книгу „глаголемую Псалтырь, съ дѣяніемъ, пи„санную золотомъ, киноваремъ и черни„ломъ на паркоменѣ удесть (in folio), „далъ есми ее въ церковь святаго Вели„каго Христова Чудотворца Николы Пере„несенія (9-го Мая) святыхъ честныхъ „Мощей его въ Богомъ спасаемымъ градѣ „Вильнѣ, для спасенія душнаго и вѣч„ное память“ и проч.

Около текста старательно написаннаго красивымъ почеркомъ, съ искусно раскрашенными и позолоченными начальными буквами (называемыми библіографами *Initialia*), на довольно широкихъ поляхъ рукописи, находится множество прекраснѣйшихъ и очень интересныхъ изображеній, иногда только аналогически связанныхъ съ самымъ текстомъ псалтыря, какъ-то: изображенія Давыда, Іисуса Христа, православныхъ святителей и разные символы, писанные сухими красками въ византійскомъ вкусѣ. Все это показываетъ, что живописецъ весьма тщательно и изящно отдѣлывалъ всѣ эти украшенія.

Мнѣ кажется, что иллюстрація писана гораздо позже, ибо всѣ украшенія соединены съ текстомъ только красною, киноваремъ сдѣланною, линейкою и очень легкими чертами, находящимися около словъ псалтыря.

Въ греческомъ стилѣ изображены *Распятіе* и нѣкоторые святые. На одной изъ украшенныхъ такимъ образомъ страницъ находится трехъ-купольный Софійскій храмъ (въ Кіевѣ), поддерживаемый ангеломъ, помѣщеннымъ въ серединѣ. Въ другомъ мѣстѣ, на двухъ маленькихъ картинкахъ представлены на колоннѣ истуканы рыцарей, которыхъ остроконечные щиты обращены къ землѣ.

Подобными тому картинами украшены, почти всѣ рукописи на пергаменѣ выше упомянутыхъ столѣтій.

На первой же страницѣ рукописи изображенъ Царь Давыдъ, пишущій псалмы. Подобная картина находится не только въ рукописяхъ, но даже и въ печатныхъ, самыхъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ псалтыряхъ.

III.

Заключеніе.

Хотя всѣмъ извѣстно, что славянская литература имѣетъ гораздо древнѣйшіе памятники, однакожъ и рукопись описаннаго здѣсь псалтыря весьма интересна и довольно важна въ археологическомъ отношеніи, но какъ филологическій памятникъ, не имѣетъ особенной важности.

По древности очерка, рукопись Псалтыря не можетъ относиться къ XI и XII столѣтіямъ, какъ думаютъ Крашевскій, Бобровскій и Трембицкій.

Хотя бы мы и не нашли никакого года, но по сербскому правописанію, введенному въ церковныя книги въ древней Руси Кіевскимъ митрополитомъ Кипріаномъ (умершимъ 1409 года), легко можемъ заключить, что рукопись псалтыря относится къ концу XIV или къ началу XV вѣка.

При дальнѣйшемъ изслѣдованіи Кіевско-виленской рукописи, я нашелъ въ эпилогѣ къ псалмамъ, не 1095 годъ, а 1397-й и на послѣдней страницѣ книги, надпись:

„Въ лѣто 6905 спісана бы (бысть) „кніга сія Давыда Цря повелѣньемъ сміренаго влкы (владыки) Михаила, роукою „грѣшнаго раба Спиридонья протодіякона, „а писана в градѣ в Кіевѣ“.

Внизу этой надписи, Крашевскій нашелъ *будь-то бы* латинскій переводъ:

„Scriptum est hoc psalterium A° ab „incavnatione Dominica 1095, jussu „Michaellis episcopi, Spiridione Archi-„diacono, in urbe Kioviae“.

Редакторъ, не разбирая уже года церковно-славянскимъ шрифтомъ означеннаго въ эпилогѣ, сказалъ только: „Рукопись составленная 1095 года“.

Видно, что мнѣніе подобныхъ Крашевскому энциклопедистовъ (какъ объ этомъ уже упомянуто въ началѣ статьи), не можетъ быть принято за послѣднее слово во всѣхъ отрасляхъ наукъ.

Удивительнѣе всего, что уніатскій священникъ и ординарный профессоръ университета Бобровскій, вмѣстѣ съ ученымъ библіографомъ Трембицкимъ, столь важныя сдѣлали ошибки. Къ нимъ можно бы обратить слова старой пословицы древней Греціи:

ἁμαξράνει καὶ σοφὸς σοφώρεσσι!

Въ упомянутомъ эпилогѣ рукописи, я нашелъ еще слѣдующія слова:

„А не маетъ ее (книги) никто съ тое „божественное церкви Николы взять, ни-„которое для потребы свое. А если бы „кто хотѣлъ ее взяти съ того святаго „храма, и свою моцъ силенъ и великся „творя, тому будетъ отъ Господа Бога „внегда судитеся ему да изыдетъ осужденъ „и молитва его будетъ въ грѣхъ, да бу-„дутъ дни его мали и епископство его „приймитъ ію, да будутъ сыновее его сиры „(сироты) и жона его вдова двужущися, „да преселятся сыновее его и спросятъ, „да изгнано будутъ изъ домовъ своихъ, „да изпытасть заимодавецъ вся иліка „суть его и всхытятъ тужди труды „его; ни будетъ ему заступника, ни бу-„детъ иже ущедритіе сироты его, да буду „чада ихъ въ погубу въ родъ единъ, да „потребится имя его. Вспомянися беза-„коніе отецъ его предъ Господомъ и „грѣхъ матери да не отцистится; да „будетъ предъ Господомъ выну (всегда) „и потребится отъ земли память ихъ, „зане (ибо) не помяны сотворитіе ми-„лости и къ тому еще буде на немъ „отъ Содержителя Бога клятва всѣхъ „7-ми святыхъ великихъ вселенскихъ „святыхъ отецъ-соборовъ въ семъ вѣцѣ, „въ будущемъ въ безконечныя вѣки. А „дана быть подъ лѣты Божего Наро-„женія (αφιη) 1518, индикта 6 мца „Апрѣля, 10 д.“

Кіево-виленская рукопись, которой мы

дѣсь посвятили нѣсколько словъ, находится нынѣ у племянниковъ покойнаго Владислава Трембицкаго: онъ получилъ ее отъ проф. Бобровскаго, ибо въ собственноручной запискѣ сказалъ:

„Кс. Бобровскій, у котораго я купилъ эту рукопись сказалъ, что 1096-й годъ можетъ быть подлинный и что столь древней и прекрасной рукописи онъ не видѣлъ не только у насъ, но и заграницею. Въ Ватиканской Библіотекѣ, между многими рукописями, которыя онъ (Бобровскій) описывалъ, самыя древнія не могутъ быть даже сравниваемы со столь прекрасною, какъ эта, рукописью".

Дѣло это намъ представляется въ другомъ видѣ.

146. **Нѣтъ спокойствія.** Комедія въ одномъ дѣйствіи. Въ листъ на 8 страницахъ. Писана скорописью, безъ означенія имени автора. На оборотѣ послѣдняго листа имѣются иниціалы: Ф. Ф.

147. **Объ учрежденіи въ губернскихъ библіотекахъ публичной продажи книгъ.** Писана мелкою скорописью на 14 листахъ толстой синей бумаги.

Рукопись писана около 1840 г., но, къ сожалѣнію, безъ подписи автора.

148. **Объ участіи православнаго духовенства въ начальныхъ народныхъ училищахъ.** А. И. Боде.—21 листъ.

Отъ 3 ноября 1871 года.

149. **Объяснительная записка къ проекту основныхъ положеній преобразованія духовно-судебной части.** Часть III. О судопроизводствѣ въ духовныхъ судахъ.

Въ листъ 140 страницъ (безъ означенія года).

Въ началѣ записки говорится, что „всѣ дѣла, подлежащія духовному суду, въ настоящее время, рѣшаются въ двухъ инстанціяхъ: въ духовныхъ консисторіяхъ и въ св. синодѣ, вмѣстѣ съ дѣлами церковнаго управленія.

Дѣла о проступкахъ и преступленіяхъ духовенства, подлежащія епархіальному суду, производятся—или самимъ архіереемъ, или чрезъ консисторію (уст. духов. конс. ст. 64).

150. **Объясненія по нѣкоторымъ вопросамъ русской грамматики.** Статья А. Некрасова. 24 листа большого формата.

Въ концѣ рукописи имѣется собственноручная подпись автора съ помѣтою: Ноября 1872 года.

151. **О городищахъ и могилахъ или курганахъ южной Россіи.** Въ листъ 65 страницъ, писана скорописью, безъ означенія имени автора.

Эта любопытная рукопись куплена мною въ Спб. въ книжномъ магазинѣ С. П. Трусова.

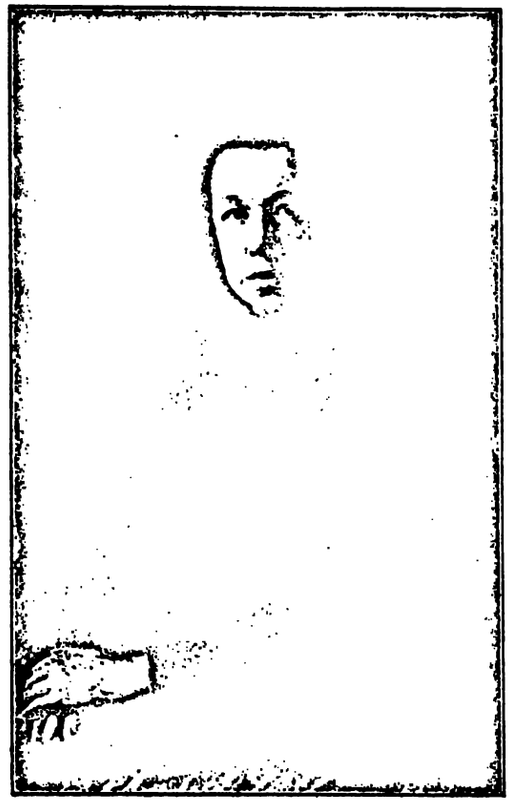
152. **Одинъ листъ.**— „Посвященіе къ поэмѣ „Демонъ". Писанъ скорописью, безъ подписи автора.

Посвященіе это начинается слѣдующими словами:

«Прими мой даръ! моя Мадонна!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь мнѣ оборона
Отъ порицаній клеветы.

153. **Одна изъ выдающихся русскихъ художницъ Елена Дмитріевна Полѣнова.**

Она родилась въ Петербургѣ 15-го ноября 1850 года. Отецъ ея былъ внукъ того Алексѣя Полѣнова, который еще въ екатерининское время, въ 1766 г. въ отвѣтъ на предложенный въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ конкурсъ на тему о крѣпостномъ правѣ, написалъ знаменитое свое сочиненіе: „Объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія



Елена Дмитріевна Полѣнова,

одна изъ выдающихся русскихъ художницъ; родилась 15 ноября 1850 г., скончалась въ ноябрѣ 1898 г.

Съ гравюры профессора В. В. Матэ.

крестьянъ въ Россіи"; это сочиненіе въ первый разъ напечатано у насъ лишь въ 1865 году, т. е. спустя 100 лѣтъ послѣ написанія.

Елена Дмитріевна поступила въ школу Общества поощренія художествъ, въ керамическій классъ. На первомъ экзаменѣ удостоена была малой серебряной медали; на второй годъ большой серебряной медали, и была послана Обществомъ въ Парижъ, для усовершенствованія въ этомъ родѣ живописи.

Въ 1880 году вернувшись въ Петербургъ, устроила у себя классъ и преподавала то, чему научилась въ Парижѣ, и въ то же время ходила въ школу Общества поощренія художествъ, въ акварельный классъ, гдѣ въ концѣ года получила медаль большаго достоинства.

Въ томъ же году переѣхала въ Москву на постоянное жительство. Сначала продолжала заниматься фаянсовой живописью, но обжоги такъ были затруднительны, что вынуждена была оставить эту работу, и занялась Абрамцевской мастерской.

Продожала въ тоже время работать акварелью, а потомъ и масляными красками. Первою ея работою были слѣдующія картины: „Иконописная" (1887),

Изъ „Войны грибовъ".

Рисунокъ Елены Дмитріевны Поленовой.

Изъ „Войны грибовъ".

Рисунокъ Елены Дмитріевны Поленовой.

была поставлена въ Петербургъ на конкурсъ, и получила вторую премію, а Третьяковъ купилъ ее для своей галлереи.

Въ 1889 г. она въ первый разъ выставила на передвижную выставку картину „Шарманщики", а въ 1891 г. „Гости", — съ тѣхъ поръ появлялись ежегодно ея картины на выставкахъ въ Москвѣ и Петербургѣ, свыше 100 произведеній; сверхъ того въ 1888 году она выставила въ Москвѣ 7 этюдовъ масляными красками, въ 1890 году одну пастель. Главное содержаніе этихъ этюдовъ были виды съ натуры: „Въ лѣсу", „Дорога", „Ручей", „Избушка подъ снѣгомъ", „Глушь", „Сельская церковь", „На лугу", „Зимой", „Осенью", „Цвѣты", „Лѣтомъ", „Старикъ", „Нищенка", „Чувашъ", „Подспщикъ", „Шарманщикъ", и затѣмъ замѣчательное ея произведеніе „Война грибовъ", „Иванушка дурачекъ" и множество другихъ ея произведеній.

Скончалась Елена Дмитріевна Поленова въ ноябрѣ 1898 г. Художественныя произведенія ея въ настоящее время не находимы и считаются чрезвычайною рѣдкостію, и если случается кому гдѣ-либо встрѣтить хотя не значительную, но еще не извѣстную публикѣ какую-нибудь ея работу, то послѣдняя тотчасъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе любителей и

Царь Берендей и Иванъ-царевичъ.

Рисунокъ леѣны Дмитріевны Полѣновой.

цѣнителей искусства, и вызываетъ всеобщій живѣйшій интересъ.

Въ виду чего считаю вполнѣ умѣстнымъ, для интересующихся успѣхами русскаго искусства, помѣстить здѣсь, на страницахъ предлагаемаго описанія, нѣсколько снимковъ съ нѣкоторыхъ произведеній этой даровитой русской художницы.

154. **О значеніи римскаго и римско-византійскаго права у славянскихъ народовъ.** Р. Губе. Варшава 1868 г. Переводъ съ польскаго. Писана мелкою скорописью на 88 страницахъ въ 4 д. л., въ концѣ собственноручная подпись автора „Р. Губе“.

Рукопись куплена мною въ Москвѣ.

Иконописная мастерская.

Съ картины Елены Дмитріевны Поленовой.

(Находится въ московской галлереѣ Третьяковыхъ).

155. О научномъ преподаваніи древнихъ языковъ.

Собственноручная статья Ивана Алексѣевича Дмитревскаго, писанная скорописью на 73 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

156. О начальномъ преподаваніи вообще языковъ въ гимназіи, съ примѣненіемъ въ частности къ латинскому.

Статья писана собственноручно преподавателемъ Вологодской гимназіи Валеріемъ Алексѣевичемъ Глаклевскимъ.

Писана скорописью на 14 листахъ, въ 4 д. л.

Гости.

Съ картины Елены Дмитріевны Полыновой.

157. О первыхъ пріемахъ физическаго воспитанія дѣтей у разныхъ народностей, населяющихъ Иркутскую губернію (дѣло № 191 Иркутскаго Губернскаго Статистическаго Комитета). Составленно по программѣ Комитета Антропологической выставки, имѣющей быть въ Ноябрѣ 1879 г. въ Москвѣ, дѣйствительнымъ членомъ Статистическаго Комитета докторомъ медицины К. А. Эліашевичемъ.--Иркутскъ. 1879 г.--Въ 8 д. л. 38 стр.

При книгѣ приложены два чертежа:

I. Колыбели инородцевъ (бурятъ).

II. Записка о корагассахъ. Дѣйствительнаго члена П. Попова.

Книжка издана Иркутскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ.

158. Описаніе геогностическихъ и минералогическихъ образчиковъ, собранныхъ во время поѣздки въ 1852 г. съ 27-го іюня по 3-е августа Соч. Александра Энгельгардта —Рукопись въ 4 д. л.

159. Описаніе мраморнымъ пробамъ, состоящимъ въ Олонецкой губ., въ вѣденіи Экспедиціи Тивдійскихъ мраморныхъ ломокъ. Рукопись въ листъ.

160. Описаніе Оленьихъ острововъ въ Олонецкой губерніи Александромъ Энгельгардтомъ въ 1852 году.—Рукопись въ листъ, на 20 страницахъ.

161. Опись бриллiантовыхъ вещей, принадлежавшихъ императрицѣ Екатеринѣ II.

Писана скорописью, въ 1762 г. Въ 4 д. л.

162. Организація работъ въ мѣстахъ заключенія. Отчетъ о занятіяхъ командированнаго за границу кандидата правъ Василія Аршеневскаго. Въ 4 д. л.

163. Осмѣлюсь ли тебѣ сонету написать. - Рукописное стихотвореніе князя Бар... На одномъ открытомъ листѣ сѣрой бумаги, безъ означенія года.

Содержаніе стихотворенія слѣдующее:

Осмѣлюсь ли тебѣ сонету написать,
Хранитель ангелъ мой, боготворимой милой?
Любовь, сама любовь рукой моей водила;
Безъ гнѣва можешь ли ее ты прочитать?
Что чувствую,—нѣтъ силъ пересказать!...
Въ себѣ ты все мое блаженство заключаешь,
Все сердцу милое—въ себѣ одной вмѣщаешь!
Сижу ль съ тобой,—ловлю твое дыханье;
Зрѣть милой образъ твой—души моей желанье!
У ногъ твоихъ желалъ бы душу испустить
Въ борьбѣ съ самимъ собой; въ восторгѣ упоенья
Сижу и говорю; но въ сладкомъ изступленьѣ
Желалъ бы болѣе еще тебя любить.

Князь Бар...

164. Основаніе русскаго училища въ Константинополѣ.

Писана скорописью на 18 листахъ большого формата, съ помѣтою въ концѣ рукописи: „Константинополь. 27-го мая 1892 г.“

Рукопись пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ С. П. Трусова, въ Спб.

165. Основныя идеи математики, освѣщенныя строго-логическими толкованіями. Необходимое дополненіе ко всѣмъ учебникамъ и курсамъ математики. Рукопись Николая Сенигова. Въ 4 д. л.

166. О судьбахъ буддизма въ предѣлахъ Средней Азіи (за исключеніемъ Тибета и Китая), со времени проникновенія его туда до эпохи появленія Чингисъ-Хана.—Сочиненіе студента 3-го курса Павла Попова. Писано скорописью на 71 страницѣ, въ 4 д. л. (1868 г.).

На оборотѣ перваго листа сказано:

„Декану факультета восточныхъ языковъ.

Препровождаю означенную диссертацію для прочтенія гг. профессорамъ, покорнѣйше просимъ ординарнаго профессора В. В. Григорьева доставить факультету и письменный отзывъ объ этомъ сочиненіи“.

Въ концѣ рукописи означены фамиліи слѣдующихъ лицъ: В. П. Васильевъ, В. В. Григорьевъ, К. Ѳ. Гостуненскій.

167. Остроумные отвѣты и каламбуры П. А. Каратыгина. — Писаны скорописью, въ четвертку, безъ означенія года.

Рукопись слѣдующаго содержанія.

Остроумные отвѣты и каламбуры П. А. Каратыгина быстро проникали въ общество и дѣлались извѣстными; большая часть изъ нихъ появлялась въ разныхъ фельетонахъ газетъ и періодическихъ изданіяхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ остротъ Каратыгина.

1.

Послѣ представленія водевиля „Чиновникъ особыхъ порученій“ Императоръ Николай Павловичъ, также извѣстный острякъ и каламбуристъ, пришелъ на

сцену и сказалъ Каратыгину: „Въ твоемъ водевилѣ бездна остротъ и каламбуровъ; если ты будешь также на нихъ щедръ въ своихъ рѣчахъ, то совсѣмъ отобьешь хлѣбъ у моего брата". Каратыгинъ, сдѣлавъ почтительный поклонъ, отвѣчалъ: „Ничего, Ваше Величество, если и возьму хлѣбъ, за то соль всегда останется при его Высочествѣ.

2.

На Александринской сценѣ давали пьесу Бобарыкина „Ребенокъ"; героиня пьесы безконечно плачетъ о своей матери и умираетъ. Когда окончили пьесу, Каратыгинъ сказалъ слѣдующій экспромтъ:

«Всѣмъ надоѣлъ «Ребенокъ» твой шальной
И къ матери отправился на вѣки:
О, Семихатовъ *) успокой
Его въ своей библіотекѣ».

3.

На нѣмецкой сценѣ роль Гамлета играла госпожа Вестфали. По окончаніи пьесы Каратыгинъ сказалъ такой экспромтъ:

«Скажите намъ, мамзель Вестфали,
Зачѣмъ Гамлета вы играли?
Вѣдь эта штука не легка!
Со сцены вы намъ показали
Вестфальскіе окорока,
Но принца датскаго—мы не видали».

4.

Эпиграмма П. А. Каратыгина, по поводу комедіи И. В. Самарина, имѣвшей названіе: „Перемелется—мука будетъ".

«Самаринъ угодить любезникамъ взялся,
Но вышла тутъ плохая штука;
Заставилъ онъ молоть артистовъ три часа,
И вышла не мука, —а мука».

*) Семихатовъ былъ театральный библіотекарь.

5.

Однажды къ П. А. Каратыгину пришелъ писатель графъ Соллогубъ.

— Давайте, напишемте вмѣстѣ комедію, сказалъ онъ Каратыгину.

— Извольте,—отвѣчалъ Каратыгинъ, взявши въ руки песочницу, — вы графъ будете *писать*, а я—*засыпать*.

6.

Актриса П. П. Подобѣдова только что вышла изъ училища; она имѣла необыкновенно стройную талію.

А. М. Максимовъ, подойдя къ ней и взявъ ее за талію, сказалъ П. А. Каратыгину:

— Совсѣмъ, братъ, рюмочка.

— Но не винная, — съострилъ П. А. Каратыгинъ.

7.

Въ театрѣ была цвѣточница П. очень стройная и съ маленькими ножками, но не красивая собою; Каратыгинъ разсказывалъ о ней такими словами: — „Идетъ она впереди меня и я, любуясь ея станомъ", твердилъ: „не введи меня во искушеніе". Но когда обогналъ ее и взглянулъ на физіономію, то невольно произнесъ: „но избави мя отъ лукаваго".

8.

Актеръ В. А. Разсказовъ имѣлъ слабость къ вину. Его почему то прозвали за кулисами *сигомъ*. Разъ П. А. Каратыгинъ нарисовалъ на кулисѣ голову Разсказова и прибавилъ къ ней туловище сига, съ поднятыми перьями, такъ что вышло что то вродѣ пилы.

— Что это, пила рыба? — спросили его.

— Не знаю, пила ли эта рыба, но что она сопрется—это вѣрно,—отвѣтилъ Каратыгинъ.

168. **Отвѣтъ Булгарину.**—Рукопись XIX вѣка, въ четвертку 4 страницы, писана мелкою скорописью.

Привожу здѣсь начальныя строфы этого интереснаго стихотворенія.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Меня зовутъ аристократомъ.
Смотри, пожалуй, вздоръ какой!

Я по лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто русскій мѣщанинъ.

169. **Отвѣтъ на замѣчанія г. Г. Лыткина, по поводу двухъ писемъ изъ г. Устьсысольска о его переводахъ на зырянскій языкъ.** Андрея Попова. Г. Устьсысольскъ. Вологодской губ. Февраля 25 дня 1885 г.

Въ этой рукописи говорится о переводахъ на зырянскій языкъ св. евангелія отъ Матвѣя.

170. **Огарева стихотворенія.** Въ четвертку, писаны мелкою скорописью на 60 страницахъ. Въ концѣ подпись—„Огаревъ".

Въ этой тетради помѣщены слѣдующія стихотворенія:

I. Москва 1846. 1 марта.
II. Декабристъ.
III. Воспоминаніе.
IV. Искандеру (1858 г.).
V. Разлука.
VI. Осенью.
VII. У моря.
VIII. Сушь и дождь.
IX. Отступница,—и др.

Эта рукопись пріобрѣтена мною у букиниста Семенова.

171. **Открытый листъ половины XIX вѣка, содержащій слѣдующее стихотвореніе.**

Въ старину, въ Эллядѣ вольной
Семь лишь было мудрецовъ,
А въ Москвѣ первопрестольной
Цѣлыхъ—девять п...

* * *

Стыдъ московскому собранью
И простить нельзя никакъ,
Что по вольному избранью
Предводитель твой колпакъ.

* * *

Вѣдь не чертъ онъ, не чертенокъ,
(Черти—умная семья),
Онъ по разуму—осленокъ,
По дѣламъ же онъ—свинья.

* * *

Потому, что левъ Кавказа
Узрѣлъ, бывъ въ твоихъ стѣнахъ,
Девять пятенъ, какъ проказа,
На лавровыхъ сѣдинахъ.

* * *

Грязь алмаза не маретъ;
Также дорогъ онъ для насъ;
Но подлецъ, кто грязь бросаетъ
На народный нашъ алмазъ.

* * *

Да, въ Эллядѣ древней, вольной
Было семь лишь мудрецовъ,
Но, увы! въ Первопрестольной
Цѣлыхъ девять п...

172. **Открытый листъ XIX вѣка „О красномъ бальзамѣ".**

Писана эта замѣтка скорописью на толстой сѣрой бумагѣ.

173. **Открытый листокъ начала XIX вѣка.** Писанъ мелкою скорописью на 2 страницахъ въ 8 д. л. и содержащій нѣчто вродѣ любовнаго посланія, начинающееся строфою:

«Ясна ты какъ утро, какъ вечеръ страстна,
Воздушна какъ призраки ночи,

И рѣчь твоя прелестью нѣжной полна
И блещутъ любовію очи».

174. Открытый листокъ половины XIX вѣка. Содержитъ стихотвореніе, подъ заглавіемъ: „Москва 4-го апрѣля 1855 года", писанъ мелкою скорописью на 4 страницахъ въ 8 д. л.

Начинается стихотвореніе строфой:

Слышенъ звонъ, въ Кремлѣ печальный
Вкругъ обители святой
Клиръ раздался погребальный:
«Со святыми упокой».

Въ концѣ находится подпись, состоящая изъ инициаловъ В. Д.

175. Открытый листокъ половины XIX вѣка. Писанъ мелкою скорописью и содержитъ стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Къ ней", начинающееся слѣдующей строфой:

«Рука моя вамъ не знакома,
Но васъ давно ужъ знаю я;
Какъ жаль, что вы теперь не дома,
И что въ деревнѣ нѣтъ меня!

Нѣчто вродѣ любовнаго посланія. Въ четвертку; съ датою въ концѣ: „1855 года іюля 2-го дня".

176. Отъ деревни Батищевой до Могилева и отъ Могилева до Кіева. Путевыя впечатлѣнія Энгельгардта.—Собственноручная статья автора, писанная мелкою скорописью, въ четвертку.

177. Отрывокъ изъ сборника Кантъ. Писанъ скорописью на 3 листахъ въ четвертку, безъ означенія года.

Привожу здѣсь полную перепечатку этого подлинника.

КАНТЫ.

I.

Прощайте обольщенья
Пустыхъ земныхъ суетъ.
Опасны заблужденья
Незрѣлыхъ, пылкихъ лѣтъ.

На вѣкъ, на вѣкъ простите,
Сколь вы ни хороши,
Но въ вѣкъ не замѣните
Спокойствія души.

Пускай честями, славой
Плѣняется гордецъ.
Пускай ему съ отвагой
Приноситъ жертвы льстецъ.

Не роскошь и не пышность
Для щастія нужна,—
Блестящая излишность
Печалей, бѣдъ вина.

Чертогъ богатствомъ блещетъ,
Но въ свѣтлой клѣткѣ сей
Богатый самъ трепещетъ
Объ участи своей.

Съ природою простою
Гораздо лучше жить.
Чѣмъ жизнію мірскою
Всегда лишь духъ мутить.

II.

Только нятся солнца красы,
Всѣмъ одѣваться придутъ часы.
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!

Къ должности водитъ всякаго честь.
Полдень приходитъ—надобно ѣсть.
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!
Боже мой, Боже! Всякій день тоже!

Тамъ разговоры насъ веселятъ,
Вѣсти и ссоры время дѣлятъ.
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!

Строги уставы мучатъ нашъ вѣкъ.
Денегъ и славы ждетъ человѣкъ.
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!

Кто богатится, нагъ тотъ бредетъ,
Кто веселится, слезы тотъ льетъ.
Боже мой, Боже! Всякій день тоже!
Боже мой, Боже! Всякій день тоже!

[redacted]

Щастье находимъ, щастье губимъ,
Въ чемъ жизнь проводимъ! Ходимъ да спимъ.
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!

О, время! о время! ты лишь мечта!
Вѣкъ нашъ есть бремя, все суета!
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!

Сколько жь ни видимъ въ мірѣ суетъ,
Но слѣпо любимъ всѣ мы сей свѣтъ!
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!
Боже мой, Боже! Всякой день тоже!

Сумароковъ.

III.

Для того ли свѣтомъ льститься,
Чтобы мѣрять жизнь тоской?
Чтобы плакать и крушиться
И не знать, что есть покой?

То нещастья, то напасти
Передъ нами предстоятъ,
То бунтующія страсти
Духъ тревожатъ и мутятъ.

Все насъ тщится одолѣти,
Все въ уныніе влечетъ.
Все страшитъ косою смерти,
Все въ отчаянье ведетъ.

Невозможно слезъ потокомъ
Пламень бѣдствій погасить,
Ни въ забвеніи глубокомъ
Ихъ не можно заглушить.

Хоть въ забавы погружайся
И прельщайся суетой,
Хоть отъ оныхъ удаляйся,—
Все останешься съ тоской.

Хоть въ лѣсахъ сокройся темныхъ,
Хоть въ чертогахъ будешь жить;
Но и тамъ и тутъ смертельныхъ
Скукъ не можешь ты избыть.

Намъ пріятенъ воздухъ чистый,
Коль живемъ во мглѣ дымовъ;
Намъ завидны птичекъ свисты,
Коль глушитъ насъ шумъ градовъ.

Но и въ полѣ чистомъ скука
Сердцемъ можетъ обладать,
И средь хоровъ птичьихъ мука
Съ нами можетъ обитать.

Въ Богѣ лишь покой сердечный!
Съ нимъ безъ свѣта сладко жить.
Въ размышленьи жизни вѣчной
Должно щастье находить.

Все прейдетъ и все минется;
Тварямъ будетъ всѣмъ конецъ!
Лишь на вѣки остается
Утѣшенье—нашъ Творецъ!

178. Отрывокъ изъ собственныхъ записокъ Анны Ашебергъ, подъ заглавіемъ „Москва". — Писанъ скорописью на 3 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года.

Ниже привожу дословную перепечатку этой любопытной статьи.

МОСКВА.

Кто могъ предвидѣть, что маленькій городокъ, населенный бѣдными крестьянами и едва извѣстный, будетъ нѣкогда славною столицею величайшей монархіи въ свѣтѣ. Мы знаемъ, что Москва основана 1147 года марта 28-го великимъ Георгіемъ. Вотъ какъ разсказываютъ объ этомъ лѣтописцы.

„Великій князь прибылъ на берега Москвы рѣки въ селеніе богатаго боярина Степана Ивановича, по прозванію Кучки. Этотъ бояринъ былъ гордъ и непочтителенъ къ великому князю, за что и былъ казненъ. Великій князь женилъ сына своего, Андрея, на дочери казненнаго боярина. Георгій полюбилъ окрестности села, и приказалъ строить деревянные домы. Мѣстоположеніе представляло прелестную картину: высокіе терема стояли на горѣ, покрытой лѣсомъ, обнесенные кругомъ дубовымъ частоколомъ; рѣка протекала у подошвы горы и чистыми струями своими орошала богатыя нажити, дневное свѣтило, во всей красотѣ своей, простирало блескъ на земные холмы и предавало теремамъ величественный видъ, а ночью тусклая луна, катясь по небесному своду, тай-

ственно отбрасывала свѣтъ свой, и безпрестанно мелькали черныя тѣни холмовъ; звѣзды, въ дивной гармоніи, блистали на небѣ и плѣнительно отражались въ свѣтлой рѣкѣ.. На этомъ-то мѣстѣ заложена была Москва, впослѣдствіи обширный и многолюдный городъ и столица русскихъ царей, гдѣ они короновались и погребались". И въ настоящее время Москва есть одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ русскихъ по своему мѣстоположенію. А сколько важныхъ событій, имѣвшихъ вліяніе на судьбу цѣлой Россіи, произошло въ ней: въ Москвѣ утвердились единодержавіе и независимость государства отъ ига монгольскаго при Іоаннѣ III-мъ Великомъ; въ Москвѣ торжественно вѣнчался на царство Іоаннъ IV Грозный; въ Москвѣ получилъ достойную казнь Самозванецъ; въ ней являются Мининъ и Пожарскій, которые, спасая Москву, спасаютъ всю Россію; Москва избрала новаго царя изъ благословеннаго дома Романова; въ Москвѣ написалъ „Уложеніе" царь Алексѣй Михайловичъ; въ Москвѣ уничтожено мѣстничество Ѳедоромъ Алексѣевичемъ; въ Москвѣ родился Петръ Великій. Съ этого времени хотя и оканчивается постоянное пребываніе въ ней русскихъ царей, однако она не перестаетъ имѣть вліяніе на судьбу Россіи: такъ, въ незабвенный 1812-й годъ, когда Наполеонъ, побѣдитель всей Европы, вздумалъ покорить Россію и владычествовать надъ цѣлымъ свѣтомъ, Москва возстала и двѣнадцать народовъ, приведенныхъ изъ разныхъ странъ, пали подъ ея развалинами, и зарево пожара ея возвѣстило свободу цѣлой Европы. Послѣ столь трудной годины, Москва, какъ бы снова возродилась: украсилась многими превосходными зданіями и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе процвѣтаетъ.

Да! пройдетъ слава о тебѣ въ позднее потомство и да возвѣстятся во всемъ мірѣ подвиги твои за вѣру, Царя и отечество. *Анна Ашебергъ.*

179. **Отрывокъ изъ сочиненій Константина Батюшкова**, подъ заглавіемъ „Посланіе къ своимъ сочиненіямъ". Писанъ мелкою красивою скорописью на 2 листахъ толстой синей бумаги, безъ означенія года, съ подписью въ концѣ „Кон—нъ Батюшковъ".

180. **Отрывокъ изъ сочиненій Н. Бестужева**, подъ заглавіемъ — „Пѣсня" (на голосъ „Ужъ какъ палъ туманъ на сине море"). 1827 года. Писанъ мелкою скорописью на 2 страницахъ въ 8 д. л.

Этотъ довольно рѣдкій рукописный листокъ купленъ мною у букиниста Иванова, въ Спб.

181. **Отрывокъ изъ сочиненій Василія Вознесенскаго**, подъ заглавіемъ „О необходимости всеобщаго суда". Писанъ мелкою скорописью на 16 страницахъ, въ 4 д. л. Безъ означенія года (около 1840).

182. **Отрывокъ изъ сочиненій Владиміра Баранова**, подъ заглавіемъ „Изъ науки о человѣческихъ личностяхъ. Классификація умовъ". Писанъ мелкою скорописью на 30 листахъ въ 4 д. л. Въ концѣ собственноручная подпись „Владиміръ Барановъ". Безъ означенія года

183. **Отрывокъ изъ сочиненій М. Лермонтова**, подъ заглавіемъ „Петергофское гулянье". Писанъ скорописью на 12 страницахъ въ 8 д. л., въ концѣ подпись: „М. Лермонтовъ".

Купленъ мною экземпляръ въ Спб. у букиниста С. П. Трусова.

184. **Отрывокъ. -Софьи Макаровой.** Писанъ мелкою скорописью и заключающій въ себѣ нѣсколько стихотвореній, относящихся къ половинѣ XIX вѣка. Въ четвертку, на 2 страницахъ.

185. **Отрывокъ изъ собственныхъ записокъ Михайлова,** подъ заглавіемъ: „Что такое деньги".—Писанъ мелкою скорописью на одномъ листѣ писчей бумаги. Внизу помѣчено: 12 августа 1830 года.

186. **Отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ В. А. Крылова,** подъ заглавіемъ: „Недовольные. Повѣсть о томъ, какъ всякому горю бываетъ утѣшеніе".

Въ четвертку, на 40 страницахъ.

Эта интересная рукопись пріобрѣтена мною у букиниста Трусова.

187. **Отрывокъ изъ сочиненія Н. Некрасова:**

Самому мнѣ не весело, баринъ;
Сокрушила злодѣйка жена.

Безъ означенія года. Въ листъ. Писанъ скорописью.

188. **Отрывокъ изъ сочиненій Всев. Миллера.** Писанъ собственноручно авторомъ въ Спб. 1899 г.-Въ листъ 70 страницъ.

Въ отрывкѣ помѣщена статья „Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою".

Рукопись куплена мною въ Спб. въ книжномъ магазинѣ Трусова.

189. **Отрывокъ А. Поплавскаго.** Писанъ скорописью на 2 страницахъ, въ 4 д. л.

Въ этомъ отрывкѣ рѣчь идетъ объ Русскомъ Ипотечномъ Банкѣ.

190. **Отрывокъ изъ сочиненія Т. Шевченко,** подъ заглавіемъ: „Гайдамаки". (Василію Ивановичу Григоровичу на память, отъ 28 апрѣля 1838 года).—Писанъ мелкою скорописью на 84 страницахъ. Въ концѣ подпись: „Т. Шевченко".

Эта рѣдкая рукопись пріобрѣтена мною случайно за 3 руб.

191. **Отрывокъ изъ сочиненій Александра Энгельгардтъ,** подъ заглавіемъ „Поѣздка на магнитную гору Качка-норъ и плаваніе по рѣкамъ Серебрянкѣ и Чусовой въ 1854 году".-Рукопись въ листъ на 210 страницахъ.

Въ концѣ рукописи имѣется подпись: „А. Энгельгардтъ".

192. **Отрывокъ изъ тетради поздняго письма XIX вѣка,** подъ заглавіемъ „Убійца. — Баллада". Въ листъ, писанъ скорописью, безъ означенія автора и мѣста письма.

193. **Отрывокъ изъ сочиненій Н. Щербины,** подъ заглавіемъ „Творчество".-Писанъ мелкою скорописью, на одномъ листѣ, безъ означенія года.

194. **Отрывокъ изъ сочиненія,** относящагося до развитія медицинскихъ наукъ, ординарнаго профессора Эдуарда Юнге. 4 страницы, въ 4 д. л. Москва. 1860 г.

195. **Отчетъ о научныхъ занятіяхъ въ Берлинѣ,** командированнаго съ ученою цѣлью за границу приватъ доцента кіевскаго университета Букрѣева. Берлинъ 16—28 марта 1888 года.-Рукопись въ листъ, 16 страницъ, писанъ скорописью.

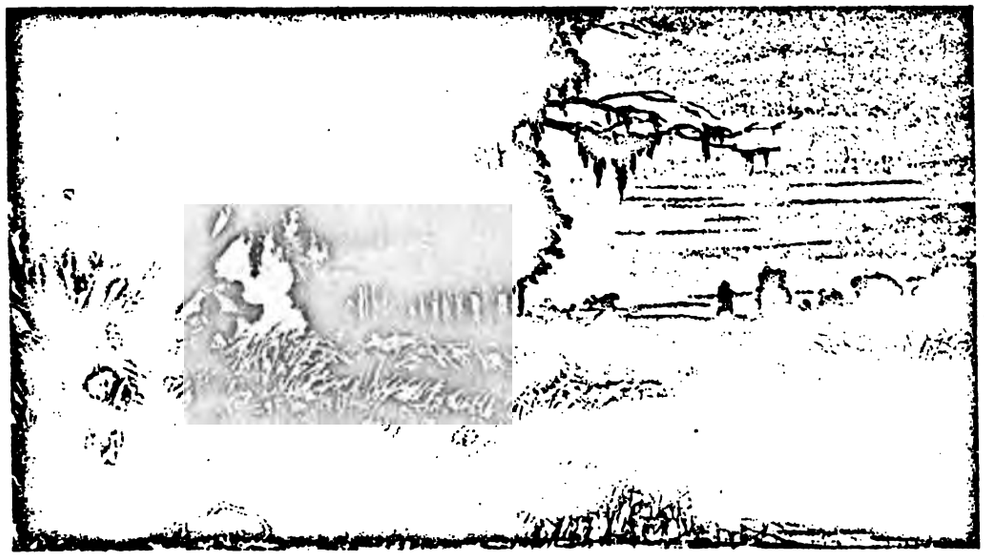
Въ концѣ рукописи имѣется подпись: „Б. Букрѣевъ".

196. **Отчетъ о занятіяхъ лѣкаря Московскаго университета Андріана Жуковскаго.** Рукопись въ листъ 1 страницы. На оборотѣ послѣд-

Портретъ **графини Потоцкой,**

съ оригинала Лампи гравировалъ на деревѣ Н. П. Павловъ.

Подлинникъ работы грав. Н. П. Павлова находится въ собраніи **А. Е. Бурцева.**



ОХОТНИКИ.

Акварель художника Сукова.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

няго листа имѣется подпись: „Берлинъ. Марта 18—6 1872 года".

197. О художествѣ въ Россіи — Рукопись половины XIX вѣка, на 105 листахъ (in fol), писанная скорописью, безъ означенія имени автора и мѣста письма.

Въ рукописи помѣщены слѣдующіе матеріалы.

Отдѣлъ I.

I. Теорія изящныхъ искусствъ.

II. Изящное разсматривается со стороны силъ, коими оно содержится и производится въ движеніяхъ.

III. О разностяхъ прекраснаго, касательно населяемыхъ имъ областей.

IV. Объ образовательныхъ или пластическихъ искусствахъ.

V. О гравированіи.

VI. О скульптурѣ.

VII. Объ архитектурѣ.

VIII. О представительныхъ или мимическихъ искусствахъ.

IX. Общія правила для живописцевъ, скульпторовъ и архитекторовъ на теоріи изящнаго основанія.

X. Россійскія Художественная Академія и распространеніе въ Россіи художествъ и др.

198. Палемонъ (Идиллія).—Стихотвореніе Панаева, писано на одномъ открытомъ листкѣ въ четвертку, безъ означенія года.

Ниже привожу дословную перепечатку этого стихотворенія.

ПАЛЕМОНЪ.

(Идиллія).

. . . . . .

. . . . . .

Прекраснѣйшимъ утромъ зимою
Сидѣлъ Палемонъ въ шалашѣ подъ окномъ
Дрова запасенные порою,
Пылали въ гарнушкѣ трескучимъ огнемъ;
Онъ стужи въ теплѣ не боялся,
Съ улыбкою въ поле свой взоръ простиралъ,
Картиной зимы любовался
И въ мысляхъ возврата весны не желалъ.
«О сколь ты, природа, прекрасна!
Ничто не измѣнитъ твоей красоты:
Гроза ли пылаетъ ужасна,
Ревутъ ли Бореи, цвѣтутъ ли цвѣты,—
Всегда ты во всемъ совершенна!
Какъ блещетъ равнина сквозь легкій туманъ
Дрожащимъ лучемъ озаренна!
Какой безпредѣльный снѣговъ океанъ!..
Тамъ дубы стоятъ обнаженны;
На вѣтвяхъ ихъ иней пушистый нависъ;
Тамъ ели мелькаютъ зелены;
Мѣстами чернѣетъ густой кипарисъ.
Поля и луга опустѣли;
Не видно на паствѣ гуляющихъ стадъ;
Замолкли пастушьи свирѣли,
И пѣвчія птички нахохлясь сидятъ.
Одинъ лишь снигирь краснобокій
Чирикая, скачетъ по гибкимъ кустамъ;
Лишь слышенъ глухой и далекій
Стукъ сильныхъ ударовъ цѣпа по гумнамъ;
Съ дровами лѣнивый протащится возъ...
Старикъ помѣшалъ хворостиной
Въ гарнушкѣ, и снова къ окну подошелъ
«Зима и моя наступила:
Разсыпался иней на черныхъ кудряхъ,
Оставила прежняя сила,
Погасилъ румянецъ, игравшій въ щекахъ!
Но, ахъ! сожалѣть ли о красной
Дней юныхъ промчавшейся быстро веснѣ?
Кто младость провелъ не напрасно,
Тотъ съ ней потерялъ заблужденья однѣ.
Кто былъ добродѣтели вѣренъ
Полезенъ семейству и ближнимъ своимъ,
Тотъ долженъ быть твердо увѣренъ,
Что вѣчно пребудетъ минувшее съ нимъ
Когда я о немъ вспоминаю,
Мнѣ кажется будто какого-нибудь
Стариннаго друга встрѣчаю,
Иль вижу цвѣтами усыпанный путь!
Къ тому же: на что помѣняюсь
Любовью всеобщей моихъ земляковъ,
Которой теперь наслаждаюсь,
Достигнувши честно сѣдыхъ волосовъ?
Что можетъ иное сравниться
Съ утѣхой примѣрныхъ дѣтей воспитать,
Счастливымъ успѣхомъ гордиться,
Награду въ невинныхъ ихъ взорахъ читать?...
Подобно, какъ снова весною
Природа получитъ свою красоту,
Такъ жизнью моей молодою
Я въ миломъ Даметѣ моемъ разцвѣту!

Панаевъ.

199. **Пальмы въ Египтѣ.** Акварель работы професора Якобія, въ четвертку.

Купленъ мною этотъ рисунокъ въ магазинѣ Иванова, въ Спб.

200. **Памятная книжка Иркутской губерніи за 1881 годъ.** Рукопись въ листъ 20 страницъ, писана скорописью.

Въ концѣ послѣдней страницы слѣдуетъ подпись А. Соболевскій.

201. **Панегирикъ или похвальное слово Императору Александру Павловичу, поднесенное студентомъ Московскаго университета Сампеpомъ.**

Писано въ 1802 г. крупною скорописью на 2 листахъ.

Рукопись эта куплена мною въ книжномъ магазинѣ Мелина.

202. **Партія въ пикетъ.** Комедія въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго Я. Утина.

Эта рукопись писана собственноручно переводчикомъ Я. Утинымъ и расположена на 45 листахъ въ 4 д.

203. Пейзажъ, изображающій горы. Акварель художника Уербаха, исполненная въ 1878 г.- Въ четвертку.

204. Пелопонесская война. Первый періодъ войны до заключенія Никіевскаго мира. Профессора Харьковскаго университета Александра Раславскаго — Петровскаго. Въ 4 д. л. 96 страницъ

Въ началѣ рукописи авторъ указываетъ на тѣ источники, которыми онъ руководствовался для своего сочиненія.

„Главный источникъ для исторіи Пелопонесской войны,—говоритъ авторъ,—есть Ѳукидидъ, который жилъ во время этой войны и былъ свидѣтелемъ тѣхъ несчастныхъ событій, которыя мало по малу, истощивъ силы Греціи, приготовили ея политическое и нравственное паденіе. Достоинство каждаго историческаго свидѣтеля, продолжаетъ далѣе авторъ, опредѣляется двумя условіями: 1) его правдивостью и 2) возможностью хорошо знать то, что онъ намѣренъ передать другимъ. Относительно существованія этой возможности для Ѳукидида, едва ли можетъ быть сомнѣнія. До своего изгнанія онъ принималъ непосредственное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, а потомъ живя въ уединеніи, ничего не щадилъ для собранія достовѣрныхъ извѣстій *) объ интересовавшемъ его предметѣ. Еще менѣе можно заподозрить Ѳукидида въ желаніи исказать истину, уже и потому, что такое желаніе противорѣчило бы его основному взгляду на исторію, отъ которой прежде всего онъ требуетъ назиданія и полезныхъ выводовъ для практической жизни, а для этого разумѣется необходимо, чтобы факты, принимаемые въ основаніе выводовъ, были вѣрны“.

*) См. Ѳукидидъ, кн. 1 гл. 22.

Первобытный человѣкъ.

Рисунокъ Французскаго художника Ф. Кормонъ.

205. Переселеніе въ Амурскую область. Статья А. Кириллова. Въ листъ. Часть I-я 47 страницъ, Часть II-я 46 страницъ.

206. Плоды трудовъ прозаическихъ сочененій барона Галлера. Часть первая, содержащая въ себѣ изображеніе самовластнаго въ государствѣ Единоначалія, въ образѣ Усонга восточной повѣсти описанное; часть вторая, содержащая въ себѣ изображеніе аристократическаго или властію законовъ ограниченнаго въ государствѣ правле-

ПИЛЬЩИКИ.

Акварель художника Соколова.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

нія, въ образѣ Альфреда, короля англо-саксановъ, описанное. Перевелъ съ нѣмецкаго Николай Поливановъ. Спб. 1783 — 1784 гг. Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 8301, сказано: „Новое сей книги заглавіе см. „Увѣнчанные подвиги людей мудрыхъ и великихъ".

Книга эта напечатана была безъ указнаго дозволенія.

Въ настоящее время это изданіе въ полномъ видѣ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ.

207. Попытка созданія искусственнаго всемірнаго языка. — Собственноручная статья Ульянова, писана скорописью на 36 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Портретъ графини Потоцкой,

съ оригинала Лампи гравировалъ на деревѣ Н. П. Павловъ.

Подлинникъ работы грав. Н. П. Павлова находится въ собраніи А. Е. Бурцевъ.

198. Палемонъ (Идиллія).—Стихотвореніе Панаева, писано на одномъ открытомъ листкѣ въ четвертку, безъ означенія года.

Ниже привожу дословную перепечатку этого стихотворенія.

ПАЛЕМОНЪ.

(Идиллія).

. . . . . .

. . . . . .

Прекраснѣйшимъ утромъ зимою
Сидѣлъ Палемонъ въ шалашѣ подъ окномъ
Дрова запасенные порою,
Пылали въ гарнушкѣ трескучимъ огнемъ;
Онъ стужи въ теплѣ не боялся,
Съ улыбкою въ поле свой взоръ простиралъ,
Картиной зимы любовался
И въ мысляхъ возврата весны не желалъ.
«О сколь ты, природа, прекрасна!
Ничто не измѣнитъ твоей красоты:
Гроза ли пылаетъ ужасна,
Ревутъ ли Бореи, цвѣтутъ ли цвѣты,—
Всегда ты во всемъ совершенна!
Какъ блещетъ равнина сквозь легкій туманъ
Дрожащимъ лучемъ озаренна!
Какой безпредѣльный снѣговъ океанъ!..
Тамъ дубы стоятъ обнаженны;
На вѣтвяхъ ихъ иней пушистый нависъ;
Тамъ ели мелькаютъ зелены;
Мѣстами чернѣетъ густой кипарисъ.
Поля и луга опустѣли;
Не видно на паствѣ гуляющихъ стадъ;
Замолкли пастушьи свирѣли,
И пѣвчія птички нахохлясь сидятъ.
Одинъ лишь снигирь краснобокій
Чирикая, скачетъ по гибкимъ кустамъ;
Лишь слышенъ глухой и далекій
Стукъ сильныхъ ударовъ цѣпа по гумнамъ;
Съ дровами лѣнивый протащится возъ...
Старикъ помѣшалъ хворостиной
Въ гарнушкѣ, и снова къ окну подошелъ
«Зима и моя наступила:
Разсыпался иней на черныхъ кудряхъ,
Оставила прежняя сила,
Погаснулъ румянецъ, игравшій въ щекахъ!
Но, ахъ! сожалѣть ли о красной
Дней юныхъ промчавшейся быстро веснѣ?
Кто младость провелъ не напрасно,
Тотъ съ ней потерялъ заблужденья однѣ.
Кто былъ добродѣтели вѣренъ
Полезенъ семейству и ближнимъ своимъ,
Тотъ долженъ быть твердо увѣренъ,
Что вѣчно пребудетъ минувшее съ нимъ
Когда я о немъ вспоминаю,
Мнѣ кажется будто какого-нибудь
Стариннаго друга встрѣчаю,
Иль вижу цвѣтами усыпанный путь!
Къ тому же: на что помѣняюсь
Любовью всеобщей моихъ земляковъ,
Которой теперь наслаждаюсь,
Достигнувши честно сѣдыхъ волосовъ?
Что можетъ иное сравниться
Съ утѣхой примѣрныхъ дѣтей воспитать,
Счастливымъ успѣхомъ гордиться,
Награду въ невинныхъ ихъ взорахъ читать?...
Подобно, какъ снова весною
Природа получитъ свою красоту,
Такъ жизнью моей молодою
Я въ миломъ Даметѣ моемъ разцвѣту!

Панаевъ.

199. **Пальмы въ Египтѣ.** Акварель работы профессора Якобія, въ четвертку.

Купленъ мною этотъ рисунокъ въ магазинѣ Ивапова, въ Спб.

200. **Памятная книжка Иркутской губерніи за 1881 годъ.** Рукопись въ листъ 20 страницъ, писана скорописью.

Въ концѣ послѣдней страницы слѣдуетъ подпись А. Соболевскій.

201. **Панегирикъ или похвальное слово Императору Александру Павловичу, поднесенное студентомъ Московскаго университета Самперомъ.**

Писано въ 1802 г. крупною скорописью на 2 листахъ.

Рукопись эта куплена мною въ книжномъ магазинѣ Мелина.

202. **Партія въ пикетъ.** Комедія въ одномъ дѣйствіи. Переводъ съ французскаго Я. Утина.

Эта рукопись писана собственноручно переводчикомъ Я. Утинымъ и расположена на 45 листахъ въ 4 д.

203. Пейзажъ, изображающій горы. Акварель художника Уербаха, исполненная въ 1878 г.- Въ четвертку.

204. Пелопонесская война. Первый періодъ войны до заключенія Никіевскаго мира. Профессора Харьковскаго университета Александра Раславскаго — Петровскаго. Въ 4 д. л. 96 страницъ

Въ началѣ рукописи авторъ указываетъ на тѣ источники, которыми онъ руководствовался для своего сочиненія.

„Главный источникъ для исторіи Пелопонесской войны,—говоритъ авторъ,—есть Ѳукидидъ, который жилъ во время этой войны и былъ свидѣтелемъ тѣхъ несчастныхъ событій, которыя мало по малу, истощивъ силы Греціи, приготовили ея политическое и нравственное паденіе. Достоинство каждаго историческаго свидѣтеля, продолжаетъ далѣе авторъ, опредѣляется двумя условіями: 1) его правдивостью и 2) возможностью хорошо знать то, что онъ намѣренъ передать другимъ. Относительно существованія этой возможности для Ѳукидида, едва ли можетъ быть сомнѣнія. До своего изгнанія онъ принималъ непосредственное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, а потомъ живя въ уединеніи, ничего не щадилъ для собранія достовѣрныхъ извѣстій *) объ интересовавшемъ его предметѣ. Еще менѣе можно заподозрить Ѳукидида въ желаніи изсказать истину, уже и потому, что такое желаніе противорѣчило бы его основному взгляду на исторію, отъ которой прежде всего онъ требуетъ назиданія и полезныхъ выводовъ для практической жизни, а для этого разумѣется необходимо, чтобы факты, принимаемые въ основаніе выводовъ, были вѣрны“.

*) См. Ѳукидидъ, кн. 1 гл. 22.

Первобытный человѣкъ.

Рисунокъ Французскаго художника Ф. Кормонъ.

205. Переселеніе въ Амурскую область. Статья А. Кириллова. Въ листъ. Часть 1-я 47 страницъ, Часть II-я 46 страницъ.

206. Плоды трудовъ прозаическихъ сочененій барона Галлера. Часть первая, содержащая въ себѣ изображеніе самовластнаго въ государствѣ Единоначалія, въ образѣ Усонга восточной повѣсти описанное; часть вторая, содержащая въ себѣ изображеніе аристократическаго или властію законовъ ограниченнаго въ государствѣ правле-

ПИЛЬЩИКИ.

Акварель художника Соколова.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

нія, въ образѣ Альфреда, короля англо-саксановъ, описанное. Перевелъ съ нѣмецкаго Николай Поливановъ. Спб. 1783 — 1784 гг. Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 8301, сказано: „Новое сей книги заглавіе см. „Увѣнчанные подвиги людей мудрыхъ и великихъ".

Книга эта напечатана была безъ указнаго дозволенія.

Въ настоящее время это изданіе въ полномъ видѣ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ.

207. Попытка созданія искусственнаго всемірнаго языка. — Собственноручная статья Ульянова, писана скорописью на 36 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

ПИЛЬЩИКИ.

Акварель художника Соколова.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

нія, въ образѣ Альфреда, короля англо-саксановъ, описанное. Перевелъ съ нѣмецкаго Николай Поливановъ. Спб. 1783 — 1784 гг. Въ 8 д. л.

У Сопикова за № 8301, сказано: „Новое сей книги заглавіе см. „Увѣнчанные подвиги людей мудрыхъ и великихъ".

Книга эта напечатана была безъ указнаго дозволенія.

Въ настоящее время это изданіе въ полномъ видѣ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ.

207. **Попытка созданія искусственнаго всемірнаго языка.** — Собственноручная статья Ульянова, писана скорописью на 36 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

ПОЛОВЫЕ.

Рисунокъ Французскаго художника Бирдслей.

Купленъ мною экземпляръ въ хорошо сохранившемся видѣ за 2 рубля.

208. Портретъ Императора Николая I-го, тканный по бѣлому атласу чернымъ шелкомъ, чудной работы сороковыхъ годовъ. Въ 4 д. л.

209. Посланіе къ Бурцеву.— Стихотвореніе А. Пушкина, писано на одномъ листѣ сѣрой бумаги, безъ означенія года; въ концѣ находится подпись: „А. Пушкинъ".

Содержаніе стихотворенія слѣдующее.

Посланіе къ Бурцову.

Ради Бога трубку дай,
Ставь бутылки передъ нами,
Всѣхъ друзей сюда сзывай
Съ закрученными усами!

Чтобы хоромъ здѣсь гремѣлъ
Эскадронъ гусаръ летучихъ,
Чтобъ на небо возлетѣлъ
Я на ихъ рукахъ могучихъ.

Бурцовъ! что, братъ, за раздолье!...
Пуншъ жестокой... хоръ гремитъ...
Бурцовъ! пью твое здоровье:
Будь, гусаръ, вѣкъ пьянъ и сытъ.

Пойтеруй, какъ пойтеруешь,
Флангируй, какъ флангируешь,
Ставь тройчеку дуракамъ,
Пики съ нею, бубенъ самъ.

Жизнь летитъ, поторопись
Удержать ее полетъ:
Пей, люби да веселись!—
Вотъ мой дружескій совѣтъ.

А. Пушкинъ.

210. Посланіе Іакову Ростовцову, въ день его юбилея 23-го декабря 1856 г. — Рукопись въ четвертку, на 4 страницахъ. Писана мелкою скорописью (безъ подписи автора).

211. Поученіе, како подобаетъ дѣтямъ родители своя чтить. Сборникъ поздняго письма XIX вѣка, писанъ скорописью на 6 листахъ (in fol).

[redacted]

Рукопись куплена мною въ Спб. въ книжномъ магазинѣ Иванова.

212. **Похожденія Чичикова, или мертвыя души.**—Поэма Николая Гоголя—Рукопись XIX вѣка, въ четвертку, на 350 страницахъ, писана скорописью.

213. **Поэма «Войнаровскій»**—Рылѣева. Рукопись, писанная скорописью, на 96 страницахъ.

Въ концѣ поэмы слѣдуетъ подпись: „Рылѣевъ".

Рукопись куплена мною въ рынкѣ за 3 рубля.

214. **Поэма «Демонъ»**—М. Лермонтова. Рукопись XIX столѣтія, писанная скорописью на 30 листахъ.

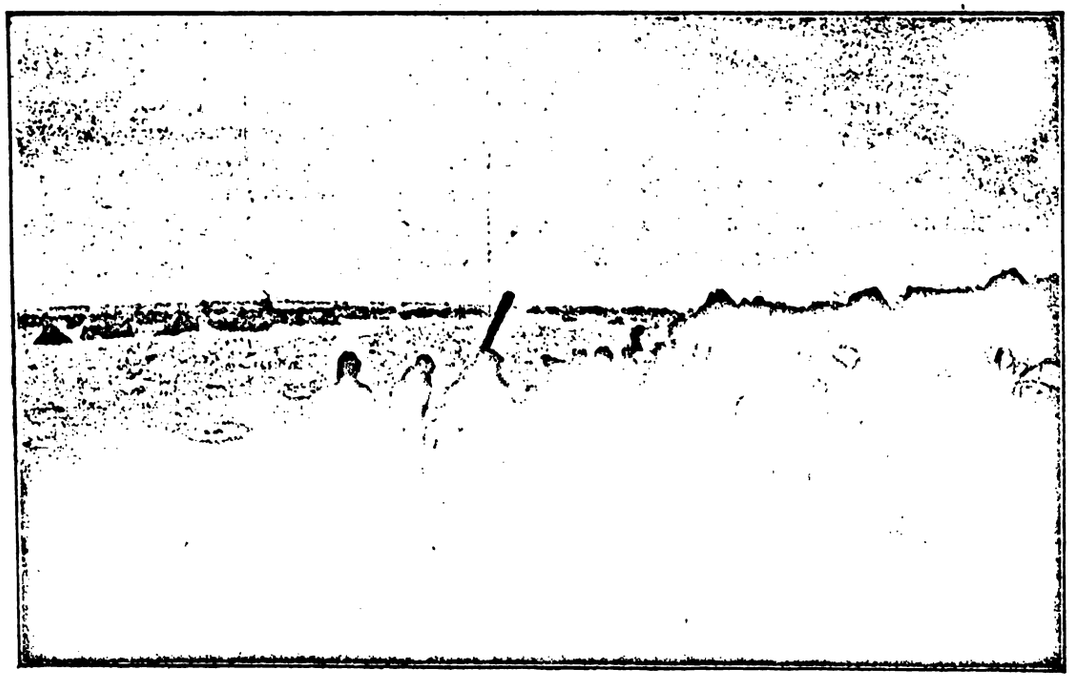
Поэма писана на тонкой почтовой бумагѣ, хорошимъ правильнымъ почеркомъ.

На послѣднемъ листѣ подпись —„М. Лермонтовъ".

215. **Поэтъ и издатель.** Сатирическая картина, изображающая поэта читающимъ свои стихи издателю.

Рисовалъ Фольцъ въ 1811 году.

216. **Право суда и помилованія, какъ прерогативы россійской державности (сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе) общая и особенная часть. С.-Петербургъ, 1899 года и приложеніе къ особенной части. К. Ф. Хартулари.** Рукопись въ листъ 12 страницъ.



ЗАТОПИЛО.

Съ картины художника А. Попова.

217. Правовѣдъ. Рукописный журналъ. № 1. Изданіе VII класса. 1890 года. Писано скорописью, въ 4 д. л. 20 страницъ.

Въ журналѣ помѣщены слѣдующія статьи.

I. Къ читателю (за подписью Саруханъ Бекъ).
II. Элегія. Г. Н. Врешени.
III. Милліонеръ. Современная повѣсть. Г. Н. Врешени.
IV. Посвящается N. N. Стихотвореніе Г. Н. Врешени.
V. Сонъ (за подписью Р. Р. К.).
VI. Акростихъ.
VII. Почтовый ящикъ.
VIII. Анекдоты.
IX. Щекотливый вопросъ.
X. Шахматы.
XI. Шарады (за подписью Бекъ).
XII. Объявленія.

218. Предисловіе къ картинѣ П Ѳ. — „Поправка обстоятельствъ или женитьба маіора". — Рукопись XIX вѣка, въ 4 д. л. 106 страницъ. Писано красивою и четкою скорописью неизвѣстнымъ авторомъ и содержитъ въ себѣ юмористическое описаніе житья-бытья одного гарнизоннаго маіора и его женитьбы на купеческой дочери „ради поправки обстоятельствъ".

Считаю не лишнимъ привести здѣсь перепечатку этого забавнаго произведенія.

Къ моимъ читателямъ,
Моихъ стиховъ строгимъ разбирателямъ.

Ктобъ ни былъ добрый мой читатель:
Родной вы мой, или пріятель,
Теперь хочу я васъ просить
Къ моимъ стихамъ не строгимъ быть.
Я не отъявленный писатель,
Хоть я давно пишусь съ перомъ,
Да то перо—что носятъ въ шляпѣ,
А что писатель держитъ въ лапѣ,
Я съ тѣмъ, ей-Богу, не знакомъ,
И не пускаюсь въ сочиненья,
А ужъ особенно въ печать.
Меня судьба—отецъ да мать,—
Назначили маршировать,
Ходить въ парады, на ученья,
Или, подчасъ—въ кровавый бой
(За славой, иль на убой).
Но какъ отъ русскаго штыка
Дыра довольно глубока,
Враги всѣ наши присмирѣли,
Ругая насъ изъ-далека,
Тревожить явно ужъ не смѣли,
То я спокойно десять лѣтъ,
Безъ пуль, картечъ и разныхъ бѣдъ
Возился службой гарнизонной.
Вотъ доводъ, кажется, резонный,
Что не могу я быть поэтъ.
Не правда-ль!... Не угодно-ль стать
Во фронтъ поэту записному?
Да не угодно-ль помечтать?
Или начальнику иному
Рапортъ стишками написать:
Хоть будь вполнѣ литературно,
Да не по формѣ—скажутъ: дурно!
Начальникъ распечетъ—и правъ:
Чего тутъ сочинять, гдѣ есть уставъ?
Малѣйшій шагъ или движенье—
Тамъ все обдумано давно
И съ васъ потребуютъ одно
Слѣпое лишь повиновенье,—
И распекутъ за сочиненье.—
Иль пусть какой нибудь поэтъ,
Какого лучше въ свѣтѣ нѣтъ,
Слетаетъ въ бѣсу на расправу,
То есть—на сутки на заставу:
Займись тамъ выспренной мечтой,
Да подорожной хоть одной
Не просмотри, пренебреги,
Да на звонокъ не побѣги,—
Такого зададутъ трезвона,
Забудешь всѣхъ:—и Аполлона,
И девять Музъ и весь Парнасъ.
Нѣтъ! нѣкогда зѣвать у насъ.
Солдатъ весь вѣкъ, какъ подъ обухомъ
Тревоги жди пугливымъ ухомъ;
Поэты жь любятъ всѣ покой.
А ужъ у насъ покой какой?
Для стихотворнаго народа
Всегда торжественна природа;

Ему мила и непогода,
Онъ все поётъ и дождь и громъ,
И вѣтра въ осень завыванье,—
Самъ льетъ въ стаканъ спокойно ромъ,
Сядь въ теплѣ; нѣтъ, въ нашей шкурѣ
Попробуй гимны пѣть натурѣ;
Воспой-ка ручейки тогда,
Какъ въ сапогѣ бурчитъ вода;
Воспой подъ дождь въ одномъ мундирѣ,
Когда при строгомъ командирѣ,
Деньщикъ твой прогнанный въ обозъ
Твою шинель упрячетъ въ возъ;
Иль въ сюртукѣ въ одномъ, въ морозъ,
Постой, начальство ожидая,
Тогда какъ пальцы замирая
Не въ силахъ сабли ужъ держать,
Наволь-ка въ руки лиру взять.
Да грянь торжественную оду
На полунощную природу.
Нѣтъ, милый!... рта не разведешь
И волчью пѣсню запоешь.—
Поэтамъ даже сводъ небесный
Какой покосъ даетъ чудесный!...
А намъ?... красавица луна
Напомнитъ только ночь безъ сна
На аванпостахъ; ясный
Луна и Фебъ—поэтамъ хлѣбъ;
А намъ отъ Феба пыль да жарко;
Намъ Фебъ злодѣй, коль свѣтитъ ярко;
Онъ намъ не недругъ лишь когда
Вблизи холодная вода.
И эти звѣзды, что высоко,
Что въ поэтическое око
Такъ бриліантами блестятъ,
Намъ дальностью своей твердятъ,
Что и до звѣздъ земныхъ далеко
(Съ прибавкой славы и любви).
Вотъ все, что въ пышущей крови
Вздымаетъ сильное броженье,
Это кипятитъ воображенье.
А нашъ?... нашъ братъ ослѣпъ, оглохъ
Намъ это все къ стѣнѣ горохъ!
Блаженство наше: чарка въ холодъ,
Да ковшъ воды въ жару, да въ голодъ
Горячихъ миска щей, да сонъ
Да преферансъ; а Аполлонъ
И съ Музами спроваженъ вонъ.
И даже самая любовь
Хотя подъ часъ волнуетъ кровь,
Да только кровь!... а сердце... дудки!
Насъ не подлѣть на незабудки,
На нѣжности; нашъ идеалъ:—
Намъ подавай-ка капиталъ.
Затѣмъ, что вѣдь и въ насъ, мы знаемъ
Не лично мы прельщаемъ,
Прельщаетъ чаще нашъ мундиръ
Россійскихъ барышень кумиръ.
Смѣшно жъ намъ безкорыстныхъ строить:
Одно должно другаго стоить
(Объ совѣсти ни слова тутъ).
Но если жъ мишуру берутъ
Взамѣнъ святой любови личной...
Такъ ужъ умнѣе взять наличный
За это капиталъ. У насъ
Примѣровъ всякихъ есть запасъ:
Есть, точно, по любви женаты,
Да что они? Бывало хваты,
Теперь кислятины, ухваты.
Вѣкъ плачутъ о пустой сумѣ
Съ роптаньемъ, и сказать ужасно!
На добродѣтель ропщутъ гласно!
Они, завидуя ворамъ,
Скорѣе къ выгоднымъ мѣстамъ
Бѣгутъ казной отогрѣваться
Казной за голодъ отъѣдаться
Межъ тѣмъ, иной какъ холостъ былъ,
Глядишь, честнѣйшимъ малымъ слылъ.
Выходитъ, что жена и дѣти—
Лишь только дьявольскія сѣти!
Безъ золота,—такъ вотъ любовь!—
Ей тоже денегъ подготовь!
Не то готовь и скорбь и слезы.
Гдѣ жъ тутъ поэзія, гдѣ розы,
Тѣ розы вѣчныя, о коихъ такъ твердятъ?
Любовь безъ денегъ просто ядъ,
И ядъ тѣмъ болѣе опасный,
Что онъ на вкусъ такой прекрасный:
Лизнешь,—не хочется отстать.
А полюбить да не жениться,
Такъ право лучше утопиться,
Да и топился не разъ:
Вѣдь есть же Лизинъ прудъ у насъ.
Когда же съ жизнью жаль разстаться—
Душой и тѣломъ вѣкъ больной
Ты будешь по свѣту шататься,
Всегда разсѣянный, шальной,
И стало быть всегда смѣшной.
Ну, вотъ влюбленныхъ перспектива!...
Нѣтъ!... Эта цѣль не такъ красива,
Чтобы любовь боготворить,—
Намъ съ нею каши не сварить!

Теперь мы примемся за славу,
Необходимую приправу
Поэзіи. Но славѣ пиръ
Даетъ война, а тутъ былъ миръ
Съ трубою; съ крыльями кумиръ
Не принимаетъ приношенья
Отъ тѣхъ, кто знаетъ лишь ученья,
Парады, лагерь, караулъ.
Поэзію онъ въ уши трубитъ
Лишь тѣмъ, кто больше губитъ, рубитъ,
Кто кровь людскую льетъ рѣкой;
Я жь? десять лѣтъ моей рукой
Махалъ на вольномъ только шагѣ,
Другой ей не было отваги,
И мой смиренный кроткій мечъ
Не зналъ кровавыхъ, грозныхъ сѣчъ.
Тупой родясь, умретъ не точенъ,
Въ крови предъ славой не пороченъ;
Служить ей могъ, лишь какъ косарь
Щипать лучины подъ алтарь,
А груды тѣлъ, а крови рѣки
Принесть ей въ даръ... не въ томъ знать вѣкѣ
Ошибкой родился мой мечъ.
И такъ объ славѣ кончимъ рѣчь.
Ну вотъ и все, чѣмъ стихъ поэта
Питался отъ начала свѣта.
Еще пересчитаемъ вновь:
Природа, слава и любовь.
Иное, точно, кровь мутило,
Да не до риѳмъ тогда мнѣ было!
Мутило съ желчью пополамъ.
Иное вовсе чуждо намъ.
На чемъ же тутъ душѣ развиться?
Воображенью порѣзвиться?
Пускай разсудитъ цѣлый свѣтъ.
Поэзіи тутъ вовсе нѣтъ!...
Гдѣ жь было мнѣ практиковаться
И чистоты въ стихахъ набраться
Такой, чтобъ критикъ злой иной
Не отыскалъ стишокъ больной.
Не придирайтесь Бога-ради,
Пока стихи еще въ тетради,
Пока не сжались подъ станокъ.
Я самъ къ печатнымъ очень строгъ.
Въ печать не лѣзу,—знакъ смиренья...
А это стоитъ снисхожденья!

Глава I.

Разсужденіе маіора.

Вотъ маіоромъ десять лѣтъ,
А надежды нѣтъ, какъ нѣтъ,
Въ подполковники подняться:
Все смотры мнѣ не клеятся,
Все робѣю на смотрахъ,
Слово—смотръ,—наводитъ страхъ.
Право, хуже всякой бабы!...
Нервы, что-ли, стали слабы,
Ужъ не знаю, а всегда
На смотру, гляди—бѣда!
Чуть начальникъ впереди
Покажись,—стѣснитъ въ груди
И какъ иглами уколетъ,
Весь вздрогнешь, по тѣлу холодъ
И мурашки пробѣгутъ,
Зубы дробь во рту забьютъ,
Какъ въ каретѣ стекла, волосъ
Станетъ дыбомъ, рвется голосъ
И какъ туча змѣй, ужей
Такъ ж.. ж... мимо ушей
Слышишь, въ голову несется
Кровь, весь черепъ разогрѣется,
Звонъ глухой гудитъ въ ушахъ,
Звѣзды бѣгаютъ въ глазахъ,
Поле будто все кружится...
И изволь тутъ отличиться!
Пить для храбрости?... и пилъ,
Да лишь вовсе накутилъ.
Позапрошлый годъ стояли
Мы въ каре и всѣ стрѣляли.
Вдругъ командуютъ: впередъ!...
Съ фланга!—мнѣ пришелъ чередъ.
Ужъ не даромъ ненавижу
Я каре!—Засуетился,
Тутъ забылъ назначить фасъ,
Гаркнулъ просто: маршъ!... Что же вижу?
Фасы, кто куда лещемъ,
Какъ стояли, врознь крестомъ
Дуютъ, дуютъ по долинѣ,
Я жъ торчу одинъ шестомъ,
Одурѣвши въ серединѣ.
Музыканты тоже врознь:
Кто куда; бѣда—хоть брось!...
Не забуду и понынѣ
Я объ этомъ тяжкомъ днѣ.
Какъ тогда досталось мнѣ!
Какъ тогда со всѣхъ сторонъ,
Какъ на падаль тьма воронъ

На меня поналетѣли
Командиры!—Ѣли, ѣли,—
Какъ душа осталась въ тѣлѣ?
А начальники у насъ,
Расходившися подчасъ—
Матушки мои! какъ хлещутъ!
А иные этимъ блещутъ.
Прошлый годъ, судьбѣ на зло,
Мнѣ какъ будто повезло;
На смотру и въ построеньяхъ
Лучше шло, чѣмъ на ученьяхъ.
Я ошибся только разъ,
Да и то дымъ пушекъ спасъ.
Ну! я думалъ,—въ добрый часъ!
Чтобъ не сглазить! Передъ старшимъ
Церемоніальнымъ маршемъ
Намъ пройти ужъ непочемъ!
Не замѣченный ни въ чемъ
Вѣрно буду я представленъ,
Планъ ужъ былъ въ умѣ составленъ,
Какъ полковника схвачу,
Какъ и выше полечу
И въ мечтахъ лечу, лечу...
Вижу армія большая,
Все колоннами идутъ,
И знамена преклоняя,
Всѣ мнѣ почесть воздаютъ;
Барабаны громко бьютъ;
Громко музыка играетъ
И народъ вокругъ зѣваетъ.
Дамы! такъ ко мнѣ... а я
Такъ лорнирую свободно...
Но! постой мечта моя!
На яву идутъ по взводно.
Вотъ идутъ, идутъ, идутъ,
Ровнымъ тактомъ землю бьютъ.
Поле чистое трясется,
Эхо ближнихъ рощъ и горъ
Вторитъ музыкальный хоръ.
Сквозь аккорды крикъ несется
Радъ стараться ваше... ство!
И на лицахъ торжество.—
Взводъ щетинистый грядою
Взводъ смѣняетъ чередою,
Все впередъ, впередъ, впередъ,—
Вотъ подходитъ мой чередъ.
Радъ—и страшно сердце бьется,
Что, какъ вдругъ съ ноги собьется,
Батальонъ мой?... Никогда!
Нѣтъ, взошла моя звѣзда!..
Но! и вдругъ мечта остыла,
Точно громомъ поразило,
Точно съ неба слышу... стой!...
Барабановъ смолкнулъ бой
Смолкло все; остановилось;
Разомъ въ землю пригвоздилось,
Замерло... лишь тамъ и сямъ
Потихоньку по рядамъ
Офицеры пробѣгаютъ
И ряды свои ровняютъ.
Вотъ и тѣ ужъ по мѣстамъ.
Стой; зачѣмъ?—никто не знаетъ.
Ни гу-гу! всѣ чего-то ожидаютъ,
Всѣ боятся... Но зачѣмъ,
Для чего бояться всѣмъ?...
Есть за всѣхъ одинъ несчастный!...
Это я! О! рокъ ужасный!
Такъ и есть! въ мой пятый взводъ
Прямо корпусной идетъ.
Вотъ всевидящее око!
Онъ подмѣтилъ издалека
У канальи у одной
Въ пятомъ взводѣ по сумой
Съ табакомъ кисетъ простой.
Погубилъ меня взводъ пятый!
Ждалъ схватить иль чинъ, иль крестъ,
А попался подъ арестъ.
Хуже жь всѣхъ годовъ мнѣ это
Было нынѣшнее лѣто.
Только третій боевой,
Какъ пойдетъ,—хоть волкомъ вой!
Зналъ претвердо на ученьи,
Тутъ не то,—нашло затмѣнье.
Я жолнера по утру
Какъ просилъ я, на смотру
Показать мнѣ.. Вишь, лукавый,
Все объ Лёлинькѣ кудрявой,
О своей видно мечталъ,
Въ головѣ все, видно, балъ...
Молодежь!... А мнѣ отъ бала
Отъ его, ужъ такъ попало,
Хоть въ отставку подавай!—
Эхъ, отставка! Вотъ такъ рай!
Никакихъ смотровъ не знай,
Самъ себя лишь только знаешь,
Самъ себѣ лишь отвѣчаешь.
Вотъ другимъ везетъ! А я?
Знать такая колея!
Больше ль знаетъ Потогрѣевъ?
Иль умнѣй меня Матвѣевъ?
Ха, ха, ха! или Рубцовъ?
Ужъ глупѣйшій изъ глупцовъ
А Зубановъ съ красной рожей,
На говядину похожей,

А Бершансъ, а Мухно?
Всѣ полковники давно.
Всѣ съ полками; набиваютъ,
Чай, карманъ, да поживаютъ,
Какъ царьки... Одинъ лишь я
Просто дрянь судьба моя!
Всюду запятыя, точки;
Знать родился не въ сорочкѣ...
Нѣтъ, довольно! рѣшено!
Выйду ужъ: пора давно
На покой! Чего тутъ ждать?
Чтобъ каждый смотръ обидно
Передъ фронтомъ срамъ глотать?
А уставъ мудренъ! мнѣ видно
Нечего тутъ больше ждать:
Генераломъ не бывать.
Да и это не завидно.
Ну, полковникъ, генералъ,—
Экой важный капиталъ!...
Что отъ этого прибудетъ?
И тогда начальство будетъ,
Будутъ также распекать.
Да тогда еще стыднѣе.
А вѣдь съ чиномъ не умнѣе
Станешь, также будешь врать.
Содержанья и прибудетъ,
Такъ расходовъ втрое будетъ.
Надо ужъ себя держать
На вельможскую стать;
И шитье, да и нельзя же
Обойтись безъ экипажа.
Голь какъ нынче будетъ таже!...
Вышелъ бы, да вотъ бѣда...—
Чѣмъ кормиться то тогда?
Пенсіонъ!.. Велико дѣло!
А ужъ крѣпко надоѣло!
Развѣ къ статскимъ перейти,
Отъ смотровъ лишь бы уйти.
Но и тамъ... бѣда повсюду!...
Въ статской я надворный буду;
А надворный тамъ великъ...
Тамъ надворный безъ сомнѣнья
Ужъ начальникъ отдѣленья.
Я жъ къ бумагамъ не привыкъ.
Чтожъ я буду за начальникъ?
Мнѣ любой столоначальникъ
Завернетъ вездѣ ковыкъ.
Тамъ, гдѣ взять—себѣ оставитъ
Ту бумажку мнѣ предъявитъ
Ту, съ которою бѣда...
И распутывайся тогда!
А какъ дѣлъ-то самъ не знаешь,
Да въ законахъ не смѣкаешь,—
Не подскажетъ важный чинъ;
И не справившись одинъ,
По неволѣ всякой мошкѣ
Поклонись чернильной въ ножки,
А не то—тебя подъ судъ
Эти мошки упекутъ.
Въ статской важны чинъ да званье;
Но важнѣй законовъ знанье,
Впрочемъ есть и тамъ мѣста,
На которыхъ испроста,
Безъ особенной науки
Можно грѣть порядкомъ руки.
Не объ жалованьи рѣчь—
Совѣсть можно сбросить въ печь.
Не такіе нынче годы,
Говорится про доходы.
Напримѣръ коммиссаріатъ,
Или провіантскій штатъ.
Есть полиція, таможня...
Вотъ ужъ, говорятъ, тамъ можно...
Только съ прочими дѣлись,
А иного берегись.
Чортъ возьми! да я бъ дѣлился,
Да за то-бъ и самъ нажился.
Этакъ бы сначала домъ
Въ пять этажей, да притомъ
Чтобъ и въ немъ всего биткомъ.
Послѣ сбилъ бы по маленьку
Въ хлѣбномъ мѣстѣ деревеньку,
А хозяйствомъ править лѣнь,
Клалъ въ ломбардъ на черный день
Чистоганъ, когда бы нажилъ
Я бъ раскланялся и зажилъ,
Какъ второй Сарданапалъ;
И тогда лишь сдѣлай балъ,
Глядь,—въ числѣ гостей попалъ
Съ увѣреніями въ дружбѣ
Тотъ, кто встарину на службѣ
Со свѣту тебя сживалъ.—
Принимая всѣхъ радушно,
Я бъ простилъ великодушно
Прошлое врагамъ моимъ;
Я бы даже на смѣхъ имъ
Задавалъ обѣды часто.
Ваше пре.....ство тогда ужъ баста!...
Климъ Матвѣичъ, Петръ Лукичъ,—
Поименно просто кличь!...
Вотъ къ такому бы мѣстечку
Пріютиться человѣчку,—
Славно бъ! кто жъ добру не радъ?
Только вотъ, что говорятъ,

Что туда безъ денегъ врядъ
Попадешь; подсунуть надо,
Да вѣдь какъ? изчадья ада!...
Ужъ нельзя сказать—берутъ,
Чисто на чисто дерутъ,
Начиная съ самой справки!
Ты придешь, какъ точно въ лавкѣ
Тамъ на все ужь такса есть,
И не стоитъ мало несть;
Единичными рублями
Тамъ съ простыми писарями
Не получишь; имъ на чай
Тожъ полсотеньку подай.
Вотъ тогда языкъ развяжутъ
И вниманіе покажутъ
И научатъ и уму,
То есть сколько и кому
Положить въ суму,
Да и въ руки ль самому;
Можетъ гдѣ важнѣй супруга
Иль секретная подруга,
Что и къ нимъ съ поклономъ снесть,
Гдѣ и къ нимъ лазѣйки есть;
Вѣдь съ бумагами ему чай
Неровенъ бываетъ случай.
Часто въ ночь... Такъ дай ему...
Умный писарь членъ въ дому;
Онъ и тамъ смекнетъ дѣлишкомъ
Гдѣ,—хоть это рѣдко слишкомъ,
Что начальникъ правовѣдъ,
Иль студентъ, задорныхъ лѣтъ,
Щекотливъ вдругъ до дохода,
(Вѣдь въ семьѣ не безъ урода),
Ихъ глупцами и зовутъ.
Ну такъ писарь вѣрно тутъ,
Какъ всегда на шагъ отъ плюхи,
Знаетъ хоть когда онъ въ духѣ.
Чтожь? и это вѣрный ключъ.
Громъ гремитъ не все изъ тучъ,
Часто изъ... Такъ писаря,
Откровенно говоря,
Даромъ что ли прижимаютъ?
Нѣтъ! себѣ, чай, цѣну знаютъ.
Съ виду—мошки, а министръ,
Какъ не будь умомъ онъ быстръ
И глубокъ, а донесенье
Иль секретное рѣшенье
Пишетъ самъ ли?... Писаря
Четко, должно для царя,
А министру до того ли?
У великихъ всѣхъ людей
Быстро бьетъ фонтанъ идей;
Въ спѣхѣ брызжетъ по неволѣ,
Да наставитъ лишь крючковъ,
Почеркъ геніевъ таковъ!
А иной бы радъ стараться,
Да спасуетъ... и признаться,
Поглядишь, барчата всѣ
Бойко мелютъ по французѣ,
А взгляни въ чистописанье,
Тотчасъ встрѣтишь оправданье:
«Контанистовъ что ли нѣтъ?..
Это низко нашимъ чадамъ!»
Русскій умъ нашъ крѣпокъ задомъ;
А вотъ тутъ съ писцемъ секретъ
Государственный и важный
Раздѣли... Хоть не продажный
Этотъ писарь, можетъ быть,
Да мадерцы какъ не пить?
Часто не хотя напьешься;
А напился—и провреться,
И что чтется за секретъ,
Глядя! обходитъ ужъ весь свѣтъ.
И шути тутъ съ писарями!
Еще милостивы съ нами.—
Много ль есть учителей,
Чтобы смыслъ науки всей,
Сокъ въ ученьи столь глубокомъ:
Какъ достать мѣстечко съ сокомъ,
Передалъ однимъ урокомъ,
И полсотни только взялъ?
Безкорыстья идеалъ!...
Право, сотню дамъ охотно,—
Вотъ купивъ себѣ маршрутъ,
И карманъ набивши плотно,
Отправляйся выше тутъ.
Тутъ ужъ тысячи берутъ,
Выше—ужъ десятки тысячъ.—
Охъ бы, ихъ на конной высѣчь...
Но неволѣ послѣ всякъ,
Заплативъ за мѣсто такъ,
Все вернуть скорѣй захочетъ,
И какъ жадный волкъ наскочитъ
Вымѣщать все надъ казной.
И безсовѣстно иной
Вслухъ кричитъ: «казна богата.
Грѣхъ обидить ближнихъ, брата;
У казны не грѣхъ украсть;
Есть кому ее накласть!
Коль казны и не достанетъ,
Такъ министръ кой-какъ натянетъ:
Министерскій умъ глубокъ,
Онъ изъ камня выжметъ сокъ,
И казна опять богата!»

Такъ забывши все, что свято,
Разсуждается у насъ.
Только если въ добрый часъ
Совѣсть какъ нибудь разбудимъ,
Иначе совсѣмъ разсудимъ,
И увидимъ, что казна
Не для кражи собрана:
Сборы всѣ и приношенья
На благія учрежденья
Съ насъ правительство беретъ.
Стало, кто казну деретъ,
Тотъ у ближнихъ благо крадетъ...
Пусть кто хочетъ, душу гадитъ,
Мнѣ жъ такихъ не надо мѣстъ,
Совѣсть грозная заѣстъ.
Все терпѣніемъ залѣчимъ.
Да притомъ... подсунуть нечѣмъ.
Шарфъ на выжигу, темлякъ?
Ну хоть два, хоть три, да знакъ!
Вотъ и все... Нѣтъ, съ этимъ дудки!
Съ этимъ близъ трактира будки
Не получишь. Вотъ мечтай,
Замки строй и разсуждай...
Ноль на ноль сто разъ помножь,
Да въ итогѣ будетъ тожъ.
Всюду—деньги. Даже въ рай
Хочешь,—денежекъ подай!
Хоть умри безъ покаянья,
Но когда есть состоянье,
Лишь пожертвуй въ церковь вкладъ,
Да побольше,—что тутъ адъ?...
Нипочемъ! Весь вѣкъ молиться
Будетъ пастырь за тебя;
А безъ денегъ—за себя
Самъ молись. Бѣда, коль грянетъ
Невзначай послѣдній часъ
И застанетъ средь проказъ
Бѣдный! кто тогда предстанетъ
Предъ Судьей на Небесахъ
Выручать тебя въ грѣхахъ?
Кто врата отворитъ рая?
Чья молитва? Отпѣвая,
Пастырь, самъ, какъ бы стыдясь
Бога за тебя, свой гласъ
Не возвыситъ въ пѣсни сладкой,
А какъ будто бы украдкой
Онъ сквозь зубы надъ тобой
«Со святыми упокой»
Проворчитъ въ скороговорку,
И въ червивую каморку
Не проводитъ бѣдняка,
Вишь, отъ церкви далека.

Съ громкой, стройною мольбою
Надъ богатымъ къ небесамъ
Изъ кадила фиміамъ
Вьется пышною, густою,
Ароматною волною
Бѣднымъ фиміамъ иной:
Имъ, посмотришь, и кадило
Только, только бы чадило!
Деньги, деньги счастья ключъ!
Но, постой, надежды лучъ
Не совсѣмъ угасъ покуда,
Не совсѣмъ еще мнѣ худо,
Дай-ка я за умъ возьмусь!
Почему я не женюсь?
Да! женюсь! и на богатой;
Дамъ щелчка судьбѣ рогатой!
Какъ богатой мнѣ не взять!
Иль невѣстъ богатыхъ мало?...
Иль во мнѣ что не достало?
Чѣмъ не мужъ я, чѣмъ не зять!
Штабъ... густые эполеты,
Шпоры, конь, усы и лѣта...:
Чтожъ! Въ порѣ я, просто хватъ!...
Хоть немножко толстоватъ...
Это возбудитъ почтенье;
Хуже же если бъ былъ худой,
Скажутъ: вѣрно онъ больной,
Иль дурнаго поведенья.
Все, что надобно женѣ
Ждать отъ мужа, есть во мнѣ.
Чинъ—высокоблагородный,
И притомъ собой дородный.
Чтожъ еще? ужъ для купчихъ
Это сущій кладъ женихъ.
Кстати, слышалъ, у Кулькова,
У подрядчика лѣснаго,
У купца-бородоча,
Хлѣбосола зеленнаго
Ужъ назначенъ милліонъ
Дочери; когда-бъ онъ
Отдалъ мнѣ ее! не худо!
Аппетитненькое блюдо!
Право! Нечего зѣвать,
Надо сваху засылать,
А потомъ принарядиться
Поновѣй, попадушиться,
Можно и духовъ достать,
И помады, хоть у франтовъ,
У бригадныхъ адъютантовъ;
Взять у нихъ же орденокъ,
Да батистовый платокъ,
Да часы,—на случай,—съ дочкой

Коль придется говорить,—
Пальцемъ баловать съ цѣпочкой,
И посочкомъ такту бить.
Шарфъ надѣть, позвонче шпоры,
Да поднявши плечи, грудь,—
Эполетами тряхнуть,
Да погромче въ разговоры...
Посмотрю я, какъ тогда
Мнѣ откажетъ борода!
Но откажется отъ чести
Шутка ли, къ маіору въ тести!
Съ бородой, въ сибиркахъ тести,
Деньги есть, такъ ищутъ чести.
Разъ при мнѣ одинъ купецъ
Мужа дочери смекая
Какъ заботливый отецъ,
Всѣ сословія сличая,
Вотъ что вывелъ наконецъ:
«Выдать за купца не худо,
Да не худо, какъ покуда
Хорошо дѣла идутъ,
Но бѣда подчасъ и тутъ:
Сколько бъ въ руки не попало
Денегъ кажется все мало;
Какъ бы ихъ учетверить—
Въ оборотъ рискнетъ пустить,
Да съ казной въ подряды вступитъ,
Думая, что вотъ то слупитъ!...
Анъ, глядишь,—въ капканъ попалъ:
Поминай свой капиталъ!
До ковша въ дому опишутъ,
Да въ мѣщане перепишутъ,
А мѣщанинъ же, что холопъ!
Чуть наборъ,—забрѣютъ лобъ.
Зять солдатъ, а дочь солдатка,
Нѣтъ; для батюшки не сладко;
Я умри, умри жена,
Дочь пропадшая, она
Иль на мѣстѣ оставайся
Вѣкъ замужнею вдовой.
Иль цыганкой вѣкъ шатайся,
Иль.... вотъ подчасъ,
Что случается у насъ.
У купцовъ отъ оборотовъ
Долго-ль дѣло до банкротовъ!
А коль чуть остерегись,
Съ капитальцемъ поприжмись,
Такъ бѣда отъ патріотовъ,
Только и звенитъ въ ушахъ,
Что торговля де въ рукахъ
Наша вся у иноземцевъ,
Англичанъ, французовъ, нѣмцевъ,
А что наши де купцы
Просто неучи, глупцы.
Вотъ какъ хочешь и вертися.
Впрочемъ, если попадися
Зять почетный гражданинъ!
А! тутъ не кафтанъ одинъ
Шитый; тутъ ужъ есть и льготы.
Впрочемъ, все же обороты...
То ли дѣло дворянинъ!
По уму хоть будь не годенъ,
И душой не благороденъ,
Все тебѣ онъ господинъ.
Хочетъ спитъ, а хочетъ служитъ
Хочетъ,—воспитаетъ самъ;
Нѣтъ,—раздаетъ по корпусамъ.
И того же нѣтъ: все барчаты
Не посмѣютъ взять въ солдаты.
Но коль выше забирать,
О! такъ надобно, чтобъ зять
Непремѣнно былъ военный.
Этотъ самый санъ почтенный!..
Ни фальшивыхъ нѣтъ вѣсовъ,
Тутъ ни взятокъ, ни крючковъ,
Что въ другихъ такъ ненавистно,
Тутъ все чисто, безкорыстно,
Отъ того-то какъ магнитъ,
Такъ мундиръ къ себѣ манитъ.
Вотъ кто съ чистою душою,
И невинной простотою;—
Дѣти,—дай имъ барабанъ,
Дай гусарскій доломанъ,
Саблю, знамя, а въ предметѣ
У дѣвицъ въ семнадцать лѣтъ, въ глуши
живетъ, хоть въ свѣтѣ,
Всюду вѣчно эполетъ,
Шпоры, усики, колетъ.
Да и всѣ, явись въ мундирѣ,
Всѣ даютъ дорогу шире.
Да еще бы, кто же насъ
И спасаетъ въ грозный часъ!
Шутка, право, не легка вѣдь,
Лобъ и грудь свою подставить,
Чтобъ другой тѣмъ былъ прикрытъ.
И за все лишь полусытъ!
По неволѣ уваженье
Къ нимъ питаешь и почтенье.
Только нѣмцы на Руси
(Боже насъ отъ нихъ спаси!).
То есть тѣ, что здѣсь торгуютъ,
Про мундиръ всегда толкуютъ,
Что не стоитъ онъ гроша,
Видишь, нѣтъ въ немъ барыша;

Говорятъ, вишь—гольденъ трессенъ,
Аберъ только нихтъ цуфрессенъ!
Съ жиру бѣсятся они,
А на совѣсть загляни...
Что все держитъ? Штыкъ россійскій.
Что же: прусскій иль австрійскій,
Или швабскій ихъ какой
Въ свѣтѣ водворитъ покой,
Чтобъ спокойно поживали,
Да спокойно торговали?
Э! да что и говорить!
Бросивъ родину святую,
И на вѣкъ въ страну чужую
За однимъ лишь барышемъ
Кто бѣжитъ,—что толку въ немъ?!
Ужъ плохіе эти братья;
Ихъ Іудины объятья.
Деньги бары къ нимъ везутъ,
Деньги сами здѣсь сосутъ.
И живутъ, какъ бары, пышно.
Въ благодарность, только слышно,
Все мерещится имъ кнутъ,
А народъ зовутъ рабами
И безчастными плутами.
Честенъ нѣмецъ въ мелочахъ,
Только царство ихъ въ бѣдахъ,
Вѣкъ Россія выручала.
Чтожъ, своихъ сыновъ чтоль мало
У отечествъ славныхъ ихъ?
Нѣтъ, не мало, коль отъ нихъ
Намъ—и дома мы—а тѣсно.
Для чего жъ имъ не извѣстна
Плутовская наша честь
Рабская?—Все въ жертву несть,
Чтобъ спасти страну родную?
Съ честь ихъ забравши сбрую,
Деньги трубку и кисетъ,
Всякій тамъ бѣжитъ отъ бѣдъ,
Чтобы какъ въ тревогѣ шумной
Свой титулъ—благоразумный,
Раззорязь не запятнать,
Чтобъ у насъ имъ щеголять.
Чести онъ у нихъ замѣна;
Ниночемъ у нихъ измѣна;
Такъ отъ нихъ нельзя и ждать,
Чтобы должное воздать
Безкорыстной чести ратныхъ:—
Это чуждо душъ развратныхъ,
Словомъ, что корысть не ври,
А посмотришь—все цари
И у насъ и въ цѣломъ мірѣ
Отчего всегда въ мундирѣ?
Знать въ мундирѣ что то есть,
Что ему такая честь».
Такъ судилъ купецъ разумный;
А мнѣ кажется Кульковъ,
По числу тугихъ мѣшковъ,
Тоже, чай, не полоумный;
Онъ, чай, также судитъ самъ;
А чего жъ и нужно намъ?—
Слухи жъ ходятъ объ невѣстѣ
Таковы, что ей не къ чести.
Но она быть можетъ, тутъ,
Какъ ни въ чемъ; вѣдь это плутъ
Распустилъ все Курозвоновъ
Подпоручикъ. Но его
Я, вѣдь, тоже изъ бурбоновъ;
У него, вѣдь, ничего
Нѣтъ святаго; хвастунишка,
Фанфаронишка, мотыжка,
Хуже нѣтъ въ полку у насъ,
А посмотришь, какъ, подчасъ,
Носъ подыметъ, глазки съузитъ,
Зафидонитъ, зафранцузитъ,
И съ презрѣніемъ на свѣтъ
Въ свой расколотый лорнетъ
По верхамъ глядитъ. О! я бы
Вышколилъ его, когда бы
Въ мой попался батальонъ!
Надежурился бы онъ,
Сокомъ бы бурбонъ достался;
Ни къ чему бы придирался,—
Младшаго легко прижать
И всегда остаться праву.
Въ каждомъ что нибудь сыскать
Можно, что не по уставу,
Ну, хоть пуговица будь
Набокъ номеромъ чуть-чуть,—
И довольно!—Сбилъ ты съ тона;
Я бы далъ ему бурбона!
Дурь бы въ немъ поунялась.
Вишь, что сбредилъ: будто разъ
Сваха вдругъ къ нему явилась,
Увѣряя, что въ него
До безумія влюбилась
Дочь Кулькова, и его,
Было свахѣ порученье,
Звать къ обѣднѣ въ воскресенье,
И обѣщанъ милліонъ.
Будто бы поѣхалъ онъ
Да взглянулъ: ряба, въ веснушкахъ,
Да въ такихъ, какъ будто въ мушкахъ;
Носа, глазъ не разберешь;
Точно двадцать пять одеждъ,

И всѣ двадцать пять на ватѣ,
Вотъ какая въ перехватѣ!..
Руки, плечи!.. Но скрѣпясь,
Будто онъ на этотъ разъ
Подмигнулъ ей для потѣхи,
Сваха видитъ,—есть утѣхи,
И съ зарой къ нему опять,
Тащитъ въ домѣ представлять.
Будто былъ онъ у Кульковыхъ,
И что тьму достоинствъ новыхъ
Онъ у дочки тамъ открылъ,
То есть, чтобы ни спросилъ,—
Ни аза въ глаза не знаетъ;
Книгу въ руки забираетъ
Вверхъ ногами, какъ подашь,
И по всякой «Отче нашъ»
Богородицу читаетъ
По складамъ—не жди конца.
Кличетъ «тятинькой» отца.
Словомъ, словомъ... просто дура!
На невѣстъ каррикатура.
Будто онъ—поклонъ, да вонъ,
Не смотря на милліонъ.
Видишь, партіей такою
Онъ разсорился бъ съ роднею,
Что родные все князья,
Говоритъ, и самъ то я
Былъ нажемъ, и по талантамъ
И по наукамъ первый былъ;
Вѣрно бъ въ гвардіи служилъ,
Былъ бы флигель-адъютантомъ,
Еслибъ ротный командиръ
Не придрался. И мундиръ
Былъ ужъ сшитъ преображенскій.
Мужичина деревенскій!
Самъ курилъ, а намъ курить
Вздумалъ строго запретить,
Ну, конечно, нагрубили.
Мы почти ужъ сами были
Офицеры, и затѣмъ
Намъ надѣли лямки всѣмъ.
И въ полку намъ безъ того бы
Не имѣть его особы,
И давнобъ онъ вышелъ вонъ,
Да въ полку хорошій тонъ
Безъ него—пиши: пропало!
Насъ ему лишь жалко стало,
Да полковницу притомъ:
Чуть его день на очахъ нѣтъ,
Съ муженькомъ отъ скуки чахнетъ.
А иначе почемужь
Такъ къ нему придирчивъ мужъ?
Службу онъ, вѣдь, твердо знаетъ.
И полковникъ распекаетъ
За жену, не за уставъ
И что онъ всегда былъ правъ,
Не смотря, что разъ въ недѣлю
Вѣрно онъ свою постелю
На гауптвахту посылалъ.
Словомъ, столько онъ болталъ,
Лгалъ по поводу Кульковыхъ
Столько фразъ про нихъ суровыхъ
Въ полкъ изволилъ распустить
И затѣмъ все, чтобъ отбить
У другихъ, кому жениться
Вдругъ охота разгорится,
Чтобъ, попавъ въ Кулькова домъ,
И конечно бъ осмѣяли,
Какъ узнали о скандалѣ,
Съ каковымъ его Кульковъ
Самъ прогналъ. А отъ долговъ,
Какъ мундиръ ужъ былъ въ закладѣ,
Какъ пришлось ужъ Христа ради
Занимать у деньщиковъ,
Какъ за все ужъ ни хватался,
И къ Кульковымъ подбирался...
Отъ чего жъ и бредилъ онъ,
Что какой то милліонъ
Скоро гдѣ то онъ достанетъ,
Всѣхъ купать въ шампанскомъ станетъ;
Бредилъ мѣсяцъ или два,
Знать надѣялся сперва,
И тогда на домъ Кулькова
Никому въ полку ни слова;
А напротивъ: иногда
Говорилъ, что не бѣда
Человѣку борода,
И за чтожь ее поносятъ,—
Вѣдь ее французы жь носятъ,
И что въ царствѣ, наконецъ,
Дѣло первое—купецъ:
Будь вѣкъ миръ,—солдатъ не нуженъ,
Честенъ людъ,—судья досуженъ:
Некого судьѣ судить,
Некого солдату бить;
А покушать всякъ попроситъ,
И одежду тоже носятъ.
Гдѣ же взять все?... у купца.
Видно, видно шельмеца!
Ничего! всякъ вѣдьму бъ взялъ,
Коль такой съ ней капиталъ.
А Кулькова?... Пусть красою
И не славится большою,
Да въ красѣ и проку нѣтъ,

Будь она хоть маковъ цвѣтъ;
Будь теперь хоть розанъ, все же
Вѣрно будетъ въ сорокъ лѣтъ
На ровесницъ всѣхъ похожа.
Кто тогда ихъ разбирать
Станетъ, голову ломать,
Кто изъ нихъ была какая:
Иль кривая, иль прямая...
Всѣ ровны; а той лишь честь,
У которой деньги есть;
У какой попить, поѣсть
Можно вкусно—той и честь;
Гдѣ хорошъ обѣдъ да вины,
Гдѣ на славу въ имянины,
Въ праздники пиры даютъ,
Всѣ туда съ поклономъ льнутъ;
Всѣ покушать даромъ падки,
Да къ тому жь коль блюда сладки,
Такъ, посмотришь, не одинъ
Тамъ хлебаетъ господинъ,
Позабывъ породу, чинъ,
Выгоднымъ найти смиренье—
Тамъ, забывъ про вдохновенье,
Примѣрясь съ толпой, поэтъ...
И кого, кого тамъ нѣтъ?
Штука важная обѣдъ!...
И спроси изъ нихъ любаго,
Хоть профессора иного,
Про хозяйку, что умна ль,
Что любезна ль, что ловка ль?
«Да другая есть едва ль
Ей подобная»,—всѣ скажутъ.
Сласти всѣмъ языкъ подмажутъ!
И про насъ заговорятъ,
Что такіе есть ли врядъ.

И вотъ въ какой позиціи
Маіоръ тогда сидѣлъ,
Какъ въ брачныя кондиціи
Вписать себя хотѣлъ.
А дѣльцо то игривое
Въ умѣ затѣялъ онъ.
Невѣста не красивая,
За то, вѣдь,—милліонъ!...

Глава II.

Наказъ деньщику, посланному къ свахѣ.

Сидоръ! Сидоръ, спишь?... живѣе,
За Панкратьевной скорѣе!
Ну, что свахою слыветъ...
Знаешь гдѣ она живетъ?
Маршъ! сыщи ее гдѣ хочешь!
Ты не даромъ похлопочешь.
Да смотри, не будь глупцомъ!
Баба станетъ обо всемъ:
Объ житьѣ-бытьѣ моемъ
У тебя освѣдомляться,
Такъ прошу ей не поддаться!
Первое, что спроситъ—чинъ?
Отвѣчай, что господинъ
Твой маіоръ еще покуда,
Но, что въ годъ онъ худо-худо,
Будетъ полный генералъ.
Побожись, что не соврал;
Бабѣ только побожиться,
Да съ божбой перекреститься,—
Все за чистое сойдетъ!
Объ достаткѣ рѣчь зайдетъ,
Не проврись про кухню нашу,
Что ѣдимъ вѣкъ щи да кашу,
А скажи: на дняхъ умретъ,
Ну... хоть дядя—молъ богатый,
Что огромныя палаты,
Что заводовъ, деревень,
Что чего ни счесть и въ день;
Все, чѣмъ заживо онъ правитъ,
Что—молъ, все онъ мнѣ оставитъ,
Что наслѣдникъ—молъ одинъ
У него мой господинъ.
Что молъ добръ, солдатъ какъ учитъ,
Онъ не бьетъ ихъ и не мучитъ;
Что и самъ-молъ я пока
Въ жизнь не слышалъ дурака;
Хоть подъ лѣвымъ глазомъ сине
У тебя, да самъ разнин
Напросился на кулакъ:
Ты сапогъ мнѣ подалъ какъ?
Но ужъ съ этимъ разомъ-баста!
Помиримся. Только глазъ-то
Чѣмъ нибудь затри, закрась,
Въ лазаретъ зайди. На мазь,
Въ счетъ поставь мнѣ пятіалтынникъ.
Да и весь ты, точно блинникъ:
Весь засаленъ, весь въ дырахъ,
Это въ счетъ идетъ у свахъ...
Гдѣ бъ достать все поновѣе?...
У кого то есть ливреи...
У женатыхъ попроси;
Вотъ записку отнеси.
Кстати, помни, постригися,
Вишь, какъ пуделъ!—И явися
Къ свахѣ, будто на парадъ.

Еще тутъ важнѣе, братъ!
Надо лгать. А такъ водется,
Что смѣлѣе франтомъ вротся,
И скорѣе вѣрятъ всѣ... Да!
Сколько хочешь—лги тогда:
Что—молъ просто баринъ славный,
А ужъ къ службѣ—ухъ, исправный!
Чуть про службу спорный толкъ,
Самъ полковникъ цѣлый полкъ,
Смотришь, прутъ къ намъ за совѣтомъ.
Баринъ мой-молъ первый въ этомъ
И—молъ, диво ли? когда
Въ ротъ хмѣльнаго никогда;
Даже трубочки не куритъ,
Картъ и въ руки не беретъ,
И гостей коль соберетъ,
Съ ними только балагуритъ,
Да и то, коли когда
Чуть объ дѣвушкахъ нескромно
Молодежь завретъ,—бѣда!...
Для него и то скоромно.
Въ обхожденьи ласковъ, простъ,
Акуратно держитъ постъ.
Бѣдныхъ любитъ, богомолокъ,
Не бывалъ ни разу боленъ,
Какъ бываютъ иногда
Всѣ другіе господа.
Даже имъ самъ царь доволенъ;
И какъ кажется, его,
Господина моего
Онъ къ себѣ .. въ министры прочитъ.
Это цѣлый полкъ пророчитъ,
И что будто бы одна
Пребогатая княжна
Къ намъ ужъ свахи засылаетъ,
Вишь, ужасно влюблена
Въ барина. Да пусть страдаетъ!
Баринъ свисни... такъ княженъ
Налетитъ со всѣхъ сторонъ;
Выбирай себѣ любую!
Да не хочетъ. Нѣтъ, ужъ онъ
Выбралъ сердцу дорогую.
Съ годъ-молъ день и ночь ему
Все вертится на уму
Дочь какого то Кулькова
(Можетъ быть и нѣтъ такого),
А межъ тѣмъ: Кульковъ!
Затверди ты это слово,
Тутъ вѣдь нѣтъ нѣмецкихъ словъ,
Трудныхъ такъ для деньщиковъ:
Помни про кулекъ, не сбейся!
Будешь говорить—не смѣйся!
Побожись, что по ночамъ
Часто бродъ мой слышалъ самъ;
Вдругъ-молъ вскрикнетъ: О! Кулькова!
О, мой ангелъ, другъ!—и снова
Прихраппетъ; потомъ опять;
Какъ въ горячкѣ... Утромъ встанетъ,
Такъ, глядишь, на немъ лица нѣтъ.
Просто страхъ меня беретъ.
Такъ и жду: съ ума сойдетъ.
Не потеря, знать, пожалуй,
У кого умишка малый;
А вѣдь баринъ по уму,
Не спустилъ бы ни кому.
Да чего! Преосвященный,
Разъ пріѣхавши къ нему,
Говоритъ: хоть ты военный,
А ужъ друга не оставь:
Ты мнѣ проповѣдь поправь!
Онъ вѣдь съ нимъ на ты, почтенный;
То есть просто какъ друзья.
Значитъ умъ!... А нынче я
Очень за него боюся,
И тебѣ-молъ поклонюся
Въ ножки, добрая моя,
Ты судьбой людскою мечешь,
Холостую скуку лечишь
И безденежья недугъ.
Лечишь ты, такъ будь намъ другъ!
Принаси и намъ лекарство:
Сбережемъ подпору царства!
Понялъ, Сидоръ?... Ну смотри:
Бабѣ ты очки вотри!
Ты, я знаю, какъ захочешь,
Такъ на шею чорту вскочешь;
Ты, я знаю, братъ, не глупъ...
Напримѣръ! откуда сунъ
Съ курицей у насъ являлся?
Я тогда ужъ притворялся,
Молча ѣлъ. Денегъ я
Вѣдь не давалъ: казна моя
Чуть стаетъ на щи да кашу.
Помнишь, какъ-то, простоквашу?
А подъ соусомъ пѣтухъ?
Да во всѣхъ подушкахъ пухъ?
Что нашелъ?—нашелъ!—Ну ладно!
Ты всегда соврешь прескладно.
Такъ поди же, хлопочи;
Тутъ вѣдь есть магарычи.
Какъ женюсь, разбогатѣю,
Я тебя, братецъ, пригрѣю,
И наградою заслугъ
Ужъ не старый архалукъ,

[redacted]

Какъ теперь; тогда придется,
Какъ у важныхъ баръ ведется,
Въ галунахъ ливрею сшить,
Въ аксельбанты нарядить.
Голодъ нынѣшній забудешь;
У меня ты просто будешь
Цѣлымъ домомъ заправлять,
Да другими понукать,
Да покрикивать. И только.
Любо!... Хлопочи жь, изволь-ка!

219. **Предатель.** Поэма.—Собственноручное стихотвореніе П. И. Кичеева. Писана мелкою скорописью на 8 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года.

220. **Привидѣніе „Mostellria".** Комедія Т. Маккія Плавта. Перевелъ съ латинскаго А. И. Петовскій. Писана скорописью на 54 листахъ въ 8 д. л.

Рукопись пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ Иванова, въ Спб.

221. **Приложеніе къ представленію по проекту правилъ о принятіи и оставленіи русскаго подданства.** Отзывъ вѣдомствъ. Въ листъ 56 страницъ.

За подписью генералъ-адъютанта Гурко.

222. **Проектъ генералъ-лейтенанта Паукера, объ устройствѣ С.-Петербургскаго порта посредствомъ моловъ, обезпечивающихъ устье рѣки Невы отъ морского волненія.**—Писанъ скорописью на 25 листахъ. Съ приложеніемъ карты.

223. **Проектъ закона о пенсіяхъ начальнымъ учителямъ въ Италіи.** Переводъ съ итальянскаго генеральнаго консула г-на Бахерахта. Въ листъ 10 страницъ.

Въ концѣ рукописи имѣется собственноручная подпись переводчика: дѣйствительный статскій совѣтникъ генеральный консулъ Бахерахтъ. 8/20 іюля 1872 г.

ПРОГУЛКА.

Оригинальный рисунокъ художника Лебедева.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

224. Прости мой свѣтъ въ послѣдній разъ.—Рукописная пѣсня неизвѣстнаго автора, писанная мелкою скорописью на 2 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года.

Вотъ полное содержаніе этой пѣсни.

ПѢСНЯ.

Прости мой свѣтъ, въ послѣдній разъ,
И помни, какъ тебя любилъ;
Злой часъ пришелъ мнѣ слезы лить:
Я буду безъ тебя здѣсь жить.
О, день, о часъ, о злая жизнь!
О, время, какъ я счастливъ былъ!
Куда мнѣ въ сей тоскѣ бѣжать?
Гдѣ скрыться, ахъ! и что начать?
Печальна мысль терзаетъ духъ:
Я всѣхъ утѣхъ лишился вдругъ.
И помощи ужъ нѣтъ,
Прости, прости, мой свѣтъ!

Не будетъ дня, не дня часа,
Въ часѣ минуты мнѣ такой,
Чтобъ тѣнь твоя ушла изъ глазъ,
Я буду плакать всякой часъ.
Когда придутъ на мысль часы,
Въ которые я былъ съ тобою:
Утѣхи прежни вспомнятся,
Глаза мои наполнятся потоками горчайшихъ слезъ,
Что рокъ драгую жизнь унесъ,
Одну останя страсть
И лютую напасть.

Мѣста, мѣста дражайшія!
Свидѣтели утѣхъ моихъ!
Любезная страна и градъ,
Гдѣ сердце мнѣ пронзилъ твой взглядъ,
Вы будете въ умѣ моемъ,
Всегда въ моихъ печаляхъ злыхъ,
И станете изображать
Чего уже мнѣ не видать.
О, какъ я днесь не счастливъ сталъ!
О, рокъ! какой ударъ ты далъ!
Возможно ли снести?
Прости, мой свѣтъ, прости!!!

225. Простонародный говоръ въ г. Серпуховѣ.—Собственноручная статья В. Д. Воинова, писанная мелкою скорописью на 4 страницахъ въ четвертку. Въ концѣ рукописи имѣется помѣта: «28-го сентября 1871 года».

Эта рукопись пріобрѣтена мною, въ хорошо сохранившемся видѣ, за 2 руб.

226. Прощай любезная зима. Листокъ начала XIX вѣка. Нѣчто вродѣ любовнаго посланія. Въ четвертку, писанъ мелкою скорописью, на 4 страницахъ толстой сѣрой бумаги.

227. Проэктъ извѣщенія генерала Ермолова о состоявшемся избраніи.—Открытый листъ. Рукопись XIX вѣка.

Привожу дословное содержаніе этого листка, съ орѳографіей подлинника.

Генералъ!

Мы, Дворянство, призываемся священнымъ голосомъ Царя, ополчаемся на защиту Православной вѣры, на помощь угнетеннымъ братьямъ, на охраненіе предѣловъ отечества. Оно проситъ Васъ принять главное начальство надъ его вѣрными дружинами и смѣетъ надѣяться, что Вы уважаете его торжественное избраніе. Самъ Богъ сберегалъ Васъ, кажется, для этой тягостной годины общаго испытанія. Идите-жъ, Генералъ, съ силами Москвы, въ которой издревле отечество искало и всегда находило себѣ спасеніе, идите принять участіе въ подвигахъ дѣйствующихъ армій! Пусть развернется передъ нами старое славное знамя 1812 года! Всѣ русскіе воины обрадуются, увидя опять въ своихъ рядахъ Вашу убѣленную голову и услыша Ваше любимое имя, не разлучное въ ихъ памяти съ именемъ Суворова, отъ котораго Вы получили первый Георгіевскій крестъ, и именемъ Кутузова, которому Вы служили правою рукою на незабвенномъ Бородинскомъ сраженіи. Непріятели вспомнятъ Кульмъ, Лейпцигъ

и Кавказъ, гдѣ до сихъ поръ еще не умолкнулъ въ ущельяхъ отголосокъ Вашихъ побѣдъ. Да благословитъ Васъ Богъ и поможетъ Вамъ вмѣстѣ съ достойными сподвижниками доказать скорѣе ослѣпленной Европѣ, что Святая Русь останется неизмѣнно Святою Русью, и что русскіе, не смотря ни на какія опасности, не смотря ни на чьи угрозы, не позволятъ никогда и никому прокрасться безнаказно къ ихъ завѣтнымъ Святынямъ: Церкви, Престолу и Отечеству.

228. **Пряхи.** Акварель художника М. М. Померанцева, нарисована въ 1901 г.

Даръ отъ художника.

229. **Путешествіе по святымъ мѣстамъ, на святой землѣ, во святую Аѳонскую гору и въ Палестину.** Въ четырехъ тетрадяхъ, съ двумя рисунками и однимъ планомъ Святаго града Стараго Іерусалима. Путешествующаго торопчанина Ѳеодора Николаевича Ульянова, въ 1869—1870 годахъ.—Въ 4 д. л

Рукопись состоитъ изъ четырехъ небольшихъ тетрадей, писанныхъ крупною скорописью самимъ путешественникомъ, гдѣ послѣдній весьма подробно знакомитъ читателя съ святыми мѣстами, въ которыхъ онъ самъ лично побывалъ и вмѣстѣ съ тѣмъ передаетъ о томъ, что онъ видѣлъ особенно интереснаго въ своемъ путешествіи.

230. **Путешествіе по Финляндіи и Олонецкой губерніи въ 1852 и 1854 года Александра Энгельгардтъ.** Рукопись на 80 листахъ (in fol).

Купленъ мною экземпляръ въ книжномъ магазинѣ Иванова.

231. **Путешествіе по Уралу въ 1853 г. Александра Энгельгадтъ.** Часть I, (историческая), писана въ 1854 г. Рукопись на 90 листахъ (in fol.), съ подписью автора.

Куплена мною въ Спб., въ книжномъ магазинѣ Иванова

232. **Въ путяхъ благополучій.** Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. А. Привольскаго.—Рукопись XIX вѣка, въ листъ на 80 страницахъ, писана скорописью.

Драма состоитъ изъ четырехъ небольшихъ дѣйствій и писана собственноручно самимъ авторомъ.

Въ началѣ драмы поименованы дѣйствующія лица.

Первое дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ домѣ Волкачева; слѣдующія—въ его имѣніи.

233. **Пѣсни, пословицы, сказки, загадки, перегудки и пр, собранныя Александромъ Бурцевымъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, въ 1884 году.** Въ четвертку на 10 листахъ.

234. **Пѣсенникъ на 1873 годъ.** (Безъ означенія года и мѣста).—Въ 8 д. листа.

Въ этомъ пѣсенникѣ помѣщены слѣдующія весьма любопытныя пѣсни:

I. Ослушная пѣсня.
II. Жизнь—горе крестьянское.
III. Ахъ ты сукинъ сынъ проклятый становой.
IV. Воля—матушка.
V. Царская воля.
VI. Кузнецъ.
VII. Эхъ товарищи любезны.
VIII. Что не на небѣ тучи черныя собираются.

235. **Пять стихотвореній П. Федорова, собственноручно написанныхъ авторомъ и посвященныхъ извѣстному мистику Александру Ивановичу Ковалькову, отъ 1836 до 1840 года.**—На 5 отдѣльныхъ листахъ.

Желая ознакомить читателей съ означенными произведеніями, ниже привожу здѣсь полную и дословную перепечатку всѣхъ пяти стихотвореній, съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

Приношу Вашему Превосходительству искреннее сердечное поздравленіе съ днемъ Вашего рожденія.

Молю Творца, чтобъ ваши дни
Блаженствомъ вѣчнымъ процвѣтали,
И чтобы радости одни
Пріютъ вашъ мирный посѣщали.
Дай Богъ, чтобъ вы въ сердцахъ друзей
Коварства вѣкъ не находили—
И чтобъ отъ лживыхъ ихъ сѣтей
Васъ сами Небеса хранили!..
Желаю вамъ я, наконецъ,
Чтобъ счастье вѣчно васъ любило,
И чтобъ все то хранилъ Творецъ,—
Что сердцу Вашему такъ мило!..

Преданнѣйшій и всепокорнѣйшій

слуга *П Федоровъ.*

8 Іюля 1840.

I.

Любви безкрылой подъ лучами,
Съ привѣтнымъ сердцемъ на устахъ,
Въ сей день мы снова передъ вами
Душой у радости въ гостяхъ.

II.

И ангель вашъ, друзей моленья,
Несетъ опять къ Царю царей:
Да, ваше каждое мгновенье
Течетъ, какъ радости елей.

III.

Иныхъ ужъ нѣтъ друзей межъ нами
Но издалека въ этотъ день
Они сбираются сердцами
Подъ вашу сладостную тѣнь.

IV.

И ихъ горячія моленья
Летятъ опять къ Царю царей:
Да, ваше каждое мгновенье
Течетъ, какъ радости елей.

I.

Александру Ивановичу Ковалькову.

От признательныхъ друзей, 9 іюля 1838.

Праздникъ Вашъ лѣта былыя
Оживилъ опять для насъ,
Въ этотъ день друзья, родные
Окружаютъ снова васъ.
Чувства въ насъ не измѣнились
Съ пролетѣвшею порой,
Мы навѣки породнились
Съ вашей ангельской душой!

Вы насъ къ радостямъ ведете,
И идя прямой стезей,
Безъ пустыхъ надеждъ живете
Для семьи своей родной.
Вамъ ли въ жизни знать ненастье?
Нѣтъ, Васъ Богъ вознаградитъ:
Вы другимъ даете счастье,
Онъ Васъ счастьемъ надѣлитъ!

II.

Александру Ивановичу Ковалькову.

Чувства приверженныхъ друзей, въ день его ангела 9 Іюля 1837 г.

Снова съ радостью душевной,
Въ чувствахъ дружбы и любви,
Мы проводимъ день священный
Посреди родной семьи.
Мы давно сроднились въ вами,
И безъ лести, безъ прикрасъ,
Любимъ вѣрными сердцами
Душу ангельскую въ васъ.

* * *

Какъ досель—не измѣняйтесь:
Будьте другомъ для друзей,
И блаженствомъ наслаждайтесь
Посреди семьи своей.
Богъ мольбы услышитъ наши:
Онъ покой вамъ охранитъ
И за всѣ доброты ваши
Счастьемъ жизни надѣлитъ.

III.

Александру Ивановичу Ковалькову.

Въ день ангела, 9 Іюля 1836 г.

Чувства дружбы, уваженья
И признательной любви

[redacted]

Вамъ приносятъ поздравленья
И желанія свои.
Въ жизни бурныхъ дней не знайте,
Но живя весь вѣкъ въ тиши,—
Никогда не измѣняйте
Свѣтлой, ангельской души.

Будьте счастливы друзьями
И семьей своей родной;
Да почіетъ вѣкъ надъ вами,
Лучъ отрады не земной.
Пожелаемъ ему, други,
Долгихъ, ясныхъ, мирныхъ дней
Къ счастью матери, супруги
И надеждъ его—дѣтей.

Признательнѣйшій и преданнѣйшій
П. Федоровъ.

236. Пять хитростей или Панча Тантра. — Представленіе. Дѣйствіе происходитъ въ г. Патали-Цури.

Дѣйствующія лица:

Суха Даруча—царь.
Амара Сати—министръ.
Читра-Рабай—царица.
Вазу-Сати—старшій сынъ.
Угрва-Сати—второй сынъ.
Мурка-Сати—третій сынъ.

Писано мелкой скорописью на 4 листахъ толстой синей бумаги, въ началѣ XIX вѣка.—(Безъ подписи автора).

237. Размышленіе маіора. Сочиненіе Ѳедотова (въ стихахъ). Рукопись XIX вѣка, писана мелкою скорописью на 40 страницахъ въ четвертку.

Куплена мною рукопись, въ хорошо сохранившемся видѣ, за 5 руб.

238. Разсказы бабушки. Повѣсти для дѣтей. Безъ подписи автора. Въ 4 д. л. 30 страницъ.

Писанные скорописью, около 1830 годовъ, на толстой бумагѣ, съ приложеніемъ 26 акварельныхъ рисунковъ, исполненныхъ отъ руки, безъ означенія художника.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько разсказовъ этого курьезнаго произведенія прошлаго столѣтія.

Здравствуйте!

Сидитъ бабушка и вяжетъ чулокъ, вокругъ ея внуки и внучки. Играютъ дѣти, кто во что: и въ куклы, и съ собачкой, и въ солдаты, и на барабанѣ. Устанутъ дѣти играть, всѣ сядутъ вокругъ бабушки, и бабушка начинаетъ разсказывать про то, и про се. О томъ, какая обжора была Варинька, —какъ у Настеньки раздулись глаза отъ слезъ,—какія глупости всегда дѣлалъ Ваня,—какъ у Пети отъ ковырянья выросъ большущій носъ,—какая соня была Соня,—какъ неряху Дуняшу приняли за нищенку,—какъ Сашѣ досталось за шалость,—какъ подшутили съ Сережей за то, что онъ все спорилъ.

И всѣ эти сказочки старшая бабушкина внучка записала въ книжечку, да потомъ напечатала съ картинками, въ назиданіе всѣмъ дѣтямъ.

На-те, забавляйтесь.

1.

Обжора Варя.

«Фу! какая пышка!
Сущая кубышка!
Вотъ плотна!
Вотъ жирна!
Вотъ ужь надо ей простора!
Вѣсу въ ней пудъ шесть
Вѣрно есть».

Это Варинька обжора,
Гибель дома, страхъ людей.
Съ малыхъ лѣтъ у ней
Страсть водилась обжираться,
Ѣсть, все ѣсть, не насыщаться.
Не животъ, а чемоданъ:
Все въ немъ можетъ умѣщаться.
Маменькѣ какой изъянъ!
Каждый день расходъ ужасный
На ѣду и на питье
Этой дѣвочки несчастной.
По утру корми ее

Чаемъ, кофе съ сухарями,
Булками и кренделями.
Послѣ—часу не пройдетъ,
Какъ опять она жуетъ.
То нашла она ватрушку,
То котлетку, то горбушку
Хлѣба или пирога,
Отъ того, что нѣтъ угла
Въ кухнѣ, шкафѣ, гдѣ бы Варя
Всюду нюхая и шаря,
И увидя что нибудь,
Не могла бы не стянуть.
Въ полдень завтракъ. Варя снова
Съ аппетитомъ ѣсть готова.
До обѣда двадцать разъ,
Бросивъ доску и атласъ,
Въ кухню бѣгаетъ *пить квасъ*,
Въ правду-же, чтобъ у Матрены
Рѣпы унести печеной,
Тамъ оладей, тамъ блиновъ,
Тамъ сырую хоть марковь,
Только-бъ ѣсть ей безпрестанно.
Ей не кажетъ это странно.
За обѣдомъ ихъ, да ихъ,
Варя ѣстъ за четверыхъ.
А чего ужъ съѣсть не можетъ,
То въ карманъ себѣ положитъ,
Чтобы послѣ въ уголъ сѣсть,
Да лѣнтяйничать и ѣсть.
Ей ни книжки, ни игрушки
Ни собачка, ни подушки.
Такъ не милы, какъ ѣда.
Не бывало никогда
Дѣвочки такой на свѣтѣ.
Дальше слушайте-ка, дѣти.
Какъ пришла пора пить чай.
Варя снова ѣсть давай,
Точно страшно голодаетъ.
Спать же послѣ уходя,
Даже на ночь запасаетъ
Всякой всячиной себя.

Вотъ вамъ Варинька обжора!
Вотъ уже и скоро
Повѣсти конецъ.
Подали разъ варенецъ
Къ завтраку для мамы
И знакомой дамы.
Съ гостьей маменька сидитъ,
И о чемъ то говоритъ.
Варя, между тѣмъ, въ столовой,
Въ жадности своей не новой
Позабывъ про всѣхъ—
Тоже Варинъ вѣчный грѣхъ—
Кинулась на блюдо,
И ну убирать его!
Убрала, да тутъ же... Что?
Не дивитесь, что за чудо?
На полъ повалилась—бухъ!
Да и испустила духъ!

2.

Степанъ-грубіянъ.

Степанъ грубитъ всѣмъ на свѣтѣ: и папенькѣ и маменькѣ, и сестрицѣ и братцу, и учителю и нянѣ, и даже посторонним. Такой вѣдь дерзкій язычекъ! И во всемъ онъ прегрубый. Дашь ему чего-нибудь, онъ не поблагодаритъ; попросишь чего, притворится, что не слышитъ, а дастъ, такъ броситъ. Спросишь, о чемъ, отвѣтитъ: „Не ваше дѣло!“ Надо ему пройти, онъ не скажетъ: позвольте, а толкнетъ локтемъ; самъ никогда не посторонится. Даже здравствуй и прощай не скажетъ домашнимъ. Садится безъ чиновъ на чужое мѣсто, беретъ безъ спросу чужія вещи, да еще бранится, если ихъ отнимутъ у него. Услуги, одолженія, ласковаго слова не дождетесь отъ Степана. За то славно ему досталось разъ за всѣ его грубости.

Въ школѣ, куда ходитъ учиться Степанъ, есть мальчикъ Гриша, большой шалунъ. Вздумалось ему порядкомъ наказать грубіяна. Онъ подговорилъ другихъ мальчиковъ, и вотъ что они сдѣлали. Пришли пораньше въ школу, взяли каждый по линейкѣ и спрятались за дверьми въ прихожей. Только что Степанъ бойко шагнулъ въ комнату, какъ всѣ мальчики поочередно начали бить его линейками по спинѣ, да такъ проворно одинъ за другимъ, что Степанъ никакъ не могъ оттолкнуться, онъ сталъ кричать, повертываться, пытался убѣжать, но все напрасно: со всѣхъ сторонъ окружали

его мальчики съ линейками въ рукахъ. А на спину то и дѣло, что ударъ за ударомъ сыпался. Измучился Степанъ и жалобно завизжалъ:

„За что вы меня бьете?“

— А за то, чтобы выбить изъ тебя грубость,—отвѣчаютъ мальчики.

„Да я не буду больше, право, не буду!“

— А! не будешь?!—говоритъ Гриша.— Для чего же ты прежде грубилъ? Нѣтъ, братъ, тебя надобно проучить. Впередъ будешь помнить.

„Да ужъ полно! да ужъ довольно!“ кричитъ Степанъ.

Сжалился Гриша, велѣлъ мальчикамъ перестать и сказалъ:

— Смотри же, Степанъ; будь вѣжливъ и ласковъ съ нами. Не то опять въ другой разъ откатаемъ.

Отстали мальчики и съ хохотомъ побѣжали въ классъ. За ними шашкомъ побрелъ Степанъ, потирая спину и плечи.

3.

Плакса-Настя.

«Ахъ! это что за страсти!
Что на глазахъ у Насти?
Какъ будто фонари,
Такіе волдыри!»

Вотъ это какъ случилось.
За Настенькой водилась
Глупѣйшая привычка—
Во всѣхъ дѣлахъ ковычка—
Ревѣть и плакать обо всемъ.
Ей слезы ни почемъ.
Скажи ей слово—плачетъ;
Андрюша-ль братъ проскачетъ
На ножкѣ на одной—
Подыметъ Настя вой;
Гулять-ли мама поведетъ—
Опять тутъ Настя зареветъ.
Ужъ и наказывали, били
Негодницу, а все не проучили.
Что-жъ? Плохо наконецъ пришлось.
Отъ вѣчныхъ слезъ
Глаза у Настеньки раздулись,
Потомъ—всѣ просто ужаснулись,
Потомъ вонъ выскочили—да!
Росли, росли, и навсегда
Такъ шишками остались.
Какъ дорого же слезы ей достались.

4.

Иванъ-болванъ.

Ужъ подлинно болванъ Иванъ; такой безмозглый, тупой, отъ того, что никогда ни о чемъ не хочетъ подумать.

Подарилъ ему дяденька пять горшечковъ резеды и левкоя. Ваня поблагодарилъ, и, съ радости, взялъ, да и поставилъ, куда приглянулось съ перваго взгляда: за окно. Но подоконникъ узкій и покатый; ничего не устоитъ на немъ прочно. Объ этомъ Ваня и не подумалъ, онъ точно слѣпой, никогда ничего не видитъ. Что-же? Подулъ вѣтеръ, окно захлопнуло, ударило въ горшечки, и они полетѣли внизъ на дворъ. Горшки разбились, цвѣты помялись, и все пропало.

Въ другой разъ—подтирали полъ въ комнатѣ. Ваня вздумалъ услужить горничной. Онъ отставилъ отъ стѣны стулья и столъ, собралъ ширмочки, которыя стояли у его кровати, да и сглупилъ—прислонилъ ихъ къ самой двери. Немного погодя кто-то отворилъ дверь, и ширмы бухъ на Ваню, повалили его на полъ, да такъ ушибли ему руки и ноги, что глупый мальчикъ едва встать могъ, и долго охалъ, да хныкалъ.

5.

Петя съ носищемъ.

Ковырять въ носу
Неопрятно и опасно.
Я вамъ повѣсть разскажу
И картинки покажу,
Гдѣ все это видно ясно.

Петя былъ бы всѣмъ хорошъ,
Онъ уменъ былъ и пригожъ,
Но въ одномъ былъ очень гадокъ:
Ковырять въ носу былъ падокъ.
Точно кто его толкалъ,
Вѣчно палецъ въ носъ втыкалъ,
Отъ того изъ рукъ у Пети
Никогда не брали дѣти
Крошки ни одной.
«Неопрятный онъ такой!»
Говорили! «Тошно станетъ».
Стыдно Петѣ, а все тянетъ
Палецъ къ носу у него.
Все же это ничего
Противъ той напасти,
Что случилось—просто страсти!
Съ Петей черезъ годъ.
Вышелъ изъ него уродъ.
Поглядите, вонъ онъ, бѣдный!
Носъ большущій, цвѣтомъ мѣдный,
На лицѣ торчитъ.
Ну ужъ рожа,
Не пригожа.
Нечего сказать.
Кто-же виноватъ?
Развѣ Петю кто просилъ,
Чтобъ онъ носъ свой теребилъ?

6.

Соня-соня.

Вотъ ужъ сонливая дѣвочка Соня! Чуть-ли не цѣлый день спитъ. А придетъ вечеръ, прощай. Соня засыпаетъ гдѣ и какъ попало: на стулѣ, стоя, на диванѣ, подъ столомъ. Ее и дергаютъ, и трясутъ, и подымаютъ, — нѣтъ, никакъ не добудятся. Отъ того и урока никогда не знаетъ. Какъ сядетъ за книжку, такъ и задремлетъ; замотаетъ головой, то внизъ, то вверхъ; частенько носомъ ударяется объ столъ, или затылкомъ въ стулъ: проснется отъ удара и вытаращитъ глаза, такъ что расхохочатся, глядя на нее. Повертитъ въ рукахъ книжку, будто бы урокъ читаетъ, но еще минутка, и Соня опять спитъ. Прозвали ее Соней-соней.

Вотъ разъ вечеромъ сидитъ она за чаемъ. Насилу добудились ее, чтобы заставить ее сѣсть за столъ. Сидитъ, а сонъ такъ и клонитъ ее. Налила Соня горячаго чаю въ блюдечко, а чашку поставила возлѣ: по этого труда было ужъ слишкомъ съ пея, положивъ обѣ руки на столъ, она закрыла глаза, вздремнула и пошла мотать головой, вдругъ качнула со всего размаха внизъ, да лицомъ прямо въ блюдечко съ горячимъ чаемъ. Какъ встрепенется Соня, какъ тряхнетъ головой, какъ возьметъ себя за носъ: носику-то пуще всего досталось! Слышитъ Соня, что обожглась, да и кричитъ: „Охъ! охъ! какъ жжетъ!“

Подѣломъ, въ другой разъ спи во время.

7.

О томъ, какъ Ѳедя утонулъ.

У Ѳеди былъ большой порокъ:
Какъ утро, такъ онъ весь промокъ.
Грозитъ ему Татьяна,
Старушка няня.
«Смотри, Ѳедюша, говоритъ.
(Лицо у ней такъ и горитъ),
«Смотри, когда-нибудь
Да утонуть
Тебѣ навѣрно!
Вѣдь это скверно!
Прощай тогда совсѣмъ.
Хоть жалко будетъ всѣмъ,
И много слезъ поронимъ,
И Ѳедю похоронимъ».
Не вѣрилъ Ѳеди, все шалилъ,
И наконецъ бѣду нажилъ.

Разъ Ѳедю няня
Пришла будить Татьяна.
Но Ѳеденькѣ не встать!
Представьте: вся кровать
Полнешенька водою,
И Ѳедя тамъ съ ногами, съ головою!
Какъ вскрикнетъ няня на весь домъ!
Какъ всплачется потомъ:
Ахти! нашъ Ѳедя утонулъ!
Ахъ, утонулъ!—ахъ, утонулъ!

И Ѳедю схоронили,
Да надпись сочинили:

«Будь Ѳедя поумнѣй,
Онъ жилъ бы до сихъ дней».

8.

Неряха-Дуняша.

Хотите посмѣяться. Такъ вотъ вамъ разсказъ о томъ, какъ Дунѣ случилось разъ прогуляться вдвоемъ съ... Нѣтъ, лучше разсказать все сначала.

Вотъ вамъ напередъ Дуняшинъ портретъ. Волосы всклочены, воротничекъ на сторону и измятъ, изъ-подъ мантильи висятъ лохмотья ваточной подкладки, рукавчики прорваны, изъ-подъ измятаго платья виситъ юбка на цѣлый вершокъ; на одной ногѣ панталончикъ приподнятъ, на другой спущенъ по самую пятку, туфли съ истоптанными задками, чулки въ дырахъ и складкахъ. Такъ ходитъ она всякій день. Особенно любитъ она свои туфли и свою мантилью; никакъ не заставишь ее разстаться съ ними. Она неряха, да еще и упряма. Вотъ увидимъ, чѣмъ это кончилось.

Это было на дачѣ. Вышла Дуня на дорогу погулять, разумѣется, въ своемъ обыкновенномъ щегольскомъ нарядѣ. Гуляетъ Дуня, пришлепывая туфлями, какъ вдругъ кто-то взялъ ее за руку. Дуня обернулась — гляди! Позади ее, кто бы вы думали? Городовой!

„А!“ сказалъ онъ, „наконецъ-то ты попалась, голубушка! Когда ни увижу тебя, ты всегда улизнешь. Полно шутить! Пойдемъ-ка со мной...“ сказалъ и повелъ Дуню.

Городовой принялъ Дуню за праздношатающуюся нищенку. И тотъ вѣдь знаетъ, что барышнямъ слѣдуетъ ходить опрятно. Дуняша съ испугу и съ досады закричала во все горло:

„Вишь, какъ разревѣлась эта нищенка“, молвилъ городовой.

— Какая я нищенка! я не нищенка, а барышня!

Тутъ городовой захохоталъ во все горло, такъ это ему показалось смѣшно и сказалъ:

„Ужъ не думаешь-ли ты, дѣвчонка, что я отъ роду не видывалъ барышень, и не умѣю отличить ихъ отъ оборванныхъ нищенокъ? А?“

На ту пору городовой и Дуня проходили недалеко отъ дачи, предъ которой стояла дама съ двумя дѣтьми. Это были знакомые Дуни.

„Ахъ! маменька!“ закричала дѣвочка. „Поглядите, что это такое? Дуняшу ведетъ городовой, и какъ она, бѣдненькая, плачетъ!“

„Въ самомъ дѣлѣ, что это значитъ?“ сказала маменька, и всѣ трое побѣжали на встрѣчу Дуняшѣ.

„Куда, зачѣмъ ты ведешь эту дѣвочку?“ спросила дама у городоваго.

„Это какая-то бродяга, сударыня, надобно брать подобныхъ нищихъ, гдѣ ни попадутся.

„Это не бродяга и не нищая, это барышня, моя знакомая, оставь ее“. И дама взяла у него изъ рукъ Дуняшу.

А дѣти, между тѣмъ, тихонько посмѣивались позади маменьки. Знали они неряху Дуню, и не дивились, что ее приняли за нищую. Они сами, часто называли ее такъ.

„Не бродяга, такъ пускай себѣ идетъ“, сказалъ городовой. „Но, только, такъ-ли, сударыня? чтобы послѣ мнѣ не отвѣчать?“

„Не бойся, ступай себѣ“.

А Дуня-то — краснѣла, краснѣла, слыша, что про нее говорятъ. Городовой расклапялся и ушелъ. Дуня-же вырвалась изъ рукъ у дамы, и опрометью побѣжала домой, но въ торопяхъ уронила и оставила одну туфлю.

Расхохотались дѣти, гляди ей вслѣдъ.

9.

Приключеніе съ Сашей.

По улицѣ старушка шла,
Тихохонько себѣ брела,
На палку опираясь
И робко озираясь.
На ту же пору Саша шелъ.
Онъ не былъ золъ,
За то шалунъ ужасный,
Товарищъ преопасный!
Чуть онъ старуху увидалъ,
Какъ ужъ задумалъ штуку.
Преловко съ боку подбѣжалъ,
Да, хвать, ея дубинку въ руку.
Старушку чуть не сшибло съ ногъ,
Но тутъ стѣна случилась,
Она къ ней прислонилась.
«Ахъ! негодяй! Ушибъ мнѣ бокъ!»
Кричитъ старуха. «Я тебя!»
Почешетъ спину у себя,
«Такъ накажу!» А Саша
Бѣжать, да нѣтъ. Старуха наша
Поймала шалуна
За воротникъ, взяла,
Да той же палкой
Ну бить его, ну бить.
И поднялъ Саша крикъ прежалкій:
«Не буду я впередъ шалить».
Когда порядкомъ ужъ побила,
Старуха Сашу отпустила.

10.

Спорщикъ-вздорщикъ.

Такъ прозвали Сережу, отъ того, что онъ вѣчно споритъ да вздоритъ, не съ тѣмъ, такъ съ другимъ, не о томъ, такъ о другомъ. Спуску Сережа никому не даетъ; всякаго переспоритъ; всегда за нимъ послѣднее слово. Сестрица скажетъ: „Маменька столько-то задала выучить". А Сережа: „неправда, не столько, а вотъ сколько". — „Твоя птичка лучше поетъ, чѣмъ моя". — „Нѣтъ, моя лучше поетъ". Итакъ безпрестанно. Хорошо, что сестрица умна и молчитъ, такъ и спору конецъ, но случиться такой же спорщикъ, какъ Сережа, тогда выбѣгай хоть изъ дому, до того оба раскричатся, не одинъ не уступитъ другому. Только и слышишь, что: „а да, а нѣтъ, а да, а нѣтъ!" Разнимать надо, чтобы не вцѣпились другъ въ друга. Разныя бѣды случались съ Сережей отъ охоты спорить.

Игралъ разъ Сережа на дворѣ съ тремя другими мальчиками, Петрушей, Володей и Яшей. На дворѣ былъ низенькій сарай, и къ крышѣ прислонена лѣстница. Володя вздумалъ по лѣстницѣ взобраться на крышу. Другимъ это понравилось и они туда-же. То взберутся, то спустятся, одинъ за другимъ. Но гдѣ Сережа, тамъ и разладъ. Началъ онъ съ того, что заспорилъ объ очереди, кому за кѣмъ лазить на лѣстницу. Всѣ говорятъ одно, онъ — другое. Чтобы не спорить, мальчики сдѣлали по немъ. И это не помогло. Сережа затѣялъ новый споръ: зачѣмъ не сразу его послушались?

„Да полно спорить-то, неугомонный", говорятъ мальчики.

„Какъ бы не такъ?" кричитъ Сережа. „Терпѣть отъ васъ, да вамъ поддаваться!"

„Ну, ужъ достанется тебѣ", молвилъ Петруша, грозя пальчикомъ и лукаво улыбаясь.

„Не боюсь я тебя", отвѣчаетъ Сережа, бросился на лѣстницу и всталъ на крышу.

Посмотрите теперь на картинку: Петруша отнимаетъ лѣстницу отъ сарая, другіе ему помогаютъ, и уносятъ ее вонъ.

„Честь имѣемъ поздравить васъ съ *повышеніемъ*, господинъ спорщикъ-вздорщикъ", говоритъ Петруша внизу и кланяется.

„Счастливо оставаться, господинъ спорщикъ-вздорщикъ", говорятъ другіе мальчики и также кланяются.

„Это что значитъ?" спрашиваетъ Се-

режа. „Какъ вы смѣете? Вотъ я на васъ пожалуюсь!“

Мальчики хохочутъ да и только. И подлинно смѣшенъ былъ Сережа; ходитъ себѣ на крышѣ взадъ и впередъ, а соскочить внизъ трусить: высоко!

„Теперь мы можемъ убраться отсюда“, говоритъ Петруша. „Сережа покамѣсть отдохнетъ отъ споровъ на крышѣ“.

„Да, да, пускай себѣ отдыхаетъ“, кричатъ мальчики, „а мы покуда пойдемъ нарвемъ ягодъ въ лѣсу“.

И всѣ трое убѣжали.

„Стойте, стойте“, кричитъ Сережа. „Мальчики, добренькіе, голубчики...“

Но его никто не слышитъ. Такъ пробылъ Сережа цѣлый часъ на крышѣ. Потомъ пришли мальчики, подставили лѣстницу и Сережа спустился. Нечего сказать, ему ужасно было досадно. Да зачѣмъ же онъ споритъ?

Прощайте!

На первый разъ будетъ съ васъ сказокъ, дѣти.

Когда-нибудь, можетъ и скоро, бабушкина внучка еще подаритъ Вамъ книжечку, такую, какъ эта. Стоитъ ей только послушать, когда бабушка разсказываетъ и опять записать и напечатать. Хотите? Прощайте-же, до скораго свиданія.

239. Разсужденіе о любви къ отечеству. Рукопись 1812 года. — Въ 4 д. л., 74 страницы.

Писана скорописью очень правильно и красиво, съ заглавнымъ листомъ въ рамкѣ.

Въ концѣ рукописи на послѣдней страницѣ помѣщена подпись „А. Шишковъ“.

Мой экземпляръ въ современномъ кожанномъ переплетѣ купленъ мною за

240. Разсужденіе о герцогѣ Биронѣ. Рукопись первой половины XIX вѣка Дмитрія Приклонскаго. Посвящено въ память дружбы и признательности Григорію Карловичу Фридебургу. Писана крупною скорописью на 75 листахъ, въ четвертку

Эта рукопись, какъ подлинникъ, представляетъ собою замѣчательную библіографическую рѣдкость (находится въ моемъ собраніи). Сочиненіе это такъ ярко и полно освѣщаетъ характеры и дѣйствія самого герцога и его современниковъ, что вполнѣ заслуживаетъ въ себѣ вниманіе любителей отечественной исторіи. Въ виду чего считаю не лишнимъ помѣстить здѣсь полную перепечатку рукописи съ сохраненіемъ орѳографіи подлинника.

Почтеннѣйшій Григорій Карловичъ!

Пристрастный къ отечественной нашей исторіи, я съ отмѣннымъ удовольствіемъ занимался всегда этимъ любопытнымъ предметомъ, составлявшимъ услажденіе моихъ безсонницъ. Прочитавъ у Васъ изготовленную біографію Императрицы Анны Іоанновны и ненавидя лести, я рѣшился написать это разсужденіе и посвятить его Вамъ въ память дружескаго нашего знакомства и искренней моей признательности. Простите многія погрѣшности; вспомните, что я сочиняю все прямо на-бѣло! — Можетъ быть я ошибался въ точкѣ зрѣнія, но ежели человѣческой природѣ дана слабость дѣлать ошибки, то снисходительной дружбѣ представлено право извинять ихъ!

Душой и сердцемъ преданный

Дмитрій Приклонскій.

Разсужденіе о герцогѣ Биронѣ.

Россійскіе историки, описывая царство Императрицы Анны Іоанновны и называя ее *доброю*, приписываютъ единственно любимцу ея герцогу Бирону всѣ ужасы, происходившіе въ это время. Отдавая должную похвалу патріотическому духу, недопускающему, чтобы Россія могла произвести изверга (да проститъ Господь Богъ царя Іоанна Васильевича Грознаго), нельзя однако жъ дозволить историку увлекаться какими бы то ни было побужденіями; онъ долженъ всегда быть хладнокровно-разсудителенъ, справедливъ и болѣе сего безпристрастенъ. Обязанъ кромѣ собственной науки знать твердо логику, наипаче философію.

Что ни одинъ министръ не осмѣлится быть жестокимъ, если государь его человѣколюбивъ, есть давняя извѣстная аксіома. Напрасно приписываютъ одному кардиналу Ришелье всѣ казни, бывшія во время Людовика XIII-го *); не онъ же, находясь тогда въ Тулузѣ, заставилъ короля при утвержденіи смертнаго приговора прежняго любимца своего оберъ-шталмейстера Сентъ-Марса сказать съ усмѣшкою: „Завтра г. оберъ-шталмейстеръ проведетъ очень непріятную четверть часа“.

Что умъ *слабѣйшій* покорляется обыкновенно вліянію и управленію ума *сильнѣйшаго*, есть тоже неоспоримая истина; но императрица Анна Іоанновна, по общему отзыву современниковъ, имѣла умъ *свѣтлый*, знала кромѣ русскаго иностранные языки, народный духъ, обычаи, предразсудки, его исторію, получила образованіе уже европейское; тогда какъ объ умѣ Бирона сказалъ одинъ посланникъ, бывшій въ то время при с.-петербургскомъ дворѣ: „Когда герцогъ Биронъ разсуждаетъ о лошадяхъ *), то говоритъ какъ человѣкъ, а какъ начнетъ разсуждать о людяхъ, такъ говоритъ какъ лошадь“. Не могла же императрица этого не замѣтить!

Отчего же, по общему свидѣтельству очевидцевъ, въ 10-ти лѣтнее царство ея, погибло въ казняхъ, въ пыткахъ, въ ссылкахъ и въ тюрьмахъ около 20-ти тысячъ человѣкъ? Разсмотримъ эти обстоятельства.

1-е. *Въ казняхъ.* По духу того времени, наставшему только 5 лѣтъ послѣ кончины Петра Великаго, колесованіе, отсѣченіе руки и головы, отрѣзаніе языка, были наказанія столь же обыкновенныя, какъ нынче у насъ плети, которыя употребляются здѣсь каждую недѣлю три раза, и о которыхъ никто не помышляетъ, даже рѣдко, ѣдущій на Конную преступникъ, возбуждаетъ въ комъ либо сожалѣніе; эти казни тогда существовали во всей Европѣ, и къ чести Россіи, были у насъ легче чѣмъ въ прочихъ государствахъ. Стоитъ прочитать казнь Дамьяна **), покусившагося на жизнь короля французскаго Людовика XV (современника Анны Іоанновны), чтобы исполниться ужасомъ и омерзеніемъ къ народу образованнѣйшему; а русскіе въ тотъ вѣкъ также смотрѣли равнодушно на колесованіе, на отрубленіе головы, какъ теперь смотрятъ на наказаніе плетьми.

2-е. *Въ пыткахъ.*—Пытки тоже, употребленныя тогда во всей Европѣ,

*) Regine de Louis XIII par Capelique.

*) Биронъ, будучи внукомъ конюха, страстно любилъ лошадей (Записки Манштейна). Это говорилъ австрійскій посланникъ графъ Остенъ.

**) По возведеніи на эшафотъ, начали клещами драть съ него кожу, мясо рубить сѣчьками и заливать кипящимъ масломъ, потомъ рубили по частямъ руки и ноги, облитая оставшіеся члены кипящимъ свинцомъ; наконецъ привязали къ 4-мъ бѣшеннымъ лошадямъ для разорванія, а палачи рѣзали ему жилы.—Тьма парижанъ кричала: «Не щадите, мучьте хорошенько! онъ поднялъ руку на короля!» Histoire de France.

были въ Россіи легче иностранныхъ; главнѣйшая заключалась въ поднятіи на дыбу. Лишь только упомянутый Дамьянъ, нанеся легкую рану Людовику XV-му, былъ схваченъ и отведенъ на дворцовую гауптвахту, то солдаты сами собою, безъ судей, раздѣли его и голыми пятками поставили на горячіе угольи, тонившагося камелька, чтобы начать допросъ. Не взирая на законы, строго запрещающіе пытки, сродныя русскому характеру, онѣ существуютъ до нынѣ во всѣхъ деревняхъ; тамъ воръ или мошенникъ, только подозрѣваемый, не иначе допрашивается, какъ подъ розгами. Когда въ 1842-мъ году вступилъ я во владѣніе 1400-тъ душъ и узнавъ, что въ моихъ отчинахъ существуютъ подобныя церемоніи, строго ихъ воспретилъ, то крестьяне очень негодовали за отмѣну такого благодѣтельнаго обычая.

3-е. *Въ ссылкахъ.* — Онѣ въ это время также были въ обыкновеніи во всей Европѣ, а въ Россіи, начиная отъ великихъ князей и царей, почитались *милостивымъ* наказаніемъ, хотя, въ иныхъ случаяхъ, ссыльные ходили всегда *въ цѣпяхъ* и питались мірскимъ подаяніемъ, чего при императорахъ уже никогда не было; ссыльные изъ дворянъ отправлялись безъ цѣпей, получали приличное содержаніе и удобное помѣщеніе. Но этотъ обычай такъ вкоренился въ русскихъ, что встарину, когда помѣщикъ былъ не доволенъ комнатнымъ слугою, то отправлялъ его въ деревню, гдѣ онъ ничѣмъ не занимался, но числился по спискамъ *въ ссылкѣ* или *опалѣ;* если же не имѣлъ деревни, то отсылалъ изъ боярскихъ покоевъ жить при *кухнѣ*, или *конюшнѣ*, *въ наказаніе*, которое дворовые люди, служащіе при лицѣ господъ своихъ, считали тяжкою обидою.

4-е. *Въ тюрьмахъ.* — Наказаніе самое легкое, основанное на правилѣ, что злонамѣренный человѣкъ долженъ быть лишенъ свободы *дѣлать вредъ.* — При Кромвелѣ лондонскій *Товеръ* или башня, при Людовикѣ XIV-мъ и при преемникѣ его Людовикѣ XV-мъ *Бастилія*, были наполнены арестантами. Да и въ наши благословенныя времена, такія мѣста, кажется, пусты не бываютъ!

Какая же могла быть побудительная причина жестокостямъ, происходившимъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, впрочемъ тогда никакъ таковыми не признаваемыми? — Проистекали ли онѣ прямо отъ внушенія ея любимца?

Кто изслѣдовалъ, кто наблюдалъ натуру царедворцевъ, тотъ раздѣляетъ ихъ на *два класса:* къ первому принадлежатъ избранные *безкорыстные* любимцы, столь глубоко оцѣнивающіе милостивое къ нимъ вниманіе монарха, что сохраненіе его славы, похвальныхъ отзывовъ о немъ всего народа, составляетъ цѣль ихъ существованія. Съ совершеннымъ самоотверженіемъ, въ полномъ самозабвеніи, пренебрегая всѣми личными выгодами, они готовы, не страшась, ни гнѣва, ни потери мѣста, ни даже ссылки, говорить всегда своему государю одну святую истину, обнаруживать зло безъ всякаго лицепріятія; въ случаѣ упорства готовы даже спорить съ нимъ, и если нужно тайно противодѣйствовать, лишь бы спасти царское имя отъ всякаго нареканія. Такія возвышенныя души, преданныя безусловно, встрѣчаются рѣдко; подобные патріоты могутъ быть признаны метеорами. Таковыми показали себя: *Адашевъ*, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ; *князь Яковъ Федоровичъ Долгоруковъ*, при императорѣ Петрѣ Великомъ; безсмертный герцогъ *Сюлли*, при королѣ французскомъ Генрихѣ IV.

Второй классъ придворныхъ выходцевъ *) состоитъ изъ людей, по большей

*) Называемые по французски Courtisans.

[redacted]

части никакого происхожденія, никогда не мечтавшихъ быть на той степени, на которую возведены *случайностію*, попавшихъ на нее, сами не зная какъ, исполненныхъ корыстолюбія и готовыхъ жертвовать всѣмъ на свѣтѣ, чтобъ удержаться на мѣстѣ, чѣмъ бы то ни было, для достиженія почестей, возвеличенія своего рода и обогащенія. Пресмыкаясь предъ престоломъ, ослѣпленные его блескомъ, они почитаютъ угодливость монарху единственнымъ правиломъ жизни, привѣтливость его—высшимъ благомъ, и не токмо готовы всегда свято исполнять всѣ его приказанія, капризы, странности, но скрывая вѣчно предъ нимъ правду, чтобъ не разсердить его, считаютъ первѣйшимъ непростительнымъ грѣхомъ въ чемъ бы то ни было государю своему прекословить; напротивъ, стремятся усугубить мѣры исполненія, чтобы доказать неограниченность усердія; чувствуя свое ничтожество, зная, что перемѣна правленія, кромѣ лютаго несчастья имъ ничего не обѣщаетъ, они всѣми силами пользуются настоящимъ. Но такія подлыя души всегда трусливы. Они готовы, какъ уже сказано, умножать исполненія повелѣнія, но они должны напередъ получить его. Оборони Боже, если узнаютъ, что они дѣйствуютъ самопроизвольно,— гибель ихъ неизбѣжна: рука, ихъ вознесшая, мгновенно низвергаетъ въ прахъ! *). Знаменитый герцогъ д'Альба, любимецъ испанскаго короля Филиппа II-го говаривалъ **): „Отказаться отъ королевскаго порученія, какое бы оно ни было, есть уже *оскорбленіе Величества*; осмѣлиться судить его, есть покушеніе противъ Высочайшей власти; дерзнуть не исполнить въ точности, а по своему разумѣнію, преступленіе, достойное всѣхъ казней!" Правда, герцогъ д'Альба показалъ себя при усмиреніи возмутившихся Нидерландовъ истиннымъ палачемъ, но онъ очень хорошо зналъ, что Филиппъ II-й былъ въ душѣ неистовый тиранъ, и что онъ своими жестокостями только предупреждаетъ его желанія. Подобнаго угодника нашелъ царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный въ Малютѣ Скуратовѣ, императоръ Петръ Великій въ князѣ Меньщиковѣ, императрица Анна Іоанновна въ герцогѣ Биронѣ. Не слѣдуетъ удивляться, такіе люди бываютъ, по характеру царей, особенно имъ нужны.

Теперь приступимъ къ разбору, откуда проистекало зло? отъ высшей ли власти, или отъ второстепенной?

Императрица Анна Іоанновна, которую даже подобострастный Мальгинъ въ „Зеркалѣ Россійскихъ Государей" осмѣлился назвать *строгою*, провела 30-ть лѣтъ сряду въ безпрерывныхъ досадахъ и неудачахъ, что должно было естественно раздражить ея нервы и характеръ. Выданная замужъ не по склонности, а по волѣ царствующаго дяди, котораго, какъ видно, не слишкомъ любила *), вскорости овдовѣвъ, она увидѣла себя въ Митавѣ съ людьми совершенно ей чуждыми, герцогинею курляндскою, безъ власти, безъ силы, въ зависимости, такъ сказать, учрежденнаго тамъ правленія, слѣдовательно только тѣнью владѣтельной особы, съ маленькимъ дворомъ, въ то время, какъ была дочерью россійскаго царя, государя могущественнѣйшей имперіи. По-

*) Извѣстно, что Петръ Великій часто бивалъ трестію князя Меньщикова, повторяя при каждомъ ударѣ: «Ты забылъ откуда ты взятъ, такъ я напомню!» Но онъ его отъ себя не отпускалъ, потому что нуждался въ такомъ слугѣ.

**) Ancillon tableau des revolutions del' Europe.

*) Петръ Великій былъ погребенъ 6-ть лѣтъ послѣ кончины. Анна Іоанновна не хотѣла пріѣхать изъ Москвы на эту церемонію, чего однакожъ требовало приличіе, потому что покойный, кромѣ царскаго сана, замѣнялъ ей мѣсто отца. Она поручила похороны графу Миниху.

сылаемая ей изъ отечества годовая сумма на содержаніе была не достаточна; она просила прибавки и получила отказъ. Съ учрежденнымъ въ Курляндіи правительствомъ находилась почти всегда не въ ладахъ (какъ извѣстно). Когда же открылась ей счастливая будущность, предложеніемъ руки маршала де Сакса, знаменитѣйшаго человѣка своего времени, умѣвшаго внушить ей къ себѣ сердечное чувство, она принуждена была заглушить его, отвергнуть пріятнѣйшую мечту, по интригамъ князя Меньщикова, не взиравшаго ни на мольбы ее, ни на слезы и упорно утверждавшаго, что россійской великой княгинѣ нельзя унизиться супружествомъ съ сыномъ метрессы, тогда какъ онъ упрачивалъ Курляндію собственно для себя, что Анна Іоанновна и ея придворные очень хорошо понимали, и дочь царя Іоанна Алексѣевича, которому Петръ Великій былъ во многомъ обязанъ, увидѣла себя, въ сладчайшихъ желаніяхъ, жертвою ненасытнаго властолюбія, бывшаго презрѣннаго пирожника! Наконецъ когда судьба хотѣла вознаградить ее горести внезапнымъ призваніемъ на россійскій престолъ, она и тутъ узнала, что это предложеніе соединено съ глупѣйшими условіями, какихъ ни одна страна въ Европѣ не являла примѣровъ. Что ей даютъ только ту власть, какую имѣла она въ Курляндіи и что эта нелѣпая конституція не есть общая воля всѣхъ государственныхъ сословій, но коварная выдумка семи честолюбцевъ, стремившихся забрать всю власть въ свои руки и имѣть на престолѣ одну куклу съ царскимъ титуломъ, чтобъ подъ именемъ ея удобнѣе править и грабить Россію! Смѣю спросить съ какимъ расположеніемъ духа, съ какими чувствами пріѣхала новая императрица въ Москву принять корону? Вотъ гдѣ *начало зла*! — Однакожъ ни одному историку не угодно было обратить на всѣ эти обстоятельства должнаго вниманія.

Кто вникалъ въ человѣческую натуру, тотъ знаетъ, что раздраженіе первическое имѣетъ разныя послѣдствія; въ сердцахъ отъ природы добрыхъ, оно производитъ мгновенную запальчивость, схожую иногда съ бѣшенствомъ; въ эту минуту человѣкъ готовъ своими руками разорвать другаго на части; но лишь только ярость утихла, онъ плачетъ о своемъ поступкѣ, клянетъ самъ себя и не знаетъ какъ достойно вознаградить свою жертву. Въ людяхъ же скрытныхъ и злыхъ, раздражительность нервъ возбуждаетъ продолжительное мщеніе; безпрерывно помышляя о средствахъ какъ бы злѣе отплатить за обиду, изыскивая удобный къ тому случай, чтобы вѣрнѣе исполнить лютое намѣреніе; никому еще не извѣстное; безпрестанная мысль производитъ безпрестанное раздраженіе, усиливающее внутреннюю злобу. Анна Іоанновна *), видя себя жертвою интригъ Меньщикова, потомъ вельможъ, отказавшихъ ей въ прибавкѣ содержанія, между тѣмъ, зная права свои на престолъ, отъ котораго отецъ ея ни за себя, ни за свое потомство никогда не отрѣкался, не могла любить русскихъ. Она окружила себя нѣмцами, болѣе ей преданными, потому что ихъ интересы были неразрывно связаны съ ея собственными пользами. Освѣдомясь наконецъ о козняхъ и происках временщиковъ, предлагавшихъ ей корону по особеннымъ видамъ, она изъ политики

*) Испанскій посланникъ Дюкъ де Лирія въ запискахъ своихъ, описывая Анну Іоанновну, говоритъ: «Она строго наблюдаетъ повиновеніе къ себѣ и желаетъ знать все, что дѣлается въ ея государствѣ; не забываетъ услугъ, ей оказанныхъ; но имѣетъ съ тѣмъ хорошо помнитъ и нанесенныя ей оскорбленія».

принуждена была согласиться, но нравъ *гордый*, душа *самовластительная* такихъ обидъ не прощаетъ. Условіе не брать съ собою Бирона, кавалера ея курляндскаго двора, должно было естественно возмутить ее еще болѣе, доказательствомъ, что въ императорскомъ санѣ, она находится подъ опекою, кого же? своихъ подданныхъ, которыхъ судьба въ ея рукахъ!—Анна Іоанновна все перенесла, въ душѣ государыни скоплялась ужасная буря, ожидающая только минуты раздраженія. Надобно удивляться мудрости первоначальныхъ ея поступковъ и постепенному появленію дальнѣйшихъ дѣйствій; а вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не осмѣять отъ чистаго сердца необдуманности, недальновидности и неосмотрительности дѣяній гг. правителей, людей опытныхъ, искустныхъ дипломатовъ, посѣдѣвшихъ въ государственныхъ дѣлахъ и придворной политикѣ.

Императрица обнаружила врожденный нравъ съ самаго пріѣзда въ Москву. Остановясь въ селѣ Всесвятскомъ и, узнавъ отъ сестры своей Екатерины Іоанновны всѣ козни, въ столицѣ производимыя, не взирая на бдительный надзоръ за нею главнаго крамольщика князя Василія Лукича Долгорукаго, она не поѣхала на погребеніе императора Петра II-го, покровителя, или лучше сказать кумира Долгорукихъ, что даже требовало и близкое родство и царское достоинство покойнаго, и этикетъ дворцовый. Опытный царедворецъ сейчасъ бы понялъ смыслъ такого нарушенія приличія, такъ какъ каждый монархъ ни одного шага безъ цѣли не дѣлаетъ. Потомъ, когда канцлеръ съ членами Верховнаго Совѣта поднесъ ей въ Всесвятскомъ на блюдѣ андреевскую ленту, она сказала имъ очень равнодушно: *„Ахъ! я и забыла надѣть ее“* то есть, „напрасно трудились. Она моя и безъ васъ“. Канцлеръ хотѣлъ сказать привѣтствіе; императрица прервала его рѣзкими словами: *„Не нужно пустыхъ словъ“* и по тогдашнему обычаю приказала возложить на себя орденъ не членамъ Совѣта, поднесшимъ оный, но двумъ, стоявшимъ за ней, постороннимъ кавалерамъ, желая тѣмъ болѣе уязвить подносителей *). Наконецъ, зная, что по утвержденнымъ ею предварительнымъ условіямъ, гвардія должна была состоять въ распоряженіи Верховнаго Совѣта, государыня, вопреки имъ, объявила себя полковникомъ обоихъ полковъ, чѣмъ особенно расположила къ себѣ солдатъ и ввѣрило начальство надъ Преображенскимъ своему двоюродному брату *Салтыкову*, чтобы имѣть всегда вѣрную оборону противъ дальнѣйшихъ замысловъ правителей. Они крайне были поражены такими дѣйствіями, никакъ не видя въ этихъ мѣрахъ естественныя послѣдствія необдуманныхъ ихъ распоряженій.

Биронъ оставался еще въ Митавѣ, какъ императрица начала уже показывать кто она. Мысль, встрѣчать въ каждомъ служащемъ *измѣнника*, *бунтовщика* и *ослушника*, этотъ злобный геній, преслѣдовавшій царя Іоанна Васильевича Грознаго въ продолженіи его жизни, казалось всюду летала за Анной Іоанновной. Предложивъ генералу *Румянцеву*, усерднѣйшему слугѣ Петра Великаго мѣсто государственнаго казначея и услышавъ отъ него, что гражданская служба съ ея дѣлами ему неизвѣстна, государыня тотчасъ велѣла лишить его чиновъ, орденовъ и отправить безъ суда

*) Въ то время новопожалованный кавалеръ, не могъ самъ надѣть на себя орденъ, но долженъ былъ ожидать возложенія отъ старшаго кавалера. При вступленіи Екатерины I на престолъ орденъ св. Андрея возлагали на нея графъ Головинъ и князь Меньшиковъ въ церкви св. Троицы, послѣ причастія, у царскихъ дверей; орденъ же лежалъ на престолѣ.

въ ссылку въ деревню. Адмиралъ *Сиверсъ* за медленность въ приводѣ къ присягѣ нижнихъ чиновъ, былъ также разжалованъ и сосланъ. Этой участи подвергся статскій *Фикъ* *) за смѣлыя сужденія правительства, *Левъ* епископъ воронежскій за нехотѣніе принять присяги и приводить прочихъ безъ указа св. сунода (въ чемъ совершенно оказался правымъ), былъ вытребованъ въ Москву, публично разжалованъ и посланъ въ заточеніе въ архангельскій Крестный монастырь; два епископа, отказавшіеся подписать беззаконный приговоръ, также сосланы арестантами. Всѣ эти дѣйствія говорятъ довольно громко, обнаруживая нравъ императрицы, — а Биронъ еще *не въѣзжалъ въ Россію.*

Когда Анна Іоанновна, принявъ депутацію дворянства и узнавъ обманъ Долгорукихъ, разорвала утвержденныя ею условія, они вмѣстѣ съ своими сообщниками кн. Галицыными были наказаны, по тогдашнему довольно милостиво, то есть лишены чиновъ, орденовъ и сосланы въ деревни. Иначе какъ же поступить? Императрица еще не была въ то время ни коронована, ни муропомазана, — въ глазахъ русскаго народа одно это утверждаетъ царскую власть, освящаетъ ее, дѣлаетъ неприкосновенною и даетъ право располагать жизнію подданныхъ. Въ этомъ должно убѣдиться изъ словъ произносимыхъ митрополитомъ, при поднесеніи короны, скипетра и державы. Подобный примѣръ находится въ нынѣшнемъ царствѣ: послѣ происшествія 14-го декабря 1825-го года государь императоръ изволилъ *собственноручно* утвердить приговоръ о разжалованіи и ссылкахъ, но коль скоро коснулось до *смертной казни*, то участь 5-ти осужденныхъ, никакъ не утверждая, предоставилъ въ полную волю *Верховнаго Уголовнаго Суда.* Замѣтить надобно, что приговоръ послѣдовалъ 12-го іюня 1826-го года, а коронованіе совершено только 22-го августа того года.

Биронъ пріѣхалъ въ Москву предъ коронаціею, а г. Полевой, котораго по неосновательности, лицепріятію и пристрастію никакъ нельзя удостоить почтеннѣйшаго наименованія историка, изъясняетъ однакожъ въ своей *Русской Исторіи для первоначальнаго чтенія*, что Биронъ получилъ въ одинъ день графство, званіе оберъ-камергера (слѣдственно 2-й классъ) и орденъ святаго апостола Андрея. — По мнѣнію моему, чтобъ быть *справедливымъ*, каждый русскій, составляющій исторію своего отечества, долженъ на это время забыть свою родину и превратиться въ иностранца; а при составленіи иностранной исторіи быть по прежнему русскимъ. Еслибъ г. Полевой имѣлъ малѣйшее понятіе о придворномъ обиходѣ, то увидѣлъ бы, что кромѣ римскаго графскаго достоинства, даннаго по политическому разсчету, Биронъ получилъ все наравнѣ съ прочими, даже меньше ихъ. Въ Курляндіи дворъ Анны Іоанновны состоялъ *) изъ гофмейстера Петра Михайловича Бестужева, шталмейстера графа Густава Левенвольда, камергера россійскаго двора графа Рейнгольда Левенвольда **), командированнаго

*) Записки Манштейна. Румянцевъ черезъ 5-ть лѣтъ былъ прощенъ, съ возвращеніемъ прежнихъ достоинствъ, по ходатайству Миниха.

*) Придворный штатъ великихъ князей и княгинь, то есть 2-го разряда, всегда заключается въ гофмейстерѣ, шталмейстерѣ, 2-хъ камергерахъ, 2-хъ камеръ-юнкерахъ, 1-й гофмейстринѣ и 2-хъ флейлинахъ. Такъ и по нынѣ, но часто безъ комплекта.

**) Баронъ Рейнгольдъ Левенвольдъ, происходя изъ знатной лифляндской фамиліи, былъ взятъ въ плѣнъ при Полтавѣ, по молодости своей и отличному воспитанію пожалованъ Петромъ I въ камеръ-юнкеры; императрица Екатерина I произвела его въ камергеры и въ россійскіе графы 24 октября 1726 г.

къ курляндскому двору, вѣроятно по желанію герцогини, камеръ - юнкеровъ: Бирона и сына Бестужева (бывшаго потомъ канцлеромъ), фрейлины Трейденъ. Когда гофмейстеръ Бестужевъ по интригамъ Бирона былъ удаленъ, то на мѣсто его, разумѣется, по старшинству, поступилъ камергеръ Левенвольдъ, а въ должность камергера старшій камеръ-юнкеръ Биронъ. Это естественно! Но когда герцогиня курляндская получила россійскую корону, то чтобы сравнить Бирона съ камергерами Императорскаго двора, она пожаловала ему ключъ, сему званію присвоенный, котораго камергеры малыхъ 2-го разряда дворовъ не имѣютъ; это происходило еще въ Митавѣ. По пріѣздѣ ея въ Россію и по восшествіи на прародительской престолъ, всѣ чины курляндскаго двора вошли, весьма натурально, въ составъ большаго высочайшаго придворнаго штата, такъ какъ императрица, опытомъ убѣжденная въ ихъ усердіи и преданности, не могла отъ себя отдалить, безъ явной обиды, и обязана была, по императорскому сану, прежнюю ихъ службу наградить. На этомъ основаніи шталмейстеръ Густавъ Левенвольдъ поступилъ въ оберъ-шталмейстеры, братъ его гофмейстеръ въ оберъ-гофмейстеры, а потомъ въ оберъ-гофмаршалы, къ чему, по отзыву современниковъ, былъ, кажется, созданъ, а камергеръ Биронъ въ оберъ-камергеры, на мѣсто разжалованнаго уже прежде любимца Петра II князя Долгорукова. На эти отличія они имѣли полное право. Въ нынѣшнія времена адъютантъ великаго князя знаетъ напередъ, что при восшествіи его высочества на престолъ, отъ тотчасъ же повышается въ флигель-адъютанты; это даже не почитается наградою, но слѣдуемымъ. Въ день коронованія своего Анна Іоанновна особенно наградила только своего агента въ Россіи шталмейстера Густава Левенвольда *).

Правда, что императрица, вызывая Бирона изъ Митавы въ Москву, послала ему орденъ Св. Александра Невскаго **) и намѣрена была въ день коронованія возложить на него ленту Св. Андрея, но по словамъ очевидца герцога де Лирія, онъ ее не принялъ, а просилъ государыню, вѣроятно изъ политическихъ видовъ, украсить этимъ знатнымъ отличіемъ курляндскаго оберъ-маршала Бракеля, что и было исполнено; графскій же дипломъ получилъ онъ не россійскій, а римской имперіи, и не въ коронацію, совершенную 28-го апрѣля 1730 года, а 12-го августа того же года отъ императора Карла VI-го, который, желая имѣть помощь Россіи для подкрѣпленія своей *прагматической санкціи*, противъ чего тогда возставала половина Европы, доставилъ Бирону чрезъ посланника своего графа Вратиславскаго, кромѣ диплома, свой портретъ, осыпанный бриллiантами въ 12,000 ефимковъ и потомъ чрезъ два года 200,000 гульденовъ на покупку Вартембергскаго владѣнія, пріобрѣтеннаго имъ уже въ 1735-мъ году, какъ явствуетъ изъ европейскаго календаря Calendrier de Gotha. Ордена же святаго Андрея удостоенъ онъ 1-го октября 1730-го ***), и это тѣмъ болѣе достовѣрно, что герцогъ де Лирія, отправясь къ ней съ обычнымъ поздравленіемъ, воспользовался случаемъ, чтобъ

*) При кончинѣ Петра II-го шталмейстеръ Густавъ Левенвольдъ былъ въ Москвѣ и остался на погребеніе государя; узнавъ всѣ козни Верховнаго Совѣта, онъ одѣлъ скорохода своего крестьяниномъ и отправилъ его съ письмомъ въ Митаву къ брату гофмейстеру, который открылъ весь заговоръ Аннѣ Іоанновнѣ еще до прибытія депутатовъ. (Записки Манштейна).

**) 6-го марта 1730-го года.—Записки герцога де Лирія.

***) Черезъ пять мѣсяцевъ послѣ коронаціи! Жена его получила орденъ св. Екатерины, а сыновья св. Андрея только въ февралѣ 1740-го г.

склонить на оказаніе ему одной необходимой услуги; слѣдовательно Биронъ не получилъ особыхъ наградъ, равномѣрно какъ и Левенвольды. Имъ дали, конечно, россійское графское достоинство *), но орденъ св. Андрея возложенъ на Рейнгольда 28-го апрѣля 1732-го, а на Густава 21-го декабря 1733-го года, то есть, спустя два и три года послѣ коронаціи всѣхъ болѣе возвысился Густавъ **).

Послѣ этой справки, извлеченной изъ печатныхъ фактовъ, которую легко могъ сдѣлать г. Полевой, можно ли вѣрить его исторіи и въ остальномъ? Знаю, по крайней мѣрѣ, что се весьма удобно окритиковать. Въ ней явилъ себя сочинитель истиннымъ русскимъ, и *лѣнивымъ* и *страстнымъ* къ слову *авось!* Сочиняя исторія кое-какъ, онъ думалъ: *авось съ рукъ сойдетъ*; и дѣйствительно *сошла!*

Объявивъ довольно пространно мнѣніе мое насчетъ императрицы Анны Іоанновны, я приступлю къ разбору характера и поступковъ самого Бирона, а изъ разногласія современныхъ писателей выведу собственное мое заключеніе.

Г. Полевой, основываясь на запискахъ Манштейна, говоритъ, что Биронъ при возвышеніи своемъ, оставя прежнее прозвище, принялъ, якобы потомокъ, фамилію знаменитаго французскаго фельдмаршала при Генрихѣ IV-мъ, герцога Бирона.—Еслибъ г. Полевой взялъ на себя трудъ провѣрить нынѣ существующіе гербы обѣихъ фамилій, то, увидя ошибку Манштейна, самъ бы ее избѣгнулъ; — каждому историку слѣпо вѣрить не возможно, но должно сличать одного съ другимъ. Кто называетъ себя потомкомъ знатнаго рода, тотъ обязанъ доказать это сходствомъ гербовъ, а изъ книги *Manuel complet dublason francais* явствуетъ, что гербъ герцога Бирона составленъ былъ изъ четвертованнаго щита съ двумя полями золотыми и двумя алыми, крестообразно, безъ фигуръ, съ девизомъ: Perit sed in armis (погибаю, но съ оружіемъ), тогда какъ гербъ Бироновъ курляндскихъ имѣетъ въ аломъ только полѣ ворона, держащаго клювомъ дубовый сукъ съ тремя жолудями, сидящаго на пнѣ съ зеленою отраслью о пяти листахъ, на которой повѣшенъ ключъ, концомъ къ нижней правой сторонѣ, съ крестообразною рукоятью — девизъ тотъ самый. Но какое же тутъ сходство? Правда, что Биронъ принялъ одинакій девизъ, и то весьма не обдуманно! Всѣ Бироны французскіе были военные, слѣдовательно могли погибнуть на полѣ сраженія съ оружіемъ въ рукахъ, но Бироны курляндскіе едвали сражались когда *противъ зайцевъ*, и россійскій регентъ оправдалъ гербовую надпись развѣ только въ ту ночь, какъ гвардейскіе солдаты подъ командою Манштейна вязали его и онъ, *погибая, отбивался* отъ нихъ *во всю мочь одними кулаками*, пока не скрутили рукъ. Если я, дряхлый старикъ, никогда не издававшій въ свѣтъ историческихъ сочиненій, но пристрастный въ душѣ къ исторіи, какъ *частный человѣкъ* обращаюсь къ розыскамъ, чтобъ открыть истину, почему же *историкъ* Полевой не хотѣлъ взять подобнаго труда?

Каждый лѣтописецъ обязанъ, какъ я полагаю, задать себѣ прежде всего вопросъ: что есть исторія? На это получитъ онъ логическій отвѣтъ: исторія есть тщательное, безпристрастное изслѣдованіе дѣяній значительнаго лица минувшихъ временъ и судъ, производимый

*) Рейнгольдъ Левенвольдъ получилъ уже графство 24-го октября 1726-го года отъ Екатерины I-й.

**) А Густавъ 28 апрѣля 1730-го; кромѣ званія оберъ-шталмейстера онъ получилъ генералъ-адъютантское, полковника Измайловскаго полка, чинъ генералъ-аншефа и кабинетъ-министра!

надъ нимъ потомствомъ". Для достиженія сей цѣли должно неотступно держаться юридическаго правила, что— „справедливаго изслѣдованія и потомъ праведнаго суда, безъ предварительныхъ вѣрнѣйшихъ справокъ произвести не возможно".

При разборѣ характера и дѣйствій Бирона, долгомъ считаю предупредить благосклонныхъ моихъ читателей, что я ограничусь только разсмотрѣніемъ дѣяній главнаго *министра* царства Анны Іоанновны, а *отнюдь не регента* Россійскаго государства; тогда онъ былъ лицомъ *подвластнымъ*, тутъ же онъ дѣйствовалъ почти какъ самъ монархъ, слѣдовательно все было подвластно ему одному и никто ни въ чемъ препятствовать не могъ.

Манштейнъ, какъ видно, не терпѣвшій его за частыя ссоры съ графомъ Минихомъ, у котораго онъ былъ адъютантомъ, говоритъ о герцогѣ Биронѣ: „Онъ не имѣлъ никакого образованія въ наукахъ и совершенно никакого воспитанія, кромѣ даннаго ему самимъ собою, не обладалъ искуствомъ привлекать общество разговоромъ, но одаренъ былъ нѣкоторымъ умомъ и здравымъ разсудкомъ, хотя многіе утверждали противное; ему справедливо приписываютъ пословицу: *дѣла творятъ людей* До пріѣзда въ Россію онъ не понималъ даже значенія слова *политика*, но пробывъ въ ней нѣсколько лѣтъ, вполнѣ постигъ всѣ нужды огромнѣйшей имперіи, наконецъ вникнулъ во всѣ дѣла и всѣмъ управлялъ; *первые же два года ни во что не входилъ*. Онъ очень любилъ роскошь и великолѣпіе, пристрастенъ былъ особенно къ лошадямъ; нравомъ не изъ лучшихъ, онъ былъ гордъ, честолюбивъ до крайности, корыстолюбивъ, грубъ, даже задорливъ, врагъ непримиримый и жестокъ въ наказаніяхъ. Онъ очень хотѣлъ выучиться лицемѣрить, но никакъ не могъ достигнуть совершенства графа Остермана, профессора этой науки".

Графъ Минихъ, сынъ фельдмаршала, любимый камергеръ императрицы, ежедневно служившій ей семь лѣтъ сряду при столѣ, когда она изволила обѣдать и ужинать съ семействомъ герцога курляндскаго, описываетъ его такъ: „Сей любимецъ счастія былъ человѣкъ благопріятнаго по наружности вида и съ острымъ проницаніемъ. Хотя онъ ни одного языка по правиламъ говорить не умѣлъ, однако по природному краснорѣчію своему, въ состояніи былъ мысли свои ясно изображать, и какое бы ни случилось положеніе—защищать. Онъ былъ щедръ и любилъ великолѣпіе, но при всемъ томъ разумный домоводецъ и врагъ расточенія *). Въ обхожденіи своемъ могъ онъ, когда желалъ, принимать весьма ласковый и учтивый видъ, по большею частію казался, по внѣшности, величавъ и гордъ. Честолюбіе его не имѣло никакихъ предѣловъ; то недовѣрчивость, то легковѣріе причиняли ему не рѣдко многое безпокойство. Онъ былъ чрезмѣрно вспыльчивъ и часто обижалъ изъ предускоренія **); если случалось иногда, что онъ погрѣшность свою усматривалъ, то хотя и старался опять примириться, однакожъ никогда не доводилъ до изустнаго объясненія, но довольствовался тѣмъ, что обиженному доставлялъ *стороною* какую нибудь *пріязнь* или *выгоду*. Если же кто, напротивъ того, сдѣлалъ предъ нимъ однажды проступокъ, тотъ не могъ уже надѣяться на его великодушіе, ниже при искреннѣйшемъ

*) То есть настоящій нѣмецъ!

**) Кабинетъ-министръ Волынскій (явный врагъ Бирона) говорилъ о немъ и о старшемъ сынѣ его Петрѣ: «Старикъ вспыльчивъ, да отходчивъ, а сынъ такъ злопамятенъ». (Выписка изъ дѣла Волынскаго).

принесенномъ своемъ раскаяніи; малѣйшее покушеніе *вредить* ему у императрицы, было *непростительное преступленіе*, и его мщеніе простиралось даже до жестокости".

Герцогъ де Лирія испанскій посланникъ въ то время при россійскомъ дворѣ, не принадлежавшій ни къ одной изъ тогдашнихъ партій, и тѣмъ болѣе безпристрастный, что записки свои сочинялъ для Англіи, оставилъ слѣдующее описаніе герцога Бирона *).

„Графъ Биронъ, оберъ-камергеръ и любимецъ царицы Анны, родомъ курляндецъ, долго служившій ея величеству съ величайшею вѣрностію, въ обращеніи былъ весьма вѣжливъ, имѣлъ хорошее воспитаніе, любилъ славу своей государыни и желалъ быть для всѣхъ пріятнымъ; но *ума въ немъ было мало*, и потому дозволялъ другимъ управлять собою до того, что *не могъ отличать* дурныхъ совѣтовъ отъ хорошихъ! Не смотря на все это, онъ былъ любезенъ въ обращеніи; наружность его была пріятна. Имъ владѣло честолюбіе съ большею примѣсью тщеславія".

Прежде чѣмъ согласить различныя три описанія, надобно сказать напередъ кто былъ Биронъ или Биренъ по происхожденію. По общему отзыву современниковъ, онъ былъ внукомъ старшаго конюха герцога курляндскаго, изъ самаго простаго званія. Отецъ его былъ слугою послѣдняго герцога курляндскаго, неразлучнымъ спутникомъ во всѣхъ походахъ, и за вѣрную долговременную службу наименованъ шталмейстеромъ или, лучше сказать, берейтеромъ *) съ чиномъ поручика, слѣдственно былъ лицемъ весьма не важнымъ. Молодаго Бирона послали учиться въ кенигсбергскую академію, гдѣ принимали всѣхъ; тамъ пробылъ онъ до 19-го года, и по буйному нраву, затѣя какую то гнусную исторію, получилъ пощечины и выгнанъ изъ академіи. Гуляя съ двумя подобными ему товарищами по улицѣ, началъ производить разныя пакости, былъ взятъ съ своимъ обществомъ стражею, посаженъ въ тюрьму и *выпущенъ на поруки* съ тѣмъ, что если не заплатитъ въ срокъ постановленнаго законами штрафа, то будетъ посаженъ снова **). Биренъ рѣшился, не дожидаясь срока, бѣжать въ Россію, гдѣ въ царство Петра I столь охотно принимали въ службу иностранцевъ. Онъ сталъ просить мѣсто *пажа при дворѣ*, по вѣроятно, по полученной отъ россійскаго посла при прусскомъ дворѣ надлежащей о немъ справкѣ, ему отказали. Потомъ, когда составился придворный штатъ супруги царевича Алексѣя Петровича, онъ началъ домогаться быть камеръ-юнкеромъ при молодой царевнѣ, бывшей принцессѣ вольфенбительской. Тутъ русскіе вельможи, ненавидѣвшіе всегда иноземцевъ и грубо обращавшіеся съ тѣми, которые не были въ знатныхъ чинахъ, и которыхъ они не боялись (см. Манштейнъ), сказали ему на отрѣзъ съ презрѣніемъ, что такія должности даются молодымъ людямъ знатныхъ фамилій, а не пришлецамъ его рода, и чтобъ онъ скорѣе убирался во свояси. Обманутый въ надеждахъ, раз-

*) Герцогъ *де Лирія*, по фамиліи *Бервикъ*, родомъ англичанинъ, былъ незаконнымъ сыномъ Іакова II-го короля англійскаго, лишеннаго престола. Вступивъ въ испанскую службу и бывъ посланникомъ въ Россіи, онъ опредѣлилъ въ службу соотечественника своего генерала Кейта.

*) По французски *шталмейстеръ* или *берейторъ* равно называются *ecuyer*, по англійски *esquire*; имя послѣдняго стали именовать: écuyer-cavalcadour; но это недавно.

**) Въ дѣлахъ Государственнаго Архива хранится нѣмецкое письмо, писанное Бирономъ къ камергеру Монсу о прощеніи ему штрафа, что было исполнено.

драженный оказаннымъ ему презрѣніемъ, съ горестью въ сердцѣ и съ злобной местію въ душѣ, Биронъ, не имѣя копѣйки, пошелъ въ Митаву пѣшкомъ *). Возвратясь въ отчизну, онъ какъ-то нашелъ случай втереться въ милость къ гофмейстеру двора герцогини Анны Іоанновны, Петру Михайловичу Бестужеву, который, отрекомендовавъ его ея высочеству какъ нельзя лучше, выхлопоталъ ему при ней мѣсто камеръ-юнкера и разомъ изъ ничтожнаго состоянія произвелъ его въ придворные кавалеры, поразивъ этимъ и озлобя противъ герцогини и себя всю Курляндію, которой младшій дворянинъ, происходя отъ рыцарей меченосцевъ, столь гремѣвшихъ въ исторіи, считалъ себя, по врожденной гордости, разумѣется, гораздо выше Бирена, и камеръ-юнкерскаго званія гораздо достойнѣе, внука конюха и сына слуги! — Вотъ начало неимовѣрнаго зла, сдѣланнаго Бестужевымъ и *себѣ* и *всей Россіи*, по неосторожности ознаменовавшей почти всегда поступки русскихъ баръ, необдуманность коихъ такъ явно доказали Голицыны, Долгорукіе и наконецъ сынъ самого Бестужева въ послѣднее время царства императрицы Елисаветы Петровны, кромѣ многихъ другихъ, замѣшанныхъ въ разные заговоры! Утвердительно сказать можно, что если иностранцы брали надъ нами верхъ, то единственно *по образованію*, *усердію*, *осторожности* и *обдуманной расчетливости*, ибо они пріѣхали въ страну чуждую и держались *безъ родни*, *безъ связей*, *безъ покровительства* и вышли въ люди *службою*.

Отдаю на судъ каждому! Простительно ли старику, имѣвшему уже сына камеръ-юнкера, такому опытному царедворцу, каковъ былъ Бестужевъ, обязанному, по придворнымъ правиламъ, размѣрять каждый свой шагъ на масштабѣ дворцовой политики, взять и держать при себѣ сорванца, вездѣ выгнаннаго за дурное поведеніе и прогнаннаго изъ Россіи, не справясь напередъ кто онъ? Не самъ ли г. гофмейстеръ писалъ потомъ, что Биронъ пришелъ къ нему безъ кафтана; какъ же вѣрить пищему, не собравъ предварительно отъ любаго курляндца необходимыхъ о немъ свѣдѣній? Чего хорошаго можно было ожидать? Наконецъ, доступно ли здравому уму раздражить и обидѣть цѣлый корпусъ дворянства возведеніемъ прямо въ камеръ-юнкерское званіе столь важное въ то время *), ничтожнаго *бродягу*, бѣжавшаго изъ Пруссіи, вернувшагося на родину пѣшкомъ, тогда какъ въ Митавѣ жили потомки знаменитѣйшей фамиліи Кетлеръ, бывшіе впослѣдствіи камеръ-юнкерами у герцога Бирона и ѣхавшіе передъ его каретою верхами, въ церемоніи бракосочетаній принцессы Анны Леопольдовны **). Послѣ всѣхъ своихъ же неосторожностей, Бестужевъ имѣлъ духъ писать въ Россію къ своимъ покровителямъ, что опредѣленный имъ безчинный камеръ-юнкеръ Биронъ лишилъ его милостей герцогини разными клеветами, что въ Митавѣ распространились невыгодные слухи, и что онъ при-

*) Я приведу потомъ, въ доказательство сему, случившійся съ Бирономъ анекдотъ на дорогѣ его пѣшеходства.

*) Тогда камергеръ, при пожалованіи въ это званіе, получалъ съ нимъ вмѣстѣ чинъ арміи генералъ-маіора или дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а камеръ-юнкеръ чинъ бригадира или статскаго совѣтника При малыхъ дворахъ они были чиномъ ниже.

**) Они означены въ церемоніалѣ именами! Потомокъ этихъ Кетлеровъ, очень мнѣ извѣстный, находится нынѣ въ бѣдномъ состояніи, съ огромнымъ семействомъ, уѣзднымъ почмейстеромъ въ Гапсалѣ и въ этомъ званіи имѣетъ гербъ съ мантіей и герцогской короной!

бѣгаетъ къ защитѣ. Да не самъ ли онъ, русскою своею непредусмотрительностію былъ тому причиною. Не естественно ли было ожидать напередъ, что хитрый мальчишка, желая уничтожить всѣ преграды къ возвышенію своему, употребитъ возможныя средства его удалить. Онъ былъ бы готовъ за неимѣніемъ другихъ способовъ, даже отравить его. Не связалъ ли Бестужевъ, спрашиваю я, своими руками петли на свою шею?

Биронъ, попавъ въ камеръ-юнкеры, самъ не зная какъ, началъ, разумѣется, всѣми силами угождать и герцогинѣ и ея свитѣ; получивъ право носить шпагу съ блестящимъ кафтаномъ и шляпу съ бѣлымъ плюмажемъ (генеральскимъ отличіемъ), онъ возмечталъ, что курляндцы должны считать за честь имѣть въ своемъ гербовникѣ подобнаго вельможу, и сталъ просить дворянства; но надменные потомки Меченосцевъ, помня, что дѣды пріобрѣли это званіе въ желѣзной бронѣ съ бердышемъ въ рукѣ и украсили дипломы свои кровавыми каймами, съ насмѣшками ему отказали. Тогда прибѣгнулъ онъ къ другому средству: началъ ухаживать и наконецъ, съ дозволенія ея высочества, предложилъ руку дѣвицѣ фонъ-Трейденъ, знатной фамиліи, которая была фрейлиною при герцогинѣ, надѣясь попасть въ дворянскій матрикулъ чрезъ покровительство сильныхъ въ то время родныхъ ея. Но лишь только узнали они намѣреніе г. камеръ-юнкера, то, не взирая на ходатайство великой княгини, ему презрительно отказали. Биронъ, одаренный природою *волею буйною и умомъ всеразрушающимъ*, уговорилъ фрейлину Трейденъ, подъ защитою Анны Іоанновны, вступить съ нимъ въ тайный бракъ, противъ желанія родителей, въ чемъ онъ и успѣлъ. Послѣ такого поступка дворянство еще менѣе хотѣло принять его.

Женатый Биронъ, но однакожъ весьма не богатый, нашелся вынужденнымъ найти способы не токмо жить, но и обезпечить будущее семейство свое. Онъ очень хорошо зналъ, что пока гофмейстеръ Бестужевъ на своемъ мѣстѣ, то камергеру Рейнгольду Левенвольду повыситься не возможно, а чрезъ то и ему; слѣдовательно политика требовала его удаленія. Съ помощію супруги и вѣроятно, Левенвольда, онъ началъ клеветать Бестужева предъ герцогинею, выдумывать разныя обвиненія, пустился въ *бабьи сплетни*, столь свойственныя низости его происхожденія и успѣлъ до той степени очернить гофмейстера, что Анна Іоанновна не только удалила его, но послала повѣреннаго своего барона Корфа хлопотать за нея у большаго двора противъ Бестужева *).

Когда гофмейстеръ былъ уволенъ, то камергеръ Рейнгольдъ Левенвольдъ поступилъ, по старшинству, на его мѣсто, а Биронъ, какъ старшій камеръ-юнкеръ, сталъ исправлять должность камергера, получивъ прибавку жалованья. По принятіи же Анной Іоанновной въ Митавѣ россійскаго престола, она пожаловала ему ключъ, наименовавъ такимъ образомъ камергеромъ большаго двора, а изъ Москвы, при вызовѣ его туда, послала ему орденъ св. Александра Невскаго **).

Зная происхожденіе, воспитаніе и первоначальное вступленіе человѣка въ свѣтъ, можно уже разсуждать о его характерѣ, пороки коего хотя и врожденные, но болѣе или менѣе въ развитіи своемъ зависятъ отъ образованія

*) При воцареніи Анны Іоанновны, Бестужева сослали въ дальнія деревни.

**) 6-го марта 1730 года.

и обстоятельствъ. Манштейнъ, дышущій, какъ видно противъ Бирона одною ненавистью, говоритъ: „Онъ не имѣлъ никакого образованія въ наукахъ и совершенно никакого воспитанія, кромѣ даннаго ему самимъ собою". Это чрезвычайно неосновательно! Во первыхъ, когда Биронъ просился на службу къ россійскому двору, ему отказано по неизвѣстности его фамиліи, а не потому, чтобъ онъ былъ невѣждой; во вторыхъ, не могъ же онъ пробыть въ академіи до 19-ти или 20-ти лѣтъ, не получивъ хотя самаго поверхностнаго понятія о нѣкоторыхъ наукахъ; а доказательствомъ служитъ то, что когда ему предложили регентство, онъ, желая, какъ можно лучше выхвалить патріотизмъ вельможъ, сказалъ имъ: „Господа! вы поступили какъ римляне", слѣдовательно зналъ хорошо, до какой степени они простирали любовь къ отечеству. Въ третьихъ, всѣ писатели согласны между собою, что Анна Іоанновна имѣла уже европейское воспитаніе, а потому Бестужевъ не рѣшился бы опредѣлить камеръ-юнкеромъ человѣка глупаго и неотесаннаго. Далѣе: „Не обладалъ искусствомъ привлекать общество разговоромъ, но одаренъ былъ нѣкоторымъ умомъ и здравымъ разсудкомъ, хотя многіе утверждали противное". Кто имѣетъ понятіе о царедворцахъ, тотъ рѣшительно сказать можетъ, что ни одинъ изъ нихъ безъ умнаго дара слова впередъ не подвинется; конечно, пустомѣлю, хвастуна и лжеца всегда будутъ держать въ черномъ тѣлѣ и хода ему не дадутъ, но человѣка съ убѣдительнымъ даромъ слова, говорящаго умно, остро, колко и кстати отличатъ, возвысятъ и введутъ въ тѣсный кругъ малаго числа избранныхъ. Вотъ начало къ почестямъ; а чтобъ достигнуть его, нужно напередъ прославиться любезностью въ обществѣ, сдѣлаться необходимымъ ему, зная, что, гдѣ, когда и кому что говорить. Могъ ли Биронъ столько лѣтъ сряду жить при императрицѣ, женщинѣ умной, образованной, еслибъ самъ былъ глупъ и необразованъ? Это не естественно; онъ бы ей опротивѣлъ съ перваго раза, равномѣрно какъ и воспитанной фрейлинѣ Трейденъ, вышедшей за него замужъ по страсти, противъ воли родныхъ? Далѣе. „Ему справедливо приписываютъ пословицу: дѣла творятъ людей. До пріѣзда въ Россію онъ не понималъ даже значенія слова *политика*, но, пробывъ въ ней нѣсколько лѣтъ, вполнѣ постигъ всѣ нужды огромнѣйшей имперіи; наконецъ, вникнулъ во всѣ дѣла и всѣмъ управлялъ, первые же два года ни во что не входилъ". Явное противорѣчіе первоначальному описанію, что нѣкоторые отказывали ему и въ здравомъ умѣ! Дѣла никогда не сотворятъ людьми глупцовъ! на это врожденный умъ необходимъ. Касательно политики, то она природная страсть всѣхъ нѣмцевъ вообще; всѣ мастеровые ихъ читаютъ газеты, всѣ они, во всѣхъ своихъ собраніяхъ, толкуютъ о политическихъ происшествіяхъ и хотя не такъ, какъ искусные дипломаты, но довольно здраво. Эта степень образованности рѣзко отличаетъ ихъ отъ русскихъ мастеровыхъ, которые, кромѣ своего мастерства, ни о чемъ понятія не имѣютъ *); а потому нельзя допустить, чтобъ Биронъ, ученикъ академіи, не понималъ даже значенія слова *политика!* Пристрастіе Манштейна, внушенное ненавистью, обнаруживается явно. Далѣе.

*) Не угодно ли изъ слѣдующаго факта убѣдиться въ любознательности иностранцевъ. Въ холеру 1848-го года умеръ въ С.-Петербургѣ кистеръ (дьячекъ) лютеранской Петропавловской церкви. Онъ оставилъ прекрасную библіотеку, отличное собраніе минераловъ, рѣдкихъ медалей и камней, которое распродано. Спрашивается, у какого русскаго дьячка найдется подобное?

„Пробывъ въ ней (т. е. въ Россіи) нѣсколько лѣтъ, вполнѣ постигъ всѣ нужды огромнѣйшей имперіи; наконецъ вникнулъ во всѣ дѣла и всѣмъ управлялъ; первые же два года ни во что не входилъ". Это доказываетъ уже не простой здравый разсудокъ, но тонкій, свѣтлый, проницательный умъ, употребившій только два года, чтобы все разсмотрѣть сначала, приняться за управленіе могущественнаго государства и ввести въ немъ многое полезное, ибо если императрица слѣпо подчиняла себя волѣ Бирона, то онъ былъ участникомъ и движимою пружиною не однихъ злыхъ дѣлъ, но и добрыхъ. Далѣе. „Онъ очень любилъ роскошь и великолѣпіе, пристрастенъ былъ особенно къ лошадямъ; нравомъ не изъ лучшихъ, онъ былъ гордъ, честолюбивъ до крайности, корыстолюбивъ, грубъ, даже задорливъ, врагъ непримиримый и жестокъ въ наказаніяхъ". Это все святая истина, не подлежащая ни малѣйшему сомнѣнію, какъ естественные пороки человѣка, рожденнаго въ ничтожествѣ, одареннаго природою мерзскимъ характеромъ и довольно худо образованнаго, чтобъ на высочайшей степени земнаго величія умѣть удержать врожденную буйность и маскировать свои недостатки. Доказательство въ нижеслѣдующемъ разборѣ.

А) Онъ любилъ роскошь и великолѣпіе. Въ тотъ вѣкъ, когда человѣкъ съ именемъ и въ знатности одною роскошью старался отличить себя отъ простолюдина, мудрено ли, что человѣкъ, возвратившійся на родину безъ кафтана и надѣвшій блестящее придворное платье, возмечталъ не только быть выше бѣдныхъ курляндскихъ дворянъ, отказавшихъ ему въ дипломѣ, но прилѣпился потомъ всей душой къ великолѣпію, которое было для него диковинкой. Тогда не держались нынѣшняго правила, что *истинное великолѣпіе заключается въ простотѣ*; по образу мыслей XVIII-го столѣтія, оно состояло въ пестротѣ и множествѣ. Пусть подаритъ крестьянкѣ мѣдныя серги съ красными стеклами на фолькѣ, цѣна имъ ничтожна,—но она въ восторгѣ, потому что блестятъ! Родись Биронъ сыномъ вельможи, онъ былъ бы другой человѣкъ.

Б) Пристрастенъ былъ особенно къ лошадямъ. Ничего нѣтъ на свѣтѣ натуральнѣе! Какъ внукъ конюха, онъ, вѣроятно, съ младенческихъ лѣтъ свыкся съ лошадьми, которыя, до отправленія его въ академію, составляли все общество, какъ подруги его дѣтства. Въ юности, извѣдавъ коварную падменность людей, онъ еще болѣе къ нимъ пристрастился, не находя въ четвероногихъ прежнихъ своихъ друзьяхъ злыхъ козней, коихъ онъ былъ жертвою *).

В) „Нравомъ не изъ лучшихъ, былъ гордъ, честолюбивъ до крайности, корыстолюбивъ, грубъ, даже задорливъ". Естественное свойство людей подлаго рода; они, никакъ не постигая, что *истинное величіе* должно *привлекать*, а *не пугать* сердца, считаютъ гордость средствомъ заставить себя почитать и уважать; а ласки, вѣжливость за униженіе высокаго достоинства. Пусть любой помѣщикъ отпуститъ на волю крестьянина, который бы разбогатѣвъ, попалъ въ купцы,—можетъ быть впередъ увѣренъ, что онъ, встрѣтясь на улицѣ, прежнему барину не поклонится. Касательно честолюбія, оно возрождается у каждаго, имѣющаго способъ возвышаться мѣстами, наградами, отличіями; а *корыстолюбіе*—необходимая алчность къ

*) Я зналъ одного почтеннаго старика генерала, который, проигравъ невинно тяжбу, жилъ въ нищетѣ. Онъ отказался отъ людей, окружилъ себя собаками и говорилъ: «вотъ единственныя чистыя души въ мірѣ!»

стяжанію для поддержанія великолѣпія съ саномъ не разлучнаго и обезпеченія будущности. *Грубость*—послѣдствіе худаго воспитанія, *а задорливость*—свойство врожденное.

Г) „Былъ непримиримый врагъ и жестокъ въ наказаніяхъ", —слѣдствіе необходимое буйнаго права, подлости рожденія и дурнаго образованія. Пусть спросятъ у любаго солдата, какъ оказываетъ себя при наказаніяхъ полковой командиръ, выслужившійся изъ солдатъ же? или у крестьянина, каковъ помѣщикъ, который изъ низкаго быта дослужась до дворянства, пріобрѣлъ деревеньку? Но не токмо во время Анны Іоанновны, когда во всѣхъ сословіяхъ страхъ, по правиламъ ихъ, долженъ былъ замѣнять любовь. Не далѣе 15-ти лѣтъ назадъ, извѣстный всѣмъ генералъ Скобелевъ, въ печатныхъ своихъ совѣтахъ сыну его гвардіи офицеру, писалъ: „Если ты станешь слѣдовать симъ моимъ совѣтамъ, то да будетъ надъ тобою мое благословеніе, а если нѣтъ, то поподчую тебя такими добрыми гренадерскими фухтелями, что поневолѣ послушаешься. Мнѣ отъ роду 60-ть лѣтъ, но я еще помню, какъ въ мое дѣтство обращались благородные, лучшихъ фамилій родители съ дѣтьми и людьми своими! Теперь никто даже не повѣритъ".

Испанскій посланникъ герцогъ де Лирія въ описаніи Бирона изъясняетъ, что: „Онъ былъ красивой наружности, имѣлъ хорошее воспитаніе, желалъ быть для всѣхъ пріятнымъ, но имѣлъ мало ума и потому дозволялъ другимъ управлять собою до того, что не умѣлъ различать дурнаго совѣта отъ хорошаго; но что онъ служилъ ревностно государынѣ и любилъ славу ея".

Это описаніе показываетъ, 1-е, что Биронъ, хотя никакого воспитанія не получилъ, но наметавшись при Дворѣ, узналъ тонъ, пріемы, маперы высшаго круга и къ нимъ приноровился; 2-е, что онъ имѣлъ мало ума, — выше доказано противное; но что принималъ всѣ совѣты, не зная различить хорошихъ отъ дурныхъ, то это отъ того, что никогда не готовясь постепенно къ той высотѣ, на которой себя видѣлъ, онъ терялся, не довѣряя самъ себѣ; царь умираетъ, сынъ вступаетъ на престолъ, и нигдѣ не замѣтно перемѣны; но похититель короны, не готовящійся къ такому сану, начнетъ проказить, будетъ смѣшонъ; Гришка Отреньевъ живой примѣръ, такъ точно и съ вельможами; 3-е, что Биронъ былъ весьма вѣжливъ и желалъ всѣмъ нравиться,—съ кѣмъ же оберъ-камергеру и быть вѣжливымъ, если не съ посланникомъ, представителемъ чужаго государя, когда дворъ желаетъ быть съ нимъ въ дружбѣ. Притомъ герцогъ де Лирія пріѣхалъ въ Россію при Петрѣ II-мъ, при Аннѣ Іоанновнѣ пробылъ годъ, слѣдовательно только то время, когда Биронъ, ограничиваясь придворными обязанностями, началъ во все всматриваться; мудрено ли, что онъ для всѣхъ желалъ быть пріятнымъ? Новое доказательство хитраго ума. 4-е. Что онъ ревностно служилъ императрицѣ—неоспоримо; даже весьма ревностно исполнялъ безпрекословно всѣ ея повелѣнія и капризы, не покидая государыни днемъ ни на одну четверть часа *), что крайне было даже ему отяготительно, и на что онъ всѣмъ во дворцѣ жаловался. 5-е. Что онъ любилъ славу своей монархини, — совершенная правда! Бывъ въ ссорѣ съ фельдмаршаломъ Минихомъ и, пославъ, помимо его, генерала Лассія съ арміей въ Польшу выгнать короля Станислава Лещинскаго, онъ, замѣтя, что дѣла идутъ

*) По требованію государыни. Когда Биронъ, для развлеченія, отправлялся въ конюшню любоваться лошадьми, то и императрица вслѣдъ за нимъ туда же приходила. (Записки Миниха).

медленно, отвергъ личныя неудовольствія, помирился сейчасъ (хотя можетъ быть притворно) съ Минихомъ, представилъ императрицѣ всѣ заслуги, все искуство толь славнаго полководца, прося ввѣрить ему главную команду надъ арміею, что было исполнено и подало случай фельдмаршалу вполнѣ оправдать его выборъ. Вѣроятно государыня знала ссору Бирона, и онъ, *подобными хитростями*, при извѣстной всѣмъ мстительности своей, владѣлъ монархиней, доказывая великодушнымъ самоотверженіемъ, что для пользъ ея и выгодъ Россіи онъ *жертвуетъ* даже и *злобою* своею и *обидами*. Настоящая же его цѣль, по словамъ Манштейна, была: Миниха удалить и, если можно, подвергнуть въ сраженіи смерти.

Касательно гнѣздившагося въ немъ *духа мщенія*, то иначе и быть не могло. Этотъ антихристіанскій порокъ, природный даръ, данный преимущественно дикарямъ, людямъ грубымъ и ничтожнымъ, изъясняется слѣдующими двумя стихами извѣстнаго нашего поэта:

«Лишь подлая душа обиды отомщаетъ,
Духъ кроткій ихъ проститъ, великій—забываетъ!»

А что душа Бирона была *не высокородна, не кротка, не велика*, это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію.

Молодой графъ Минихъ пишетъ, что первое преступленіе въ глазахъ герцога было, еслибъ вздумали ему вредить у императрицы. Полагая, что и самому графу Миниху подобные пріиски пріятны бы не были, но рѣшительно сказать можно, что даже въ наше благословенное время, такой грѣхъ ни при какомъ дворѣ не прощается.

Изложивъ мое мнѣніе насчетъ характера и сердечныхъ качествъ Бирона и причисляя его, разумѣется, ко 2-му классу, описанныхъ уже мною придворныхъ выходцевъ, справедливость заставляетъ однакожъ меня показать, что въ немъ иногда блистали, какъ рѣдкія молніи, хорошія черты.

Герцогъ Биронъ, бывъ въ одно время камеръ-юнкеромъ при курляндскомъ дворѣ съ сыномъ гофмейстера Бестужева, сдружился съ нимъ по товариществу, и хотя разными интригами удалилъ отца, лишивъ его и мѣста и всѣхъ милостей Анны Іоанновны, но по чувству самосознанія въ томъ, постоянно былъ, даже на высшей степени величія, друженъ съ сыномъ, всегда ему во всѣхъ случаяхъ покровительствовалъ; замѣтя въ немъ особенную склонность и способность къ дипломатической части (въ которой онъ потомъ такъ прославился), Биронъ, при воцареніи императрицы, чтобы пріучить Бестужева къ новому поприщу, послалъ его сперва резидентъ-министромъ въ Гамбургъ, переводилъ впослѣдствіи къ важнѣйшимъ дворамъ и наконецъ сдѣлалъ кабинетъ-министромъ *). Хотя Бестужевъ часто противъ него кривилъ душею, но довѣренность Бирона къ нему была такъ сильна, что ихъ вмѣстѣ арестовали, вмѣстѣ послали въ Шлиссельбургскую крѣпость и вмѣстѣ судили; Бестужевъ оправдался, однако до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны употребленъ не былъ, какъ другъ и агентъ герцога.

Главнѣйшія лица того времени и силою и коварствомъ, вице-канцлеръ графъ Остерманъ и оберъ-шталмейстеръ графъ Густавъ Левенвольдъ, ненавидѣвшіе фельдмаршала Миниха, безпрерывно наговаривали на него Бирону, описывая его опаснѣйшимъ человѣкомъ по вліянію на войско, по пространному уму, по

*) На мѣсто Волынскаго.

глубокимъ познаніямъ и злѣйшимъ врагомъ у императрицы по безмѣрному честолюбію; чего бы болѣе подозрительному человѣку, чтобъ погубить фельдмаршала? Минихъ былъ въ царство Петра II-го генералъ-лейтенантомъ и с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, съ Меньшиковымъ не ладилъ и много претерпѣвалъ огорченій. Биронъ же, столь склонный, по отзыву современниковъ, къ принятію каждаго *совѣта* и *доноса*, ни чему ни внималъ. Зная дарованія знаменитаго полководца и пользу, какую можетъ онъ принесть Россіи, онъ совѣтывался съ нимъ во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, довелъ до фельдмаршаловъ, награждалъ и отличіями, и деньгами, и отчинами, и только въ минуту своей гибели развѣ пожалѣлъ, что не вѣрилъ ни Остерману, ни Левенвольду.

Слѣдующій анекдотъ *) докажетъ алчность его къ мщенію, хотя бы къ безвредному и даже странному. Когда Биронъ, выгнанный изъ Кенигсбергской академіи возвращался на родину пѣшій, онъ встрѣтилъ на дорогѣ, бывшаго въ академіи сотоварища курляндскаго дворянина Сакена, кончившаго курсъ и ѣхавшаго въ экипажѣ, то же въ отечество. Сжалясь надъ утомленнымъ пѣшеходомъ, Сакенъ предложилъ ему довезти его, и они, сѣвъ вмѣстѣ, весело скакали цѣлый день; но на другія сутки, несносные капризы Бирона, которому все не нравилось, все безпокоило, до того изнурили терпѣніе курляндскаго дворянчика, что онъ вытолкалъ его изъ экипажа, заставивъ снова тащиться пѣшкомъ, а самъ поѣхалъ по прежнему. Спустя много лѣтъ потомъ, когда Биронъ сдѣлался владѣтельнымъ герцогомъ Курляндскимъ таившееся въ душѣ его мщеніе, нашло случай насытиться. Сакенъ, все забывшій, жилъ на мызѣ своей; какъ вдругъ ночью пріѣзжаетъ крытая карета съ замаскированными людьми. Его берутъ, сажаютъ въ карету, запираютъ, поднимаютъ ставни и катаютъ около двухъ лѣтъ—Богъ знаетъ гдѣ, подавая пищу, но ни показывая ни мѣста ни людей! Какъ то разъ ночью, когда Сакенъ спалъ, остановились, отпрягли лошадей, а его съ каретой оставили. Когда показался свѣтъ, онъ проснулся, началъ прислушиваться и узналъ знакомые ему голоса; тогда рѣшась спустить ставень,—увидѣлъ себя у воротъ своей мызы. Вышелъ изъ кареты, нашелъ свободу. Сакенъ не преминулъ жаловаться своему герцогу на такой поступокъ. Онъ внесъ дѣло въ кабинетъ и по рѣшенію его, отвѣчалъ Сакену, что ежели онъ можетъ узнать и наименовать виновниковъ такой непростительной шутки, то непремѣнно преданы будутъ всей строгости законовъ.

Изъ этого разсказа заключить можно, что Биронъ, чувствуя себя самимъ причиною, понудившею Сакена выгнать его изъ экипажа, не могъ столько лѣтъ забыть поступка, заставившаго продолжать пѣшеходство, слѣдственно не хотѣлъ сдѣлать зла, но просто отплатилъ за насмѣшку насмѣшкой, а простить былъ не въ состояніи, потому что великодушія не постигалъ, а забвеніе обидъ казалось ему *слабостію*, *страхомъ*, *униженіемъ* своего *сана*, своей *власти*, предъ коими, по мнѣнію его, всѣ обязаны были только трепетать.

Напрасно почтенные мои соотечественники въ бытописаніяхъ своихъ, и духовные наши историки, въ разныхъ сочиненіяхъ, все зло, всѣ муки, всѣ гибели столькихъ тысячъ людей *), относя

*) Изъ книги: Fastes de la Russie.

*) По словамъ Манштейна, въ 10-ти лѣтнее

единственно къ *жестокому* праву Бирона, оправдываютъ въ томъ императрицу, будто бы ничего не знала! Смѣло можно сказать, что нѣтъ въ свѣтѣ царя, который бы не зналъ или, по крайней мѣрѣ, лучше всякаго приватнаго человѣка, что въ его государствѣ происходитъ, и кто болѣе монарха имѣетъ на то средствъ? Обыкновенный правительственный *шпіонъ* внушаетъ презрѣніе, какъ человѣкъ продавшій свою совѣсть на гибель ближнихъ; *царскій* же *фискалъ* называется *довѣренною особою*, и всѣ стремятся пользоваться такою честію. Притомъ же, любимое общество императрицы Анны Іоанновны составляли шуты, занимавшіе ее въ то время, когда герцогъ присутствовалъ въ кабинетѣ, или кого у себя принималъ по особенному случаю. Чрезъ нихъ бы *) довели до свѣдѣнія ея многое, какъ Балакиревъ дѣлалъ съ Петромъ Великимъ. Замѣтить должно, что государыня никогда занятіями не скучала, хотѣла *все знать сама*, и всегда *справлялась*, *когда* и *какъ* исполнены были ея высочайшія повелѣнія; слѣдовательно имѣла особыхъ на то людей. Не взирая на слѣпую довѣренность къ герцогу Бирону, въ углу комнаты, въ которой онъ принималъ всѣхъ просителей, висѣла длинная занавѣсь, и во время всего пріема императрица стояла за ней и къ каждой рѣчи прислушивалась. Ее такъ видѣлъ князь Шаховской, бывшій даже у Бирона не съ прочими, а одинъ, и передалъ это въ запискахъ, объяснивъ по разсказу придворныхъ лакеевъ, что ея величество всегда тутъ изволитъ становиться, когда къ герцогу приходитъ кто съ просьбой.

Это обстоятельство разливаетъ свѣтъ на характеръ императрицы; и мы, русскіе, не должны никакъ удивляться поступкамъ иноземца Бирона. Онъ пытки, правда, приказывалъ, но никогда, какъ верховный министръ, при нихъ не присутствовалъ и достоинства своего тѣмъ не унижалъ; ихъ *безмилосердно* производилъ, съ величайшимъ *хладнокровіемъ*, столбовой *русскій дворянинъ* графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, 17-ть лѣтъ сряду управлявшій Тайною Канцеляріею, зарожденный хамелеонъ, мужъ всѣхъ царствъ, всѣхъ временъ, всѣхъ обстоятельствъ, взиравшій равнодушно на истязанія соотечественниковъ, слушавшій, какъ гранитная скала, вопль ужасныхъ терзаній, усугублявшій ихъ мѣру безъ малѣйшаго внутренняго содроганія, а потомъ исполнявшій опредѣленныя несчастнымъ казни съ примѣрными готовностію и точностію *); онъ не былъ пришлецомъ, внукомъ конюха, но въ высшихъ чинахъ, орденахъ, образованнымъ русскимъ барономъ! Государыня все знала и пожаловала ему свой портретъ.

Повторяю снова, мы никакъ не должны удивляться Бирону, онъ, по рожденію, по своему полуобразованію и прежнимъ связямъ другимъ быть не могъ, если не родился чудомъ природы. Являлись, конечно, въ свѣтѣ люди низкаго происхожденія, благотворившіе потомъ въ высокихъ степеняхъ своимъ согражданамъ, однако подобныя *метеорологическія* явленія, къ несчастію, столь же рѣдки, какъ зимою гроза. Нашимъ историкамъ слѣдуетъ обратить невыразимое удивленіе на природную русскую вели-

царство Анны Іоанновны погибло въ казняхъ, въ пыткахъ, въ ссылкахъ до двадцати тысячъ человѣкъ!

*) Шуты при королихъ пошли въ моду съ XV столѣтія. Народъ думалъ, что ихъ держатъ для забавы, но они-то, всюдѣ шатаясь, были настоящими фискалами и при королихъ выговаривали министрамъ рѣзкую истину.

*) Онъ исполнилъ смертный приговоръ надъ Волынскимъ (Выписка изъ дѣла).

кую княжну, дочь *кроткаго* царя и *благочестивѣйшей* царицы, племянницу *величайшаго* Монарха, *воспитанную* въ правилахъ православнаго *смиренія**), образованную *по европейски* и выбравшую въ ближайшіе свои повѣренные недостойнаго человѣка, давъ ему полную безотвѣтную власть и надъ собою и надъ подданными. Поздніе потомки, имѣя въ виду пословицу: „Скажи съ кѣмъ друженъ, и я скажу кто ты", справедливо могутъ вывести заключеніе, что государынѣ, по праву ея и склонностямъ, нуженъ былъ именно такой человѣкъ!

Разобравъ характеръ и свойства герцога Бирона, приступимъ къ разбору его дѣяній неминуемымъ послѣдствіямъ врожденнаго права и полученнаго воспитанія.

Барона обвиняютъ:

I. *Въ лихоимствѣ.*

Хотя отъ такого человѣка весьма ожидать можно врожденной алчности къ любостяжанію, тѣмъ болѣе, если хотѣлъ обезпечить будущность семейства, но это обвиненіе можетъ оставаться подъ величайшимъ сомнѣніемъ: Бирону стоило слово сказать императрицѣ, и она бы отдала ему все, что было въ ея распоряженіи. Получивъ два раза въ подарокъ по 500,000 рублей, а послѣднія въ золотомъ, осыпанномъ брилліантами, бокалѣ при заключеніи турецкаго мира; пользуясь съ женой и дѣтьми квартирою, столомъ, экипажемъ и прислугою отъ высочайшаго Двора, имѣя даромъ отъ римскаго императора 200,000 гульденовъ, кромѣ всѣхъ драгоцѣнностей отъ прочихъ европейскихъ государей и доходъ всей Курляндіи въ своемъ полномъ владѣніи, чего ему не доставало? вѣроятно и бархаты, штофы на платье отпускались тоже изъ царскихъ кладовыхъ. Но при такихъ его выгодахъ, по строгой справедливости можно сознаться, что россійскіе финансы, при полученіи только *семи милліоновъ* въ годъ государственнаго дохода, никогда не были въ такомъ отличномъ устройствѣ, какъ въ его время. Сверхъ многихъ воинъ, стоившихъ неимовѣрныхъ издержекъ, русскіе офицеры получили прибавку жалованья, заведены новые полки, улучшена артиллерія, заплачены долги академіи наукъ, при коей учреждена казенная гимназія, отпускались ежегодно важныя суммы на содержаніе кадетскаго корпуса, школъ рисованія и скульптуры при академіи, на сооруженіе Ладожскаго канала, кронштадтскаго дока, на разработку сибирскихъ рудниковъ; а великолѣпіе придворное: балы и праздники во дворцѣ превосходили все прежде бывшее; ни при какомъ царствѣ награды алмазами, деньгами, пособіями, пенсіонами не раздавались съ подобною щедростію. И при всѣхъ этихъ издержкахъ, расходы не только не превышали доходовъ, но ежегодно оставалась въ запасѣ знатная сумма.

Мы, придираясь къ Бирону, который не силою же вторгнулся въ Россію, но былъ призванъ, готовы приписать ему всѣ извергства потому только, что онъ нѣмецъ! Взглянули бы мы лучше на нашего кореннаго русака Меньщикова, какъ тотъ себя велъ въ величіи и чего не награбилъ? Между сими двумя временщиками существуетъ, однакожъ, разительное сходство, а отчего? отъ того, что оба выползли въ люди изъ грязи!

II. *Въ умноженіи фискаловъ и доносовъ.*

Обыкновенное средство всѣхъ прави-

*) Въ октябрѣ 1709 года царица Параскевія Ѳеодоровна съ 3-мя дочерьми своими, пріѣхавъ въ Ростовъ на праздникъ *Толгской* Богоматери, по крайней распутицѣ въ монастырь не поѣхала, но, пославъ дочерей, приказала имъ идти съ крестнымъ ходомъ и нести образъ чудотворный на своихъ рукахъ, пѣшкомъ, въ величайшую грязь.

телей, полагающихъ огражденіе личной безопасности въ мѣрахъ жестокой строгости, а не въ народной любви. Они существовали въ Россіи при Іоаннѣ Грозномъ, въ особенности при Годуновѣ, при Шуйскомъ и впослѣдствіи. Въ царство Анны Іоанновны по доносамъ прямо не губили, но подвергали сперва розыску, потомъ суду, и ежели судьи, находя обвиняемаго безвиннымъ, не хотѣли единогласно оправдать его, по изъ подобострастія невиннаго обвиняли, то это лучшее доказательство безнравственности, явный знакъ заглушенія совѣсти, забвенія и страха Божія и присяги.

III. *Въ гибели Долгорукихъ.*

Тутъ невольно рождается вопросъ: кого могли они болѣе противъ себя озлобить: императрицу или Бирона?

Герцогъ могъ ихъ винить только въ одномъ, что князья Долгоруковы и Голицыны въ Верховномъ Совѣтѣ положили просить Анну Іоанновну не привозить Бирона съ собою въ Россію. Она и дѣйствительно не повезла его съ собою. Онъ пріѣхалъ послѣ. Но это не могло подвергнуть цѣлое семейство смертной казни!

Государыня же обвиняла ихъ:

а) Въ овладѣніи императоромъ Петромъ Вторымъ, 13-ти лѣтнимъ отрокомъ, для того, чтобъ удалить отъ всякаго познанія наукъ, монарху необходимыхъ, чтобъ подавить чрезъ то природныя умственныя способности его и содѣлать къ правленію не свѣдущимъ, потомъ совершенно разстроить съ нѣжно любимою имъ сестрою и прочими родными (въ чемъ и успѣли), дабы этимъ средствомъ захватить правленіе въ свои руки. *(Преступленіе противъ 1-го пункта, влекущее, по законамъ, смертную казнь).*

б) Въ томъ, что они, подстрекая безпрерывно въ юномъ императорѣ склонность къ псовой охотѣ, удалили его совершенно отъ С.-Петербургской столицы, столь удобной для ускоренія европейскихъ дипломатическихъ сношеній, держали его въ подмосковной князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова почти безотлучно, къ наискорѣйшему отвращенію отъ государственныхъ занятій и къ невыразимому удивленію, бывшихъ въ Москвѣ, чужестранныхъ пословъ, которые, какъ сдѣлалъ герцогъ де Лирія, донося о томъ своимъ дворамъ, распространяли худую славу объ императорѣ по цѣлой Европѣ. (*Преступленіе противъ 1-го пункта*).

в) Что они пользуясь всей верховной властью исключительно, но желая ее упрочить за собою, въ явное оскорбленіе прочихъ членовъ высочайшей фамиліи и другихъ знатныхъ особъ государства, свели императора съ сестрою любимца его оберъ-камергера князя Ивана Алексѣевича и пригласивъ государя жить на дачѣ съ нею почти неразлучно, чрезъ то возбудили въ монархѣ къ ней сильную страсть, до чего, по 14-ти лѣтнему его возрасту и неопытности, весьма не трудно было достигнуть, а чрезъ то содѣлали уже совершенно неспособнымъ къ ученію; потомъ обручивъ на ней торжественно, въ то время, какъ его величеству, по лѣтамъ, и думать о бракѣ не слѣдовало, безъ явнаго вреда его здоровью; передъ цѣлой Россіей обнаружили замыслы свои на престолъ и малую заботу о сохраненіи императорской жизни. (*Преступленіе противъ 1-го пункта*).

г) Что они, утомляя юныя и еще не сформированныя тѣлесныя силы государя безпрерывными разъѣздами и охотою, сопряженною съ усталостію государя, одареннаго природою лучшею душею и отличнѣйшими способностями, столь мало

берегли его въ послѣдней болѣзни, что допустили въ оспѣ подойти къ окну, отворить форточку и отъ холоднаго воздуха простудиться до той степени, что оспа скрылась внутрь и причинила смерть. Въ это время они обязаны были не оставлять его ни на одну минуту. (*Преступленіе противъ 1-го пункта*).

д) Что по кончинѣ императора, они, скрывая ее цѣлыя двѣ недѣли отъ народа, тогда какъ вся Москва видѣла приготовленія къ его погребенію; заставили, какъ бы въ насмѣшку, поминать имя государя на эктеніяхъ и молиться о здравіи его величества въ то время, какъ слѣдовало служить объ упокоеніи души его панихиды; въ это же время сочинили подложное духовное завѣщаніе, яко бы монарха, коимъ оставлялъ онъ престолъ невѣстѣ своей княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгоруковой, а братъ ея, князь Иванъ, бывшій любимецъ, имѣлъ неслыханную дерзость не только подписать это завѣщаніе подъ руку *усопшаго*, но осмѣлился въ минуту кончины императора вбѣжать въ залу, гдѣ собраны были вельможи, и, обнажа шпагу, провозгласить: „Да здравствуетъ императрица Екатерина Алексѣевна!“— Хотя всѣ предстоящіе, съ презрѣніемъ отъ него отвернулись, но умыселъ похищенія короны Долгоруковыми явно обнаружился. (*Преступленія противъ 1-го и 11-го пунктовъ* *)

е) Что они, будучи потомками Рюрика и владѣтельныхъ великихъ князей россійскихъ, притомъ же надѣленныхъ богатствомъ, не постыдились, по кончинѣ императора, унизить и острамить высокій санъ непростительнымъ воровствомъ, перенося къ себѣ всѣ, оставшіяся послѣ него, алмазныя, золотыя вещи, серебро, мебель, ружья, экипажи, которыя безстыдно затаили до бывшаго о томъ доноса, послѣ котораго все похищенное въ ихъ домѣ найдено и отобрано *). (*Преступленіе противъ 1-го пункта*).

ж) Что при предложеніи престола герцогинѣ курляндской Аннѣ Іоанновнѣ, они поднесли самыя нелѣпыя для царскаго достоинства условія, ссылаясь на волю всѣхъ государственныхъ сословій, тогда какъ впослѣдствіи оказались собственною ихъ выдумкою. Сверхъ того, князь Василій Лукичъ, прибывъ въ числѣ депутатовъ въ Митаву и сопровождая государыню въ Москву, самовольно подлѣ нея поселился во дворцѣ и, не отставая днемъ ни на одну минуту, держалъ какъ будто подъ надзоромъ. (*Преступленіе противъ 1-го пункта*).

з) Что бывъ за это преступленіе сперва наказаны довольно милостиво, а именно только ссылкою въ деревни съ лишеніемъ званій и почестей, они вмѣсто благодарности и раскаянія, громко поносили и правленіе и личность государыни даже самому генералъ-фельдцейхмейстеру свѣтлѣйшему принцу Гессенъ-Гомбургскому, который довелъ слышанныя имъ рѣчи до высочайшаго свѣдѣнія. (*Преступленіе противъ 1 пункта*). Но за это были вмѣсто смерти удалены въ Сибирь!

Если по показанію герцога де Лирія Анна Іоанновна, не забывая услугъ ей оказанныхъ, твердо помнила и нанесенныя ей оскорбленія, чего нужно еще болѣе для погубленія Долгоруковыхъ, безъ всякаго даже посторонняго вліянія.

Но мы, русскіе, руководимые гнуснымъ пристрастіемъ, молчимъ о нихъ;

*) Хотя герцогиня курляндская не была дочерью императора Петра I, но все же имѣла болѣе правъ на россійскій престолъ княжны Долгоруковой.

*) Князь Василій Лукичъ былъ извѣстнымъ лихоимцемъ.

выхваляемъ и Волынскаго, какъ соотечественниковъ, которыхъ мы бы должны стыдиться за поступки, осрамившіе ихъ санъ, рожденіе, образованіе; а прокляпаемъ далеко отъ нихъ отставшаго пришлеца, ничтожнаго Бирона, потому только, что онъ нѣмецъ. Гдѣ же тутъ справедливость?

Но при всѣхъ означенныхъ дѣяніяхъ князей Долгоруковыхъ, они однакожъ славились умомъ, дипломатическими способностями, даромъ слова и образованіемъ. Въ то время, по изъясненію сборника, изданнаго княземъ же Долгоруковымъ, четверть только русскихъ, бывшихъ въ посольствахъ, отличались свѣтскою европейскою образованностію *): генералъ-фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ и графъ Михайло Гавриловичъ Головкинъ.

Императрица, наказавъ Долгоруковыхъ за сочиненныя условія и за дерзкія рѣчи противъ ея правленія и особы, лишеніемъ чиновъ, орденовъ и ссылкою въ Сибирь, вѣроятно не знала ни о составленной въ пользу княжны ихъ рода *„духовной“*, ни о разграбленномъ царскомъ имуществѣ. Увидя надобность имѣть при хитромъ англійскомъ дворѣ испытаннаго въ искуствѣ посланника, государыня вспомнила князя Сергѣя Григорьевича Долгорукова, употребленнаго неоднократно съ пользою въ разныхъ посольствахъ **) и менѣе прочихъ виноватаго, и выписала его въ столицу; уже ввѣрительная грамота съ инструкціей были подписаны, Долгоруковъ готовился къ отъѣзду въ Лондонъ, но это весьма не нравилось слишкомъ строптивому и горделивому кабинетъ-министру Артемію Петровичу Волынскому, не терпѣвшему себѣ равныхъ и знавшему подробно всѣ кривыя дѣла семейства Долгоруковыхъ. Полагая, что назначеніе князя Сергѣя Григорьевича посланникомъ поведетъ его далѣе и со временемъ введетъ въ кабинетъ, гдѣ онъ силою хитраго ума подавитъ прочихъ членовъ, Волынскій, составя себѣ партію, но желая зажечь пожаръ чужими руками, а самъ, съ сообщниками, остаться въ сторонѣ простымъ зрителемъ, подучилъ подъячаго Тишина на канунѣ отъѣзда князя Долгорукова закричать на улицѣ ужаснѣйшее въ то время изреченіе: „Слово и дѣло!“ Бывъ взятъ, онъ разсказалъ при допросѣ все, что зналъ (то есть все, что отъ Волынскаго слышалъ) о козняхъ князей Долгорукихъ, о фальшиво составленной и подписанной ими *духовной*, о расхищенномъ императорскомъ имуществѣ и о хулахъ, произносимыхъ ими противъ Государыни. Конечно, теперь бы спросили доносчика, почему онъ восемь лѣтъ сего не открывалъ, и изъ долговременнаго молчанія сейчасъ заключили бы, что онъ подученъ, а потомъ стали бы допытываться кто подучилъ его, и тогда бы Артемій Петровичъ первый попался. Но въ то время школъ правоведѣнія въ Россіи не существовало, юристику не постигали, и по извѣту Тишина, всѣ Долгоруковы изъ Сибири привезены въ Новгородъ, тамъ учреждена была слѣдственная комиссія, которая, розыскавъ обвиненіе, открыла всѣ вышеописанныя мною князей Долгоруковыхъ преступленія; дѣло отослано въ кабинетъ, который не могъ иначе приговорить, какъ по первымъ двумъ пунктамъ. Вслѣдствіе чего лю-

*) На сорокъ милліоновъ жителей, только четыре человѣка, съ европейскимъ образованіемъ! Мудрено ли, что иностранцы первенствовали?

**) Князь Сергѣй Григорьевичъ былъ уже прежде посланникомъ при англійскомъ дворѣ, зналъ и людей и ходъ тамъ дѣлъ. Вотъ почему императрица его вспомнила. (Записка Манштейна).

бимца князя Ивана четвертовали, прочимъ отсѣкли головы, а невѣсту царскую уже прежде постригли! Волынскій подписалъ ихъ приговоръ.

Не взирая на общій отзывъ, что они погибли единственно отъ ненависти герцога Бирона, не смотря на увѣреніе княгини Наталіи Борисовны, дочери фельдмаршала графа Шереметева, супруги князя Ивана Алексѣевича *), безпристрастный историкъ съ ихъ мнѣніями согласиться не можетъ. Во-первыхъ, князья Долгоруковы обидѣли Бирона только тѣмъ, что просили Анну Іоанновну не брать его съ собою; но онъ очень хорошо зналъ слухи, распространившіеся на счетъ его и государыни по всей Курляндіи и Россіи, слухи, подавшіе, можетъ быть, поводъ къ ограниченію самодержавной власти и къ составленію нелѣпыхъ *условій*, слѣдовательно слишкомъ роптать на то не могъ, тѣмъ болѣе, что просьба ихъ не исполнилась. Во-вторыхъ, кто владѣетъ своей императрицей до той степени, что она четверти часа безъ него пробыть не въ состояніи, и приходитъ дѣлить съ нимъ время даже на конюшнѣ, тотъ ни чьего въ мірѣ возвышенія страшиться не долженъ. Въ-третьихъ, Биронъ, въ 1738 году, въ такой находился силѣ, что императрица, вѣроятно не вызвала бы князя Сергѣя Григорьевича Долгорукова изъ ссылки и не назначила бы посланникомъ къ важному англійскому двору безъ согласія своего любимца; на Долгорукова же, можетъ быть, указалъ вице-канцлеръ графъ Остерманъ, знавшій лучше всѣхъ способности русскихъ дипломатовъ. Въ-четвертыхъ, трудно повѣрить, чтобъ Биронъ вмѣстѣ съ государыней, зная вполнѣ всѣ козни Долгорукихъ (казненныхъ въ 1739 году), восемь лѣтъ откладывала свое мщеніе; тогда-бъ доносъ Тишина не былъ новостью; ему бы сказали, что всѣ его показанія давно извѣстны и что виновники давно уже наказаны; но это стали судить вновь, а всему злу причиною—Волынскій!

И такъ, всякій, кажется, убѣдиться можетъ, что въ гибели Долгоруковыхъ не Биронъ былъ главнымъ преслѣдователемъ знаменитаго несчастнаго семейства, но обижена была ихъ поступками государыня самолюбивая, никогда никому обидъ не прощавшая, усмотрѣвшая въ ихъ дѣйствіяхъ очевидную цѣль присвоить себѣ *корону*, а за неудачею стѣснить царскую власть; лишить всю Россію наилучшаго государя, развращеніемъ его юности, пріученіемъ къ пагубной праздности, къ вреднымъ удовольствіямъ, чтобъ изнурить его силы, укоротить драгоцѣнную жизнь и тѣмъ скорѣе достигнуть желаемаго, въ пагубу всей августѣйшей фамиліи. Наконецъ, исторгнуть слѣдуемое ей, какъ царствующей императрицѣ послѣ покойнаго государя, въ наслѣдство, имущество! Смѣло сказать можно, что ни одинъ монархъ такихъ поступковъ не простилъ бы, но, можетъ быть, избавилъ бы виновниковъ отъ лютой казни. Къ несчастію *духъ аристократіи* всегда *подавлять* въ насъ будетъ священное *чувство справедливости!* Еслибъ такія дѣла произвели незначущіе дворяне (что гораздо простительнѣе), ихъ вся Россія приговорила бы къ колу, но казнить князей Долгорукихъ *) почитается извергствомъ.

*) Она для дѣтей написала свои записки. Ей вѣрить во всемъ нельзя по пристрастію къ роднымъ мужа, за котораго вышла, какъ сама признается, будучи увлечена сильною страстью.

*) Дѣло о судѣ князей Долгоруковыхъ. Надписано: «О государственныхъ безбожныхъ тяжкихъ преступленіяхъ и злодѣйскихъ воровскихъ замыслахъ князей Долгорукихъ».

Герцога Бирона еще обвиняютъ:

IV. *Въ учрежденіи Доимочнаго Приказа.*

Всѣ имѣющіе малѣйшее понятіе о государственномъ управленіи единогласно подтверждаютъ, что ничего нѣтъ ни *разорительнѣе*, ни *опаснѣе* запущенія этой статьи; каждый обязанъ согласиться, что содержаніе различныхъ государственныхъ учрежденій, охраненіе безопасности имперіи, ея могущества, развитіе силъ просвѣщенія и проч. требуютъ огромныхъ издержекъ, основанныхъ на исправномъ полученіи, въ надлежащій срокъ, установленныхъ податей и разныхъ сборовъ, слѣдовательно недоплаты ихъ въ теченіе одного года, переходя на слѣдующій, еще болѣе затрудняютъ взносъ, постепенно скопляются и такимъ образомъ возрастаютъ до той степени, что не достаетъ уже никакихъ средствъ къ уплатѣ, а чрезъ то доводятъ государство до совершеннаго упадка. Императоръ Петръ Великій, успѣвшій положить только начала новаго порядка въ управленіи, не могъ увидѣть ожидаемыхъ имъ успѣховъ и по нерадѣнію начальствующихъ, также по злоупотребленіямъ, о сборѣ недоимокъ и не думали; въ кратковременное царство императрицы Екатерины I-й продолжали, а въ слабое правленіе Петра II-го остановилось почти все производство дѣлъ; императрица Анна Іоанновна, любившая порядокъ, усмотря такую запутанность, съ лѣтами умножившуюся, замѣчая между тѣмъ, что предстоятъ войны, требующія ужасныхъ расходовъ, и простивъ четыре раза недоимки по частямъ, наконецъ потеряла терпѣніе и повелѣла принять дѣятельнѣйшія мѣры къ пополненію недостатковъ, средство уже само по себѣ для народа стѣснительное, такъ какъ каждому, разумѣется, гораздо легче внесть сумму за одинъ годъ, нежели вдругъ за нѣсколько лѣтъ. Но въ указѣ, по сему предмету послѣдовавшему, нигдѣ не предписаны тѣ жестокія распоряженія, какія гг. исполнители сочли нужными къ скорѣйшему доставленію высочайшаго благоволенія *).

Отзывъ нѣкоторыхъ писателей, будто бы Биронъ ввелъ эти строгости единственно для того, что сборъ недоимокъ употреблялъ въ свою пользу, есть нелѣпая клевета, внушенная лицепріятелемъ и самыми событіями опровергаемая. Императоръ Петръ I-й, по словамъ современниковъ, получилъ со всей Россіи дохода только *пять милліоновъ* рублей; если же предположить, что императрица Анна Іоанновна собирала вдвое, то едва могло ихъ быть достаточно на содержаніе умноженной арміи и артиллеріи, разныхъ новыхъ заведеній, на пріобрѣтеніе купленныхъ ею для дворца бриллiантовъ, золота, серебра въ различныхъ видахъ, на сооруженіе и отдѣлку огромныхъ зданій, на прибавку русскимъ офицерамъ окладовъ и на прочіе расходы. Откуда могла государыня имѣть способы поддержать со славою двѣ войны въ то время, какъ за отличные подвиги офицерамъ и нижнимъ чинамъ не раздавали орденовъ, а награждали ихъ третнымъ жалованіемъ не въ зачетъ; по окончаніи же кампаніи *Польской* и *Турецкой* выдать столько денежныхъ пособій, подарковъ, медалей золотыхъ **), алмазныхъ вещей, шпагъ, звѣздъ съ орденскими крестами? Нигдѣ не сказано, чтобъ Россія прибѣгала къ займамъ, слѣдовательно

*) Императрица Анна Іоанновна, узнавъ, что сборъ недоимокъ производится мѣстными гражданскими властями съ величайшимъ лихоимствомъ и злоупотребленіями, поручила оный военнымъ, которые приняли военныя мѣры.

**) Золотыя медали I-го разряда были въ 50-ть червонныхъ, а 2-го разряда въ 25-ть червонныхъ, розданы всѣмъ придворнымъ, генераламъ и штабъ-офицерамъ арміи.

это нареканіе на Бирона уничтожается само собою; онъ не издерживалъ совершенно ничего на содержаніе себя съ семействомъ, и я готовъ удариться объ закладъ, что если въ московскомъ архивѣ старыхъ дѣлъ отыщутъ книги казначейства того времени, или называемой тогда рентеріи, то сборъ недоимокъ окажется на приходѣ.

Нельзя не удивляться, сколько Россія удовлетворяла расходовъ въ царство императрицы Анны Іоанновны и за всѣмъ тѣмъ оставалась еще каждогодно сумма въ запасѣ, но о государственныхъ займахъ и не помышляли, хотя страсть къ роскоши и великолѣпію надъ всѣми преобладала! Откуда же взяты средства, если не отъ сбора недоимокъ, столько лѣтъ не внесенныхъ?

Герцогу Курляндскому вмѣняютъ въ вину:

V. *Гибель кабинетъ-министра Волынскаго.*

Объ этомъ любопытномъ дѣлѣ могу я говорить пространнѣе и вѣрнѣе другихъ, потому что нѣсколько разъ читалъ съ величайшимъ вниманіемъ выписку, составленную важнымъ лицомъ изъ подлиннаго надъ Волынскимъ судопроизводства для такихъ особъ, предъ коими истина не могла быть скрыта. Это самое чтеніе убѣдило меня, какъ трудно судить человѣка по слухамъ, какъ эти слухи *нелѣпы*, какъ люди безразсудно *пристрастны* и какъ нужно имѣть факты, чтобъ сдѣлать о комъ бы то ни было справедливое заключеніе.

Волынскій—примѣрный патріотъ, безвинно погибъ по интригамъ нѣмца Бирона, не терпѣвшаго умныхъ русскихъ, которые были ему опасны,—вотъ общій отголосокъ почти цѣлой Россіи и въ прежнее, а также и въ наше время!

Доказавъ выше сего, что Бирону никто опасенъ быть не могъ, я душевно желаю, чтобъ мои любезные соотечественники прочитали то, что я болѣе 3-хъ мѣсяцевъ имѣлъ въ моихъ рукахъ; тогда бы убѣдились и они, кто былъ герой, погибшій жертвою коварства иностранцевъ!

Артемій Петровичъ Волынскій сынъ стольника, происходившаго отъ знаменитаго *Волынца* зятя и сподвижника великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго, служилъ при государѣ Петрѣ Великомъ въ военной службѣ и былъ генералъ-адъютантомъ его величества. Онъ находился въ персидскомъ походѣ, сражался въ Кубани, полонилъ тамъ одного мальчика, взялъ его къ себѣ, и этотъ самый плѣнникъ, названный имъ *Кубанцемъ*, послужилъ главнымъ оружіемъ къ его гибели. Артемій Петровичъ назначенъ былъ губернаторомъ въ Казань, гдѣ прославился безпримѣрнымъ *лихоимствомъ;* потомъ употребленъ въ посольствахъ, два раза состоялъ полномочнымъ при заключеніи мира, и за такія услуги пожалованъ въ оберъ-егермейстеры высочайшаго двора. Наконецъ по смерти графа Ягужинскаго, поступилъ на его мѣсто въ Кабинетъ министромъ — статсъ секретаремъ, въ 1738-мъ году. Въ то время онъ былъ вдовъ, имѣлъ брата, сестру, сына 14-ти лѣтъ и двухъ дочерей изъ дѣтства вышедшихъ.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Волынскій былъ человѣкъ обширнаго ума, знавшій нѣмецкій языкъ, образованный болѣе прочихъ своихъ соотечественниковъ и желавшій видѣть Россію въ *лучшемъ устройствѣ*. Но непомѣрная *гордость*, *коварный* и *вспыльчивый* до неимовѣрности *нравъ*, безграничная *надменность*, не терпѣвшая *ни равныхъ, ни высшихъ* надъ собою, унизительная мстительность, наглое *лихоимство* не токмо затмили всѣ его ка-

чества, но вооружила противъ него русскихъ вельможъ, послужили къ гибели его и несчастнаго безвиннаго семейства.

Самый день вступленія Волынскаго въ Кабинетъ, былъ означенъ какимъ то горестнымъ для него предзнаменованіемъ. Когда секретарь Кабинета Сахаровъ *) прежде всего представилъ ему къ подписанію присяжный листъ, въ которомъ упомянуто было, что если онъ нарушитъ или преступитъ новую свою должность, то подвергаетъ себя казни, Волынскій, не принимая въ уваженіе, что по этой формѣ присягали всѣ, вышелъ тотчасъ изъ себя: „Какъ, мерзавецъ, — закричалъ онъ секретарю, — государыня жалуетъ меня министромъ, а ты готовишь мнѣ топоръ да плаху!“ Съ тѣхъ поръ онъ не переставалъ, присутствуя въ Кабинетѣ, преслѣдовать невиннаго Сахарова.

Достигнувъ столь важнаго мѣста и замѣчая особое къ себѣ расположеніе императрицы, какъ по званію оберъ-егермейстера (государыня любила стрѣлять и часто ѣздила на охоту), такъ и члена ея Кабинета, — Артемій Петровичъ никого не считалъ *равнымъ* себѣ на землѣ, а кольми паче выше. Увлеченный необдуманною гордостію, свойственною только самымъ низкимъ выходцамъ, онъ всѣхъ вельможъ явно порицалъ: канцлера князя Черкасскаго называлъ — *набитымъ дуракомъ*, графа Остермана *ханжей*, президента Адмиралтейсъ-Коллегіи графа Чернышева — *воромъ*, оберъ-шталмейстера князя Куракина — *плутомъ*. Эти отзывы, громогласно изъясненные, разумѣется, до нихъ доходили и готовили Волынскому *непримиримыхъ враговъ*, способныхъ при первомъ случаѣ жестоко отмстить за оскорбленія.

*) Не имѣя уже теперь выписки изъ дѣла Волынскаго, я можетъ быть ошибся въ именахъ подчиненныхъ, но не главныхъ лицъ; а потому прошу прощеніе моей 60-ти лѣтней памяти.

Давъ полную свободу природной запальчивости, если полицейскій офицеръ, проходя по улицѣ мимо его окошекъ, не снималъ шляпы, то онъ приказывалъ своимъ людямъ завлечь его на барскій дворъ и безпощадно бить палками, чтобъ впредь научить должному уваженію къ особѣ кабинетъ-министра.

Мичмана флота князя Мещерскаго, за что онъ не исполнилъ его приказанія (хотя, по закону, не имѣлъ права ему приказывать), также затащилъ къ себѣ на дворъ, велѣлъ вымазать ему лицо сажею, посадить верхомъ на деревянную кобылку и, связавъ руки назадъ, травить борзыми собаками.

При увольненіи въ отпускъ князя Куракина, исправляя за него должность оберъ шталмейстера, онъ, за найденные безпорядки, жестоко наказалъ палками унтеръ-шталмейстеровъ 7-го класса Людвиха и Кикшеля, которые подали жалобы, но доказательствомъ благорасположенія къ нему герцога Бирона служитъ то, что ни одна изъ поданныхъ на него жалобъ, не имѣла успѣха!

Иные, можетъ быть, возразятъ, что такое обращеніе принадлежало духу того времени. Совсѣмъ нѣтъ! Пріятель Волынскаго, генералъ-лейтенантъ Салтыковъ, писалъ къ нему изъ деревни, вѣроятно, узнавъ эти похожденія *): „Артемій Петровичъ, образумься, что ты дѣлаешь? Одного безщадно ругаешь, другого бьешь, такъ ли поступаютъ министры? Вспомни, что ты человѣкъ, что всему бываетъ конецъ!“ — Но этотъ дружескій совѣтъ ни къ чему не послужилъ.

Императрица, уважая умъ Волынскаго и разговаривая однажды съ нимъ о разныхъ необходимыхъ улучшеніяхъ въ Россіи, пожелала имѣть письменное мнѣніе его по сему важному предмету. Онъ

*) Письмо это при дѣлѣ.

исполнилъ высочайшую волю и, въ поданномъ государынѣ проектѣ, изъяснилъ неотлагательную потребность *просвѣтить* и *образовать духовенство*, а чрезъ него ввести *просвѣщеніе* въ *народъ*. Для сего же завести повсемѣстно школы; потомъ, между прочимъ, возвратить сенату прежнюю власть, которая никогда опасна быть не можетъ, если умножится число гвардіи *). Въ заключеніе Волынскій предостерегалъ императрицу на счетъ окружающихъ ее близкихъ довѣренныхъ особъ (никого не называя), весьма, по мнѣнію его, опасныхъ, преданныхъ не ей, но собственнымъ своимъ интересамъ и направляющихъ всѣ дѣйствія ко вреду Россіи.

Анна Іоанновна, не любившая принимать уроки ни отъ кого и, усмотрѣвъ, съ негодованіемъ, изъ представленнаго ей проекта, что поданный, почти дерзаетъ упрекать ее въ незнаніи выбирать людей, сказала только: „Г-нъ Волынскій считаетъ меня ребенкомъ, которому нуженъ дядька,—ошибается"; но показала его бумагу своимъ приближеннымъ; зная громогласныя сужденія о нихъ кабинетъ-министра и, видя, что онъ никого, однако жъ, не именуетъ, каждый приписалъ намеки его себѣ, въ особенности князь Куракинъ, явный врагъ Волынскаго, послѣ дѣйствій противъ Людвиха и Кикшеля, чиновниковъ, подчиненныхъ оберъ-шталмейстеру. Одна государыня и герцогъ Биронъ очень хорошо поняли на кого мѣтитъ Артемій Петровичъ, но такъ искусно умѣли скрыть свою досаду, что не изъявили ему и вида неудовольствія; онъ продолжалъ присутствовать съ герцогомъ въ кабинетѣ, ѣзжалъ къ нему и, полагая, что проектъ его очень нравится, сталъ еще надменнѣе прежняго.

Въ полномъ убѣжденіи, что за представленныя имъ полезныя предложенія, ему ни въ чемъ отказать не могутъ, Волынскій подалъ императрицѣ прошеніе, въ которомъ, описывая себя человѣкомъ, въ крайней бѣдности находящимся, просилъ пособія отъ монаршихъ щедротъ *). Государыня, не взирая на внутреннее противъ него негодованіе, а Биронъ, не смотря на козни кабинетъ-министра противъ его особы, которую онъ, по свидѣтельству Манштейна, поносилъ въ слухъ, согласились на эту просьбу, и при заключеніи съ турками мира **) Артемій Петровичъ получилъ въ вспомоществованіе 20,000 рублей изъ казны, и ежели бы рѣшился тогда остепениться, укротя запальчивость и злорѣчіе, то сохранилъ бы и службу и милости. Но лютѣйшій демонъ гордости, сей древній врагъ рода человѣческаго, кажется, насильно увлекалъ его въ пучину всевозможныхъ бѣдствій: чѣмъ счастіе болѣе льстило Волынскому, тѣмъ болѣе становился онъ и надменнѣе и дерзновеннѣе.

Въ ноябрѣ того же 1739 года, Анна Іоанновна, желая отпраздновать свадьбу шута своего князя Голицына ***) поручила Артемію Петровичу учредить приличный церемоніалъ, въ которомъ дѣйствительно показалъ онъ особенное знаніе, оригинальность, и столица наша увидѣла *нигдѣ небывалое*. Для молодыхъ

*) Слѣдовательно примѣрный патріотъ хотѣлъ, посредствомъ штыковъ, заставить сенатъ дѣлать все что угодно будетъ гг. министрамъ!

*) По слѣдствію потомъ открылось, какъ онъ былъ бѣденъ.

**) Въ февралѣ 1739 года.

***) Этотъ князь Голицынъ, бывъ человѣкомъ колкаго ума, перешелъ изъ православной вѣры въ римскую, вѣроятно изъ какого либо разсчета или по правилу, что всѣ христіанскія вѣры хороши. Государыня предложила ему: или идти подъ судъ или въ придворные шуты. По благородству чувствъ онъ избралъ послѣднее.

былъ выстроенъ на Невѣ *ледяной домъ* съ комнатами, мебелью, печами *изъ льда*, въ нихъ горѣли дрова; у дома стрѣляли изъ *ледяныхъ* пушекъ. Но г. оберъ-егермейстеру вздумалось заставить пропѣть, въ честь государыни, стихи, а сочиненіе ихъ поручить извѣстному тогда *профессору поэзіи* и *элоквенціи* Тредьяковскому. Онъ послалъ за нимъ въ экипажѣ племянника своего кадета съ тѣмъ, чтобъ привезть къ себѣ; тотъ, войдя къ стихотворцу, объявилъ, что его проситъ кабинетъ-министръ; Тредьяковскому послышалось *кабинетъ-министры*, и, воображая, что знаменитѣйшіе люди нуждаются въ глубокихъ его познаніяхъ для разрѣшенія какого нибудь важнаго государственнаго обстоятельства, въ тотъ же часъ поѣхалъ. Но увидя, что его привезли въ домъ Волынскаго, а не въ Императорскій Кабинетъ, что г. оберъ-егермейстера нѣтъ еще у себя, что должно дожидаться его, поэтъ этимъ весьма оскорбился и ушелъ.

Возвратясь и узнавъ, что профессоръ риѳмоплетенія не хотѣлъ ожидать прибытія столь знатнаго вельможи, Артемій Петровичъ, по обыкновенію, вышелъ изъ себя. Пославъ за нимъ снова, онъ, по пріѣздѣ, встрѣтилъ его въ передней съ тростью въ рукѣ и началъ внушать должное къ особѣ своей уваженіе такими полновѣсными ударами *), что Тредьяковскій, насилу вырвавшись, бѣжалъ опрометью. На другой же день, избитый стихотворецъ явился съ жалобою къ герцогу Бирону во дворецъ и, ожидая выхода, стоялъ съ прочими просителями въ пріемной залѣ; герцогъ же былъ вверху у государыни. На ту пору, къ несчастію, пріѣхалъ Волынскій съ докладомъ, держа подъ мышкой шляпу, въ одной рукѣ бумаги, а въ другой натуральную трость. Замѣтя поэта и угадавъ, что онъ пришелъ съ жалобой, министръ тотчасъ же кинулъ шляпу, бросилъ бумаги и, въ бѣшенствѣ, забывъ гдѣ онъ, подбѣжалъ къ Тредьяковскому, спросилъ мгновенно: какъ онъ смѣетъ на него жаловаться, нагнулъ и началъ палкой повторять вчерашній урокъ съ такою силою, что бычачій ревъ страдальца возмутилъ весь дворецъ. Когда другіе, наконецъ, освободили несчастную жертву изъ рукъ Волынскаго, онъ, опомнясь, сказалъ: „Знаю, что поступилъ глупо, но по крайней мѣрѣ натѣшился!“ Прекрасная утѣха для возвышенной души, предполагаемой въ вельможѣ! Являютъ ли иностранныя исторіи хотя одинъ примѣръ такого поведенія министровъ во дворцѣ ихъ владыкъ?

Это происшествіе, разумѣется, поразило всѣхъ придворныхъ вообще и разнеслось по городу; заключили, что Волынскій отъ высокомѣрія, внушеннаго ему занимаемымъ мѣстомъ, рехнулся. Но императрица и Биронъ весьма къ нему охладѣли за явное неуваженіе царскаго жилища. Можетъ быть онъ получилъ и выговоръ, но оставался на службѣ. Свадьба шута понравилась чрезвычайно по неожиданности зрѣлища, удостоилась высочайшей благодарности и загладила необдуманные поступки нахальной запальчивости. Враги же кабинетъ-министра прикапливали одно къ другому, чтобъ по тогдашнему обычаю, сразу грянуть громомъ, согласно пословицѣ „Семь бѣдъ,—одинъ отвѣтъ!“

Волынскій, въ такомъ почтенномъ званіи по двору и по государству, не имѣлъ никакого ордена, тогда какъ всѣ его товарищи, сослуживцы и даже младшіе по службѣ давно щеголяли въ звѣздахъ и лентахъ. Относя это къ недоброжела-

---

*) По свидѣтельству доктора Академіи Наукъ, оказалось на немъ около ста знаковъ палочныхъ ударовъ! (Свидѣтельство при дѣлѣ).

ельству герцога Бирона и желая или поколебать его въ мнѣніи государыни, или снова выставить себя единственнымъ человѣкомъ, преданнымъ престолу и отечеству, а притомъ замѣчая, что устроенная имъ церемонія удостоена общихъ похвалъ и особенно благоволенія ея величества, онъ, вѣчно руководимый своимъ злымъ геніемъ, рѣшился въ первыхъ мѣсяцахъ наступившаго 1740-го года подать императрицѣ новый проектъ *) разныхъ въ Россіи улучшеній, въ концѣ котораго, по привычкѣ къ интригамъ, не преминулъ предостеречь вновь государыню на счетъ окружающихъ ее измѣнниковъ, предателей, людей безъ души, безъ совѣсти употребляющихъ только во зло и *власть свою* и высочайшую *довѣренность*.

Подозрительная отъ природы монархиня, полагая, что, можетъ быть, дѣйствительно составленъ противъ нея заговоръ, вышла изъ себя. Созвавъ къ себѣ прочихъ министровъ и приближенныхъ и показавъ имъ новую бумагу Волынскаго, спросила, что это значитъ? Тѣ, усматривая въ оберъ-егермейстерѣ одну *змѣю*, раздувающую *пламень раздоровъ*, разумѣется, рѣшились избавиться, безъ промедленія, отъ существа, влекущаго императрицу только къ гнѣву и къ огорченію. Герцогъ Биронъ просилъ колѣнопреклонно „*повелѣть нарядить комисію для изслѣдованія всѣхъ его дѣлъ* и, ежели окажется въ чемъ преступнымъ, то предать его всей строгости законовъ". Хитрый графъ Остерманъ, знавшій очень хорошо всѣ дѣянія Артемія Петровича со времени Петра Великаго, мнѣніемъ изложилъ, что „*прежде всего* слѣдуетъ *успокоить* Ея Величество узнаніемъ *отъ Волынскаго*: какіе именно *предатели* и *измѣнники* окружаютъ царскій престолъ, а для того назначить *особую* комисію, которой бы *формально* истребовать отъ него *указанія* злоумышленниковъ, подразумѣваемыхъ имъ въ *новой*, поданной бумагѣ государынѣ, и то *доказать*; а потомъ вмѣнить комисіи въ обязанность *разсмотрѣть* подробно всѣ *поступки* г. Волынскаго въ *продолженіе* службы, примолвя, что тотъ, кто порицаетъ вообще всѣхъ, не можетъ оскорбиться, когда будутъ слѣдовать собственныя его дѣянія, вѣроятно безукоризненныя, если даютъ ему *право* безъ страха *осуждать* дѣла другихъ".

Всѣ предстоящіе одобрили мнѣніе г. вице-канцлера, съ которымъ согласилась и императрица.

Это происходило въ великій постъ, пока распоряжались тайно о нарядѣ комисіи, о изготовленіи ей инструкціи, объ отводѣ комнатъ для присутствія, настала страстная недѣля. Волынскому запрещенъ былъ, по высочайшей волѣ, пріѣздъ ко двору и въ Императорскій кабинетъ. Тутъ, ослѣпленный могуществомъ своимъ вельможа, мгновенно пробудился отъ пріятнаго сна. Предчувствуя худое, онъ кинулся умолять о покровительствѣ герцога Бирона и—не былъ принятъ; бросился къ принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, но она побоялась впустить его къ себѣ; поскакалъ къ фельдмаршалу Миниху,— и тотъ заперъ ему двери. Онъ уже слишкомъ поздно увидѣлъ, что всѣ враги, что защиты нигдѣ нѣтъ, и безпримѣрный гордецъ, не стыдясь унижаться, обнажилъ публично всю трусость слабодушія.

Г. Полевой говоритъ въ *Россійской* своей *исторіи для первоначальнаго чтенія*, что Волынскій, подавъ на Бирона доносъ, былъ *схваченъ* и черезъ нѣсколько часовъ *терзаемъ* въ застѣнкахъ палачами. Можно ли такъ нагло и безсовѣстно *лгать историку*, обязанному

*) Втораго сего проекта при дѣлѣ не находится.

писать для наученія потомства? Кто, зная дѣло, не подумаетъ, что онъ, подобно новѣйшимъ французскимъ сочинителямъ, хотѣлъ только необдуманными клеветами вооружить легковѣрныхъ читателей противъ жестокостей правительства? Во первыхъ, Волынскій, *никого* не назвавъ, обвинялъ *всѣхъ*, а *не собственно* герцога Бирона; во вторыхъ, при отдачѣ его подъ судъ, соблюдены *всѣ* формы *деликатности*, слѣдуемыя сану кабинетъ-министра.

Хотя высочайшій указъ уже былъ подписанъ, но во время святой недѣли ничего нельзя было предпринять. Грустно протекала она для Артемія Петровича въ кругу его обыкновенныхъ нахлѣбниковъ-ласкателей, то есть домашнихъ друзей, это были: президентъ Коммерцъ-Коллегіи тайный совѣтникъ графъ Платонъ Мусинъ-Пушкинъ, тайный совѣтникъ Хрущовъ, гофъ-интендантъ Еропкинъ, генералъ кригсъ-комисаръ Соймоновъ, совѣтникъ Полиціи князь Шаховской *), секретарь Кабинета Эйхлеръ и секретарь иностранной Коллегіи Зуда. Имъ однимъ сообщалъ оберъ-егермейстеръ свои планы, съ ними совѣтывался, принималъ отъ нихъ всѣ слухи на счетъ другихъ вельможъ, всѣ городскія сплетни, но былъ въ самозабвеніи такъ неостороженъ, что громко разговаривалъ съ ними при камердинерѣ своемъ *Кубанцѣ*, почитая его, разумѣется, ниже послѣдняго животнаго и никакъ не воображая, чтобъ подобный червякъ могъ когда повредить важнѣйшему человѣку; весьма ошибался и въ этомъ случаѣ.

Едва прошли свѣтлые праздники, какъ приступили, не мѣшкавъ, къ исполненію именного указа. Комисія составлена была изъ 18-ти генераловъ (всѣ русскіе, а нѣмца ни одного), подъ предсѣдательствомъ графа Чернышева, прозваннаго Волынскимъ *воромъ*. Въ числѣ членовъ назначены генералы Андрей Ивановичъ Ушаковъ, Плещеевъ, Челищевъ; для дѣлопроизводства набраны секретари и чиновники изъ Сената и Коллегій, а для присутствія отведено нѣсколько комнатъ въ Италіанскомъ дворцѣ *), такъ какъ и по нынѣ первостепенныя государственныя особы судятся всегда въ императорскомъ жилищѣ. Волынскому объявленъ былъ домашній арестъ; генералъ-адъютантъ Ушаковъ, всегдашній экзекуторъ въ уголовныхъ случаяхъ, приставилъ къ дверямъ комнаты его часовыхъ, а съ нимъ вмѣстѣ, для надлежащаго надзора за подсудимымъ, помѣщенъ гвардіи поручикъ, который наблюдалъ его до послѣдней минуты. Артемій Петровичъ пользовался своимъ столомъ! Дѣти его арестованы особо, съ запрещеніемъ видѣть отца или кого другого **).

Не успѣла еще распространиться вѣсть объ отдачѣ кабинетъ-министра подъ слѣдствіе вполнѣ, какъ доносы на него посыпались со всѣхъ сторонъ градомъ въ комисію. Всѣ имъ обиженные прежде, секретарь Кабинета Сахаровъ, мичманъ князь Мещерскій, поэтъ Тредьяковскій, унтеръ-шталмейстеры Людвигъ и Кикшель, всѣ обруганные и избитые наводнили присутствіе жалобами на Волынскаго, какъ водится, и правдивыми и лживыми. Кто жъ обязанъ былъ разбирать ихъ? Тѣ, которые сами подвергались неоднократно его злорѣчію потому, что онъ никого не щадилъ, чтожъ можно послѣ сего ожидать хорошаго, и гдѣ же тутъ *лютое мщеніе* герцога Бирона?

Но важнѣйшій врагъ Волынскаго скры-

*) Князь Шаховской бывалъ у него рѣже другихъ. Ему отмѣнно покровительствовалъ Биронъ и онъ въ дѣлѣ не замѣшенъ.

*) Гдѣ Екатерининскій институтъ.

**) Для того, чтобъ онъ не могъ посредствомъ нихъ, еслибъ были на свободѣ, сообщаться съ пріятелями и сговариваться.

вался у него въ домѣ, плѣнный *Кубанецъ*, записанный изъ вольныхъ въ крѣпостные, воспитанный съ юныхъ лѣтъ Артеміемъ Петровичемъ *), со свойственной ему кротостію: вѣроятно пересчиталъ на себя въ продолженіе многихъ лѣтъ не одну сотню ударовъ всѣхъ родовъ, но за то зналъ коротко всѣ дѣла, намѣренія, связи и мысли своего господина, скрывая уже давно врожденную злобу гордаго азіатца, непримиримую мстительность степнаго дикаря, онъ искалъ только случая заставить его дорого поплатиться за побои и не могъ найдти удобнѣйшаго. Явясь въ слѣдственную комисію, онъ сталъ мало по малу открывать всѣхъ друзей Волынскаго, весь домашній обиходъ его, состояніе и корыстолюбивые поступки въ бытность казанскимъ губернаторомъ, оберъ-егермейстеромъ. А между тѣмъ по мѣрѣ узнанія въ имперіи участи постигшей г. кабинетъ-министра, начали присылать на него изъ разныхъ мѣстъ и доносы и жалобы, какъ будто въ подкрѣпленіе словъ Кубанца.

Слѣдственная комиссія, открывъ свои засѣданія въ половинѣ апрѣля, потребовала Волынскаго къ отвѣту, и онъ привезенъ былъ изъ дома своего **) въ каретѣ, сопровождаемый посланнымъ изъ комиссіи чиновникомъ и офицеромъ гвардіи, его стрегущимъ на квартирѣ. По прочтеніи высочайшаго указа объ учрежденіи комиссіи, журналъ коей послѣ каждаго засѣданія, обязана она была представить на разсмотрѣніе императрицы, всѣ члены вѣжливо и дружески увѣщевали Артемія Петровича скорѣе вывести всѣхъ изъ страннаго недоумѣнія, открывъ имъ чистосердечно, по христіанской совѣсти, кого подразумѣвалъ онъ, предостерегая письменно государыню, на счетъ окружающихъ ея *измѣнниковъ* и *предателей?*

Волынскій, запинаясь, показалъ на оберъ-шталмейстера князя А. Б. Куракина и на другихъ, тогда отсутствующихъ особъ, потому что очная ставка съ ними была совершенно невозможна! Когда же графъ Чернышевъ началъ требовать формальныхъ доказательствъ ихъ злоумышленій,—то Волынскій отвѣчалъ, что ихъ не имѣетъ, но что онъ о томъ слышалъ, и, обратясь къ графу сказалъ: „Стыдно тебѣ меня тѣснить; вспомни, что самъ дѣтокъ имѣешь".—Вотъ умные отвѣты на судѣ вельможи, почитаемаго умнѣйшимъ мужемъ своего времени, бывшаго судьи, считавшаго, кромѣ себя, всѣхъ людей глупцами *).

Волынскій былъ бодръ только при первыхъ двухъ засѣданіяхъ, потомъ совершенно упалъ духомъ и являлъ примѣрное слабодушіе **).

Между тѣмъ гг. слѣдователи, видя, что онъ не открываетъ именъ, показанныхъ имъ измѣнниковъ, почли нужнымъ арестовать всѣхъ вышеписанныхъ друзей его, чтобъ чрезъ нихъ узнать ту тайну, которую онъ скрываетъ отъ суда, но вѣроятно сообщилъ имъ. Всѣ были забраны.

Они на первомъ допросѣ показали единодушно, что никогда и ничего подобнаго отъ Артемія Петровича не слыхали!

Кубанецъ доносилъ, что господинъ его часто бывалъ у принцессы Анны Леопольдовны и что весьма на нее надѣялся.

*) Волынскій на свою бѣду обучилъ его чтенію и письму; онъ сдѣлалъ изъ него и камердинера и домашняго своего секретаря.

**) Гдѣ нынѣ школа придворныхъ пѣвчихъ.

*) Если сравнить безстрашіе и отвѣты на судѣ Миниха и даже стояніе его на эшафотѣ,—какая разница.

**) Минихъ не такъ велъ себя въ судѣ надъ нимъ.

Бывъ спрошенъ, онъ отвѣчалъ, что не иначе ѣздилъ къ ея свѣтлости, какъ по должности съ докладомъ о назначенной въ тотъ день травлѣ или охотѣ. Принцесса показала тоже.

Касательно поступковъ съ княземъ Мещерскимъ, Людвигомъ, Кикшелемъ и Тредьяковскимъ, онъ тотчасъ въ нихъ сознался, относя это къ крайней своей гордости и врожденной неодолимой запальчивости, за что и терпитъ отъ Бога справедливое наказаніе.

Вскорѣ получены изъ Казани доносы, подтвердившіе объявленія Кубанца; они показывали, что Волынскій „со всѣхъ торгующихъ въ Казани купцовъ дралъ безсовѣстныя взятки; безъ предварительнаго подарка никому торговать не позволялъ; что для своего собственнаго употребленія *похитилъ* не малое число *казенныхъ* денегъ; что при переѣздѣ въ столицу, онъ принудилъ эконома архіерейскаго дома подарить ему 200 четвертей овса, на прокормленіе своихъ лошадей; наконецъ, наложилъ на жителей Казанской губерніи не малый денежный сборъ, который *оставилъ* у себя".

Какъ громомъ пораженный, при требованіи отвѣтовъ на эти пункты, стоялъ подсудимый, увидя, что дѣло направлено не на одну бумагу, поданную имъ императрицѣ, но на розыскъ всѣхъ прежнихъ дѣлъ его; а такъ какъ онъ, *по совѣсти*, не могъ признать ихъ блестящими, то послѣдствія суда ничего хорошаго не предвѣщали! Онъ началъ сперва одни отрицать, въ другихъ признаваться, но полученные изъ Казани нѣкоторые подтвердительные факты и отзывъ архіерейскаго эконома, что онъ не дерзнулъ отказать настоятельному требованію толь знатной и сильной особы и отпустилъ ей 200 четвертей овса, убѣдилъ судей въ правдоподобіи прочихъ жалобъ, понудилъ Волынскаго сознаться во всемъ, а графа Чернышева, какъ предсѣдателя вывелъ изъ себя: „Зачѣмъ ты насъ томишь собою, — сказалъ онъ обвиняемому, — за что ты насъ всѣхъ морочишь? Сегодня соглашаешься, а завтра отговариваешься. Чтобы тебѣ съ разу признаться?" — Но Волынскій, относя все къ природной своей гордости, говорилъ, что Богъ только за нее его и наказываетъ.

Чиновники придворной оберъ-егермейстерской конторы, столь же мало довольные обхожденіемъ Артемія Петровича, какъ и прочіе, подали также доносъ, что онъ, будучи оберъ-егермейстеромъ, принуждалъ начальниковъ губерній доставлять всякую дичь и птицъ у нихъ имѣющихся будто для конторы, но бралъ ихъ себѣ, а притомъ билеты на стрѣльбу, въ узаконенное время, живности около столицы, нагло продавалъ за произвольную цѣну, удерживая деньги себѣ.

Волынскій вынужденъ былъ признаться, по представленнымъ документамъ, и тѣмъ предоставилъ вящее торжество своимъ слѣдователямъ, которыхъ прежде порицалъ безпощадно, но ни въ какихъ подобныхъ дѣлахъ не могъ уличить.

Хитрый и злопамятный Кубанецъ, видя, что все это можетъ кончиться, по примѣру Меньщикова, лишеніемъ его господина чиновъ и ссылкою, хотѣлъ большаго ему наказанія. Онъ вступилъ съ новымъ доносомъ, что Волынскій приказалъ нарисовать родословное древо своей фамиліи, которое виситъ въ рамѣ въ его кабинетѣ и которое приказалъ онъ украсить государственнымъ гербомъ, желая тѣмъ доказать родство свое съ императорскою фамиліею и неоспоримыя права на престолъ.

Весь свѣтъ, казалось, ополчился на гибель бывшаго *кабинетъ-министра*.

Комисія, усматривая, что принимаетъ оборотъ уголовно-государственнаго противъ I-го пункта, подлежащаго тайнѣ, и что Волынскаго въ такомъ важномъ случаѣ безъ особыхъ средствъ до признанія не доведутъ, вступила съ докладомъ къ императрицѣ, съ испрошеніемъ разрѣшенія на перемѣщеніе Волынскаго съ сообщниками въ Адмиралтейскую крѣпость, и, если окажется надобность, на употребленіе съ ними пытокъ, къ чему комисія сама собою приступить не дерзаетъ по важности чиновъ нѣкоторыхъ обвиненныхъ! — На все это воспослѣдовало высочайшее утвержденіе въ половинѣ мая мѣсяца. Слѣдовательно Волынскій узналъ застѣнки въ первый разъ чрезъ мѣсяцъ послѣ ежедневнаго разбора его дѣяній и *почетнаго* ареста на дому, а не чрезъ нѣсколько часовъ, какъ увѣряетъ насъ г. Полевой!

Согласно резолюціи ея величества, Волынскій, съ поименованными друзьями своими были перевезены въ Адмиралтейскую крѣпость; съ нимъ отправился и гвардейскій офицеръ, неразлучный стражъ его. Въ этой крѣпости, равномѣрно и въ Петропавловской потомъ, Артемій Петровичъ содержался прилично; ему отведена была особая казарма *), съ нимъ отпущена туда кровать, постель, бѣлье, нужное платье, серебреный столовый приборъ, посуда, золотые часы, образа, табакерка. — Дѣти же остались, подъ карауломъ дома.

Родословное дерево, украшенное россійскимъ гербомъ фамиліи Волынскихъ, было представлено въ слѣдственную комисію. При допросѣ бывшаго оберъ-егермейстера, зачѣмъ приказалъ онъ помѣстить сверху двухглавый орелъ, какъ бы ему родственный, Волынскій отвѣчалъ, что онъ *никому* своего родословнаго дерева *не заказывалъ* дѣлать; но, что Еропкинъ, нарисовавъ его, самъ собою включилъ орла и поднесъ ему рисунокъ свой сюрпризомъ, въ день именинъ. Спрошенный Еропкинъ, подтвердилъ тоже. Затѣмъ Артемій Петровичъ добавилъ къ прежнему показанію, что онъ не считаетъ себя въ родствѣ съ царствующею фамиліею, развѣ только по женской линіи. — „А по женской линіи какъ ты ей родня?“ спросилъ графъ Чернышевъ. Волынскій отвѣчалъ, что пропращуръ его Волынецъ, бывъ женатъ на сестрѣ великаго князя Дмитрія Іоанновича Донскаго, приходился ему родственникомъ по женскому поколѣнію.

Чего же болѣе, возразятъ наши любезные соотечественники, Волынскій совершенно правъ, да и только! Да, онъ покажется правымъ въ глазахъ общей массы людей, но не въ глазахъ судей-юристовъ, обязанныхъ разбирать дѣла во всей точности и подробности. Какъ могъ Еропкинъ знать на обумъ всѣ разныя поколѣнія, не помня даже ихъ въ своей собственной, еслибъ Артемій Петровичъ не сообщилъ ему всѣхъ нужныхъ свѣдѣній (гдѣ же сюрпризъ?), и могъ ли онъ, *безъ его согласія*, украсить родословное его дерево государственнымъ гербомъ въ то время, когда въ партикулярномъ домѣ печь, складенная изъ изразцовъ съ двуглавыми орлами, заготовляемыхъ для дворцовъ и вѣроятно купленныхъ за дешевую цѣну, подвергла хозяина ужасному подозрѣнію и наказанію *); а ежели Еропкинъ дѣйствительно самъ собою включилъ орла, не долгъ ли былъ Волынскаго тотчасъ же приказать заклеить его бумажкой? Кто лучше его

*) Такъ какъ строенія въ крѣпостяхъ были тогда деревянныя, то солдаты и арестанты помѣщались въ особыхъ домахъ, названныхъ казармами; нынѣ замѣнили ихъ казематы.

*) Тогда въ Малороссіи былъ тому примѣръ.

могъ знать духу времени того! — И такъ сомнѣнія судей, опытомъ убѣжденныхъ въ неограниченной надменности Артемія Петровича, были основательны.

Но оставалось еще узнать для очистки доноса Кубанца, точно ли Волынскій, происходящій отъ сестры Дмитрія Донскаго (Рюриковой династіи), приписывалъ себѣ права на престолъ, занимаемый Романовыми, тоже родственниками по женской линіи? Послѣ перваго его показанія, подтвержденнаго Еропкинымъ, слѣдователи ясно видѣли, что *обыкновеннымъ* допросомъ ничего не узнаешь, а какъ присвоеніе правъ на престолъ главнѣйшее преступленіе вѣрноподданнаго, непремѣнно требуетъ розыска, то графъ Мусинъ-Пушкинъ, Хрущовъ, Соймоновъ, Еропкинъ, Эйхлеръ, Зуда и самъ Волынскій преданы были пыткѣ. Ихъ подняли на дыбу и дали столько ударовъ, сколько, по мнѣнію розыскателей, комплекція каждаго могла вынести; Волынскій получилъ ихъ восемь. Кромѣ его всѣ признались въ мукахъ, что слышали отъ него о родствѣ съ царскимъ домомъ, о правахъ на престолъ, что государственный гербъ помѣщенъ въ родословной по его собственной волѣ, что онъ лихоимствомъ нажился; но Артемій Петровичъ среди истязаній говорилъ одно и тоже, что онъ давно достоинъ смертной казни, а умолялъ избавить его только отъ четвертованія. При поднятіи его на дыбу, ему такъ вывихнули правую руку, что онъ уже самъ не могъ подписывать отвѣтные пункты *)! Ему для пользованія данъ былъ лѣкарь и отпущено лѣкарство на казенный счетъ!

Розыскатели, желая, какъ можно скорѣе окончить слѣдствіе, вѣроятно, по побужденіямъ свыше, начали разсуждать, какимъ образомъ заключить дѣло, и мнѣнія оказались различны. Лютѣйшая змѣя Кубанецъ, провѣдавъ о томъ, можетъ быть, чрезъ писарей комисіи, рѣшился послѣднимъ громовымъ ударомъ уничтожить прежняго своего господина. Въ началѣ іюня онъ подалъ присутствію запечатанный конвертъ съ надписью: „Въ собственныя руки Ея Императорскаго Величества". — Напрасно старались всѣ члены уговорить его на объясненіе имъ содержанія того письма: Кубанецъ, съ мѣднымъ лбомъ изверга неблагодарности и съ закоснѣлою совѣстью мстительнаго злодѣя, отвѣчалъ, что дѣло такой важности, не токмо онъ, но ни одинъ вѣрноподданный не рѣшиться прояснить, а что одна монархиня можетъ прочитать *). Она находилась тогда въ Петергофѣ. Пораженная удивленіемъ комисія, отрядила двухъ своихъ членовъ генераловъ Ушакова и Плещеева для поднесенія Ея Величеству помянутаго конверта. Онъ былъ вскрытъ передъ всѣми, и чтожъ прочитали? что — „Волынскій, кромѣ прочихъ богомерзкихъ и законопреступныхъ замысловъ своихъ, переводитъ съ нѣмецкаго сочиненную Юстіемъ Линсіемъ жизнь римской древней императрицы Мессалины **) и хочетъ, напечатавъ на русскомъ языкѣ издать въ свѣтъ, дабы народъ увидѣлъ сходство россійской государыни съ римскою, и, что переводныя тетради, писанныя его рукою, находятся на полкѣ особаго шкафа, стоящаго въ кабинетѣ".

Легко можно представить, что было съ Анной Іоанновной, императрицею

*) По злобѣ слѣдователей на Волынскаго, это, можетъ быть, сдѣлано съ умысломъ.

*) Въ то время нельзя было пренебрегать ни однимъ доносомъ, потому что въ случаѣ непринятія, доносчики подавали прямо герцогу Бирону, а отвергнувшіе подвергали подозрѣнію и отвѣту.

**) Супруга императора Клавдія. Въ это время, то есть въ началѣ XVIII столѣтія книга Юстія Линсія наполнена описаній ужаснѣйшихъ развратовъ, была любимымъ чтеніемъ вельможъ.

гордою и злопамятною, увидя себя сравненною, облагодѣтельствованнымъ ею Волынскимъ, съ Мессалиною, которой одно уже имя вошло въ обыкновеніе, для обруганія женщины, которое взорветъ каждаго образованнаго мужа, ежели такъ назовутъ его жену, и которое даже въ самомъ Римѣ произносилось съ омерзеніемъ. Должно еще вообразить при томъ лица всѣхъ предстоявшихъ, пораженныхъ и смущенныхъ такою неожиданною новостію, въ особенности Ушакова и Плещеева, поднесшихъ государынѣ столь лестное и почетное сравненіе, тѣмъ болѣе страшное, что члены комиссіи не могли же утаить предъ ней сколь всѣ доносы Кубанца, ближайшаго къ Волынскому человѣка, оказались справедливыми. По мановеніи первыхъ порывовъ, рѣшили перевезти Артемія Петровича съ друзьями его немедленно въ Петропавловскую крѣпость, и тамъ въ Тайной Канцеляріи *), допросить посредствомъ употребляемыхъ обыкновенно способовъ для узнанія истины.

Кто жъ могъ быть болѣе раздраженъ Биронъ или императрица? Кто способствовалъ болѣе гибели Волынскаго: онъ самъ или герцогъ?

Генералы Ушаковъ и Плещеевъ возвратясь, сообщили товарищамъ высочайшую волю, которая исполнена неотлагательно. Переводы найдены по указанію Кубанца и разсмотрѣны комиссіею. Тогда приведенъ былъ Артемій Петровичъ къ допросу. Онъ отвѣчалъ, что переводилъ сочиненіе Юстія Липсія отъ скуки, ради смѣха, безъ всякаго другаго намѣренія.— „Мы всѣ эту книгу знаемъ,—возразилъ генералъ Ушаковъ,— и безъ русскаго перевода, такъ зачѣмъ и переводить!“— Волынскаго предали пыткѣ: полчаса онъ висѣлъ на дыбѣ и получилъ 18-ть ударовъ, но далѣе не сознался, говоря только, что онъ по дѣламъ своимъ заслужилъ смертную казнь и просилъ одного избавленія отъ четвертованія *), которое онъ самъ однакожъ весьма равнодушно подписалъ князю Ивану Алексѣевичу Долгорукову!

Это былъ послѣдній актъ жалкой трагедіи. Слѣдственная комисія заключила дѣло и съ мнѣніемъ своимъ представила на разсмотрѣніе императрицы, вслѣдствіе чего состоялся высочайшій именной указъ объ учрежденіи верховнаго уголовнаго суда изъ первыхъ особъ государства и президентовъ коллегій, для окончательнаго рѣшенія сего дѣла.

Судъ этотъ, пересмотрѣвъ все слѣдствіе и, находя мнѣніе комисіи правильнымъ, постановилъ слѣдующій приговоръ:

1. Волынскому, отрѣзавъ языкъ, отсѣчь руку, а потомъ голову.

2. Хрущову и Еропкину, съ нимъ участвовавшимъ, отсѣчь голову.

3. Соймонова и Эйхлера, наказавъ безщадно кнутомъ, сослать въ Сибирь.

4. Зуду, наказавъ плетьми, сослать въ Сибирь.

5. Графу Мусину-Пушкину, отрѣзавъ языкъ, сослать на тюремное заключеніе въ Соловецкій монастырь.

6. Двухъ дочерей Волынскаго постричь въ сибирскихъ монастыряхъ, а сына опредѣлить въ Камчатскій гарнизонъ солдатомъ (они совершенно безвинно). Имѣніе взято въ казну.

Высочайше утвержденный приговоръ былъ объявленъ подсудимымъ 26 іюня. Имъ приказано приготовиться къ смерти

*) Въ то время преступленія, даже доносы противъ 1-го пункта разсматривались предварительно въ Тайной Канцеляріи.

*) Онъ и въ мукахъ не долженъ былъ виниться, ибо хорошо зналъ, что еслибъ признался въ намѣреніи сравнить государыню съ Мессалиною, то не избѣгнулъ бы четвертованія.

съ христіанскими обрядами! Потомъ занялись приготовленіемъ всего нужнаго для казни. Исполненіе ее, на Мытномъ рынкѣ, за крѣпостью, поручено генераламъ Ушакову и Плещееву.

Офицеръ, стерегущій Волынскаго, донесъ комисіи, что не задолго до прибытія къ нему священника Петропавловскаго собора, онъ спалъ, пробудясь, разсказывалъ видѣнный сонъ: „будто съ какимъ то священникомъ входилъ въ церковь, въ которой не было ни одной свѣчи. Спросивъ, что это значитъ, онъ получилъ отвѣтъ, что свѣчи нужны будутъ послѣ". Когда же вошелъ соборный священникъ, онъ тотчасъ узналъ въ немъ видѣннаго во снѣ. Вскорѣ потомъ сказалъ: „Когда я былъ дома, то имѣлъ тысячу средствъ лишить себя жизни, а какъ пришлось теперь умирать, такъ и не хочется *).

Послѣ исповѣди и св. Причастія, когда ушелъ отецъ духовный, которому просилъ Артемій Петровичъ отдать золотые свои часы, онъ разсказалъ соблазнительный анекдотъ объ одной дѣвушкѣ, вынужденной до конца еще исповѣди бѣжать опрометью домой. Для человѣка, принявшаго только что св. Тайны и готовящагося къ смерти, такіе анекдоты весьма неумѣстны **)!

На другой день 27 іюня какъ бы нарочно въ память славнѣйшей полтавской битвы, бывшій генералъ-адъютантъ Петра Великаго, съ прочими обвиненными, тоже его слугами, увидѣлъ себя подъ мечемъ палача. Въ 6-ть часовъ утра генералы Ушаковъ и Плещеевъ, войдя къ несчастнымъ Волынскому и графу Мусину-Пушкину, приказали имъ при себѣ отрѣзать языки (подобная мѣра противъ преступника, долженствующаго потерять голову черезъ часъ, кажется странною и не нужною). Въ восемь часовъ вывели осужденныхъ, за крѣпкою стражею, на Мытную площадь, полную народа Волынскому, по прочтеніи громогласно приговора передъ публикою, сперва отрубили правую руку, потомъ голову; Хрущеву и Еропкину тоже головы; Соймонова и Эйхлера наказали безщадно кнутомъ, и Зуду плетьми. Въ вечеру тѣла казненныхъ были погребены на Самсоніевскомъ кладбищѣ въ день его праздника. Вслѣдъ затѣмъ обнародованъ о дѣлѣ ихъ высочайшій манифестъ *).

На другой день графъ Пушкинъ, лишенный *чиновъ, дворянства и языка*, отправленъ съ гвардейскимъ офицеромъ въ Соловецкій монастырь Злополучныя дѣти Волынскаго сынъ въ Камчатку, дочери съ женщиною въ Сибирь, подъ надзоромъ гвардейскаго офицера. Строго было запрещено: во всю дорогу не говорить съ ними ни слова! Невольно обливается сердце кровью, когда видишь дѣтей, нежданно и безвинно наказанныхъ за преступленія отца, которыхъ они не знали. Правда, въ иностранныхъ государствахъ семейство погибшаго отъ казни вмѣсто общаго должнаго къ нему сожалѣнія, возбуждало презрѣніе, что весьма *несправедливо*, но нигдѣ не было преслѣдуемо, наказываемо, какъ являются примѣры въ княжнѣ Долгоруковой, невѣстѣ императора Петра II-го, обрученной съ нимъ поневолѣ **), и въ дѣтяхъ князя Меньщикова и Волынскаго.

*) Волынскій не по религіозному чувству, а изъ молодушной трусости не могъ рѣшиться лишить себя жизни.

**) Когда Биронъ и Минихъ будучи въ несчастіи, одинъ въ Ярославлѣ, а другой въ Сибири, считали себя погибшими на-вѣкъ, они совершенно предались религіи, и почти чудеснымъ образомъ, снова вошли въ прежнія почести. Однакожъ они были лютеране, съ меньшимъ убѣжденіемъ православныхъ.

*) Тредьяковскому за побои выдано изъ имѣнія Волынскаго семь сотъ рублей, что составитъ по 7-ми рублей за ударъ (?).

**) Она питала страсть къ графу *Милезимо*

Имѣніе его было описано. Чтожъ оказалось? Онъ владѣлъ 1,200 душъ, двумя домами въ Москвѣ, двумя въ С.-Петербургѣ, огромнымъ мѣстомъ у Обухова моста, а движимость могла только быть уписана на 35-ти большихъ листахъ. Вотъ бѣднѣйшій изъ людей, просившій помощи у императрицы и получившій въ пособіе 20,000 рублей изъ казны! Какое мнѣніе могла государыня, узнавъ это, имѣть о своихъ подданныхъ, когда уже министры, ея довѣренные совѣтники такъ нагло обманывали и, награбя, какъ Волынскій, богатство, умоляли у Престола о воспомоществованіи, подобно нищимъ!

Изложивъ судопроизводство надъ членомъ кабинета министромъ-статсъ-секретаремъ ея величества, взятое мною изъ составленной по дѣлу его выписки, сколько 60-ти-лѣтняя память могла мнѣ служить при этомъ случаѣ, и, бросая послѣдній горестный взглядъ на несчастное событіе съ важнымъ русскимъ вельможею, я долженъ сознаться откровенно, что никакъ не считаю герцога Бирона совершенно чуждымъ его погибели; во первыхъ, онъ не могъ быть расположенъ къ человѣку, по природѣ коварному, готовому всегда интриговать противъ него, чтобъ похитить власть; во вторыхъ, онъ не могъ беречь того, который въ проектахъ, поданныхъ государынѣ, намекалъ прямо на него, хотя безъимянно, и въ комнатахъ герцога, поступкомъ съ Тредьяковскимъ, доказалъ явное неуваженіе къ хозяину, владѣтельному принцу и, кромѣ этого, къ жилищу императрицы, весьма оскорбленной такой выходкой въ ея дворцѣ, чему въ Европѣ не было примѣра; въ третьихъ, зная, вѣроятно по слухамъ поведеніе Волынскаго по службѣ, не долженъ былъ защищать его; но Биронъ не принималъ никакого личнаго участія въ судопроизводствѣ, будучи увѣренъ, что соотечественники кабинетъ-министра, слишкомъ раздраженные противъ его злорѣчія, не пощадятъ кругомъ виноватаго. А разсказы нѣкоторыхъ, будто Анна Іоанновна никакъ не хотѣла утвердить приговора, но была къ тому принуждена, есть чистое голословіе, не сообразное съ злопамятнымъ нравомъ императрицы, въ особенности послѣ сравненія ея съ Мессалиною!

Отзывъ г. Бантышъ-Каменскаго въ словарѣ его *достопамятныхъ мужей*, что Биронъ, якобы возненавидѣлъ Волынскаго за споръ съ нимъ въ Кабинетѣ о невозможности простить полякамъ военной контрибуціи, потому что они помогали туркамъ въ войнѣ противъ насъ, есть равномѣрно чистая клевета, опровергаемая даже здравымъ разсудкомъ; въ этомъ случаѣ Артемій Петровичъ показывалъ себя истиннымъ патріотомъ; онъ зналъ какихъ огромныхъ издержекъ стоила война, а въ контрибуціи видѣлъ средства пополнить нѣсколько казну, слѣдовательно не считалъ удобнымъ къ пользамъ Россіи прощать ея явнымъ врагамъ, и Биронъ, хотя не любилъ людей, но умѣлъ однакожъ достойныхъ уважать, какъ доказано имъ Минниху. Еслибъ за этотъ самый споръ Волынскій былъ отданъ подъ судъ лютѣйшихъ разбойниковъ, то и тутъ бы торжественно былъ оправданъ!

Предположеніе иныхъ, что Кубанецъ, будто-бы, былъ *подкупленъ*, опровергается событіями. Доносчиковъ обыкновенно награждаютъ, но этотъ злодѣй, посаженный въ крѣпость послѣ доноса о *Мессалинѣ*, пробылъ въ ней три года, по кончинѣ своего господина, и потомъ состоялъ еще два года подъ строгимъ надзоромъ Тайной Канцеляріи, въ ко-

---

секретарю австрійскаго посольства, который былъ высланъ нарочно по случаю обрученія Петра II. (Записки герцога де-Лиріи).

торую ежедневно приводили его для осмотра, что упомянуто въ дѣлѣ; наконецъ, послѣ 5-ти лѣтъ дозволено ему возвратиться на родину!—А потому съ нимъ бы не такъ поступили, ежелибъ въ немъ кто когда нибудь нуждался! Волынскій казненъ 27 іюня 1740 года; Анна Іоанновна скончалась 17 октября, чрезъ 4 мѣсяца невступно; въ декабрѣ того же года приняла регентство Анна Леопольдовна и дѣти Артемія Петровича вмѣстѣ съ Соймоновымъ, Эйхлеромъ и Зудой были немедленно возвращены, а Кубанецъ все обиталъ въ крѣпости и лишь въ 1745 году получилъ свободу! Богъ вездѣ являетъ свое правосудіе!

Г. Поротинъ въ запискахъ изъясняетъ, будто графъ Никита Ивановичъ Панинъ, говоря о Волынскомъ, сказалъ, что его чуть не *ошибъ параличъ*, читая въ дѣлѣ, сколько бывшій кабинетъ-министръ перенёсъ истязаній, но это просто риторическій оборотъ слова (façon deparler) какъ напримѣръ, иногда выражаются: „Я чуть не умеръ со смѣха", въ то время какъ смѣясь, никакъ не ощущаешь предсмертныхъ припадковъ. Правда, что висѣть полчаса на дыбѣ и получить 18-ть ударовъ, конечно, не легко; но всякій знаетъ также, что въ старину значилъ *кнутъ*; Соймоновъ и Эйхлеръ наказаны имъ *безщадно*; однако жъ это не воспрепятствовало первому дослужиться потомъ до вице-адмираловъ и Александровскаго ордена, второму прожить долго въ деревнѣ жены своей; Зуда же, послѣ *жесточайшаго* наказанія *плетьми*, поступилъ на службу вновь.

Теперь предлагается на разрѣшеніе каждаго вопросъ: кто погубилъ Волынскаго, Биронъ или самъ онъ? Кого онъ болѣе оскорбилъ герцога или императрицу? Кто же имѣлъ болѣе причинъ мстить ему: государыня или ея любимецъ? Пусть безпристрастная справедливость произнесетъ свой приговоръ, и тогда, не взирая ни на что, увидятъ, на чьей сторонѣ окажется перевѣсъ, на нѣмецкой или на русской.

Наконецъ герцога Бирона обвиняютъ:

VI. *Въ бѣдствіяхъ, постигшихъ архіепископа тверскаго Ѳеофилакта.*

Дѣло это, весьма интересное, еще не вскрыто; оно находится частію въ архивѣ св. Сѵнода, частію въ *секретномъ архивѣ* Петропавловской крѣпости, еще не разобранномъ, не приведенномъ въ порядокъ, куда поступили всѣ дѣла бывшей Тайной Канцеляріи, слѣдственно должно извлекать свѣдѣнія изъ *Словаря Историческаго о Россійскихъ Писателяхъ Духовнаго Чина*, соч. преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ, нѣкогда сѵнодальнымъ членомъ, имѣвшимъ случай читать подлинное судопроизводство, а въ особенности подробное описаніе всѣхъ ужасныхъ претерпѣнныхъ истязаній въ *Біографическомъ Каталогѣ Тверскихъ архіереевъ*, составленномъ современнымъ свидѣтелемъ Иваномъ Евдокимовымъ, въ 1757 году.

Ѳеофилактъ Лопатинскій, ученнѣйшій мужъ своего времени, бывъ, по уму, замѣченъ императоромъ Петромъ Великимъ, вызванъ имъ изъ Кіева, опредѣленъ сперва префектомъ, потомъ ректоромъ Московской Духовной Академіи, архимандритомъ Чудова Монастыря и, наконецъ, наименованъ архіепископомъ тверскимъ и кашинскимъ. Пользуясь отличною довѣренностью безсмертнаго монарха, онъ назначенъ былъ членомъ вновь учрежденнаго *Сѵнода*, взамѣнъ патріаршества, присутствовалъ при послѣднихъ минутахъ государя, а по кончинѣ его пожалованъ вице-президентомъ святѣйшаго же Сѵнода, вторымъ по архіепископѣ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ.

Святитель сей, славившійся обшир-

нымъ умомъ и познаніями, поддерживавшій себя въ милости у четырехъ монарховъ, не терпѣлъ себѣ равныхъ, а кольми паче людей не менѣе его ученыхъ въ наукахъ и церковныхъ дѣлахъ. Митрополитъ рязанскій Стефанъ Яворскій (президентъ сунодальный) и архіепископъ тверской Ѳеофилактъ Лопатинскій стали ему *ненавистны* потому, что часто съ нимъ спорили и весьма дѣльно; но *къ счастью* Яворскій умеръ въ Москвѣ въ 1722-мъ году, за три года до кончины Петра Великаго, умѣвшаго держать Ѳеофана въ рукахъ, а Лопатинскаго отдала *судьба* ему *на жертву*.

Архіепископомъ Ѳеофаномъ была написана книга для графа Мусина-Пушкина «*Объ игѣ неудобоносимомъ*». Ѳеофилактъ въ опроверженіе написалъ другую „*Иго Господне благо*" и, разумѣется, уничтожилъ противника. Раздраженный Ѳеофанъ *искалъ* только *случая* не токмо ему *отмстить*, но, если можно, *стереть съ лица земли!*

Митрополитъ Стефанъ Яворскій, исправляя должность патріарха, подъ именемъ экзарха его, узналъ, что бывшій прежде стрѣльцомъ, полковой лѣкарь Дмитрій Евдокимовъ Тверетиновъ, прозванный Дерюшкинъ, обучаясь у нѣмецкаго врача, перешелъ въ *кальвинское* вѣроисповѣданіе и, составя особую секту *) изъ цирульника Ѳомы Иванова и другихъ подобныхъ *знаменитостей*, ругаетъ публично православіе со всѣми его догматами. По донесеніи о томъ императору Петру I, митрополитъ Ѳеофанъ, съ высочайшаго разрѣшенія, созвавъ въ Москвѣ соборъ и призвавъ отступниковъ, напрасно старался ихъ образумить, а потому предалъ анаѳемѣ и предалъ гражданскому суду, за что вскорѣ и казнены. Но чтобъ на будущія времена предохранить легковѣрныхъ отъ совращенія, сочинилъ книгу „*Камень вѣры православно-каѳолическія восточныя церкви святыя, сынамъ ея на утвержденіе и духовное назиданіе, претыкающимся же о камень претыканія и соблазна, на возстаніе и исправленіе*". Въ этомъ историческомъ догматико-богословскомъ сочиненіи онъ безщадно нападалъ на реформацію, но возбудивъ противъ себя, за точное исполненіе святительскихъ обязанностей искорененіемъ ереси, состоящихъ въ россійской службѣ иностранцевъ, ему не дозволили ее напечатать. Въ 1727-мъ году, при императорѣ Петрѣ II, когда Долгоруковы хотѣли подавить партію нѣмцевъ, они, отыскавъ книгу Яворскаго, пригласили Ѳеофилакта Лопатинскаго, завѣдывавшаго тогда духовною цензурою, не только выпустить ее въ печать, но исправя, ежели нужно, дополнить! Архіепископъ, не смѣя противиться такимъ сильнымъ временщикамъ, исполнилъ ихъ желаніе, присоединя собственную свою статью „*На ереси лютеранскія и кальвинскія*". Но едва книга эта появилась въ свѣтъ въ 1728-мъ году на церковно-русскомъ языкѣ, какъ озлобленные нѣмцы, переведя ее на природный, послали заграницу, и со всѣхъ концовъ Германіи градомъ посыпались критики, возраженія и въ газетахъ и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ! Римскіе *католики* перевели *русскую* книгу *по латыни* и стали *защищать*, видя въ ней торжество *католицизма*; лютеране—крѣпко *опровергать*, замѣчая, что ихъ не признаютъ стадомъ Христовымъ, словомъ, богословскіе диспуты, раздѣляя Европу до 1732-го года, производя одну брань, одно обоюдное ругательство, доходили до современнаго соблазна *).

*) Это случилось въ 1713-мъ году.

*) Словарь Историческій о писателяхъ духовнаго чина въ Россіи, статья Стефана Яворскаго.

Между тѣмъ Петръ II-й скончался, Анна Іоанновна вступила на престолъ и партія нѣмецкая ниспровергнула русскую. Ѳеофанъ Прокоповичъ, *бывшій вѣры римской* въ Италіи (гдѣ учился), а потомъ, по возвращеніи въ отечество, присоединившійся *по прежнему къ православію*, вошелъ въ милость къ императрицѣ, за оказанныя ей услуги, и какъ вице-президентъ св. Сѵнода имѣлъ право ѣздить къ ней съ докладомъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ, по монашескому злопамятству, въ Италіи усовершенствованному, злодѣйски отмстить Ѳеофилакту Лопатинскому за дружбу его къ покойному митрополиту рязанскому, котораго ненавидѣлъ *). Такъ какъ богословская брань, занимавшая тогда Европу, всѣхъ интересовала, то Ѳеофанъ, пользуясь случаемъ столь благопріятнымъ, вѣроятно, умѣлъ внушить государынѣ и Бирону, что этотъ раздоръ и безпокойство въ умахъ произведено злыми умыслами архіепископа тверскаго Ѳеофилакта, выпустившаго въ печать вредную книгу, Сѵнодомъ не одобренную, и дополнившаго ее собственными столь же вредными толкованіями, единственно изъ угожденія сердечнымъ друзьямъ своимъ князьямъ Долгорукимъ, дѣйствуя съ ними за одно, съ цѣлію вооружить весь русскій народъ противъ иностранцевъ, доказывая догматически, что россійскія великія княжны вступаютъ въ браки съ нехристами, а нѣмцы сановники, управляющіе государствомъ, ни что иное, какъ богоотступники-еретики, отвергнутые истинною церковью и ежегодно предаваемые анаѳемѣ въ недѣлю православія *)! Чего нужно болѣе? Государыня увидѣла въ Ѳеофилактѣ соумышленника Долгорукихъ, а герцогъ, лютѣйшаго врага своихъ одноземцевъ. Еслибъ въ старину разсуждали какъ теперь, то убѣдились бы, что Лопатинскій исполнилъ токмо священнѣйшую свою обязанность, что каждый епископъ долженъ принять мученическій вѣнецъ, утверждая превосходство своего вѣроисповѣданія и охраняя ввѣренную ему церковь отъ совращенія; но тогда вездѣ встрѣчали только козни и заговоры, подумали, что Ѳеофилактово единственное намѣреніе было довести своею книгою глупую чернь до изступленія, а тѣмъ самымъ заставить ее побивать иностранцевъ на улицахъ, подъ предлогомъ угожденія самому Богу истребленіемъ еретиковъ; слѣдовательно, архіепископъ тверскій не есть уже защитникъ православія, но просто преступникъ противъ I, II и III пунктовъ.

Преосвященный Ѳеофилактъ, замѣчая противъ себя общую перемѣну, въ особенности неудовольствія Ѳеофана Прокоповича и герцога Бирона, искалъ отъ нихъ уклониться и просилъ увольненія въ епархію свою; получивъ его въ 1731 году, онъ, пріѣхавъ въ Тверь, занялся тамъ устроеніемъ семинаріи въ *Отрочь* монастырѣ, частымъ проповѣданіемъ и духовными сочиненіями. Однакожъ его не оставили въ покоѣ. Книга „*Камень вѣры*" была запрещена и отъ всѣхъ отбираема, а собственное его *дополненіе* къ оной на разсмотрѣніе въ Тайную Канцелярію, куда онъ самъ привезенъ былъ подъ крѣпкою стражею въ августѣ 1731-го года и съ пытками самыми *строгими* допрошенъ по первымъ тремъ

*) Когда Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ наименованъ епископомъ, Стефанъ Яворскій написалъ обличеніе ему въ 18-ти статьяхъ богословіи, преподанной имъ въ Кіевской Академіи, этого могло лишить его навсегда архіерейства, но происки не удались: Петръ Великій на нихъ не смотрѣлъ.

*) Въ первое воскресенье 2-й недѣли великаго поста предаются публично *анаѳемѣ* всѣ не признающіе святость Богородицы и прочихъ угодниковъ, которыхъ лютеране, кальвины и реформаты святыми не почитаютъ.

пунктамъ, потомъ съ 24-го августа по 6-е октября, содержался подъ арестомъ въ С.-Петербургѣ на Тверскомъ своемъ подворьѣ со всѣми служителями. Послѣ того секретно отвезенъ въ Тверь, совершенно безъ *всякаго обвиненія*. Не смотря на всѣ усилія Тайной Канцеляріи, *правда* осталась *правдою* и *невинность* восторжествовала! Но чего не могли достигнуть палачи, того достигнулъ мстительный, коварный духъ Ѳеофана Прокоповича. Черезъ три года, 12-го іюня 1735-го, вторично привезли Ѳеофилакта въ С.-Петербургъ, отдавъ подъ судъ св. Сѵнода, и содержали подъ крѣпкою стражею на подворьѣ Тверскомъ. Съ нимъ доставили всѣ его бумаги, книги, двухъ келейниковъ, секретаря, архимандрита Отрочевскаго и ризничаго. По произведеніи суда, въ коемъ предсѣдательствовалъ, къ стыду своему, Ѳеофанъ. Ѳеофилактъ лишенъ былъ архіерейскаго сана и монашества, и подъ мірскимъ именемъ Ѳеодора, снова преданъ всѣмъ ужасамъ Тайной Канцеляріи; ему уже было тогда за 60-ть лѣтъ. Замѣтить должно, что эта угодливая временщикамъ Канцелярія, при всѣхъ своихъ пыткахъ, вынуждена была *оправдать по совершенной невинности* іерарха, котораго взялся *осудить* и, такъ сказать, *ошельмовать*, свой же братъ іерархъ, съ которымъ *оба* приносили часто безкровную жертву! Злополучный Ѳеофилактъ, превращенный въ преступнаго простолюдина, еще 3 года содержался подъ тайною стражею на Тверскомъ подворьѣ, гдѣ былъ разбитъ параличемъ; наконецъ, не взирая на это болѣзненное состояніе, переведенъ арестантомъ въ казарму Петропавловской крѣпости и пробылъ тамъ до кончины императрицы Анны Іоанновны и до низверженія ея любимца. Но регентша Анна Леопольдовна, принявъ правленіе въ концѣ 1740-го года, повелѣла немедленно освободить его и возвратить ему въ полномъ засѣданіи св. Сѵнода торжественно прежній санъ, въ который и облаченъ самими сѵнодальными членами при общихъ слезахъ всѣхъ присутствовавшихъ. Онъ скончался въ слѣдующемъ году и, со всею подобающею честію, погребенъ въ Невской Лаврѣ.

Этотъ беззаконный случай, начавшійся въ 1731-мъ году, слѣдовало помѣстить *первымъ* обвиненіемъ Бирона, но я включилъ его послѣднимъ, желая доказать тѣмъ самымъ, что если я старался *оправдать* его тамъ, гдѣ считалъ *менѣе виновнымъ*, то не хотѣлъ скрыть *постыдныхъ дѣлъ*, истинно ему принадлежащихъ. Кромѣ здраваго ума, ясно показывающаго, что каждый архіерей долженъ умереть, защищая вѣроисповѣданіе ввѣренной ему церкви и опровергая всѣми силами все то, что могло бы поколебать ее, примѣръ лютеранскихъ пасторовъ, такъ сильно возставшихъ противъ книги Стефана Яворскаго и Ѳеофилакта Лапатинскаго, могли Бирона въ томъ убѣдить; но тутъ задѣта была національная гордость, и всѣ нѣмцы, вѣроятно, просили герцога, разительнымъ примѣромъ прекратить дальнѣйшія козни монаховъ! Но несчастью, нѣмцы не знали исторіи *русскихъ чернецовъ*, но очень хорошо помнили дѣла римско-католическихъ, обличенныхъ Лютеромъ въ слишкомъ далекихъ замыслахъ, а потому и приписали вышеупомянутому сочиненію единственную цѣль возмутить народъ и подвергнуть иностранцевъ его неумолимой ярости *), слѣдовательно, *по правилу* еврейскаго первосвященника Каіафы должно было, для спасенія многихъ, предать на жертву *одного*, хотя *безвиннаго!*

*) Въ царство императрицы Елисаветы Петровны, по словамъ Манштейна, было два примѣра, что гвардейскіе солдаты, на улицахъ били безщадно проходящихъ нѣмцевъ.

Постоянное, неукротимое преслѣдованіе Ѳеофилакта Ѳеофаномъ, должно было открыть герцогу глаза, показавъ личную его вражду къ архіепископу тверскому, явную интригу, скрытую притворнымъ усердіемъ, и твердое намѣреніе погубить несчастнаго. По этой уже причинѣ надлежало его защищать. Не было никакого сомнѣнія, что Ѳеофанъ, какъ святитель православной церкви, обязанъ, насчетъ прочихъ вѣръ, имѣть одинакій взглядъ съ Ѳеофилактомъ, иначе подвергнуться лишенію архіерейскаго сана. Что жъ могло его понудить такъ сильно вооружиться противъ изданнаго сочиненія, если не злобное мщеніе противъ сочинителя? Тамъ же гдѣ личность,—справедливости не ищи,—и тѣмъ болѣе должно ограждать жертву.

Но всѣхъ болѣе поражаетъ, въ этомъ дѣлѣ, поведеніе императрицы! Воспитанная въ пѣдрахъ православія самыми благочестивыми родителями, привыкнувъ считать вѣру свою лучшею и святѣйшею, давъ обѣтъ при священномъ обрядѣ коронованія и міропомазанія хранить и защищать ее, она имѣла прямую, неукоснительную обязанность рѣшить сама этотъ споръ въ своемъ кабинетѣ, безъ малѣйшей огласки въ народѣ, какъ религіозный. Ей слѣдовало позвать къ себѣ обоихъ архіереевъ, выслушать доказательства одного, опроверженія другаго, и признать праваго по собственному уму своему, потомъ разсудить: запрещать ли продажу книги или нѣтъ и сказать твердымъ голосомъ іерархамъ, чтобъ они прекратили соблазнительныя ссоры между собою, управляли церковію Христовой въ духѣ мира и любви и что затѣмъ, первый, который задѣнетъ своего собрата, будетъ неминуемо, какъ ослушный нарушитель Закона Божія и высочайшей воли, сосланъ на покой въ дальнѣйшій монастырь подъ начало! Подобная мѣра, объявленная между шести главъ, все бы кончила очень тихо; но здѣсь государыня совершенно отдала себя нѣмецкой партіи и тѣмъ затмила память себѣ!

Въ этомъ примѣрно—беззаконномъ и несправедливомъ дѣлѣ нельзя обвинять одного герцога Бирона, весьма плохаго богослова и мало свѣдующаго въ бытописаніяхъ нашей церкви и своей *). Безпрестанно подстрекаемый съ одной стороны Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, внушившимъ вѣроятно ему, что всѣ доводы, изложенные Яворскимъ и Лопатинскимъ, ложны, а потому—злоумышленны. Осаждаемый съ другой, можетъ быть, жалобами курляндскихъ пасторовъ, требовавшихъ удовлетворенія за оскорбленіе ихъ вѣры, вмѣстѣ съ Остерманомъ (пасторскимъ сыномъ), Минихомъ и Левенвольдомъ, герцогъ, чтобъ избавиться отъ хлопотъ, счелъ всего удобнѣйшимъ отдать крамольщика, (а императрица—друга Долгорукихъ) въ полную власть Ѳеофана и графа Ушакова; они сдѣлались главными виновниками несчастій и страданій преосвященнаго Ѳеофилакта.

И такъ большая часть нашихъ соотечественниковъ, зная исторію своей отчизны весьма поверхностно и, основываясь на преданіяхъ стариковъ, еще менѣе свѣдующихъ, обвиняетъ единогласно Бирона въ гибели тверскаго архіепископа потому только, что онъ нѣмецъ, но вообще молчатъ о поступкахъ архіепископа новгородскаго Ѳеофана потому только, что онъ русскій, даже знать не хотятъ, какія коварства, непростительныя и міранину, употреблены имъ противъ злополучнаго Ѳеофилакта; никогда не скажутъ, что Прокоповичъ, поѣхавъ въ Римъ, слушать курсъ богословскихъ наукъ, перешелъ тамъ въ латинскую

*) Онъ былъ лютеранинъ.

вѣру! Кажется, св. Дмитрій митрополитъ Ростовскій, въ бытность свою игуменомъ въ Кіевѣ, прощаясь съ нимъ, предчувствовалъ это, написавъ въ дневныхъ своихъ келейныхъ запискахъ: „Былъ у меня братъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, мой постриженникъ; поѣхалъ въ Италію и въ прочія чужія земли, Богъ знаетъ съ какимъ намѣреніемъ!" — Забываютъ, что онъ, возвратясь, *снова* присоединился *къ православію*, опасаясь *суда*, что онъ былъ преданъ *не церкви*, но *придворнымъ связямъ*, которыя *поддерживали* его въ милости у *четырехъ* царей, и одинъ жестоко преслѣдовалъ Ѳеофилакта, *кровію* запечатлѣвшаго усердіе къ православію и въ мукахъ не измѣнившаго своимъ обязанностямъ!

Какое несправедливое пристрастіе! Зачѣмъ поносить *чужихъ* и скрывать *пороки своихъ?!* — Въ дѣлѣ Ѳеофилакта Лопатинскаго Ѳеофанъ Прокоповичъ, проповѣдникъ прощенія обидъ, взаимной другъ къ другу любви, велъ себя гораздо хуже Бирона! Герцогъ, по крайней мѣрѣ, вступался за обруганную свою вѣру, но архіепископъ новгородскій безпощадно гналъ защитника его собственнаго вѣроисповѣданія и умѣлъ обвинить совершенно послѣ оправданія Тайною Канцеляріею, дѣйствовавшей со всѣми ужасами и рѣдко находившей кого безвиннымъ! Пусть убѣдятся почтенные мои одноземцы изъ всего моего настоящаго разсужденія, какъ трудно произносить судъ надъ *значущимъ* лицомъ, не разсмотрѣвъ предварительно, со всею точностію, фактовъ къ нему относящихся и порицать его дѣянія, не узнавъ напередъ побудительныхъ ихъ причинъ. Такъ точно иногда судимъ мы дѣйствія царей, и всегда почти ошибочно.

Если нѣмецъ Биронъ имѣлъ такую власть надъ императрицею, что былъ единственнымъ источникомъ всего зла, при ней происходившаго, то безъ сомнѣнія былъ и источникомъ добра, ею содѣланнаго. Исторія гласитъ и документы доказываютъ, что Анна Іоанновна учредила много полезнаго. Но что, смѣю спросить, сдѣлалъ для потомства (исключая военныхъ подвиговъ) коренной русскій князь Меньщиковъ? Награбя милліоны, какую память по себѣ оставилъ въ Россіи? Петръ Великій одинъ все изобрѣталъ, все учреждалъ, а онъ только усердно исполнялъ, потому что его боялся; по чѣмъ прославилъ онъ себя въ царство Екатерины I? Что сдѣлали полезнаго для отечества князь Алексѣй Григорьевичъ и князь Василій Лукичъ Долгоруковы? Шереметевы, Голицыны, Куракины, по крайней мѣрѣ, учредили на вѣковѣчныя времена *страннопріимные дома*, чѣмъ же отличилъ себя Волынскій?

Я уже предупредилъ моихъ благосклонныхъ читателей, что разбираю поступки Бирона, только въ продолженіе царства Анны Іоанновны, а не послѣ; я не былъ намѣренъ писать его исторіи, но только изслѣдовать дѣянія ближайшаго къ императрицѣ человѣка; постигшая его потомъ судьбина ясно доказываетъ, что онъ не былъ такъ виновенъ во всемъ, какъ намъ угодно теперь находить чрезъ 114 лѣтъ! Арестованіе его было необходимо: иначе не могла Анна Леопольдовна получить регентства. Но не она ли, знавшая всѣ его дѣла и сама имъ оскорбленная, сказала въ тотъ вечеръ, смотря изъ окошка на отправленіе его въ Шлиссельбургскую крѣпость: *„Мнѣ жаль, что онъ принудилъ меня съ нимъ такъ поступить!"* Кого же жалѣла правительница? Изверга, погубившаго 20,000 человѣкъ въ 10 лѣтъ? Это чувство сожалѣнія было бы тогда неимовѣрно, слѣдовательно она хорошо знала, что эти жервы погублены не

однимъ Бирономъ. Въ крѣпости былъ онъ не разлученъ съ семействомъ. Ему дали 6 человѣкъ изъ людей его для прислуги, придворнаго повара, доктора, пастора, и когда донесено было, что герцогъ опасно боленъ, то доктора потребовали ко двору и подробно распросили о родѣ болѣзни, о способахъ пользованія, о надеждахъ къ излѣченію и приказали совѣтываться съ другими врачами *). За что же такое попеченіе объ отъявленномъ злодѣѣ? Потомъ, когда послѣ произведеннаго надъ нимъ суда, былъ онъ приговоренъ къ смертной казни, Биронъ послалъ къ Аннѣ Леопольдовнѣ письмо, какъ человѣкъ съ спокойной совѣстью, поручая дѣтей ея покровительству. Смертный приговоръ былъ отмѣненъ и герцогъ съ женою и дѣтьми сосланъ въ Сибирь. Но какъ онъ отправленъ? Съ нимъ поѣхали два пастора, лѣкарь, около 12-ти человѣкъ мужской и женской прислуги, два повара, отпущена вся фарфоровая, стеклянная, мѣдная и оловянная посуда, часть серебра, гардеробъ и бѣлье. Зачѣмъ же даровать жизнь тому, кто самовластно пролилъ столько безвинной крови и прилагать подобное стараніе къ облегченію жизни преступника-кровопійцы, достойнаго бы въ такомъ случаѣ лютѣйшей казни, и отъ кого видимо это стараніе? Отъ той, которую Биронъ безпрестанно оскорблялъ вмѣстѣ съ ея супругомъ. Если она, по великодушію, не хотѣла мстить за себя, то не обязывало ли ее святѣйшее правосудіе вступиться за прочихъ несчастныхъ, пожертвованныхъ злобою пришельца—варвара?

При вступленіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, Биронъ немедленно переведенъ въ Ярославль; тамъ дали ему особый домъ, позволили имѣть лошадей *), ѣздить въ гости, принимать къ себѣ знакомыхъ, гулять за городомъ и вести съ друзьями переписку. Между тѣмъ государыня очень хорошо знала, что онъ намѣренъ былъ выдать ее замужъ за старшаго своего сына и наградить дочь Петра Великаго рукою правнука курляндскаго конюха, чего бы онъ достигъ, безъ твердаго рѣшительнаго сопротивленія императрицы Анны Іоанновны, и потомъ, ежелибъ остался регентомъ, непремѣнно бы исполнилъ, ожидая единственно погребенія монархини для начатія предполагаемыхъ перемѣнъ. По симъ причинамъ Елизавета Петровна къ нему расположена быть не могла, а если дала клятву никого не казнить, то не была обязана беречь человѣка, безжалостно терзавшаго ея подданныхъ, тѣмъ болѣе, что примѣрами Миниха, Остермана, Менгдена, Левенвольда и семейства Лопухиныхъ она показала, какъ умѣетъ наказывать; да и приближенные къ ней Лестокъ, Воронцовъ, Разумовскій, знавшіе всѣ жестокости Бирона, не оставили бы его въ покоѣ; но они всѣ, какъ очевидцы, увѣрены были, что зло проистекало свыше, и что онъ просто усердно приводилъ въ дѣйствіе, данныя ему повелѣнія,—обыкновенная манера царедворцевъ, желающихъ выслужиться! Любимецъ его Бестужевъ **), сталъ любимцемъ государыни.

Императоръ Петръ III, имѣвшій о поступкахъ герцога самыя свѣжія и вѣрныя свѣдѣнія, ибо всѣ современники его существовали, возвратилъ Бирона въ С.-Петербургъ, съ возвращеніемъ преж-

*) Жизнь герцога Іоанна Эрнеста Бирона на нѣмецкомъ языкѣ.

*) Крекшинъ въ запискахъ упоминаетъ, что, посѣтивъ въ Ярославлѣ герцога Бирона и отобѣдавъ у него, онъ получилъ отъ него въ подарокъ арабскаго жеребца.

**) Бестужевъ былъ съ нимъ посаженъ въ крѣпость и судимъ, но, какъ *русскій*, оправданъ.

нихъ достоинствъ и орденовъ. Если въ Россіи такъ обходились съ извергами, то въ Европѣ ея великодушному примѣру никто не послѣдовалъ!

Хотя многіе писатели утверждаютъ, что императрица Анна будто слѣпо во всемъ слушалась любимца своего, но слѣдующіе примѣры, изъ нихъ же заимствованные, доказываютъ противное.

Когда графъ Ягужинскій, напившись пьянъ за обѣдомъ Бирона, съ нимъ крѣпко заспорилъ и въ запальчивости кинулся на него, съ обнаженною шпагою, въ намѣреніи заколоть, герцогъ убѣжалъ и не прощая никому даже жесткаго слова, разумѣется, просилъ удовлетворенія! Ея величество, однакожъ, помня заслуги Ягужинскаго, ограничила все наказаніе выговоромъ, и потомъ, по ходатайству Густава Левенвольда, возвратила ему прежнее генералъ прокурорское званіе, наконецъ, наименовала кабинетъ министромъ.

Затѣмъ, когда Биронъ хотѣлъ непремѣнно женить старшаго сына на великой княжнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, императрица, угадывая замыслы герцога курляндскаго умѣла же остановить порывы дерзкаго его честолюбія. При поднесеніи ей, въ послѣднія уже минуты жизни, къ подписанію манифеста, о назначеніи Бирона регентомъ, не она ли сказала ему: „Герцогъ, ты добровольно стремишься къ своей гибели!"—и до тѣхъ поръ не утверждала, пока не *воспользовались совершеннымъ разслабленіемъ* ея тѣлесныхъ силъ, чтобъ наканунѣ смерти исторгнуть у нея подпись!

Все это ясно доказываетъ, что дочь царя Іоанна Алексѣевича, имѣя отъ природы *собственный характеръ*, употребляла его *когда хотѣли* и освѣдомляясь всегда, какъ исполнены ея повелѣнія, не могла быть чужда, происходившему въ ея царство.

Но всѣ приведенныя мною доказательства, ни къ чему не послужатъ предъ тѣми, которые знаютъ исторію своего отечества только *по разсказамъ бабушекъ и дѣдушекъ*. Всему злу причиной во время Анны Іоанновны,—Биронъ! Онъ извергъ, онъ нѣмецъ! При этой царствующей идеи всѣ факты, самые неоспоримые,—ничто! Чего люди хотятъ, какъ бы оно глупо не было, о томъ съ ними не споръ! Но зачѣмъ же доводить патріотизмъ до гнуснаго чувства неблагодарности, безвѣстнаго даже животнымъ? Взгляните, о, любезные мои соотечественники, на Петербургъ и на Москву; сравните, что были обѣ столицы при Петрѣ Великомъ и что онѣ теперь; кому обязаны мы, если не просвѣщенію, водвореннному между нами иностранцами! Кто образовалъ изъ стрѣльцовъ дикарей въ 10 лѣтъ пѣхоту, бывшую, по словамъ Манштейна, лучшею въ Европѣ? Фельдмаршалъ Огильви, а о его благодѣтельныхъ заслугахъ не токмо никто не упоминаетъ, но имя его, кажется, у насъ забыто! Кто завелъ въ Россіи артиллерію, прославленную первою между всѣми прочими государствами? Генералъ-фельдцейхмейстеръ Брюсъ! Кто ввелъ учебный порядокъ и воспитаніе въ I кадетскомъ корпусѣ признанномъ, съ самаго своего начала, образцовымъ европейскимъ училищемъ. Генералъ Люберасъ, бывшій въ одно время военоначальникомъ, отличнымъ инженеромъ, искуснымъ дипломатомъ и примѣрнымъ верховнымъ церемоніймейстеромъ *). Кто заставилъ цѣлый свѣтъ уважать россій-

*) Генералъ Люберасъ командовалъ армейскимъ корпусомъ; заключилъ миръ съ Польшею и Турціею, построилъ Кронштадтскій докъ; былъ директоромъ I-го кадетскаго корпуса и при коронаціи императрицы Елисаветы верховнымъ церемоніймейстеромъ. Составленный имъ церемоніалъ напечатанъ съ картинами, какъ и примѣрный для будущихъ временъ.

скую армію?—Фельдмаршалъ Минихъ, прозванный королемъ прусскимъ Фридрихомъ Великимъ *Сѣвернымъ Евгеніемъ* (знаменитымъ принцемъ Савойскимъ), фельдмаршалъ Ласси, генералъ Кейтъ, Левендаль, лучшіе воины своего времени! Кто воздвигъ зданія насъ удивляющія и учредилъ школу архитектуры въ Россіи? графъ Растрелли! Кто первый составилъ русскому дворянству гербы? Графъ Санти! Наконецъ, въ наши времена, когда исполинскія сооруженія поражаютъ удивленіемъ каждаго любопытствующаго, кому обязаны мы ими? Могъ ли Институтъ Корпуса Путей Сообщенія произвесть офицеровъ, способныхъ создать Благовѣщенскій мостъ и Московскую желѣзную дорогу, если извѣстные въ ученомъ мірѣ генералы Базенъ, Дестремъ, Фабръ и Потье не положили основанія преподаваемому тамъ курсу наукъ?—И такъ, кому должны мы быть вѣчно благодарны за наше общее образованіе, за нашу славу во всѣхъ отношеніяхъ?—Иностранцамъ! А какая отъ того польза, спросятъ любители древности.—Когда, въ старину, толпа татаръ подходила *къ Тульской* губерніи, то *вся Москва* отъ страха заключалась въ церквахъ; теперь непріятель стоитъ въ 30-ти верстахъ отъ столицы *) и никто о томъ не думаетъ, по твердому убѣжденію въ силѣ и могуществѣ Россіи. Хвала! неумолчная хвала мудрымъ и признательнымъ нашимъ государямъ. Они постоянно покровительствуя имъ, вознаграждаютъ нашу несправедливость и удерживаютъ насъ отъ любимаго нашего правила: Выжимать изъ лимона сокъ, чтобъ бросить потомъ изъ окна его корку. Какой законъ высокій, благородный и удобный къ пріобрѣтенію хорошихъ учителей для назиданія юношества!

*) Писано въ іюнѣ 1754 года.

Да не обвиняетъ меня никто въ излишнемъ пристрастіи къ иноземцамъ! Нѣтъ! честь моей родины весьма близка моему сердцу! Но я желаю, чтобъ русскаго хвалили *вполнѣ* тамъ, гдѣ онъ того достоинъ, а иностранца бы винили тогда, когда онъ дѣйствительно виноватъ.

Впрочемъ, ежели кто изъ нашихъ соотечественниковъ вздумаетъ, по нынѣ владычествующей модѣ, порицать нѣмцевъ, то пусть вспомнитъ изъ какой націи произошла на свѣтъ Великая Екатерина, и вѣрно языкъ самъ собою онѣмѣетъ въ устахъ его!..

Дмитрій Приклонскій.

241. Ревнители русскаго слова. Рѣчь, сказанная въ открытомъ общемъ собраніи „Союза ревнителей русскаго слова“ 25 ноября 1878 года. Ф. Винберга.—222 стр. въ листъ.

242. Рецептъ отъ холеры. — Рукописное стихотвореніе А. Пушкина; писано мелкою скорописью на 2 страницахъ въ четвертку; безъ означенія года.

Содержаніе слѣдующее

Рецептъ отъ холеры.

Возьми разсудку восемь гранъ,
Пять лотовъ сердца доброты,
Шесть драхмъ сердечныхъ минераловъ,
И столько жъ мыслей простоты,
Столки все это камнемъ вѣры,
Прибавь терпѣнія безъ мѣры,
Сквозь сито совѣсти просѣй
И въ чашу мудрости глубоку
Сто унцій умственнаго соку
На специи сіи налей.
Покрой игрой воображенья,
Молитвой теплою согрѣй.
То въ этомъ добромъ элексирѣ
Найдешь все то, что нужно въ мірѣ,
Блаженствомъ лестнымъ для людей;
Садись предъ зеркаломъ природы
Сочти лѣта свои и годы
И понемножку капли пей.

А. Пушкинъ.

243. Родословное дерево рода Пушкиныхъ.—На 1 листѣ въ 2 страницы. Рукопись XVIII вѣка.

Въ началѣ рукописи говорится, что родъ Пушкиныхъ начало свое въ Россіи воспріялъ отъ выѣхавшаго изъ Германіи къ великому князю Александру Невскому прародителя Ратши, отъ котораго произошли многіе въ Россіи дворянскія фамиліи. У сего родоначальника былъ праправнукъ Григорій Пушка; — отъ коего также ведутъ родъ свой Товарковы, Куревы, Рожновы и другіе многіе; а отъ Григорьева Пушки праправнука Ивана Пушкина и наше поколѣніе безпрерывно простирается, какъ ниже сего означено. Фамилія статскаго совѣтника Никифора Изотовича Пушкина дѣйствительно начало свое воспріяла отъ правнука, выѣхавшаго въ Россію, какъ изъ родословной значится прародителя Ратши, Григорья, названнаго Пушка, у коего былъ праправнукъ Иванъ Ивановичъ Пушкинъ; а отъ сего поколѣнія и онъ, Никифоръ Изотовичъ, какъ показано на оборотѣ сей родословной, имѣетъ свое происхожденіе, въ чемъ свидѣтельствуемъ.

Въ концѣ рукописи слѣдуетъ собственноручная подпись Никифора Изотовича Пушкина.

Въ моей коллекціи находится нѣсколько сотъ старыхъ рукописныхъ документовъ, относящихся до рода дворянъ Пушкиныхъ. Всѣ эти матеріалы, большею частію, заключаются въ разнородныхъ бумагахъ (различнаго формата), по времени—начиная съ XVIII и до начала XIX вѣка.

244. Рукописное стихотвореніе начала XIX вѣка, подъ заглавіемъ «Гласъ патріота на взятіе Варшавы». Сочиненіе Дмитріева. На русскомъ и польскомъ языкахъ. Писано скорописью на 4 страницахъ въ листъ.

245. Рукописный экземпляръ стихотворенія Майкова, подъ заглавіемъ: «На манифестъ Государя Императора 14-го декабря 1854 года». Писанъ на 12 страницахъ въ четвертку, съ подписью въ концѣ: „Майковъ. Москва. 1855 года".

Считаю не лишнимъ привести здѣсь дословную перепечатку этого любопытнаго стихотворенія.

На манифестъ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА,

14 декабря 1854 года.

I.

Европа противъ насъ. Окружено врагами
Отечество со всѣхъ сторонъ.
Кровавый часъ насталъ и очередь за ними—
Повсюду мечъ умъ обнажаетъ.
Мы слышимъ клеветы, мы слышимъ оскорбленья
Тысячесловій лжи газетъ,—
Измѣны, зависти и страха порожденья,
— Друзей у нашей Руси нѣтъ!

Но бранный кличъ прошелъ надъ русскою землею;
Забились русскіе сердца;
И тысячи пѣвцовъ восторженной толпою
Прославили Царя-Отца.
И я Тебѣ пишу еще одно посланье
Россіи Царь!—пускай мой стихъ
Предъ міромъ выскажетъ всеобщее желанье
Согражданъ—подданныхъ Твоихъ.

Перчатка брошена,—не время намъ считаться:
Теперь Ты предводитель нашъ.
И русскій гражданинъ пойдетъ за Русь сражаться—
Ея всегдашній вѣрный стражъ.
Ни передъ какимъ иноплеменнымъ строемъ,
Повѣрь, не дрогнетъ русскій строй.
Нашъ ратникъ, осѣнивъ крестомъ грудь передъ боемъ,
Не посрамитъ земли родной,
И ляжетъ онъ костьми съ молитвою простой
На томъ же мѣстѣ, гдѣ стоялъ.
Ему кровавы трудъ,—а ленту послѣ боя—
Пускай надѣнетъ генералъ!

И много подвиговъ невидимыхъ свершится;
И много, много жертвъ падетъ,
И не одна семья во храмъ молиться
За души милыя пойдетъ.
И можетъ быть опять кровавая побѣда
Къ Твоимъ стопамъ положитъ тронъ.
Ты будешь, можетъ быть, диктаторомъ сосѣда,
Предпишешь Англіи законъ.
И съ ультиматумомъ поѣдутъ депутаты
Въ Парижъ чрезъ груды русскихъ тѣлъ;
И въ страхѣ утвердятъ парламенты, палаты
Все то, что русскій царь велѣлъ.

II.

Но если этотъ разъ намъ суждено иначе,
И жребій противъ насъ пойдетъ,
И рати русскія одну вслѣдъ за другою
Перстъ Божій вихромъ размететъ!
Тогда мы встанемъ всѣ, тогда опять зажгутся
Передъ врагами города,
Милліоны новые защитниковъ сберутся
Вкругъ трона твоего,—тогда
Съумѣютъ дѣти стать въ ряды за Русь родную,
Съумѣютъ жены умереть!
Не сможетъ гордый франкъ въ минуту роковую
Ни пяди Русской завладѣть.
Пока одинъ изъ нихъ родное слово слышитъ,
До тѣхъ поръ длиться будетъ бой;
До тѣхъ поръ договоръ постыдный не подпишетъ
Европа русскою рукой!

III.

Европа! гдѣ жъ она? тому еще недавно
Она всей жизнію цвѣла;
Ее манилъ къ себѣ свободы призракъ славный,
Свершались громкія дѣла.
Ея ораторы провозглашали братство,
Громили потрясенный тронъ,
И короли ея, готовя святотатство,
Клялись поддерживать законъ;
Въ мечтахъ Германія отъ Рейна до Карпатовъ
Сливалась подъ однимъ лицемъ;
И падало во прахъ созданье дипломатовъ
Предъ Гогенштауфенскимъ вѣнцомъ.
И тѣни Фабіевъ и гордыхъ Сципіоновъ
Слетались въ возрожденный Римъ,
Чтобъ мужество свое и страхъ законовъ
Потомкамъ передать своимъ.
Граждане Франціи, провозгласивъ свободу,
На вѣкъ разбили эшафотъ:
Все оживало,—шло впередъ!..
Тогда мы слушали съ восторженнымъ вниманьемъ
Далекій шумъ святой борьбы;
Дрожала наша грудь тревожнымъ ожиданьемъ
Передъ рѣшеніемъ судьбы.—
Мы братьевъ видѣли въ защитникахъ свободы,
Мы не могли ихъ не любить,
Могучій духъ тогда воспламенялъ народы!..
И насъ онъ могъ ли не манить?
И жребій палъ иначе,—отложена до срока
Побѣда вольности святой.
Еще часъ не насталъ послѣдняго урока,
Не закончѣлъ послѣдній бой!—

IV.

Владыки Англіи, патриціи, банкиры,
Вѣнецъ передъ золотымъ тѣльцомъ!
Ихъ флотъ во всѣхъ моряхъ, торговля полумірa
Британскимъ скована клеймомъ.
Піявки Индіи во имя просвѣщенья,
Защитники ростовщиковъ,
Отравы продавцы, они безъ убѣжденья
Бросаютъ волны громкихъ словъ;
А между тѣмъ у нихъ ирландцы голодаютъ,
Придавленные тягостнымъ ярмомъ,
И нищихъ милліоны въ развратѣ утопаютъ
Предъ раззолоченнымъ дворцомъ.
На золотыхъ вѣсахъ тамъ взвѣшивается право!...
Гнилыхъ мѣсточекъ депутатъ
Во имя древности британскаго устава
Садится на скамью палатъ.
Распутный лордъ и перъ идетъ
Подъ мирный шумъ дремать послѣ обѣда
И хартіи хранить клейнодъ.
Величье Англіи есть паръ, ея разсчеты
Не отвратятъ часъ роковой,
И не спасутъ ее ни арміи, ни флоты
Отъ раны гнойной и гнилой;
Несправедливыхъ дѣлъ подъ маскою закона
Падетъ владычество морей
Въ горячкѣ и бреду съ ея роднаго крова;—
Перстъ Божій тяготитъ надъ ней!...

V.

И Франція свою похоронила славу,
Сама разбила свой вѣнецъ;
Мнѣ жаль великую свободную державу,
Постыденъ Франціи конецъ.
За блестки мишуры, за шитые кафтаны
За санъ чиновника-слуги,

За право набивать безъ трепета карманы
И не уплачивать долги,
За балы пышные, за праздники безъ счета
Французы продали законъ,
Отечество и честь съ улыбкой Искаріота!...
И для кого жъ воздвигли тронъ?
Безумный спекулянтъ на низкія влеченья,
Холодный риторъ громкихъ словъ,
Тиранъ безъ славныхъ дѣлъ,—фигляръ безъ убѣжденья,
Онъ всѣмъ пожертвовать готовъ!
Онъ клятвой торговалъ, онъ торговалъ собой,
Онъ съ каѳедры публично лгалъ,
Поддерженъ пьяною, подкупною толпой,
Онъ гордо право попиралъ;
Онъ кралъ у Франціи, у падшихъ поколѣній,
Скупалъ милліоны низкихъ душъ;
Подъ маскою его подпишетъ міръ въ презрѣньи:
«Вотъ коронованный Картушъ!»...
На этого царя французы промѣняли
Свободу мыслей и рѣчей.
Своихъ ораторовъ, героевъ изгоняли,
Цвѣтъ лучшій родины своей.
Онъ Кесаря надѣлъ тяжелую корону,
Ахилла жалкій мирмидонъ,
И хитрый іезуитъ, продажные шпіоны
Продажный окружили тронъ.
Ты ль это Франція, отчизна Лафаета?
Передовой народъ во всѣхъ движеньяхъ свѣта,
Свой славный вѣкъ ты ль отжила?!...

VI.

И ты искусственной монархіи властитель,
Наслѣдникъ четырехъ коронъ,
Монарховъ ученикъ, Радецкихъ повелитель,
Монархъ двѣнадцати племенъ,
Давно ль ты трепеталъ передъ народной волей;
Давно ль клялся хранить законъ?
И мощная рука союзника
Давно ль твой дряхлый поддержала тронъ!...
Предъ силою чужой угасъ огонь возстанья.
Къ ногамъ Россіи положилъ
Мадьяръ разбитый мечъ. Свое завоеванье
Тебѣ Царь Русскій возвратилъ!...
Но ты въ крови не смылъ позоръ своей державы,
Напрасно венгровъ кровь текла,
Ты въ казняхъ не нашелъ вѣнца поблекшей славы,
Вѣнца Гаугебургскаго орла.
Ты молодъ, но пріученъ давно къ обману—
Предательствомъ извѣстный дворъ
Въ тебя вдохнулъ свой ядъ,
Къ тебѣ привилъ онъ рано
Дипломатическій позоръ.
Штыками разогналъ ты скучныя палаты,
Съ тебя монахъ присягу снялъ,
Князья безъ княжествъ, гнилые бюрократы
Опять даютъ за баломъ балъ.
И ты готовишься на новую измѣну!
Твои полки идутъ на насъ!
Не рано ли еще,—не позабыла Вѣна
Своей свободы краткій часъ!
Смотри,—тамъ мечутся славянскіе народы
Подъ ненавистнымъ имъ ярмомъ,—
Смотри, — въ Испаніи блеститъ кинжалъ свободы,
Смотри,—ударилъ въ Прагѣ громъ!
Спроси Стюартовъ ты, спроси ты у Бурбона:
Народы судятъ ли царей?
И входятъ ли на эшафоты съ трона
Потомки древнихъ королей!?...

VII.

Стоглавый исполинъ, страна ученыхъ преній,
Метафизическій народъ,
Отчизна Галелея, великихъ умозрѣній,
Мыслителей могучій родъ.
Злой жребій обрекла исторія на долю
Твоимъ разрозненнымъ сынамъ,
Какъ жертва отдана судьбой въ неволю
Микроскопическимъ царькамъ.
Когда же бросишь ты лахмотья раздѣленья
И бремя сорока вѣнцовъ?
Когда настанетъ часъ единства возрожденья—
Иль вѣченъ сонъ твоихъ сыновъ?!...
Иль погруженные въ туманныя идеи,
Живя средь отвлеченныхъ фразъ
Не чувствуютъ они ученія пигмеи—
Что дорогъ день, что дорогъ часъ.
Иль санъ фелистеровъ средь пышныхъ кабинетовъ
Забылъ, что родинѣ нужна
Не рѣчь профессоровъ и не мечта поэтовъ,
Что ожидаетъ славныхъ дѣлъ она?...
Наслѣдникъ Фридриха, Квіетнума
Священный папа лютеранъ.
Сегодня либералъ,—вчера другъ деспотизма,
Полпьяный Ульриха тиранъ,
Не это ль избранный Германіей правитель,
Неужъ-то онъ поддержитъ васъ?...

И жалокъ и смѣшонъ тевтоновъ избавитель,—
Нѣтъ, не пришелъ еще вамъ часъ!...

VIII.

Не духъ невѣрія, гражданскаго раздора,
Не духъ себялюбивыхъ дѣлъ,—
Духъ малодушія, предательства, позора
Европой старой овладѣлъ.
Воскреснетъ ли съ одра болѣзней и мученій,
Отъ лихорадочнаго сна,
Придетъ ли къ ней минута излѣченья?
И намъ укажетъ ли она
Законы новые общественнаго строя,
Любви и равенства законъ?
И скажутъ новые гражданскіе герои—
«Европы родъ еще силенъ!»
Или помнитъ ее предсмертное страданье,
Послѣдній старческій недугъ,
И дѣти Запада, какъ вѣчное созданье—
Свершили свой завѣтный кругъ,
И сходятъ мрачные съ окровавленной сцены,
Какъ братья старшіе сошли,
За тѣмъ, что часъ насталъ для новой перемѣны
Всей декораціи земли?
Какъ исполинскій кедръ надъ горной высотой
Могущъ, несокрушимъ на видъ,
Внутри давно ужъ сгнилъ, держась одной корой,
Тысячелѣтье онъ стоитъ.
И ждетъ, чтобъ вихорь въ часъ урочный
Схватилъ гиганта съ высоты
И бросилъ въ прахъ его;—быть можетъ также точно
Европы дни ужъ сочтены.—
И какъ отжившіе владыки Вавилона,
Какъ нѣмой... народъ,
Какъ Рима древняго героевъ милліоны
Умретъ такъ европейскій родъ.
Быть можетъ суждено славянскимъ поколѣньямъ
Наслѣдье славное принять,
Народовъ свѣтлый лучъ гражданства, просвѣщенья
Возобновленный передать
И русскіи . . . . . .
Но мы достойны ль этой славы?
Во истину ль мы лучше ихъ?
Гражданской доблестью крѣпка ль твоя держава,
Царь Русскій?.. для сыновъ Твоихъ
Понятны ли слова: *законы* и *заслуги*?
Отчизну любятъ ли они?
Или вокругъ тебя стоятъ безмолвно слуги
Безприкословные одни?!..
Растетъ ли твой народъ подъ Отеческимъ надзоромъ,
Подъ благодѣтельной рукой?..
Ты смотришь ли на все спокойнымъ взоромъ,
Живешь ли жизнью съ нимъ одной?
Ты сердца русскаго всѣ знаешь ли біенья?
Скажи,—ведешь ли Ты впередъ,
Къ познанью высшему, святому назначенью
Отъ Бога вѣренный народъ?..
Я вижу вкругъ Тебя Клейнмихеля, Орлова
Временщиковъ надменный строй;
Готовъ уже для нихъ стихъ горькій и суровой
Но смолкъ онъ до поры иной!..
Забыто прошлое въ пылу тревоги бранной,
Забытъ и пьявицъ хищный родъ,
Забыты мелкіе чиновъ тираны,
Съ Тобою, Царь, весь Твой народъ!..
Моли у Господа не громкія побѣды,
Тебѣ доставитъ ихъ народъ;
Но усмиреніе коварнаго сосѣда,
Его рать русская возьметъ;
Но помощь въ бѣдствіи,—ее мы вытерпимъ съ Тобой;
Не злата,—мы его дадимъ!..
Моли о мудрости, о правдѣ, — чтобы ихъ рукою
Ты былъ всегда руководимъ;
Чтобъ далъ Господь Тебѣ совѣтниковъ не льстивыхъ,
Помощниковъ разумныхъ далъ,
И безкорыстныхъ слугъ, и судей справедливыхъ
Твоей рукою бы избралъ;
Чтобъ Онъ вдохнулъ въ тебя сочувствіе свободы,
Сознаніе народныхъ нуждъ;
Чтобы привлекъ къ Тебѣ сердца и духъ народа,
Чтобъ Ты не оставался чуждъ
Его стремленіямъ къ высокимъ идеаламъ
Чтобъ онъ въ Тебѣ, а Ты жилъ въ немъ;
Чтобъ назвали Тебя потомки не капраломъ,
А русскимъ истиннымъ Царемъ.

Майковъ.

1855.

Москва.

246. Рукописныя стихотворенія А. С. Пушкина:

1) Но ты воскресъ.

2) Уголино. Романсъ.

Писаны съ подлинника его 2 октября 1838 г. отъ И. И. Граффы къ П. В.

Считаю не лишнимъ привести здѣсь перепечатку обоихъ стихотвореній.

I.

Но ты воскресъ. Твои друзья
Въ ладоши хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки,
Гробовый мастеръ взоры клонитъ;
А вмѣстѣ съ нимъ приказчикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

* * *

Такъ жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она;
Умѣй же пользоваться ею;
Укрась ее; года летятъ,
Пора ввести въ свои чертоги
Жену красавицу и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

А. Пушкинъ.

II.

Драматическое представленіе.

УГОЛИНО.

Романсъ.

—

О! милый другъ изъ-за могилы
Узнай мой голосъ, мой привѣтъ!
Есть жизнь за гробомъ другъ мой милый
И для сердецъ разлуки нѣтъ.

Спѣши ко мнѣ, я жду свиданья,
Тебя съ любовью жду святой;
Спѣши изъ области страданья
Сюда, сюда, другъ милый мой!

Цѣпи въ прахъ оковы тлѣнья
Распадутся предъ тобой,
Но туманомъ преступленья
Потемненъ взоръ свѣтлый твой.

Поспѣши же примиреньемъ,
Цѣпи скорби разорви
И съ небеснымъ наслажденьемъ
Вѣчность ждетъ тебя любви.

247. Русалки. (пѣснь Баяна). — Стихотвореніе Ан. Муравьева, писано собственноручно авторомъ. На 2 страницахъ въ четвертку. Безъ означенія года и мѣста.

Это любопытное стихотвореніе пріобрѣтено мною въ книжномъ магазинѣ Иванова въ Спб.

Привожу его полное содержаніе.

Русалки.

(Пѣснь Баяна).

—

Волнуется Днѣпръ, боевая рѣка,
Во мракѣ глухой полуночи,
Ужъ облако мѣсяцъ прорѣзалъ слегка,
И неба зардѣлися очи;
Широкія—идутъ волна за волной
И съ шумомъ о берегъ бьются;
Но въ хладномъ руслѣ, подъ ревущей водой,
И хохотъ и смѣхъ раздаются.
Русалки играютъ во мракѣ ночей,
Неопытныхъ юношей манятъ.

Какъ подъ вечеръ звѣзды ясныя
Заиграютъ въ небесахъ,
Другъ за другомъ дѣвы красныя
Выплываютъ на волнахъ;
Полнымъ цвѣтомъ нѣжной младости
Привлекателенъ ихъ хоръ;
Обѣщаетъ много радости
Нѣгою томящій взоръ.—
Бѣгите, о юноши, томныхъ очей,
Пусть тщетно коварныя манятъ!

Русы косы разсыпаяся
Съ обнаженныхъ плечъ бѣгутъ,
По волнамъ перегибаяся—
Золотымъ руномъ плывутъ:
Грудь высокая волнуется
Сладострастно между водъ,
Валъ ревнивый полюбуется
И задумчиво пройдетъ;
Руки дѣвъ, какъ мраморъ бѣлыя
Подымаются, падутъ;—
То стыдливыя, не смѣлыя
Медленной толпой плывутъ;
То въ восторгѣ юной радости
Будятъ пѣснями брега,
Иль съ безпечнымъ смѣхомъ младости

Ловятъ мѣсяца рога
Надъ водою серебристые,—
Или плескомъ быстрыхъ рукъ
Брызжутъ радуги огнистыя;
Рѣзвются въ волнахъ—и вдругъ
Утопаютъ, погружаются
Въ свой невидимый чертогъ,
И видѣнія стираются,
Какъ луны воздушной рогъ!
Не вѣрьте, о юноши, мраку ночей,
Мечтами коварныя манятъ.

Ан. Муравьевъ.

248. **Русская историческая христоматія.** Составилъ примѣнительно къ учебнымъ планамъ 1877 года и къ исторіи русской словесности А. Д. Галахова (1879 года) К. Петровъ.—Рукопись въ 4 д. л., на 12 страницахъ, писана мелкою скорописью; на оборотѣ послѣдней страницы подпись А. Соболевскій.

249. **Русская сказка о молодомъ царѣ и прекрасной царевнѣ Анастасіи.** Въ стихахъ. Сочиненіе учителя перекопскаго уѣзднаго училища Платона Дьяченкова.—Рукопись первой половины XIX вѣка, въ четвертку, на 161 листѣ.

На оборотѣ листа находится слѣдующая надпись:

«Значится разсказъ
Отъ Ивановыхъ проказъ,
И отъ сивка, и отъ бурка,
И отъ вѣщаго каурка.

Авторъ.

Сказка начинается такъ:

Гдѣ-то, въ нѣкоторомъ царствѣ
Въ тридесятомъ государствѣ
Жилъ да былъ отличный царь,
Православный государь.
Молодешенекъ лѣтами,
Но досмысленъ былъ дѣлами,
Добрымъ сердцемъ и душой,
Былъ онъ точно даръ святой.
У него казна богата,
Голова—ума палата,
Войско—чудо изъ чудесъ,
Изъ знаменъ дремучій лѣсъ.
Покажись-ка врагъ нежданный,
Нехристь турка окаянный,
Ужъ не быть ему назадъ,
Онъ разсыплется, что кладъ.

Въ концѣ сказки слѣдуютъ на 6 страницахъ примѣчанія отъ автора.

250. **Русская словесность.** Рукопись XIX вѣка, въ четвертку, на 60 страницахъ, писана скорописью (безъ подписи автора).

251. **Рукописный сборникъ на событіе 14 декабря 1825 года.** Л. Ширяева, писанный бѣглымъ почеркомъ, начиная съ 1825 года и кончая 1890 г.—Въ 4 д. л.

Это одно изъ самыхъ важныхъ и драгоцѣнныхъ воспоминаній, относящихся къ событію 14 декабря 1825 года.

Въ началѣ сборника авторъ, очевидецъ происходившаго, говоритъ слѣдующее:

„14 декабря 1825 года я былъ свидѣтелемъ происшествій этого дня, происходившихъ на Исакіевской и Адмиралтейской площадяхъ.

Съ утра до 4 часовъ пополудни, изъ оконъ дома провіантнаго департамента военнаго министерства, гдѣ я состоялъ тогда на службѣ, благодаря раннему возрасту на 12 году своему на службу и свидѣтельству, въ которомъ прибавлено было мнѣ года два, я въ концѣ (31-го) декабря того же 1825 г. ожидалъ производства въ чинъ. Тогда было мнѣ лѣтъ 15. Но впечатлѣніе ужаснаго дня такъ было сильно, что я рѣшился собрать всѣ до этого дня относящіяся свѣдѣнія, которыми всю жизнь свою и пополнялъ этотъ сборникъ.

Этими листочками и воспоминаніями пополняю уже полвѣка слишкомъ".

Далѣе авторъ говоритъ такъ:

„Тогда я ожидалъ перваго чина, те-

перь я въ чинѣ тайнаго совѣтника и имѣю четыре звѣзды. Все это заслужено честною и усердною службой; протекціей былъ Богъ и честное отношеніе ко всему законному дѣлу, а незаконныхъ дѣлъ я не зналъ.

Тогда былъ 15 лѣтъ мальчикомъ, а теперь — отецъ семейства, ожидающій безъ страха общей всѣхъ людей участи упокоенія навсегда".

Въ сборникъ вошли слѣдующіе матеріалы:

I. Манифестъ 14 декабря 1825 г.

II. Письмо Цесаревича къ Императору Александру Первому.

III. Отвѣтъ Императора.

IV. Манифестъ Императора Александра I 16-го августа 1823 г.

V. Письмо Цесаревича къ Императору Николаю и Императрицѣ Маріи.

VI. Письмо къ Министру юстиціи.

VII. Подробное описаніе происшествій 14-го декабря 1825 года.

VIII. Мятежъ 14 декабря 1825 года.

IX. Манифестъ 20-го декабря 1825 г.

X. Письмо Цесаревича 20-го декабря 1825 года.

XI. Указъ о пожалованіи пенсіи сестрѣ графа Милорадовича.

XII. Рескрипты митрополитамъ и архіепископу.

XIII. Приказъ россійскимъ войскамъ.

XIV. Копіи съ документовъ, касающихся 14-го декабря 1825 года,—и мн. др.

Купленъ мною этотъ рукописный сборникъ, послѣ смерти автора, у книготорговца Семенова въ Спб. за тридцать рублей.

252. **Русскій битюгъ.** Акварель извѣстнаго художника Павлова, въ четвертку.

Купленъ мною рисунокъ изъ библіотеки Княжевича.

253. **Русскому народу посланіе.**— Рукопись половины XIX вѣка, писана мелкою скорописью на 18 страницахъ въ четвертку. — Въ концѣ рукописи находится слѣдующая дата: «М. 1855 г. 17 мая»; но подписи автора это чрезвычайно любопытное посланіе не имѣетъ.

Куплена мною рукопись въ Спб. у букиниста Иванова.

254. **Рѣчь Древнему Россійскому дворянину,** старцу, служившему въ войскѣ и на судѣ, вѣрноподданному Государю, отъ Россіянина.

Рукопись начала XIX вѣка, въ листъ, 6 страницъ, писана мелкою скорописью, безъ означенія автора, хотя въ концѣ и имѣется какая то неопредѣленная помѣтка, состоящая изъ двухъ буквъ и дата „Москва мая 13 дня 1816 г."

Для болѣе полнаго представленія объ этой рукописи, привожу здѣсь ея любопытное содержаніе полностію.

Древнему Россійскому дворянину, старцу, служившему въ войскѣ и на судѣ, вѣрноподданному Государю.

Отъ Россіянина.

Милостивый Государь,

съ великимъ прискорбіемъ вижу, что святыя слова Христа Спасителя: *пророкъ въ своемъ отечествіи чести неимать,* не сбываются; а напротивъ, большая часть согражданъ нашихъ прославляютъ и пророка и слова его.—Сіе самое заставляетъ меня нѣсколько усумниться въ справедливости пророчества.

Мудрено бы мнѣ было сказать кто я,—ибо ничемъ неизвестенъ въ отечествѣ,—любовь къ правдѣ—вотъ всѣ мои титла и права. Полагаю ихъ достаточ-

ными, чтобы защищать ее предъ всѣми моими согражданами.

Въ воззваніи Малороссійскаго военнаго генералъ-губернатора дворянству, особенно примѣчательныя слова: „но сіи отеческія попеченія ваши, да не будутъ подвергнуты кратковременности жизни человѣческой; оснуйте и на будущія времена благоденствіе чадъ и внучатъ вашихъ. По мѣстнымъ познаніямъ вашимъ изыщите способы, коими не нарушая спасительной связи между вами и крестьянами вашими, можно бы обезпечить ихъ благосостояніе и на грядущія времена, опредѣливъ обязанности ихъ"... и проч. Въ воззваніи семъ нахожу одинъ только недостатокъ, прибавить бы должно въ самомъ концѣ и *обязанности ваши*.

Впрочемъ, что можетъ быть справедливѣе и согласнѣе съ закономъ Божіимъ,— желаніе обезпечить благосостояніе, собственность и даже жизнь себѣ подобныхъ?—Что болѣе опредѣляетъ истинную любовь къ отечеству,—попеченія о благосостояніи согражданъ!—Что болѣе приноситъ чести должностному человѣку, особенно же такого рода чиновнику, какъ князь Репнинъ, старанія улучшить тяжку долю сословія, составляющаго самую большую часть народа русскаго, прокормливающаго и обогащающаго всю Россію, сословія, дающаго самое большее число защитниковъ отечества.—Да возбудимъ хвалу и благодареніе Всевышнему за то, что благость Его пріуготовила наконецъ сердца нѣкоторыхъ согражданъ нашихъ къ принятію спасительныхъ лучей свѣта христіанства, свѣта любви и правды! Распадается наконецъ чудовищное зданіе предразсудковъ, толстыя готическія стѣны поколебались въ самомъ ихъ основаніи; мрачные онаго чертога погреба освѣщаются свѣтомъ истины! Хвала тебѣ, Царю Россійскому, отверзающему *предверіе* храма правосудія! Во храмѣ *законъ*—священная книга, *надежда русскихъ!*

Вы, Милостивый Государь, превозносите сословіе дворянское, приводя на память подвиги его, награжденія, жалованныя ему царями, преимущества, ему дарованныя и проч.—Дворянство есть, конечно, самое просвѣщенное сословіе въ Россіи, и болѣе прочихъ оказало услугъ отечеству; но естьли нынѣшнимъ дворянамъ гордиться заслугами предковъ своихъ, то давозьмутъ они на себя и постыдныя оныхъ дѣянія. А какъ сынъ не облекается стыдомъ отцовскимъ, то не долженъ величаться и его добродѣтелями. Всякій самъ по себѣ *обязанъ* любить отечество и быть ему полезнымъ.

Трудно, весьма трудно говорить о тѣсныхъ узахъ, связывающихъ дворянство и Престолъ.—Вы пишите: Щедроты царей есть *единый* источникъ и проч. Ужасная мысль! Вопреки всякаго правосудія, за какія-то мнимыя услуги, за рабскую приверженность... простите, Милостивый Государь, я сего понять не могу.

Чѣмъ же жаловали дворянъ? помѣстьями, дающими имъ законное право пользоваться.—Чѣмъ же?—Землями и трудами своихъ крестьянъ и располагать ихъ участью.—Ежели это право законное,—что же беззаконіе, скажите? Въ какомъ столѣтіи, въ какомъ благополучномъ градѣ сіе начертано? Мудрено повѣрить, чтобы въ Москвѣ 4 апрѣля 1812-го года,—желательно чтобы по крайней мѣрѣ три дни ранѣе, или въ 1812-мъ году до Рождества Христова.

Описываемый вами дворянинъ не есть защитникъ Престола; онъ рабъ, готовый ради личныхъ выгодъ исполнять всехорошее, всехудое, всеполезное, всевредное; онъ не ищетъ ничего, кромѣ удовлетворенія своихъ страстей и желаній.

Онъ служитъ ради единой пользы своей. Въ закоснѣломъ невѣжествѣ своемъ не признавая правъ человѣческихъ, онъ не постигаетъ смысла правительства. Его правда—суета, богатства. Властитель грозный—онъ рабъ всенижайшій. Вельможа днесь,—онъ завтра червь. Не защитникъ онъ престола, нѣтъ—защитникъ своей личности, своего сребролюбія.

Но истинный дворянинъ, прямой боярин, защитникъ законовъ и престола тотъ, который постигаетъ, что правительство есть—власть законная; что оно блюдетъ о преуспѣяніи и спокойствіи государства, о благоденствіи и величіи народа, тотъ, который не почитаетъ законнымъ правомъ *своевольно себя ради* располагать собственностію, трудами, участью, особою себѣ подобныхъ. Ему извѣстны права людей, ибо самъ онъ человѣкъ. Сей то дворянинъ дѣйствуетъ и служитъ не для выгоды личной, но для пользы общей, онъ готовъ ежечасно отечеству себя въ жертву принести. Дарованныя награжденія за услуги не вліяютъ на праведное его сердце; величайшая ему награда—уваженіе соотечественниковъ—онъ можетъ быть въ гоненіи, но твердъ какъ дубъ столѣтній. Великодушенъ въ счастіи,—несчастенъ быть не можетъ. Онъ великъ всегда выше, ниже себя—никогда не бываетъ; въ самомъ гоненіи не престаетъ быть защитникомъ законовъ и престола, ибо правду защищаетъ.—Таковы были князь Пожарскій, князь Долгоруковъ, и малое число имъ подобныхъ. Такъ и съ вами согласенъ, Россія по обширности своей не можетъ управляться одинакими законами съ прочими имперіями, королевствами и республиками Европы, истина сія рачительна; но, Государь мой, ваше *патріархальное* правленіе никуда не годится, и столь же неудобно—прилагаемо къ Россіи, какъ и ко всѣмъ образованнымъ обществамъ. Не нужно сего доказывать; есть такія въ нравственномъ мірѣ неоспоримыя истины, что стараться образованнаго человѣка въ оныхъ утверждать доводами было бы смѣшно; хорошъ тотъ патріархъ, который продаетъ, покупаетъ, торгуетъ себѣ подобными, мѣняетъ людей на собакъ, лошадей; закладываетъ и уплачиваетъ ими свои долги; вопреки воли ихъ употребляетъ на свои удовольствія, прихоти, расторгаетъ браки, и часто—весьма часто удовлетворяетъ ими гнуснѣйшія свои страсти!... Довольно. Упаси Боже отъ таковыхъ патріарховъ! Въ Африкѣ и въ Америкѣ начинаютъ уже чувствовать сіе беззаконіе и стараются прекратить оное; а мы россіяне, христіане имѣемъ въ нѣдрахъ отечества нашего защитниковъ сей постыдной, сей богопротивной власти.

Вы говорите о добрыхъ помѣщикахъ, о томъ каковы всѣ они быть должны. Дворянство конечно обязано васъ благодарить за столь выгодное о немъ мнѣніе. Но въ семьѣ не безъ урода, а въ большомъ семействѣ много уродовъ; и чуть ли не больше таковыхъ, нежели добрыхъ людей. Впрочемъ сравненіе ваше помѣщика съ отцемъ семейства кажется мнѣ ошибочно; отецъ семейства печется исключительно о благѣ дѣтей своихъ, онъ достояніемъ и спокойствіемъ жертвуетъ для блага ихъ и воспитанія, оттого онъ и любимъ быть можетъ; но и тутъ отеческая власть его дѣйствительно простирается только до совершеннолѣтія. Помѣщикъ блюдетъ о своихъ выгодахъ прежде нежели о благѣ своихъ рабовъ; онъ своему спокойствію, своему достоянію приноситъ въ жертву спокойствіе и благосостояніе своихъ рабовъ; отношеніе совершенно обратное. Самый хорошій помѣщикъ тотъ, который не

болѣе взыскателенъ съ крестьянъ, какъ что ему необходимо нужно; самый же дурной отецъ семейства ничего кромѣ почтенія не требуетъ. Потому сіи два достоянія сравнивать нельзя и не должно. Впрочемъ сія рѣчь всячески разсматриваема быть можетъ; всякій по своему видитъ и понимаетъ ее; она и пренія и толки рождаетъ безконечные; причина тому слѣдующая. Гдѣ между сословіями нѣтъ законовъ, а своеволіе и сила, неволя и слабость, тамъ нѣтъ и постояннаго блага, нѣтъ размѣра, по коему можно бы навѣрно опредѣлить, что правда, что не правда, тамъ и помѣщики и крестьяне одинъ другому противуставляютъ свои пороки, свои страсти, свои добродѣтели, свои выгоды, словомъ, общая сія борьба похожа на приступомъ взятый городъ, всякій тащитъ что попало, кто болѣе взялъ — тотъ и правъ. И потому желательно для блага Россіи, чтобы отношенія владѣльца и подвластныхъ были основаны на твердыхъ и незыблемыхъ началахъ. А какъ Государь повидимому до сего достигнуть желаетъ, то способствовать благотворнымъ видамъ есть наша обязанность.

Вы, кажется, опасаетесь, чтобы не приняли какого иностраннаго образца въ семъ важномъ подвигѣ, и единственно желаете устраненія нѣкоторыхъ злоупотребленій. Не дай Богъ худаго, не дай Богъ иноземнаго, если оно можетъ изъ русскихъ сдѣлать нѣмцевъ *). Но законы природы не болѣе принадлежатъ нѣмцамъ, чѣмъ русскимъ — они всеобщіе. Евангеліе писано для всѣхъ людей. Первоначальныя истины — принадлежность тѣхъ, кои ими пользоваться умѣютъ. Называть же ихъ подражаніемъ потому, что онѣ введены въ другихъ народахъ прежде нежели у насъ, есть заблужденіе, ибо истины сіи существовали прежде народовъ, прежде вѣковъ! Образованіе ихъ вводитъ,—невѣжество изгоняетъ.

Государь мой, послѣ справедливой и краснорѣчивой похвалы вашей дворянству за спасеніе отечества въ 1812-мъ году, сожалѣю, что вслѣдъ за оной хвалите и за то, что *ни единая измѣна, ни единое предательство не получали чести имени русскаго*, — въ Россіи нѣтъ измѣнниковъ: таковыхъ торжественно въ церквахъ проклинаютъ. Хвалить за то, что не сдѣлано худаго — есть излишнѣе.

Неужели еще друзья человѣчества и проч.

О старецъ, старецъ, ты ли произнесъ! Что сѣдины твои, какъ?!... *Вольность есть идолъ чужеземныхъ слѣпцовъ!... Вольность рождаетъ своеволіе, буйство, развратъ, ниспроверженіе всѣхъ властей!...* Все сіе по твоему слова однозначущія! Изыдите оглашеніе, изыдите!

Я удивляюсь, милостивый государь, что вы, которые столько возстаете противъ *вольности*, вы сами взяли *вольность* писать, когда васъ никто не спрашивалъ; вы сами подаете *мнѣніе*, и сами возстаете противъ вреднаго и *излишняго умствованія*. Почему вы, которые пользуетесь своими способностями, хотите лишить другихъ небеснаго сего дара? Какіе предѣлы полагаете *между вредными, излишними умствованіями* и полезными и неизлишними? Мнѣ кажется, что ваши умствованія суть вреднѣе моихъ потому, что основаны на выгодахъ одного малочисленнаго сословія и на угнетеніи другаго по крайней мѣрѣ во сто разъ большаго. Вамъ же, вѣрно то покажется противное. Кто изъ насъ правъ—кто виноватъ?

Вы, возстающіе противъ *вольности*, сами же упоминаете о собраніи въ одной изъ столицъ представителей дворянства; по какому праву пользоваться

*) Нѣмецъ—иноземецъ—въ Россіи—все равно.

вамъ симъ преимуществомъ, когда сами не хотите отказаться отъ собственнаго самовластія вашего; и почему не должны въ семъ высочайшемъ, въ семъ августѣйшемъ собраніи участвовать и всѣ прочія сословія? Непостижимо — какъ можно съ толикимъ восхищеніемъ говорить о собраніи представителей и въ тоже время оскорблять вольность и противиться сообщенію мыслей.

Восхваляя дворянство и средства, коими оно управляетъ рабами своими, вы говорите, между прочимъ, *о щедродательныхъ правилахъ*, но самыя *щедродательныя сіи правила* совершенно противоположны *истинно-свободнымъ постановленіямъ* (institutions liberales), ибо наряду съ ними поставить можно и *щедробрательныя* правила.

Вы называете *химическими постановленіями* тѣ, кои въ пользу 35-ти милліоновъ дѣлаются, тѣ, кои обезпечатъ ихъ собственность, ихъ бытіе, тѣ, кои умножатъ просвѣщеніе, образованіе нравовъ, увеличатъ промышленность, усовершенствуютъ хлѣбопашество, образуютъ внутреннюю торговлю, умножатъ богатства, увеличатъ народонаселеніе, тѣ, наконецъ, кои (выше всего) согласны съ правилами вѣры христіанской. Вы называете ихъ химерическими потому, что съ младенчества привыкаютъ у насъ повелѣвать и взыскивать самовластно; обращаться же человѣколюбиво не потому, что такъ должно, а иначе нельзя; но для того, что добрый нравъ могъ еще воздерживать отъ зла? Но, милостивый государь, не всѣ люди одинаковы. Можете ли вы за наслѣдниковъ вашихъ поручиться? и что тогда подданнымъ въ *щедродательствѣ* вашемъ?

Вы ссылаетесь на время и отъ него ожидаете счастливыхъ перемѣнъ. Но вотъ и время наступило... Вы приведете въ примѣръ противному нѣсколько разсказовъ о случившихся происшествіяхъ въ пользу вашихъ мыслей; я же обязуюсь, по крайней мѣрѣ, столько же привести и противъ васъ.

Самое *уменьшеніе довѣренности дворянства въ вѣковѣчномъ его достояніи, основанномъ на безпрекословномъ расположеніи имуществомъ и особою крестьянина*, хотя по словамъ вашимъ и *удерживаетъ его отъ иныхъ новыхъ пріобрѣтеній предпріятій и заведеній*, по есть ли въ самомъ дѣлѣ сознаніе въ несправедливости власти, въ незаконной собственности его? Собственность есть то, что само собою, по собственной своей воли, отложиться не можетъ. Собственность никто отнять не можетъ. Одинъ человѣкъ собственности лишиться можетъ: 200-мъ тысячъ вдругъ лишиться оной не возможно. Коль же скоро однимъ желаніемъ можно было и собственности вселить охоту къ оставленію своихъ хозяевъ, и хозяевъ удержать отъ обыкновеннаго употребленія собственности, то она воистину есть ничто иное, какъ мнимая, на заблужденіи, невѣжествѣ и презрѣніи правъ человѣческихъ основанная. И потому — благодареніе тому, кто слѣпцамъ открываетъ глаза, кто невольниковъ оковы расторгаетъ; хвала тому, кто добровольно слагаетъ съ себя власть беззаконную.

Теперь, милостивый государь, осталось мнѣ изъявить вамъ, какъ одному изъ первыхъ согражданъ моихъ, подвизающихся на *благо общее*, великую мою благодарность; яко членъ великаго семейства россіянъ я вправѣ сіе сдѣлать. Мнѣнія могутъ быть различны, и даже совершенно одно другому противуположны; обнародованіемъ ихъ приносится существенная польза, ибо возбуждаются чувства и порождаются новыя мысли. Желательно только, чтобы глаголющіе руководимы были духомъ истины и любви

къ отечеству,—мысль о собраніи представителей дворянства, хотя не кажется мнѣ полною, однако клонится къ лучшему, и потому уже прекрасна.

Позвольте мнѣ еще сказать свое мнѣніе насчетъ настоящихъ происшествій. Умъ человѣческій, подобно всему, что можетъ имѣть начало, имѣетъ и различныя эпохи; онъ возрастаетъ и получаетъ образованіе, соразмѣрное обстоятельствамъ: слабѣетъ и совершенно упадаетъ по обстоятельствамъ же. Но главное его свойство въ томъ состоитъ, что получивъ однажды направленіе къ образованію, трудно или лучше сказать не возможно его остановить, а наипаче—опять обратить. Развѣ какимъ либо необычайнымъ переворотомъ въ физическомъ мірѣ: нашествіемъ варваровъ, моровою язвою, продолжительною войною и тому подобными бѣдствіями. Оставшіеся отъ такихъ ужасовъ, приведенные въ уныніе, терпящіе всякія несчастія и нужды, слишкомъ угнетаемы судьбою, чтобы помыслить о вящемъ, о высшемъ благѣ. Коль же скоро все утихнетъ, уравновѣсится, они отдохнутъ и положеніе ихъ привычкою сдѣлается сноснымъ, то благороднѣйшая часть человѣка паки возносится, паритъ къ предназначенному ей Самимъ Творцомъ совершенству. Потому да воздержимся мы отъ укоснѣнія его, отъ предпринятаго имъ пути, ибо сіе есть дѣло во первыхъ неправильное, во вторыхъ не возможное, влечетъ за собою взрывъ и трескъ столь сильный, что мы неминуемо сами жертвою будемъ нашего сопротивленія. Напротивъ того станемъ ему способствовать всѣми нашими силами, направимъ его ко всему высокому и отечеству полезному, да руководствуетъ имъ и нами пречистая вѣра наша и любовь къ добродѣтели. Сверхъ того есть еще правило весьма въ политикѣ важное, коему благоразуміе слѣдовать повелѣваетъ: позволять то, чему препятствовать нельзя.

Мысль о свободѣ болѣе всего слѣдуетъ сему ходу разума нашего. Кто оной вкусалъ,—тотъ отъ нее никогда не откажется; кто объ оной услышалъ, тотъ за нею погонится, достигнетъ своей цѣли,—и горе противящимся!

Не должно полагать, что начавшійся во Франціи переворотъ въ 1789-мъ году имѣлъ другія причины, кромѣ притѣсненій и преимуществъ дворянскаго и духовнаго сословій надъ народомъ. Ежели бы при первомъ возваніи *Генеральныхъ Штатовъ* (etats généraux), дворянство и духовенство добровольно сложили съ себя готическія феодальныя свои преимущества, которыя впрочемъ несравненно слабѣе были преимуществъ и власти дворянства въ Россіи, то народное негодованіе, подобно пружинѣ сильно натянутой, симъ бы ослабилось и не произвело поковъ крови и тѣхъ ужасовъ, кои теперь должны бы намъ служить наукою и предосторожностью. Конечно, вмѣшались тутъ многія постороннія причины: развратъ, буйство, безвѣріе, безнравственность многихъ главныхъ особъ, всего народа вообще и политическіе виды европейскихъ державъ были дѣйствующими лицами въ ужасахъ французскаго переворота. Но вотъ достаточный примѣръ, котораго мы, конечно, избѣгнемъ, естьли пожелаемъ и будемъ благоразумны.

Государь, котораго вы сами столь справедливо превозносите, конечно отстранить нарушителей спокойствія отъ участія въ семъ подвигѣ; бразды правленія въ Его рукахъ и средства его велики. Мы на мудрость Его и правосудіе полагаться должны.

Хотя я вамъ и неизвѣстенъ, однако, милостивый государь, дорожу вашимъ

добрымъ о себѣ мнѣніемъ и не желалъ бы, чтобы вы почтили меня, за такъ называемаго *якобинца*; а дабы нѣкоторые щедродательные члены публики нашей не могли бы, по щедрости своей, надѣлить меня симъ названіемъ, сущее пугалище всякаго честнаго человѣка, то я хотя и увѣренъ въ прозорливости вашей, но полагаю нужнымъ сказать въ чемъ состоитъ различіе мнѣній нашихъ.

Вы желаете, чтобы отношенія помѣщиковъ и крестьянъ не измѣнялись и, чтобы правительство отклонило нѣкоторыя токмо злоупотребленія.

Я желаю, чтобы отношенія владѣющихъ и подвластныхъ совершенно были опредѣлены справедливымъ, непремѣннымъ, постояннымъ законоположеніемъ, основанномъ на Законѣ Божіемъ,—слѣдовательно на сущей правдѣ; законоположеніемъ, которымъ Россія возводилась бы на степень величія и благоденствія, къ коей она Самимъ Творцемъ предназначена.

Москва.
Маія 18 дня
1818 года.

255. **Сборникъ для исторіи князя Чернышева.** Писанъ бѣглымъ почеркомъ въ половинѣ XIX вѣка.—Въ 4 д. л., 6 страницъ.

Въ этихъ запискахъ, предназначенныхъ для историческаго сборника, говорится:

1) О смерти Императора Александра Перваго.

2) О перепискѣ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ и

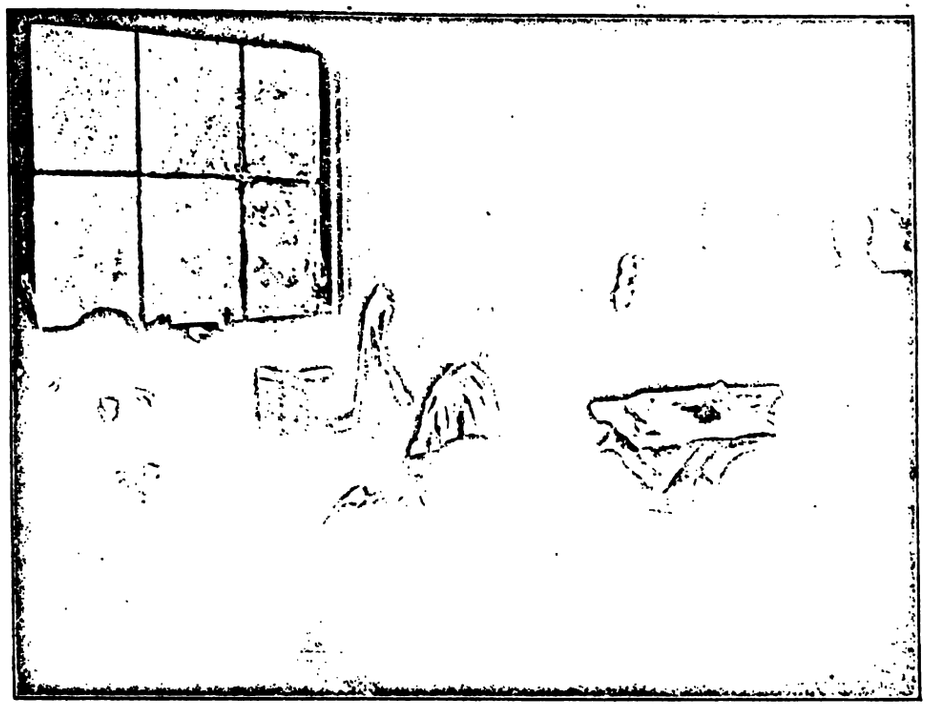
3) О заговорѣ 2-й арміи.

Купленъ мною этотъ сборникъ за три руб.

Странствующая труппа.

Рисунокъ художника Ефимова.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.



У художника

Акварель художника **Гаврильцова.**

По экземп. изъ собранія **А. В. Бурцева.**

Вечеръ

Акварель извѣстнаго художника **Химона.**

По экземп. изъ собранія **А. В. Бурцева.**

256. Сборникъ разныхъ стихотворенія. Писанъ разными почерками въ половинѣ XIX вѣка.—Въ 8 д. л., 58 листовъ.

Въ этомъ сборникѣ помѣщены слѣдующія статьи:

I. Анекдотъ про стремяннаго Гаврилова-Снегирева.

II. Нектаръ, изъ Гете.—Струговщикова.

III. Взятіе на небо Божіей Матери.—Картина Брюлова.

IV. Придетъ охота страстная
За чтеніе засѣсть:
На то у насъ прекрасная
Литература есть.

V. Аллори.

VI. Памятникъ Петру I В. Зотова.

VII. Италія. Пушкина.

VIII. Черкесъ. Я. Якубовича.

IX. Лорелея.

X. Камеръ-обскура.

XI. Море. Вѣры Анольской.

XII. Анекдотъ о Петрѣ Великомъ. Павла Свиньина.

XIII. Алфавитный списокъ достопримѣчательнѣйшихъ русскихъ и жившихъ въ Россіи художниковъ.

XIV. Райская птичка.

XV. Воротился ночью мельникъ.
Женка! что за сапоги?
Ахъ, ты пьяница, бездѣльникъ!
Иль мутитъ тебя лукавый?
Это ведра.—Ведра? право,
Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
Ни во снѣ, ни на яву
Не видалъ до этихъ поръ
Я на ведрахъ модныхъ шпоръ!
А. Пушкинъ.

XVI. Царство мысли. Кольцова.

XVII. Микель-Анджело. Карамзина.

XVIII. Эрмитажъ. Павла Свиньина.

XIX. Доминикино.

XX. Альбомъ.

XXI. Баньоковалло.

XXII. Барбарелли. Я. Яненко.

XXIII. Дольчи.

XXIV. Молитва.

XXV. Списокъ художниковъ, проживавшихъ въ Россіи,—и мн. др.

Эта рукопись куплена мною за 3 руб.

257. Сборникъ поздняго письма XIX вѣка. Въ листъ 200 страницъ. Писанъ крупною скорописью; переплетенъ въ крѣпкую бумажную обложку.

Въ сборникѣ помѣщены слѣдующія произведенія:

I. Пчелка легкая порхаетъ. Стихотвореніе 1839 года.

II. Кн. Шаховской въ Парижѣ 1802 г

III. Сказаніе кн. Курбскаго. Разсказъ.

IV. Пушкинъ о своемъ „Демонѣ".

V. Скверни всякой отвращаюсь. Стихотвореніе.

VI. Наполеонъ. Стихотвореніе начинается словами:
Жребій чудный совершился,
Угасъ великій человѣкъ...

VII. Чудно такъ спасенъ. Стихотвореніе 1833 г.

Рукопись эта куплена мною у букиниста Трусова (изъ библіотеки г. Вронченко).

258. Сборникъ собственноручныхъ рукописныхъ стихотвореній Аскочинскаго. Въ 8 д. л., 106 страницъ.

Писаны стихи очень красивой скорописью (красными чернилами), съ особеннымъ заглавнымъ листомъ, на которомъ сказано: „Стихотворенія Аскочинскаго, презрѣвшія печать".

Для болѣе нагляднаго представленія объ этомъ весьма любопытномъ сборникѣ, считаю не лишнимъ привести здѣсь полную дословную перепечатку его.

Оскаръ! пять словъ для предисловья:
Совѣтникъ и поэтъ
Непримиримыя условья!
Чего ужъ нѣтъ, такъ нѣтъ:
Съ Ѳемидой я не побратался,
Надъ Сводомъ лишь зѣвалъ,
Журналамъ вашимъ я смѣялся
И вирши лишь писалъ.
Успѣха мало мнѣ и въ этомъ—
Безъ церемоній признаюсь;
Завиденъ жребій быть поэтомъ,
Но я въ поэты не гожусь.
Я только добродушный малый,
Немножко фантазеръ,
Подъ часъ веселый, разудалый,
Какъ говорятъ, vivеur.
Такимъ прошу я въ заключенье
И поминать меня,
За что и буду безъ сомнѣнья
Тебѣ обязанъ я.
А все-таки мои стихи,
За тяжкіе твои грѣхи,
Прошу покорнѣйше принять
И непремѣнно прочитать.

Аскочинскій.

Моя апологія.

—

Смѣяться, право, не грѣшно
Надъ тѣмъ, что истинно смѣшно.

Карамзинъ.

—

Ахъ Боже мой! Неужели я изъ тѣхъ,
Которы цѣль всей жизни смѣхъ?
Мнѣ весело, когда смѣшныхъ встрѣчаю,
Но чаще съ ними я скучаю.

Грибоѣдовъ.

—

Кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы: тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ.

Гоголь.

—

За человѣка страшно!

Шекспиръ.

—

Меня насмѣшникомъ прозвали,
Да только правильно ль? Едва ли.
Нетерпѣливою душой
Болѣя, пошлости людской
Почти всегда смѣюсь я горько,
И жаломъ эпиграмы колкой,
Другаго думая кольнуть,
Скорѣй себѣ терзаю грудь.
Я человѣкъ и nil humanum,
Не по смиренному обману
Me alienum esse puto.
Я знаю, что смѣяться худо
Порокамъ искреннихъ своихъ
И жалкому уродству ихъ:
Но чтожъ мнѣ дѣлать? Какъ закрою
Передъ тревожною душою
Комедію пустыхъ страстей
Розыгрываемую межъ людей?
Но какъ же я глаза закрою,
Когда всегда передо мною
Стоитъ мой чудный идеалъ,
Который Богъ, не я создалъ,
Которому подобья нѣту,
Который, не въ обиду свѣту,
Былъ межъ толпою одинокъ
Недосягаемо высокъ?
Глядите—вонъ одно созданье
Вся—прелесть, вся—очарованье,
Забывъ высокое призванье,
Отринувъ мысли красоту,
Стремглавъ несется въ суету,
Пустыя развлеченья любитъ,
И дни свои безбожно губитъ.
А вонъ въ прическѣ модной франтъ,
Окончивъ польку la tremblente,
Стоитъ безсмысленнымъ кумиромъ.
Уваженъ онъ и принятъ міромъ
За то, что ноги его тонки,
Что рѣчи его дерзко-бойки,
Что завтрашній его разсказъ
О полькѣ позабавитъ васъ.
А тамъ предъ пошлою толпою,
Насмѣшливой лишь подъ рукою,
Высокородный дворянинъ
Про свой толкуетъ важно чинъ,
И врагъ заклятый просвѣщенья,
Какъ вреднаго нововведенья,
Во всю гортань свою оретъ
И глупостью его зоветъ.
А вонъ рабами окруженный,
И чадомъ лести упоенный,
Педантства жалкій образецъ,
Превосходительный гордецъ,
Въ расположеніи веселомъ
Вообразивъ себя Моголомъ,
Рабамъ улыбки раздаетъ
И самъ же имъ въ глаза плюетъ.
А эти всѣ, склонясь главою,
Вполнѣ довольные собою,
Украдкою лицо утрутъ

И пѣсню ту же запоютъ.
Храни васъ Богъ въ такую пору,
Внявъ совѣсти своей укору,
Разогорченною душой
Заговорить передъ толпой!
Васъ назовутъ вольтеріанцемъ,
На васъ, смѣясь, покажутъ пальцемъ,
И скажутъ жалкіе умы!
Что вы вреднѣе сулемы.
Оно и вправду: ваше слово
Для этихъ для господъ не ново.
Когда-то въ школахъ тамъ учась,
Они слыхали тамъ не разъ;
Но съ той поры, какъ въ свѣтъ вступили,
Благоразумно порѣшили
Моралью это все назвать
И вѣчной памяти продать.
Теперь они, гордясь чинами,
Увѣшанные орденами,
Къ столу зеленому идутъ,
О томъ, какъ Пантелѣй Иванычъ
Да Петръ Лукичъ, да Петръ Степанычъ
У Балоболькиныхъ вчерась
Втроемъ играли въ преферансъ;
Какъ Петръ Лукичъ (не диво-ль это!)
Имѣя тузъ самъ—пять съ валетомъ
Бубенъ, да тузъ червей самъ другъ,
Остался, чортъ возьми, безъ двухъ!
Но вижу все, что здѣсь толкуютъ
Немного васъ интересуетъ.
Ну такъ глядите же, какъ тамъ
Въ углу какія-то medames
Глаза подъ лобъ себѣ подводятъ,
И приторную рѣчь заводятъ,
Сидя съ балбесомъ vis-a-vis,
О дружбѣ что-то, о любви,
И не сочувствуя ни крошки,
Мяукаютъ о томъ какъ кошки.
А эта... какъ ее назвать?
Какую риѳму къ ней прибрать?...
Она давнымъ-давно ужъ мать,
Ужъ тридцать пять себѣ считаетъ,
А волосъ въ локонъ заплетаетъ,
Малюетъ щеки, бровь сурмитъ,
И о мазуркѣ говоритъ,
Мѣшая беззаконно съ русскимъ
Полу-хохлацкое съ французскимъ.
Нельзя-же-съ: вѣдь еще у насъ
Досель ведется жалкій классъ
Людей, которые къ родному,
Всегда прекрасному, святому
Языку не пріучены.

Такой много горечи лихой,
Такъ мало радости живой.
А всѣ ту рѣчь за смѣхъ считаютъ,
И осторожно отбѣгаютъ,
Боясь, чтобъ ихъ душевный соръ
Не выброшенъ былъ на позоръ.
Но съ хохотомъ неумолимымъ,
Съ болѣзнью, для людей незримой,
Насмѣшка имъ въ слѣдъ летитъ
И виноватаго казнитъ...

10 декабря
1847 года.

Элегія.

O mihi praeteritas referat si Jupiter annos!
Ovidius.

Была пора: я былъ поэтомъ,
Я зналъ поэзію страстей,
И не бросая передъ свѣтомъ,
Берегъ ее въ душѣ моей.
Теперь, какъ пьяная вакханка,
Я глупо посрамилъ ее,
И ризу шитую изнанкой
Надѣлъ со смѣхомъ на нее.
Теперь, какъ мусульманъ, ревниво
Я думу хороню отъ всѣхъ,
Чтобы толпою горделивой
Порой не подняли на смѣхъ
Моихъ святыхъ воспоминаній,
Моихъ надеждъ, забытыхъ сновъ,
Моихъ несбыточныхъ желаній,
Моихъ восторженныхъ стиховъ.
Въ угоду всѣмъ я надъ мечтами
Аршинный уровень провелъ,
И брежу прозой, не стихами,
И совѣсти моей укоръ
Глушу насмѣшкою разсудка,
И съ умниками согласясь
Я, надъ поэзіей смѣясь,
Твержу, что это точно шутка.
Но какъ болитъ душа моя,
Когда вечернею порою,
Дневной наскучивъ суетою,
Однимъ—одинъ останусь я
И у души моей пытаю
Про думу прежнюю. Тогда
Мое лицо я закрываю,
И чуть не плачу отъ стыда.
Тогда передъ самимъ собою
Стою, потупя долу взоръ,
И неподкупнымъ судіею
Пишу себѣ я приговоръ.
И мнится мнѣ, что дѣва рая—
Моя поэзія святая,—
Со гнѣвомъ отвращая взоръ,
Мнѣ шепчетъ тотъ-же приговоръ...

Сентября 20
1846 года.

М. Э. Ф . . . . .

На свѣтѣ разныя бываютъ превращенья!
Грибоѣдовъ.

Я видѣлъ васъ, когда еще вы въ первый разъ
Ступили робкою ногой на сцену свѣта:
Вы были хороши, и не отвелъ бы глазъ
Отъ васъ; какъ кстати шла къ вамъ откровенность эта:
Наивность милая, какой-то дѣтскій тонъ,
Прическа простая и безпредметность взора,
Неоконченность рѣчей, заученный поклонъ,
И благородная невычурность убора.
Я видѣлъ васъ, когда какъ ангелъ вы явясь
Въ храмъ Божій, тамъ между толпой стояли,
И скромно, какъ дитя, предъ Господомъ молясь,
Прекрасные глаза горѣ вы поднимали.
Какъ чудно хороши вы были въ этотъ часъ!
И я стоя въ углу церковнаго притвора
Съ моей подругой, ей показывалъ на васъ,
И были вы потомъ у насъ предметомъ спора,—
Но ангеломъ мы васъ назвали, согласясь.

Теперь... вы сдѣлались поклонницей паркета,
И васъ уже узнать нельзя: вашъ прежній взоръ
Почти совсѣмъ потухъ въ чаду, въ угарѣ свѣта,
И въ немъ читается нескромный приговоръ
Тому, кто подлѣ васъ любезностями дышетъ,
И рѣчь разумная пугливо васъ бѣжитъ,
И ухо ваше ужъ не оскорбляясь, слышитъ
Безсмысленный разсказъ привычныхъ волокитъ.
Какъ жаль мнѣ васъ, когда — прекрасное созданье!
Отъявленный танцоръ, въ прическѣ модный франтъ,
Васъ охвативъ, помчитъ на вольное страданье,
И броситъ васъ потомъ, какъ танецъ вашъ trembiente!

Гляжу тогда на васъ съ улыбкой сожалѣнья
И въ памяти моей минувшаго ищу,
И чую, какъ ползетъ мнѣ въ душу червь сомнѣнья,
И вѣрить прежнему я какъ-то не хочу.
Скипается тогда въ душѣ насмѣшка злая,
И ухожу отъ васъ досаду я скрывая.

8 ноября
1847 года.

ТАНЦОРУ.

Конечно, голова въ почтеньи меньше ногъ.
Дмитріевъ.

—

Я знаю, ты, mon cher, не слишкомъ богомоленъ,
И вѣрно ни съ одной молитвой не знакомъ;
Такъ вотъ молитва, ты хоть ею будь доволенъ
И вытвердивъ, читай передъ грядущимъ сномъ:
«Владыко Господи! твои щедроты многи!
Но для меня, молю, одно ты сохрани:
Мнѣ умъ не надобенъ, а были бъ только ноги,
Все прочее по мнѣ, хоть чортъ его возьми!»

7 декабря
1847 года.

ОДА.

Какъ обходительна, добра, мила, проста.
Грибоѣдовъ.

—

Живешь себѣ ты на здоровье,
Какъ бочка винная, толста,
На міръ не смотришь изъ-подлобья,
И твой кумиръ въ немъ—суета.
Послушна модѣ своенравной,
До сѣдины почтенныхъ лѣтъ
Ты одѣваешься нарядно
И носишь выписной корсетъ.
Страстишкамъ мелкимъ въ угожденье
Ты благодѣтельной слывешь,
И для души твоей спасенья
Оброкъ съ крестьянъ своихъ дерешь.
Не назовутъ тебя тиранкой
Въ глаза покорные льстецы,
Слывя примѣрной христіанкой,
Хоронишь въ воду ты концы.
Ты въ душу лѣзешь рѣчью сладкой,
Любезничаешь съ подлецомъ,
И ни открыто, ни украдкой
Не посмѣешься надъ глупцомъ.
Благоговѣю предъ тобою!
Ты жизнь чудесно поняла,
И мастерски передъ толпою
Рядишься въ добрыя дѣла.

27 мая
1845 года.

МАДРИГАЛЪ.

На четвертое мѣсто явилась очень скоро, трудно сказать утвердительно кто она такая, дама или дѣвица, родственница, или домоводка, или просто проживающая въ домѣ; что-то безъ чепца, около тридцати лѣтъ.
Гоголь.

—

О ты, которой не умѣю
Приличное названье дать
Передъ которою нѣмѣю,
Какъ передъ вахмистромъ солдатъ!
Межъ старыхъ дѣвъ ты чудо—юда,
Красой точь въ точь орангутангъ,
Ты ростомъ превзошла верблюда,
О величайшая въ женахъ!
Какъ длинный тополь, станъ твой гибкій,
И сзади, спереди ровна,
По образу людей ошибкой
Природой ты сотворена.
Когда вкругъ длинной твоей шеи
Вуаль вістся безъ концовъ,
Я зрю въ тебѣ подобье Феи
Которая не съ облаковъ,
А съ Лысой къ намъ горы слетаетъ
Верхомъ на ступѣ съ помеломъ
И праздную толпу пугаетъ
Своимъ Медузинымъ челомъ.
Но глазъ моихъ не отвожу я,
Когда ты польку или вальсъ,
Сажени мѣряешь, танцуя
И мечешь искрами изъ глазъ;
Когда ты высишься колоссомъ
Надъ кавалеромъ бѣднякомъ
Клюешь его въ затылокъ носомъ
И утираешь рукавомъ.
Есть слухъ, и я отъ сердца вѣрю,
Что справедливъ онъ, будто ты,
Взамѣнъ ничтожной красоты
Вдалась въ научную работу,
И что трудишься ты до поту,
Толкуя дома по складамъ
Шекспира для пріѣзжихъ дамъ,
Что ты умна, и что другихъ
Уму и разуму все учишь,
Что легкихъ не щадя своихъ

Всего Россиии ты мяучишь,
И съ дерзостью семинариста
Ревниво критикуешь Листа.
Я вѣрю, и душой моею
Почтительный скрывая страхъ,
Передъ тобой благоговѣю,
О величайшая въ женахъ!...

28 декабря
1846 года.

Элегія подъячаго.

O tempora! O mores!
.....us.

—

И скучно и грустно, и не съ кого взятки сорвать
Въ минуту карманной невзгоды!
Прижать? Но что пользы теперь прижимать?
Такіе проклятые годы!
Судить? Но кого же? Безъ взятки не стоитъ труда,
А взятки сорвать невозможно.
Заглянешь въ карманы? тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда;
И мало, и плохо, и все такъ ничтожно!
Что служба? ни больше, не меньше, какъ тяжкій недугъ
Досужаго прежде разсудка!
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ
Такая пустая и глупая шутка!

18 декабря
1848 года.

Подъячіе-разбойники.

Хибажь я дурень, шобъ самъ себе не пизпачъ?
Выраженіе оригинала.

—

Въ полученьи оплеухи
Росписался мой дуракъ.
Пушкинъ.

—

Подражаніе Пушкину.

Но стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей;
При блескѣ четырехъ свѣчей
Подъячихъ шайка собиралась.
Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племенъ, нарѣчій, состояній!
Отсюду, чуть не изъ темницъ
Въ суды стеклися для стяжаній.
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ—
Брать взятки именемъ закона,
Давить безденежныхъ въ конецъ
И быть богатыхъ обороной
Коварство, хитрость и обманъ—
Вотъ узы этого семейства!
Тотъ ихъ, кто туго свой карманъ
Успѣлъ набить отъ письмоводства,
Кто пишетъ хладною рукой
Неправедное: «приказали»,
Кому смѣшонъ сиротскій вой
И недоступны вдовъ печали;
Кто не прощаетъ, не щадитъ
Ни слезъ, ни горькаго рыданья,
Кого червонецъ веселитъ,
Какъ юношу любви свиданье!...

Затихло все; въ окно луна
Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ
И заграничнаго вина
Бутылка между ними ходитъ;
Повѣсивъ носъ, одни молчатъ,
Малюя по столу узоры,
И бездну думъ въ себѣ таятъ
Ихъ отуманенные взоры.
Другіе тихо межъ собой
О чемъ-то жарко разсуждаютъ,
И отрицательно главой
Не соглашаяся киваютъ.
Вдругъ смолкли всѣ; на этотъ разъ
Толпу подъячихъ занимаетъ
Чувенки стараго разсказъ,
И все вокругъ его внимаетъ.

«Оцежъ я вамъ поразскажу,
Да только чуръ сидѣть смирненько.
Я тридцать лѣтъ уже служу,
И къ статскому уже близенько.
А было время, что и я
Сносилъ и нужду и презрѣнье,
И часто мучило меня
Завистливое нетерпѣнье
Теперь, какъ видите, съ годами
Я до надворнаго дошелъ
И неусыпными трудами
Душъ триста слишкомъ пріобрѣлъ.
А въ ту пору ходилъ въ халатѣ
Демикатонномъ я на ватѣ;
Не осталось у сироты
Ни бѣдной хижины, ни поля;
Я былъ бѣднѣе чѣмъ—братъ ты,
Хорько землякъ: но эта доля—

Провалъ возьми ее совсѣмъ!—
Наскучила мнѣ не путемъ.
Раздумавъ этакъ самъ съ собою,
Съ своей разумной головою,
Рѣшилъ я путь другой найти
И дѣло иначе вести.
На той же оставаясь службѣ
Я лишь манеру измѣнилъ,
И ни родству, ни даже дружбѣ
Строки я даромъ не чертилъ.
И этакъ годикъ чрезъ пять
Я могъ уже понасчитать
Въ шкатулкѣ Божью благодать.

«Эхъ время, время золотое!
Житье въ то время было мнѣ,
Когда трудами нажитое
Считали мы наединѣ
Съ моею жинкою голубкой,
И сокращали въ поздній часъ
Благонамѣренный разсказъ
Благонамѣренною шуткой!...

«Отъ я же вамъ кажу, что точно
Присловье правду говоритъ,
Что будто иногда нарочно
На ловчаго и звѣрь бѣжитъ.
По Божьей милости, въ ту пору,
По якомусь-то заговору,
Взбѣсились сдуру поляки,—
А намъ то было и съ руки.
Они взмутили только воду,
И не спросившись, дурни броду,
Попались съ головой въ просакъ,
Да чортъ бери ихъ! Такъ не такъ,
А мы таки отъ этой штуки
Порядкомъ понагрѣли руки.
Тогда исправникомъ я былъ
И съ честью, вамъ скажу, служилъ,
Бывало только мѣсяцъ ясный
Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
Я выпивъ рюмку, прямо въ лѣсъ
Иду на промыселъ опасный.
Сижу подъ деревомъ и жду:
Идетъ ли позднею дорогой
Богатый жидъ иль попъ убогій,—
Я ни попу и ни жиду
Не разу даромъ не спускалъ,
А что нибудь да все сдиралъ.
Скажу: «Мятежникъ ты, каналья!
«Гдѣ пашпортъ твой? ну покажи!
«Что нѣту? Стало быть узналъ я!
«Ребята! взять его! вяжи!»

И въ очи напустивъ туману
Моимъ завистникамъ лихимъ,
Я воротился безъ изъяну
Къ женѣ и дѣточкамъ моимъ.
Тутъ цѣну деньгамъ я узналъ
И съ той поры считать началъ
Въ шкатулкѣ кованной моей
Десятки тысячей рублей.

«Но чтожъ? Попался наконецъ
И я во взяткахъ молодецъ
Не все мнѣ тысячи валили,
Не все мнѣ лошадей дарили,
Подъ часъ иной, боясь грѣха,
Я бралъ свинью и пѣтуха.
Но всѣмъ совѣтъ мой откровенный:
Когда ужъ брать, то непремѣнно
Брать надо много, чтобъ потомъ,
Передъ наряженнымъ лицомъ
На слѣдствіе стать бодро, смѣло,
И не болтать, а дѣлать дѣло.
Однажды дернулъ чортъ меня,
Бездѣйственностью истомя,
Въ знакъ благодарности сотъ пять
Отъ благодѣтелей принять.
Со стряпчимъ я не подѣлился,
Онъ на меня за то озлился,
Доносы, дурень, сталъ писать,
Грозя подъ судъ меня отдать.
И точно: скоро нарядили
Меня по законамъ судить,
И напередъ уже рѣшили,
Что мнѣ исправникомъ не быть.

Я самъ крѣпился, но жена,
Отчаяньемъ поражена
Отъ горя сильно захворала.
Она все плакала, рыдала
О томъ, что отъ моихъ трудовъ
Не будетъ видѣть ужъ плодовъ.
Томима тяжкою тоскою,
Въ забвеньи жаркой головою
Припавши къ моему плечу,
Она твердила повсечасно:
«Мнѣ скучно такъ! Я брать хочу!
Карпо, Карпо!» Но я напрасно,
(Хотя и самъ душой страдалъ),
Ее надеждой ободрялъ;
Она отчаяньемъ томилась
И очень больно въ рыло билась,
Бранила, на чемъ свѣтъ, меня,
Въ уѣздъ въ безпамятствѣ гоня.
И бѣгалъ я куда нибудь,
Чтобъ хоть минутку отдохнуть;
Такъ проводилъ я дни и ночи,
И сна мои не знали очи!

Но страшенъ бисъ, а все не такъ
Якъ маляры іого малюютъ;
Верты, круты и такъ и сякъ,
А вжожь не чорта зубы жують.
Оцежь къ тому я говорю,
Что взятки хоть не дашь царю,
А пословицы—дай Богъ здоровья!—
Беретъ таки, не дрогнувъ бровью.
Тожъ было и со мной въ тотъ разъ:
Тому, другому и тотчасъ
Насъ съ стряпчимъ, дурнемъ, помирили,
И милостиво присудили
Въ примѣрное намъ наказанье
Отеческое замѣчанье.
Но съ той поры уже меня
Нельзя поддѣть какъ дурака,
И на пять сотъ рублей моя
Не поднимается рука»...

Умолкъ и, табаку понюхавъ,
Чувенко въ горести поникъ,
Какъ будто безпокойныхъ слуховъ
Еще боялся мой старикъ.
Смѣясь, товарищи сказали:
«Чего ты? Полно, брось печали!
Такіе ль виды мы видали?
Да что о прошломъ вспоминать!
Кому-жь приходится сдавать?»
И всѣ усѣлися потомъ
Стола зеленаго кругомъ,
И соблазнительная повѣсть
Не потревожила ихъ совѣсть...

12 февраля
1848 года.

Баллада.

И подлинно, весь городъ знаетъ,
Что у него ни за собой,
Ни за женой;
А смотришь, по маленьку
То домикъ выстроитъ, то купитъ деревеньку

Крыловъ.

—

Подражаніе Жуковскому.

Разъ въ осенній вечерокъ
У судьи на дачѣ
Собиралося въ кружокъ
Нѣсколько подъячихъ.
Вздоръ мололи обо всемъ,

Спорили, шумѣли,
И за карточнымъ столомъ
Изъ рубля потѣли.
Въ чашу съ чайною водой
Лили ромъ непокупной,
Морсу подбавляли,
И острили не впопадъ
И судьѣ надъ чашей въ ладъ
Здравія желали.

Тоскло свѣтится луна
Въ сумракѣ тумана,
Чаши выпиты до дна,
Гости въ полупьяна.
— Что, почтеннѣйшій съ тобой?
Вымолви словечко!
Носъ повѣсилъ, самъ не свой, —
Аль болитъ сердечко?—
Такъ промолвилъ гость одинъ,
Краснопосый господинъ,
Толстому сосѣду:
Разскажи намъ, что съ тобой?
Безъ того, братъ, я домой
Право, не поѣду.—

«Диво-ль то, что я сижу
Словно гость незваный?
Я въ умѣ моемъ сужу,
Какъ насъ окаянный
Вводитъ—чтобъ ему пропасть!
Часто въ искушенье,
И готовитъ намъ напасть
Всѣмъ на удивленье.
Дѣло, видите ли въ томъ,
Что стараньемъ и трудомъ
Вашъ слуга нижайшій
Деньгу зашибить умѣлъ
И кое-что пріобрѣлъ
Для дѣтей дражайшихъ.

За женой укрѣплено
Чисто все и гладко:
Но судьбой не суждено
Засыпать мнѣ сладко.
Онамедни я сидѣлъ
Съ милою женою,
И забавиться хотѣлъ
Чашей пуншевою.
Вдругъ—откуда ни возьмись
Въ дверь нечаянно ввались
Младшій регистраторъ;
Онъ изволилъ мнѣ сказать,
Что велѣлъ меня позвать—
Кто же? Губернаторъ!

Сердце ёкнуло во мнѣ
Будто предъ бѣдою;
Я подать велѣлъ женѣ
Рюмочку настою.
Выпилъ—и пріободрясь,
На одной лошадкѣ
Покатилъ въ такую грязь
Просто безъ оглядки.
Застегнувши вицъ-мундиръ,
На прилавкѣ положилъ
Шляпу я въ прихожей,
И поправивши хохолъ,
Я къ начальнику вошелъ
Съ жалобною рожей.

Тутъ такую я узналъ
Страховину, братцы,
Что не чаялъ, не гадалъ
И живымъ остаться!
Подъ секретомъ-вишь спросить
Велѣно: откуда
Я деревню могъ нажить,
И какимъ вишь чудомъ?
Чтожъ сказать мнѣ? За женой
Капиталъ я взялъ большой?
Это вѣдь пустое!
Кто не знаетъ, что моя
Теща просто попадья,
А не что иное?
Иль сказать, что издавна
Много денегъ было,
Что отцовская казна
Въ томъ мнѣ пособила?
Но соврать бы не бѣда,—
Жаль, что не повѣрятъ:
Нынче эти господа,
Ужъ не лицемѣрятъ;
Карпа Павломъ не зовутъ,
А всему вишь придаютъ
Точное названье,
Все по пальцамъ разведутъ
А солги—тотчасъ возьмутъ
Васъ на замѣчанье.
Чтожъ? спросилъ онъ; я молчалъ,
Хоть бы тебѣ слово.
Жаль, изволилъ онъ сказать,—
Жаль мнѣ васъ, любезный!
И тотчасъ изволилъ дать
Мнѣ совѣтъ полезный.
Отъ души благодаря,
Тотъ совѣтъ исполнилъ я,
Словно отписался!
Но все чудится порой,

Что съ деревнею моей
Чорту я попался.

Такъ и жду, того гляди,
Кто нибудь нагрянетъ,
И развѣдавъ впереди,
Мнѣ въ зады заглянетъ».—

— Полно братецъ, пустяки,—
Тутъ бѣды немного!
Если съѣхало съ руки—
Благодари Бога.
Вотъ послужишь годъ—другой,
А потомъ и на покой
Маршъ себѣ въ отставку!
Безпорочную пришьешь
И Владиміра возьмешь
Ты себѣ въ прибавку...

5 іюля
1848 года.

Новый Ермакъ.

О чинъ ассессора, толико вожделѣнный!
Нахимовъ.

—

То сей, то оный на бокъ гнется.
Дмитріевъ.

Подражаніе Дмитріеву.

Какое зрѣлище предъ очи
Вчера представилося мнѣ!
Подъ слякотью осенней ночи
И при осморкапной лунѣ,
Въ табачныхъ облакахъ кругомъ
Сидѣли двое за столомъ.
Одинъ изъ нихъ былъ молодой
Уродъ горбатый и кривой.
Но сзади, спереди и въ профиль
Казалось, выразился въ немъ,
Какъ бы въ подобіи своемъ
Самъ Асмодей иль Мефистофель.
Іуды древняго наперстникъ,
Мошенниковъ камрадъ и сверстникъ,
Онъ праотца перщеголялъ,
И если тотъ за тридцать злотыхъ
Спасителя продалъ съ охотой,
То онъ всю Троицу бы продалъ...
Другой же былъ почтенныхъ лѣтъ,
Румянъ и толстъ, еще не сѣдъ.
Онъ сохранилъ свое здоровье,
И видно было по всему,
Что безпокоившему сну
Не уступалъ онъ изголовья,
Что крѣпко спалъ онъ, славно ѣлъ,
И въ тишинѣ благоговѣйной
Дѣлить онъ вовсе не хотѣлъ
Волненья мысли современной.

За часомъ часъ другой летитъ,
А собесѣдники ни слова,
Лишь дымъ изъ трубокъ ихъ валитъ,
Да стынетъ пуншъ совсѣмъ готовый.
Но вдругъ, какъ будто согласясь,
Они въ одинъ вздохнули разъ,
Другъ съ дружкою переглянулись,
Печально какъ-то улыбнулись,
И рѣчь такую повели:

Второй.

Плохіе годы, другъ, пришли!
О горе намъ!

Первый.

О горе намъ!
О страшная для насъ невзгода!

Второй.

Дождались тяжкаго мы года!
Нѣтъ почтенія чинамъ!
Надворные теперь въ отставкѣ,
Коллежскіе безъ дѣла спятъ,
И на писца простаго лавкѣ
Ужъ титулярные сидятъ.
Вездѣ ученость, а не опытъ,
Да толки молодыхъ головъ,
И презираютъ правый ропотъ
Уже заслуженныхъ дѣльцовъ.

Первый.

Суютъ подъ носъ тебѣ дипломы,
И насмѣхаются въ глаза,
Читаютъ наизусть всѣ томы
Законовъ Свода, и аза,
Твердятъ, что будто мы не знаемъ,
И что лишь ощупью плутаемъ
Мы въ этомъ лабиринтѣ...

Второй.

Горе намъ!
Ужель угодно небесамъ,
Ѳемиды старый чтобъ служитель
Былъ посторонній только зритель
Такихъ насмѣшекъ, униженья,
Такого горькаго паденья
Благонамѣренныхъ дѣльцовъ
Передъ толпою гордецовъ?

Первый.

И отъ кого-жь, о боги, пали?...

Второй.

Отъ Пискаря!... Холера, гладъ!
По что его вы не пожрали,
И къ чорту не послали въ адъ!
Ахъ, лучше-бъ трусъ, потопъ иль громъ
Всемощные на насъ наслали,
Чѣмъ быть попраннымъ Пискаремъ!...

Первый.

Бичемъ и ужасомъ природы!...
Волынски горы, холмы, воды!
Кляните вы его всякъ часъ!
Онъ вѣчный срамъ простеръ на васъ!

Второй.

Онъ шелъ, какъ столпъ, огнемъ палящій,
Какъ лютый мразъ, все вокругъ мертвящій.
Куда протестъ ни посылалъ.
Повсюду плохо было дѣло,
И за ухомъ у насъ скребѣло.

Первый.

И самъ Мужланъ предъ нимъ упалъ...

Второй.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мужланъ-Хапуги—
Сибирскихъ странъ богатыря.
Изчисливъ всѣ свои заслуги
И вячшимъ жаромъ возгоря,
Извлекъ перо онъ смертоносно,
И такъ противнику сказалъ:
«Ты обижаешь насъ, несносный!
Клади на столъ Законовъ Сводъ!
Пиши;—посмотримъ, чья возьметъ!»—
И вмигъ на Пискаря напалъ.
Ужасный видъ! Они сразились:
Всѣ ночи напролетъ крехтятъ,
Лишь брызги съ перьевъ ихъ летятъ,
И перья скоро притупились.
И наконецъ между собой
Они въ словесный стали бой.
Отъ крика ихъ собаки воютъ,
Они другъ другу яму роютъ;
Уже съ нихъ сыплетъ потъ какъ градъ,
Уже у рта ихъ пѣна бьется,
И зубы обоихъ трещатъ;
То сей, то оный на бокъ гнется,
Крутятся,—и Пискарь сломилъ—
Мужланъ-Хапула уступилъ.
Едва собравъ свои пожитки
Онъ со стыдомъ направилъ лытки
Отсюда что-то далеко.

Первый.

Его паденье глубоко!...
Но чтожъ! Уже ли стонъ сердечный
Насъ бѣдныхъ будетъ...

Второй.

Вѣчный, вѣчный!...
Послушай, другъ, вчера я съ горя
Немножко порѣшилъ хлебнуть,
И съ хмѣлемъ въ головѣ не споря
Маленько легъ себѣ соснуть.
Вдругъ вижу сонъ: передо мной
Предсталъ, какъ листъ передъ травой,
Покойный прокуроръ Тряпица
(Онъ былъ умнѣйшая, братъ, птица!)
И вѣришь-ли? какой позоръ!
Онъ заклейменъ былъ словомъ: воръ.
На шеѣ цѣпь, а на ногахъ
Такіе кандалы, что страхъ.
—Дементій Климовичъ! что съ вами?
Вскричалъ я съ горькими слезами.
Тогда онъ руку протянулъ
И тяжко, бѣдненькій, вздохнулъ.
«Увы! сказалъ онъ—не настанетъ
Дней прежнихъ свѣтлая заря!
Какъ Божій судъ, на васъ нагрянетъ
Велѣнье Бѣлаго Царя,
Да правда съ миромъ водворятся,
И съ корнемъ взятки истребятся
Изъ всѣхъ Судовъ Руси святой;
А для такихъ, какъ мы съ тобой,
Сибирь готова». Онъ умолкъ,
И раскаленными щипцами
Чортъ съ позлащенными рогами
Его мгновенно уволокъ.

Первый.

О горе намъ! О горе намъ!
Чѣмъ мы противны небесамъ?

И тяжкимъ вздохомъ порѣшили
Они тревожный разговоръ!
Но черезъ часъ уже вершили
Вдвоемъ безчестный приговоръ.

16 Октября

1848 года.

Молитва.

Господи! Избави мя отъ человѣкъ нѣкоторыхъ...

Молитва на сонъ грядущій.

—

Спаситель мой! Еще одно моленье:
Когда назначено мнѣ Провидѣньемъ
Имѣть межъ блаженными себѣ врага,
То сохрани меня отъ поляка
И двоедушнаго хохла.

Пусть врагъ мой станетъ прямо предомною
И громко вызоветъ меня онъ къ бою,
И схватимся мы съ нимъ на чистоту,
И мѣткую стрѣлу я на-лету
Отброшу далеко со зла.

Пусть мы помѣряемъ открыто наши силы,
Грудь съ грудью прямо и плечомъ къ плечу.
И гордо стоя на краю могилы,
Повѣримъ жизнь незлобному мечу,
И разомъ злобу кончимъ мы.

Не страшенъ мнѣ такой противникъ гордый,
Въ немъ виденъ человѣкъ съ душою твердой!
Но я боюсь измѣнника ляха,
Какъ смертнаго, проклятаго грѣха,
Какъ язвы лютой, какъ чумы.
Онъ продастъ Іудинымъ лобзаньемъ,
У ногъ ползетъ презрѣннѣйшимъ созданьемъ
И лижетъ прахъ ногъ вашихъ языкомъ,
Слѣды подлецъ цѣлуетъ, а потомъ
Онъ уязвитъ васъ безъ стыда.

Не лучше и клеветъ его—Мазепа;
Не вѣрю никогда ему я слѣпо!...
Стремясь къ далекой цѣли впереди
Онъ все съ усмѣшкой бросить позади,
Ища для мести лишь слѣда.

Съ улыбкой мягкой руку онъ протянетъ,
Шутя врага онъ москалемъ зоветъ,
Отдастъ кожухъ, на армякѣ обманетъ,
И васъ же наконецъ онъ осмѣетъ,
Дрожа предательски со зла.
Создатель мой! Внемли жъ мое моленье:
Когда назначено мнѣ Провидѣньемъ
Имѣть межъ блаженными себѣ врага,
То сохрани меня отъ поляка
И двоедушнаго хохла!...

17 Сентября
1848 года.

Ѳ. И. Сарочинскому.

Парень на богату руку, отъ тысячи душъ.

Его самого.

—

Прекрасное ты повезешь
Съ собой отсюда воспоминанье,
И варварами назовешь
Ты тѣхъ, которымъ Провидѣнье,
Всѣмъ ожиданіямъ на смѣхъ,
Назначило тебя за грѣхъ
Пріятелями называть
И дружелюбно ихъ ласкать.
Пожалуйста, братъ, исключи
Меня изъ этого разряда.
Средь бѣла дня, среди ночи
Душа всегда бывала рада
Когда ты въ шапкѣ на бекрень
По городу таская лѣнь,
Ко мнѣ усталый забредешь
И «скучно матушка»—поешь;
Или продажнымъ наслажденьемъ
Пресытясь вдоволь, съ отвращеньемъ
Ты отъ прелестницы бѣжишь,
И заслуженную коришь...
Съ тобой, мой бравый запѣвало
Ей-Богу, весело бывало!
Да чортъ тебя теперь возьми!
Не мой теперь ты! Прежни дни
Я буду только вспоминать,
Но всетаки тебя ругать
За то, что ты, злодѣй, меня
Заставилъ полюбить тебя,
И разставаяся съ тобою—
Что съ забубенной головою—
Къ итогу всѣхъ моихъ потерь
Еще одну придать теперь.

26 августа
1848 года.

Примѣты.

Старайся наблюдать различныя примѣты.

Пушкинъ.

—

Хоть я не суевѣръ,
Но вѣрю отъ души кое-какимъ примѣтамъ.
Вотъ если напримѣръ,
Дѣвица чопорно глядитъ такимъ поэтомъ
И часто говоритъ
Про пустоту любви и про мужчинъ невѣрность,
И гнѣвясь твердитъ,
Что жизнь замужняя ужаснѣйшая скверность:
То я хоть присягну,

Что тутъ немножко пуфъ и вижу я не ложно
Мысль главную одну:
Авось-ли какъ нибудь и будетъ-дескать можно
Напасть на молодца,
Который бы за честь супружество ревнуя,
До брачнаго вѣнца
При помощи любви и силѣ поцалуя
Дѣвицу помирилъ
Съ невѣрностью мужчинъ, со всѣми ихъ грѣхами,
И чтобы одарилъ
Сердитую на всѣхъ супружними правами.
Еще примѣта есть:
Когда дѣвица всѣхъ язвитъ, пересужаетъ,
И рада сплетни плесть:
Тогда невольно мнѣ мысль въ душу западаетъ,
Что бѣдная увы!—
Съ мечтой желанною о бракѣ распростилась,
И съ ногъ до головы
По ней заразою желчь дѣвичья разлилась...
Тогда и я боюсь
Такой красавицы, сердитой забіяки,
И дальше хоронюсь
Какъ отъ чумы, или отъ бѣшенной собаки.

11 августа
1845 года.

Сдѣлка съ Амуромъ и Гименеемъ.

Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаетъ
И самъ счастливца провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ.

Пушкинъ.

—

Амуру шалуну степенный Гименей
Открыто предпочтенъ отъ ней.
— За чтожъ разгнѣвалась она такъ на Амура?—
За то, что стрѣлы всѣ изъ тула
Которыми для ней онъ въ свѣтѣ дичь стрѣлялъ,
Шутя, безъ толку разбросалъ.
— Такъ стало-быть они поссорились ужъ вѣчно?—
Зачѣмъ же такъ безчеловѣчно?
Помирятся они: тутъ только Гименей
Постелетъ брачный одръ для ней;
А тамъ сама она тайкомъ его попроситъ
Свой факелъ для Амура бросить,
И на извѣстную, условленную ночь
Подальше убираться прочь.

2 іюля
1845 года.

Прелестница.

Нѣтъ, падшей женщинѣ не расточай ругательствъ!
Кто вѣдаетъ весь грузъ житейскихъ обстоятельствъ?
Кто вѣдаетъ число ея голодныхъ дней?

Бенедиктовъ.

—

Поднявшись съ ложа сладострастья,
Задумчиво склонясь главой,
Она сидѣла, безъ участья
Внимала болтовнѣ пустой.
Слезой ея налились очи
И на устахъ бродилъ укоръ
На незакрытый мракомъ мочи
Понятный для нея позоръ.
И тяжкимъ вздохомъ волновалась
Нецѣломудренная грудь,
И отъ стыда она боялась
На развратителя взглянуть.
А онъ на столъ предъ ней уплату
Безстыдно улыбаясь клалъ
И чести горькую утрату
Ничтожной данью окупалъ...
Задумчиво она взглянула
На злато, брошенное ей
И тяжко, тяжко воздохнула
Прозрѣнья чая отъ людей.

26 іюля
1845 года.

Мои враги.

Бѣды отъ разбойникъ, бѣды отъ сродникъ..

Св. апостолъ Павелъ.

—

Спаси меня Господь отъ неучей болвановъ,
Отъ блохъ и отъ хлоповъ, отъ черныхъ таракановъ,
Отъ русской мостовой, отъ тяжбы, отъ судей,
Отъ крысъ и отъ мышей, отъ нынѣшнихъ друзей,
Отъ глада, отъ чумы, отъ кредиторовъ злыхъ,
А болѣе всего... отъ скопища родныхъ!...

6 октября
1845 года.

Эпиграмма.

Отъ корня добраго гнилой сучекъ, негодный.
Воейковъ.

—

Смиренно проповѣдуешь ты намъ,
Что всѣ равны—рабы, вельможи, князи
Сотворены изъ права или грязи;
И грѣхъ не вѣрить намъ твоимъ словамъ.
Ты это ясно доказалъ вчерась,
Когда забывъ достоинство вельможи,
Ты мыслями, поступками и съ рожи
Былъ самая дѣйствительнѣйшая грязь.

15 августа
1845 года.

ПРОЩАНІЕ.

Ты разскажи всю правду ей,
Пустаго сердца не жалѣй;
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего не значитъ.
Лермонтовъ.

—

Прощай! давно уже изъ сердца вонъ
И память о тебѣ прогналъ я,
Давно уже насмѣшливый поклонъ
Былому глупому отдалъ я.

Прощай; не трать своихъ напрасное слезъ
И предъ людьми не лицемѣрь;
Твоихъ безумныхъ жалкихъ грезъ
Не пожалѣю я теперь.

Не помяну тебя въ моей молитвѣ,
Забуду имя я твое
И обреку тебя къ тяжелой битвѣ
Съ людьми на жалкое житье.

И въ лучшія минуты привидѣньемъ
Къ тебѣ я грознымъ прилечу,
И надъ твоимъ убійственнымъ мученьемъ
Я, какъ палачъ, захохочу.

И жизнь твою я кистью животворной
Средь соблазнительныхъ потѣхъ
Толпѣ повѣсъ кощунственной и вздорной
Зло нарисую на посмѣхъ.

И пальцемъ на тебя толпа укажетъ
И клеветой тебя убьетъ
И праведнымъ презрѣніемъ накажетъ
И думы твои осмѣетъ.

А было время: я моей душою
Тебѣ такъ страстно преданъ былъ,
И путеводною моей звѣздою
Тебя все называть любилъ.

Прошло все! давнюю мою мечту
Въ тебѣ теперь не узнаю.
Торговка ты! за злато, суету
Ты душу продала мою!

Попробуй же теперь сыскать другую
Такую жъ душу, какъ моя;
И если ты найдешь,—не поревную,
Но злобно осмѣю себя.

Да, осмѣю; за то, что горделиво
Я мнилъ тобой любимымъ быть,
За то, что глупо такъ и прихотливо
Клялся тебя всегда любить!

Прощай! Живи теперь, несчастное созданье
Съ твоимъ избраннымъ торгашемъ;
Цалуй его Іудинымъ лобзаньемъ,
И думай тайно о другомъ!

20 іюля
1846 года.

Исповѣдь.

И межъ дѣтей ничтожныхъ свѣта
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ.
Пушкинъ.

—

Я не легко читаемая книга,
Не вдругъ поймете вы меня:
Души моей томительнаго ига
Не покажу вамъ скоро я.

Не дамъ кощунственному посмѣянью
Моихъ завѣтныхъ, тайныхъ думъ,
И мной перенспытанныхъ страданій
Не выскажу я на обумъ.

Я между васъ давно прослылъ повѣсой,—
И цѣль достигнута моя—
Непроницаемой для васъ завѣсой
Закрылся значитъ ловко я.

Расторгнувъ обветшалыя условья,
Которыми сковались вы,
Для вашихъ жалкихъ сплетней, пустословья.
Неумолкающей молвы
Я открываю вамъ одну изнанку
Поступковъ и рѣчей моихъ,
И думу—вѣчную мою тиранку
Хитро запутываю въ нихъ.

Я знаю близорукія сужденья,
Отзывы ваши обо мнѣ:
Не больно мнѣ отъ нихъ; съ привочной лѣнью
Я имъ смѣюсь наединѣ.
Досадно только мнѣ, когда порою

Душа въ блаженномъ забытьи
Безъ спроса выскажетъ передъ толпою
Завѣтныя мечты свои.
Какъ пойманный съ поличнымъ, я краснѣю,
И чувствую себя въ жару,
Начатой рѣчи кончить не умѣю,
И къ мыслямъ словъ не приберу.

Тогда застигнуты недоумѣньемъ,
Судьи-цѣнители мои
Не вѣдаютъ, какъ помирить всѣ мнѣнья,
Всѣ отзывы о мнѣ свои.

Коварно пользуясь такимъ мгновеньемъ,
Я душу шуткой хороню,
И забавляясь ихъ недоумѣньемъ,
Я самъ надъ ними же труню.

259. Сборникъ стихотвореній XIX вѣка: „Новѣйшія стихотворенія и пѣсни, 1865 года"; въ четвертку, на 20 листахъ, писанъ мелкою скорописью.

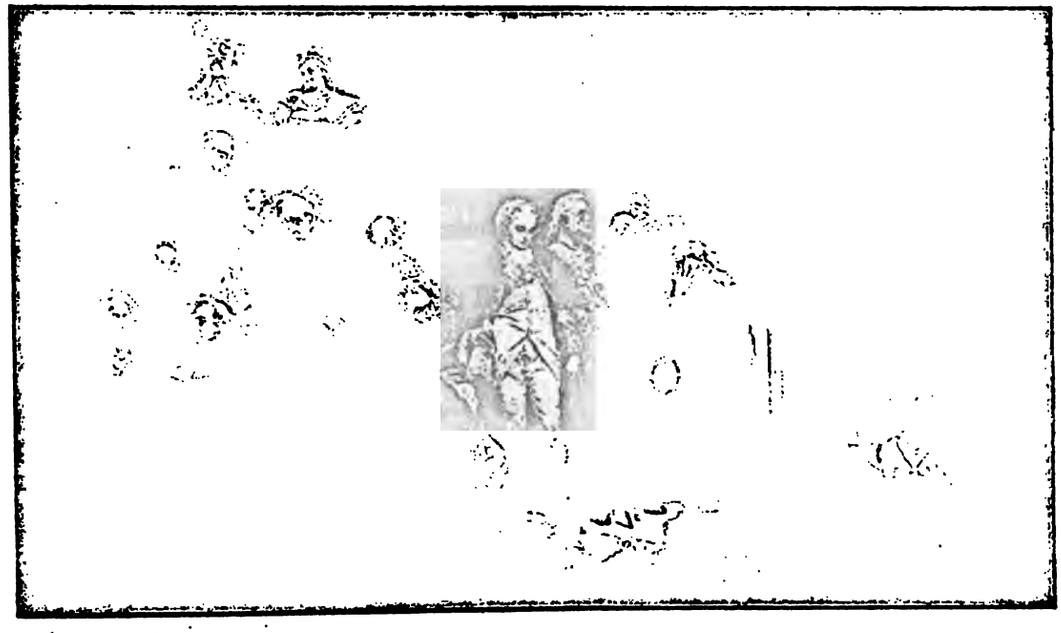
260. Сила солому ломитъ.—Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе С. В. Дьяченко, собственноручно писана авторомъ.– Въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Рукопись куплена мною за 3 рубля.

261. Современное состояніе вопроса объ образованіи въ Швеціи.— Статья Н. Куликова, писана скорописью на 30 листахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Рукопись пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ Трусова, въ Спб.

262. Современно ли, при настоящемъ финансовомъ положеніи Россіи разрѣшать заключеніе сдѣлокъ на звонкую монету. — Докладъ Н. Х. Весселя Комитету общества для содѣйствія



Сеймъ въ Варшавѣ въ 1773 г.

Рисунокъ польскаго художника Я. Матейко.

русской промышленности и торговли. Въ листъ на 25 страницахъ.

263. **Сборникъ первой четверти XIX вѣка**, составленный изъ отдѣльныхъ рукописныхъ листовъ.—Въ листъ 120 страницъ. На 1 листѣ «Сборника» собственноручная помѣта «П. Устиновъ».

Въ „Сборникѣ„ помѣщены слѣдующія стихотворенія:

1. Сиротинка. Соч. Н. Х.
2. Локонъ. Соч. Х. Х.
3. Его мнѣ жаль. Соч. Н. Ф.
4. Красавицѣ. Соч. Н. П.
5. Конь. Соч. Н. Устинова.
6. Ночной смотръ Соч. Н. У.
7. Пѣсня русская. Посвященіе К. В. Н. Г—ой. Соч. Шаликова.
8. Что въ имени тебѣ моемъ. Соч. А. Пушкина.
9. Въ альбомъ. Соч. Пушкина.
10. Дружба. Соч. Пушкина.
11. Зимняя дорога. Соч. Пушкина.
12. Друзьямъ.
13. Старикъ (изъ Марата). Соч. Пушкина.
14. Къ Морфею. Соч. В. Пушкина.
15. Змѣя ужалила Маркела... Соч. В. Пушкина.
16. Эпиграмма. В. Пушкина.
17. Кенотафія и мысль. Соч. В. К—въ.
18. Эпитафія. Соч. Измаилова.
19. Догадки. Соч. П. Н—въ.
20. Спорщикъ. Карамзина.
21. Романсъ. Соч. Карлгофъ.
22. Надпись. Соч. Дмитріева.
23. Романсъ. Соч. В. Ш—скій.
24. Тройка. Ѳ. Глинки.
25. Къ юношамъ. Соч. Бланкъ.
26. Надпись къ портрету. Соч. Дмитріева.
27. Эпитафія. Соч. М. Я.
28 Безполезная скромность. Жуковскаго.
29. Анеологическій отрывокъ. Соч. Карамзина.
30. Къ ней. Соч. В. Туманскаго.
31. Любезной въ день рожденія. Соч. Карамзина.
32. Кн. Н. Ю. С—ой, въ день ея рожденія. Соч. К.
33. Бываетъ время. Соч. Дмитріева.
34. Ожиданіе. Соч. Барятинскаго.
35. Мадригалъ. Соч. Имичевой.
36. Портретъ. Соч. кн. Д. Горчакова.
37. Альбомъ Н. Н.—Соч. Т.
38. Женихъ—мертвецъ. Баллада. Соч. Н. В.
39. Фантазія. Соч. Минаева.
40. Въ альбомъ Л. А. Якубовичу Соч. Илличевскаго.
41. Сердце. Соч. Губера.
42. Разлюби меня. Соч. Полежаева.
43. Всадникъ. Соч. А. Комарова.
44. Улина и его дочь. Соч. Жуковскаго.
45. Кто онъ. Соч. Майкова.
46. Пѣснь Вероника (изъ Уголино). Соч. Полеваго.
47. Ревность. Соч. Губерта.
48 Русская баня. Соч. Третьякова.
49. Часы. Соч. Мятлева.
50. Франтъ и парикмахеръ. Соч. Ольхина.
51. Слезы. Соч. П. Ершова.
52. Святая русь. Соч. К. Вяземскаго.
53. Москва. Соч. Глинки.
54. Сербская элегія. Соч. К.
55. Не плачь, мой другъ... Соч. Коровкина.
56. Уралъ и Кавказъ. Соч. Якубовича.
57. Эмблема. Эротическая картинка „Любовь намъ даетъ сердце". Соч. Корсакова.
58. Стоны сердца. Соч. А. Ѳ.
59. Пѣснь про великаго царя. Соч. Ѳ. Кони.
60. Въ альбомъ Якубовичу. Соч. Илличевскаго.

61. На смерть М. Ю. Лермонтова. Соч. Бунча. Вологда. 1841 года.

62. Людской судъ. Соч. Сушкова.

63. Уллинъ и его дочь. Соч. Жуковскаго.

64. Постояльцы.

Вы снимайте запоръ, отворяйте намъ дворъ.

Мы пришли къ вамъ семьей, постояльцы. – Соч Глинки.

65. Побѣда Вакха. Соч. Сорокина.

66. Прологъ. Соч. А. Пушкина.

67. Скучно и грустно. Соч. Лермонтова.

68. Завѣщаніе. Соч. Лермонтова.

69. Сосѣдъ. Соч. Лермонтова.

70. Ребенку. Соч. Лермонтова.

71. Воздушный корабль. Соч. Лермонтова.

72. Жена, дѣйствительно какъ древо. Соч. Н. Н.

73. Къ ней. Соч. Нахимова.

74. XIX. Октябрь. Кукольника.

75. Севастьянычъ, Богъ съ тобой,
Ну, тряхнемъ, родимый!

* * *

Полно, полно, голова!
Ноги чуть ужъ носятъ...
Знать прошли тѣ времена,
Кости гроба просятъ.

* * *

Посмотри, каковъ сталъ свѣтъ—
И подумать страшно!
Бѣднымъ-людямъ мѣста нѣтъ,
Честному опасно!

* * *

То и слышно: грабежи,
Войны да заразы,
Да конскіе падежи,
Язвы да проказы.

* * *

Всякой выше головой,
Всякой хочетъ править.
Эхъ, родимый, намъ съ тобой
Свѣта не исправить!

* * *

Пусть Господь на небесахъ
Бдитъ надъ свѣтомъ нашимъ;
Мы жъ, рожденные въ грѣхахъ,
Выпьемъ, да попляшемъ.

Соч. Тимофѣева.

76. Честь. Соч. Писарева.

77. Ревнивый. Соч. Козлова.

78. Совѣтъ друга. Соч. Глѣбова.

79. Къ невѣрной. Соч. Григорова.

80. Признаніе. Соч. Сомова.

81. Къ Лизѣ. Соч. Сумарокова.

82. Ея глаза. Соч. Аладьина.

83. Разсудокъ и страсть.— Ѳедорова.

84. При посылкѣ ей цвѣтовъ. – Ободовскаго.

85. Убійца Баллада. Соч. Н.

86. Гусаръ. Соч. Пушкина.

87. Эпиграммы. Соч. Вяземскаго.

88. Эпиграммы. Соч. Измаилова.

89. Эпиграммы. Соч. Батюшкова.

90. Эпитафія младенцу. Шаховскаго.

91. На смерть поэта.—Лермонтова.

92. Дивный сонъ. Соч. Н въ, и др.

Рукопись куплена мною въ Спб.

264. **Сборникъ разныхъ русскихъ пѣсенъ.**

Писанъ разными почерками въ XVIII столѣтіи. Въ 8 д. л. 80 стр.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе объ этомъ любопытномъ сборникѣ, прилагаю здѣсь выписку изъ послѣдняго.

1.

Я люблю тебя и стражду,
Но отрады не сыщу;
Зрѣть тебя всегда я жажду,
И очей не насыщу.

Быть хочу всегда съ тобою,
И съ тобой всегда вѣщать,
Наслаждаться красотою,
И словамъ твоимъ внимать.

Жизнь съ тобою провождати,
Нѣтъ успѣхи мнѣ иной;
И тебѣ немилымъ стати,
Нѣтъ мнѣ горести другой.

Все съ тобою мнѣ пріятно,
И зла мука не тяжка;
Безъ тебя же все превратно,
И утѣха не сладка.

Ты мнѣ радость усугубишь,
Коль пріязнію почтишь;
А со всѣмъ меня погубишь,
Коль недружбой огорчишь.

2.

Кто могъ любить такъ страстно,
Какъ я любилъ тебя?
Но я вздыхалъ напрасно,
Томилъ, крутилъ себя!

Любилъ, не бывъ любимымъ,
Къ нещастью моему...
Увы! насильно милымъ
Не будешь никому.

Не знатенъ я, не славенъ,
За что меня любить?
Не веселъ, не забавенъ,
Могу-ль кого прельстить?

Простое сердце, чувство
Для свѣта ничего;
Тамъ надобно искуство—
А я не зналъ его!

Искуство величаться,
Искуство ловкимъ быть,
Умнѣе всѣхъ казаться,
Пріятно говорить.

Не зналъ—и ослѣпленный
Любовію своей,
Мечталъ я дерзновенный
О нѣжности твоей!

Я плакалъ—ты смѣялась,
Шутила надо мной;
Моею забавлялась
Сердечною тоской!—

Надежды лучъ блѣднѣетъ
Теперь въ душѣ моей...
Уже другой владѣетъ
На вѣкъ рукой твоей!...

Будь счастлива, покойна,
Сердечно весела,
Судьбой всегда довольна,
Супругу въ вѣкъ мила!

Во тьмѣ лѣсовъ дремучихъ
Я буду жизнь вести;
Лить токи слезъ горючихъ,
Желать конца—прости!

3.

Слушай, радость! одно слово:
Гдѣ ты свѣтикъ мой живешь?
Тамъ ли, гдѣ свѣтелка нова?
Скажи, какъ мой свѣтъ слывешь?
Какъ отца и мать зовутъ?
Разскажи все, не забудь.
Что спѣшишь теперь домой?
Ахъ! послушай, ахъ! постой, постой.

Полно, полно, балагуръ!
Мнѣ пора итти домой,
Мнѣ загнать гусей и куръ,
Чтобъ не быть битой самой.
Тебѣ смѣхи вѣдь одни;
Не подставишь ты спины;
Поди, поди, не шути,
Добра ночь тебѣ, прости, прости.

Ты не думай, дорогая!
Чтобы я тобой шутилъ;
Для тебя, моя милая!
Весь я духъ мой возмутилъ;
Какъ узрѣлъ красу твою;
Позабылъ я честь свою.
Что спѣшишь теперь домой?
Ахъ! послушай, ахъ! постой, постой.

Господинъ ты мой изрядной!
Какъ ты можешь говорить
Со мной дѣвкой неученой?
Я не знаю въ свѣтѣ жить;
А совѣтую тебѣ
Любить равную себѣ.
Поди, поди, не шути,
Добра ночь тебѣ, прости, прости.

Ахъ! свирѣпа, умилися,
Не предай меня въ тоску;
Я тобою заразился;
Не хочу слышать про ту.
Непритворну красоту,
Люблю милу простоту.

Что спѣшишь теперь домой?
Ахъ! послушай, ахъ! постой, постой.

Отпусти меня, пожалуй,
Мнѣ съ тобой не сговорить;
Мнѣ досугъ еще немалой,
Семь коровъ пора доить,
Пахтать масло, хлѣбы печь,
Щи варить капусту сѣчь.
Поди, поди, не шути,
Добра ночь тебѣ, прости, прости.

Поди, поди, дорогая!
Нѣтъ, постой! хоть поцѣлуй;
Будетъ радость пребольшая;
Если тѣмъ мы наградишь.—
Ну теперь я одолженъ,
Что такъ щедро награжденъ.
Поди, радость! здраво спи,
Добра ночь тебѣ, прости, прости.

Ахъ! кабы нашъ Ванька видѣлъ,
Что теперь ты учинилъ;
Онъ бы такъ то тебя выбилъ,
Что впередъ бы позабылъ,
Нашихъ дѣвокъ цѣловать,
И такъ долго имъ болтать.
Убирайся, не шути,
Поди, бѣшеной! прости, прости.

4.

Уговоръ мы положили,
Съ милой видѣться въ саду
И прощанье заключили,
Чтобъ сходиться на пруду.

Тихо ночка наступала,
Солнце скрылось отъ очей,
Лишь заря еще сверкала
Черезъ горы и ручей.

Я спѣшу, лечу къ свиданью
И драгую нахожу;
Чтожъ помѣхою желанью?
Ничево—я съ ней сижу.—

Нѣжны страстны разговоры
Унесла къ себѣ любовь,
И оставила лишь взоры
И кипящую въ насъ кровь.

Уста наши не словами
Изъясняли страсть свою,
И не слезными струями
Омывалъ я грудь мою.

Нѣтъ! драгая не хотѣла
Чтобъ грустя намъ воздыхать,
И меня она жалѣла,
Льзяль взаимности страдать?

Мы часъ отъ часу вольнѣе
Въ темнотѣ стали играть;
Стали другъ другу милѣе,
Чтожъ еще мнѣ вамъ сказать?

5.

Деревенское житье,
Щастье непорочно;
Упражненіе мое
Мнѣ съ друзьями прочно.

Время съ пользой провожу,
Дальнихъ бѣдъ не видя;
Всѣ забавы нахожу
Ближнихъ не обидя.

Не хочу знать, что то свѣтъ,
И что въ немъ по модѣ.
Я отъ свѣтскихъ всѣхъ суетъ
Жить хочу въ свободѣ.

Пусть манятъ другихъ
Градскія кокетки;
Мнѣ милѣе ихъ сто разъ
Сельскія сосѣдки.

Ихъ не въ маскѣ красота
Сердца восхищаетъ;
Но любезна простота
Вѣрность обѣщаетъ.

Я созрѣлые плоды
Въ радости сбираю;
Окончивъ мои труды,
Сладко засыпаю.

6.

Храни цвѣтущу младость,
Темира, отъ любви:
Ея прельщенья, сладость
Рождаетъ ядъ въ крови.
Какъ ядъ сей разольется,
Отравитъ разумъ твой;
Все радостью начнется—
А кончится тоской.

Невинныя забавы
Разсудкомъ сохраняй
Льстецовъ слова лукавы
Отъ слуха удаляй;
Въ нихъ страсть одна вѣщаетъ,
Но чувствій нѣтъ прямыхъ;
Видъ кротостью прельщаетъ,
Но злобно сердце въ нихъ.

Рѣчь страстнаго внимая
О пламени къ тебѣ,
Ты въ душу проникая,
Не измѣни себѣ!
Коль съ сердцемъ рѣчь согласна,
Отдай ему свое:
Вотъ милая, прекрасна,
Вотъ счастіе мое!—

7.

Позабудь дни жизни сей,
Какъ о мнѣ вздыхала;
Вѣдь изъ памяти моей,
Коль невѣрна стала.

Гасни пламень мой въ крови;
Ахъ чего желаю!
Истребляя жаръ любви,
Больше лишь пылаю.

Правдой принимаю лесть
Я въ твоемъ отвѣтѣ;
Мнѣ и льстя всего что есть
Ты милѣй на свѣтѣ.

Въ томъ, что нынѣ ясно зрю,
Самъ себѣ не вѣрю;
День и ночь тобой горю,
Сердцу лицемѣрю.

За невѣрность внѣ себя
Я сердясь бываю;
Но увижу лишь тебя,
Все позабываю.

Я не помню въ оный часъ
Твоея досады,
И во взорахъ милыхъ глазъ
Я ищу отрады.

Только то одно манитъ,
Сердце подкрѣпляетъ,
Мню, пустой меня лишь видъ
Ревность ослѣпляетъ.

Нѣтъ, не тѣмъ теперь моя
Грудь отягощена;
Зрю невѣрность ясно я,
Тѣмъ душа смущенна.

8.

Законы осуждаютъ
Предметъ моей любви;
Но кто, о сердце! можетъ
Всегда противиться тебѣ?

Какой законъ святѣе
Твоихъ врожденныхъ чувствъ?
Какая власть сильнѣе
Любви и красоты?

Люблю—любить во вѣкъ буду!
Кляните страсть мою,
Безжалостныя души,
Жестокія сердца!

Священная природа!
Твой нѣжный другъ и сынъ,
Не виненъ предъ тобою—
Ты сердце мнѣ дала.

Твои дары благіе
Украсили ее;—
Природа! ты хотѣла
Чтобъ Лиду я любилъ.

Твой громъ гремѣлъ надъ нами,
Но насъ не поражалъ,
Когда мы наслаждались
Въ объятіяхъ любви.—

О Боргольмъ, милой Боргольмъ!
Къ тебѣ моя душа
Стремится безпрестанно,
Но тщетно слезы лью.

Томлюся и вздыхаю!
На вѣкъ я удаленъ
Родительскою клятвой
Отъ береговъ твоихъ!

Еще ли ты, о Лида!
Живешь въ тоскѣ своей?
Или въ волнахъ шумящихъ
Скончала злую жизнь?

Явися мнѣ, явися,
Любезнѣйшая тѣнь!
Я самъ въ волнахъ шумящихъ
Съ тобою погребусь.

9.

Что я прельщенъ тобой,
Чего тому дивиться;
Назначено судьбой,
Тебѣ красой родиться.

Прекрасное любить,
Намъ сей законъ природенъ;
И такъ несклоннымъ быть
Къ тебѣ, я не свободенъ.

Ты сдѣлана прельщать;
А я рожденъ прельщаться.
На что же превращать
Природу намъ стараться?

Я жертвую красѣ;
Ты жертвуй пылкой страсти;
Свершимъ уставы всѣ
Естественныя власти.

Въ отвѣтъ.

Прекрасное любить
Хоть сердцу и природно;
Однако склонной быть,
Къ кому хочу, свободно.

Не для неволи въ свѣтъ
Родятся красоты;
Мнѣ надлежитъ въ отвѣтъ
Сказать не милъ мнѣ ты.

Ты мной теряешь власть;
А я тобой неплѣнна;
Такъ знать такую страсть
Лѣчить не я рожденна.

Порядка не вреди
Установлена природой;
Другую побѣди,
Меня оставь съ свободой.

Несклонности удары
Чувствительны въ любви;
Ищи себѣ ты пары,
И счастливо живи.

10.

Пустыня дорогая,
Прекрасной рай земной,
Природа гдѣ простая—
Безъ хитрости людской—
Плѣняетъ насъ собой!
Къ тебѣ дышу одной;
Мятежи городскіе
Смущаютъ помыслъ мой.

Пусть въ градѣ пребываютъ
Любимцы суеты!
Пускай они считаютъ
За истину мечты!
Въ обманѣ пусть живутъ,
Ложь правдою зовутъ;
Какъ судно безъ кормила,
Пусть моремъ симъ плывутъ!

Мой разумъ презираетъ
И золото и честь;
Мой духъ не восхищаетъ
Обманчивая лесть.

Живущій въ дружбѣ съ ней,
Во слѣпотѣ очей
Гоняется со рвеньемъ
За тѣнію своей.

Что ловитъ, самъ не знаетъ,
Трудяся ночь и день.
Пускай онъ и поймаетъ;
Но чтожь поймаетъ?—тѣны!
Изрядно награжденъ,
Изрядно услажденъ;
Но все не перестанетъ
Тщетой быть побѣжденъ.

Когда воображаю
Я все сіе себѣ,
То болѣ умножаю
Почтенія къ тебѣ,
Къ тебѣ, любезный край!
Къ тебѣ, мой сладкой рай!
По смерть мою собою
Меня ты утѣшай.

Хоть пышный градъ и тщится
Во всемъ тебя ругать,
Однако же стремится
Тебѣ честь должну воздавать;
Твои онъ красоты,
Пріятство простоты
Вездѣ изображаешь;
Вездѣ въ немъ зрится ты.

Но можетъ ли то статься,
Чтобъ мраку свѣтомъ быть,
И ночи днемъ казаться,
А дню бы ночью слыть?
Не праведно тѣ мнятъ,

Искуствомъ что хотятъ
Съ природою сравниться,
Иль близку тѣнь придать.

Что кисть изображаетъ,
Что рѣжетъ долото,
Недвижимо бываетъ,
Не существуетъ то.
Малеванный цвѣтокъ
Не дастъ ароматъ токъ:
Влить жизненной не можетъ
Въ него художникъ сокъ.

Но твой когда цвѣточикъ,
Прохладный вѣтръ трясетъ,
Листочикъ бьетъ въ листочикъ,
И благовонье льетъ
Далеко вкругъ меня.
То нѣгою дыша
Съ тобой, волшебный край,
Сливается душа.

Однакожъ я забылся,
Что пѣсенку пою;
Далеко ужъ пустился,
Порядка не храню.
Не худо окончать—
Я могъ бы продолжать
Описывать примѣры;
Но должно замолчать.

11.

Полюбя тебя, смущаюсь,
И не знаю какъ сказать,
Что тобою я прельщаюсь;
Я боюся виннымъ стать.

Предъ тобой когда бываю,
Весь въ смятеніи сижу.
Что сказать тогда не знаю;
Только на тебя гляжу.

Глядя на тебя, внимаю
Всѣмъ словамъ твоихъ рѣчей
Прелести твои считаю,
Красоту твоихъ очей.

Я боюсь тогда прервати
Твой пріятной разговоръ,
Чтобъ твою не потеряти
Тѣмъ пріязнь и милой взоръ.

Въ семъ смущеньи пребывая,
Оставляю нужну рѣчь,
И часы позабывая,
Времени даю протечь.

Вдругъ увидя день минувшій,
Принужденъ сказать: прости;
И иду потомъ вздохнувши,
Беспокойну ночь вести.

12.

Не для меня весною
Въ поляхъ цвѣты ростутъ,
Гдѣ нѣтъ тебя со мною
Вездѣ мнѣ скучно тутъ.

Пріятная погода
Меня не веселитъ:
Мутится ль вся природа,
Не меньше духъ томитъ.

Ни шумъ зеленой рощи,
Ни быстрыхъ токъ ключей,
Не можетъ тихость рощи
Тоски разбить моей.

На мысли повсечасно
Любезная моя;
Люблю, люблю я страстно,
Безъ ней страдаю я.

Въ прекрасное ли поле
Тоску разбить пойду:
Грущу страдаю болѣ,
И только слезы лью.

Мнѣ игры непріятны,
Мнѣ нѣтъ покойна сна;
Мнѣ пѣсни птицъ невнятны,
Мнѣ пища не вкусна.

Но можно ли не рваться,
И сердцу дать покой?
Нѣтъ способовъ видаться
Съ моею дорогой.

13.

Подъ тѣнію древесной,
Межъ розъ ростущихъ вкругъ,
Съ пастушкою прелестной
Сидѣлъ младой пастухъ.

Не солнца укрываясь,
Онъ съ ней туда зашелъ;

Любовью утомляясь,
Открыть ей то хотѣлъ.

Межъ тѣмъ гдѣ ни взялися
Двѣ бабочки сцѣпясь;
Вкругъ розъ и ихъ вилися,
Другъ за другомъ гонясь.

Потомъ одна взлетѣла
Къ пастушкѣ на високъ;
Ища подругу, сѣла
Другая на кустокъ.

Пастухъ на нихъ взирая,
Ихъ счастью ревновалъ;
И онымъ подражая,
Пастушку щекоталъ.

Все ставя то въ игрушки,
За шею и бока,
Какъ будто бы съ пастушки
Сгонялъ онъ мотылька.

Ахъ! станемъ подражати,
Сказалъ онъ, свѣтъ мой! имъ,
И рѣзвость съединяти
Съ гуляніемъ своимъ.

И бѣгая лѣсочкомъ,
Чтѣ подобясь сей,
Я буду мотыліочкомъ,
Ты бабочкой моей.—

Пастушка улыбалась;
Пастухъ ее лобзалъ;
Онъ млѣлъ, она смущалась;
Въ обѣихъ жаръ пылалъ.—

Потомъ вскоча, помчались,
Какъ легки вѣтерки,
Сцѣплялися, свивались,
И стали мотыльки.

14.

Чѣмъ больше скрыть стараюсь
Мою страсть предъ тобой,
Тѣмъ больше я плѣняюсь
Твоею красотой.

Нѣтъ силъ ужъ притворяться,
Столь страстно полюбя;
Нельзя мнѣ не признаться,
Что я люблю тебя.

Но чтожъ въ томъ за отрада,
Что ты о томъ узналъ?
Мнѣ развѣ та награда,
Что мной ты плѣненъ сталъ.

Судьбы моей рѣшенье
Окончи поскорѣй!
Подай мнѣ утѣшенье
Въ жестокой страсти сей!

Минуты нѣтъ покою,
Ты сердце мнѣ пронзилъ;
Вотъ язвою какою
Меня ты заразилъ!

Ахъ! естьли пламень нѣжной
И твой духъ воспламенилъ,
Стократно, мой любезной,
Стократно будешь милъ!

15.

Негдѣ въ маленькомъ лѣску
При потокахъ рѣчки,
Что бѣжала по песку,
Гдѣ паслись овечки;
Тамъ пастушка съ пастухомъ
На брегу была крутомъ,
И въ струяхъ мелкихъ водъ съ нимъ она плескалась.

Зацѣпились за траву,
Что сказать не можно,
Какъ упали въ мураву,
Вправдуль иль нарочно.
Пастухъ ее поднималъ,
Да и самъ туда упалъ;
И въ травѣ щекоталъ дѣвку безъ разбору.

А что дѣлалось потомъ;
Я того не знаю;
Ибо мало при такомъ
Дѣлѣ примѣчаю;
Только эхо по рѣкѣ
Отдавалась въ далекѣ:
О! я, яй, о! я, яй; знать они рѣзвились.

16.

Сколько разъ, жестокой, клялся,
Лишь одну меня любить!
Сколько разумъ твой старался
Мнѣ одной любезнымъ быть!
Души нѣжной слабость видя,
Ты заставилъ духъ пылать
Въ той, кто все возненавидя,
Тебѣ льстилась угождать.

А теперь ту презираешь,
Кого богомъ своимъ звалъ;
И другой все то вѣщаешь,
Чѣмъ меня къ любви склонялъ.
Иль на то тебѣ, невѣрной,
Надъ собой дала я власть,
Чтобъ холодностью безмѣрной
Наградилъ мою ты страсть?

О любовь, царица свѣта!
Отомщай ты за меня:
Убѣгай того предмета,
Кому жертвой стала я.
Но покой напрасно льщуся
Въ его казни я найтить,
Лишь тѣмъ больше сокрушуся—
Нѣтъ! не въ силахъ ему мстить.

17.

Для тоголь я въ дни разлуки
Здѣсь страдала безъ тебя?
И къ тому ль жестоки муки
Презирала я любя?

Чтобъ тобой самимъ открылся
Рокъ погибели моей,
Чтобъ правдивой слухъ носился
О невѣрности твоей.

Вспомни, что прощаясь,
Мнѣ, жестокой! говорилъ;
Какъ притворно ты терзаясь,
Предо мною слезы лилъ.

Вспомни злое разлученье,
Вспомни клятвы ты свои,
Вспомни и мое мученье,
И слова къ себѣ мои.

Собери то въ мысль безстрастну;
И невѣрность тѣмъ измѣрь;
А потомъ меня несчастну
Ты терзай, какъ лютой звѣрь.

Слабость вся тебѣ открылась;
Ты мя ввергнулъ въ злу напасть;
Ахъ! къ чему, къ чему вселилась
Въ грудь мою ты, тщетна страсть?

Страсть къ слезамъ произведенна!
Больше ранъ не растравляй;
Чѣмъ душа моя смущенна
То изъ мысли вылетай.

Гасни, гасни огнь безмѣрной;
Исцѣляйся скорбна грудь.
Ахъ! а ты, о льстецъ невѣрной,
Ласки всѣ мои забудь.

18.

Волга, рѣченька глубока!
Прихожу къ тебѣ съ тоской:
Мой сердечной другъ далеко,
Ты бѣги къ нему волной.
Ты бѣги волна, стремися,
Къ другу вѣсть скорѣй снеси;
Какъ стрѣла къ нему пустися,
И словечько донеси.

Ты скажи, какъ я страдаю,
Какъ я мучуся по немъ!
Говорю, сама рыдаю;
Слезы катятся ручьемъ.
Вспомню, милой, какъ прощался,
И туда вдругъ побѣгу,
Гдѣ со мною разставался;
Плачу тамъ на берегу.

Съ вѣтромъ въ шумѣ Волга стонетъ,
А я рвуся злой тоской;
Сердце ноетъ, ноетъ, ноетъ,
И твердитъ: гдѣ милой мой?
Гдѣ мой другъ, моя отрада?
Гдѣ дѣвался дорогой?...—
Жизни я тогда не рада,
Вся въ слезахъ иду домой.

Но къ несносному мученью
Страсть должна свою скрывать;
Здѣсь предавшись слезъ стремленью,—
Дома видъ иной казать.
Какъ ни тошно, какъ ни больно,
Чтобъ не знали страсть мою,
Покажусь на часъ покойной,
Ночь за то проплачу всю.

Поспѣшай ко мнѣ, любезной!
Ты почувствуй скорбь мою;
Токъ очей отри мой слезной,
Облегчи мою судьбу.—
Только я уста сомкнула,
Стонъ пустился въ слѣдъ за мной,
Мнится, рѣчинька вздохнула,
Понесли слова волной.

19.

Лишь только занялась заря,
И солнце взошло въ верхъ горя,
И освѣтило земной кругъ;
Пошла пастушка съ стадомъ въ лугъ.
Къ потокамъ чистыхъ водъ.

Гдѣ видѣнъ былъ на днѣ песокъ,
Понравился ей струйной токъ;
Раздѣвшись стала мыться въ немъ;
Нага, невидима ни кѣмъ
Плескалася водой.

Вдругъ въ сторону простерла взоръ;
Идетъ пастухъ съ высокихъ горъ,
Который ею былъ плѣненъ,
И часто духомъ возмущенъ;
Изъ струй спѣшила вонъ.

Пастухъ уже къ струямъ прибѣгъ;
А ей еще далекъ былъ брегъ;
Она не знала, что начать,
Казаться ль или утопать,
Смутившись въ мысляхъ вся.

Нашла стыдъ скрыть единой путь,
Чтобъ бросясь въ глубину тонуть.
Пастухъ лишенный зрѣть красы,
Ужъ видитъ чуть одни власы,
Кидается съ бреговъ.

Гдѣ дѣлось платье, гдѣ свирѣль?
Нагой влечетъ нагу на мель.
Страхъ гонитъ стыдъ, стыдъ гонитъ страхъ,
Пастушка вопитъ вся въ слезахъ:
Забудь, что видѣлъ ты!

Какую дашь мнѣ плату ты,
Что спасъ твои я красоты?
И сталъ припадши улещать;
Пастушка начала молчать
Сердяся на него.

Къ чему ты мя привелъ случай?
Кричала: ахъ! не докучай;
Я не могу свирѣпа быть;
Но не могу и такъ любить,
Какъ хочется тебѣ.

Недолго продолжала рѣчь,
Какъ начала любовь ту жечь;
Не молвитъ ужъ ни да, ни нѣтъ;
Потомъ вскричала: ахъ, мой свѣтъ,
Теперь ужъ я твоя!

20.

Красавица драгая,
Послушай, что скажу:
Мнѣ жизнь тогда иная,
Когда съ тобой сижу.
Щитая всѣ пріятства
Питаю тѣмъ духъ мой;
Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ препятства,
Лишь только-бъ былъ съ тобой.

Станъ стройный, очи ясны,
Въ нихъ зрится божество:
О взоры! о грудь прекрасны!
Надъ всѣмъ ихъ торжество.
Вся тварь тебѣ покорна,
Богиня красоты!
Душа моя преклона
Чтобъ чтить твои черты.

Тобою восхищаться,
Тобой одной горѣть;
Красой твоей прельщаться,
Всегда съ тобой сидѣть.
Въ томъ вся моя забава,
И щастье лишь одно.
Не зрѣть тебя—отрава
И смерть мнѣ все равно.

Красавица драгая!
Позволь себѣ сказать:
Люблю тебя, вздыхая,
Смягчись! не дай страдать!
Почто дрожу и тлѣю,
Причину хочешь знать;
Того сказать не смѣю,
Ты можешь угадать.

265. Сила и матерія. Естественная философія въ общепонятномъ изложеніи. Д-ра Бихнера.

Рукопись XIX вѣка, въ четвертку, на 304 страницахъ.

Въ рукописи помѣщены слѣдующія статьи:

I. Сила и матерія.
II. Безсмертіе матеріи.
III. Безсмертіе силы.
IV. Безконечность матеріи.
V. Достоинство матеріи.
VI. Неизмѣняемость законовъ природы.

VII. Всеобщность законовъ природы.
VIII. Небо.
IX. Періоды творенія земли.
X. Первобытное произведеніе земли.
XI. Цѣлесообразность въ природѣ.
XII. Мозгъ и душа.
XIII. Мысли.
XIV. Мѣсто души.
XV. Прирожденныя идеи.
XVI. Понятіе о Богѣ.
XVII. Личное безсмертіе.
XVIII. Жизненная сила.
XIX. Душа животныхъ.
XX. Свободная воля.
XXI. Заключеніе.

266. Словарь областныхъ словъ жителей г. Ржева.

Рукопись въ листъ на 20 страницахъ, писана крупною скорописью, безъ имени автора.

Скажи Ѳеденька, какая разница между Судьей и Стряпчимъ?

Судья любитъ папаша золото, а Стряпчій серебро.

Оригинальный рисунокъ художника М. Знаменскаго.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

267. Собраніе разныхъ сочиненій въ стихахъ. 3 части. С.-Петербургъ, 1832 г.—Въ 8 д. л. (Рукопись).

Описываемое мною здѣсь сочиненіе принадлежитъ перу неизвѣстнаго автора и было написано въ 1832 году. Теперь эта книга сдѣлалась библіографическою рѣдкостію и для большинства любителей почти недоступна. Между тѣмъ этотъ сборникъ стиховъ, по своему содержанію, весьма любопытенъ. Почему нахожу умѣстнымъ привести здѣсь выписку изъ

означенной книги слѣдующихъ четырехъ стихотвореній: 1) Пѣсня Демокрита. 2) Панорама Петербурга. 3) Правила. 4) Мужьямъ.

Пѣсня демокрита.

Чѣмъ мнѣ въ свѣтѣ семъ заняться?
Все въ немъ вздоръ и чепуха;
Буду я надъ всѣми смѣяться:
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Пусть другіе суетятся,
Коль мечта имъ дорога,
А я стану лишь смѣяться:
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Пусть ученые трудятся,
Ихъ матерія суха;
Лучше имъ со мной смѣяться:
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Пусть судей вѣсы кривятся
Въ пользу явнаго грѣха,
Здѣсь мнѣ можно посмѣяться:
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Пусть враги идутъ сражаться,
Кровью пусть багрятъ луга,
Жаль,—но какъ не посмѣяться:
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Пусть ко знатности стремятся
Вмѣстѣ баринъ и слуга
Какъ надъ нимъ не посмѣяться:
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Пусть о томъ скупые тщатся,
Не пропала чтобъ кроха,
Тутъ есть случай посмѣяться:
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Пусть счастливцы веселятся,
Коль судьба для нихъ блага,
А мнѣ весело смѣяться:
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.
Пусть несчастные томятся,
Коль судьба для нихъ строга,
Моя участь лишь смѣяться:
Ха, ха, ха, ха, ха, ха, ха.

Понорама

Гостиннаго Двора съ замѣчаніемъ на Суровскую линію. Писана 1820 года въ августѣ.

—

Только первый лучъ денницы
Проглянулъ изъ облаковъ,
У мошенниковъ въ столицѣ
Удалили съ линій псовъ.
Я вступаю безъ преграды
Подъ красивый низкій сводъ
Съ тайнымъ страхомъ, чтобъ съ засады
Воръ не сдернулъ съ плечъ капотъ.
Но напрасно духъ робѣетъ:
Всѣ притоны на замкахъ;
Не открывъ ихъ, воръ не смѣетъ
Наводить прохожимъ страхъ
Тихими твердыми шагами
Достигаю я воротъ,
Тутъ священными чудесами
Изукрашенъ вижу сводъ.
Но чудеснѣе явленье
Поражаетъ сердца взоръ:
Надъ вратами, въ удивленьѣ,
Вижу я святыхъ соборъ.
Серебромъ и позолотой
Всѣ до глазъ обложены;
Предъ богатою кіотой
Двѣ лампады зажжены.
Тутъ невольно погружаюсь
Въ размышленье самъ съ собою,
Въ заключеніяхъ теряюсь:
Богъ какою тамъ судьбой,
Гдѣ обманы обитаютъ,
Гдѣ грабительство живетъ,
Гдѣ корысть лишь обожаютъ,
Гдѣ и искры чести нѣтъ.
Можетъ статься въ ослѣпленьи,
Воры мнятъ Творца прельстить
Серебромъ—и за грабленье
Мыслятъ деньгами платить.
Иль поставленъ здѣсь нарочно,
Чтобы имъ напоминать,
Что богатство злыхъ непрочно
И придется умирать.
Такъ въ догадкахъ я терялся,
Всѣ причины истощилъ,
Но никакъ бы не дознался,
Есть ли бъ случай не открылъ.
Вижу, съ виду мужъ степенный
Скоро къ образу шагалъ;
Пылью, потомъ покровенный,
Что-то, слышалось, ворчалъ.
Фракъ засаленный, старинный,
Сшитъ изъ разныхъ лоскутковъ,
И камзолъ дырявый, длинный,
Словомъ—былъ то Vanchackoff.
Онъ, пришедши, шляпу скинулъ,
Потъ съ лица платкомъ смахнулъ,
Грошъ для бѣдныхъ въ кружку кинулъ
И съ прискорбіемъ вздохнулъ.
Горе взоръ его стремится;

Класть поклоны началъ вкругъ;
Съ умиленіемъ молиться
Такъ, забывшись, началъ вслухъ:
Ты, который всѣхъ питаешь,
Добрый и благій отецъ,
Все творишь, что пожелаешь,
Будь помощникъ мнѣ, Творецъ!
Какъ два раза я былъ банкрутомъ,
Ты внималъ мой томный гласъ;
Помогалъ быть честнымъ плутомъ:
Помоги—еще хоть разъ!»
Тутъ онъ въ землю поклонился
Торопясь въ притонъ пошелъ.
Вслѣдъ за нимъ я тожъ пустился,
Бывъ доволенъ тѣмъ, что зрѣлъ.
И теперь ужъ не дивлюся
Древнихъ множеству боговъ;
Молвить смѣло не боюся:
И у насъ есть богъ воровъ!
О! взгляни изъ горнихъ жительствъ,
Гдѣ Твой храмъ, Всевышній Царь!
Средь жилища зла, губительствъ
Ворота тебѣ—алтарь.
Но вотъ сталъ ужъ подниматься
Выше Феба фастонъ,
Плуты кучами стекаться
Начали со всѣхъ сторонъ.
Тамъ одни гремятъ замками
И крестятся и ворчатъ,
Тутъ другіе съ пирогами
Какъ безумные кричатъ.
Тотъ засаду обметаетъ,
Этотъ ножницу остритъ,
Сей товары убираетъ,
Этотъ нищаго бранитъ.
Тотъ порожнія кардонки,
Иль связавъ въ бумагу дровъ
Вмѣсто бархату на полки
Ставитъ, мрачно хмуря бровь.
Съ старыхъ шляпъ тотъ пыль сметаетъ,
Хочетъ новый видъ имъ дать,
Этотъ бронзу вычищаетъ,
Чтобъ за золото продать.
Тамъ другіе въ тихомолку
Деньги съ ящиковъ берутъ,
Или за угломъ настойку
Изъ бутылокъ прямо пьютъ.
Наконецъ всѣ маршъ къ порогу
Шепчутъ: «Братцы, не зѣвай!»
И чуть взнесемъ теперь къ нимъ ногу,
То въ мигъ раздастся адскій лай.
И признаться:—псы ночные
Меньше сихъ наводятъ страхъ;
Но диковина—денные
День и ночь на привязяхъ.
Но отъ милыхъ и презрѣнныхъ
Тварей взоръ я отвратилъ,
На большихъ скотовъ надменныхъ
Всё вниманье обратилъ.
Вотъ Menchoutkin выступаетъ,
Тварь примѣрная изъ нихъ,
Вздернулъ носъ,—не примѣчаетъ,
Что идетъ между своихъ.
Онъ невинностью гордится
И обширными дѣламъ (?!)
Въ тихомолку-жъ не стыдится
Быть примѣромъ шалунамъ.
Слушай, Ваня, если-бъ мало
Дѣдъ твой денегъ могъ скопить,
Вѣдь тогда-бъ тебѣ пристало
Лучше съ улицъ грязь возить.
Здѣсь плутъ Loscoutoff трясется,
Передъ выручкой стоитъ;
То съ мальчишкою дерется,
То прикащика пушитъ.
И за дѣло, хватъ къ супругѣ
Смѣлъ хозяина залѣзть
Какъ-то ночью на досугѣ;
Кто-бъ, скажите, могъ то снесть?
Но великій забываетъ
Преступленье подлеца:
Онъ на деньги промѣняетъ
Честь и совѣсть и Творца.
Вотъ Pahomoff трехъ аршинный
Улыбаючись идетъ;
Всѣхъ пушитъ, бранитъ безвинно;
«Нѣтъ умнѣй меня»—реветъ.
О! великая скотина,
Вдругъ Jaishnicoff вскричалъ:
— Ты оселъ, дуракъ, дубина
Есть и будешь, и бывалъ!
Здѣсь поетъ стихеры басомъ
Beloodsoff во всю мочь;
Тамъ Sabanoff ситникъ съ квасомъ
Ѣстъ и нищихъ гонитъ прочь.
Вотъ Pogreboff съ брадою,
Пьянъ, едва стоялъ
Онъ безтрепетной рукою
Разъ десять рубль ломалъ.
И теперь бранитъ онъ сына:
— Деньги всѣмъ зачѣмъ даешь,
Иль не знаешь, дурачина,
Сколь убыточенъ платежъ.
Если онъ совсѣмъ прервется,

Можно-ль что тогда нажить,
Никому коль не придется
Рубль полтиной заплатить?
Шагъ впередъ—и Skorniacova
Вижу, онъ готовъ идетъ
И пол-штофика простова
Въ лавку подъ полой несетъ.
Въ стрѣчу дѣвушка,—онъ смотритъ,
Тяжелешенько вздохнулъ,
Мрачно, бѣдный, брови хохлитъ,—
Знать старинку вспомянулъ.
Хватъ бывало оцыганить
Безъ пощады всѣхъ другихъ,
И насмѣшками тиранитъ
И умершихъ и живыхъ.
Здѣсь Alecha Panin глазки
Каждой миленькой творитъ,
Истощаетъ нѣжны ласки
И сердечкомъ всѣхъ даритъ.
Но, о! страшное явленье:
Конь драгунскій тутъ примчалъ
Въ дрожкахъ чудное твореньо,—
Я отъ смѣху помиралъ:
Ростъ въ хорошую собаку,
И со львиной головой,
Цвѣтъ лица подобенъ раку,
Лапы согнуты дугой.
Съ дрожекъ онъ кой-какъ слѣзаетъ,
Пыль сметаетъ съ сапоговъ,
Важно-важно выступаетъ...
Ба! да это Kolpakoff
Ай! пріятель! ты скоренько
Что-то денежки скопилъ;
Я запомню, какъ скорменько
Ты еще у сводни жилъ.
И уставъ работать ломцомъ
Или воду въ верхъ носить
Приходилъ къ своимъ знакомцамъ
Гривну на хлѣбъ здѣсь просить.
Вотъ какъ счастье всѣмъ играетъ:
Честенъ будь—идешь съ сумой;
Счастье жъ плутовъ надѣляетъ:
Жизнь—не жизнь имъ,—рай прямой.
Вотъ Платона истый чтитель;
Berazkoy тамъ стоитъ.
Въ отдаленьи ангелъ—мститель
Надъ главой его паритъ.
То грозитъ ему шалями
То кофейнымъ сертукомъ
Пистолетами, часами,
Или нимфой съ лихачемъ.
Здѣсь Bespaloff зрится малой
Въ размышленье погруженъ;
Онъ дѣтина былъ удалой,
Но теперь ужъ сталъ уменъ.
И турецкими шалями
Больше д....къ не даритъ,
Не гремитъ лихими балами,
Бергъ и Красненькій забытъ..
Можетъ быть и принужденно
Суеты онъ всѣ презрѣлъ,
Носъ повѣсилъ присмиренно,
Какъ карманъ ужъ опустѣлъ.
Правда, тысячъ пять недавно
Онъ въ картишки прошалилъ,
Учинилъ платежъ исправно,
Только вещи заложилъ.
Тамъ большой Istomin блѣдный,
Гордо взоръ на всѣхъ бросалъ;
Отъ любви изсохъ онъ, бѣдный,
Всѣхъ любилъ, но не плѣнялъ:
Ни собой, ни лошадями,
Ни богатымъ сюртукомъ,
Ни блестящими дарами,
Ни нѣмецкимъ языкомъ.
Мать, отецъ, родня прекрасной
Были всѣ ему подъ масть;
Всѣ желали и напрасно,
Но—сильна отцовска власть.
Тщетно милая молилась,
Камни могутъ-ли внимать?
Поневолѣ согласилась
Руку рыцарю отдать.
И красавецъ въ восхищеньи,
Предоволенъ сталъ собой,
Хотя и знаетъ, что презрѣнье
Взялъ съ супругой молодой.
Вотъ и Matinka смиренный.
Будто навушка плыветъ;
Глазки въ землю опущенны,
Тамъ Zatouschin дурачина
И сосѣдъ его Repkoff,
Тотъ надутая скотина,
Этотъ злобнѣйшій злословъ.
Дюжій Бахусовъ питомецъ
Здѣсь Vaviloff чуть стоитъ,
Въ боковомъ карманѣ ромецъ,
Въ заднемъ рюмочка лежитъ.
Опасаясь протрезвиться,
Носитъ ромъ всегда съ собой;
Трезвъ—онъ дѣлъ своихъ стыдится,—
Забываетъ ихъ хмѣльной,
Но въ одномъ ли пьянствѣ можно
Первенство ему отдать?

Нѣтъ! и подлости тутъ должно
И злорѣчью мѣсто дать.
Посмотрѣли-бъ какъ съ ужимкой
Онъ цыганитъ цѣлый свѣтъ,
Иль передъ денежной картинкой
Въ коромысло спину гнетъ.
Loseff мрачно размышляетъ
Здѣсь въ окошечкѣ пустомъ,
Или съ нищимъ разсуждаетъ
О настойкѣ иль простомъ.
Рядомъ съ нимъ и Karabovsky
Потрясаетъ головой,
Всѣмъ извѣстный плутъ Московскій
И ворамъ примѣръ прямой.
Франтовски всегда рядится,
Гордо голову несетъ,
Но надеждой тщетно льстится
Обмануть нарядомъ свѣтъ.
Мать природа начертила
На лицѣ его: «онъ плутъ»,
А Венера оттѣнила
Желтизной столь важный трудъ.
Но при всемъ томъ по примѣру
Прочихъ опытныхъ плутовъ,
Онъ вошелъ въ кредитъ и вѣру
И жениться былъ готовъ.
Жребій палъ на сиротинку;
Мать съ деньжонками у ней;
Деньги тронули дѣтинку:
И давай къ вѣнцу скорѣй!
Вотъ герой нашъ и женился,
Но не съ тѣмъ, чтобъ жить съ одной:
Нѣтъ,—съ б...ми онъ не простился
По привычкѣ дорогой.
Но чрезъ годикъ что случилось
(Кто доволенъ тѣмъ, что есть?)
Чувство въ зятюшкѣ родилось
Тещу милую подплесть.
Въ домъ старушку принимаетъ,
Чтитъ какъ будто родну мать:
Кормитъ, поитъ, одѣваетъ,
Всѣмъ стремится угождать.
Между тѣмъ какъ всѣ деньжонки
Отъ родимой отобралъ,
Чуть ли не въ одной юбчонкѣ
Со двора ее согналъ.
Но всѣхъ дѣлъ его не можно
И въ полгода описать;
Въ кратцѣхъ я скажу, не ложно
Что въ немъ можно все сыскать:
И бездѣльство Vanchakova,
И Vavilova дѣла,
И злорѣчье Skorniakova,
Духъ Zatuchina осла.
Здѣсь Ionouchka престранный
Равенъ тѣломъ и умомъ,
Истощаетъ трудъ напрасный
Надъ Вольтеромъ и Руссомъ.
То пороки проклинаетъ,
Добродѣтель чтитъ душой,
То вдругъ вѣчность отвергаетъ,
Творца и законъ святой.
Но одна ль его въ томъ слава?
Нѣтъ,—онъ геній на разсказъ:
Льются рѣчи съ устъ какъ лава,
Онъ мудрецъ!—для слабыхъ глазъ.
Вотъ степенный дебелый
Koltschen плящетъ голубца
Женишекъ онъ перезрѣлый
А играетъ молодца.
Жаль, что только всякій знаетъ,
Что ему ужъ сорокъ лѣтъ,
Хоть молодчикъ и смышляетъ
Обмануть прыжками свѣтъ.
Вотъ Adam во многомъ сходный
На Адама первыхъ дней:
Также глупъ, какъ первородный,
Хоть живетъ и по моднѣй.
Тотъ Эдема, какъ извѣстно
Ради Еввы былъ лишенъ;
Сей отъ Вариньки прелестной
Въ три дубины провоженъ.
Но не зналъ тотъ правилъ строгихъ,
Разнородныхъ языковъ,—
Нашъ же говоритъ на многихъ
Хорошо для дураковъ.
У Tchetschulina собранье
Вижу нимфъ и лихачей:
За утѣхи, за катанье
Просятъ денегъ поскорѣй.
Вдругъ герой нашъ велѣгласно
Закричалъ: «Я буду самъ,
Попирую съ вами прекрасно
И должокъ тогда отдамъ».
Вотъ и Lukin поблѣднѣвшій,
Отъ досады весь дрожитъ,
Бѣдный, цѣлый день не ѣвши,
Отъ того, что не торжитъ.
Съ смѣхомъ скорыми шагами
Я къ Scheloninou зашелъ,—
Изъ трагедіи стихами
Въ лавкѣ съ жаромъ онъ ревѣлъ.
Голосъ дикій, синоватый,
И глаза блестятъ огнемъ,

И аршинъ въ рукахъ поднятый,
На главѣ бумажный шлемъ:
Онъ кричалъ: «Умри нещастный!
Ты невинну кровь пролилъ
Ты тиранъ, злодѣй ужасный!»
Рекъ,—и муху поразилъ...
Я съ героемъ тутъ остался
Кой о чемъ потолковать,
И въ послѣдніе старался
Проходящихъ примѣчать.
Зрѣлъ, какъ Melnikoff ругаетъ,
Всѣхъ и грабитъ и деретъ
Какъ и Palkin въ носъ щелкаетъ
Языкомъ весь бѣлый свѣтъ.
Зрѣлъ и дамъ и кавалеровъ,
Пріѣзжавшихъ погулять,
Подлецовъ и офицеровъ
Здѣсь любезныхъ повидать.
Зрѣлъ стражей въ броняхъ сермяжныхъ
И десятка два скопцовъ,
Зрѣлъ и тѣхъ скотовъ отважныхъ,
Что воруютъ у воровъ.

P. Berezkoy.

Правила

или обязанности супруги, писанныя не для наставленія любезныхъ вѣтренницъ, а просто (какъ и всѣ сего рода сочиненія), чтобъ написать что-нибудь, и г. сочинитель (можетъ быть желая доказать проницательность своего ума) говоритъ, что онъ напередъ знаетъ что

Почтенные мужья симъ будутъ восхищаться,
А женщины—увы! изъ-подтишка смѣяться.

Но при всемъ томъ однакожъ, принявъ важный видъ, беретъ перо въ руки и начинаетъ:

Напрасно, женщины, напрасно говорите,
Что будто бы мужья причиной вашихъ бѣдъ.
Сначала, милыя, себя вы разсмотрите,
И коль невинны вы, тогда пенять вамъ слѣдъ.
Но чтобъ себя не обижать,
Совѣтую вамъ здѣсь съ терпѣньемъ прочитать
Въ чемъ, можетъ быть, вы проступились
И отчего бѣды родились.
Тогда ужъ не за что пенять
И надобно терпѣть, молчать.

Правило 1-е.

Во первыхъ: лишь дѣвушка едва лишь въ бракъ вступаетъ,
Чѣмъ въ дѣвушкахъ была, должна совсѣмъ забыть,
И твердо помнить то, что долгъ повелѣваетъ
Супругѣ одного супруга лишь любить.
Затѣмъ друзей должно убавить,
Излишни прихоти и вѣтренность оставить.
Коль прежде слабости случались,
Должно, чтобъ мужу всѣ открылись.
Чтобъ мужъ разумный могъ узнать
Съ кѣмъ какъ онъ долженъ поступать.

Правило 2-е.

Когда съ супругомъ быть наединѣ случится,
Супруга не должна стыдливость забывать,
Подъ тѣнью скрытности должна любовь излиться
И наслажденьямъ сладчайшій видъ давать.
Застѣнчивость любовь питаетъ
И прелесть тайная супруги восхищаетъ.
Взаимность долго тамъ продлится,
Гдѣ скромность милая таится.
Но льзяль къ той вѣрность сохранять,
Кого не можемъ уважать?

Правило 3-е.

Съ друзьями мужними не очень заниматься,
И льстивыя слова холодно принимать.
Шутить позволено, подчасъ и посмѣяться,
Однако же во всемъ пристойность сохранять.
Мущина много заключаетъ
Когда съ нимъ женщина съ излишествомъ болтаетъ.
И между словъ не осторожно
То скажетъ, слушать что не должно.
Затѣмъ, бѣды чтобъ избѣжать
Не должно лишнее болтать.

Правило 4-е.

Супруга изъ мужчинъ друзей не избираетъ,
Гдѣ дружба, тамъ любовь, издревле говорятъ.
И мужъ, навѣрное, давно уже то знаетъ,
Что женины друзья спокойствію вредятъ.

Въ супругѣ друга лишь ищите;
Съ нимъ радость и печаль, и тайны все
дѣлите.
Друзей имѣть изъ женщинъ можно,
Но только выбрать осторожно
И не ввѣриться имъ во всемъ,
Чтобъ послѣ не жалѣть о томъ.

Правило 5-е.

Романсы, пѣсенки подъ строгимъ запре-
щеньемъ.
Не только что писать, но даже принимать
Когда займетесь вы словъ страстныхъ вы-
раженьемъ,
Тогда супругъ ужъ васъ не будетъ занимать.
Предметъ, восторгъ, потребный лирѣ.
Но если мужъ, грѣхомъ, послужитъ для сатиры,
Тогда съ разумницей женою
Мужъ будетъ какъ огонь съ водою.
Затѣмъ, чтобъ ссоры избѣжать,
Запрещено умомъ блистать.

Правило 6-е.

Въ театры, на балы лишь съ мужемъ по-
являться.
Но лучше рѣже ихъ, какъ можно, посѣщать.
Подъ маской танцевъ тамъ, развратъ и зло
таятся,
Супруговъ счастію которые вредятъ.
Не вѣрностью и то считаютъ,
Когда и мысленно супругу измѣняютъ.
А тамъ предметовъ тьма найдется.
Ну! есть-ли... не хотя вздохнется—
Невольно можно измѣнить
И долгъ, и честь, и все забыть.

Правило 7-е.

Наряды, модный блескъ, предписано оставить,
Въ одеждѣ простоту, пристойность сохранять
Хотя бъ и красоты могли они убавить,
За то тѣмъ болѣе васъ будутъ уважать.
Мужьямъ же, вѣрьте, чѣмъ простѣе
Любезнѣй будете и во сто разъ милѣе.
Гдѣ простоту не отвергаютъ,
Тамъ свято должность почитаютъ,
А прямо модная жена
Не можетъ быть никакъ вѣрна.

Правило 8-е.

Отлучки частыя, безъ мужа посѣщенье
Подъ видомъ тайности,—отнюдь запрещены;
Они же ложное рождаютъ подозрѣнье,
И съ несогласіемъ всегда сопряжены.
Мнѣ скажутъ: «Мужъ то позволяетъ»...
Сударыни!.. жена во зло употребляетъ.
Тѣмъ мужа рѣдкій нравъ безбожно
Все дѣлать то, что вамъ возможно.
Ужель все должно запрещать?
Что худо—сами должны знать!

Правило 9-е.

Супругу надобно всегда повиноваться
И даже въ малостяхъ охотно уступать;
Когда жъ что хочется, то ласкою стараться
На прихоти свои супруга соглашать.
Когда супругъ чего желаетъ,
То, вѣрно, что ни есть, онъ въ томъ пред-
полагаетъ.
Отказъ рождаетъ огорченье
И, можетъ быть—и подозрѣнье.
Затѣмъ—не спорить съ нимъ ни въ чемъ
И быть согласною во всемъ.

Правило 10-е.

Тоска сердечная коль мужа угнетаетъ,
Не должна быть никакъ супруга весела.
Съ кѣмъ нѣжная жена печали раздѣляетъ,
Тому и горька жизнь возможетъ быть мила.
Пускай же нѣжность, состраданье
Въ супругѣ истребятъ печальное стенанье,
И ваши ласки утѣшенья
Не будутъ безъ вознагражденья:
Супругъ васъ будетъ уважать,
Любить и вѣчно обожать.

Правило 11-е.

Когда жъ исполнивъ все, что должность
предписала,
Найдете въ мужѣ вы порочнаго глупца,
То и тогда бъ жена никакъ не отступала
Отъ добродѣтели священнаго лица.
Долгъ каждаго чтить добродѣтель,
Хотя-бъ и Богъ одинъ былъ дѣлъ твоихъ
свидѣтель.

Ужели лучше развратиться
Чѣмъ добродѣтелью гордиться?
У уваженіе отъ всѣхъ
Не лучше-ль суетныхъ утѣхъ?

Правило 12-е.

О милыя! еще въ послѣдній разъ внимайте:
Не должности, нѣтъ! нѣтъ! здѣсь дружба говоритъ.
Порочной славы, какъ ехидны убѣгайте.
И добродѣтелей сей извергъ не щадитъ.
И самъ учитель вашъ несчастный
Едва ли не погибъ отъ гидры сей ужасной;
Подъ бременемъ страдаю
И съ горькимъ опытомъ взываю:
Бѣгите славы вы дурной,
Чтобъ сохранить души покой.

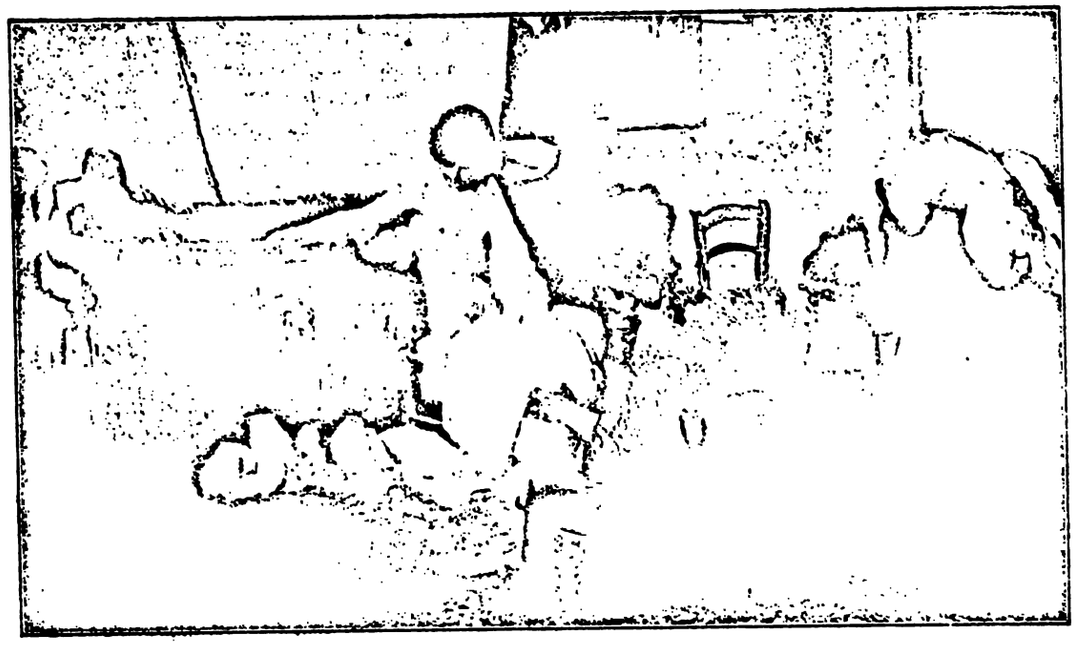
1820.

МУЖЬЯМЪ.

Сюда, ко мнѣ—мужья сберитесь:
Для васъ хочу я пѣсню спѣть.
Плотнѣй рогами вы сплетитесь
И женъ заставимъ покраснѣть.
Давно я спѣть ее смѣкаю;
Теперь желанный часъ насталъ;
Повѣрьте мнѣ—я много знаю,
Хотя женатъ и не бывалъ.
Видалъ я въ клубѣ мужъ въ полпьяне
На кругъ танцующихъ глядитъ,
А подлѣ, въ темной на диванѣ
Жена съ любовникомъ сидитъ.
Мужья, не ложь я вамъ сплетаю,
И то пою, что самъ видалъ.
Повѣрьте мнѣ, я много знаю,
Хотя женатъ и не бывалъ.
Бывало въ гости провожаетъ
Такимъ, какъ создалъ мужа Богъ.
Придетъ домой и примѣчаетъ
На лбу проклятыхъ пару рогъ.
Мужья! не ссорить васъ желаю,
А то пою, что самъ видалъ.
Повѣрьте мнѣ, я много знаю,
Хотя женатъ и не бывалъ.
Случалось, мужъ пойдетъ молиться,
Или за дѣломъ побѣжитъ.
Красавчикъ женушкѣ явится
И тотчасъ мужа замѣнитъ.
Вѣрнѣй обѣдни нѣтъ случаю:

Мужъ злой печали не уйметъ.
Въ отмщенье тутъ же ожидайте,
Что въ мигъ слезу другой отретъ.
Я самъ мужей злыхъ презираю.
Не рѣдко слезы отиралъ.
Повѣрьте мнѣ я много знаю,
Хотя женатъ и не бывалъ.
Опять—когда женѣ не спится,
А мужъ не знаетъ пособить,
Тогда въ красавицахъ родится
Невольно чувство измѣнить.
Тогда и я вину прощаю:
Коль слабъ,—зачѣмъ же чортъ совалъ?
Повѣрьте мнѣ я много знаю,
Хотя женатъ и не бывалъ.
Но, ахъ! погибъ я, защитите!
Красотки мщеньемъ всѣ горятъ;
Меня рогами окружите,
Не то до смерти запалятъ.
Рога трещатъ! Мирь! Миръ! взываю
Я самъ душой и тѣломъ сталъ.
Красавицы я много знаю:
Вамъ нуженъ буду—и бывалъ.
Палящи взоры опустите,
Престаньте мщеньемъ угрожать.
Царицы свѣта вы!.. скажите,
Кто могъ бы васъ не обожать?
И я горю, люблю, пылаю.
Чуть-чуть въ мужья ужъ не попалъ,—
Но узы брака презираю,
Когда вамъ всѣмъ столь нуженъ сталъ.
Рога родитесь, расцвѣтайте
На плодовитыхъ лбахъ мужей.
Насущный хлѣбъ приготовляйте
Мужья,—а Богъ пошлетъ дѣтей.
Довольно, пѣсны я кончаю,
Простите, коль не все сказалъ.
Еще, еще я много знаю,
Хоть женатъ и не бывалъ.

Bereezkoi.



ПОСЛѢ ВАННЫ.

Рисунокъ итальянскаго художника Фаветто.

268. Собраніе собственноручныхъ рукописныхъ стихотвореній русскихъ поэтовъ конца XIX вѣка, состоящее изъ разныхъ листовъ различнаго формата.

Помѣщенные въ этомъ сборникѣ нѣсколько стихотвореній, въ большинствѣ нигдѣ еще не напечатанные, безспорно являются любопытнымъ памятникомъ и представляютъ большой интересъ. Почему считаю не лишнимъ ознакомить читателей съ этимъ собраніемъ и ниже привожу здѣсь полную и дословную перепечатку слѣдующихъ 43 стихотвореній.

I.

Звуки поэта.

Мнѣ тяжело! меня томитъ недугъ,
Недугъ души тяжелаго сомнѣнья.
Сойди ко мнѣ небесный добрый другъ,
И дай мнѣ свыше вдохновенье,
Дай силу мысли мнѣ излить,
Онѣ мой умъ отяготили;
Ихъ на бумагу изложить,
Они плодомъ страданья были,
Они рождались въ трудный часъ,
Въ часы душевнаго страданья,
Когда душой я на Парнасъ
Носился высказать сердечное признанье.

II.

Рѣшеніе.

Въ эти дни больнаго озлобленья,
Въ эти дни отчаянной тоски
Гдѣ найти улыбку ободренья
И поддержку дружеской руки?
Что толпа?—Она, завидѣвъ раны
Въ глубинѣ сердечной у тебя,
Предпочтетъ красивые обманы—
Убѣжитъ, спокойствіе любя.
Лучшій другъ поникнетъ головою...
И въ молчаньи грустномъ ты прочтешь:
«Гордымъ будь! Молчи съ своей тоскою:
Говорятъ—тщеславіе и ложь».

* * *

Милый другъ! въ твоихъ глазахъ глубокихъ
Той же пытки отблескъ вижу я,
Тѣхъ же мукъ—суровыхъ и жестокихъ;
Но молчишь ты, горе затая...
Ты стоишь въ вѣнкѣ своемъ терновомъ,
До конца готовая страдать,
Никому и ни единымъ словомъ
Не давая мукъ своихъ понять!
А когда отъ боли нестерпимой
Стонемъ мы, пугливые друзья,
О враждѣ кричимъ непримиримой
И взываемъ: «Скоро ли заря?»—
Ты глядишь, какъ будто удивляясь,
Съ страшнымъ блескомъ вдумчивыхъ очей
И безъ словъ, печально улыбаясь,
Покидаешь шумный кругъ друзей...

* * *

О, мой другъ! всѣмъ существомъ я знаю,
Глубиной нелживыхъ мукъ моихъ
Сознаю и смѣло утверждаю:
Много насъ—тоскующихъ больныхъ!
О, откуда этотъ ледъ въ сомнѣньяхъ
Столь упорныхъ, этотъ ядъ въ сердцахъ,
Эта нервность странная въ движеньяхъ,
Блѣдность лицъ, задумчивость въ глазахъ?..
О, зачѣмъ, какъ будто перестало
Биться сердце и струиться кровь?
Отчего, какъ никогда бывало
Жизнь блѣдна, безжизненна любовь?

* * *

Тайный смыслъ печальнаго недуга
Я узналъ—онъ грустенъ и суровъ.
Знаю все:—и отчего другъ друга
Избѣгать мы стали, какъ враговъ,
И зачѣмъ такъ призрачно мерцаетъ
Наша жизнь, и краской огневой
Отчего такъ часто заливаетъ
Наши щеки—стыдъ, еще живой...
Знаю все... Товарищъ по страданью,
Милый другъ, безцѣнная сестра!
Гдѣ-жъ предѣлъ тупому ожиданью,
Гдѣ конецъ безмолвію? Пора!...
Замеръ умъ въ тоскѣ; отъ боли дикой
Грудь изныла,—утомилась клясть:
Время намъ на трудъ идти великій!...
. . . . . .

П. Якубовичъ.

III.

Переселенцы.

I.

Вешнимъ свадебнымъ уборомъ
Одѣвается земля,
Но, куда ни кинешь взоромъ,
Пусты черныя поля:
Бросивъ полосы родныя,
Собрался крещенный міръ
Уходить въ мѣста пустыя—
Въ неоглядную Сибирь.

Тамъ не мѣрены дороги,
Всюду Божья благодать,
Тамъ про подати, налоги
И попынѣ не слыхать.

Тамъ поемною долиной
Вольно бродятъ табуны,
Тамъ лѣса—пушной дичиной,
Рѣки—рыбою полны.

Помолясь усердно Богу,
Только солнышко взошло,—
Поселенцевъ въ путь-дорогу
Проводило все село.

Точно дымкою тумана
Застилало всѣмъ глаза;—
Шли до перваго кургана
Крестнымъ ходомъ образа.

Здѣсь напутственное слово
Старый батюшка прочелъ...
Загудѣлъ народъ сурово,
Словно рой сердитыхъ пчелъ.

На трубу родного дома
Покрестились и пошли
Отъ родного чернозема,
Отъ насиженной земли.

Видно, какъ въ пыли мелькаютъ
Бабьи пестрые платки,
Какъ угрюмо выступаютъ
Мѣрнымъ шагомъ мужики.

Какъ бѣгутъ гурьбою дѣти
За обозомъ позади...
Съ Богомъ въ путь!—На вольномъ свѣтѣ
Счастье будетъ впереди.

II.

Ледяною корой, какъ въ покровъ гробовой
Заковалъ уже рѣку морозъ
Плачетъ небо дождемъ
Словно каплями слезъ.

Опустѣло село: злое горе прошло
Вдоль по улицѣ тихой въ конецъ:
Съ огневицей въ бою силу-удаль свою
Положилъ не одинъ молодецъ.

На кладбище снесли, горькой мокрой землей
Придавили усопшихъ родныхъ
И по избамъ глухимъ, какъ по норамъ лѣснымъ
Весь народъ присмирѣлъ и затихъ.

Заколоченныхъ хатъ длинный пасмурный рядъ
Вдоль по улицѣ темной стоитъ;
О далекихъ степяхъ, о привольныхъ мѣстахъ
Онъ печальнымъ сельчанамъ твердитъ.

Золота Сибирь въ безграничную ширь
Разлеглась моремъ вольной земли;
Тамъ за третьей рѣкой — вѣчный миръ и покой...
Односельцы туда ужъ дошли...

Здѣсь и голодъ и моръ; тамъ широкій просторъ,
Тамъ болѣзней лихихъ не слыхать»...
А въ избитой избѣ воетъ вѣтеръ въ трубѣ,
Будто хочетъ «неправда!» сказать.

III.

По скользкой, тяжелой дорогѣ
Бредутъ подъ дождемъ мужики;
Какъ гири, опухшія ноги;
Котомки на спинахъ—легки.

За ними и бабы толпою,
Безъ рѣчи, безъ жалобъ и слезъ,
Какъ будто кто силой лихою
Ихъ бойкія рѣчи унесъ.

Дѣтей не видать—схоронили
Сердечныхъ въ далекомъ пути;
Не долго о дѣткахъ тужили:
Безъ нихъ стало легче идти.

Теперь не далеко: будь свѣтомъ,
Видать бы родное село..
Вотъ тутъ попрощалися лѣтомъ...
Немного назадъ добрело,

Однихъ схоронили въ дорогѣ,
Въ чужомъ непріютномъ пескѣ,
Иные остались въ острогѣ,
Другіе спились въ кабакѣ.

Ушли въ заработки на Волгу
Иные, отставъ отъ своихъ;
Иные хворали по долгу:
Въ больницахъ покинули ихъ.

А сами даяньемъ Христовымъ
Домой умирать добрели,
Чтобъ лечь на покой подъ покровомъ
Родимой, любимой земли...

Все тихо, все глухо въ селеньи,
Не слышно ни звука кругомъ
Лишь волкъ залился въ отдаленьи,
Да брызнуло чаще дождемъ.

Лишь вѣтеръ очнувшись съ просонокъ,
Засохшей вербою шумитъ,
Да въ хатѣ пустой, какъ ребенокъ,
Сова надрываясь кричитъ...

Простолюдинъ.

(Изъ Беранже).

IV.

Въ моей частичкѣ *де* знакъ чванства,
Я слышу, видятъ; вотъ бѣда!
«Такъ вы изъ древняго дворянства?»
Я? нѣтъ; куда мнѣ, господа!
Я старыхъ грамотъ не имѣю,
Какъ каждый истый дворянинъ;
Лишь родину любить умѣю.
Простолюдинъ я; да, простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ.

Мнѣ надо бы безъ *де* родиться;
Въ крови я чувствую своей,
Что противъ власти возмутиться
Не разъ пришлось роднѣ моей.
Та власть, какъ жерновъ, все дробила,
И палъ навѣрно не одинъ
Мой предокъ передъ буйной силой.
Простолюдинъ я; да простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ.

Мои прадѣды не жали
Послѣдній сокъ изъ мужиковъ,
Съ ножемъ дворянскимъ не ѣзжали
Проѣзжихъ грабить средь лѣсовъ;
Потомъ натѣшась въ буйствѣ дикомъ
Не лѣзли въ камергерскій чинъ
При... ну, хоть Карлѣ бы Великомъ.
Простолюдинъ я; да, простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ.

Они усобицы гражданской
Не разжигали никогда;
Не ими Леопардъ Британскій
Вводимъ былъ въ наши города.
Въ крамолы церкви не вдавался
Изъ нихъ никто,—и не одинъ
Подъ Лигою не подписался.
Простолюдинъ я; да простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ.

Оставьте жъ мнѣ мое призванье,
Герои ленточки цвѣтной,
Готовые на пресмыканье
Предъ каждой новою звѣздой.
Кадите, льстите передъ властью!
Всѣмъ общей расы скромный сынъ,
Я льстилъ лишь одному несчастью.
Простолюдинъ я; да, простолюдинъ,
Совсѣмъ простолюдинъ.

Мих. Михайловъ.

V.

Кумушки.

—Эхъ, не плачь, кума!
Значитъ дѣло земское!...
—Знаю и сама,
Да вѣдь сердце женское:—
Врозь съ нимъ—нѣтъ житья...
—Не вернешь Кондратьева;
Вышло вишь статья:
Гнать, и гнать, и гнать его.

Знай, вездѣ бѣднякъ
(Въ ученыхъ книгахъ значится)
До могилы такъ
Все съ бѣдой маячится.
Мать на свѣтъ родитъ—
Нечѣмъ воспитать его
И судьба спѣшитъ
Гнать, и гнать, и гнать его.

Бѣдняки снесутъ
Сладко-ли, не сладко-ли—
Все: по шеѣ-ль бьютъ,
Лупятъ подъ лопатку-ли.
Сирому сна нѣтъ,
Давитъ зло какъ мать его,

И одинъ отвѣтъ—
Гнать, и гнать, и гнать его.

Разъ уйдетъ отъ зла,
Славно жизнь такъ ладится...
Глядь—изъ-за угла
Снова горе крадется.
Такъ не плачь, кума!
Позабудь Кондратьева:
Нужно изъ ума
Гнать, и гнать, и гнать его.

VI.

Утѣшеніе.

—

Былыхъ надеждъ, былыхъ мечтаній
Потухъ во мнѣ огонь святой.
Не стало пламенныхъ желаній,
И жизнь мрачна передо мной.

Печальны ночи, дни унылы,
Вокругъ ни дружбы, ни любви,
Но мнится голосъ сердцу милый:
«Терпи, мужайся и живи,—

Одинъ ли ты нещастливъ въ мірѣ
И только твой-ли горекъ вѣкъ?—
Страдали многіе въ порфирѣ,
Страдалъ и Богочеловѣкъ».

В. Чуфаринъ.

VII.

О пой завѣтные мотивы
Минувшихъ дней
Буди уснувшіе порывы
Въ душѣ моей.

Напомни райскія мгновенья
Былой любви;
Восторги, трепетъ упоенья
Вновь оживи.

Но ревность, адъ души и муки
Не пробуждай
И безотрадный часъ разлуки
Не вспоминай!

В. Чуфаринъ.

VIII.

Отчего на трепещущихъ листьяхъ горитъ
И дрожитъ, и горитъ этотъ матовый свѣтъ?
Отчего такъ недвиженъ, задумчивъ стоитъ
Этотъ лѣсъ, серебристою тѣнью одѣтъ?
И зачѣмъ далеко, далеко въ глубинѣ
Что-то стонетъ-шумитъ, словно вѣтеръ ночной,
А кругомъ все зеркально и спитъ въ тишинѣ
Подъ глубокой небесъ синевой.

Отчего такъ темно подъ навѣсомъ вѣтвей?
Что чудится тамъ, что-то блещетъ вдали..
Будто искры горятъ, будто сотни огней?
Тамъ растутъ, какъ ночные цвѣты, изъ земли...
Но отъ нихъ лишь темнѣй... И зачѣмъ по стволамъ
Пробѣжалъ и умолкъ этотъ шопотъ глухой?
Вотъ теперь чей-то крикъ мнѣ послышался тамъ...
Кто кричитъ въ этой чащѣ лѣсной?..

Отчего мнѣ такъ жутко? Почудилось мнѣ,
Чьи-то тѣни бѣгутъ подъ безмолвной листвой...
То не царь-ли лѣсной, на уставшемъ конѣ,
Погоняетъ, спѣшитъ безъ добычи домой?
О, уйдемъ же скорѣй! я боюсь этой мглы...
Мы вернемся сюда на румяной зарѣ,
Когда утро привѣтно освѣтитъ стволы
И заблещетъ роса на травѣ.

Ф. Соломинъ.

IX.

Утомленный, сказалъ я себѣ: пусть бѣжитъ
Эта дикая жизнь—жизнь толпы и рабовъ...
Что за дѣло тебѣ? Если хочешь ты жить,
Уходи же изъ этого міра гробовъ.
И хотѣлъ я бѣжать отъ безумныхъ людей...
Меня звалъ мой восторженный Богъ
Въ міръ забвенья, далеко отъ жалкихъ затѣй?
И отъ праздныхъ, ненужныхъ тревогъ...

Подъ мелодію этихъ манящихъ рѣчей
Мнѣ хотѣлось забыть о смятеньи борьбы,
Мнѣ хотѣлось укрыться въ святынѣ своей
Отъ безсмысленныхъ криковъ упрямой толпы.
И какъ опытный воинъ предъ тяжкой борьбой
Вслѣдъ за валомъ возводитъ еще новый валъ,
Отъ горячаго чувства, отъ мысли живой
Я намѣренно сердце свое ограждалъ.

Шли года,—предо мною все тотъ же мой врагъ,
Тотъ же міръ оскорбленныхъ и жалкихъ людей,
Съ тѣмъ же воплемъ страданья на скорбныхъ устахъ,
Съ той же вѣчной неправдой и злобой своей,

Побезсильныя; пали твердыни мои
Предъ этимъ безсильнымъ врагомъ,—
И какъ прежде царитъ онъ во имя любви
Побѣдителемъ въ сердцѣ моемъ...

Ф. Соломинъ.

X.

О такой ли любви мы мечтали съ тобой,
Когда юность насъ къ свѣту и жизни манила
И цвѣтущая греза привѣтной звѣздой
Намъ надъ міромъ волшебно свѣтила?
Озаренные счастьемъ, мы въ чистой любви
Наслажденья и ласки искали
И въ мечтѣ восхищенной ея алтари
Мы вѣнками изъ розъ украшали.
Мы отдали ей всѣ дорогіе дары,
Все, чѣмъ сердце и разумъ горѣли,—
И востерженно ждали разсвѣтной зари,
И восторженно шли къ обаятельной цѣли.

И теперь у насъ въ сердцѣ все та же любовь,—
Но какъ страшно она постарѣла!
Не плетемъ мы ужъ больше душистыхъ вѣнковъ
Для ея изможденнаго тѣла.
Ей не нужны цвѣты и забыта весна...
Напоенная горькой отравой,
Свой терновый вѣнецъ полюбила она
Съ его блѣдной, мучительной славой.
И вернуться къ несбывшимся грезамъ своимъ
Мы предъ этой скорбной любовью стыдимся,
Какъ порой передъ другомъ смертельно-больнымъ
О весельи напомнить боимся...

Ф. Соломинъ.

XI.

Я привыкъ къ этой душной, безрадостной тьмѣ,
Я смирился предъ силою злаго ненастья
И, какъ узникъ къ своей привыкаетъ тюрьмѣ,
Я забылъ, что на свѣтѣ есть воля и счастье.
И страданье меня не давило, не жгло,
Я его полюбилъ, какъ суроваго друга,
И усталый, склонилъ передъ нимъ я чело,
Какъ больной передъ тяжкою властью недуга...
Такъ зачѣмъ же сверкаетъ мнѣ привѣтливый лучъ,
Если гаснетъ его золотое сіянье?
Я боюсь теперь прежнихъ надвинутыхъ тучъ
Я боюсь этихъ дней прожитаго страданья,—
И за счастье, невѣрное счастье мое
Я дрожу, какъ скупецъ неспокойный
За свое дорогое трепещетъ добро,
Нажитое съ тревогою черной.

О мой другъ, не дари мнѣ незначущихъ словъ,
Не зови и не мучь мимолетною лаской:
Если любишь меня, пусть заблещетъ любовь
Не прикрытая жалкою маской...
Если любишь меня, смѣло въ путь я пойду
Озаренный привѣтливымъ счастьемъ,
И въ уставшей душѣ снова силу найду
Посмѣяться надъ старымъ ненастьемъ.

Ф. Соломинъ.

XII.

Король Ивето.

(Изъ Бераншe).

Жилъ былъ король; онъ не попалъ
Въ исторію: ложился
Спать рано, поздно днемъ вставалъ,
По лаврамъ не томился
И коронованъ не вѣнцомъ,
А отъ Жанеты колпакомъ
Съ хохломъ.
Ой люли! ой люли!
Гдѣ такіе короли?
Люли!

Изба была ему дворцомъ;
Покушавъ сытно, жирно
Онъ ѣхалъ на ослѣ верхомъ
Взглянуть на край свой мирный.
Добрякъ не ждалъ народныхъ грозъ:
При немъ за стражу службу несъ
Барбосъ.
Ой люли! ой люли!
Гдѣ такіе короли?
Люли!

Не зналъ затѣй онъ дорогихъ
Любилъ лишь выпить вволю
Счастливѣй подданныхъ своихъ,
Себѣ ли портитъ долю?
Одинъ налогъ шелъ для двора:
Онъ бралъ стаканъ иль полтора

Съ ведра.
Ой люли! ой люли!
Гдѣ такіе короли?
Люли!

Красавицы его тайкомъ
Охотно цѣловали;
Не даромъ въ царствѣ всѣ отцомъ
Его именовали.
Не собиралъ онъ ратныхъ силъ,
Но въ цѣль стрѣлять коль веселъ былъ
Любилъ.
Ой люли! ой люли!
Гдѣ такіе короли?
Люли!

Не думалъ у сосѣдей онъ
Оттягивать владѣнья;
Примѣръ монарховъ онъ въ законъ
Поставилъ наслажденье.
Тогда лишь, какъ онъ вѣкъ скончалъ,
Народъ, который слезъ не зналъ
Рыдалъ.
Ой люли! ой люли!
Гдѣ такіе короли?
Люли!

Въ портретѣ старомъ сохраненъ
Намъ ликъ его державный,
И служитъ вывѣскою онъ
Харчевни, всюду славной.
По праздникамъ, какъ подопьетъ,
Предъ этой вывѣской народъ
Поетъ:
Ой люли! ой люли!
Гдѣ такіе короли?
Люли!

Мих. Михайловъ.

XIII.

Игуменьѣ Вадбольской.

Хвала тебѣ, о, мать святая,
Хвала тебѣ, достойная небесъ!
Въ обители священной Рая
Готовъ тебѣ безсмертія вѣнецъ.

За жизнь, за жизнь твою святую
Тебѣ награда въ небесахъ;
За жертву жизни, проведенной
Въ глухихъ монастыря стѣнахъ.

Ты добровольно отказалась
Отъ жизни суетной земной;
Тебѣ давно ужъ незнакомы
Восторги юности живой.

Твоя священная обитель
Благоуханіемъ полна,
И тотъ въ нее ступить лишь можетъ,
Чья жизнь ужъ Богу отдана.

Тебя затворницы младыя,
Какъ ангелы, всѣ окружатъ;
Ихъ дни цвѣтущіе младые
Подъ сѣнью мирною летятъ.

Цвѣтетъ священная обитель
Небесной чудной красотой,
И чистый ангелъ—неба житель
Всегда бесѣдуетъ съ тобой.

Прости меня, что я воспѣть дерзнула
Уединенье грустныхъ дней.
Прости минутному, ты, заблужденью
Безумной юности моей.

Аполлинарія Суслова.

Москва. 1855 г. 20 Января.

Разлука.

Къ А. А.

XIV.

Близка минута роковая,
Урочный часъ уже пробилъ:
Знать суждено, чтобы такъ скоро
Насъ рокъ суровый разлучилъ!

Но, ахъ! печальную разлуку
Перенести мнѣ тяжело!
Но выдержу я сердца муку,
Когда такъ небомъ суждено.

Приди, о, другъ моихъ мечтаній,
О муза вѣрная моя!
Тебѣ извѣстно, какъ тоскуетъ
Душа унылая моя.

О, дай мнѣ арфу золотую
Излить тоску души моей!
Я воспою мечту былую,
Мечту прошедшихъ свѣтлыхъ дней.

Померкни ясное свѣтило,
Свѣтило ночи голубой!
Я радость жизни погубила,
И съ нею вмѣстѣ мой покой.

Аполлинарія Суслова.

Москва. 1855 г. 21 Января.

XV.

ПѢСНЯ.

(На голосъ: *Умъ какъ палъ туманъ на сине море*).

Что за вѣтеръ шумитъ въ сыромъ бору?
Муравьевъ идетъ на кровавый пиръ.
Съ нимъ черниговцы идутъ грудью стать,
Сложить головы за Россію—мать!
И не бурей палъ долу крѣпкій дубъ,
А измѣнникъ червь подточилъ его.
Закатилася воля солнышко,—
Смертна ночь легла въ поле бранное.
Какъ на полѣ томъ бранный конь стоитъ;
На землѣ предъ нимъ витязь младъ лежитъ.
«Конь мой, конь, скачи въ святой Кіевъ градъ;
«Тамъ товарищи, тамъ мой милый братъ.
«Отнеси ты къ нимъ мой послѣдній вздохъ
«И скажи: цѣпей я пести не могъ...
«Пережить нельзя мысли горестной,
«Что не могъ купить кровью вольности».

Н. Бестужевъ, 1827.

XVI.

Ѣхавъ козакъ за Дунай,
Сказавъ дивчинѣ прощай.
Ви коники вороненьки
Несите скорѣй.

Постой, постой казаче,
Твоя дивчина плаче:
Якъ ты мене покидаешь
Тылько подумай?!

Бѣлыхъ ручекъ не ломай,
Ясныхъ очей не стырай,
Мене зъ войны со славою
Къ соби ожидай!

Не хочу я ничего
Тылько тебе одного;
Ты будь здоровъ мій миленькій,
А все пропадай!

XVII.

Домино, лото и стуколка.

(Эпитафія).

Дорогихъ нѣтъ гостей,
Нѣтъ слоновыхъ костей—
Грустно!

Ночь бывало стучатъ,
Номера все кричатъ,
Вкусно!

Безъ серегъ, безъ браслетъ,
Разныхъ званій и лѣтъ
Евы.

Собирались сюда,
И дрались иногда.
Гдѣ вы?

Въ залъ никто не взойдетъ,
Ужъ сквозникъ не придетъ...
Померъ.

И въ таинственный часъ
Въ сводахъ слышится гласъ:
Померъ!

XVIII.

Нѣтъ силъ молиться! тяжело!
Душа молитвѣ не внимаетъ,
Въ ней чувство страсти залегло,
Она одной любви желаетъ.
И предъ иконою святой
Когда изъ устъ молитва льется,
Все беззаконною мечтой
Такъ сильно сердце мое бьется,
И умъ не хочетъ понимать
Божественнаго откровенья,
И только можетъ лишь сказать:
Пошли мнѣ, Господи, прощенья!

XIX.

Успокоилось бурное море—
Не реветъ, обезсиливъ, волна,
На обширномъ, на вольномъ просторѣ
Воцарилась опять тишина...
И на небѣ торжественно-чудномъ
Снова солнышко ярко горитъ,
Заливая лучемъ изумрудный
Весь обрызганный пѣной гранитъ.
Но покой мнѣ все кажется лживымъ:
Тамъ, глубоко въ пучинѣ морской—
Не затихли стихіи порыва,
Не умолкъ оглушительный вой!..
И подъ этимъ покоя покровомъ
Море черное злобу таитъ—
И вновь волны на гордый гранитъ
Побѣгутъ съ оглушительнымъ ревомъ...

XX.

Гдѣ вы лучшія мгновенья
Прежнихъ лучшихъ дней,
Гдѣ ты честное стремленье
Юности моей?
Гдѣ вы чистые порывы
Молодой души,
Вдохновенія приливы
Средь ночной тиши?
Гдѣ и ты, что отгоняла
Роковой вопросъ?..
Я къ подножію Ваала
Васъ давно отнесъ...
Я... я тотъ, что лобызаньемъ
Въ темнотѣ ночной—
Предалъ Бога на руганье
Грязною толпой!

XXI.

Отворилъ своей кельи окно я
И въ какой-то истомѣ стою...
Струи воздуха полныя зноя
Ворвались въ обитель мою.
Словно въ грезахъ стою очарованъ
И смотрю на могучій просторъ,
Что вдали горизонтомъ окованъ,
Да громадой синѣющихъ горъ.
Я смотрю на зеркальное море,
На покой и задумчивость водъ—
И какое-то тайное горе
Мое сердце мучительно жметъ!...

XXII.

Догорала заря за зеркальной рѣкой;
Набѣгали причудливо тѣни;
Ароматъ отъ цвѣтовъ и царящій покой
Призывали къ мечтательной лѣни.
И невольно прилегъ я въ саду на скамью
И закрылъ утомленные очи,
Жадно грудью вдыхая за струей струю
Опьяняющей царственной ночи.
И казалося кто-то, склонясь надо мной,
Говорилъ мнѣ любовныя рѣчи,
Обнималъ мою шею лилейной рукой,
Обнажая стыдливыя плечи...
И бѣжали всѣ черныя думы мои
Отъ природы чарующей ласки.
Я внималъ дивнымъ пѣснямъ родимой
земли
Слушалъ ландыши чудныя сказки...
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Онъ же шепталъ о волшебной далекой
странѣ,
Гдѣ не знаютъ мученій и горя,
О хрустальныхъ дворцахъ въ океанѣ на днѣ,
О пучинѣ сердитаго моря;
Онъ шепталъ мнѣ о царствѣ дремучихъ
лѣсовъ,
Гдѣ невѣдомъ топоръ дровосѣка,
И о царствѣ весны, гдѣ средь чудныхъ
цвѣтовъ,
Не ступала нога человѣка...

А. Оржеховскій.

XXIII.

Въ бѣдной комнатѣ поэта
На столѣ свѣча горитъ;
И забывъ забавы свѣта,
Онъ задумчиво сидитъ.—
Грудь его вольнѣе дышетъ,
Онъ унесся въ міръ другой,
И рука невольно пишетъ
Звукъ души его святой,—
Звукъ, который понимаетъ
Только истинный поэтъ;
Какъ онъ любитъ, какъ страдаетъ
Все узнаетъ это свѣтъ.

XXIV.

Когда печаль жестоко грудь терзаетъ,
И словно давитъ крестъ сомнѣнья и тоски,
И все прекрасное для сердца умираетъ
То жду и не дождусь я гробовой доски.—
Мнѣ кажется подъ сводами сырой могилы
Спокойно такъ лежать... страданье тамъ
уснетъ.
Не стану тратить я напрасно своей силы,
И горе и тоска въ могилу не придетъ.
Но и любовь не посѣтитъ мой трупъ
холодный,
А хочется любить... Любовь Творцомъ дана,
Хоть тяжело любить любовію безплодной,
Но все-жъ душа моя надеждою полна.

XXV.

Сновидѣніе Ягодина послѣ усердной молитвы, имъ самимъ разсказанное.

Усердно я вчера молился,
Молился съ чистою душой,
И вдругъ передо мной явился
Небесный милый образъ твой.
Я думалъ: это искушенье,
Хотѣлъ глаза свои закрыть,
Ты существо иль привидѣнье?
Долженъ былъ тебя спросить.
Но безотвѣтна ты стояла,
Улыбка на губахъ твоихъ
Такъ нѣжно, пламенно играла,
И страстный взглядъ очей твоихъ
До сердца моего коснулся;
Я понялъ все!... тихонько всталъ,
Душой какъ птичка встрепенулся,
Къ груди своей тебя прижалъ.
Потомъ раздался нѣги гласъ
И замеръ духъ... Прошло мгновенье,
И вдругъ пробилъ девятый часъ,
И кончилось сновидѣнье.
Но долго я еще искалъ
Тебя руками на постелѣ
И съ жалостью себѣ сказалъ:
Что-жъ это сонъ былъ въ самомъ дѣлѣ?!

XXVI.

Я васъ любилъ любовью непритворной,
Я васъ любилъ, души моей душа,
Я передъ вами былъ какъ рабъ покорный,
И плакалъ и грустилъ безъ васъ въ ночной тиши.

Вы были для меня какъ ангелъ-утѣшитель;
Я съ нетерпѣньемъ ждалъ минуты видѣть васъ;
Вы чистоты души моей хранитель,
Объ васъ я вспоминалъ въ тяжелый грусти часъ.
При васъ мое сильнѣе сердце билось,—
При васъ я сознавалъ, что я не одинокъ
Душа моя невольно къ вамъ просилась,
Но рокъ судьбы вдругъ сдѣлался жестокъ,
И тотъ, кого вы такъ нахально обругали,
Схватилъ ваше письмо и, передавъ друзьямъ;
Признаться вамъ, какъ всѣ надъ вами хохотали.
Но что могъ сдѣлать я своимъ врагамъ?

XXVII.

СЛЕЗА.

Душа! когда жестоко ты страдаешь,
Проси слезу, чтобъ сердцу помогла.
Слеза! ты много въ насъ страданья облегчаешь!
Безцѣнная слеза! лишь только потекла
И легче на душѣ, и меньше давитъ горе.
Ты въ насъ какъ перлъ на днѣ большаго моря!
Ты намъ даешь покой!
Способна сердца облегчать;
И мы съ истерзанной душой
Къ тебѣ лишь можемъ прибѣгать.

XXVIII.

Печальные, внятные и увеселительные русско народные пѣсни и романсы.

(*Записки сельскаго жителя Ивана Ѳомина*).

Луна зимою ясная
Блистала въ небесахъ.—
Одна дѣвица красная,
Въ раздумьи и мечтахъ

Сидѣла въ ветхой горенкѣ
Всю ноченьку безъ сна:
Наскучила сиротенкѣ
Ночная тишина.

Всгрустнула, пригорюнилась
Бѣдняжечка она
Какъ пташечка понурилась
Все сидя у окна.

Не помнитъ, горемычная,
Родителей своихъ:
Осталась безпріютная
Малюткой послѣ нихъ.

Не помнитъ приголубчивыхъ
Отъ матушки рѣчей:
Сидитъ въ мысляхъ задумчивыхъ;
Льетъ слезы изъ очей...

Проходитъ юность милая
У бѣдной ни за что:
Забыта какъ постылая,
Не сжалится никто...

Родства не любятъ бѣднаго,
Чуждаются ея:
Что платья мало цѣннаго
И денегъ у нея.

Никто ее красоточку
Посватать не придетъ,
Никто ее сироточку
Въ замужество не беретъ.

XXIX.

Ахъ мой милой, ахъ мой милой
Другъ безцѣнный, дорогой!
Ты зачѣмъ дѣвицѣ сирой
Разрушилъ въ груди покой.

Ты зачѣмъ тоску лихую
Мнѣ на сердце положилъ?
Ты зачѣмъ меня младую,
Здѣсь оставилъ позабылъ?

Сердце ноетъ, сердце ноетъ,
Обливается тоской...
Кто его утѣшить можетъ
Въ лютой горести такой?..

Кто безъ друга ретивое
Сердце можетъ исцѣлить?
Кто со мной во время злое
Горе можетъ раздѣлить?

Я страдаю, я страдаю,
Къ другу мыслію горю:
То скучаю, то вздыхаю,
То со вздохомъ говорю:
«Ахъ! мой милый другъ сердечной,
Ты когда придешь ко мнѣ?
Или ты въ разлукѣ вѣчной
Жизнь скончаешь на войнѣ?..

XXX.

Не страдай! Не страдай!
Не терзай ты себя:
Не скучай, не вздыхай,
Не оставлю тебя.

Не пекись, не томись,
Не гляди внизъ, стеня,
Размахнись, улыбнись,
Посмотри на меня.

Хоть на часъ весела
Будь надежда моя!
Всеминутно мила
Мнѣ улыбка твоя.

Отвяжись, удались
Скука злая отъ насъ,
Не кружись, не вертись,
Пропади съ нашихъ глазъ!

Раскатись, разнесись
По дремучимъ лѣсамъ,
Поселись, вкоренись
И живи вѣчно тамъ.

Не отдамъ скукѣ злой
Свой покой дорогой,
Не постраждетъ тоской
Разумъ мой молодой.

Я зальюсь, занесусь
Пѣсней звонкой своей
Взвеселюсь—расплящусь—
Насмѣшу всѣхъ людей...

Коль хотятъ, пусть глядятъ
На веселье мое;
Коль хотятъ, пусть дарятъ
Мнѣ почтенье свое.

Коль хотятъ, пусть велятъ
Продолжать мнѣ всегда;
Коль хотятъ, пусть кричатъ
«Браво» всѣ господа.

XXXI.

Наскучило мнѣ, матушка,
Въ свѣтлицѣ пребывать;
Всгрустнулось мнѣ, голубушка,
Узоры вышивать
Унылѣй мнѣ въ дни ясные
Сидѣть все подъ окномъ;
Потускли очи ясные
Надъ бѣлымъ полотномъ;
Устали ручки бѣлыя
Иголочки держать...
Грущу я сутки цѣлыя,
Хочу тебѣ сказать:
Что все мое ретивое
И ноетъ и болитъ;
Весь день оно томимое
И ночью не молчитъ:
То сладостно наполнится,
То сильно загруститъ;
То радость мнѣ вдругъ вспомнится,
То скука налетитъ...
Давно родима матушка
Хочу я объяснить,
Одной тебѣ безъ батюшки,
Чтобъ онъ не сталъ бранить.
—«Дитя мое, дочь милая!
Младенька ты грустишь;
Не думаешь, скучливая,

Что сердце истомишь».—
Ахъ, матушка родимая!
Гдѣ рѣчинька бѣжитъ,
Тамъ пташечка любимая
Меня развеселитъ.

XXXII.

Мѣсяцъ свѣтлой и большой,
Свѣтитъ свѣтло надъ горой:
Весело
На село
Смотритъ онъ ночной порой.

Парень бравый холостой
Ходитъ улицею той
Гдѣ стоитъ,
Гдѣ блеститъ
Домъ красотки молодой

Ходитъ, смотритъ онъ, глядитъ,
Гдѣ любезная сидитъ:
Смотритъ онъ
На балконъ
И на окна дома зритъ.

Тщетно, тщетно онъ груститъ
И себя напрасно льститъ:
«Похожу,
«Погляжу,
Про себя онъ говоритъ.

Не сидитъ ли гдѣ она
Дорогая у окна;
Не видать,
Не слыхать!
Знать красавица больна...

Не видать ея очей,
Не слыхать ея рѣчей!
Нѣтъ красы
Въ тѣ часы,
Въ кои стражду я объ ней.

Не является она,
Какъ прекрасная луна.
Не поетъ
И не шьетъ,
Какъ бывало, у окна.

«Ахъ! пошелъ бы къ милой я—
Да боюсь, что тамъ меня
Забранитъ,
Зажуритъ
Мать родимая ея».

«Впрочемъ буду посмѣлѣй,
Хоть скажу словечко ей».
Онъ бѣжитъ,
Онъ спѣшитъ
Къ дому миленькой своей.

Ко крылечку подбѣжалъ,
За колечко побренчалъ:
«Ахъ! проснись,
Пробудись!»
Онъ красоткѣ закричалъ.

«Встань, красавица, скорѣй!
Я стучуся у дверей.
Что за вздоръ?»
Разговоръ
Слышенъ въ комнатѣ людей.

«Ворочусь теперь назадъ;
Хоть не очень буду радъ.
Но куда—
Шла бѣда!..
Запою я пѣсню въ ладъ»:

«Какъ молоденькой я былъ,
Въ гости къ миленькой ходилъ!
То-то пилъ,
Я кутилъ...
Въ томъ и время проводилъ»!..

XXXIII.

Ахъ, сердце родное,
Ищи свой покой:
Во время ночное
Не стражди тоской...

Не зябни всечасно
Въ постылой груди,
Не мучься напрасно,
Не пой—погоди...

Ты дай мнѣ дождаться
Счастливаго дня:
Не буду скитаться
Повсюду стеня...

Не буду пригожихъ
Красавицъ встрѣчать,
Не буду хорошихъ
Невѣстъ примѣчать...

Не буду суетно
Я свахъ посылать;
Не буду я тщетно
Богатства желать...

Не буду я съ мѣста
На мѣсто скакать:—
Нашлась мнѣ невѣста—
Другой не сыскать...

Пусть ищетъ,—кто хочетъ
Въ томъ время терять;
Пускай тотъ хлопочетъ
Невѣстъ разбирать:

Другія такія,
Ины таковы;
А я такъ согласенъ
Взять дочь у вдовы.

XXXIV.

Спою я пѣсню о походѣ:
Еще недѣли не прошло,
Какъ ѣздилъ я на пароходѣ
Въ одно прекрасное село.

Неподалеку отъ столицы,
Вблизи дорожки столбовой,
Въ нарядѣ русскокъ тамъ дѣвицы
Гуляли въ праздникъ годовой.

Тамъ, гдѣ прекрасныя станицы
Цвѣтутъ у рощи за горой:
До самой ночи тамъ пѣвицы
Пропѣли лѣтнею порой.

Весь день красотки проиграли
Тамъ хороводомъ на лугу;
Весь день ребята пропляcали
Тамъ холостые во кругу.

Еще такихъ увеселеній
До дня того я не встрѣчалъ;
Еще такихъ вблизи селеній
Я никогда не замѣчалъ.

Еще такихъ дѣвицъ красивыхъ
До дня того я не видалъ;
Еще такихъ красавицъ милыхъ
Я никогда къ себѣ не звалъ.

Еще изъ дочекъ я крестьянскихъ
Невѣстъ себѣ не выбиралъ;
Еще я мыслилъ о дворянскихъ
А тѣхъ негодными считалъ.

А тутъ красивую Татьяну
Я было тщился замужъ взять;
Но уступилъ ее Иванъ—
Пускай не будетъ онъ пѣнять.

XXXV.

Вѣтеръ дуетъ и воетъ
Воемъ звонкозвучнымъ.—
У воротъ пѣвецъ поетъ
Голосомъ докучнымъ.

У воротъ, воротъ, воротъ,
У души-дѣвицы—
Онъ тоскуетъ и зоветъ
Таню изъ свѣтлицы:

«Выйди, выйди поскорѣй,
Милая Татьяна!
Ахъ! не медли—пожалѣй
Юнаго Ивана».

«Сдѣлай что нибудь одно
Ты безъ всякой лѣни:
Или выгляни въ окно,
Иль выйди въ сѣни».

«Скучно, скучно ожидать,
Быть здѣсь въ темной ночи;
Сколь же лестно увидать
Мнѣ прелестны очи».

«Я скучаю безъ тебя,
Стражду повсечасно,
Угнетаю самъ себя
Тщетно и напрасно».

«Слышенъ, слышенъ скрипъ дверей,
Знать ужъ пробудилась!..
Ахъ! мнѣ стало веселѣй,
Скука прекратилась».

Тутъ онъ звонко заигралъ
Въ гусли дорогія,
И играя воспѣвалъ
Пѣсни плясовыя:

«Гусли, гусли веселѣй,
Громко заиграйте
И слова моихъ мыслей
Въ пѣсняхъ выражайте!»

Вдругъ явилась на крыльцѣ
Нѣжная Татьяна,
И взглянула на лице
Юнаго Ивана.

Парень быстро подбѣжалъ,
Обнялъ дорогую
И обнявши цѣловалъ
Онъ свою милую.

XXXVI.

Ахъ! доля моя, доля бѣдная моя!
Знать мнѣ не видать развеселаго житья.
Ахъ, сердце мое, для чего ты такъ грустишь,
Щемишь и болишь, все тоскуешь, все скорбишь?

Ахъ, Настя моя! изсушила ты меня:
Не сплю—все скорблю; и въ ночи и среди дня...

Ахъ, гордая тварь! ничего не говоритъ:
Серьезна сидитъ; не цѣлуетъ, не глядитъ.

Ахъ, какъ же мнѣ быть, какъ мнѣ Настью позабыть?
Нѣтъ! нѣтъ! нельзя быть, чтобы Настю разлюбить!

XXXVII.

Ахъ, ты парень, парень бравый молодой!
Говорятъ ты неженатый холостой...
Для чего же ты не женишься?
Ты женившись—перемѣнишься.

Ты не будешь повсечасно тосковать,
Ты не будешь до полуночи стоять—
У прекрасной новой горницы,
У дѣвицы полюбовницы.

Ты не будешь понапрасну слезы лить,
Будешь вмѣстѣ съ милой радости дѣлить
Во любви съ нею живучи,
Заживешь ты принѣваючи.

XXXVIII.

Не тряси, не качай
Головою Авдей,
Не смѣши, не смущай,
Не вводи въ грѣхъ людей...

Не сердись, не гордись,
Воротись поскорѣй
Умились разпростись
Съ Аграфеной своей.

Не сиди, не гляди
Аграфена въ окно,
Не грусти и не жди,—
Онъ уѣхалъ давно...

Не вздыхай, не скорби,
Не воротишь его;
Лучше ты полюби
Аграфена того.

Кто пригожъ, кто красивъ,
Да кто вѣренъ собой,
Не ревнивъ, не спѣсивъ
И не гордъ предъ тобой.

Митрофанъ, Митрофанъ
Не носи по пятамъ
Полосатый кафтанъ,
Не ходи къ воротамъ...

Не тщеславь ты себя.
Какъ пернатый павлинъ,
Не отдастъ за тебя
Дочь свою дворянинъ.

Агафонъ, Агафонъ,
Не носи балахонъ,
Сшитъ на модный фасонъ,
Не прельщай мужнихъ женъ...

XXXIX.

Знать задумалъ другъ жениться
Не заѣхалъ и проститься,
Не заѣхалъ онъ злодѣй
Къ полюбовницѣ своей;
Не заѣхалъ другъ любезный
Не утѣшилъ токъ мой слезный.
Не найти ему пути,
И невѣсты не найти...
Всѣ откажутъ—не прикажутъ,
И на дверь ему укажутъ,
«Поѣзжай ты злодѣй
Къ полюбовницѣ своей!»

XL.

Ноетъ сердце непрестанно,
Ноетъ день оно и ночь
Мыслю тщетно, мыслю странно
Про купеческую дочь.

На балу я веселился
У знакомца моего;
Тамъ въ красавицу влюбился,
Въ дочку милую его.

Послѣ съ ней не увидался;
Сутки тщетно прострадалъ;
На другія догадался
Къ ней записку написалъ.

Написалъ ее стихами,
Въ нихъ дѣвицу умолялъ;
Умолялъ ее слезами,
О любви напоминалъ.

О любви напоминалъ,
Обѣщался вѣренъ быть:
Съ дней плѣненныхъ начиная,
И во вѣкъ не позабыть.

Тщетна, тщетна та записка,
Мнѣ она не помогла;
Изъ моихъ слугъ у мальчишки,
Мать дѣвицы той взяла...

Взявши скоро прочитала,
Весь секретъ узнала въ ней
И записку разорвала
При слугѣ тамъ у дверей.

Со слезами возвращаясь
Мой посланникъ въ тотъ же часъ;
Предо мною извиняясь,
Не исполня мой приказъ.

Я объ томъ теперь жалѣю,
Что слугу къ ней посылалъ;
Но и самъ идти не смѣю:
Всѣ надежды потерялъ!..

Ноетъ сердце непрестанно,
Ноетъ день оно и ночь,
Мыслю тщетно, мыслю странно
Про купеческую дочь.

XLI.

Прочь! прочь отойди,
Отвяжись отъ меня!
Не стой, не гляди—
Не прельстишь ты меня!

Ты старъ, ты не милъ,
Не украсишь себя;
Ты хилъ, ты постылъ,—
Не люблю я тебя!

«Хоть старъ—да богатъ!»
Мнѣ старикъ отвѣчалъ
И въ тысячу кратъ
Онъ меня улещалъ.

Ахъ! грѣхъ знать ко мнѣ
Старика приволокъ;
Не присниись ты во снѣ;
Пропади старый клокъ!..

XLII.

У купца было, купца,
У богатаго отца
Былъ сынъ Ваня—парень бравый,
И веселый и удалый;
То-то, то-то молодецъ;
Словомъ—словомъ удалецъ!..

Всѣ купцы его любили,
Всѣ жильцы его хвалили,
Дивовались красотѣ,
Любовались добротѣ.

Онъ всегда ходилъ нарядно,
И прилично и опрятно:
Любо, любо поглядѣть,
Любо, любо посмотрѣть!

Какъ бывало въ хороводѣ,
Онъ отмѣнный былъ въ народѣ:
Если пѣсню запоетъ,
Всѣхъ утѣшитъ,—упостъ.

Если въ гусли заиграетъ,
Умъ и разумъ отыграетъ...
Если жъ онъ пойдетъ плясать,
То нельзя и описать...

Онъ однажды на базарѣ
Шѣлъ, играя на гитарѣ;
Шѣлъ онъ, нѣжно воспѣвалъ,
Всѣхъ напѣвомъ утѣшалъ.

Тамъ дѣвица—круглолица,
Какъ его будто сестрица,
Полюбила такъ его,
Будто брата своего!

Онъ же вдвое горячѣе,
Къ ней пылалъ огнемъ жарчѣе;
Часто, часто онъ вздыхалъ,
Сильно, сильно тосковалъ.

Это все бы не причина,
Все бы, все бы не кручина,
Что влюбился онъ въ нее:
Да не взять ему ее...

Что она вѣдь не крестьянка,
А природная дворянка;

Дочь помѣщика была,
И красавицей слыла.

И посватать онъ не смѣетъ,
Что и чина не имѣетъ;
Сильно, сильно онъ груститъ;
Больно, больно онъ скорбитъ.

Конецъ.

Село Путилово.

Казенный мастеровой *Иванъ Павловъ Ѳоминъ.*

XLIII.

Къ моимъ врагамъ.

Не дорожу молвой народной я,
И не ищу ея любви лукавой,
Но не предъ кѣмъ не склонится глава моя,
Увѣнчанная справедливой славой.

И пусть не нравится имъ мой жестокій стихъ,
Но въ немъ они увидятъ недостатки свѣта.
Конечно, злобою сердца забьются ихъ,
Но все жъ они никакъ не пошатнутъ поэта.

269. Собственноручная записка знаменитаго нашего гравера Ѳ. Іордана: „Черты великаго мужа принадлежатъ великой и прекрасной вашей душѣ! — Эти мысли сопровождаютъ мой малый подарокъ, который да украситъ одну изъ стѣнъ вашего достойнаго помѣщенія“.

Писана на 4 страницахъ въ листъ.— Эрмитажъ. 10 ноября. 1871 года.

270. Собственноручная записка Н. Страхова къ его превосходительству Петру Николаевичу Исакову, отъ 13-го марта 1891 года. Писана на одномъ листѣ почтовой бумаги.

271. **Современное состояніе Россіи и сословный вопросъ.** Рукопись на 30 листахъ (in fol.), писана мелкою скорописью, безъ означенія года.

272. **Сократъ.** — Рукопись XIX вѣка. Перевелъ съ нѣмецкаго Н. М. Соловьевъ. Въ четвертую долю на 18 листахъ. Писана скорописью.

Рукопись начинается описаніемъ жизни Сократа.

Въ концѣ рукописи находится собственноручная подпись переводчика.

Куплена мною эта рукопись въ книжномъ магазинѣ Марцева, въ Спб.

273. Солдатская жизнь. Стихи. Писаны въ 1804 году Лейбъ гвардіи Измайловскаго полка рядовымъ Василіемъ Макаровымъ.

Въ листъ 10 страницъ.

Въ виду исключительной рѣдкости и особаго интереса въ библіографическомъ отношеніи, считаю не лишнимъ привести здѣсь „Солдатскую жизнь“ полностію съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

За это сочиненіе солдатъ-стихотворецъ Макаровъ впослѣдствіи былъ переведенъ изъ гвардіи въ Елецкій мушкатерскій полкъ, гдѣ и былъ наказанъ шпицъ-рутенами, или какъ говорилось „прошелъ нѣсколько разъ сквозь зеленую улицу“.

И отечеству защита,
А спина моя избита;—
И отечеству ограда,—
Въ тычкахъ-палкахъ вся награда».

В... Макаровъ.

«Здѣсь на правду-то не мода—
Сгонятъ палками въ полгода,
А случится и въ недѣлю—
Спознать вѣчную постелю».

В... Макаровъ.

«Живи дольше ты, служивый,
Вотъ удѣлъ твой весь щастливый,—
Въ службѣ ходишь ты съ ружьемъ,
Въ отставку выйдешь съ кошелемъ».

В... Макаровъ.

СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ.

Поэма.

1. Писанная въ большомъ городѣ, въ бѣлокаменныхъ палатахъ, опытнымъ че-

ловѣкомъ, Измайловскаго полка солдатомъ Василіемъ Макаровымъ.

Пѣснь первая.

Хоть читай, хоть не читай,
А философомъ не почитай;—
Я солдатъ не богословъ,
И не знаю красныхъ словъ;—
А пишу я не романы,—
Сущу правду, не обманы:
Что гласъ видитъ, ухо слышитъ,—
То рука моя и пишетъ.
Хотя можетъ быть накладно,
Но для меня все это ладно:
Естли худо я пишу,—
Такъ поучить тебя прошу;
Когда знаешь—поучи,
А не знаешь—такъ молчи;
Но я покорнѣйшій слуга—
Предъ тобою какъ дуга,
И всегдашній вашъ служитель,
Сей поэмы сочинитель.
На Парнасъ влетѣть не смѣю,
А пишу, что разумѣю.
Мнѣ не надобенъ Пегасъ,
И пишу я безъ прикрасъ;
Что томитъ меня, крушитъ—
Безовременно сушитъ:
Я отечеству защита,
А спина моя избита;
Я отечеству ограда—
Въ тычкахъ-палкахъ вся награда.
Кто солдата больше бьетъ,
Себѣ чины тѣмъ достаетъ;
А коли бить кто не умѣетъ,
Тотъ ничто не разумѣетъ.
О, солдатъ! ты горемыка,
Хуже лапотнова лыка;
Твоей жизни хуже нѣтъ.
Про то знаетъ цѣлый свѣтъ;
Тебя дуютъ, тебя бьютъ
Такъ какъ полосу куютъ;
Тебя палкой бьютъ по рожѣ,
А собаку чтутъ дороже;
Разбиваютъ лобъ и губы,
Выставляютъ вонъ и зубы;
Если жъ мало той причины,
Начнутъ варить въ три дубины,
Будутъ бить хоть по спинѣ,
А достанется тутъ и скулѣ;
Десятковъ пять—шесть завалятъ,
Такъ всѣ кости заболятъ;
А какъ плохъ пять—шесть случится,
То и мозгъ весь закружится;
Лучше въ свѣтѣ не родиться,
Чѣмъ въ солдатахъ находиться:
Этой жизни хуже нѣтъ,
Хоть изойди весь бѣлый свѣтъ.
Въ караулъ пойдемъ—такъ горе,
А домой придешь—такъ вдвое:
Въ караулѣ намъ мученье,
А смѣнились—на ученье;
Въ караулѣ жмутъ подтяжки,
На ученье жди расгяжки.
Стой прямо и тянись,
За тычками не гонись,
А оплеухи и пинки
Принимай такъ какъ блинки.
Еслижъ кто всталъ въ поздне время,
То припасай палокъ беремя,
Хоть заклясться ему—
Въ томъ не вѣрятъ почему;
Онъ божится, увѣряетъ,
А командиръ не довѣряетъ:
Полно, полно, не божись,
За тычками не гонись!
О, бѣдное, солдатъ, созданіе!
Твое слово—оправданіе.
А заболитъ когда солдатъ,
То бейся объ закладъ:
Хоть бы какъ онъ ни божился,
Скажутъ только: залѣнился!
Хоть съ неба тяну Бога,
Говорятъ: въ немъ лѣни много,
Знать, не хочетъ онъ служить;
Отчего больному быть?
Онъ не боленъ, а съ похмѣлья,
Знаемъ все его бездѣлье!
А какъ наружной нѣту раны,
Говорятъ: что все обманы;
Развѣ духъ изъ кого вонъ,
То былъ вправду боленъ онъ,
Но послѣ смерти хоть жалѣютъ,
Да пособить ужъ не умѣютъ,
Но чтутъ тогда его хвалою:
Былъ вправду боленъ, говорятъ,
И жалости ему окажутъ:
Молодецъ былъ, бравый, скажутъ;
Но онъ ужъ мертвъ, лишился жизни
Во вѣкъ не встанетъ изъ могилы.

—

СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ.

Поэма.

Песнь вторая.

О прекрасная весна,
Ты пріятна и красна!
Если вольнымъ кто родится,
Тотъ тобою веселится,
А солдату ты, весна,
Очень, очень не сносна.
Тутъ начнутся всѣ ученья,
Всѣ тиранства и мученья.
О, солдатская спина,
Ты къ несчастью рождена!
Ты родилась для бѣды:
Тебя бьютъ безъ череды;
Офицеры такъ—какъ черти
Солдатъ бьютъ чуть не до смерти
Кулаками по скуламъ
И тростями по бокамъ;
А тростей какъ мало станетъ,—
Тесаковъ на то достанетъ;
И экспантоны не гуляютъ,
Въ бока часто прилетаютъ.
Полковники и генералы
Нынѣ тѣже обдиралы:
Попадись имъ только въ руки,
То натерпишься ужъ муки:
Будь хошь малая бѣда,—
То прости уже спина!
Оправданья не принимаютъ,
Только шкуры обдираютъ;
Говорятъ же: «стой, молчи!»
Коть правъ, да не ворчи,
Уважай ихъ примѣры.
И другіе офицеры
Тщатся имъ въ томъ подражать,
Другъ предъ другомъ щеголять.
Кто бьетъ солдата,
Тотъ считается за хвата.
Мастеръ бить кто гренадеръ,
Тотъ исправный офицеръ,
Своя братья почитаютъ,
Должность знающимъ считаютъ.
А какъ отъ каменныхъ палатъ
Весь засохъ бѣдный солдатъ.
Хоть съ наружнова-то вида
Жить въ нихъ и не обида
Но во внутренность войдешь,
Волчью пѣсню запоешь
Тамъ человѣкъ съ двадцать немножко
Вбейся всѣ въ одно окошко;

Изувѣченъ, дряхлъ и боленъ
И что въ немъ есть, что онъ уволенъ,
Но онъ не только работать,
Съ трудомъ и съ мѣста можетъ встать.
Чѣмъ же будетъ онъ питаться:
Долженъ по міру шататься,
Жизнь убогую вести
И съ пятеркой въ міръ брести.
Больше нѣтъ ему надежды
Достать хлѣба и одежды,
А какъ нужно ночевать,
То изволь гдѣ хочешь спать,
Иль ступай въ кабакъ за бочку,
Или въ полѣ на лугу,
А зимою на снѣгу!..
Вотъ награда вся за службу!
Взвоешь волкомъ чрезъ нужду!
Живи дольше ты, служивый;
Вотъ удѣлъ весь твой счастливый:
Въ службѣ ходишь ты съ ружьемъ,
Въ отставку выйдешь съ кошелемъ,
А какъ пойдешь уже въ нищіи
То умрешь совсѣмъ безъ пищи.
Но я увѣренъ въ томъ и твердъ,
Что Богъ хотя и милосердъ,
Но за то также, что Онъ съ Неба
Никакъ не пришлетъ въ нищу хлѣба.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Полно, слишкомъ я заврался,
До всей тонкости добрался.
Здѣсь на правду-то не мода:
Сгонятъ палками въ полгода,
А случится и въ недѣлю
Спознать вѣчную постелю.
За одно слово не въ сласть
Всякъ убить имѣетъ власть.
Сотъ пять палокъ закатятъ,
Такъ всѣ кости затрещатъ.
И только чуть лишь проступись—
На вѣкѣ съ жизнію простись.
Видѣли теперь примѣры,
Каковы сіи лицемѣры.
На словахъ они и гладки,
Да служить съ ними не сладко!
Хоть видъ имѣютъ человѣка,
Но жалости въ нихъ нѣтъ отъ вѣка.
Солдатъ гибнетъ до конца,
А въ нихъ варварски сердца;
Говорятъ: солдатъ больно не бивать
И добра въ нихъ не видать,
Ихъ всегда бить должно пьяницъ,
А сами сидятъ подлѣ скляницъ.
Пропиваютъ насквозь ночи,
А потомъ скажутъ: нѣту мочи.
И перепившись всѣ до драки,
Затопорщатся какъ раки,
А по утру скажутъ: боленъ,
Но отвелъ духъ—и уволенъ.
Но спина моя свербитъ,
Перестать молоть велитъ
И говоритъ: «Хозяинъ! полно, полно,
Вѣдь очень, очень будетъ больно:
Какъ узнаетъ капитанъ,
То сдеретъ родной кафтанъ!
Я совѣтъ спины уважу:
Себя больше не отважу;
Хоть поэмы не окончу,
А посему и замолчу...
Вотъ вамъ и конецъ!
На всегда будь молодецъ!...

274. Соловью.—Стихотвореніе неизвѣстнаго автора; на одномъ листѣ въ четвертку, безъ означенія года.

Содержаніе слѣдующее.

Соловью.

Распѣвай, распѣвай соловей
Подъ наклонами сирени!
Въ часъ досуга съ ложа лѣни
Сладко къ пѣснѣ роскошной твоей
Мнѣ прислушиваться.

Распѣвай, распѣвай соловей!
Ты судьбой своей доволенъ,
Ты и веселъ, ты и воленъ,
И гармонія пѣсни твоей
Льется радостію.

Распѣвай, распѣвай соловей
Подъ наклонами сирени!
Пробуди меня отъ лѣни,
И любовь къ пѣснопѣнью навѣй
На разнѣженнаго.

Вдалекѣ отъ друзей и отъ ней,
Отъ Алины вѣчно милой,
Не до пѣсней мнѣ ужъ было...
Пробуди же меня соловей
Отъ бездѣйственности!

Распѣвай, распѣвай соловей
Подъ наклонами сирени!
И восторги пѣснопѣній
Перелей въ меня трелью твоей
Разсыпающейся!...

(Р).

275. Романсъ. (На потопленіе Дубянскаго Ф. М. 1796 года августа 5-го дня). Сочиненіе Державина. Писано мелкою скорописью на одномъ продолговатомъ листѣ, безъ означенія года.

Привожу здѣсь полную перепечатку этого романса.

Романсъ.

(На потопленіе Дубянскаго Ф. М. 1796 года августа 5-го).

Изъ-за облакъ мѣсяцъ красный
Всталъ и смотрится въ рѣкѣ.
Сквозь туманъ и мракъ ужасный
Путникъ ѣдетъ въ челнокѣ.

Блескъ луны предъ нимъ сверкаетъ,
Онъ гребетъ сквозь волнъ и тьму;
Мысль утѣхи воображаетъ,
Берегъ видится ему.

Но челнокъ вдругъ развалился;
Путникъ мрачну пьетъ волну,
Сколь ни силился, ни бился,
Онъ пошелъ какъ ключъ ко дну!

Се видъ жизни скоротечной!
Сколь надежда намъ не льсти,
Все погибнетъ въ безднѣ вѣчной,
Милый другъ и братъ прости!..

Державинъ.

276. Состояніе учебныхъ заведеній въ Ирбитѣ до 1835 года. Сочиненіе И. Иконникова.

Писано скорописью на 40 листахъ.

Настоящая статья—отрывокъ изъ составленной И. Иконниковымъ „Исторической записки объ ирбитскомъ уѣздномъ училищѣ".

Статья эта писана собственноручно авторомъ 17-го января 1871 года, въ г. Ирбитѣ, Пермской губерніи.

Праздникъ тирольцевъ.

Рисунокъ польскаго художника П. С.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцова.

277. Сочиненія Александра Михайловича Куницкаго. Рукопись, въ листъ, писанная скорописью въ половинѣ XIX вѣка, 210 страницъ.

Эта рукопись состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ 1-мъ помѣщены разныя стихотворенія, а во II-мъ — нѣсколько небольшихъ разсказовъ въ прозѣ. Рукопись писана крупною скорописью, самимъ авторомъ.

Для болѣе полнаго представленія объ этомъ любопытномъ сборникѣ, привожу здѣсь выписку нѣсколькихъ произведеній въ стихахъ и прозѣ.

Симеонъ Богопріимецъ.

I.

Уже послѣднія страницы
Еврей писанія писалъ.
Онъ жилъ отдѣльно; братьевъ лица
Ужъ цѣлый мѣсяцъ не видалъ.
И потому спѣшилъ скорѣе
Окончить начатый свой трудъ.
Вольнѣй вдыхала воздухъ грудь,
Лицо сіяло веселѣе,
И онъ, склонясь, живѣе пишетъ,
Слова бѣгутъ изъ-подъ пера
И сердце радостію дышетъ:
Наступитъ вольности пора.
И вдругъ: «зачнетъ во чревѣ
Святая Дѣва на земли
И родитъ чистаго Мессію».
Его глаза въ строкахъ прочли...
И переписчикъ усомнился,
Волненья полна голова,
И свитокъ начатый свалился;—
Святая мысль ему нова
И Дѣву Чистую «женою»
Хотѣлъ въ страницахъ замѣнить,
И проводилъ уже рукою
Онъ: «Се жена его родитъ».
Вдругъ ангелъ грѣшнику явился
И съ устъ его снеслись слова:
«Ты словъ Писанья усомнился,
Ты усомнился во Христа,
И съ этихъ поръ, какъ чуждый мытарь
Ты будешь жить между людей,
И смерти ждать, пока евреямъ
Не сойдетъ съ Неба Царь Царей!
И онъ замолкъ и тихо скрылся,
Сіяя свѣтлою чертой.
И мнитъ еврей: «ты усомнился,
Ты замѣнилъ Ее женой».
Съ тѣхъ поръ не трогаемъ лѣтами,
Онъ жилъ отдѣльно отъ другихъ
И Бога скорбными устами
Молилъ скончанья лѣтъ своихъ.

II.

И вотъ родился ужъ Спаситель;
Ходили съ Персіи волхвы
И былъ обрѣзанъ Искупитель
Закономъ избранной страны.
Но вотъ уже два раза двадцать
Прошло съ его рожденья дней,
И былъ во храмъ введенъ Учитель
Къ служенью Кесарю Царей...
Тогда то духомъ осѣненный
Вошелъ во храмъ святой Отецъ
И, видя Бога, вдохновенный
Онъ рекъ: «страданіямъ конецъ!»

. . . . . .

И онъ окончилъ мракъ безсмертный,
Въ его сіяло уже очахъ;
И Бога Чистаго, онъ смертный,
Держалъ въ страдальческихъ рукахъ...

Разсказъ Антипа „Питерца".

I.

Въ селѣ Перункахъ у цѣловальника Михаила Андроповича Косушкина, въ его просторномъ „питейномъ" всегда обрѣтались гости; но сегодня, на святкахъ у него какое то особенное собраніе; вишь, онъ задалъ своимъ нѣкоторымъ родственничкамъ и самымъ, что называется тузамъ сельскимъ, что то вродѣ пирушки. Политику добрую велъ Андронычъ съ „обчествомъ" и зналъ очень хорошо—„гдѣ раки зимуютъ". Изъ трехъ кабаковъ, бывшихъ въ селѣ, міръ присудилъ быть одному и именно

кабаку Михайла Андроныча, какъ для того, чтобы народъ меньше соблазнялся, такъ для того... ну, что вообще... Андронычъ такой ужъ человѣкъ, значитъ, душа, одно слово. Ходитъ онъ около своихъ гостей съ улыбочкою, съ осанкою и кабацки-граціозно понуждаетъ каждаго „кувырнуть", не жалѣть же ему ведерка, другаго; надо и честь знать и то, на чемъ спустить должно копѣйку, на чемъ и выручить двѣ, и знаетъ онъ это, отлично знаетъ!

Изъ самыхъ близкихъ и дорогихъ Андронычу гостей, былъ церковный староста Кузьма Ивановичъ—его кумъ, высокій, худощавый старикъ, съ красной жиденькой бородкой. Въ селѣ онъ былъ сила не малая, потому грамоту отлично зналъ, а ученъ такъ, что одного разу семинариста срѣзалъ на учености. Кромѣ своей учености, староста Кузьма былъ еще тѣмъ отличаемъ, что жизнь велъ праведную и при всемъ своемъ разумѣніи пребывалъ въ великомъ смиреніи. Сельскій священникъ, батюшка Афонасій, замѣтя это его смиреніе и учепость, сдѣлалъ церковнымъ старостою и часто говорилъ: „вотъ кто талантовъ своихъ не зарылъ въ землю!" Но самъ себя Кузьма Иванычъ, особенно когда выпьетъ, считалъ всегда великимъ грѣшникомъ, потому, де, что кто постигнетъ помыслы человѣческіе окромѣ Господа? и что человѣкъ думаетъ; а думаетъ онъ иной разъ, по наущенію нечистаго, такое, что если бы зналъ велемудрый отецъ Афонасій (Кузьма всегда называлъ батюшку „велемудрый"), то не только въ церковь, а и въ предверія церковныя пускать не сталъ.

Другой, не менѣе перваго, дорогой гость былъ сотскій староста Скотевъ, испитой и слабый видомъ старикашка, но по праву вдовца сильно ухаживающій за всѣми солдатками въ селѣ. Его маленькаго совершенно было и не видать изъ-за высокаго Кузьмы, тѣмъ болѣе, что онъ сидѣлъ не подвижно и только его живые черные глазки свидѣтельствовали, что онъ не спитъ и еще „въ своемъ разумѣ". Этотъ невзрачный мужичепка былъ энергическій коноводъ по части выпивки и немного „попорченный", по отзыву самого хозяина, Андроныча. Такой отзывъ получилъ онъ по своему праву: молчаливый, смирный, Скотевъ казался умнѣе своихъ товарищей въ трезвомъ видѣ, но когда „перескочитъ за градусъ"—начнетъ шумѣть, буянить, метаться и кричать, чтобъ его вязали, а то онъ перерѣжетъ всѣхъ. Впрочемъ къ чести его организма должно сказать, что „перескакивалъ за градусъ" онъ очень рѣдко, потому что много зелена-вина для этого нужно было; обыкновенно онъ пьетъ себѣ да молчитъ, только затылокъ почесываетъ, да своими блестящими глазками поваживаетъ. Онъ также приходился кумомъ Андронычу. Было тутъ еще нѣсколько изъ „важныхъ", но мы упоминемъ только, что бы не утомлять себя, о двухъ „важнѣйшихъ"—это староста Антипъ и дьячекъ Кириллъ. Антипъ молодой, здоровый мужикъ, съ благообразной вѣчно-веселой физіономіей, замѣчателенъ тѣмъ, что работалъ въ Питерѣ и видалъ тамъ разные виды. Это былъ неистощимый говорунъ и первый разсказчикъ въ селѣ, когда дѣло шло о Питерѣ, за что и получилъ прозваніе „Питерщикъ". Ловкость его и бойкость нравились всѣмъ, но только не долюбливалъ его, какъ своего соперника по „учености" и „вольнодумству" Кузьма. Ненавидѣлъ его еще дьячекъ во первыхъ за то, что тотъ всегда, при удобномъ случаѣ, смѣялся надъ нимъ, и во вторыхъ, за то въ особенности, что Антипъ насмѣхался надъ нечистой силой, даже не

вѣрилъ въ нее, и тѣмъ ставилъ благочестиваго дьячка въ затруднительное положеніе. Дьячекъ былъ уже не молодой, сухопарый и сильно подвижной человѣчекъ, прозванный въ селѣ „пронюхаломъ", любилъ хорошенько выпить и, не смотря на то, что былъ дьячкомъ въ селѣ недавно, заслужилъ за свое попрашайство, а также и скряжничество кличку „грабастаго Лазаря". Хотя жилъ онъ очень скромно, но всѣ попрекали его, не смотря на вѣчно рваные локти, что онъ копитъ деньги, и что денегъ у него—„тьма". Между сими-то гостьми, еще, благодаря привычкѣ, владающими языками своими, почитай и шла бесѣда на святкахъ, въ просторномъ кабакѣ Михаила Андроныча Косушкина Прочіе, или сидѣли въ сторонѣ и толковали потихоньку о своихъ дѣлишкахъ, или, потерявъ равновѣсіе, прислонившись къ стѣнѣ, почивали.

Кузьма съ дьячкомъ о „божественномъ" тарабарили, къ нимъ присталъ Антипъ и свелъ разговоръ на нечистую силу и на то, что вся она—одинъ обманъ. Кузьма, по обыкновенію, долго вразумлялъ его, но, видя, что тотъ и не слушаетъ, разобидѣлся.

— Душа твоя отвернулась отъ Господа, вотъ что!—закончилъ староста.—Ты, братъ, такъ и знай: эти самые черти, которыхъ ты говоришь, что нѣтъ—допекутъ ужъ тебя, когда ты протянешь во гробу ноги!

— Кого?—отозвался дьячокъ.—Антипа?.. огнемъ и жупеломъ—это, какъ по писанію,—вѣрно!

— Ну, ужъ ты то помалкивай,—обратился Антипъ къ дьячку,—меня когда еще будутъ, а тебя, видно, жарятъ и теперь; ишь ты какой поджарый!

— На сіемъ свѣтѣ только праведниковъ нечистая сила допимаетъ,—замѣтилъ не впопадъ Кузьма.

—Да и правда,—согласился Антипъ,—ежели бы не такъ, то давно бы твоего друзяки не было въ живыхъ, какъ разъ бы заѣли черти! а то, вишь, его не трогаетъ сатана.

Дьячекъ, какъ ни старался задѣть его,—Антипъ смолчалъ.

— Вонъ, напримѣръ, Тимофея, хоча, взять теперь,—продолжалъ онъ,—тотъ самъ, я думаю, теперь должно человѣкъ богобоязненный. Его вчерась такъ допекла нечистая сила, что онъ и доселѣ, поди, лежитъ съ перепугу въ лихоманкѣ, да и носъ изувѣченъ.

— Что такъ?

— Да такъ. Вчерась ввечеру, когда я уже легъ, мнѣ на умъ пришло, что кобылѣ своей я корму не задалъ. Встаю, такъ ужъ у полуночи, выхожу на дворъ и слышу: кричитъ кто-то. Луна свѣтила... иду къ плетню и вижу—бѣжитъ человѣкъ и такъ шибко бѣжитъ, будто самъ нечистый гонится за нимъ по пятамъ. Пробѣжалъ онъ это мимо плетня, да объ Тимохины вороты какъ стукнется лбомъ! ажно отъ стука всѣ собаки пробудились. Стой, да это самъ Тимофей думаю, откудаво это несло?.. что за оказія!.. Перелѣзъ я черезъ свой плетень, подхожу къ нему. Это ты, говорю, Тимоха?—Я, — говоритъ. — Что это съ тобою нонече? — Охъ! — стонетъ,—грѣхъ тяжкій! Я его поднялъ, а онъ то весь въ крови,—ужъ не напали ли воры да не поранили ли его, думаю,—такъ нѣтъ, носъ столько больно расшибленъ.—Откуда те нелегкая несла, какъ угорѣлаго, спрашиваю.—Охъ, мочи нѣту! — стонетъ.—Завтра разскажу... А самъ все назадъ озирается, а какъ калитку отворили ему, онъ и пошелъ. А мнѣ-то очень любопытственно стало: откудаво его несло и чего онъ испужался?.. Вотъ я сегодня иду къ нему, а онъ, ради святокъ, охаетъ и разсказываетъ мнѣ вотъ что:

— Вчерась,—говоритъ,—я у Андроныча съ компаніей „подгулялъ"—Съ кѣмъ былъ не говоритъ; только знаю, что былъ съ нимъ Савостьянъ Мирошникъ...

— Былъ Мирошникъ, былъ съ нимъ Платонъ да Савостьянъ хромой, да еще былъ Пѣнцовъ Гришка, всѣхъ пять человѣкъ,—пояснилъ Андронычъ.

— Ну вотъ... значитъ такъ и будетъ. Правду сказать, хоча Мирошникъ этотъ и знахарь нашъ, но на сей разъ Кузьма не ошибся, что онъ плутъ бѣдовый, да и знахарь то онъ какой! только людей дуритъ. Этотъ Савостьянъ выпимши, развязалъ языкъ и давай компаніи своей о планидахъ толковать, сталъ похваляться, что какъ ни страшна для нихъ нечистая сила, но противъ него она ничего не стоитъ. Я, говоритъ, ее всю въ своей дисциплинѣ содержу, и ежели захочу, то мнѣ нечистые кажинную ночь будутъ разныя уваженія дѣлать, только души губить не хочется, говоритъ, а то бы у меня черти и пахали и жернова на мельницахъ ворочали, и караулъ содержали,—все дѣлали. И теперь, говоритъ, они у меня на мельницахъ есть, только я не обращаю на нихъ вниманія; они тамъ себѣ потѣшаются, говоритъ, ночью, а я себѣ сплю, ужъ развѣ сильно развозятся, то выругаю, прикрикну на нихъ и—ниши-ши!... Много такова диковиннаго съ пьяна то говорилъ. Вотъ Тимофей подобныхъ рѣчей наслушавшись, тоже почувствовалъ необыкновенную храбрость и говоритъ Мирошнику: „Ну, а можешь ты чрезъ своихъ камчадаловъ *) узнать судьбу человѣческую, какое счастье, значитъ будетъ кому?"—„За одинъ годъ, отвѣчаетъ Мирошникъ, можно узнать, потому де, что черезъ годъ земля опять на свою точку становится, а ежели за много лѣтъ, то это, говоритъ, трудно: мнѣ то, говоритъ, ничего, но кто захочетъ дѣлать такое гаданье, тотъ долженъ быть вполнѣ отчаяннымъ, такимъ, что ни почемъ не сробѣетъ, потому тутъ безъ подмоги Люцифера не обходится, а Люциферъ этотъ командиръ чертовскій, зело сердитъ, и ежели ему попадетъ не любой мужиченка—онъ у него всю душу вытрясетъ. А ежели бесѣнята служатъ,—то ничево, тѣ не злобивы, одново разу я чертенка въ сердцахъ за хвостъ поднялъ и бросилъ внизъ съ мельницы—и ничево, только завизжалъ: я, говоритъ Люциферу пожалуюсь!..—Ладно, думаю, жалуйся! будетъ Люциферъ такою мелкотой интересоваться...

— И этакій беззаконникъ лжерѣчивый,—перебилъ дьячекъ.—Будетъ Тимофей ему, больной-то, разсказывать подобныя словеса!... Онъ все вретъ!

— Извѣстно,—вретъ! — подтвердилъ Кузьма.

— Ну ничево... занятно; пускай!...—благосклонно заключилъ Андронычъ.

— Самъ ты врешь, восковая душа!

— Эхъ ты, прощалыга!

— Ну, полно ссориться, ребята. Антипъ валяй дальше!—мирилъ Андронычъ.

— Ну, вотъ... на чемъ я кончилъ?... да!—Тимофею хочется узнать много на предбудущее, а Савастьянъ давай его пугать: „на одинъ годъ, говоритъ, ты можешь узнать, а больше—опасно".—„Это что! молвитъ Тимофей. — Что со мною за годъ будетъ, я могу узнать и у всякой бабы; нѣтъ, ты мнѣ отгадай, кричитъ, что со мною до скончанія жисти будетъ,—вотъ это штука! ежели ты это мнѣ скажешь—штофъ ставлю, а ужъ насчетъ того, какъ меня Люциферъ твой пужать будетъ не сумлевайся! Потому у меня одново разу домовой въ избѣ всѣ шибки *) побилъ, а опосля того верхомъ на меня сѣлъ и за волосья

*) Слугъ.

*) Рамы въ окнахъ со стеклами.

теребить началъ, и то ничего не подѣлалъ, и знаю каковъ я есть человѣкъ"... Одно слово присталъ къ Мирошнику: покажи да покажи счастье — и конецъ! Какъ увидѣлъ тотъ, что мужика уже оченно задоръ беретъ, такъ и не радъ сталъ, что объ искуствѣ своемъ заговорилъ: либо колдуй, либо дерись съ Тимохой.. — „Ладно, говоритъ Мирошникъ, пойдемъ!" — и думаетъ: „мужикъ хмѣленъ больно и ничего если постоитъ на морозѣ ночку"... Выпили тутъ еще маленько и Савостьянъ повелъ Тимофея на выгонъ. Вышелъ на выгонъ, да и говоритъ: „стань тутъ!" — Поставилъ это онъ Тимофея, обвелъ вокругъ его черту, ну точно вотъ какъ дѣвки на святкахъ гадаютъ про жениховъ — „Вотъ эта черта, говоритъ, ближе которой никакая нечистая сила подступить къ тебѣ не возможетъ. Ты стой и гляди; можетъ счастья и скоро дождешься, ежели оно плохое, а ежели оченно оно хорошо, то ты простоишь подолѣ, по той причинѣ, что хорошее счастье не скоро человѣку дается; когда увидишь, возьми горсть снѣгу, скажи три раза „аминь", потри снѣгомъ руки и голову и иди себѣ домой, только назадъ не смотри; бѣгомъ бѣжать даже можешь, только оборачиваться не моги, потому, говоритъ, одново разу такой случай былъ: мужикъ оглянулся — и превращенъ былъ въ соляной столпъ. Ну вотъ и все; а мнѣ, говоритъ, идти надо, потому что при этомъ не возможно другому человѣку быть. Но помни — черты ни въ какомъ разѣ переступать не смѣй; если черту перейдешь — быть худу! Ты, говоритъ, можешь живота своего рѣшиться"... — Какъ сказалъ это — и ушелъ, а дуракъ Тимоха остался на выгонѣ.

Вотъ, говоритъ Тимоха, стою и жду, долго стою, не страш.о было сначала, потому выпилъ; думаю только: какъ это самое счастье мнѣ можетъ показаться и отчего это нечистый на счастьѣ человѣческомъ пребываніе имѣетъ? А морозъ, говоритъ, донимаетъ. Пропѣли пѣтухи уже, я все, говоритъ, стою; вотъ поютъ другіе; я опять стою, но судьба не является; порой мелькнетъ что то въ глазахъ, да думаю: это кустъ или пѣнь какой и ничего. Мѣсяцъ свѣтилъ ясно и далеко освѣщаетъ поле и словно вотъ букашки какія по немъ ползаютъ... Надоѣло стоять; морозъ подъ самые микитки подошелъ и ноги болѣть стали... Эхъ, думаю, счастья какъ долго нѣтъ! Коли правда Савоськино счастье — такъ значитъ счастье мое хорошее... а коли хорошее, то зачѣмъ и стоять, пойду... и и только хотѣлъ идти было, какъ вспомнилъ, что изъ круга выходить нельзя; что тутъ дѣлать: ночь большая: пока разсвѣнетъ — околѣешь разъ пятъ съ холода... Потомъ, говоритъ, мысли пошли у меня въ другую сторону: не соврал ли, думаю, Мирошникъ, что я увижу свое счастье; вѣдь это плутище извѣстный; поди, чай, теперь, лежа на полатяхъ, зубы скалитъ съ простоты моей... Стою и думаю я такъ; а какъ, говоритъ морозъ до скончанія пронялъ меня, я изъ круга — да тягу... Какъ побѣжалъ я это, говоритъ, такъ сердце у меня и захолонуло, душа запрыгала... бѣгу во всѣ лопатки, оглянулся назадъ, поправѣе и вижу — здоровеннѣйшій чертъ стоитъ, ажно я, говоритъ, крикнулъ отъ страху!.. такъ явственно представилось мнѣ, что онъ по загривку хочетъ съѣздить — оказія!

Громкій смѣхъ раздался за столомъ.

— Эхъ, онъ! да этотъ же самый чортъ можетъ его судьба и была, — замѣтили нѣкоторые.

— А можетъ! — ироническимъ тономъ согласился Антипъ, — только онъ самъ опосля не сталъ вѣрить: чорта, говоритъ,

кажется мнѣ теперь, не было, а какъ я теперь смѣкаю, тамъ высокій пень стоитъ отъ ракиты, что въ прошлое лѣто срубилъ огородникъ Степка, только въ ту пору на умъ мнѣ не пришелъ, а тогда пришелъ,—заключилъ Антипъ, — когда со всего разбѣгу да объ ворота носомъ; еще бы не придти! голова то своя, не баранья!

Даже дьячекъ смѣялся и, примиряясь съ тѣмъ, что это говорилъ Антипъ, а не кто другой, пустился въ философію.

— И вѣдь подумаешь, какую мощь нечистая сила только имѣетъ и какъ ее боится христіанинъ всякій, — глубокомысленно замѣтилъ онъ.

— Отъ Господа, значитъ, своеволіе разное ей допущено, чтобы бодрствовалъ человѣкъ, оттого и силу имѣетъ, — пояснилъ Кузьма,—а боится христіанская душа нечистой силы отъ того, что она во мракѣ дѣйствуетъ.

Наступило молчаніе.

— Что же, милые други, сложа руки сидѣть? — обратился хозяинъ къ гостямъ. — Прошу по стаканчику... эй, Антипъ, тебѣ за сказку первому!

И Антипъ налилъ чуть не чайный стаканъ и выпилъ, за нимъ—другіе.

— Охъ,—простоналъ Кузьма, порядкомъ отяжелѣвшій, но наливая себѣ еще,—грѣшенъ родъ человѣческій!.. клеветники, святотатцы... Господи помилуй мя грѣшнаго!..

— Ну, однако, очень непріятно, что съ Тимофѣемъ такой случай вышелъ,— замѣтилъ хозяинъ.

— Отъ этой нечисти бѣды много... охъ, много!.. — вставилъ молчаливый Скотевъ, наливая себѣ стаканчикъ.

— Это не отъ нечисти бѣда, а отъ трусости нашей,—замѣтилъ Антипъ,— а что никакой нечистой силы нѣтъ...

— Ну, ты, это, не богохульствуй!— отвѣтилъ дьячекъ;—въ молитвѣ сказано: „И избави насъ отъ лукаваго“; побывалъ въ Питерѣ и понабрался разныхъ грѣховныхъ помысловъ.

— А ты что думаешь, — отвѣтилъ тотъ съ насмѣшкой,—да въ Питерѣ благочестія больше чѣмъ у тебя, тамъ народъ больше твоего понимаетъ!

— Понимать то много понимаютъ, да заповѣдей Божіихъ не соблюдаютъ; ты самъ говорилъ, что постами нигдѣ не достанешь постной ѣды, всѣ говядину лопаютъ, прости Господи, и ежели громъ гремитъ—не крестятся...

— Ну, положимъ... да не всѣ: вонъ, хоча и въ Питерѣ, а и тамъ есть такіе, что и Бога и чорта боятся; одинъ такъ еще похлеще Тимошкиной удралъ штуку: тотъ цѣликомъ отправился на тотъ свѣтъ...

— И когда вострубятъ трубы... и узрятъ трубы... врагъ человѣческій тамъ жупелъ... жу... зубовъ... — бормоталъ, окончательно опьянѣвшій Кузьма.

— Какъ такъ? разскажи,—просили собесѣдники.

— Да вотъ какъ!—Антипъ при этомъ налилъ еще стаканчикъ, выпилъ, закусилъ и началъ:—Дѣло было на водосвятіи. Народу множество въ Питерѣ и всѣ они на водосвятіе сходятся. Ежели бы, теперича, весь ефтотъ народъ собрать, да понадѣлать изъ нихъ солдатъ, то не только Турецкое государство можно покорить, а пожалуй и самого султана можно полонить — страсть сколько! только трусоватъ больно народъ въ Питерѣ: это правда, а насчетъ благочестія, то, вотъ хошь и говоритъ дьячекъ, что народъ тамъ нечестивый, а небось, въ Крещеніе тысящи стоятъ на богослуженіи; дарма, что ничего не видать, а изъ уваженія ко кресту, безъ шапокъ всѣ. Вотъ, когда водосвятіе кончилось, народъ повалилъ по домамъ. А одинъ какой-то человѣкъ, Суверомъ,

говорятъ, звали, изъ фабричныхъ, что ли—Богъ его знаетъ,—когда совсѣмъ народъ разошелся,—сѣлъ на проруби у рѣки и давай раздѣваться (онъ, вишь ты, наряжался на святкахъ, такъ чтобы омыться отъ бѣсовской погани—задумалъ искупаться въ рѣкѣ). А рѣка тамъ большая, Невой прозывается, морозъ былъ страшный! тамъ по градусамъ морозъ бываетъ, и въ тѣ поры было 135 градусовъ... Вотъ онъ раздѣлся, да только хотѣлъ въ прорубь, а городовой (такой солдатъ, который надо всѣмъ наблюдаетъ)—и тутъ!—Ты, говоритъ, куды? — Отпущеніе въ прегрѣшеніяхъ получить, говоритъ, желаю, больше ничего, и потомъ вылѣзу.—Нѣшто, говоритъ ему городовой, здѣсь въ грѣхахъ искупленіе? — Сейчасъ это онъ свиснулъ, — подъѣхала калиска какая то, начали его одѣвать, посадили и повезли; ну, его повезли должно быть туда, какъ вотъ у насъ кутузка, въ кутузку и засадили.—Его засадить то засадили, а все же потомъ выпустили. Вина, значитъ, небольшая его была, отъ того. А какъ выпустили, онъ-таки захотѣлъ на своемъ поставить, а какъ ему тотъ разъ помѣшали совершить омовеніе, въ другой, сподручный часъ, взялъ таки и нырнулъ въ прорубь... да тамъ и по сю пору!.. Вотъ до чего глупость человѣческая доходитъ!

— Нѣтъ, это не глупость,—глубокомысленно замѣтилъ дьячекъ,—а значитъ, что онъ остался на пути благочестія и претерпѣша вѣнецъ мученическій... т.-е. претерпѣша муки и обрѣтохся...

— И заплетохся!.. эхъ, ты! нѣтъ, онъ не вѣнецъ мученическій обрѣтоша, а должное по глупости своей обрѣтоша. Потомъ взяли его да въ газетѣ и отпечатали, а тамъ ежели кого въ газетѣ отпечатаютъ, —тотъ ужъ значитъ человѣкъ ровно ничего не стоитъ. Взяли и отпечатали, что вотъ, молъ, такой то Суверъ бросился въ прорубь, чтобы получить тамъ искупленіе грѣховъ, а какъ ему не дали искупаться впервое, такъ онъ въ другой разъ!

— Ну, Суверъ, имя то какое, видно что не изъ нашихъ, — замѣтилъ дьячекъ.

— Какъ не изъ вашихъ, изъ одного сословія съ тобою значитъ, ежели чорта испугался.

— Ну,—возразилъ съ задоромъ дьячекъ,—ежели тебя не схватитъ самъ сатана—не я буду!

— Меня то? по мнѣ, такъ черти только для вашего брата и сотворены.

— Самыхъ грѣховныхъ помысловъ человѣкъ; тьфу!

— Ну, ну, не серчай, долгогривый!—примирительно говорилъ Антипъ, трепля дьячка по плечу.—Хошь я тебѣ разскажу, какъ вашъ братъ въ окно къ дѣвченкамъ лазитъ?

— Что ты? неужель-то?—спросили со смѣхомъ мужики.

— Право слово; я самъ видѣлъ это въ Питерѣ.

— Молчаливый Скотевъ при этомъ признаніи взглянулъ на говорившаго.

— Ну, ужь это, братъ, не ладно,—проговорилъ онъ, не ладно!... Гляди, чтобы языкъ-отъ—отъ твой...—и сдѣлалъ выразительный жестъ, — не пересаливай!

— И подлинно, Антипъ, прибавилъ Андронычъ, ты, кажется, ужъ не по той дорожкѣ ѣздишь... потому что... положимъ, мы всѣ человѣки... а про духовенство, кумъ...

— Ну такъ чтоже? — озадаченно спросилъ тотъ.

Андронычъ молча покачалъ головою.

— А то же!— отвѣчалъ за него Скотевъ,—ты понимать долженъ христіанскій законъ, али не попъ тебя прича-

— Съ моимъ большимъ удовольствіемъ, отвѣчаю, потому перегородки дѣлать по моей части;—она смѣется. — А много возьмешь?—спрашиваетъ. —Да надо видѣть—какую? — А ты посмотри, отвѣчаетъ; заходи сейчасъ, мы и поговоримъ.—Прихожу я въ комнату; вижу—баре! это чистота такая, порядокъ и иконка эдакая, какъ ужъ завсегда у господъ: махонькая-премахонькая, въ углу. Посмотрѣлъ я это, гдѣ надо строить перегородку,—говорю цѣну, она почала со мною торговаться и въ первый разъ въ тѣ поры я увидѣлъ у нея стеклышко это, пенсе называется, и такъ то пронзительно она чрезъ нево на меня свои глаза наводитъ, что страсть! инда я и голову опустилъ. Видно, смѣкаю, не здѣсь тебѣ перегородку ставить хочется, а въ другомъ мѣстѣ, да помалкиваю, дай, говорю, два рубли?—Дорого! - отвѣчаетъ. Да ничего: согласилась.—Ты, говоритъ, приходи завтра, а теперь отдохни, сядь, я, говоритъ, фершала жена, все равно, что офицерша, что барыня, и я страсть какъ люблю простой народъ...—Почала спрашивать: какой я губерніи, откудаво пришелъ, давно ли въ Питерѣ. Я диву даюсь: на кой шутъ ей нужно это? и покраснѣлъ, будто испугался чево то, а она возьми да и подсядь еще ближе ко мнѣ. Эге, думаю, дѣло знакомое... точно и у насъ, только не съ того конца. — Ишь, ты, какой молодецъ, красавецъ; а сколько тебѣ лѣтъ?—Двадцать три, говорю. —А женатъ,—спрашиваетъ?—Женатъ, отвѣчаю; уже третій годъ.

— Ахъ, Боже мой! — пищитъ барыня.—Такъ молодъ и женатъ? Зачѣмъ же ты,—говоритъ,—такъ женился рано?

— Да какъ же, - отвѣчаю,—быть то? у насъ, какъ двадцать лѣтъ, такъ безъ этого нельзя; для хозяйства, значитъ, самая пора.

— Ну, и ты не скучаешь, не жалѣешь жены то? какъ то она тамъ?

— Да что, вѣстимо дѣло, ину пору и тово, да какъ иначе? мнѣ робить надо, а она у родителевъ.

— А вдругъ ежели,—спрашиваетъ,—ее сманитъ,—говоритъ, — какой молодецъ? знаешь ли ты, что женщины всегда хотятъ любить, а ты явишься — и что тогда?

— Да что тогда? ежели узнаю,—говорю,—потаскаю за косу маненько, безъ этого нельзя... да у меня Акуля не изъ таковскихъ!

— Ну, парень,—смѣется, — не ручайся: знаешь ли ты что такое страсть? противъ страсти,—говоритъ,—ничего не подѣлать.

— Супротивъ какой — говорю — страсти?

— Противъ сердечной, разумѣется; ты испыталъ ли на себѣ силу этой страсти?

— А ужъ забылъ—отвѣчаю, — какъ только батька запримѣтилъ, что я люблю Акулю, такъ и поженилъ.

— Фи, какія понятія! - морщится.— Ну, да, я думаю, тебѣ и о женѣ то скучать не приходится... я думаю у тебя и здѣсь много хорошенькихъ... правда?

И эдакъ ручкой то беретъ меня за подбородокъ.

— Нѣтъ—отвѣчаю, и отвернулся.

— Ну ужъ полно! признайся, — говоритъ,—сильно любишь женскій полъ?

— Нѣтъ,—говорю.

— А тебя—спрашиваетъ—любятъ?

— Да я почемъ—говорю—знаю; а вотъ ежели перегородку сдѣлать—могу, вотъ только бы доски были.

— Ну, доски мы послѣ достанемъ—говоритъ,—а мы вотъ потолкуемъ лучше...

— Нѣтъ ужъ—говорю—барыня, мнѣ не досугъ ужъ, я лучше завтра приду—и встаю, чтобы уйти.

— Экій ты—говоритъ — не смѣлый;

ну приходи завтра, эдакъ въ одиннадцать часовъ. Я—говоритъ—страсть какъ люблю простой народъ, только они насъ благородныхъ чего то пужаются напрасно, а мы къ нимъ всей душой..

Много эдакого говорила она мнѣ, но я кое какъ ушелъ. Вышелъ на улицу и думаю: экая оказія: барыня вишь уже почти стара, а съ жиру бѣсится, просто съ панталыку сбила... чудно какъ то и страшно... идти ли мнѣ завтра?

Однако я завтра пошелъ. Прихожу, а моя барыня точно другая стала, точно мукой обсыпала рожу и такая чудная... точно бы вотъ выпимши или съ ума спятимши. Беретъ меня за руки, гладитъ по головѣ и все смѣется...

— Ты,—говоритъ, — пожалуста, не бойся, садись вотъ сюда.

— Да я не боюсь,—говорю, — чего боятся; только я вотъ на счетъ перегородки то, начать ли?

— Ты начнешь,—отвѣчаетъ,—погоди только, видишь ли, досокъ еще нѣтъ, а покуда посиди.

И садитъ меня на диванъ.

— Да што,—говорю въ сердцахъ,—чего сидѣть? ежели нѣтъ работы — я уйду.

— Ахъ какой дурачокъ же, право!.. ты пьешь водку?

— Водку?—малость пью,—отвѣчаю.

— Ну, вотъ и прекрасно! ты вотъ выпей, небось, еще,—говоритъ,—никогда такой не пивалъ такой.

Смотрю, несетъ цѣльную бутыль и тарелку, а на тарелкѣ и ветчина, и сыръ, и пирогъ то бѣлый.

— Долго, я все не хотѣлъ пить, да ужъ больно то она проситъ, у меня и слюнки потекли, какъ она это стала тыкать въ носъ тарелкой мнѣ, я и выпилъ... У! какая сила! закашлялся даже, а она то такъ пронзительно таращитъ глаза на меня, будто съѣсть хочетъ; выпилъ я, закусилъ; а она опять выпей другой; что жъ я выпилъ и другой... она жъ снова: выпей еще!—Нѣтъ, ужъ, говорю, покорно благодарю, ни за что.

— Да пей же,—проситъ,—вѣдь Петербургъ,—говоритъ,—на томъ и стоитъ, чтобы выпить.

И такъ чортова барыня напала на меня, что я не зналъ, что дѣлать, и инструментъ забылъ, да и шмыгъ за двери, барыня за мной, а я былъ таковъ, да на улицу!

Стою на улицѣ и думаю: Э! шутъ те побери, вотъ оказія! въ головѣ отъ водочки стало кружиться, и хотѣлъ было уже уйдти, да вспомнилъ, что струментъ остался у барыни; какъ же быть то? а надо взять, думаю, а самъ боюсь идти. Вдругъ за плечо кто то тронулъ, смотрю:—она!

— Что ты,—спрашиваетъ,—какъ угорѣлый бѣжалъ? Я,—говоритъ,—хотѣла тебѣ удовольствіе предоставить, потому что я дама хорошая и смерть какъ люблю черный народъ, а ты и удралъ? Ну что ты меня такъ боишься?...

Ну, думаю, бояться тебя то я не боюсь, а что вотъ ты съ жиру бѣсишься, да послѣ бѣлаго хлѣба—чернаго захотѣлось—это такъ, да и отвѣчаю:

— Ежели перегородку тебѣ дѣлать не надо, такъ нечаянно мнѣ съ тобой и возиться, вотъ только инструменты ты мой подай.

— Да Богъ съ тобой, красавчикъ, бери струментъ, дѣлай перегородку, иди дѣлай.

— Я пошелъ точно, чтобы дѣлать, а съ пьяну то и забылъ, что досокъ нѣтъ, водка такая крѣпкая, чортъ ее дери, точно цѣльный штофъ выпилъ. Пришелъ, беру струментъ—хвать досокъ нѣтъ.—Что же,—спрашиваю,—гдѣ доски?—а она, прости ей Господь, взяла и показываетъ вотъ сюда:—вотъ,—отвѣчаетъ

гдѣ, дескать; мнѣ даже стыдно стало, а она смѣется. Эхъ, думаю, ежели бы это Акулина была! знаемъ мы, молъ, что ты хочешь, да больно страшно! а она то точно знай что я думаю, и отвѣчаетъ:—Напрасно ты робѣешь,—говоритъ, неужели я не лучше твоей тамъ Акулины или Степаниды?

— Нѣтъ,—говорю, — Акулина мнѣ жена, а ты барыня и у тебя баринъ есть! вдругъ онъ появится...

— Не бойся, баринъ раньше какъ завтра не будетъ.

И все подъ бокъ да подъ бокъ меня толкаетъ, точно одурѣлая.

— Оставь говорю и смѣюсь, — не балуй. А она куды! еще щипать почала, да такъ больно, что я схватилъ инструментъ, да и опять тягу!

Въ это время раздался изъ сѣней женскій голосъ, который, не входя, спрашивалъ:

— Можно войти, мужички?

— Кто тамъ, спросилъ Андронычъ, узнавъ голосъ своей дочери.

— Да я, Акулина, батя, что мой скаженный тутъ?

— Прячься, Антипъ,—шепнулъ Андронычъ,—жена пришла!

— Ну? а штобъ ее... въ страхѣ пробурчалъ тотъ и быстро залѣзъ за стойку.

Андронычъ отворилъ двери и въ избу вошла дебелая молодуха, держа въ рукахъ порядочную хворостину.

— Твой былъ тутъ, да ушолъ по добру, по здорову,—ухмылялся отецъ, а что, развѣ по хозяйству что не справлено?

— Такимъ злыднемъ, такимъ завирюхомъ сталъ, — причитала быстро вошедшая, не отвѣчая на вопросъ,—что ужесть; ужь и пѣтухи пропѣли, а его нѣтути! Вотъ подишь ты, святая Богородица, гдѣ онъ теперь бриндыхлыстъ? еще коли бы здѣсь, а то гдѣ? я думала, что онъ будетъ здѣсь; ну, ужь, приди чортъ толсторылый домой, я те покажу такъ валандаться по ночамъ, ужъ покажу,—и сдѣлавъ выразительный жестъ хворостиной, бабенка шмыгнула за двери.

Вылѣзай, Антипъ, проѣхало!—смѣялись мужики,—одначе, парень, она тебя того.. задастъ!

— Ишь ты, храбрился! — замѣтилъ дьячокъ, а у самого душа въ пятки.. то-то!

— Что жъ, братцы,—добродушно прощался, оправдывался Антипъ,—теперь ночь, ейное значитъ царство, что подѣлаешь—и съ этими словами, схвативъ шапку и рукавицы быстро ушелъ, чтобы раньше жены поспѣть на полати.

278. Сочиненія крестьянскаго сына Грузинской отчины. Безъ означенія года. Въ 8 д. л. 18 страницъ.

Тетрадка, содержащая въ себѣ стихотворенія: 1) *На монументъ государя императора Александра Благословеннаго* и 2) *Достопамятнѣйшая эпоха, или 1812-й г., въ царствованіе государя императора Александра Благословеннаго.*

Для болѣе нагляднаго представленія объ этомъ творчествѣ *крестьянскаго сына*, привожу здѣсь дословную перепечатку подлинника, съ полнымъ сохраненіемъ его орѳографіи.

Сочиненіе крестьянскаго сына Грузинской отчины.

ДОСТОПАМЯТНѢЙШАЯ ЭПОХА

или 1812-й годъ.

Въ царствованіе Государя Императора Александра Благословеннаго.

Мы вспомнимъ здѣсь эпоху,
Протекшіихъ временъ,
Намъ чуть не было плохо
Какъ хищный корсиканъ.

Собралъ себѣ народа
Здвѣнадцати колѣнъ;

И мнилъ сей воевода
Забрать россію вплѣнъ.

Дерзалъ своимъ полками
Впределы нашъ вступить,
Какъ Зефсъ потрясъ громами,
Чтобъ россовъ удивить.

Нашъ Царь благословенный
Отечески воззвалъ,
И ктобъ сей гласъ священный
Изроссовъ невнималъ.

Здѣсь каждый снетерпеньемъ
Желаетъ быть вбою,
Горя сердечнымъ рвеньемъ
За родину свою.

Ужъ пажить земледѣльца
Нережетъ острый плугъ,
Оставилъ милыхъ сердца
Вернейшій изсупругъ.

Извопнъ благородныхъ
Отважный Гражданинъ
Изванінжъ Духовныхъ,
И бойкой мещанинъ.

Со всехъ сторонъ слетались
Россійскія орлы
До толеже топтали
И жгли вездѣ до тла.

Однакожъ ихъ манили,
Какъ птичекъ взападню,
Вмосквужъ пустить решили
Кторому Сентябрю.

Знать выпалъ на то жребій,
Мать россійскихъ градъ,
Иль нѣтъ иныхъ потребій
И мѣръ спасти народъ.

Фельдмаршалъ князь Кутузовъ,
Опытнѣйшій боецъ,
Послалъ кмосковцамъ вызовъ,
Примчался къ нимъ гонецъ.

Иной шелъ отмогилы,
Иной отъ брачныхъ узъ,
Взывалъ сколь есте силы
Аяй идетъ идетъ французъ.

Забегали пришпехтамъ
Впалатахъ суетня,
Стучатъ вездо каретамъ
Не ждутъ прихода дня.

Но онъ еще незнаетъ
Кому поможетъ богъ.

Хотя на жертву дали
Имъ матушку Москву;
Но только показали
Не вснѣ а на яву.

И тотчасъ протянули
Кругомъ воинску цѣпь;
И такъ ихъ пожжанули,
Что лучше всехъ закрѣпъ.

А естьли дадутъ вылазъ,
Карѣ, или конвой,
Казакъ никакъ не выдастъ,
Онъ тотчасъ спильцамъ вбой.

Когда же громки трубы
Сигналъ дадутъ впогонь,
Закуситъ только зубы,
И лезетъ хоть вогонь.

Или когда отрядомъ
За цѣпь перешагнетъ,
Артиллеристъ ззаряду
Картечью припугнетъ.

Какъ скоро онъ ни бегать,
Чуть ноги унесетъ,
А время какъ обедать,
Онъ лапу пососетъ.

Колико здѣсь не рыщетъ
Сей хищный басурманъ,
Никакъ себѣ несыщетъ
Безценный талисманъ.

Въ великомъ неистовствѣ
Сей злѣйшій извраговъ;
Пріялъ противоборство
И злобу на боговъ.

Онъ здѣсь священны храмы
Вконюшни претворялъ,
Съ иконъ златые рамы
И ризы обдиралъ?

Великова Ивана
Какая высота,
И тутъ сей обезьяна
Добрался до крѣста.

Какіе непотребства
Онъ могъ производить;
Мнѣ все его здѣсь дѣйства
Не можно изъяснить.

Смотрели родъ бурбоновъ,
Французскихъ королей;
Винхъ нетъ Наполеоновъ,
Знать этотъ лиходей.

Былъ выходецъ скорсіи
И вытеснилъ бурбонъ,
Онъ также мнилъ вроссіи
Залѣсть на русской тронъ.

Но вмѣсто сей короны
Обрѣлъ онъ пенсіонъ:
И снимъ островѣ Елены
Косируй Наполеонъ.

А намъ время возвратится
Внашъ столичный русскій градъ,
Сердце начинаетъ бится,
Коль идетъ внего народъ.

Тамъ коль ближній мой приходитъ
Всвой пріютный уголокъ,
И онъ что же внемъ находитъ
Однѣ стены—потолокъ.

Вся посуда тутъ разбита.
Нетъ ни стула—ни стола;
Однѣ рамы лишь прибиты,
Гдѣ стояли зеркала.

У подворья гдѣ клѣвина
Для рогатова скота,
И забору нѣтъ тыпины
Вся на воздухъ поднята.

Онъ все то обозревая,
Ударяя вперси вылъ;
Руки кнебу воздевая
Впомощь вышняго просилъ.

Его вгрусти сей мечтая
Пробуждаетъ здѣсь заря;
На сей мысли созерцаетъ
Онъ лицомъ клицу Царя.

И его желанье збылось
Сей нашъ ангелъ здесь приникъ,
Снимъ блаженство водворилось
Слышонъ сталъ восторга кликъ.

Ихъ нещастія вліянье
Разнеслось россіи всей;
Ото всехъ благодеянье
Полилось столицы сей.

И избрали сумъ вонеку
Издостойнейшихъ мужей;
Книмъ приходитъ безъ упроку
Все о бѣдности своей.

Процвела наша пустыня,
Зрестъ сей столичный градъ,
Привела видно судбина
Видеть горе сей народъ.

Здѣсь грѣми благодаренье,
Грѣми слава россіянъ;
Славь Царя благодеянье
И его союзныхъ странъ.

С. Грузино.

279. Списокъ непріятельскимъ генераламъ, убитымъ и взятымъ въ плѣнъ въ сраженіи при Лейпцигѣ.

Писанъ скорописью на толстой синей бумагѣ въ листъ.

Въ спискѣ упоминаются слѣдующіе генералы.

Убиты.

1. Маршалъ князь Понятовскій.
2. Девизіонный генералъ Латургмабухъ.

Взяты въ плѣнъ.

1. Лористонъ, генералъ командовавшій 5 корпусомъ.
2. Ренье, генералъ командовавшій 7 корпусомъ.
3. Делмасъ.
4. Обри (артиллерійскій).
5. Шарпантье.
6. Росницкій.
7. Каминицкій.
8. Красинскій.
9. Графъ Гохбергъ.
10. Принцъ Гессенъ—Дармштадтскій Эмилій.

Бригадные генералы.

11. Валорй.
12. Бертрантъ.
13. Лорсанъ.

14. Баронъ де-Монтмаренъ.
15. Баронъ Авюссерговъ.
16. Д. Естко.
17. Кулуми.
18. Бони.
19. Сливовичъ.
20. Малаховскій.
21. Баронъ Стокгорнъ.
22. Денисъ, главный инспекторъ, въ рангѣ дивизіоннаго генерала.

280. Станосы (къ А. Б—ву). Стихотвореніе Рылѣева. Писано на одномъ листѣ въ четвертку, безъ означенія года.

Содержаніе слѣдующее:

ОТАНОСЫ.

(Къ А. Б—ву).

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей.

Слишкомъ рано мракъ таинственный
Опытъ грозный разогналъ;
Слишкомъ рано, другъ единственный,
Я сердца людей узналъ.

Страшно дней невѣдать радостныхъ,
Быть чужимъ среди своихъ
Но ужаснѣй истинъ тягостныхъ
Быть сосудомъ съ дней младыхъ.

Съ тяжкой грустью, съ черной думою
Я съ тѣхъ поръ одинъ брожу,
И могилою угрюмою
Міръ печальный нахожу.

Всюду встрѣчи безотрадныя!
Ищешь, суетный, людей,
А встрѣчаешь трупы хладные,
Иль безсмысленныхъ дѣтей.

Рылѣевъ.

281. Статья неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ „Конспектъ по исторіи революціи 1789 года“. Писана скорописью на 100 страницахъ въ листъ.

ПОБѢЖДЕННЫЙ АМУРЪ.

Рисунокъ испанскаго художника Пля-и-Рубіо.

Авторъ рукописи очень подробно знакомитъ читателя съ названнымъ предметомъ.

282. Статья—подъ заглавіемъ „Записки изъ проклятаго зданія“. Рукопись первой половины XIX вѣка. Писана скорописью, въ листъ 28 страницъ, безъ имени автора и означенія года.

Рукопись начинается такъ:

„Если вы не жили въ отдаленныхъ городахъ, благосклонный читатель, знаете о нихъ только по разсказамъ, или хуже, по нѣкоторымъ повѣстямъ, то вы, пожалуй, не повѣрите, что за-частую тамъ можно найти умныхъ и занимательныхъ людей обоего пола.

Кружки подбираютъ какъ-нельзя лучше и вечера часто бываютъ оживленны, занимательны и даже поучительны. Впрочемъ, я убѣжденъ теперь вполнѣ, что—разительной глупости, злодѣйствъ и отвратительнаго разврата—монополія всегда останется за нашими столицами. Наглядѣвшись вдоволь, повѣрьте, меня достанетъ разсказать вамъ занимательно и вѣрно то, что мнѣ удалось видѣть.

Особенно же мнѣ хочется передать

вамъ одну сцену; она прошла у меня передъ глазами и стоитъ разсказа. Въ ней дѣйствовала особа, къ которой не не знаю, до сихъ поръ не могу разобрать, за что я слишкомъ привязанъ? Но все равно, дѣло состоитъ не въ разборѣ, а въ разсказѣ. Прошу послушать, я начинаю".

Эта чрезвычайно любопытная рукопись пріобрѣтена мною за 10 рублей.

283. **Статья подъ заглавіемъ „Извлеченіе изъ статистическаго описанія Валахіи".**—Рукопись начала XIX вѣка, въ листъ, на 16 страницахъ, писана скорописью.

Рукопись составлена при Геодезическомъ отрядѣ въ 1833 году собственноручно капитаномъ Бѣлоскурскимъ, и содержитъ въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія:

I. Вліяніе климата на здоровіе жителей

и II. Болѣзни.

При рукописи три акварельныхъ рисунка, изображающіе жителей Валахіи въ національныхъ костюмахъ.

284. **Статья—подъ заглавіемъ „Краткій очеркъ состоянія внутренней торговли и причинъ ея упадка".** Рукопись въ листъ, на 60 страницахъ, писана скорописью, безъ означенія имени автора и мѣста письма.

Рукопись писана въ началѣ XIX вѣка, съ заглавнымъ листомъ въ красивой рамкѣ.

Купленъ мною экземпляръ въ Спб. въ книжномъ магазинѣ Иванова.

285. **Статья по „Минералогіи".** Рукопись XIX вѣка, въ четвертку, на 160 листахъ, писана мелкою скорописью, безъ означенія имени автора и мѣста письма.

ВЕСНА.

Рисунокъ итальянскаго художника Чьярди.

Рукопись въ современномъ кожанномъ переплетѣ.

Купленъ мною экземпляръ въ книжномъ магазинѣ Иванова въ Спб. за 3 рубля.

286. **Статья подъ заглавіемъ „Нѣсколько моментовъ“ изъ похожденій кандидата въ черкесскіе султаны.** Шутка. Володи Игрека. Въ 9-ти дѣйствіяхъ или картинахъ.

Дѣйствія или картины расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

I. Воинственныя увлеченія.
II. Отрезвленіе.
III. Я въ пустыню удаляюсь.
IV. На прощаніе.
V. Рубиконъ.
VI. Возвратъ.
VII. $7^1/_2$ шаговъ впередъ, $7^1/_2$ назадъ.
VIII. Что и требовалось доказать.
IX. Заключеніе.

287. **Статья о каменной крѣпи рудниковъ.** Съ шестью раскрашенными рисунками. Рукопись начала XIX вѣка. Въ листъ 209 страницъ, на сѣрой толстой бумагѣ, писана скорописью.

Въ началѣ рукописи помѣщено посвященіе отъ автора:

„Его Превосходительству Господину оберъ-гауптману 4-го класса Директору Департамента горныхъ и соленыхъ дѣлъ и кавалеру Евграфу Ильичу Мечникову, съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ подноситъ Бояркинъ.—13-го мая 1817 года. С.-Петербургъ“.

288. **Стихотворенія Гейне.** — Собственноручный переводъ А. Васильева. Писаны мелкою скорописью на 3 страницахъ, въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Ниже привожу перепечатку этихъ стихотвореній.

Стихотворенія Гейне.

I.

Не знаю, что значило бъ это,
Что на сердцѣ грустно такъ мнѣ?
Одно все лѣтъ старыхъ преданье
Теперь у меня на умѣ.

Свѣжъ воздухъ и стелется сумракъ,
И Рейнъ такъ спокойно бѣжитъ,
А отблескъ румяный заката
Вершину горы золотитъ.

Сидитъ тамъ прелестная дѣва
И въ золото вся убрана,
Свою золотистую косу
Задумчиво чешетъ она.

И чешетъ златымъ ее гребнемъ,
И пѣснь напѣваетъ она,
И пѣснь та невѣдомой силой
Мелодіи чудной полна.

Съ болѣзненнымъ трепетомъ сердца
Пловецъ ей внимаетъ порой,
Не видитъ онъ камней подводныхъ,
Глядитъ онъ все вверхъ надъ собой.

Навѣрное волны поглотятъ
Пловца и челнокъ вмѣстѣ съ нимъ.
Ахъ! Лора-Лей эту погибель
Надѣлала пѣньемъ своимъ.

II.

Сіяло свѣтло видѣнье
Въ туманной жизни предо мной;
Угасло свѣтлое видѣнье
И окруженъ я страшной тьмой.

Оставшись въ темнотѣ случайно
Ребята съ ужаса дрожатъ,
Но пѣснью громкой ужасъ тайный
Они прогнать тогда хотятъ.

Ребенокъ я безумный тоже:
Я въ темнотѣ теперь пою,
Хоть пѣснь скучна моя, но все же
Боязнь разсѣяла мою.

III.

Дитя мое! были мы дѣти,
Веселыя дѣти съ тобой;

Влѣзали мы вмѣстѣ въ курятникъ,
Соломой укрывшись густой.

Мы пѣли съ тобой по пѣтушьи,
А люди ходили вокругъ
И, слыша «кукареку» наши,
Всѣ думали впрямь, что пѣтухъ.

И ящикъ съ тобой отыскавши,
Его мы обили кругомъ,
И въ немъ мы на барскую ногу
Открыто держали свой домъ.

И старая кошка сосѣда
Намъ дѣлала часто визитъ,
Ее мы встрѣчали съ поклономъ
И ласковый дѣлали видъ.

И дружески мы о здоровьѣ
Съ заботой справлялись тотчасъ;
Съ тѣхъ поръ приходилось намъ дѣлать
Такіе вопросы не разъ.

Преважно, какъ старые люди,
Съ тобой мы судили тогда,
Жалѣли о томъ, какъ все лучше
Въ старинные было года.

Какъ вѣры, любви и довѣрья
На свѣтѣ теперь не сыскать,
Какъ кофе сталъ нынче дороже
И денегъ какъ трудно достать.

Прошли тѣ ребячія игры.
И такъ все на свѣтѣ идетъ:
И деньги, и вѣрность, и время,
И міръ и любовь—все пройдетъ.

IV.

Раздаются птичекъ хоры
Въ пышной зелени деревьевъ;
Кто жъ, скажите, капельмейстеръ
Въ этомъ радостномъ оркестрѣ?
То быть пигоница можетъ,
Что преважно такъ кивастъ,
Или тотъ педантъ, который
Монотонны все кукуетъ?
Или аистъ долговязый
Настоящимъ дирижеромъ:
Только музыка начнется,
Пресерьезно бьетъ ногою?
Нѣтъ! лѣсной тотъ капельмейстеръ
У меня запрятанъ въ сердцѣ,
Бьетъ онъ тактъ, и полагаю,
Что зовутъ его Амуромъ.

А. Васильевъ.

289. **Статья А. И. Боде.** Объ участіи православнаго духовенства въ начальныхъ народныхъ училищахъ.—Въ четвертку 21 листъ, съ помѣтою: 3-го ноября 1871 года.

Рукопись пріобрѣтена мною въ книжномъ магазинѣ Иванова въ Спб.

290. **Статья „Исторія египетскаго искусства“.** Рукопись XIX вѣка, въ листъ, на 108 страницахъ, съ рисунками, писана крупною скорописью, безъ имени автора.

291. **Статья И. Красницкаго „Очерки тверской старины. Городъ Тверь съ 1182—1788 г.“.** Выпускъ первый. Съ приложеніемъ плана города Твери.

Рукопись въ листъ, на 40 страницахъ, писана крупною скорописью собственноручно авторомъ.

Статья эта весьма подробно знакомитъ читателя со всѣми достопримѣчательностями города Твери.

292. **Статья историческая „Свѣдѣнія объ устройствѣ крѣпостной части въ Россіи“.**—Рукопись XIX вѣка, писана скорописью, на 30 страницахъ въ листъ, безъ имени автора.

293. **Статья Михайлова** „Что такое деньги, чѣмъ замѣнялись встарину деньги и теперь иногда замѣняются, для чего нужны деньги? дать понятіе о капиталахъ: вещественномъ и невещественномъ“.—

Писана скорописью на 4 страницахъ въ листъ; въ концѣ подпись: „Михайловъ, 12-го августа 1830 года.“

294. **Статья неизвѣстнаго автора, подъ заглавіемъ: „Воронежъ и его достопримѣчательности“.**— Рукопись XIX вѣка, въ четвертку, на 10 страницахъ.—Письмо скорописное.

Авторъ этой рукописи очень подробно знакомитъ читателя съ названнымъ предметомъ.

295. **Статья объ Императорской академіи художествъ.**— Рукопись половины XIX вѣка, на 20 листахъ (in fol.), писана скорописью, безъ означенія имени автора.

Въ этой рукописи помѣщены чрезвычайно любопытные матеріалы о художникахъ и художествѣ въ Россіи.

296. **Стихотворенія К. Рылѣева „Гражданинъ“**, писаны мелкою скорописью на 4 страницахъ почтовой бумаги; въ концѣ подпись „К. Рылѣевъ“ (безъ означенія года).

297. **Странникъ.** Стихотвореніе XIX вѣка (поздняго письма). Въ листъ 36 страницъ, писано скорописью, безъ означенія автора и мѣста письма.

Рукопись эта куплена мною у букиниста Иванова, въ Спб., за 3 рубля.

298. **„Счастье“.** Стихотвореніе А. Васильева. Въ 4 долю листа 4 страницы. - Писано мелкою скорописью, безъ означенія года.

Автографъ этотъ купленъ мною у букинина Иванова, въ Спб.

299. **Съ чужой стороны.** Собственноручное стихотвореніе Ѳ. Тютчева, писано скорописью на одномъ листѣ въ четвертку, безъ означенія года (Мюнхенъ).

Ниже привожу дословную перепечатку всего стихотворенія.

Съ чужой стороны.

—

На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ
Кедръ одинокій, подъемлясь, бѣлѣетъ,
И сладко заснулъ онъ въ инистой мглѣ,
И сонъ его буря лелѣетъ.

Про юную пальму снится ему,
Что въ краю отдаленномъ Востока
Подъ мирной лазурью на свѣтломъ холму
Стоитъ и цвѣтетъ одинока...

(Мюнхенъ).

Ѳ. Тютчевъ.

300. **Тверская старина.** Очерки изъ русской исторіи г. Ржева. -

Рукопись XIX вѣка. Писана скорописью очень красивымъ почеркомъ, съ заглавнымъ листомъ въ рамкѣ и нѣсколькими рисунками въ текстѣ. -80 листовъ (in fol)

Въ рукописи помѣщены слѣдующіе рисунки:

I. Второе тысячелѣтіе Россіи. Богъ, родина, царь.

II. Видъ города Ржева.

III. Спасо-Преображенская церковь на князь-Дмитріевской сторонѣ.

IV. Типъ ржевской женщины до литовскаго разоренія.

V. Изображеніе древняго креста.

IV. Ржевская женщина и др.

301. **Теорія садоваго искусства**, изданная королевскимъ датскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ юстиціи и ординарнымъ профессоромъ философіи и изящныхъ наукъ университета въ Килѣ К. К. А. Гиршфельдомъ. Писана скорописью.— Въ 4 д. л., XII+53 стр.

Эта рукопись состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. Разсмотрѣніе садовъ древнихъ и новыхъ.

II. Изслѣдованіе древняго и новаго вкуса въ садахъ.

III. О садовомъ искусствѣ, взираемомъ какъ на изящную науку.

IV. О назначеніи и достоинствѣ садовъ.

Купленъ мною экземпляръ этого сочиненія за 3 рубля.

ТИПЫ.

Нѣтъ-ли знакомыхъ?

Оригинальный рисунокъ художника Кириллова.

По рѣдкому экземпляру изъ собранія А. Е. Бурцева.

302. Того-сего. — Собственноручное стихотвореніе князя Вяземскаго, писано скорописью, въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Ниже привожу перепечатку всего стихотворенія.

Того-сего.

Того-сего плѣнительную смѣсь
Всегда люблю, вездѣ желаю;
Однообразіемъ скучаю
И за столомъ прошу и здѣсь
Того-сего.

Старикъ Волтеръ даръ угождать имѣлъ
Царямъ, философамъ, повѣсамъ,
Онъ разсыпался мелкимъ бѣсомъ
И кстати подносить умѣлъ
Того-сего.

Фирсъ жилъ въ гостяхъ; теперь домкомъ живетъ.
Фирсъ вѣрно получилъ наслѣдство?
Нѣтъ! онъ нашелъ вѣрнѣе средство:
Въ судѣ устроился на щетъ
Того-сего.

Куда какъ пустъ Лужницкаго журналъ!
Какой онъ тощій и тяжелой!
Ни то, ни се въ тетради цѣлой,
Хотя онъ въ ней и обобралъ
Того-сего.

Смотрите: льстецъ въ сѣняхъ у баръ большихъ,
Вертится онъ, какъ флигеръ гибкой.
Торгуетъ вздохами, улыбкой,
Всегда придерживаться лихъ
Того-сего.

И самъ Зевесъ, давъ волю процвѣтать
Злымъ, добрымъ, хмѣлю и крапивѣ,
Хотѣлъ, чтобъ на житейской нивѣ
Пришлося намъ поиспытать
Того-сего.

К. Вяземскій.

303. Трагедія „Геркулесъ и Деянира“. Сочиненіе Ан. Гейльса, 180. г. — Рукопись XIX вѣка, на 60 страницахъ въ листъ, писана скорописью.

Въ концѣ рукописи есть подпись «Ан. Гейльсъ».

304. Травникъ начала XIX вѣка. Въ четвертку, на 250 листахъ, писанъ скорописью.

Рукопись озаглавлена:

«Краткое наставленіе о лѣченіи болѣзней простыми средствами. Писано Осипомъ Каменецкимъ».

305. „Три брата“. Произведеніе неизвѣстнаго автора, въ стихахъ. Писано скорописью XVIII вѣка, на 16 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года.

Это сатирическое стихотвореніе, полное юмора и легко читаемое, вполнѣ заслуживаетъ къ себѣ должное вниманіе; почему считаю не лишнимъ, для интересующихся, помѣстить здѣсь дословную перепечатку всего стихотворенія.

Три брата.

Говорятъ, что будто въ свѣтѣ
Нѣтъ совсѣмъ уже чудесъ,
И въ обширной сей планетѣ
Слухъ давно о нихъ исчезъ.—

Вотъ рѣшеніе забавно!
Кто его намъ выдаетъ,
Видно очень неисправно
Хронологію ведетъ.

Я не мхомъ обросшимъ дивокъ
Защищать себя хочу,
Въ новомъ чудѣ преправдивомъ
Эту ложь изобличу.

«Вѣрно вздоръ, или загадку,
Скажутъ,—намъ ты хочешь сплесть?»
Слушать чуръ! я по порядку
Разскажу свою вамъ вѣсть.

Жилъ богачъ одинъ въ семъ мірѣ,
Гдѣ-бишь это?.. позабылъ!
Ну, положимъ, хоть въ Сибири,
Все равно, гдѣбъ онъ не жилъ.

Только жилъ не такъ-то честно,
Также—люди говорятъ,—
(Царствіе ему небесно)
Былъ покойникъ глуповатъ.

Да завидливъ былъ немножко,
Благодарность плохо зналъ
И по-гробъ свой за окошко
Ни полушки не давалъ.—

Безъ порока есть-ли люди?..
Впрочемъ, изжилъ весь свой вѣкъ
(Онъ не тѣмъ помянутъ буди)
Такъ, нашъ честный человѣкъ.

У него была супруга,
Плодовитый самый кряжъ,
Въ нравахъ стоили другъ друга,—
Преизрядный былъ марьяжъ!..

Авантажистой фигурой
Не была хотя она,
Но такой архитектурой
Врядъ другая создана.

Съ башню Сухареву ростомъ,
Вся составлена изъ жилъ,
Въ ипостаси распретолстомъ
Представлялся крокодилъ!

Если-бъ былъ я злоязыченъ
Можно-бъ кое-что сказать,
Только, право, не привыченъ
Я честныхъ людей марать.

У четы сей преслоутой
Было трое сыновей,
Каждый былъ пузырь надутый
Чиномъ, рожицей своей.

По французски говорили,
Одѣвались франтовски,
Вотъ—достоинства ихъ были,
Въ прочемъ—дерева куски!..

Чортъ ли въ разумѣ богатомъ,
Правду надобно сказать
Имъ не стилемъ кудреватымъ
Хлѣбъ насущный доставать.

Позабылъ я, двухъ какъ звали,
Средній только Митрофанъ.
Какъ бы ихъ не величали,
Дѣло намъ не до имянъ.

Вдругъ Сатурнъ злой дотронулся
Роковой своей косой...
Просто молвить—протянулся
Ихъ родитель дорогой.

То-то праздникъ и веселье
Наступаетъ для дѣтей,
Имъ отецъ, какъ злое зелье
Надоѣлъ брюзгой своей.

Всѣ ему желали аду;
И надѣвши трауръ свой,
Чтобъ поплакать по обряду,
Подрались межъ собой.

Мать приходитъ—суетится,
Унимаетъ горесть ихъ:
— «Полно, дѣтушки, крушиться,
Не слезите своихъ глазъ;
Вы умны, вамъ что калякать,
Всѣхъ постигнетъ смертный часъ!»
— «Какъ намъ, матушка, не плакать:
Ты осталася у насъ!»

Дѣло кончено,—зарыли
И отца и грусть свою;
Ночь насквозь всю прокутили,
Лишь заря—они въ ружью:

Тотчасъ въ матушкину спальню
Безъ доклада ворвались:
— «Сбрось ты рожицу печальну,
Ну, родная, разверись!
Отпирай-ко кладовыя:
Деньги, право, нужны намъ»...

— «Нѣту, дѣтушки родныя,
До шести недѣль не дамъ..
Еже-ей-ей не порушу;
Пусть поминки отойдутъ,
И покойникову душу
По мытарствамъ проведутъ;

Ну тогда»...—«Чтобъ ждать наслѣдства»!..
Закричали чудаки,
И нашли другія средства:
То есть: сбили всѣ замки.

Всѣ сокровища открылись,
Бездна золота блеститъ.
Тутъ-то *сахары* пустились:
Кто, что схватитъ, то тащитъ.

Зеркала со стѣнъ летаютъ,
Тамъ фарфоръ и люстры бьютъ,
Гдѣ обои обдираютъ,
Тамъ дерутся,—тутъ поютъ.

Отличаются герои,
Только пыль идетъ столбомъ;
При сожженьи древней Трои
Врядъ ли былъ такой Садомъ.

Ни минуты не теряли
Для своихъ полезныхъ дѣлъ,
Все, что надо, сработали,
Тотчасъ кончился раздѣлъ.

Ухватя наслѣдства долю,
Ну отъ матери бѣжать,
Чтобъ свою наживши волю,
Лучше можно помотать.

Старшій братецъ начинаетъ
Жить во вкусѣ дураковъ;
Табуны собакъ скупаетъ,
Въ колпакѣ безъ сапоговъ
Дни проводитъ на сараѣ,
Шьетъ ошейники для нихъ,
И начальствуя въ сей стаѣ
Бьетъ и вѣшаетъ другихъ.
То на крышку взгромоздится,
А наскучитъ тамъ сидѣть,
На кулачки станетъ биться,
Иль въ трактиръ пойдетъ глазѣть.

Братъ меньшой его проказилъ
Точно такъ же, какъ и тотъ:
По деревьямъ часто лазилъ,
Или стоя у воротъ,
Дразнитъ всѣхъ, кривляя рожу;
И дурачась на подрядъ,
Онъ надѣвъ медвѣжью кожу,
Бабъ пугаетъ и ребятъ
Иногда спущаетъ змѣи,
То звонитъ въ колокола,
Мужикамъ стрижетъ тупеи,
Либо брѣетъ до-гола.
Въ городки играетъ, въ бабки,
То воруетъ голубей,
Иль срываетъ ночью шапки,
Словомъ—страшный чудодѣй.

Всѣхъ умнѣе братъ ихъ средній
(Хоть онъ былъ и Митрофанъ),
Шутъ и этотъ не послѣдній,
Только не былъ онъ буянъ,
И такихъ, какъ тѣ игрушекъ
Онъ терпѣть совсѣмъ не могъ,
Но весь день стрѣлялъ изъ пушекъ,
Или фейэрверки жегъ;

Строилъ шанцы, батареи
И чудесный Вавилонъ *)
Естьли скучать тѣ затѣи,
Такъ билъ галокъ и воронъ;
Въ шлемъ и въ лапы наряжался,
Штурмовалъ свой огородъ;
Иль на копьяхъ онъ сражался
И былъ въ формѣ Донъ-Кихотъ.

Вздумалъ старшій братъ жениться,
Началъ свадьбу затѣвать;
И меньшой успѣлъ влюбиться
Митрофану что-жъ зѣвать?
Также онъ находитъ пару...
А съ невѣстой бывши всякъ,
Отъ любовнаго угару
Поженились кое-какъ.
Тутъ-то ужъ пошла потѣха,
Ктобъ ни вздумалъ описать,
Вѣчно былъ бы безъ успѣха
Ихъ проказы описать.

Жены бѣдныя страдаютъ,
А мужья и не глядятъ:
То ихъ пивомъ обливаютъ,
То усы имъ приклеятъ.
Или мучатъ на качелѣ,
Какъ бѣдняжки не кричатъ,
А уйдутъ—такъ по недѣлѣ
Ихъ домой не залучатъ.
Вотъ какъ дни свои проводятъ,
Вотъ ребята какъ шалятъ.
По трактирамъ только ходятъ
И безъ памяти курятъ.

Старшій къ картамъ пристрастился,
У меньшаго то же блажь;
Не подумавши пустился
И Митрошинька туда-жъ.

Вмигъ пріятели нашлися,
Научили ихъ играть
Тѣ какъ послѣ разочлися,
Анъ и карты проклинать:

«Лишь бы только отыграться
(Говорили межъ собой)
Тамъ не станемъ мы пускаться
Никогда въ картежный бой»

Вновь ребята пошалили,
Но фортуна не везетъ;
Тысячъ по сту заплатили,—
Пуще ихъ задоръ беретъ.

Между тѣмъ своей женою
Скучилъ братецъ ихъ большой
«Чортъ ли (думаетъ) съ одной
Цѣлый вѣкъ коротать свой?»

И услыша эту моду,
Что считается за честь,
Въ пятый годъ просить разводу,
Брякъ прошенье въ цѣлу десть!

По приказному порядку
Приложивши на расходъ
Бѣлыхъ листиковъ тетрадку,
Онъ пустилъ ту просьбу въ ходъ.

Тотчасъ дѣло разобрали,
На жену вину сплели,
Просьбу мужа оправдали.
Приказали:—развели.

Тутъ жена меньшаго брата,
Скучась узкимъ сапогомъ,
Убѣгая отъ разврата,
О разводѣ бьетъ челомъ.

Не замедлилось рѣшенье:
Для такой тогда вины
Состоитъ опредѣленье,
Чтобъ лишить его жены.

Рады модные ребята,
Что избавились отъ нихъ.
Не великая утрата —
Много дѣвокъ и другихъ!

*) Слѣды глупаго сего зданія и понынѣ стоятъ въ 3-хъ верстахъ...

306. Три рукописныя стихотворенія А. Пушкина:

I. Отъ потрясеннаго Кремля.

II. Реветъ ли звѣрь въ лѣсу глухомъ.

III. Въ надеждѣ славы и добра.

Въ четвертку, на 2 страницахъ, писаны скорописью, безъ означенія года.

307. Тщеславной скупецъ Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе князя Оболенскаго.—Писано скорописью на 38 листахъ, въ 4 д. (Безъ означенія года).

Эта собственноручно писанная княземъ Оболенскимъ рукопись.

На оборотѣ заглавнаго листа означены дѣйствующія въ пьесѣ лица:

1) Г-нъ Скупининъ, дворянинъ, живущій въ деревнѣ.
2) Г-жа Скупинина—его жена.
3) Генріета—дочь ихъ.
4) Честонъ, сынъ министра.
5) Любимъ—молодой дворянинъ.
6) Лѣнтяевъ, Скупинина управляющій.
7) Матвѣй,—Скупинина арендаторъ.
1) Сосѣдка.
2) Сосѣдка.
3) Сосѣдъ.
1) Музыкантъ.
2) Музыкантъ.
Слуга сосѣда.
Кучинъ. Ивановъ. Петровъ. } Сосѣди.

Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ.

Эта рукопись куплена мною за 3 рубля.

308. Ты вчера на балконѣ стояла.—Рукописное стихотвореніе неизвѣстнаго автора, писано мелкою скорописью на одномъ продолговатомъ листѣ сѣрой бумаги, въ четвертку, съ помѣтою: 14 апрѣля 1875 года.

Привожу полное содержаніе этого стихотворенія.

Ты вчера на балконѣ стояла,
Грустныхъ думъ о грядущемъ полна,
Тихимъ свѣтомъ тебя обливала,
Пробиваясь сквозь тучи луна;
Ты хранила все время молчанье,
Я молчалъ, я все думалъ о *томъ*,
И смотрѣлъ, какъ играло сіянье
На лицѣ побѣлѣвшемъ твоемъ...
Неужель твой отъѣздъ неизбѣженъ
И покинуть ты сѣверъ должна?
Правда, югъ и роскошенъ и нѣженъ,
Лучше ночь тамъ, прелестнѣй луна,
Вмѣсто рѣкъ—океанъ тамъ безбрежный,
Небеса голубѣй и темнѣй,—
Но найдешь-ли пріютъ тамъ надежный,
Но найдешь-ли тамъ вѣрныхъ друзей?...
Наслаждаясь красами природы,
Съ кѣмъ подѣлишься прелестью ихъ?
Тамъ живутъ вѣдь чужіе народы,
Имъ не нужно знать мыслей твоихъ.
Ты завянешь въ странѣ этой душной,
Какъ всегда молчалива, горда—
И чредой невозвратной, воздушной
Пролетятъ молодые года.

А. S.

14 апрѣля 1875 г.

309. Умирающій гайдукъ (иллирійская баллада). Рукописное стихотвореніе Ивана Козлова, писано скорописью на 2 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Ниже привожу полную и дословную перепечатку.

Умирающій гайдукъ.
(Иллирійская баллада).

Орелъ ты мой бѣлый! пустился на долъ,
Слети съ поднебесья мой бѣлый орелъ!
Взгляни—я Заремба въ крови предъ тобой
Бывало, ты помнишь, въ бояхъ удалой,
Тѣлами пандуровъ тебя я кормилъ,
Прошу, чтобы службу ты мнѣ сослужилъ,
Потомъ пусть добычей орлятамъ твоимъ,
Съ кровомъ съ отважнымъ я сердцемъ моимъ.

* * *

Пустую лядунку мою ты схвати,
И къ брату Рамейкѣ скорѣе лети;
Двѣнадцать зарядовъ съ собой я носилъ,
Двѣнадцать пандуровъ я ими убилъ;
Но съ ними тамъ Бенаки, злодѣй
Бездушный, боялся онъ сабли моей,
Булатъ неизмѣнный лишь выхватилъ я,
Онъ сзади кинжаломъ ударилъ меня.

* * *

Лети, и родимый за брата отмститъ;
И вотъ еще перстень—въ немъ яхонтъ горитъ,
И шитый узорно платокъ мой цвѣтной,
Отдай ихъ вѣрнѣе Миленѣ младой,—
И станетъ мой перстень она цѣловать,
А слезы узорнымъ платкомъ отирать».
И мчитъ орелъ бѣлый въ безмолвьи ночномъ,
Лядунку и перстень съ узорнымъ платкомъ.

* * *

И къ брату Рамейкѣ орелъ прилетѣлъ,
Ромейко съ друзьями въ похмѣльѣ сидѣлъ;
О братѣ убитомъ едва потужилъ,
Пустую ладунку откинулъ и пилъ.
Къ прелестной Миленѣ помчался орелъ,
И дѣву младую онъ въ церкви нашелъ,
И къ ней онъ явился съ завѣтнымъ кольцомъ:
Милена съ Бенаки стоитъ подъ вѣнцомъ.

Иванъ Козловъ.

Греція, погибающая на развалинахъ Мессолонги.

Съ картины художника Э. Ф. Делакруа.

(Собственность музея въ Бордо).

310. Уставная грамота Нижегородской губерніи Серючскаго уѣзда, селенія деревни Буяновки помѣщика А. Ковалькова.

Составлена 1862 года сентября 5 дня. Повѣрена кандидатомъ мироваго посредника, 1862 г.

Писана скорописью на 8 страницахъ въ листъ.

311. „Усы". Стихотвореніе А. Пушкина. Писано на одномъ листѣ въ четвертку, безъ означенія года.

Содержаніе стихотворенія слѣдующее.

У С Ы.

Глаза скосивъ на усъ курчавый,
Гусаръ съ улыбкой величавой,
На палецъ завитки моталъ.—
Мудрецъ съ обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усачу сказалъ:
Гусаръ! все тлѣнно подъ луною,
Какъ волны слѣдомъ за волною,
Проходятъ царства и вѣка.—
Скажи: гдѣ стѣны Вавилона?
Гдѣ храмы пышные Креона?
Умчала все временъ рѣка!
За уши усъ твой закрученный,
Виномъ и ромомъ окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знаетъ бритвы выписной,
Расправленъ гребнемъ и рукой;
Чтобы не смять уса лихова,
Ты съ ночи одою Хвостова
Его тихонько обернешь;
Въ подушку носомъ лечь не смѣешь,
И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь;
А утромъ вновь его завьешь.
На долгихъ ужинахъ веселыхъ
Въ кругу гусаровъ посѣдѣлыхъ
И черноусыхъ удальцовъ;
Стремя къ бокалу мысли пылки,
За чье здоровье бьешь бутылки?
— Коня, красавицъ и усовъ!—
Сраженьямъ страшный гласъ настанетъ,
Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ.
А ты! надъ ухарскимъ сѣдломъ
Разсудка, памяти не тратишь,
Сперва кудрявый усъ ухватишь,
А саблю вѣрную—потомъ.
Окованный волшебной силой
Наединѣ съ красоткой милой
Цѣлуешься; одной рукой,
Въ восторгѣ, нѣгѣ сладострастной
Блуждаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.—
Гордись гусаръ! но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно;
Летятъ губительны часы,
Румяны щеки пожелтѣютъ,
И кудри черны посѣдѣютъ,
И старость выщеплетъ усы.—

А. Пушкинъ.

312. Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.—Рукописное стихотвореніе неизвѣстнаго автора, на 4 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года.

Привожу содержаніе этого стихотворенія полностію.

Утреннее размышленіе о Божіемъ величествѣ.

1.

Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой по земли,
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ съ веселіемъ внемли;
Чудяся яснымъ толь лучемъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!

2.

Когдабы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетать,
Чтобъ къ солнцу близко наше око,
Могло приблизившись воззрѣть;
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.

3.

Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ;
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борющись множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.

4.

Сія ужасная громада,
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада,
Тобою,—о Боже, возжена,
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ!

5.

Отъ мрачной ночи свободишь
Поля, бугры, моря и лѣсъ
И взору нашему открылись
Исполненны чудесъ.
Тамъ всякая взываетъ плоть:
Великъ Зиждитель нашъ Господь!

6.

Свѣтило дневное блистаетъ тѣлъ;
Лишь только на поверхность
Но взоръ твой въ бездну проницаетъ,
Не зная никакихъ предѣлъ
Отъ свѣтлости твоей очей
Льется радость твари всей.

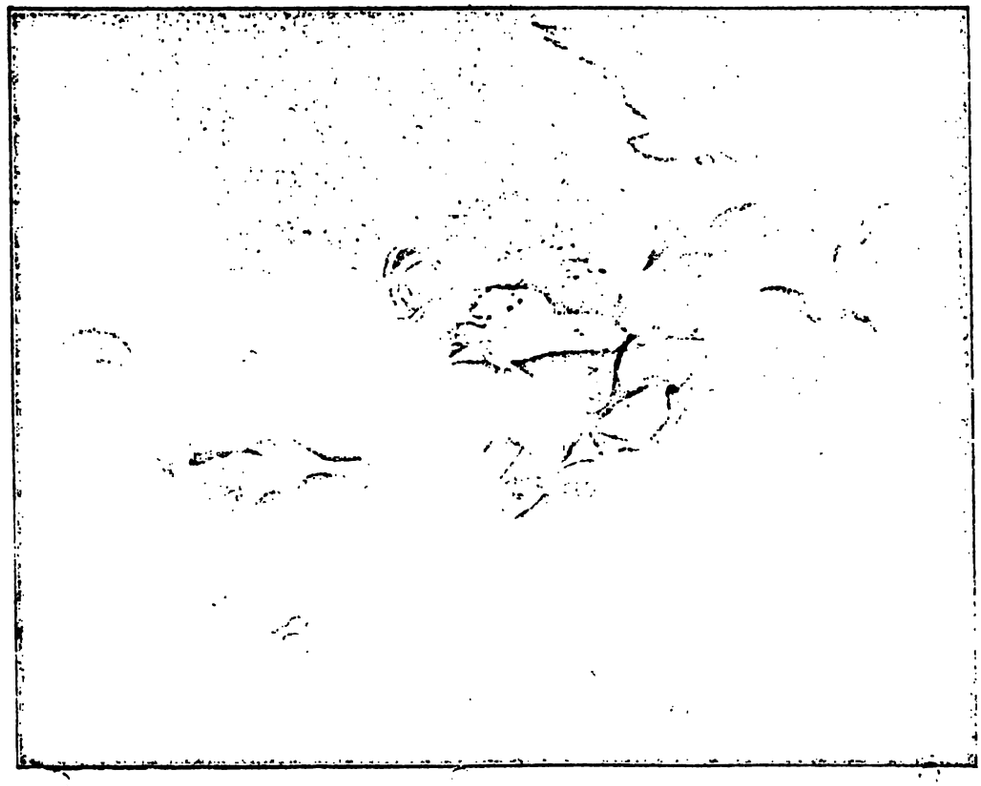
7.

Творецъ! покрытому мнѣ тьмою
Простри премудрости лучи,
И что угодно предъ Тобою,
Всегда творити научи.
И на Твою взирая тварь
Хвалить Тебя, безсмертный Царь.

313. Учебникъ всеобщей исторіи (со вложеніемъ отечественной). Средніе вѣка. Составилъ Андріяновъ. Рукопись въ листъ, на 14 страницахъ. Писанъ скорописью, безъ означенія года.

314. Учительскія и ученическія библіотеки въ низшихъ народныхъ училищахъ. Собственноручная рукопись князя Н. Еникѣева; въ четвертку, писана мелкою скорописью, безъ означенія года и мѣста.

Въ концѣ рукописи помѣчено: „26-го декабря 1886 года".



Фориеъ (изъ поэмы Мицкевича).
Рисунокъ польскаго художника Ю. Классакъ

315. Хлопоты. — Собственноручное стихотвореніе А. Булгакова. Писано мелкою скорописью на 2 страницахъ въ четвертку, безъ означенія года и мѣста.

Привожу полностію содержаніе этого стихотворенія.

Хлопоты.

Хлопотъ различныхъ очень много,
Мы всѣ хлопочемъ цѣлый вѣкъ,
И счастливъ только, въ смыслѣ строгомъ,
Одинъ безпечный человѣкъ:
Купецъ хлопочетъ о товарѣ,
Отецъ—о картахъ и чинахъ,
Дѣвицы—о четвертой парѣ,
А матушки—о женихахъ;
Зоилъ—о темномъ выраженьѣ,
Морякъ—о флягѣ коньяку,
Чиновникъ—о награжденьи,
Студентъ—о трубкѣ табаку!
. . . . . .
. . . . . .
Истецъ—у стряпчаго въ передней,
Женихъ—отужинать скорѣй!
Должникъ, чтобъ платежемъ отсрочить,
Голодный—на обѣдъ напасть;
А титулярные хлопочутъ
Скорѣй въ ассесоры попасть!
Солдатъ хлопочетъ предъ парадомъ
Передъ экзаменомъ—кадетъ,
Вдова—предъ каждымъ маскарадомъ,
А всѣ—о томъ, что денегъ нѣтъ!...
Тотъ отъ хлопотъ въ отставку хочетъ,
Другой не знаетъ что начать!...
А хлопотунъ о томъ хлопочетъ,
Что не о чемъ похлопотать!!...

А. Булгаковъ.

316. Храбрый Алонзо и прекрасная Иможинь.—Писанъ скорописью на 2 листахъ въ четвертку, безъ означенія года.

Привожу здѣсь дословную перепечатку подлинника.

Храбрый Алонзо и прекрасная Иможинь.

Свершилось!—ѣду въ Палестину!
Влюбленный рыцарь говорилъ,
Лаская нѣжну Иможину.
Быть такъ! я рыцарь—есмь и былъ!

Теперь,—о, щастіе!—струится
Слеза изъ черныхъ глазъ твоихъ;
Но будетъ время—осушится
Рукой любовниковъ другихъ.

Тебя забыть! нѣтъ, нѣтъ! клянусь!
Тебя во вѣки не забуду.
Къ тебѣ во вѣкъ не премѣнюсь,—
Мертва или жива я буду.

Когда же клятву я нарушу,
То пусть въ день свадьбы моея—
Увижу блѣдну твою душу,
Сидящую вблизи меня.

Пусть тѣнь твоя тогда покажетъ
Свои права всѣмъ на меня,
Влача съ собою въ гробъ, пусть скажетъ:
«Она была жена моя!»

Протекъ годъ; въ знаменитомъ чинѣ
Баронъ красивой и живой
Явился къ нѣжной Иможинѣ,
Лаская съ рукой.

Баронство, блескъ даровъ склонили
Красотку быть его женой.
Тотчасъ день брака положили;
Приспѣлъ онъ,—пиръ былъ дорогой.

Веселье, радость разливались
Въ глазахъ пирующихъ гостей,
Супругѣ *виватъ*! раздавались.
Брякъ—рыцарь тутъ!—и сѣлъ близь ней

Видъ, поступь, станъ и взглядъ его
Вдыхали въ каждаго почтенье,—
Кто только взглянетъ на него,
Почувствуетъ въ груди движенье.

Шишакъ, навислый надъ глазами,
Отъ всѣхъ очей его скрывалъ.
Сидѣлъ, какъ камень межъ гостями—
На Иможину лишь взиралъ.

—«Сними шишакъ свой—покажись,—
Младая, въ трепетѣ, рекла,—
Отбрось печали—веселись!
Прошу—сними шишакъ съ чела».

Сказала—рыцарь снялъ въ минуту
Шишакъ—и выраженій нѣтъ—
Кто могъ предвидѣть участь люту.—
Сей рыцарь былъ сухой скелетъ!

Сухой—съ одними лишь костями
Гигантъ ужасный гробовой?
Къ младой рекъ грозными словами:
«Зри кто я—я Алонзо твой!

Когда-то ты мнѣ обѣщала
По гробъ—во вѣки быть моей:
«Не токмо въ свѣтѣ—ты сказала,—
И въ небѣ буду я твоей.

Когда же клятву я нарушу,
То пусть въ день свадьбы моея
Увижу блѣдну твою душу;
Сидящую вблизи меня».

Всмотрись въ мое изображеніе!
Теперь пришелъ за правомъ я:
Друзья! она была жена моя!
Пойдемъ со мною въ подземелье.

Сказавъ, схватилъ—
Увлекъ съ собою Иможинь
Въ разверсту бездну передъ ними...
А крики слышны и понынѣ!..

317. **Царствованіе Императора Александра I-го 1801—1825.** – Рукопись XIX вѣка, въ четвертку, на 20 листахъ, писана скорописью, безъ подписи автора.

Въ рукописи помѣщены слѣдующіе историческіе матеріалы.

1. Обзоръ его царствованія.
2. Дѣла внѣшнія отъ 1801 до 1805 г.
3. Всеобщій міръ.
4. Возобновленіе распрей.
5. Война австрійская 1805 г.
6. Разрывъ съ Франціей.
7. Тройной союзъ.
8. Пораженіе Мако.
9. Отступленіе Кутузова.
10. Битва Аустерлицкая.
11. Пресбургскій миръ.
12. Война прусская.
13. Причины войны.
14. Пораженіе пруссаковъ.
15. Война съ Россіею.
16. Бездѣйствіе Англіи.
17. Битва при Фридландѣ.
18. Тильзитскій миръ.
19. Война шведская.
20. Разрывъ съ Англіею.
21. Разрывъ съ Швеціею.
22. Завоеваніе Финляндіи.
23. Покореніе Свеаборга.
24. Война финляндская.
25. Фридрихсгамскій миръ.
26. Война турецкая 1806—1812.
27. Разрывъ съ Турціею.
28. Премиріе.
29. Возобновленіе войны.
30. Бухарестскій миръ.
31. Война персидская 1804—1813
32. Циціановъ.
33. Война съ Персіею.
34. Гудовичъ.
35. Тормасовъ, Ртищевъ и Котляревскій.
36. Гюлистанскій миръ.
37. Война 1812 года.
38. Причины войны.
39. Дѣла польскія.
40. Дѣла ольденбургскія, 1810 г.
41. Тарифъ.
42. Вторженіе Наполеона.
43. Поголовное ополченіе Россіи.
44. Отступленіе второй арміи.
45. Дѣйствіе подъ Смоленскимъ.
46. Битва бородинская.
47. Отступленіе къ Москвѣ.
48. Оставленіе Москвы.
49. Пожаръ московскій.
50. Слѣдствія московскаго пожара.
51. Тарутинскій лагерь.
52. Наполеонъ предлагаетъ миръ.
53. Наступательныя дѣйствія Кутузова.
54. Бой при Малоярославцѣ.
55. Отступленіе Наполеона.
56. Пораженіе враговъ при Березинѣ.
57. Бѣдствіе и потери враговъ.
58. Пожертвованія Россіи.

59. Освобожденіе Германіи отъ власти Наполеона 1813.
60. Намѣренія Александра I.
61. Переходъ арміи за-границу.
62. Дѣйствія въ Саксоніи.
63. Политика въ Австріи.
64. Союзъ пяти державъ.
65. Сраженіе при Дрезденѣ.
66. Кульмскій бой.
67. Лейпцигская битва.
68. Низверженіе Наполеона.
69. Переходъ за Рейнъ.
70. Движеніе союзниковъ къ Парижу.
71. Взятіе Парижа.
72. Низложеніе Наполеона.
73. Парижскій миръ.
74. Александръ Благословенный.
75. Водвореніе въ Европѣ всеобщаго мира и спокойствія. 1815—1825.
76. Царство Польское.
77. Вторичное низложеніе Наполеона.
78. Второй парижскій миръ.
89. Священный союзъ.
80. Революціонные замыслы.
81. Возстаніе грековъ.
82. Внутреннія учрежденія.
83. Императоръ Александръ I, 1825—1825.
84. Возстановленіе правъ сословій.
85. Учрежденіе министерства.
86. Войско.
87. Промышленность.
88. Образованіе.

Рукопись эта куплена мною за 6 рублей.

318. **Царствованіе Императрицы Екатерины II.** Рукопись начала XIX вѣка. Въ четвертку, на 150 листахъ, писана скорописью, безъ означенія автора. Переплетена въ крѣпкую бумажную обложку.

Исторія царствованія Императрицы Екатерины второй приведена здѣсь за періодъ времени 1762—1796 гг., т-е. съ самаго вступленія Ея на престолъ и по день кончины, и подраздѣлена на слѣдующія главы:

1. Внѣшнія дѣла отъ 1762 до 1768 г.
2. Возстановленіе правъ дессидентовъ (1768).
3. Барская конфедерація.
4. Первая война турецкая 1768—1774 гг.
5. Причины войны.
6. Побѣды.
7. Сраженіе при Ларгѣ.
8. Битва при Кагулѣ.
9. Подвиги Орлова.
10. Чесменскій бой.
11. Слѣдствія нашихъ побѣдъ.
12. Посредничество Австріи.
13. Раздѣлъ Польши.
14. Язва.
15. Переговоры съ Турціею.
16. Румянцевъ за Дунаемъ.
17. Миръ кайнарджійскій.
18. Пугачевъ.
19. Торжество кайнарджійскаго мира.
20. Греческій проэктъ.
21. Потемкинъ.
22. Союзъ Австріи.
23. Волненіе Крыма.
24. Присоединеніе Крыма.
25. Подданство Грузіи.
26. Путешествіе Екатерины.
27. Вторая война турецкая 1787—1791 гг.
28. Причины войны.
29. Неудача Австріи.
30. Побѣды Суворова.
31. Битва Рымникская.
32. Миръ съ Швеціею.
33. Непріязни Пруссіи и Англіи.
34. Штурмъ Измаила.
35. Миръ съ Турціею.
36. Паденіе Польши.
37. Тарговицкая конфедерація.
38. Война польская.

39. Второй раздѣлъ Польши 11 Іюля 1793 г.
40. Костюшка.
41. Штурмъ Праги.
42. Паденіе Польши 14-го Ноября 1795 г.
43. Разрывъ съ Франціею.
44. Война съ Персіею.
45. Внутреннія учрежденія (1762—1796).
46. Законодательство.
47. Сотрудники Екатерины.
48. Бецкой, Вяземскій, Чернышевъ, Безбородко, Завадовскій, Потемкинъ и другіе.
49. Верховная власть.
50. Церковь.
51. Народныя сословія.
52. Дворянство.
53. Среднее сословіе.
54. Управленіе.
55. Учрежденіе губерній.
56. Финансы.
57. Войско.
58. Промышленность.
59. Образованіе.
60. Литература.

Рукопись эта пріобрѣтена мною въ Вологдѣ за 5 рублей.

319. **Царствованіе Императора Николая I.**—Рукопись XIX вѣка, въ четвертку, на 25 листахъ, писана скорописью, безъ означенія автора.

Въ рукописи помѣщены слѣдующіе историческіе матеріалы:

1. Возшествіе на престолъ Николая I.
2. Кончина Александра I.
3. Открытіе заговора.
4. Присяга Императору Константину Павловичу.
5. Отреченіе Цесаревича Константина.
6. Воцареніе Императора Николая I.
7. Мятежъ 14 декабря.
8. Политика Николая I.
9. Аккерманская конвенція.
10. Персидская война.
11. Война турецкая и дѣло грековъ.
12. Наваринскій бой.
13. Разрывъ Россіи съ Турціей.
14. Кампанія 1829 года.
15. Истребленіе миссіи въ Тегеранѣ.
15. Кампанія 1829 года.
17. Миръ андріонопольскій.
18. Греческое королевство.
19. Дѣла египетскія 1831—1840 гг.
20. Усмиреніе мятежа польскаго.
21. Состояніе Польши.
22. Мятежъ Польши.
23. Усмиреніе мятежа.
24. Бѣдствія Польши и возстановленіе въ ней порядка.
25 Холера въ Москвѣ.
26. Холера въ С.-Петербургѣ.
27. Законодательство. Состояніе законовъ въ концѣ 1825 года.
28. Прекращеніе уніи.
29. Заключеніе.

Рукопись эта куплена въ мною городѣ Вологдѣ.

320. **Царствованіе Императора Павла I-го, съ 1796—1801.**—Рукопись начала XIX вѣка, въ четвертку, на 20 листахъ, писана скорописью, безъ означенія автора.

Въ рукописи этой помѣщены слѣдующіе матеріалы:

1. Кончина Екатерины II.
2. Павелъ I.
3. Дворъ Павла I.
4. Дѣла внутреннія.
5. Устройство войска.
6. Финансы.
7. Управленіе.
8. Учебныя заведенія.
9. Престолонаслѣдіе.
10. Мальтійскій орденъ.

11. Союзъ противъ Франціи.
12. Суворовъ.
13. Война съ Франціею.
14. Побѣды Суворова.
15. Разбитіе Моро 1799 г., 16-го апрѣля.
16. Пораженіе Макдонало, 7 іюня 1799 г.
17. Новый планъ войны.
18. Пораженіе Корсакова.
19. Суворовъ въ Швейцаріи.
20. Разрывъ съ Австріею.
21. Голландская экспедиція.
22. Разрывъ съ Англіею.
23. Присоединеніе Грузіи.

Рукопись эта куплена мною въ Москвѣ.

321. Царь Іоаннъ Васильевичъ и жестокость его.—Рукопись начала XIX вѣка, писана скорописью на 4 страницахъ въ четвертку, безъ означенія имени автора и мѣста письма.

На второй страницѣ рукописи говорится, что въ Новгородѣ царь производилъ ужасныя и неслыханныя лютости надъ духовенствомъ, по ложному доносу! Онъ велѣлъ собрать монаховъ со всѣхъ монастырей, коихъ было до 500, сверхъ того всѣхъ поповъ и діаконовъ и оковалъ; ихъ били съ утра до вечера. Взыскалъ по 20 рублей съ каждаго, потомъ избилъ палками до смерти, а архіепископа Пимена, ограбивъ, отдалъ, подъ стражу и велѣлъ давать ему по 2 деньги на день! Пріѣхавъ же въ Москву, велѣлъ привести его со всѣми оставшимися священниками и діаконами въ Александрову слободу, снять съ него святительскій санъ и сослать въ заточеніе, а прочихъ казнить и разослать въ ссылку.

322. Царь пламени. (Повѣсть В. Скотта). Рукопись въ четвертку, писана скорописью на 14 страницахъ, безъ означенія года.

Привожу полную перепечатку подлинника.

Царь пламени.

—

(Повѣсть В. Скотта).

—

Преданью временъ стародавнихъ внемлите,
Цвѣтъ рыцарей храбрыхъ, злодѣевъ гроза!
Собраніе милыхъ, Европы краса!
Ко звукамъ сей арфы вы слухъ свой склоните:
Хочу вамъ повѣдать о дивныхъ дѣлахъ,
О страсти любви, о войнѣ, чудесахъ,
Внемлите!
Вздохните
Печальной душой
О графѣ Албанѣ, о розѣ младой.

* * *

Вотъ грозныя башни, одѣтыя мхомъ;
Вотъ замокъ гранитный стоитъ на скалѣ;
Вотъ юная дѣва съ тоской на челѣ:
Изъ груди высокой летитъ вздохъ за вздохомъ,
Слезами печали ланиты кропитъ.
Вотъ путникъ изъ странъ Палестины спѣшитъ,
Шагаетъ,
Ступаетъ,
На посохъ клонясь,
Бѣлѣются перья, вкругъ шляпы віясь.

* * *

«О путникъ, о старецъ почтенный! Я знаю
Вѣдь ты отъ Салима святаго идешь,
Какія ты вѣсти оттуда несешь?
Скажи мнѣ, открой мнѣ,—тебя умоляю,
Скажи мнѣ: Герой между горъ средь пустынь
Вблизи знаменитыхъ Салимскихъ твердынь
Какъ рвутся,
Какъ бьются?
И мужества цвѣтъ
Блеститъ ли красою отрадныхъ побѣдъ?».

* * *

Мы губимъ враговъ на брегахъ Іордана,
Вертится успѣхами каждый нашъ шагъ:
Мы взяли Наблусъ, Геслеадъ и Рашахъ!
Мы губимъ враговъ при подошвѣ Ливана—
Отъ крѣпкой, отъ сильной, отъ смѣлой руки
Кровь брызжетъ струями, трепещутъ враги,
Блѣднѣютъ,
Робѣютъ,
Мятутся, бѣгутъ
И рыцари наши побѣду поютъ!

* * *

Изъ золота утварь на дѣвѣ сіяла.
Она драгоцѣнность неспѣшно сняла
И ею сѣдые власы обвила:
«Вотъ путнику-старцу награда!» сказала:
«О старецъ почтенный, о путникъ сѣдой!
Тебя увѣнчавши сей цѣпью златой
Я рада.
Награда,—
Прикраса волосъ,
За вѣсти, что ты съ Іордана принесъ.

* * *

Но путникъ! ты видѣлъ ли графа Албана
Между крестоносныхъ отважныхъ рядовъ?
Не первый ли онъ къ устрашенью враговъ
Летитъ стрѣлой при подошвѣ Ливана,
Не первый ли онъ на пиру боевомъ
Блестящимъ, тяжелымъ, смертельнымъ мечомъ
Съ красою,
Съ грозою
На юномъ челѣ
Разитъ сопостатовъ въ Священной землѣ?»

* * *

—О, юная дѣва! древа одѣваетъ
Прекрасная зелень въ началѣ весны.
Средь ночи прохладной, при блескѣ луны
Ручей серебристый въ долинѣ сверкаетъ.
Какъ гордо сей замокъ гранитный стоитъ!
Какъ часто надежда, какъ часто намъ льститъ!
Обманетъ,
Увянетъ,
Что въ мірѣ цвѣтетъ,
Что было проходитъ, что будетъ—пройдетъ.

* * *

Зеленыя вѣтви деревъ засыхаютъ;
Перунъ изовьется по своду небесъ;
Отъ треску, отъ блеску звѣрь кроется въ лѣсъ;
И стѣны и башни во прахъ упадаютъ,
Какъ часто въ долинахъ рѣзвясь вѣтерокъ
И морщитъ и мутитъ игривый потокъ!
Питаемъ,
Ласкаемъ
Мы тщетно одну
Златую надежду... Албанъ въ полону!—

* * *

И Роза, цвѣтущая юной красою,
Сидитъ и несется на быстромъ конѣ,
Палашъ опоясавъ, въ желѣзной бронѣ,
Въ шеломѣ и въ латахъ съ насѣчкой златою,
Въ страну Палестины направивъ путь свой,
Прелестная дѣва влюбленной душой
Пылаетъ,
Желаетъ
Скорѣе скакать,
Чтобъ графа Албана изъ рабства изъять.

* * *

Напрасно!—Воитель врагами плѣненный,
Прелестную дѣву жестокій забылъ;
Онъ рыцарской чести давно измѣнилъ,
Святому Закону и клятвамъ невѣрный:
Язычницы юной плѣнясь красотой
Онъ сердцемъ невѣрнымъ, невѣрной душой
Влюбился,
Плѣнился
Заразой сердецъ...
Владѣтель Ливана ея былъ отецъ.

* * *

«Герой христіанинъ,—такъ дѣва сказала,—
Коль хочешь любовь ты свою оказать,
То долженъ рѣшиться на все: исполнять
Чего бы лишь я отъ тебя ни желала,
Ты тьму христіанства, невѣрный, оставь
И наши законы и вѣру прославь
Сердечно!
Знай: вѣчно
Твоя Зюлема!
Она за рѣшимость полюбитъ сама.

* * *

«Сойди ты въ пещеру, гдѣ вѣчно пылаетъ
Священное пламя, таинственный видъ,
Предъ коимъ родъ курдовъ поклоны творитъ;
Поклоны творитъ и его обожаетъ.
Послушай: три ночи, въ нѣмой тишинѣ,
При этомъ священномъ всемощномъ огнѣ

Ты бодрствуй!
Покорствуй!
И знай: Зюлема
Тебя за отважность полюбитъ сама.

* * *

Когда ты меня не обманешь душою,
То дѣйствіемъ силы и дѣйствіемъ словъ,
Герой, Палестину избавь отъ враговъ!
Губи христіанъ ты могучей рукою!
Тогда ты утѣхи въ любви обрѣтешь,
Тогда Зюлему ты своей назовешь
Подругой,
Супругой!
И знай: Зюлема
Тебя за отважность полюбитъ сама.

* * *

Онъ бросилъ поспѣшно свой мечъ изощренный,
Онъ бросилъ поспѣшно тяжелый шеломъ,
Кольчугу, платъ съ блестящимъ крестомъ,
Онъ Бога отвергнулъ—красой обольщенный,
Забывъ, что отступниковъ ждутъ муки и адъ;
Надѣлъ онъ поспѣшно невѣрныхъ нарядъ
Зеленый.
Влюбленный,
Съ дрожащей душой,
Чело осѣнилъ онъ позорной чалмой!

* * *

Блестящія звѣзды на небѣ пылаютъ.
Онъ входитъ въ пещеру, какъ тать.
Рѣшетки и двери—числомъ пятьдесятъ—
Въ подземную пропасть тамъ входъ заграждаютъ,
И онъ ничего до разсвѣта не зритъ,
Лишь ярко таинственный пламень горитъ,
Блистаетъ,
Сверкаетъ
На мшистыхъ камняхъ.
Въ Албанѣ смущенье, не робость, не страхъ.

* * *

Дивится пришедшій владѣтель Ливана,
Дивится жрецовъ престарѣлыхъ соборъ,
И всѣ устремляютъ внимательный взоръ
На чуждаго рыцаря, графа Албана.
Примѣтивши четки въ одеждѣ его,
Они негодуютъ, срываютъ съ него.
Срываютъ,
Бросаютъ
Тѣ четки во прахъ.
Въ Албанѣ смущенье, не робость, не страхъ.

* * *

И снова невѣрный въ пещеру вступаетъ,
Опять въ пещерѣ ночь цѣлую бдитъ;
И вѣтеръ бушуетъ, ярится, свиститъ.
И онъ отдаленному вѣтру внимаетъ,
Но тамъ ничего до разсвѣта не зритъ.
Таинственный пламень какъ прежде горитъ,
Блистаетъ,
Сверкаетъ
На мшистыхъ камняхъ.
Въ Албанѣ смущенье, не робость, не страхъ.

* * *

И снова дивится владѣтель Ливана,
И ропщетъ жрецовъ престарѣлыхъ соборъ,
И вновь устремляютъ внимательный взоръ
На чуждаго рыцаря, графа Албана.
Съ отступника всѣ не спускаютъ очей,
И что же встрѣчаютъ къ досадѣ своей:
Сіяетъ,
Блистаетъ
На немъ крестъ святой,
Отъ старца отца знаменованъ рукой.

* * *

Жрецы и владѣтель всѣ гнѣвомъ пылаютъ,
Ихъ губы синѣютъ, ихъ ропщутъ уста,
Они негодуютъ,—и образъ креста
Стереть и изгладить на вѣки желаютъ.
И къ тайному входу отступникъ идетъ,
Холодный объемлетъ отступника потъ.
Измѣнникъ!
Ты грѣшникъ
Добыча злыхъ силъ!
Такъ благочестивый геній Албану твердилъ.

* * *

Власы на главѣ, поднявшись, стояли,
И ужасъ по жиламъ его пробѣгалъ;
Онъ думалъ идти, но напуганный—сталъ.
Стоялъ онъ—и ноги его трепетали;
Но скоро отступникъ любовь вспомянулъ,
О дщери Ливана сердечно вздохнулъ.
И что же?
О, Боже!
Вмигъ совѣсти гласъ
Въ отступникѣ грѣшномъ на вѣки погасъ!

* * *

Едва онъ прошелъ за черту подземелья,
Вдругъ вѣтеръ поднялся, ужасно завылъ,
Дремавшія сосны въ бору разбудилъ,
Завыли дубравы, завыли ущелья,

Желѣзныя двери трясутся, скрипятъ,
Царь пламени мрачный, оставившій адъ,
Опасный,
Ужасный
Несется, летитъ,
И буря сильнѣе ярится, шумитъ.

* * *

Царь пламени страшный по вѣтру несется,
И молніи вьются на небѣ, блестятъ,
И мрачныя горы ужасно трещатъ.
И курдовъ пещера трещитъ и трясется,
Трясется гранитный и мшистый алтарь,
Ужасный приблизился пламени Царь,
Блистаетъ,
Сверкаетъ,
Огнь—ярко горитъ,
И буря сильнѣе ярится, шумитъ.

* * *

Царь пламени страшный и золъ и опасенъ.
Гласъ страшнаго—буря, дыханіе—громъ!
Пламень и смрадъ разлился кругомъ!
Ужасенъ онъ ростомъ и видомъ ужасенъ:
Невиданный ростъ и неслыханный видъ!
Что же рыцарь Альбанъ? Онъ смертенъ, дрожитъ,
Робѣетъ,
Блѣднѣетъ,
Глядитъ на Царя,
Стоитъ неподвижно вдали алтаря.

* * *

Въ рукѣ Привидѣнья мечъ острый сіяетъ;
Отъ страшнаго гласа трясется Ливанъ.
«Послушай, могучій Альбанъ!»—
Царь пламени грозно къ нему восклицаетъ,—
«Послушай, ты этимъ широкимъ мечемъ
Во всякое время съ жестокимъ врагомъ
Дерися,
Рубися,
Всѣхъ будешь губить;
Но помни: крестъ, дѣву на вѣки забыть!»

* * *

Рука надъ главою Альбана мелькаетъ,
Изъ тучъ очарованный мечъ подаетъ.
И рыцарь невѣрный желѣзо беретъ,
Беретъ—и колѣна свои преклоняетъ.
Вдали громъ рокочетъ, пещера дрожитъ;
Во мракѣ подземномъ огонь чуть горитъ,
Чуть блещетъ,
Трепещетъ.
Призракъ улетѣлъ,
Во слѣдъ ему вѣтеръ сильнѣе взревѣлъ.

* * *

Альбанъ съединился съ невѣрныхъ рядами;
Волшебнымъ мечемъ и могучей рукой
Онъ часто рѣшитъ пламенѣющій бой.
О горе! смиряется крестъ предъ врагами!
Враги побѣждаютъ, побѣду поютъ;
Источники крови горячей текутъ.
И мнутся,
Мятутся
Герои креста
Предъ графомъ Альбаномъ, отвергшимъ Христа!

* * *

О горе! отъ кедровъ высокихъ Ливана
Кровь льется ручьями Христовыхъ рабовъ
Вблизи Сеннаярскихъ сыпучихъ песковъ
Кровь льется ручьями до водъ Іордана,
Но рыцари Храма, съ Самимскимъ царемъ
Спѣшили сразиться съ могучимъ врагомъ.
Спѣшили,
Рубили
Кичливыхъ враговъ,
Спасали усердныхъ Христовыхъ рабовъ.

* * *

Вотъ трубные гласы вокругъ раздаются,
Рога и кимвалы играютъ, звучатъ,
Направлены копья, сверкаютъ, блестятъ,
Два воинства вмѣстѣ сошедшись, дерутся;
Какъ левъ разъяренный, отступникъ Альбанъ
Сражается храбро. Ряды христіанъ
Мятутся
И рвутся.
Онъ мщеньемъ горя
Желаетъ убить Балдуина-царя.

* * *

Щитъ крѣпкій, со знакомъ червленнымъ
Не спасъ бы отъ смерти вождя христіанъ:
Жестокій убійца, отступникъ Альбанъ
Его изрубилъ бы мечемъ изощреннымъ,
И вождь бы погибъ! Но вотъ пажъ удалой
Разитъ чалмоносца отважной рукой!
Средь боя
Грозою
Альбанъ пораженъ!
Чалма полетѣла, шеломъ раздробленъ.

* * *

Ударъ былъ столь силенъ, что яркой струей
Посыпались искры и гулъ прозвучалъ...
Невѣрный, главу преклонивъ, задрожалъ,
Невзвидѣлъ онъ свѣта... и гордой душой,
Безстыдный отступникъ, жестокій Албанъ,
Казалось, смирился въ кругу христіанъ.
Смирился,
Забылся,
Воскликнулъ, стеня:
«О, Дѣва Святая, помилуй меня!»

* * *

Вдругъ мечъ очарованный силу теряетъ!
Невольный объемлетъ отступника страхъ,
И руки трепещутъ; мечъ падаетъ въ прахъ;
Упалъ—и на вѣки изъ глазъ исчезаетъ...
Отступникъ сильнѣй и сильнѣе дрожитъ...
А мечъ подземелья?—Преданье гласитъ,
Что сильный,
Порывный
Сей мечъ вѣтръ умчалъ,
Отъ вѣтра—его Царь пламени взялъ.

* * *

Скрежещетъ зубами, Албанъ изумленный;
Жалѣетъ, что мечъ боевой потерялъ;
Онъ юношѣ сильный готовитъ ударъ:
Безстыдный отступникъ, злодѣй разъяренный
Пажа поражаетъ стальнымъ руковомъ.
На землю свалился разбитый шеломъ:
Явилась,
Открылась
Младая краса,
Златые власы, голубые глаза.

* * *

Кого же въ прекрасной отступникъ находитъ?
Кого узнаетъ онъ? Чья эта краса—
Златые власы, голубые глаза?
Онъ въ ужасъ и трепетъ невольно приходитъ;
Вотъ крестъ торжествуетъ, униженъ Востокъ!
Вотъ рыцари Храма, какъ Кедрскій потокъ
Стремятся,
Ярятся,
И губятъ враговъ:
На копьяхъ дымится невѣрная кровь!

* * *

На горныхъ вершинахъ, въ ущеліяхъ низкихъ,
Повсюду,—повсюду смерть дерзкимъ врагамъ,
И трупы невѣрныхъ въ снѣдь птицамъ, звѣрямъ.
Отъ струй Ветсаидскихъ до грядъ Нефалійскихъ—
Сихъ мрачныхъ утесовъ—герои поютъ
Сарацины и курды и турки бѣгутъ,
Блѣднѣютъ,
Робѣютъ.
Течетъ кровь рѣкой
И Крестъ торжествуетъ надъ гордой чалмой.

* * *

Среди Бетсаидской долины веселой
Надолго умолкнулъ убійственный бой.
Но кто сей язычникъ съ разбитой главой?
Но юноша кто сей? Кто пажъ охладѣлый?
То вѣру презрѣвшій, безумный Албанъ,—
Отступникъ, надежный щитъ мусульманъ.
Ужасный,
Несчастный!
Противныхъ гроза,
То юная Роза, дѣвъ милыхъ краса.

* * *

Святаго Салима въ стѣнахъ знаменитыхъ
Трупъ дѣвы засыпанъ сырою землей.
Звѣрямъ въ снѣдь и птицамъ трупъ брошенъ другой.
Оставленъ отступникъ средь труповъ убитыхъ.
Прелестная Роза невинной душой
Взвилася на небо къ Маріи святой.
Невѣрный
Презрѣнный
На вѣки пропалъ:
Царь пламени душу отступника взялъ.

* * *

Такъ Бардъ пѣлъ—и струны на арфѣ звучали.
Такъ пѣлъ воителей смѣлыхъ Христа
Паденье невѣрныхъ, побѣду Креста.
И смѣлому Барду, внимая, молчали.
Цвѣтъ рыцарей храбрыхъ, злодѣевъ гроза,
Собраніе милыхъ, Европы краса—
Внимали,
Вздыхали
Печальной думой
О графѣ Албанѣ, о Розѣ младой.

323. **Цвѣтникъ.** – Рукопись начала XIX вѣка, въ четвертку, на 30 листахъ, писана мелкою скорописью.

Рукопись озаглавлена:

„Глаголѣмая сія книга Цвѣтникъ, по

которой можно найти траву во всѣхъ упомянутыхъ мѣстахъ. Начальное время означено ниже сего".

Эта любопытная рукопись пріобрѣтена мною въ Вологодской губерніи.

324. Цицеронъ какъ ораторъ и общественный дѣятель.

Собственноручная статья преподавателя Харьковской прогимназіи Павла Антоновича Ромашковича, писана мелкою скорописью на 16 страницахъ въ 8 д. л., безъ означенія года и мѣста.

(Статья изъ публичныхъ чтеній).

325. Черновая записка К. Случевскаго къ его превосходительству Петру Николаевичу Исакову. Писана на одномъ листѣ почтовой бумаги, безъ означенія года.

326. Черное домино. Комическая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Музыка Обера. Либретто Скриба. — Собственноручный переводъ Петра Ивановича Калашникова. — Въ четвертку, на 285 страницахъ, писана скорописью.

Піеса переведена съ испанскаго и въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

Петръ Ивановичъ Калашниковъ — авторъ и переводчикъ оперныхъ либретто, родился въ 1828 г.; былъ сотрудникомъ журнала „Сынъ Отечества", гдѣ помѣщалъ небольшіе разсказы, и написалъ драмы „Современный разсчетъ на счастье" и „Паяцъ", принятыя на Императорскую сцену. Ему также принадлежатъ либретто оперъ: „Нижегородцы" (муз. Направника), „Домикъ въ Коломнѣ" (муз. Соловьева), „Саванарола" и новый текстъ къ оперѣ Верстовскаго — „Аскольдова могила".

Кромѣ того имъ переведены либретто многихъ иностранныхъ оперъ и кантатъ.

Мой экземпляръ — въ современномъ кожаномъ переплетѣ.

327. **Чиновникъ.** Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе графа Соллогуба. Безъ означенія года.

Это собственноручная рукопись графа Соллогуба, писанная мелкою скорописью на 40 страницахъ, въ листъ.

Купленъ мною экземпляръ хорошо сохранившійся.

328. Что ты спишь мужичекъ. Рукопись въ листъ на 12 страницахъ, писана скорописью, безъ имени автора.

Въ этой рукописи говорится о русскихъ государственныхъ займахъ.

329. Шмельковъ, Петръ Михайловичъ весьма выдающійся русскій художникъ. Статья Дениса Рошэ. Переводъ съ французскаго. - Въ листъ, 26 страницъ, писана скорописью.

Описываемое сочиненіе принадлежитъ перу извѣстнаго французскаго публициста Дениса Роше, въ которомъ послѣдній изложилъ краткую біографію нашего извѣстнаго художника П. М. Шмелькова.

Полагаю не лишнимъ привести здѣсь дословную перепечатку означеннаго перевода.

Весьма выдающійся русскій художникъ П. М. Шмельковъ.

Графу Илью Львовичу Толстому.

Художественныя произведенія Шмелькова очень рѣдки. Въ Москвѣ, гдѣ жилъ художникъ, въ Третьяковской галлереѣ, самой богатой коллекціями русскаго искусства, ему отведено 8 нумеровъ. Въ

Петербургскомъ Музеѣ Александра III-го нѣтъ его работъ. Едва находятъ какой либо изъ его набросковъ, они тотчасъ же вызываютъ общій интересъ и любопытство. Вы поражены его мѣткими наблюденіями, простотою воспроизведеннаго, ясностью композиціи, простотою юмора, простодушною веселостью, проникнутою неподдѣльною красотою, не смотря на то, что онъ изображаетъ самыя глубокія чувства человѣческихъ страданій. Вы наводите справку; но получаете отрицательный отвѣтъ. Наконецъ въ ваши руки попадаетъ альбомъ, въ наше время почти не существующій, и второе изданіе котораго никогда не являлось въ обращеніи, выпущенное въ годину смерти художника М. П. Харитоненковымъ. Мы читаемъ въ предисловіи, напечатанномъ на шести страницахъ, жизнеописаніе Шмелькова, написанное М. С. Васильевымъ. Жизнь художника грустна; нельзя забыть то тяжелое впечатлѣніе, которое производитъ на васъ вся жизнь художника. Мы желали бы описать ее вкратцѣ, бросить бѣглый взглядъ на его творчество и произвести нѣсколько выдающихся страницъ*) изъ его произведеній.

Петръ Михайловичъ Шмельковъ родился 12 іюля 1819 года въ оренбургской губерніи. Отецъ его былъ бѣднымъ крестьяниномъ, далеко не заботившійся объ успѣхахъ своего сына въ рисованіи. Но онъ получилъ мѣсто управляющаго во Владимірской губерніи, и люди образованные, замѣтивъ способности у его ребенка, приняли близко къ сердцу судьбу послѣдняго. Эти люди помогли М. П. бѣжать къ знакомому имъ учителю рисованія. Къ несчастію учитель этотъ не умѣлъ рисовать съ натуры и давалъ ученику своему снимать копіи съ пятидесяти носовъ или пятидесяти ушей. Мальчикъ быстро кончалъ свою работу и уходилъ бѣгать по улицамъ или заниматься хозяйствомъ. По вечерамъ учитель разсказывалъ ему свои воспоминанія 1812 года, когда онъ скрывался въ лѣсу.

Ежели этотъ учитель имѣлъ на него какое либо вліяніе, то развѣ только своими разсказами. И въ самомъ дѣлѣ, Шмелькову пришлось въ одномъ изъ его художественныхъ акварельныхъ рисунковъ, изобразить Наполеона, сидящаго предъ Москвою, въ виду Кремля. — Отдавъ себѣ отчетъ, что онъ у этого учителя ни къ чему не научился, онъ оставилъ его въ концѣ года и поступилъ къ иконописцу, обычное убѣжище всѣхъ бѣдныхъ русскихъ художниковъ въ началѣ ихъ карьеры. У иконописца онъ пробылъ четыре года, съ трудомъ добывая себѣ на пропитаніе и не имѣя возможности серьезно заниматься истиннымъ художествомъ. Наконецъ, чтобы добыть себѣ одежду и кое-какія карманныя деньги, молодой человѣкъ въ свободное время писалъ портреты, за которые ему платили парою сапогъ или картузомъ; портреты во весь ростъ доставляли ему пять рублей ассигнаціями или не болѣе 5 франковъ.

Директоръ Московской школы живописи и скульптуры заинтересовался его судьбою (надо сказать къ счастью М. П.) и принялъ его въ эту школу (1841—1842). Петръ Михайловичъ, которому тогда было по крайней мѣрѣ 22 года, учился вмѣстѣ съ 12-ти и 15-ти лѣтними ребятами. Онъ быстро перешелъ нѣсколько классовъ и получилъ, по прошествіи четырехъ лѣтъ, званіе художника.

*) Мы сердечно благодаримъ графа Ильи Львовича Толстаго, что онъ намъ довѣрилъ альбомъ Шмелькова и приложивъ неоцѣнимыя замѣтки, сообщилъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣніе своего отца, вложивши богатый вкладъ въ настоящій нашъ разборъ.

Движеніе, которое должно было русское искусство поставить на путь національный, однако не принесло плодовъ ранѣе 15 лѣтъ. Непримиримый ложный классицизмъ свирѣпствовалъ тогда въ Москвѣ и Петербургѣ. Венеціановъ, изображая то, что онъ видѣлъ, ничего не оспаривая у природы, писалъ прекраснѣйшія сцены деревенской жизни—онъ былъ уже наканунѣ смерти (1847), но однако никогда не дерзалъ выставлять свои произведенія рядомъ съ классическими. Федотовъ, будучи въ теченіи восьмилѣтней краткой карьеры истиннымъ создателемъ бытовой живописи въ Россіи, полной пылкаго юмора и остроты, сильно повліялъ на воображеніе Шмелькова, который былъ моложе Федотова на четыре года—М. П. выставилъ свою картину, когда личность его была уже извѣстна*). Федотовъ сдѣлалъ первую выставку своихъ произведеній только въ тотъ годъ когда скончался Венециановъ.

Современные критики оплакиваютъ примѣненіе такихъ пріемовъ, которые не требуютъ ни высокой культуры, ни таланта, но подлаживались къ невзыскательному вкусу публики. Сюжетъ, который П. М. долженъ былъ обрабатывать при выходномъ конкурсномъ экзаменѣ, обнаруживаетъ обширную свободу реализма. Содержаніе его слѣдующее: „Разсказъ солдата, возвратившаго на родину". (Въ то время надлежало трактовать такого рода сюжетъ въ стилѣ античномъ). Когда Шмельковъ написалъ эту сцену, во всей ея простотѣ, такъ какъ онъ могъ себѣ ее представить—онъ наросовалъ вокругъ солдата цѣлую аудиторію крестьянъ, но Завьяловъ, его профессоръ, старался преобразовать ихъ въ Аполоновъ, Антиноевъ. Результатомъ было то, что молодой человѣкъ не кончилъ картину. Однако онъ всетаки былъ удостоенъ званія свободнаго художника.

Въ немъ предвидѣли талантъ и единогласно предсказывали ему прекрасную будущность. Продолжая оказывать ему свое покровительство, директоръ школы живописи и скульптуры нашемъ ему любителя, который назначилъ Шмелькову ежемѣсячную пенсію въ тридцать пять рублей и вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ ему выгодные уроки. Шмельковъ работалъ радостно, охотно, съ полнымъ усердіемъ;—но глупѣйшее обстоятельство, непостижимая неудача—все разрушило. Завьяловъ, писавшій картину религіознаго содержанія, съ рѣдкой сухостью, непремѣнно требовалъ мнѣнія своего ученика, который однако его не высказывалъ. Но наконецъ Шмельковъ сознался, что онъ находитъ картину плохо писанною и указалъ на ея недостатки. Послѣдствіемъ такого мнѣнія было то, что Завьяловъ возымѣлъ такую ненависть къ Шмелькову, разными происками лишилъ его пенсіи, уроковъ, возможности выставлять картины и даже ихъ продавать. Шмельковъ тогда поступилъ въ Кадетскій корпусъ, гдѣ онъ давалъ уроки рисованія два раза въ недѣлю. Но инспекторъ корпуса, одинъ изъ его друзей, былъ перемѣщенъ на другое мѣсто; тогда Шмелькова ограничили меньшимъ числомъ уроковъ, и когда онъ въ 1848 г. женился, онъ вынужденъ былъ весь русскій день, т. е. отъ 8-ми часовъ утра до 3-хъ часовъ вечера бѣгать на пустяшные уроки. Послѣ обѣда, измученный, усталый, ему оставалось очень мало времени заниматься живописью. Однако онъ не палъ духомъ, и по вечерамъ, при свѣтѣ лампы, рисовалъ акварелью или карандашомъ, увеличивая количество за-

*) Смотри картину, озаглавленную «Щелчокъ» (le Nasarde) 1846 г., о которой упоминается впослѣдствіи.

мѣтокъ и набросковъ, въ надеждѣ, что онъ ими воспользуется позднѣе, создавая картины, о которыхъ онъ мечталъ.

Шмелькову сулило будущее, для поддержки его трудовой жизни, кромѣ работъ, которыя ему были заказываемы издателями журналовъ, кромѣ необыкновенной добросовѣстности въ исполненіи долга и усердія, съ которымъ онъ занимался съ своими учениками, въ худшемъ случаѣ,—свободу, которою онъ воспользуется, будучи еще во цвѣтѣ лѣтъ.

Служба въ Кадетскомъ корпусѣ давала ему право на полученіе чрезъ двадцать пять лѣтъ полной пенсіи; къ этому времени ему будетъ всего пятьдесятъ лѣтъ. Такимъ образомъ проходили годы медленно и въ лишеніяхъ—но однако все-таки быстро. Шмельковъ до такой степени питался надеждою на полученіе пенсіи, что пять лѣтъ до наступленія срока службы, когда наступилъ предѣлъ его мученія, — онъ безъ всякихъ колебаній отказался отъ выгодныхъ уроковъ и выгоднаго мѣста учителя рисованія въ Московской школѣ живописи и ваянія. Но что вышло: вдругъ неожиданно старый уставъ Кадетскаго корпуса замѣняется новымъ, на основаніи котораго требовалось не 25 лѣтъ службы, а 35 для полученія пенсіи; — тридцать пять лѣтъ! страшный ударъ. — Несчастный художникъ тогда палъ духомъ; съ этихъ поръ онъ почти перестаетъ работать *).

Одна изъ картинъ Шмелькова того времени дышетъ неподдѣльною грустью, какую рѣдко можно встрѣтить: картина эта изображаетъ бобыля (и носитъ названіе „Бобыль“)*). На ней микроскопическій островокъ, на которомъ почти негдѣ повернуться; на островкѣ стоитъ единственный крестъ, а около него старецъ, изнуренный, разбитый, и рядомъ съ нимъ лежитъ посохъ странника. Съ опущенными, скрещенными руками,— онъ и не думаетъ болѣе, перестаетъ жаловаться на судьбу, безмолствуетъ, — онъ ждетъ! какая мертвенная злоба, какой безконечный рядъ отвратительныхъ явленій въ его взорахъ!

Глубокій физіономистъ, каковымъ является Шмельковъ, намъ передаетъ поэтическимъ даромъ состояніе своей души Намъ становится жутко.

Онъ машинально, съ грустью, безропотно всецѣло отдался урокамъ и только урокамъ. Они сдѣлались ему до такой степени необходимостью, что прослуживъ въ корпусѣ 35 лѣтъ, онъ имѣлъ право на пенсію, но онъ отъ нея отказался, — онъ ее не принялъ. Онъ продолжалъ чертить линіи, измѣрять ихъ, исправлять рисунки. Судьба до конца жизни была съ нимъ иронически неумолима. Въ одинъ прекрасный день Петръ Михайловичъ вновь узрѣлъ возстановленіе устава Кадетскаго корпуса; этотъ возобновленный уставъ ему снова давалъ право на полученіе пенсіи чрезъ 25 лѣтъ службы. Но это не все! Непріятность съ директоромъ Кадетскаго корпуса была причиною, что Шмельковъ оставилъ корпусъ, когда ему миновало 41 годъ преподавательской дѣятельности.

Такъ кончаетъ свою учительскую карьеру замѣчательный художникъ.

Какъ старая лошадь, всю жизнь работавшая въ рудникахъ, узрѣвъ свѣтъ,

*) Говорятъ, что подъ вліяніемъ неудачъ Шмелькова, который не смотря на огромный талантъ, былъ вынужденъ жить уроками, другъ его Перовъ написалъ небольшую картину «Учитель рисованія» 1867 г. (И. Собко)—«Словарь русскихъ художниковъ».

*) Это слово въ тѣсномъ смыслѣ обозначаетъ крестьянина, не принадлежащаго къ сельскому обществу, а слѣдовательно не пользующагося надѣломъ. Шмельковъ принялъ терминъ въ нравственномъ смыслѣ.

пустилась бы въ бѣшанный галопъ, такъ Шмельковъ, почти семидесятилѣтній старикъ, запирался дома накрѣпко, съ рвеніемъ тутъ приготовлялъ полотна, на нихъ набрасывалъ небольшіе эскизы, страдая тѣмъ, что зрѣніе ему измѣняло и что рука уже не дѣйствуетъ такъ твердо, чтобы онъ былъ удовлетворенъ своимъ трудомъ. Онъ читалъ, обдумывалъ, разыскивалъ въ альбомѣ частности различныхъ положеній, и наконецъ сталъ писать большую картину, а именно „Чума въ Москвѣ", картину, о которой онъ давно мечталъ, но которую однако не могъ докончить. Продолжительная болѣзнь, затѣмъ окончательно надломили его силы и омрачили остатки его дней. Избѣгая людей, онъ почти никуда не выходилъ изъ дому, и его можно было встрѣчать только на похоронахъ его друзей и товарищей. Онъ умеръ отъ воспаленія въ легкихъ, въ мучительныхъ страданіяхъ—9 октября 1890 г. Не задолго до своей смерти онъ разбиралъ свои картины, наброски и портреты—и сжегъ массу рисунковъ. Одинъ англичанинъ, проѣздомъ чрезъ Москву, купилъ у него цѣлую коллекцію различныхъ рисунковъ. Что съ ними сталось? Куда они дѣвались?

Съ нравственной точки зрѣнія, Шмельковъ идеалъ необыкновенной скромности. Всю жизнь онъ провелъ безропотно, не отдавалъ себѣ въ ней отчета. Издатели безпощадно его обирали. Многіе художники писали картины воспользовавшись его эскизами. Другіе выставляли его рисунки для полученія различныхъ званій. Въ тѣхъ и другихъ случаяхъ они обыкновенно забывали ихъ возвращать, какъ автору картинъ и набросковъ.

Издатель юмористическаго журнала, въ которомъ онъ сотрудничалъ, принялъ за правило платить ему за его рисунки по 3 рубля. Онъ эту плату получалъ до тѣхъ поръ, пока другой художникъ не попросилъ его требовать по пяти рублей, чтобы не умалить плату за рисунки этого художника. Очень часто онъ за свои рисунки ничего не получалъ.—За полный альбомъ, подъ заглавіемъ „Смѣхъ и слезы" ему заплатили всего 25 рублей. За полную иллюстрацію двухъ томовъ „Исторіи Россіи" онъ ничего не получилъ; разъ ему даже не возвратили его рисунки; то же самое, или почти то же самое съ другими книгами, какъ напр. съ „Азбукой дѣдушки Прокопа" и съ „Исторіей Крымской войны".—Онъ ничего не понималъ въ этомъ безцеремонномъ обращеніи съ искусствомъ, которое въ наше время столь извѣстно подъ кличкою *рекламы*. Сосредоточенный въ самомъ себѣ, не общительный, онъ такъ мало говорилъ о себѣ, что многіе изъ его близкихъ знакомыхъ почти никогда не бесѣдовали съ нимъ объ его художественныхъ трудахъ. Исполнительный, точный служака, очень многіе его товарищи не подозрѣвали, что въ учителѣ Кадетскаго корпуса скрывается художникъ, художникъ съ полнымъ чутьемъ, съ нѣжною душою. Онъ говорилъ: „душа художника чувствительнѣе ко всему окружающему, чѣмъ растеніе, самое нѣжное тропическихъ странъ къ перемѣнѣ климата и температуры". Вотъ черта его характера, доказывающая, до какой степени онъ стушевывался. Общество Любителей Искусства и Художествъ въ Москвѣ, членомъ котораго онъ состоялъ, предлагало ему на счетъ Общества отправиться заграницу. Онъ постоянно отказывался, увѣряя, что найдутся художники болѣе достойные, чѣмъ онъ, чтобы воспользоваться такимъ благодѣяніемъ. Вкусъ, который онъ обнаруживалъ въ оцѣнкѣ предметовъ искусства, безпристрастіе въ убѣжденіяхъ и мнѣніяхъ перешло въ пословицу у его собратьевъ.—

Многіе изъ нихъ прибѣгали къ нему за совѣтами. Онъ искренне радовался ихъ успѣхамъ. Будучи оцѣненнымъ по достоинству любителями, онъ пріобрѣлъ уваженіе и уваженіе многихъ художниковъ послѣдующихъ поколѣній, которые реализировали бы много, что, по всему вѣроятію, онъ бы создалъ, ежели бы судьба была къ нему менѣе неблагодарна. Надо отмѣтить его дружественныя отношенія съ Перовымъ, преобразователемъ художества 1860 г. съ Невреемъ (Nevrey), художникомъ добросовѣстнымъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано забытымъ, написавшимъ, будучи уже въ преклонныхъ лѣтахъ, портретъ Шмелькова, и тѣмъ доставившій намъ наслажденіе ознакомиться съ симпатичнымъ характеромъ подлинника; отношеніе его къ Пукиреву, написавшему также портретъ Петра Михайловича, когда ему было еще не много лѣтъ; далѣе съ Владиміромъ Маковскимъ, менѣе извѣстнымъ во Франціи чѣмъ братъ его Константинъ, съ Прянишниковымъ, однимъ изъ членовъ знаменитой группы Передвижниковъ; съ двумя пейзажистами, изящными и трогательными — Каменевымъ и Саврасовымъ,—и наконецъ преимущественно съ тѣми, которые руководили талантливо и съ достоинствомъ художественнымъ движеніемъ въ Москвѣ.

Разбирая въ настоящее время Шмелькова и оставляя его жизнь и его дружественныя отношенія въ сторонѣ, — намъ позволено будетъ присоединиться къ прекрасной оцѣнкѣ Толстаго, который, собравъ точныя свѣдѣнія и, взвѣсивъ событія, изображенныя художникомъ, заявилъ, что онъ въ немъ нашелъ истиннаго художника, и ежели бы онъ былъ съ нимъ знакомъ своевременно, онъ его изобразилъ бы таковымъ въ „Что такое искусство“ *). Въ этой оцѣнкѣ чувствуетъ всю важность похвалы, вспомнивъ строгость Толстаго къ лжеискусству;—взглядъ его на дѣйствительное искусство—художество и на ту трудность, которую онъ встрѣчаетъ въ данное время, чтобы дать прекрасный образецъ для кисти художника. Не излишнимъ будетъ здѣсь упомянуть вскользь, почти невозможность во Франціи дать себѣ правильный отчетъ о мысли Толстаго въ этомъ произведеніи, причиной чему служитъ поспѣшность перевода, безпечность въ отношеніи оттѣнковъ идеи, пропуски словъ, именъ, сужденій; отсутствіе цѣлыхъ страницъ, сокращеніе главъ, обогащая послѣднія заглавіями и рубриками, постоянное непониманіе автора, пріемовъ его, стиля, или неуважительное глумленіе и придирки къ нѣкоторымъ его словамъ. Такое легкомысліе увлекло и легкомысленную публику; почти всемірный заговоръ заинтересованныхъ и подборъ примѣровъ болѣе или менѣе правдоподобныхъ поддерживали это легкомысліе.

Крайне прискорбно и трудно посовѣтывать тѣмъ, которые не любятъ уже готовыя идеи, вновь прочесть эту книгу и придти къ убѣжденію, что его сужденія весьма справедливы. Какъ вы припомните, искусство (художество) опредѣляется Толстымъ какъ средство къ полнѣйшему согласію, которое только можетъ существовать между людьми. Слово, говоритъ онъ, передаетъ мысли, художество передаетъ чувство. Искусство подъ разными видами состоитъ въ передачѣ другому то, что мы испытали сами. Когда извѣстными знаками вы сообщили другому лицу то, что вы перечувствовали, такимъ образомъ, чтобы другое лицо было имъ поражено, или охвачено—тогда цѣль художества достигнута. Признаніе непогрѣшимости искусства — есть заразительная, — и степень заразительности есть

*) Письмо Ильи Львовича Толстаго.

единственная мѣра превосходства искусства. Эта заразительность опредѣлена искренностью художника, который ей находитъ особыя выраженія, также самоличныя, какъ и точныя. Искренность всегда присуща народному художеству, замѣчаетъ Толстой, она почти всегда отсутствуетъ въ искусствѣ высшихъ классовъ общества, гдѣ художники обыкновенно чувства не имѣютъ. Изъ изображенія или манифестаціи сводятся къ заимствованіямъ и отраженіямъ (рефлексамъ) удачно скомпанованнымъ. Самое возвышенное художество то, которое передастъ чувства наименѣе индивидуальныя, въ прямомъ смыслѣ слова, наименѣе мѣстныя, наилегче доступныя и понятыя всѣми, однимъ словомъ самыя ясныя въ идеалахъ нашихъ временъ духовнаго братства. Какъ образецъ такого художества указываетъ на литературу библейскую, индійскую, китайскую, на Илліаду и Одиссею; въ новѣйшее время на „Несчастныхъ (Miserables)“ В. Гюго, на сочиненія Диккенса, на романъ Бичеръ-Стоу, на сочиненія Достоевскаго и многія другія. Въ новѣйшей живописи, въ которой изображены на разныхъ полотнахъ отдѣльныя чувства многихъ лицъ, онъ никогда не видитъ перенесенными на эти полотна крупныхъ явленій самоотверженія и любви христіанской. Иногда онъ, кое-гдѣ, обнаруживаетъ нѣкоторыя чувства сожалѣнія, доброты, уваженія и любви къ тѣмъ, которые написали картину; такъ наприм. къ картинамъ Милье (Millet), Лермита (Lhermithe), И. Бретона (Breton), Дефрежера (Deffreger) и другія. Обычная погоня за эфектами, которые вредятъ истинному художеству, забота о вознагражденіи, изображеніе лицъ болѣе красивыми, чѣмъ онѣ на самомъ дѣлѣ — все это весьма часто мѣшаетъ избавиться отъ изображенія передаваемыхъ чувствъ. Таковыми являются основныя идеи Толстаго, и безъ сомнѣнія, въ книгѣ, о которой идетъ рѣчь, и въ сопоставленіи съ тѣмъ, на что мы указывали, эти чувства были бы изображены Шмельковымъ, ежели бы Левъ Толстой былъ бы его современникомъ. Разборъ труда художника объясняетъ ли намъ, насколько онъ отвѣчаетъ эстетикѣ Толстаго и на ряду кого онъ бы его поставилъ.

Для перваго же рисунка, на который намъ указали, — „Пожаръ“ (1846) — гдѣ лица изображены силуэтами, быть можетъ вдохновленными Даумье (Daumier) Шмельковъ взялъ чисто русскій сюжетъ и отмѣчаетъ особенности нравовъ. Всѣ эти кумушки, въ головныхъ платочкахъ, съ набросанными сверхъ сорочки платками, собрались во дворъ деревяннаго дома (избы) на разсвѣтѣ; толстый мужчина, въ широкихъ шароварахъ, и другой, похожій на хлѣбопека — всѣ они, разинувъ рты, смотрятъ на зарево, которое имъ предвѣщаетъ мало хорошаго. Второй рисунокъ „Щелчокъ по носу“ („Носки“), который развеселитъ каждое русское сердце. Этотъ рисунокъ изображаетъ игру въ карты, самую простую, искони присущую прислугѣ, почему она и носитъ другое названіе: игра сарайная или конюшенная. Проигравшимъ въ этой игрѣ является поваренокъ, подставляющій съ недовѣріемъ свой носъ, — выигрываетъ обыкновенно лакей, подымающій весело руку, а кучеръ почтенныхъ лѣтъ съ удовольствіемъ смотритъ на играющую молодежь. Пріемъ акварели, уравновѣшиваніе чернаго и бѣлаго, нѣжный бѣлый цвѣтъ, точность всѣхъ движеній, одежды, всякой мелкой подробности — все это рисуетъ характеръ Шмелькова: доказываетъ самаго добросовѣстнаго и самаго самостоятельнаго художника; все располагаетъ зрителя симпатизировать къ добродушію его, къ

тѣни дамъ, пришедшихъ за покупками-тутъ же и торговецъ съ лоткомъ на головѣ, выкрикивающій продажу моченыхъ яблоковъ, пирожныхъ или медовыхъ пряниковъ—лакомства для народа. Сидятъ на опрокинутыхъ ящикахъ, на порогѣ своихъ лавокъ два купца, торгующихъ модными товарами; они одѣты по послѣдней парижской модѣ; помоложе изъ нихъ ловокъ и изященъ, точно молодой человѣкъ, изображаемый Гаверни. Прислонившись къ дверямъ, рабочій смотритъ на ихъ игру. Ученый соціальной науки могъ бы въ изобиліи добросовѣстно демонстрировать купеческій бытъ, который намъ такъ добродушно рисуетъ художникъ.

Вводя насъ въ болѣе высшую среду общественную, Шмельковъ намъ показываетъ съ такою же задушевною искренностью, и такъ рельефно, богатое семейство, въ моментъ, когда оно собирается идти въ театръ (1850). Отецъ замѣшкался, поспѣшно занятъ передъ зеркаломъ бритьемъ бороды. Супруга его, съ простертыми руками, показывая на часы, обращается къ нему съ горячностью; а ихъ милыя дочери, миловидныя, молодыя и даже красивыя, уже одѣтыя въ шаляхъ а la Мюржеръ и въ шляпкахъ, съ закинутыми къ небу глазами и скрещенными руками, кипятятся, какъ милыя дурочки.

Извѣстность Федотова могла бы въ то время дать занятіе Шмелькову.—Впрочемъ эта сцена, въ замѣткѣ въ духѣ Гоголя, оцѣнена въ средѣ поклонниковъ Федотова. Но какая разница въ темпераментѣ обоихъ художниковъ. Федотовъ не въ состояніи ограничиться одними историческими фактами: онъ обязательно выходитъ изъ рамокъ, подчеркивая все. Шмельковъ удачно останавливается во время, въ полной мѣрѣ. Не это ли есть, почему въ нашихъ гла-

захъ латинскаго происхожденія, составляетъ его превосходство? „Балетъ", картина, появившаяся вслѣдъ за предыдущею, есть та, на которой художникъ далъ полный ходъ своему пылкому воображенію. Этотъ жаръ въ данномъ сюжетѣ, понравился Толстому. Шмельковъ воспроизводитъ намъ сумасбродство, истинное наслажденіе „дилетантовъ балетомановъ", какъ ихъ называютъ въ Россіи, когда въ концѣ дѣйствія, звѣздочка, увлекаемая первымъ танцовщикомъ (онъ изображаетъ на картинѣ усача поляка) опрокинутая, полулежа, глаза обращенныя къ небу, завитая, слегка показываетъ публикѣ свою тютю (tutu). Оркестръ играетъ во всю;— цвѣты падаютъ, сыпятся на сцену; генералъ (губернаторъ), наклонившись изъ ложи, стоя, аплодируетъ съ умиленіемъ свѣтскаго человѣка.— Характеръ, общественное положеніе каждаго зрителя судится по пріемамъ его, аплодисментамъ, привычкамъ, улыбкѣ, наконецъ, по направленію, куда онъ вытаращиваетъ глаза. Молодой человѣкъ не отрываетъ глазъ отъ бинокля; татаринъ угрюмо остается сосредоточеннымъ въ свое восточное равнодушіе.

Юморъ менѣе внѣшній, но болѣе тонкій въ „меблированныхъ комнатахъ", гдѣ три лица нетерпѣливо кричатъ на карридорнаго слугу, который бѣгаетъ, какъ угорѣлый, прося извиненія; онъ нагруженъ тяжелымъ самоваромъ и спѣшитъ въ четвертый этажъ. Всмотритесь пристальнѣе въ эти три типа и вы сейчасъ же поймете, кто они такіе, и какого они характера и расположенія духа, когда они просыпаются. Офицеръ въ халатѣ, у дверей его выставлена пара ботинокъ; у купца бутылки и олная провинціалка, въ изрядно-поношенномъ капотѣ.

Смакъ густыхъ очертаній этой картины дастъ намъ понятіе о передачѣ, которой мы достигаемъ, когда Шмельковъ, еще во цвѣтѣ творчества и когда онъ трактуетъ о сюжетахъ, имѣющихъ очень важное значеніе. Тѣ и другіе замѣтны на картинѣ, весьма обдуманной, которая трижды передѣлывалась передъ тѣмъ, когда появилась въ обращеніи. Эта картина носитъ названіе „Родильная палата" (La maison d'aecouchement 1852). Отсутствіе литературы, ни декломаціи въ этомъ литературномъ сюжетѣ, въ которомъ волненіе исчезаетъ и вновь возобновляется. Группа ясныхъ и чистыхъ штриховъ, великолѣпно уравновѣшанныхъ. Старая женщина поддерживаетъ молодую и звонитъ у двери— и вотъ вамъ старая вѣчная драма, волнующая всякаго. Картина дивная, прекрасная и вполнѣ отвѣчающая критеріуму Толстаго. Теоретикъ, авторъ „Что такое искусство (художество)" доказываетъ всю безполезность критика, въ данномъ случаѣ; — критику остается развѣ, ежели хотите, обратить вниманіе на мелочи композиціи, на полноту освѣщенія, напримѣръ на профили Московскихъ улицъ, или на удаляющагося извозчика, сидящаго сбоку на своихъ дрожкахъ. Сюжеты трехъ разныхъ картинъ, одинаковаго названія „Въ трактирѣ", взяты Шмельковымъ изъ среды людей, просящихъ милостину. Тема чрезвычайно глубокая психологу. На всѣхъ трехъ картинахъ изображены три лица, сидящія за столомъ: стараго солдата, показывающаго андреевскую медаль, бѣднаго чиновника и сборщицу монашенку. Размѣръ картинъ не великъ; три-четыре лица, а иногда два-три силуэта; а между тѣмъ и съ этой точки зрѣнія картина закончена. Точно вы сами были въ этихъ трехъ трактирахъ и своими глазами видѣли эти три этюда. Однако и доселѣ картины такого

гнетущаго содержанія не переводятся у насъ на Руси. Вы видѣли суетящихся безъ толку половыхъ, трактирныхъ слугъ, одѣтыхъ въ бѣлыхъ рубахахъ и таковыхъ же панталонахъ; вы видѣли буфетчика за своей выручкой, видно, что онъ хлопочетъ; вы видѣли и группу гостей-потребителей и комнату подъ сводами, и картины на бѣлыхъ крашенныхъ стѣнахъ и т. д. —Одинъ трактиръ посѣщаютъ преимущественно извозчики, въ толстыхъ теплыхъ кафтанахъ. Одинъ изъ нихъ съ большимъ добродушіемъ и осторожностью вынимаетъ изъ своего продолговатаго ложаннаго кошелька нѣсколько мѣдныхъ монетъ;—другой извозчикъ побѣднѣе перваго, совѣстясь, что не можетъ дать милостины, отвалачиваясь, наливаетъ чай. Въ другомъ трактирѣ сидятъ зажиточные купцы и торговцы; они съ шутками и прибаутками подаютъ милостыню, заворачивая руку. — Монахини же попали въ трактиръ самаго низшаго пошиба, гдѣ шумятъ пьяные мужики, развратные; одинъ изъ нихъ куритъ длинную трубку, хитро-дерзкій. Все вниманіе зрителя сосредоточено, все усиліе художника обращено на лица просящихъ милостину. Ужасное, удручающее выраженіе отпечатлѣно на картинѣ „Отверженецъ“ (Depossedè). Шмельковъ олицетворилъ дѣйствующее лицо въ комедіи Островскаго, а именно Любима Торцова (1862). Любимъ, братъ богатаго купца, обобравшаго и выгнавшаго его, вынужденъ жить подаяніями. Онъ пьетъ горькую, но однако остается неподкупно-честнымъ человѣкомъ.

Лица Шмелькова всегда живыя, существующія, безсмертныя. Такъ, картина 1856 г. „На бульварѣ“ изображаетъ сидящаго на скамейкѣ, на одномъ изъ московскихъ бульваровъ, полнаго господина съ выдающеюся скулой, рядомъ съ молодою модисткой; при проходѣ какой нибудь парочки онъ дѣлаетъ видъ, какъ будто бы онъ съ нею не разговариваетъ,—изъ чего мы заключаемъ, что онъ находится въ неловкомъ положеніи. Равнымъ образомъ онъ изображаетъ на трехъ рисункахъ типъ стараго волокиты-жуира (vieut viveur) чрезвычайно мѣтко; такой типъ трудно забыть; мы его встрѣчаемъ на каждомъ шагу при разныхъ обстоятельствахъ; онъ ярче и рельефнѣе изображенъ Шмельковымъ, чѣмъ Говартомъ, у котораго его герой „Модной свадьбы“, не смотря на всѣ мелочи, которыми англійскій художникъ наполняетъ свои картины. Такъ, Шмельковъ въ своихъ двухъ послѣдующихъ рисункахъ „Старый волокита“ (Молодящійся старикъ Vieur beau) рисуетъ типъ господина, имѣющаго перезрѣлую, сухопарую жену, которая, такъ сказать, отживаетъ свой вѣкъ;—мужъ украдкой отъ жены пропускаетъ рюмку водки. —У нихъ хорошенькая прислуга, которой онъ говоритъ разный вздоръ и которая слушаетъ этотъ вздоръ не краснѣя, въ то время, когда она наливаетъ ему на руки воду, передъ тѣмъ, когда идти обѣдать; затѣмъ онъ отправляется въ ресторанъ, гдѣ буфетчикъ привыкъ его видѣть, какъ постояннаго гостя, и тутъ онъ ухаживаетъ за молоденькими дѣвочками, которыя подходятъ къ нему просить на хлѣбъ.—Вотъ все, что намъ повѣствуетъ Шмельковъ, и по тому пріему, по какому онъ разсказываетъ, намъ сдается, что дальше намъ нечего знать—такъ все ясно и очевидно. И что за прелестныя картины! Что за остроумныя, интересныя, поучительныя для насъ картины.

Эти рисунки 1856 года. Въ слѣдующемъ году, опять занятый судьбою женщины, нарисовалъ „Бракъ въ былое

время" (Mariage d'autrefoois). Полная дама, въ безконечномъ чепцѣ и вѣчномъ, изношенномъ капотѣ—типъ перешедшій отъ Венеціанова къ Перову и который мы часто встрѣчаемъ на русскихъ сценахъ. Это помѣщица въ порывѣ любвиобилія возымѣла желаніе свою дворовую дѣвку, оказавшуюся беременною, выдать замужъ за ея крѣпостнаго парня, грубаго, необтесаннаго, который отъ радости, съ наступленіемъ утренней зори, чешетъ свои волосы. Во время помолвки мужъ помѣщицы, въ туфляхъ, съ отвислыми толстыми губами, кругленькимъ брюшкомъ, куритъ табакъ изъ фарфоровой трубочки и смотритъ равнодушно въ окно. Другой малый, влюбленный, запускаетъ полные грустью глаза въ полуоткрытую дверь. Деревенская горничная страдаетъ настолько, насколько позволяетъ ей ея деревенская натура вынужденной свадьбы и тѣмъ, что вокругъ нея происходитъ. Описывать, это походило бы на сложную водевильную сцену,—но на картинѣ все просто, правдоподобно и вѣрно.

Акварели изображаютъ птицелова и рыбака (Oiseleur et pecheur) На эти же темы написаны двѣ знаменитыя картины. Одинъ критикъ, запавшійся Шмельковымъ, нѣкто М. Н. Некрасовъ (2) находитъ, что изображенное Шмельковымъ безмятежное счастіе, какимъ объяты старый рыбакъ и молодой птицеловъ (птичникъ), послѣдній скрывающійся за деревомъ, чтобы стеречь клѣтку (оба всецѣло поглощенные въ свое дѣло)—безупречно; что ни одинъ, ни другой эстампъ не уступитъ твореніямъ Перова.—И очень хочется съ этимъ согласиться! Перовъ, съ точки зрѣнія исторической, очень интересенъ, иногда могущественъ, но часто тяжелъ и литературенъ. Рыбакъ Шмелькова, равнодушенъ къ холоду покрывающему снѣгомъ и бѣлящему всю Москву; сдѣлавъ прорубь во льду рѣки и сидя на кучкѣ снѣга, сторожитъ двѣ линіи, которыя обвиваются вокругъ ворота. Птицеловъ сидитъ за густыми деревьями—ни это ли доказываетъ возвышенную любовь къ природѣ художника.

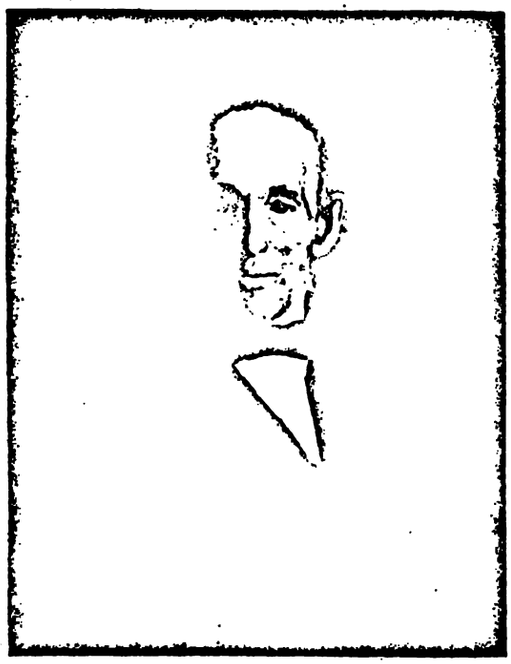
Чтобы составить себѣ понятіе, какъ понималъ Шмельковъ исторію, остаются двѣ акварели, кромѣ уже упомянутой, изображающей Наполеона Одинъ изъ этихъ рисунковъ имѣетъ сюжетомъ: „Іоаннъ Грозный созерцаетъ комету" 1864; другой изображаетъ раскольниковъ самихъ себя сжигающихъ" (Sectaires qui se brulent aux meme). Значительный успѣхъ, какимъ пользовался эпохи Іоанна Грознаго романъ Алексѣя Толстаго, Князь Серебряный, 1861, весьма вѣроятно вдохновилъ сюжетъ перваго; сюжетъ втораго рисунка могъ быть доставленъ какими либо традиціями и разсказами, или какимъ нибудь событіемъ той эпохи, которое чаще повторялось, чѣмъ полагаютъ. Напр. въ 1857 году крестьянинъ Пермской губ., нѣкто Шадкинъ (Chadkine) убѣдилъ многихъ своихъ односельчанъ, умирать голодною смертью. Всѣ приготовленія были сдѣланы, но спустя нѣсколько дней, одинъ изъ его приверженцевъ сбѣжалъ, а остальные перерѣзали и истребили другъ друга; остался живымъ одинъ Шадкинъ, котораго арестовали и предали суду, вмѣстѣ съ остальными его приверженцами. Могилу можно видѣть на мѣстѣ, окруженномъ лѣсами; на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ шестьдесятъ шесть человѣкъ предали себя огню добровольно. Кромѣ того тридцать пять сектантовъ, примкнувши къ Шадкину, которыхъ застигла полиція при этомъ сожженіи, и которые, желая покончить съ собою такимъ же образомъ кладутъ голову на плаху. Одинъ изъ ихъ среды, принявшій, не колеблясь,

Петръ Михайловичъ Шмельковъ,

извѣстный русскій художникъ;

родился 12 Іюня 1819 г., умеръ 9 Октября 1890 г.

Съ портрета художника **В. Пукирева** (1864).



Петръ Михайловичъ Шмельковъ,
въ старости),
извѣстный русскій художникъ.
Съ портрета художника Н. В. Неврева (1884).

Игра въ шашки.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Игра въ носки.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Рыболовъ.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Птицеловъ.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Игра въ шашки.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Игра въ носки.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Любители художества.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Учитель русской словесности.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Умываніе.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Тайкомъ отъ жены.

Рисунокъ (1865 г.) художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Трое.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Три двугривенныхъ.

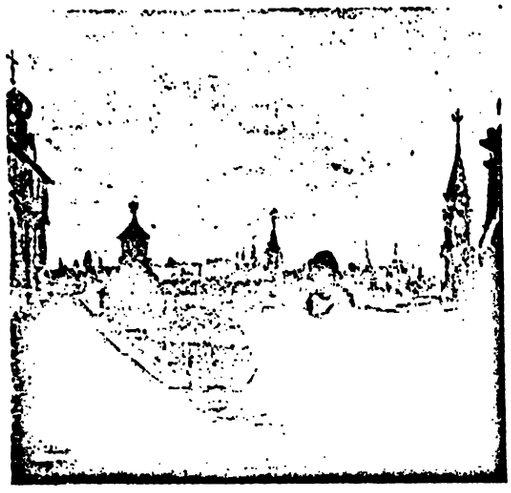
Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Чего не бываетъ на свѣтѣ.

Рисунокъ художника

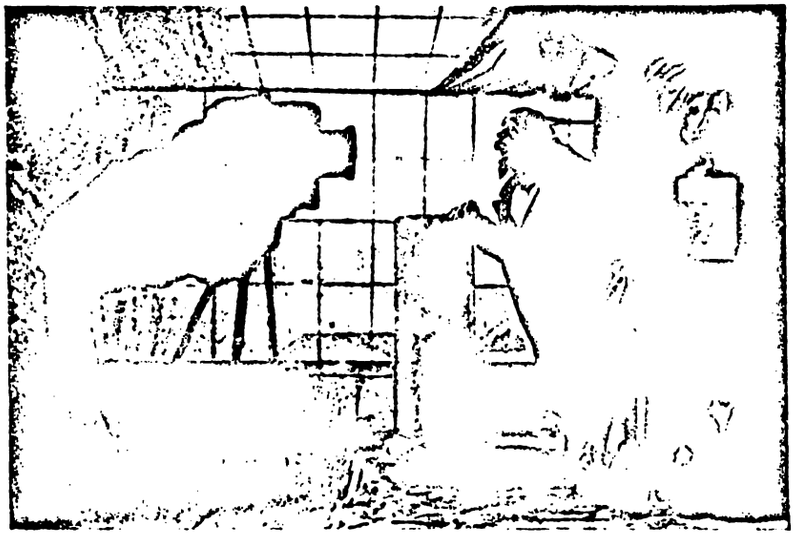
Петра Михайловича Шмелькова.



Наполеонъ I въ Москвѣ.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.



Въ фотографіи.

Рисунокъ (1857 г.) художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Обморокъ по случаю пропажи собачки.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Балетъ.

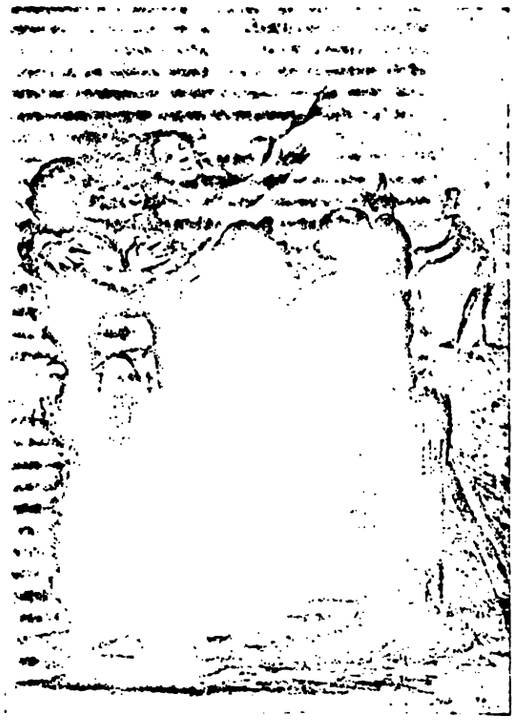
Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Торговецъ Никита Нестерычъ Пѣтуховъ.

Рисунокъ художника

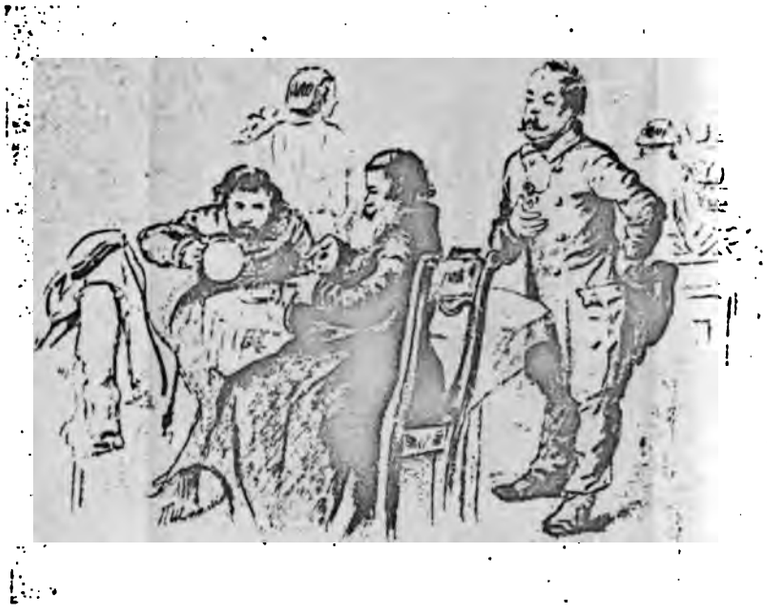
Петра Михайловича Шмелькова.



Фейерверкъ.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.



Коллежскій регистраторъ Грибковъ.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Въ трактирѣ.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

Іванъ Грозный смотритъ на комету.

Рисунокъ (1864 г.) художника

Петра Михайловича Шелькова.

У родильнаго пріюта.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шелькова.

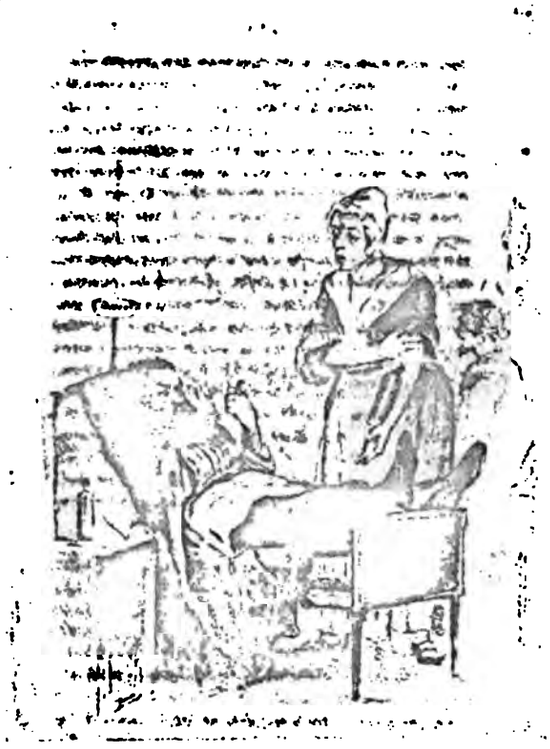
Любимъ Торцовъ.
Рисунокъ художника
Петра Михайловича Щелькова.

Кусокъ Нетре-плису.
Рисунокъ художника
Петра Михайловича Щелькова.

Обѣдъ.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.



Отставной служивый.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.

обязанности палача, хладнокровно отсѣкаетъ имъ голову.

Шмельковъ разработалъ глубоко, до тонкости эти два сюжета, на которыхъ онъ остановился. Іоаннъ Грозный въ галлереѣ стараго Кремля, поддерживаемаго московскими лукообразными колоколами, погруженъ въ размышленія, пробуждающія въ немъ зловѣщія предчувствія. Подвергшись на свой грозный рогатникъ, онъ дѣлаетъ такой сильный поворотъ на самого себя, что два боярина, стоявшіе за нимъ, были ею проколоты насквозь, и не дерзаютъ ее вынуть. Является философское размышленіе, при видѣ этой сосредоточенной сцены, надъ которою свѣтятъ съ такою прелестью звѣзды чуднаго лѣтняго неба.

Въ „раскольникахъ" (сектантахъ) стоитъ на кострѣ, тщательно возведенномъ, посреди своихъ приверженцевъ, одинъ изъ вліятельныхъ раскольниковъ, рѣшающій судьбу другихъ и увлекающій ихъ. Мало развитый изъ этихъ дикихъ мужиковъ, одинъ раскольникъ извѣщаетъ появленіе царствованія антихриста, и эти мужики утверждаютъ и истолковываютъ положительнымъ тономъ жалкія слова, въ родѣ тѣхъ, которые передаетъ намъ церковное пѣніе: „Нѣтъ Бога на этомъ свѣтѣ! только одна лесть управляетъ вселенной. Только одна смерть можетъ насъ спасти, одна лишь смерть!"

Такимъ образомъ сама исторія не могла убѣдить Шмелькова выйти изъ рамокъ простоты, которую на него возлагали инстинктъ, чутье и размышленіе; а также уклоняться отъ того реальнаго пути и новизны, которымъ онъ отдался всецѣло съ самаго начала своей карьеры. Онъ не желаетъ изображать то, чего онъ, такъ сказать, не перечувствовалъ или не испытывалъ, — ничего, о чемъ онъ не имѣлъ яснаго и полнаго понятія. Онъ не бьетъ на эфекты, ничто не можетъ измѣнить въ немъ, передавать намъ то, что онъ желаетъ намъ сказать, или убѣждать насъ въ томъ, что онъ высказалъ. Ни одинъ художникъ не умолялъ такъ свой талантъ, какъ Шмельковъ; онъ не старался ослѣплять никого аффектами. Онъ остается все тѣмъ же скромнымъ, правдивымъ, котораго мы всегда встрѣчаемъ, — качество чудное, проницательное, простодушіе, съ какимъ онъ относится къ зрителямъ; онъ сосредоточенъ, что и ограничиваетъ его творчество; типы его выведены такъ вѣрно, реально, что несомнѣнно онъ принадлежитъ къ числу художниковъ, знакомыхъ съ нравами людей, — и онъ предался съ такимъ увлеченіемъ на изученіе человѣческихъ образовъ, что его произведенія ничего не имѣютъ темнаго, непонятнаго для тѣхъ, которые могутъ понять и оцѣнить картину при бѣгломъ ея обозрѣніи. — Не смотря на то, что вслѣдствіе превратностей судьбы, неудачъ, мѣшавшихъ его творчеству, его картины закончены; въ нихъ ему удается доказать свой темпераментъ и что жизнь его была плодотворна. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, доказавшихъ силу русскаго національнаго искусства, которые возбудили интересъ въ публикѣ; онъ былъ тотъ, котораго московскія знаменитости и свѣтили находили пользу посѣщать и предъ которымъ онѣ преклонялись. Наконецъ онъ удостоился быть признаннымъ замѣчательно тонкимъ знатокомъ искусства и художества, влюбленными въ идеалы искренности и жизни, каковымъ является Толстой. Шмельковъ проповѣдуетъ, — но изъ его творчества выдѣляется, естественно, нѣжное сострадание къ всевозможнымъ жертвамъ; онъ ставитъ въ неловкое положеніе творцовъ этихъ жертвъ; — безшумная радость свѣтлыми лучами блещетъ кое-гдѣ въ его творчествѣ; оно, однимъ словомъ,

такъ здраво, такъ чисто, что кажется, что мѣсто, которое ему отвелъ бы творецъ „Что такое искусство (художество)“ было бы очень выдающимся. Это въ тѣсномъ смыслѣ слова, подобающее всякому увѣренному художнику, душа котораго чиста и совѣсть не подкупная. Подобное мѣсто и мы полагаемъ будетъ все болѣе и шире отведено Шмелькову.

330. Эпиграммы на Головина и Ѳеоктистова. — Писаны на одномъ продолговатомъ листѣ, безъ означенія года.

Привожу дословную перепечатку этихъ эпиграммъ.

Эпиграммы на Головина.

I.

Онъ доказалъ, при возвышеньи быстромъ,
При дружбѣ со значительнымъ лицомъ,
Что можно быть бездарнѣйшимъ министромъ
И даровитымъ дуракомъ.

II.

Идеи съ формой сочетанье
Явилось стройно и вполнѣ,
Какъ въ артистическомъ созданьѣ,
Въ уродливомъ Головинѣ...
Теректомъ, Яго, Квазимодо,—
Ну какъ его ты бъ ни назвалъ
Въ своей сатирѣ на урода,—
Ему все выйдетъ мадригалъ.

III.

Ѳеоктистову.

Не сердись, пришлося къ слову
И тебя я упрекну:
При сочувствіи къ Каткову
Служишь ты Головину.

Для такого жь человѣчка
Казнь народная строга:
Говорятъ,—«онъ Богу свѣчка
Да и чорту кочерга»...

331. Эпизодъ изъ жизни Іоанна Грознаго по неизвѣстному до сихъ поръ разсказу. Сочиненіе Е. Шмидта. — Рукопись на 12 листахъ (in fol.), писана мелкою скорописью.

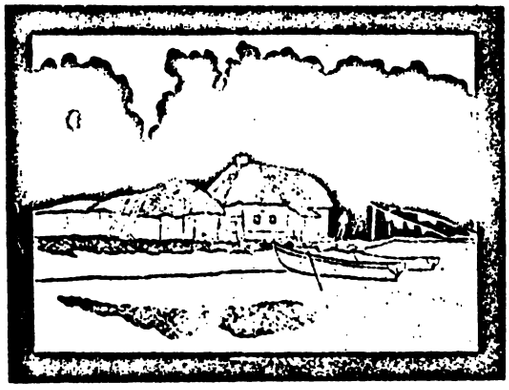
Эта весьма любопытная рукопись, содержащая описаніе одного изъ событій въ жизни Іоанна Грознаго, имѣетъ безспорное значеніе, какъ матеріалъ для исторіи царствованія и характеристики личности этого замѣчательнаго русскаго монарха.

Куплена мною рукопись въ книжномъ магазинѣ Иванова въ СПБ.

Этюдъ художника Геннеръ.

332. Этнографическія записки къ учебной книгѣ „Географіи Россійской имперіи“.—Рукописная статья С. А. Лебедева, писана мелкою скорописью на 25 листахъ въ четвертку; 1886 года (безъ означенія мѣста).

Въ концѣ рукописи имѣется собственноручная подпись автора д-ра Михаила Веске.



Этюдъ съ натуры (на р. Инѣ Тамбовской губ.). Д. А. Пахомова.

333. Юность.—Собственноручное стихотвореніе г. Плетнева, писано мелкою скорописью на одномъ продолговатомъ листѣ, безъ означенія года и мѣста.

Ниже привожу полную перепечатку этого стихотворенія.

Юность.

Не долгъ вѣкъ сердечной воли;
Не долго игры тѣшатъ насъ:
Счастливъ, кто взялъ у строгой доли
Для юности хоть лишній часъ!

* * *

Какъ часто дѣва, разцвѣтая,
Ужъ видитъ тягостные сны;
И блекнетъ красота младая,
Не переживъ своей весны!

* * *

Какъ часто, розами увитый,
Задумчивъ, юноша молчитъ,
И на румяныя ланиты
Слеза не слышимо бѣжитъ!

* * *

Толпой веселыхъ окруженный,
Онъ улыбается порой,
Но думой грустной отягченный,
Не дѣлитъ радости друзей.

* * *

Такъ на проталинѣ весною
Былинка ранняя стоитъ,
И хладной скована зарею,
Красой безжизненной блеститъ.

Плетневъ.

334. „Яровая страда̀“.—Стихотвореніе, написанное на открытомъ листкѣ въ четвертку, на 2 страницахъ, безъ означенія автора и время письма.

Ниже привожу дословную перепечатку всего стихотворенія.

Яровая страда̀ *).

Горе хозяину—дни гулевые!
Какъ (онъ ворчитъ) не грѣшно?
Вотъ ужъ поспѣли въ поляхъ яровые—
Жать бы давно!

Словно янтарь, наливается колосъ
День прогуляешь—разсчетъ!
Мѣшкать нельзя: опоздаешь на волосъ,
Смотришь—овесъ потечетъ!

Золотомъ словно, все поле облито,
Божья почіетъ на немъ благодать!
Сильной волною колышется жито,
Ведро—чего еще ждать?

Нѣтъ ни души! Послѣ *перваго Спаса*
Бродитъ еще въ головахъ у насъ хмѣль,
Мы не услышимъ и трубнаго гласа...
Хлынутъ дожди—вотъ и сядемъ на мель!
Жать бы да жать!.. а какъ разъ воскресенье!..
Чуть лишь за серпъ приниматься пора,
Смотришь—подходитъ *Успеньe*,
Память *Фрола и Лавра*.

*) Страда̀ время жатвы.

Три дня угодниковъ мы ублажаемъ,
Лоскомъ лежитъ православный народъ,
Еле въ четвертый мы бабъ высылаемъ
Съ ранней зарею впередъ.
Ждутъ ихъ колосья, качаясь лѣниво,
Ждетъ ихъ помѣщикъ ворчливо,
Жаль, только вёдро не ждетъ!
Дождь все мѣшаетъ! мокрё началося,
Съ горемъ прошла яровая страда.
Вотъ и рѣчёнка, съ дождей, разлилася,
Сѣно не скошено—тоже бѣда!
Чтобы возить да метать яровое!
«Парни, не впору гуляете вы!»—
— «Время, вишь, баринъ, пришло гулевое:
Успенновские Главы!»

Экая притча! работникъ исправный
Вывелся, что ль? На печи ль онъ лежитъ?
Нѣтъ! въ немъ здоровая сила не спитъ,
Трудится въ потѣ лица православный—
Былъ бы лишь сытъ.

Рабство и горе надъ нимъ тяготѣли—
Бодрый въ немъ духъ не уснулъ...
Спасы его одолѣли!
Врагъ его—пьяный разгулъ!

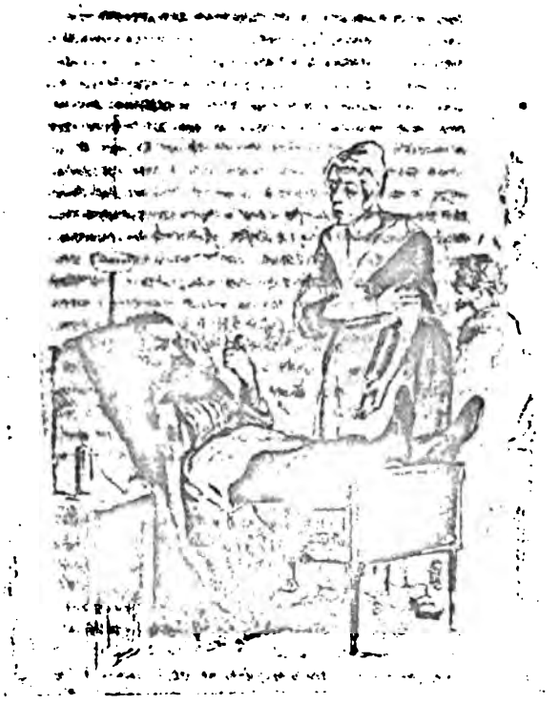
Сѣвернымъ вѣтромъ дохнула сердито
Осень холодная... сыплется жито
И отъ напастья, на полѣ овесъ
Въ стойкахъ проросъ...
Чуяло сердце—не даромъ же пыло!—
Быть ужъ съ уборкой бѣдѣ!
Сѣно, чего пролежало въ водѣ,
Такъ и погнило!..

Кто виноватъ? Разбирай тутъ, поди!
Не разберешь: по отчетамъ
Значится такъ: *при уборкѣ дожди*
Были помѣхой работамъ.
Въ этомъ ли, полно, вся наша бѣда?
Весь ли секретъ мы открыли?
Полно, дожди ли одни, господа?
Ужъ не *Фролы и Лавры ли?*

Обѣдъ.

Рисунокъ художника

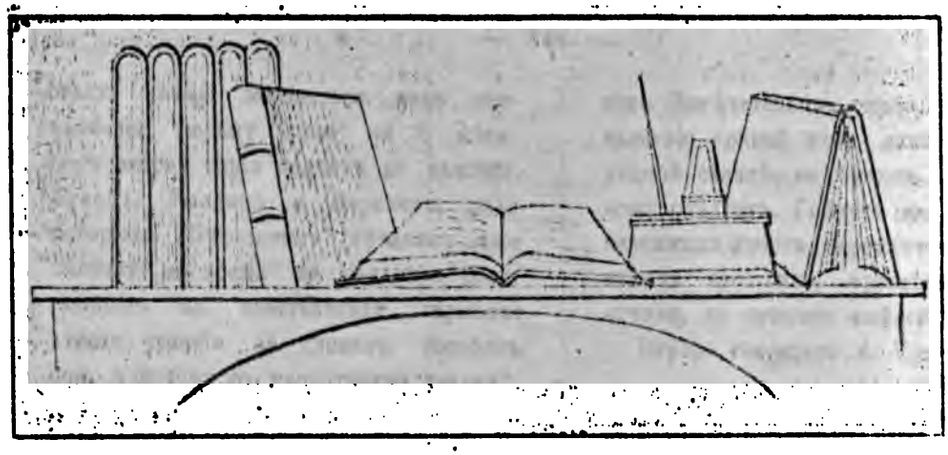
Петра Михайловича Шмелькова.



Отставной служивый.

Рисунокъ художника

Петра Михайловича Шмелькова.



335. Бѣглый очеркъ пути отъ Калгана до Минусинска.—Рукопись Альберта Александровича Хомзе.

Въ началѣ этой рукописи говорится, что изъ Калгана по направленію на Западъ по Монголіи, путь идетъ на Улясутой. Разстояніе между Калганомъ и Улясутоемъ опредѣляется приблизительно 2.000 верстъ—70 сутокъ ходу на верблюдахъ.

336. Виды на предстоящую чайную компанію. Извлеченіе изъ японской газеты „Jpen Pao". (

Писано скорописью на 5 листахъ писчей бумаги.

337. Всеподданнѣйшій отчетъ начальника Квантуанскаго полуострова, генералъ-маіора Субботича. 1898 и 1899 годы. Портъ Артуръ, 1899 года.

Въ листъ 255 страницъ.

Въ этомъ отчетѣ помѣщены весьма интересные и заслуживающіе вниманія матеріалы, относящіеся къ первымъ годамъ нашего владѣнія на Квантуанскомъ полуостровѣ.

338. Выписка изъ соображеній государственнаго контроля по смѣтѣ департамента таможенныхъ сборовъ на 1885 годъ.

Въ концѣ слѣдуетъ собственноручная подпись: Янушковскій.

339. Выписка изъ дѣла канцеляріи приамурскаго генералъ-губернатора, по описи за № 460, по дѣлу о передачѣ Товариществомъ Амурскаго Пароходства компаніи Сибирякова и Шевелева, находящагося въ пользованіи товарищества казеннаго имущества, а равно объ отводѣ новой пароходной компаніи новыхъ свободныхъ участковъ.

Писана скорописью на 12 листахъ, отъ 9-го марта 1872 года.

340. Выписка изъ №№: 151—152, отъ 25 декабря 1894 года, изъ газеты „Восточное Обозрѣніе". —

Писана скорописью (А. Судаковымъ).

Корреспонденція.

Забайкалье. Едва тинская винная

стачка начала забываться, какъ нерчинскую тюрьму сѣла на 8 мѣсяцовъ вторая серія падкихъ до наживы: Лукинъ, Рындинъ и Кореневъ, ради которыхъ „Будильникъ" сочинилъ даже пѣсенку; но время не умудрило посягающихъ на крестьянскій карманъ; „наше условіе на словахъ, говорятъ они, а потому съ насъ взятки гладки". Изъ Четы пріѣзжалъ даже червонный валетъ, не имѣющій своего завода, но падкій до крохъ, падающихъ со стола тузовъ; пожалуй, ему и досталась малая толика потому, что все время распѣвалъ пѣсенки и телеграфировалъ своей мамашѣ: „Ѣду, дѣло хорошо". Но, не смотря на все это, стачку доказать легко, если бы захотѣли видѣть, кому видѣть надлежитъ. Чѣмъ, напримѣръ, можно объяснить такіе факты: Верхнеудинскій округъ основательно размежеванъ между тузомъ и дамой и при цѣнѣ очищеннаго вина въ 6 руб. въ г. Верхнеудинскѣ, цѣна невыразимой сивухи-отравы въ 70 верстахъ, въ с. Балей, 12 руб.: все-таки дама, какъ нѣжное созданіе, деликатнѣй очищаетъ крестьянскій карманъ. Акцизъ не вѣдаетъ, что въ с. Большомъ Купалеѣ было раньше 12 кабаковъ, а теперь одинъ, слѣдовательно, въ одномъ селеніи казна потеряла 11 патентовъ. По округу недочетъ выйдетъ большой и по области грандіозный. За то какихъ принимаютъ эти дамы и тузы сильныхъ міра сего! Хотя, увы! пройдетъ двѣ, три недѣли, и шлются приказы: „поднять цѣну ведра на 20—30 коп.".

Если бы я производилъ слѣдствіе о винной стачкѣ, совершившейся 22-го октября этого года, то сдѣлалъ бы на картѣ Верхнеудинскаго округа за три послѣдніе года отмѣтки, кому принадлежали кабаки раньше, и кому теперь: для суда стачка оказалась бы ясною какъ день. Замѣчательны, право, наши забайкальскіе нравы; дѣти даже знаютъ о винной стачкѣ, не знаютъ только тѣ, кому слѣдуетъ. Гибнутъ десятки тысячъ казенныхъ денегъ, переплачиваютъ сотни тысячъ крестьяне, преслѣдуются проступки, не стоющіе выѣденнаго яйца.

Вѣрно: секретарь А. Судаковъ.

341. **Вѣдомость о задержаніяхъ контрабандировъ и контрабандныхъ товаровъ**, сдѣланныхъ пограничною стражею, въ теченіе десяти лѣтъ.

Писана скорописью на 6 листахъ.

342. **Вѣдомость о русскихъ товарахъ**, доставленныхъ въ г. Николаевскъ на морскихъ судахъ въ навигацію 1891 года.

Писана на 20 листахъ мелкою скорописью.

343. **Вѣдомость цѣнамъ** на строительные матеріалы, инструменты и рабочія силы, существовавшимъ въ городѣ Благовѣщенскѣ Амурской области.

Писана на 20 листахъ.

344. **Вѣдомость цѣнамъ** на строительные матеріалы, инструменты и рабочія силы, существовавшимъ въ городѣ Читѣ Забайкальской области.

Писана мелкою скорописью на 15 листахъ.

345. **Главнѣйшія задачи**, возлагаемыя на экспедицію, командируемую въ Приамурскій край.

Въ концѣ собственноручная подпись: управляющій министерствомъ финансовъ А. Иващенковъ.

Писаны мелкою скорописью на 8 листахъ.

346. Два донесенія начальника акшинскаго округа города Акша, господину военному губернатору Забайкальской области, въ которыхъ говорится о слѣдующихъ важныхъ вопросахъ:

I. О Акшинскомъ округѣ.

II. О населеніи Акшинскаго округа.

III. О климатѣ,—и др.

Оба донесенія писаны скорописью на 6 листахъ, въ концѣ собственноручная подпись: Управляющій отдѣленіемъ А. Погодинъ.

347. Два письма Ѳ. Адеркаса, отъ 1 мая 1894 года, къ его превосходительству Николаю Павловичу Забугину, съ извѣщеніемъ, что В. А. Ратьковъ-Рожновъ принялъ на себя заботу о приготовленіи букета для Государыни Императрицы, ко дню освященія церкви и училища ссыльныхъ.

348. Десять собственноручныхъ писемъ К. Грота къ его превосходительству Николаю Павловичу Забугину. - Писаны крупною скорописью.

Письма разнороднаго содержанія, большею частію дѣловыя.

349. Директору канцеляріи министра финансовъ его превосходительству Н. П. Забугину.

Свидѣтельствуя совершенное почтеніе Николаю Павловичу, имѣю честь препроводить при семъ переписку съ тайнымъ совѣтникомъ Дмитріемъ Ѳомичемъ Кобеко по вопросу о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ азіатскими государствами.

Писано скорописью на 24 листахъ почтовой бумаги большаго формата, 17 ноября 1895 года.

350. Для разсмотрѣнія предположеній состоявшагося въ г. Владивостокѣ совѣщанія представителей мѣстной промышленности и торговли по вопросу объ обложеніи въ портахъ Восточнаго океана привозною пошлиною иностранныхъ товаровъ, была образована по распоряженію приамурскаго генералъ-губернатора въ г. Хабаровскѣ подкомисія подъ предсѣдательствомъ помощника генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Гродекова и окружнаго интенданта Приамурскаго военнаго округа тайнаго совѣтника Попова, и. д. управляющаго акцизными сборами Приамурскаго края статскаго совѣтника Конштаня, правителя канцеляріи генералъ-губернатора тайнаго совѣтника Тумковскаго, дѣлопроизводителя той же канцеляріи коллежскаго ассесора Щербины, хабаровскихъ купцовъ Плюснина и Богданова и представителей торговыхъ фирмъ: Лапшина и Чурина-Бебенина.

Писано скорописью на 6 листахъ.

351. Дневникъ начальника экспедиціи, командированнаго на крайній Востокъ для изученія условій торговли и промышленности въ Сибири, Китаѣ и Японіи, Н. П. Забугина.

Писанъ на 24 листахъ, въ 4 д. л.

Въ виду того живѣйшаго интереса, какое проявляетъ современное русское общество къ Дальнему Востоку, считаю не лишнимъ познакомить читателей съ этимъ любопытнымъ дневникомъ.

„Мезамаси Симбунъ, 19 февраля 1895 года. Въ русской миссіи былъ

82

данъ обѣдъ въ честь прибывшаго сюда одного изъ высшихъ совѣтниковъ русскаго министерства финансовъ г. Забугина. На этомъ обѣдѣ были приглашенные: министръ земледѣлія и торговли виконтъ Эномото и г. Маеда. Предметомъ разговора между этими тремя лицами было развитіе торговыхъ сношеній между Россіею и Японіею, въ связи съ проведеніемъ Сибирской желѣзной дороги, а также разсужденія о томъ, какимъ способомъ японскіе комерсанты могли бы дѣйствовать противъ англійскихъ и нѣмецкихъ торговыхъ предпріятій въ Сибири. Присутствіе русскаго посланника живо интересовало гостей, которые оставались до поздняго часа.

352. **Докладная записка** тайнаго совѣтника Н. П Забугина по нѣкоторымъ вопросамъ, касающимся торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ. Изъ Пекина, отъ 30-го октября 1894 года. Его сіятельству графу А. П. Кассини.

Писана скорописью на 16 листахъ, въ 4 долю.

353. **Докладная записка** Его превосходительству господину предсѣдателю коммисіи министерства финансовъ дѣйствительному статскому совѣтнику Николаю Павловичу Забугину,—отъ директора-распорядителя Амурскаго общества пароходства и торговли Н. П. Макѣева.—Стрѣтенскъ.

Писана скорописью на 6 листахъ писчей бумаги.

354. **Докладъ коммисіи** по устройству народныхъ чтеній Комитету С.-Петербургскаго городскаго попечительства о народной трезвости. — Писанъ мелкою скорописью, на 2-хъ листахъ.

Въ концѣ рукописи слѣдуетъ подпись: предсѣдатель коммисіи генералъ-лейтенантъ Макаровъ.

355. **Докладъ кяхтинскаго пограничнаго комисара** отъ 14 февраля 1895 года, городъ Кяхта.

Господину военному губернатору Забайкальской области.

Писанъ мелкою скорописью на 14 листахъ.

Въ докладѣ говорится объ учрежденіи таможеннаго надзора по Забайкальской границѣ съ Монголіею.

356. **Донесеніе приамурскаго генералъ-губернатора С. Духовскаго** изъ города Хабаровска, отъ 14 іюня 1895 года. Его Превосходительству Н. П. Забугину.

Донесеніе писано на 60-ти страницахъ въ листъ. Въ немъ говорится о двухъ экспедиціяхъ, командированныхъ на Дальній Востокъ для разработки предположеній объ установленіи на границѣ Приамурскаго края обложенія привозимыхъ иностранныхъ товаровъ. - Донесеніе за собственноручною подписью генералъ-губернаторъ—Сергій Духовской.

Эта весьма важная рукопись имѣетъ значеніе историческаго документа.

357. **Докладъ Рутковскаго** относительно Забайкальской области (близь Кяхты).

Писанъ мелкою скорописью на 6 листахъ почтовой бумаги, въ городѣ Иркутскѣ.

Въ докладѣ говорится о построенныхъ заводахъ.

358. **Докладъ совѣщанія по тор-**

говлѣ съ азіатскими государствами.

Писанъ скорописью на 8 листахъ писчей бумаги.

359. 10 донесеній троицкаго полиціймейстера, отъ 15-го декабря 1894 года, господину военному губернатору Забайкальской области.

Писаны мелкою скорописью на 50 листахъ писчей бумаги.

Въ донесеніяхъ говорится о свѣдѣніяхъ и о жителяхъ пограничной полосы съ русской и китайской стороны на протяженіи ввѣреннаго ему города.

360. Докладъ члена Горнаго ученаго комитета дѣйствительнаго статскаго совѣтника Льва Бертенсона его превосходительству господину управляющему Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ.

На 10 листахъ писчей бумаги.

Въ докладѣ говорится о главныхъ заводахъ Екатеринославской и Херсонской губерній.

361. 2 донесенія бессарабскаго губернатора господину управляющему дѣлами Высочайше учрежденной коммисіи о предупрежденіи занесенія въ имперію чумной заразы и о борьбѣ съ нею.

Писаны скорописью на 6 листахъ писчей бумаги.

362. Донесеніе военнаго губернатора забайкальской области.—Его превосходительству Н. П. Забугину.

Въ письмѣ говорится объ учрежденіи таможенной стражи по русско-китайской границѣ. — Въ концѣ письма слѣдуетъ собственноручная подпись.

363. Донесеніе Господину Уполномоченному Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ при Главнокомандующемъ Дѣйствующей арміею.

Писано скорописью на 35 листахъ, въ 4 д.—Бивуакъ въ деревнѣ *Богатъ*. 1877 года декабря 16 дня.

Въ концѣ донесенія собственноручная подпись Уполномоченнаго Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ „П. Исаковъ".

364. Донесеніе господину министру иностранныхъ дѣлъ. Объ опредѣленіи пограничной линіи съ Китаемъ въ предѣлахъ Енисейской губерніи.

Была послана въ Усинскій край лѣтомъ 1892 года коммисія, на которую была возложена обязанность осмотрѣть все пограничное пространство между знаками 19 и 23; произвести буссольно-глазомѣрную, а гдѣ представится возможность и полуинструментальную съемку мѣстности и опредѣлить относительную высоту различныхъ пунктовъ, при помощи барометра.

Докладъ писанъ на 4 листахъ.

365. Донесеніе его превосходительству Л. Ѳ. Пухолка.

Отъ статскаго совѣтника К. Дорнштейна.

Донесеніе писано крупною скорописью на 10 листахъ писчей бумаги большаго формата.

Въ этомъ донесеніи авторъ его высказывается противъ контрабанды на западной границѣ и ввоза кантонскаго чая въ Россію.

366. Донесеніе о прибытіи въ Гонгконгъ русской экспедиціи. Писано крупною скорописью на 4 листахъ писчей бумаги.

367. **Донесеніе селенгинскаго окружнаго начальника,** отъ 27-го января 1896 года, его превосходительству господину военному губернатору Забайкальской области.

87

Писано скорописью на 2 листахъ.

Въ донесеніи говорится объ описаніи Забайкальской области, въ отношеніяхъ географическомъ, этнографическомъ и гидрографическомъ.

368. **Дѣло старшины Кяхтинскаго купечества и иркутской таможни.** Объ обложеніи кяхтинскаго гостиннаго двора сборомъ въ пользу казны по пятидесяти рублей съ каждаго пакгауза.

Писано скорописью на 10 листахъ писчей бумаги.

369. **Желѣзная дорога въ Приамурскомъ краѣ.** Статья приамурскаго генералъ - губернатора генералъ-лейтенанта Духовскаго, отъ 14 іюня 1895 г. Хабаровскъ.

Писана крупною скорописью на 6 листахъ писчей бумаги.

Въ концѣ рукописи находится собственноручная подпись: приамурскій генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ Духовской.

370. **Журналъ засѣданія** 20 апрѣля 1896 года Особаго Совѣщанія для ближайшаго выясненія вопросовъ, подлежащихъ обсужденію Особой Коммисіи для выработки условій эксплоатаціи рыбныхъ и иныхъ промысловъ въ морскихъ и рѣчныхъ водахъ по побережью Великаго океана.

Рукопись писана скорописью на 20 листахъ писчей бумаги. Въ концѣ рукописи собственноручная помѣтка: „Журналъ просмотрѣлъ генералъ-лейтенантъ Духовской".

Въ Совѣщаніи присутствовали: предсѣдатель—министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ тайный совѣтникъ А. С. Ермоловъ; отъ Приамурскаго генералъ-губернатора Духовскаго: военный губернаторъ Приморской области генералъ-маіоръ П. Ѳ. Унтербергеръ; правитель канцеляріи генералъ-губернатора М. П. Щербинъ и дѣлопроизводитель той же канцелярія П. И. Бѣлый; отъ министерства финансовъ дѣйствит. стат. сов. Н. П. Забугинъ и В. Я. Голубевъ; отъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ—дѣйст. стат. сов. М. Л. Бортникеръ, Н. А. Хомяковъ и Шульцъ.

371. **Журналъ № 1, коммисіи,** учрежденной при Главномъ Штабѣ для разработки данныхъ объ усиленіи пограничной стражи, реорганизаціи командной части и управленія оной.

Рукопись писана скорописью на 6 листахъ писчей бумаги.

372. **Законоположеніе пограничной стражи.** Писано мелкою скорописью на 10 листахъ и содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи.

I. Значеніе пограничной стражи, какъ государственнаго учрежденія.

II. Цѣль ея учрежденія.

III. Организація.

IV. Комплектованіе.

V. Раіонъ дѣйствій.

VI. Права по исполненію общихъ обязанностей службы.

VII. Порядокъ подчиненности.

VIII. Пограничная стража къ постороннимъ вѣдомствамъ.

IX. Права и преимущества чиновъ пограничной стражи.

X. Право по должностямъ начальствующихъ лицъ.

XI. Обязанности пограничной стражи.

XII. Часть хозяйственная.

XIII. Отвѣтственность.

XIV. Порядокъ привлеченія къ отвѣтственности.

373. Замѣтки по приготовленію огнестойкаго кирпича въ Александровскомъ заводѣ. Статья Н. А. Филькнера. Рукопись въ листъ, писана въ 1854 г. въ Петрозаводскѣ.

374. Замѣтка о порядкѣ выпуска изъ таможни проданнаго съ аукціона конфискованнаго чая. Писана крупною скорописью на 4 листахъ писчей бумаги.

375. Записка о торговлѣ съ Китаемъ чрезъ Кяхту. Рукопись писана крупною скорописью, на 30 листахъ.— Въ концѣ рукописи слѣдуетъ собственноручная подпись: Н. А. Бруквенъ.

376. Записки тайнаго совѣтника Пухолки и дѣйств. статскаго совѣтника Забугина. Въ запискахъ говорится о пограничной стражѣ. Писаны скорописью на 6 листахъ писчей бумаги.

377. Извлеченіе изъ письма дѣйствительнаго статскаго совѣтника Н. П. Забугина директору департамента торговли и мануфактуръ, отъ $\frac{24 \text{ февраля}}{8 \text{ марта}}$ 1895 года, изъ Іокогамы.

Авторъ этого письма, между прочимъ, говоритъ:

... „Въ здѣшней нашей миссіи я узналъ, что еще съ восьмидесятыхъ годовъ Японія ведетъ дѣятельные переговоры о заключеніи новаго портоваго трактата съ Россіею“.

378. Извлеченіе изъ письма довѣреннаго фирмы Такмакова, Молоткова и комп. въ Ханькоу, отъ 30 марта 1896 года, на имя тайнаго совѣтника Н. П. Забугина (относительно русскаго керосина).

Въ письмѣ говорится, что американцы, да и Родшильдъ сильно противодѣйствуютъ противъ введенія нашего керосина въ Ханькоу.

379. Изысканіе способа для облегченія участи нижнихъ чиновъ, потерявшихъ зрѣніе во время минувшей войны.

Писано мелкою скорописью на 3 листахъ.

380. Климатъ Хабаровска. Гигіеническій очеркъ доктора Э. Ф. Горбацевича.—Въ листъ 16 страницъ.

381. Краткій обзоръ Уссурійскаго края въ его орографическомъ и гидрографическомъ отношеніи.

Писанъ крупною скорописью на 70 листахъ писчей бумаги.—Безъ означенія года.

Въ рукописи помѣщены слѣдующія свѣдѣнія объ Уссурійскомъ краѣ.

I. Описаніе границъ Уссурійскаго края.

II. Топографія края.

III. Описаніе Хехцырскаго хребта.

IV. Описаніе хребтовъ Анбань, Мутагау, Кетыкень.

V. Гидрографія.

VI. Описаніе рѣки Уссури.

VII. Описаніе правыхъ притоковъ рѣки Уссури.

VIII Описаніе рѣки Амура.

IX. Описаніе озера „Ханка“.

X. Рѣки, принадлежащія бассейну Японскаго моря.

XI. Долины, описаніе долинъ, принадлежащихъ къ притокамъ рѣки Уссури.

XII. Описаніе долины рѣки Сунгари.

XIII. Описаніе Ханкайскихъ степей.

XIV. Описаніе долины Суйфуна.

XV. Описаніе долинъ рѣкъ Посьетовскаго участка.

XVI. Описаніе долинъ рѣкъ Майхе-Цисаухе-Тапхоуза.

XVII. Долина рѣки Кангоуза.

XVIII. Долины рѣкъ Сяодесиии и Таодесиии.

XIX. Описаніе долины рѣки Сучана.

XX. Флора.

XXI. Рыбное богатство.

XXII. Животный міръ.

XXIII. Населеніе края.

XXIV. Орочаны—и проч.

382. **Краткій очеркъ** приграничной полосы Манчжуріи и о путяхъ, ведущихъ изъ предѣловъ Уссурійскаго края внутрь этой страны.

Писанъ скорописью на 20 листахъ писчей бумаги.

Въ этой рукописи помѣщены слѣдующія любопытныя статьи:

I. Орографія.

II. Гидрографія.

III. Населеніе.

IV. Климатъ.

V. Дороги.

VI. Краткій очеркъ прилегающей къ намъ части Кореи.

383. **Краткій очеркъ Амурской области.**

Писанъ скорописью на 20 листахъ писчей бумаги.—Безъ означенія года.

Въ этой весьма любопытой рукописи помѣщены слѣдующія статьи:

I. Краткій очеркъ Амурской области.

II. Климатъ.

III. Производительныя силы.

IV. Животныя.

V. Минеральное богатство.

VI. Пути сообщенія.

VII. Населеніе.

VIII. Амурское колѣно.

IX. Занятіе населенія области.

X. Рыбаки.

XI. Торговля и промышленность.

384. **Краткое извлеченіе** изъ составленнаго Н. А. Андрущенко „Обзора Забайкальской области".

Писано скорописью на 12 листахъ. Безъ означенія года.

385. **50 листовъ разныхъ секретныхъ бумагъ,** принадлежавшихъ его превосходительству Николаю Петровичу Забугину.

386. **Матеріалы къ отчету** экспедиціи Министерства Финансовъ по ознакомленію съ нашимъ сѣверовостокомъ, отъ устья рѣки Амура до Нижне-Камчатска.

Писаны крупною скорописью на 22 листахъ писчей бумаги.

Въ концѣ рукописи находится подпись:

„Дѣйствительный статскій совѣтникъ В. Николаевъ. Спб. 8 января 1895 г."

387. **Матеріалы по исторіи** судоходства и торговли гг. Кенигсберга и Пилау, съ 1867 по 1881 годъ. Въ листъ 150 страницъ.

Въ началѣ рукописи находится подпись: Уважаемому Николаю Павловичу Забугину отъ составителя Вл. Штейна.

388. **Мнѣніе контръ адмирала Брылкина** и въ запискѣ поименованныхъ лицъ по поводу предложенія устройства С.-Петербургскаго Коммерческаго порта на правомъ берегу рѣки Невы.

Писано мелкою скорописью на 6 листахъ.

389. **Морскіе промыслы Приамурскаго края.**

Писаны на 30 листахъ писчей бумаги.—

Въ концѣ рукописи собственноручная подпись: Генералъ-губернаторъ генералъ-лейтенантъ Духовской.

Въ рукописи говорится о слѣдующихъ морскихъ промыслахъ.

I. Рыбный:

II. Капустный промыселъ.

III. Ловля раковъ, краббовъ и трепанговъ.

IV. Котиковый промыселъ.

V. Китовый промыселъ.

390. **Нѣсколько словъ о ввозѣ чаевъ** въ Якутскую область морскимъ путемъ.—Попова.

Писаны скорописью на 10 листахъ писчей бумаги.

391. **Обзоръ Забайкальской области.** Съ 8-ми приложеніями.

Писанъ крупною скорописью на 50 листахъ писчей бумаги. — г. Нерчинскъ. 7 декабря 1893 г.

Въ этомъ любопытномъ обзорѣ помѣщены слѣдующія статьи:

I. Площадь.
II. Поверхность
III. Почва.
IV. Рѣки.
V. Озера.
VI. Климатъ.
VII. Населеніе.
VIII. Земледѣліе.
IX. Скотоводство.
X. Промыслы.
XI. Горнозаводская промышленность.
XII. Серебро.
XIII. Золото.
XIV. Свинецъ.
XV. Мѣдь.
XVI. Фабричное производство.
XVII. Торговля.

Въ началѣ рукописи говорится, что— „Восточная часть Забайкалья или „Даурія" отдѣляется отъ западной части Яблоновымъ хребтомъ и граничится съ востока и юга, какъ уже сказано, съ землями, подвластными Китайской имперіи. Естественную границу на востокѣ составляетъ рѣка Аргунь, которая въ предѣлахъ области протекаетъ на протяженіи 640 верстъ. Правый берегъ принадлежитъ Китаю, лѣвый — нашъ. Площадь восточной части Забайкалья равняется почти 236 тысячамъ квадратныхъ верстъ. Въ административномъ отношеніи она раздѣлена на 4 округа: I — Читинскій, II — Нерчинскій, III — Нерчинско-Заводскій и IV—Акшинскій.

392. **Объ Ольско-Колымскомъ пути.** Статья охотскаго окружнаго начальника г. Херсонскаго. Въ листъ 5 страницъ.

393. **Объясненія по замѣткамъ,** сдѣланнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Забугинымъ на сводъ матеріаловъ по изученію пограничной полосы въ Забайкальской и Амурской областяхъ, собранныхъ полковникомъ Усовымъ.

Писаны скорописью на 12 листахъ.

Въ концѣ рукописи находится собственноручная подпись: полковникъ Усовъ, 14 марта 1898 года.

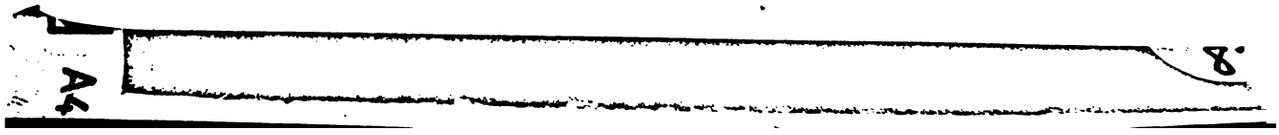
394. **Объяснительная записка** къ счету убытковъ, понесенныхъ Ленскимъ золотопромышленнымъ товариществомъ въ 1899—1900 году, вслѣдствіе китайскихъ осложненій.

Писана скорописью на 8 листахъ.

395. **Объ устройствѣ въ Приамурскомъ краѣ спичечной фабрики.**

Докладная записка его превосходительству Николаю Павловичу Загубину, отъ А. П. Суворова, владивостокскаго купца.

Писана скорописью на 6 листахъ, въ 4 д. л., г. Хабаровскъ, 26-го мая 1895 года.



396. О командированіи чиновъ таможеннаго вѣдомства въ Восточную Сибирь для изслѣдованія мѣстныхъ условій.

Писанъ мелкою скорописью на 5 листахъ писчей бумаги.

Въ этомъ докладѣ говорится: Государственная наша граница съ Китаемъ начинается отъ Томской губерніи, вплоть до прибрежья Тихаго океана, не имѣетъ до настоящаго времени надлежащей таможенной сохранности.

397. О лѣсахъ въ Приамурскомъ краѣ.

Статья приамурскаго генералъ-губернатора Духовскаго.

Писана мелкою скорописью на 20 листахъ.

Въ концѣ рукописи находится собственноручная подпись приамурскаго генералъ-губернатора Духовскаго. Г. Хабаровскъ 14 іюня 1895 года.

398. Описаніе границы нашей съ Китайской въ предѣлахъ Забайкальской области.

Писано мелкою скорописью на 60 листахъ.—Безъ означенія года.

Въ этой чрезвычайно любопытной рукописи помѣщены слѣдующія интересныя свѣдѣнія о краѣ:

I. Краткій очеркъ.
II. Населеніе.
III. Занятіе и промыслы населенія.
IV. Промышленность заводская и фабричная.
V. Торговля.
VI. Пути сообщенія.
VII. Административное устроеніе области.
VIII. Областныя правленія.
IX. Дороги.
X. Скотоводство.
XI. Рыболовство.
XII. Звѣроловство
XIII. Кустарный промыселъ
XIV. Заводы и фабрики.
XV. Акминскій округъ.
XVI. Этнографическій составъ населенія Забайкальской и пограничной полосы Монголіи и Манчжуріи,—и проч.

399. Описаніе о винодѣліи въ Приамурскомъ краѣ братьевъ Хлѣбниковыхъ.

Писано скорописью на 4 листахъ. Въ Хабаровскѣ 1896 года.

400. Описаніе о потребныхъ исправленіяхъ вьючной тропы по телеграфной просѣкѣ для безостановочнаго слѣдованія при возстановленіи поврежденій линій и провоза вьючной почты отъ Утесной до Хабаровки.

Писано скорописью на 20 листахъ.

Въ этой любопытной рукописи помѣщены между прочимъ слѣдующія свѣдѣнія о протяженіи пути:

1. Утесная—Покровка—28 верстъ.
2. Покровка—Амазоръ—36 верстъ.
3. Амазоръ—Игнашино—33 версты.
4. Игнашино—Сгибнево—27 верстъ.
5. Сгибнево—Свербѣево—32 версты.
6. Свербѣево—Орлово—31 верста.
7. Орлово—Джалинда—14¼ верстъ.
8. Джалинда — Албазинъ — 14 верстъ.
9. Албазинъ—Воскресенскъ—18¼ верстъ.
10. Воскресенскъ — Бейтоново — 18¼ верстъ.
11. Бейтоново—Перемыкино—24¼ версты.
12. Перемыкино — Бекетово — 14¼ верстъ.
13. Бекетово — Талбузино — 26¼ верстъ.

14. Талбузино — Ваганово — 22½ версты.

15. Ваганово—Ольгино—16½ верстъ.

16. Ольгино — Чернлево — 23½ версты.

17. Чернлево — Кузнецово — 33 версты.

18. Кузнецово — Ермаково — 21½ версты.

19. Ермаково—Цыганъ—13 верстъ.

20. Цыганъ — Нововоскресенскъ — 34½ версты.

21. Нововоскресенскъ — Кольцово — 15½ верстъ.

22. Кольцово — Ушаково — 12¼ верстъ.

23. Ушаково — Александровское — 21 верста.

24. Александровское — Кумара — 24½ версты.

25. Кумара—Симоново—26¾ верстъ.

26. Симоново — Корсаково — 18½ верстъ.

27. Корсаково — Буссеевка — 17 верстъ.

28. Буссеевка — Сухотино — 24½ версты.

29. Сухотино — Бибиково — 28½ верстъ.

30. Пашково — Сторожевая — 16½ верстъ.

31. Сторожевая—Радде—20¼ верстъ.

32. Радде—Дичунъ—17½ верстъ.

33. Дичунъ—Помпѣевка—27 верстъ.

34. Помпѣевка — Хинганъ — 24½ версты.

35. Хинганъ — Поликарповка — 20 верстъ.

36. Поликарповка — Союзная — 18¼ верстъ.

37. Союзная — Екатерино-Никольскъ — 18½ верстъ.

38. Головино — Вознесенскъ — 22¼ версты.

39. Вознесенскъ — Петрово — 29½ верстъ.

40. Петрово—Луговая—19½ верстъ.

41. Луговая—Забѣлово—11 верстъ.

42. Забѣлово — Верхне-Спасскъ — 15¾ верстъ.

43. Верхне-Спасскъ—Нижне-Спасскъ —17 верстъ.

44. Нижне-Спасскъ —Новгородскъ — 23¾ версты.

45. Новгородскъ — Хабаровскъ — 26¼ верстъ.

401. **Описаніе острова Кюсю**, на которомъ лежитъ Нагасаки, дѣлится на 7 японскихъ административныхъ округовъ или кеновъ.

Нагасаки съ населеніемъ въ 786.614 душъ.

Сага—569.831 душа.

Фукуока—125.808 душъ.

Кумамото—1.075.301 душа.

Айта—792.912 душъ.

Кагосимо—1.024.598 душъ.

А всего=5.938.809 душъ.

Писано скорописью на 14 страницахъ, въ 4 д. л.

402. **О преобразованіи управленія пограничной стражи**, съ учрежденіемъ изъ нея отдѣльнаго корпуса.

Рукопись, писанная скорописью на 6 листахъ писчей бумаги.

403. **О снабженіи Приамурскаго края солью** для питанія населенія и для развитія капитальнѣйшихъ отраслей промышленности (скотоводства и рыбныхъ промысловъ), такъ и вслѣдствіе крайней бѣдности мѣстнаго добыванія соли въ Приамурскомъ краѣ.

Писано скорописью на 10 листахъ. Въ концѣ рукописи нахо-

дится собственноручная подпись: „Приамурскій генералъ-губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Духовской. Хабаровскъ".

404. **Открытый листъ**, выданный члену Совѣта министра финансовъ, дѣйствительному статскому совѣтнику Забугину,—съ приложеніемъ казенной печати, 22 іюня 1894 года, за подписью министра внутреннихъ дѣлъ Дурново.

405. **Отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ** генералъ-губернатора Приамурской области -Духовскаго, подъ заглавіемъ: „О плаваніи русскихъ судовъ по рѣкѣ Сунгари".

Писанъ мелкою скорописью на 2 листахъ, въ городѣ Хабаровскѣ.

406. **Отрывокъ изъ бумагъ его превосходительства Николая Павловича Забугина**, заключающій въ себѣ двѣ небольшія замѣтки, извлеченныя, надо полагать, изъ иностранныхъ газетъ и переведенныя на русскій языкъ.

Ниже привожу здѣсь полностію содержаніе обѣихъ замѣтокъ.

I.

28 февраля 1895 года.

Майнити Симбунъ.

— Недавно г. Сакума представлялся г. Совѣтнику Россійскаго Министерства Финансовъ Забугину въ отелѣ „Метрополь" и говорятъ, что онъ слышалъ отъ него разговоры приблизительно слѣдующаго содержанія: Крайне сожалѣю, говоритъ г. Забугинъ, что Японія, имѣя значительное число товаровъ, могущихъ идти на продажу въ Россію, вывозитъ таковые чрезъ Англичанъ или Французовъ; но если въ будущемъ Сибирская желѣзная дорога будетъ проведена, то она можетъ оказать большое вліяніе на непосредственное развитіе торговыхъ сношеній съ Россіею. Нынѣ Россія привозитъ изъ заграницы огромное количество сѣры и сѣрной кислоты, что въ будущемъ Россія можетъ пріобрѣсти въ Японіи. Такъ какъ русскіе охотно покупаютъ японскія вещи, какъ это видно изъ покупаемыхъ къ Рождеству Христову подарковъ, то если бы японскіе купцы пріѣхали въ Россію со своими товарами, то они могли бы имѣть весьма большую торговлю. Однимъ словомъ, говоритъ г. Забугинъ, что открытіе Сибирской желѣзной дороги, желательно, что обмѣнъ товаровъ между двумя государствами развивался бы съ большимъ успѣхомъ для увеличенія блага обѣихъ націй. Затѣмъ г. Забугинъ желалъ г. Сакумѣ, чтобы Коммерческая Палата какъ бы оказала свое содѣйствіе къ поощренію японскихъ купцовъ къ отправкѣ образцовъ японскихъ произведеній на выставку Нижняго Новгорода и къ посѣщенію ими этой выставки

Г. Забугинъ завтра хотѣлъ посмотрѣть бумажныя фабрики въ Оозѣ и суконную въ Сен-зи.

II.

28 февраля 1895 года

Кокуминъ.

Гг. Забугинъ, Голубевъ — одинъ и другой — пріѣхали въ Японію для изученія японскихъ торгово-промышленныхъ дѣлъ. Говорятъ, они имѣютъ своею цѣлью изученіе и портовъ въ Китаѣ и Японіи, для открытія торговыхъ сношеній съ Россіею. Эти господа ходили

по многимъ мѣстамъ Китая въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ, и послѣ этого прибыли къ намъ. Говорятъ, они желаютъ на дняхъ отправиться въ Хакодате чрезъ Вомари.

Г. Забугинъ охотно принимаетъ его посѣщающихъ и весьма откровенно ведетъ разговоры.

407. **Отрывокъ изъ собственноручныхъ записокъ Соловцова**, подъ заглавіемъ „Русская смѣтливость".— Писанъ крупною скорописью на листѣ большаго формата, безъ означенія года.

Для ознакомленія читателя съ означеннымъ отрывкомъ, считаю не лишнимъ привести его здѣсь на страницахъ предлагаемаго мною описанія.

Русская смѣтливость.

Каждый народъ имѣетъ свои самобытныя нравственныя качества, рѣзко отличающія его отъ другихъ народовъ. Но нигдѣ это отличіе такъ рѣзко не проявляется, какъ въ русскомъ народѣ. И здѣсь изъ всѣхъ отличительныхъ чертъ его характера, самая главная,— смѣтливость. Это есть способность въ затруднительныхъ дѣлахъ мгновенно, не раздумывая, находить средства легкія и удобоисполнимыя для достиженія предполагаемой цѣли; смѣтливость есть способность разомъ въ умѣ обнимать и соображать весь ходъ дѣла, хотя бы и самаго многосложнаго, и ясно видѣть то, что ему лучше дѣлать. Смѣтливость не есть слѣдствіе опытности; она есть качество врожденное и не зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ; и въ особенности этимъ качествомъ обладаетъ простой народъ. Во всѣхъ словахъ и поступкахъ простаго человѣка проявляется это счастливое качество; съ нимъ онъ нигдѣ не пропадетъ; смѣтливостью русскій человѣкъ зашибаетъ себѣ добрую копѣйку, выпутывается изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ; смѣтливость помогаетъ ему избѣгать опасностей.—Посмотрите на купца: какъ онъ хитро ведетъ свои дѣла, какъ вѣрно разсчитываетъ свои дѣйствія, видитъ что ему выгоднѣе дѣлать. Посмотрите на нашего мужичка: какъ онъ просто и незатѣйливо дѣлаетъ то, что надъ чѣмъ думаетъ иностранецъ и что для него составляетъ трудную задачу. Посмотрите на нашего *самоучку*! онъ взглянетъ на какое нибудь затѣйливое произведеніе и руководимый одною смѣтливостью и наглядностью, сдѣлаетъ не хуже другаго. Пословица говоритъ; „*у нѣмца на все струментъ есть*", а русскій человѣкъ дѣлаетъ все безъ всякаго *струмента*; дайте русскому человѣку самый замысловатый вопросъ, онъ своимъ отвѣтомъ озадачитъ васъ въ свою очередь.—Бѣда на кого не находитъ: иногда и русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ; иногда и онъ попадетъ въ просакъ; но все-таки смѣтливость, рано или поздно, выкупаетъ его и поправитъ дѣло.—Смѣтливость—есть русскій умъ, опытность и талантъ.

Соловцовъ.

408. **Отчетъ о дѣятельности** врачебно наблюдательнаго пункта въ Мешеднесерѣ (въ Персіи).

Писанъ мелкою скорописью на 12 листахъ. Въ концѣ отчета подпись: докторъ медицины И. Чуриловъ.

409. **Отчетъ командира Александровской бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи**, полковника Демьянка, командированнаго на Дальній Востокъ для изслѣдованія внѣшнихъ границъ съ

Манчжуріей и Кореей отъ г. Хабаровска до устья р. Тумень-Ула, и отъ устья р. Тумень-Ула по берегамъ Японскаго моря, Татарскаго пролива и Охотскаго моря до порта Аяна и установленія на этихъ границахъ пограничнаго надзора.

Рукопись писана крупною скорописью на 150 листахъ писчей бумаги.

Въ этомъ отчетѣ помѣщены 42 статьи, поименованіе которыхъ считаю не лишнимъ привести здѣсь въ послѣдовательномъ порядкѣ.

1. Составъ экспедиціи и время прибытія ея въ г. Владивостокъ.
2. Краткій очеркъ Приморской области.
3. Орографія.
4. Лѣса.
5. Гидрографія.
6. Климатъ.
7. Дороги.
8. Статистика.
9. Торговый договоръ между Россіею и Китаемъ.
10. О торговлѣ китайцевъ.
11. О посѣщеніи хищниками разныхъ бухтъ.
12. Выступленіе экспедиціи изъ города Владивостока.
13. Краткій очеркъ залива Де-Кастри.
14. Дорога отъ залива Де-Кастри до с. Маріинска.
15. Установленіе въ Де-Кастри, Маріинскѣ, м. Софійскѣ пограничнаго надзора.
16. Торговля въ Маріинскѣ.
17. Описаніе г. Николаевска.
18. Значеніе и будущее г. Николаевска.
19. Установленіе въ г. Николаевскѣ пограничнаго надзора.
20. Мѣстность отъ Николаевска до залива Де-Кастри.
21. Описаніе береговъ бухты, тайги и посѣщающихъ ихъ промышленниковъ-инородцевъ отъ залива Де-Кастри до залива св. Ольги.
22. Налоги за право промысловъ.
23. Характеристика контрабандистовъ-спиртоносовъ.
24. Годовой контингентъ контрабандистовъ и представляютъ ли они изъ себя какую либо опасность.
25. Описаніе Императорской гавани и мѣстности до залива св. Ольги и можно ли ожидать развитія тамъ контрабанды.
26. Описаніе залива св. Ольги.
27. Установленіе въ заливѣ св. Ольги пограничнаго надзора.
28. Описаніе береговъ отъ залива св. Ольги до залива Поворотнаго и необходимость морскаго крейсера.
29. Мѣстность отъ мыса Поворотнаго и учрежденіе тихо-океанской бригады.
30. Описаніе границъ Уссурійскаго края—отъ г. Хабаровска до озера Ханки.
31. Водвореніе Спитера Сули-Ханыцина.
32. Способъ устройства сулеваго завода.
33. Нѣкоторыя мѣры противъ водворенія сули.
34. Учрежденіе Уссурійской бригады.
35. Описаніе мѣстности отъ озера Ханки до устья р. Тумень-Ула.
36. Необходимость предоставленія жителямъ праваго переѣзда у кордоновъ.
37. Нѣкоторыя свѣдѣнія о пограничной мѣстности Манчжуріи.
38. Учрежденіе южно - уссурійской бригады.

39. Стоимость морскаго крейсера.

40. Средства сношеній—почта и телеграфъ.

41. Росписаніе Уссурійской бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

42. Свѣдѣнія о портѣ Аянѣ.

Въ концѣ рукописи находится подпись: „Полковникъ Демьянкъ. г. Хабаровскъ".

410. Отчетъ командира Александровской бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи, полковника *Демьянка*, командированнаго на Дальній Востокъ для изслѣдованія внѣшнихъ границъ съ Манчжуріей и Кореей отъ г. Хабаровска до устья р. Тумень-Ула и отъ устья р. Тумень-Ула по берегамъ Японскаго моря, Татарскаго пролива и Охотскаго моря до порта Аяна и установленія на этихъ границахъ пограничнаго надзора.

Рукопись въ листъ, 320 страницъ, писана скорописью, въ концѣ собственноручная подпись полковника *Демьянка*, 10 Января 1896 года.

Въ этомъ отчетѣ помѣщены слѣдующіе весьма важные матеріалы по изслѣдованію нашихъ внѣшнихъ границъ на Дальнемъ Востокѣ.

1. Составъ экспедиціи, время прибытія ея въ г. Владивостокъ.

2. Краткій очеркъ Приморской области.

3. Орографія, описаніе горы.

4. Описаніе хребта Стхото-Алинъ.

5. Описаніе Хехцырскаго хребта.

6. Описаніе хребтовъ Анбонь, Мутагоу и Кетыенъ.

7. Перевалы черезъ Стхото-Алинъ къ морю.

8. Долины. Описаніе долины р. Уссури.

9. Долина р. Воко.

10. Долина р. Хара.

11. Долина р. Кіу.

12. Долина р. Бѣкина.

13. Долина р. Иманъ.

14. Описаніе долины р. Даубихо.

15. Описаніе Ханкайскихъ степей.

16. Характеръ лѣвыхъ притоковъ р. Уссури.

17. Описаніе р. Амура.

18 Описаніе озера Ханка.

19. Обзоръ воднаго пути Сутори

20. Цѣлебные источники.

21. Животный міръ.

22. Населеніе края.

23. Населеніе мѣста въ 50-ти верстной приграничной полосѣ.

24. Климатъ.

25. Пути сообщенія края, внутреннія и внѣшнія.

26. Статистика.

27. Обзоръ Приамурской области.

28. О торговомъ договорѣ между Россіей и Китаемъ.

29. О торговлѣ китайцевъ.

30. Описаніе села Маріинска.

31. Торговля въ Маріинскѣ.

32. Описаніе города Николаевска.

33. Значеніе и будущее г. Николаевска.

34. Мѣстность отъ г. Николаевска до залива Де-Кастріи.

35. Описаніе береговъ, бухты, тайги и посѣщающихъ ихъ промышленниковъ-инородцевъ отъ залива Де-Кастри до залива св. Ольги.

36. Описаніе залива св. Ольги.

37. Описаніе границъ Уссурійскаго края отъ г. Хабаровска до озера Ханка.

38. Отношеніе между собой жителей смежныхъ государствъ.

39. Нѣкоторыя свѣдѣнія о приграничной мѣстности Манчжуріи.

40. Росписаніе уссурійской бригады

отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

41. Свѣдѣнія о портахъ Сѣвера вообще и о портѣ Аянѣ въ частности.

42. Границы и характеръ мѣстности.

43. Козаки.

44. Торговля.

45. Приамурское товарищество.

46. Спиртъ и его значеніе въ торговлѣ.

47. Промыслы.

48. Недоборъ рыбъ, его причины и послѣдствія.

49. Ископаемыя богатства.

50. О промыслахъ въ Охотскомъ и Камчатскомъ моряхъ.

Затѣмъ далѣе слѣдуетъ описаніе портовъ.

411. **Отчетъ младшаго ревизора акцизныхъ сборовъ Восточной сибири Е. Перфильева**, о ревизіи 1 и 2 акцизныхъ участковъ Якутской области и 3 и 4 участковъ Иркутской губерніи.

Отчетъ писанъ мелкой скорописью на 20 листахъ писчей бумаги.

Въ рукописи говорится:

I. Объ экономическомъ положеніи Якутскаго края.

II. Сельское хозяйство.

III. О скотоводствѣ.

IV. О рыбномъ промыслѣ.

V. О звѣропромышленности.

VI. О торговлѣ.

VII. Водочное производство.

VIII. Мѣста оптовой торговли.

IX. Мѣста раздробительной торговли.

X. Условія питейной торговли.

XI. Питейное дѣло на золотыхъ пріискахъ, — и др.

412. **Отчетъ о торговлѣ Хакодате за 1886 годъ.** За собственноручною подписью г. консула въ Хакодате — Де Волланъ. Писанъ скорописью на 46 страницахъ.

Означенный отчетъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія вѣдомости:

1. Вѣдомость иностранной привозной торговли въ Хакодате за 1886 г.

2. Вѣдомость товарамъ, вывезеннымъ изъ Хакодате за границу въ 1886 г.

3. Вѣдомость о движеніи иностранныхъ судовъ, т. е. прибывшихъ и очищенныхъ въ портѣ Хакодате за 1886 г.

4. Вѣдомость о пошлинахъ, взимаемыхъ японскимъ правительствомъ съ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ за 1886 г.

5 и 6. Вѣдомости товарамъ, вывозимымъ изъ Хакодате въ Японію за 1885 и 1886 гг.

7 и 8. Вѣдомости товарамъ, привезеннымъ изъ Японіи въ Хакодате за 1885 и 1886 гг.

9. Вѣдомость товарамъ, привезеннымъ и вывезеннымъ изъ Сахалина въ Хакодате за 1886 г.

10. Вѣдомость товарамъ, привезеннымъ изъ Сахалина и вывезеннымъ въ Сахалинъ изъ Хакодате за 1886 г.

413. **Отчетъ по экспедиціи** дорожнаго техника Сикорскаго, командированнаго г. иркутскимъ генералъ-губернаторомъ для изслѣдованія Аянскаго тракта.

Рукопись въ листъ; въ концѣ подпись: „П. Сикорскій. 10 января 1895 года".

Въ этомъ отчетѣ помѣщены слѣдующія свѣдѣнія, относящіяся къ данному предмету.

1. Выѣздъ изъ Якутска.

2. Состояніе тракта отъ Якутска до Усть-Маи.

3. Населенные пункты. Амгинская слобода.

4. Усть-Майское селеніе.

5. Селенія скопцовъ.
6. Тунгусы Майскаго вѣдомства.
7. Рѣка Мая. Общій очеркъ.
8. Бичевникъ по Маѣ и тяга лодокъ.
9. Возможность пароходнаго сообщенія.
10. Сомнительныя мѣста фарватера.
11. Причина пустынности Мая.
12. Возможность заселенія.
13. Земледѣліе по Маѣ.
14. Устройство дороги въ 50 годахъ между Нелькономъ и Аяномъ.
15. Нынѣшнее состояніе дороги.
16. Характеръ грунта между Нелькаиомъ и Аяномъ.
17. Характеръ болотъ.
18. Уклоны.
19. Перевалы. Джугджуръ
20. Уйскій хребетъ.
21. Непремѣнимость деревянной мостовой.
22. Ошибка якутскаго купечества.
23. Типъ будущей дороги.
24. Переправы.
25. Обходные перевалы черезъ Джугджуръ.
26. Средній перевалъ.
27. Зимнее состояніе главнаго перевала.
28. Движеніе чайныхъ обозовъ.
29. Южный перевалъ.
30. Одору-Челасинская группа.
31. Перевалы по рѣкѣ Сѣвери. Одору.
32. По рѣкѣ Южн. Одору.
33. Значеніе рч.-озерной, какъ направленія для дороги.
34. Населеніе приаянскаго края.
35. Аянъ.
36. Значеніе порто-франко.

414. **Отчетъ по экспедиціи** дорожнаго техника Сикорскаго, командированнаго г. иркутскимъ генералъ-губернаторомъ для изслѣдованія Аянскаго тракта.

Писанъ скорописью на 36 листахъ. — Съ маршрутною картою пройденнаго экспедиціею П. А. Сикорскаго пути, въ 1894 году.

Въ этомъ интересномъ и вполнѣ заслуживающемъ вниманія отчетѣ, помѣщены слѣдующія полезныя и во многихъ отношеніяхъ любопытныя свѣдѣнія о всемъ встрѣченномъ на пройденномъ пути экспедиціею Сикорскаго.

1. Выѣздъ изъ Якутска.
2. Состояніе трактата отъ Якутска до Усть—Май.
3. Населенные пункты: Амгинская слобода.
4. Усть-Майское селеніе.
5. Селеніе скопцовъ.
6. Тунгузы майскаго вѣдомства.
7. Рѣка Мая. Общій очеркъ рѣки и окружающей мѣстности.
8. Бичевникъ по Маѣ и тяга лодокъ.
9. Возможность пароходнаго сообщенія.
10. Земледѣліе по Маѣ.
11. Нельканъ.
12. Устройство дороги въ 50-хъ годахъ между Нелькаиомъ и Аяномъ.
13. Нынѣшнее состояніе дороги.
14. Характеръ грунта между Нелькаиомъ и Аяномъ.
15. Характеръ болотъ.
16. Уклоны.
17. Перевалы: Джугджуръ.
18. Уйскій хребетъ.
19. Непримѣнимость деревянной мостовой.
20. Ошибка якубскаго купечества.
21. Типъ будущей дороги.
22. Переправы.
23. Обходные перевалы чрезъ Джугджуръ.
24. Бэранджа-Нимагичигская группа.
25. Средній перевалъ.

26. Зимнее состояніе главнаго перевала.
27. Движеніе чайныхъ обозовъ.
28. Южный перевалъ.
29. Одору-Челасинская г ипа.
30. Перевалы по р. Сѣверной Одору.
31. Перевалы по р. Южной Одору.
32. Населеніе Приаянскаго края.
33. Аянъ.
34. Значеніе порто-франко и др.

415. **Переводъ съ сообщенія китайскихъ министровъ** г. россійско-императорскому повѣренному въ дѣлахъ, отъ 27 февраля 1891 года. Пекинъ. 1891.—Рукопись въ листъ.

Въ началѣ рукописи говорится, что:

„... 11 іюня 1890 года министерствомъ получено было письмо, въ которомъ заявлено, что въ виду недостаточности перевозныхъ средствъ при провозѣ русскими купцами товаровъ во Россію чрезъ Кобдо, едва-ли найдется между ними много желающихъ слѣдовать этимъ путемъ, просимъ, чтобы на будущее время, русскимъ караванамъ разрѣшено было слѣдовать изъ Калгана чрезъ Улясутой къ у—западнымъ предѣламъ Россіи, какъ по пути болѣе удобному и короткому.—Пекинъ. 1891 г.".

416. **Первый торговый договоръ Россіи съ Японіей** былъ заключенъ вице-адмираломъ Путятинымъ въ 1853 году.

Писанъ скорописью на 4 листахъ. Безъ означенія года.

417. **Первыя свѣдѣнія** о торговлѣ чаемъ въ Ханькоу за сезонъ 1890—1891 гг., отъ 10 мая 1890 года.

Въ листъ 4 страницы; писаны скорописью.

418. **Переходъ отъ Владивостока до Де-Кастри.**—

Путевой журналъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николаева.

Писанъ крупной скорописью на 62 листахъ писчей бумаги.

Означенный переходъ былъ совершенъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

1. Отъ Де-Кастри до с. Маріинска.
2. Село Маріинскъ.
3. Городъ Николаевскъ.
4 Заливъ св. Владиміра.
5. Отъ залива св. Владиміра до залива св. Ольги.
6 Отъ Ново-Кіевска до Хунчунскаго караула и т. д.

419. **Письмо Асано Сонциро** его превосходительству Н. П. Забугину (переводъ съ японскаго).—

Рукопись на 10 страницахъ, въ листъ.

Въ началѣ письма авторъ его говоритъ:

„Я весьма счастливъ, что могъ представиться вашему превосходительству, по рекомендаціи россійскаго посланника, и имѣлъ удовольствіе узнать о подробностяхъ торговаго состоянія Россіи, пользуясь этимъ случаемъ, прошу позволенія изложить предъ вами мой нижеслѣдующій короткій взглядъ по нынѣшнему состоянію торговли между Россіею и Японіею".

420. **Письмо Безсонова** къ его превосходительству Николаю Павловичу Забугину, по дѣлу о рекомендаціи. Писано крупною скорописью, въ листъ, 2 страницы.

421. **Письмо временно-управляющаго** канцеляріею иркутскаго генералъ-губернатора. Его превосходительству Н. П. Забугину.

Въ письмѣ говорится объ Аянскомъ трактатѣ.

422. Письмо В. Дебича, изъ г. Хабаровска, отъ 20 декабря 1894 г., къ его превосходительству Николаю Павловичу Забугину, по случаю его поѣздки по Амуру.—

Писано скорописью на 2 листахъ.

423. Письмо директора департамента торговли и мануфактуръ.—Его превосходительству Николаю Павловичу Забугину.

Въ письмѣ говорится объ устройствѣ срочнаго пароходства по рр. Амурскаго бассейна.

424. Письмо директора департамента торговли и мануфактуръ. Его превосходительству Николаю Павловичу Забугину.

Писано на 2 листахъ.

Въ этомъ письмѣ говорится о пересмотрѣ нашего торговаго договора съ Персіею.

425. Письмо его превосходительству Николаю Павловичу Забугину изъ Кяхты, отъ Михаила Коковцева. Писано мелкою скорописью.

426 **Письмо Императорскаго Россійскаго консульства въ Хань-Коу** $^{18}/_{30}$ сентября 1895 г., № 106. - Его высокородію М. М. Федорову г. редактору „Вѣстника Финансовъ, Торговли и Промышленности". – За собственноручной подписью А. Ваховской.

Писано мелкою скорописью на 4 страницахъ, въ 4 д. л.

427. Письмо отъ г. Иващенкова.— Его Превосходительству Николаю Павловичу Забугину.

Въ этомъ письмѣ говорится объ упраздненіи порто-франко въ портахъ Восточнаго океана и на внѣшней сухопутной границѣ Восточной Сибири.

Писано скорописью на 4 листахъ.

428. Письмо графа Кассини. Его сіятельству графу Д. А. Капнисту, отъ 29 марта 1894 года.

Писано мелкою скорописью на 12 листахъ.

Въ письмѣ говорится о торговыхъ сношеніяхъ съ Китаемъ.

429. Письмо М. Лушкевича къ его превосходительству Николаю Павловичу Забугину, съ сообщеніемъ о чумѣ.

Писано скорописью на 4 страницахъ въ листъ. Тифлисъ. 27-го января 1899 года.

430. Письмо Николая Павловича Забугина, къ г. директору Департамента Торговли, по дѣлу о китайскихъ и японскихъ экспонатовъ на нижегородской выставкѣ.

Писано крупною скорописью на 2 страницахъ.

431. Письмо начальника С.-Петербургскаго таможеннаго округа. Его превосходительству Николаю Павловичу Забугину.

Въ письмѣ говорится о чиновникѣ особыхъ поручеій К. А. Войцеховичѣ. Въ концѣ письма собственноручная подпись: С. Львовскій.

432 **Письмо** находящагося въ командировкѣ для изученія условій пограничнаго надзора отъ Кяхты до Хабаровска, полковника Усова, его превосходительству Николаю Павловичу Забугину.

Въ концѣ письма собственноручная подпись: покорнѣйшій слуга Александръ Усовъ.

Писано скорописью на 4 листахъ

433. Письмо начальника главнаго управленія неокладныхъ оборовъ казенной продажи питей.

Его превосходительству Н. П. Забугину.

Въ этомъ письмѣ говорится о контробандномъ спиртѣ.

Въ концѣ письма собственноручная подпись: „С. Марковъ".

434. Письмо приамурскаго генералъ-губернатора Духовскаго. — Его превосходительству Н. П. Забугину. О коммерческомъ портѣ въ Японскомъ морѣ и о распредѣленіи Владивостокскихъ земель.

Писано мелкою скорописью на 4 листахъ писчей бумаги. Въ концѣ рукописи собственноручная подпись генералъ-губернатора.

435. Письмо Б. Робиновича тайному совѣтнику Николаю Павловичу Забугину, отъ 16 ноября 1876 г.

436. Письмо Н. Ренненкамперъ къ его превосходительству Николаю Павловичу Забугину, съ сообщеніемъ о нѣкоторыхъ финансовыхъ соображеніяхъ. — Писано мелкою скорописью на 4 страницахъ.

437. Письмо управляющаго акцизными сборами Черниговской губерніи. Его превосходительству Николаю Павловичу Забугину.

Писано мелкою скорописью на 2 листахъ. Въ концѣ собственноручная подпись управляющаго акцизными сборами Черн. губ.

Въ письмѣ говорится о продажѣ питей.

438. Письмо М. Хитрово къ его превосходительству Николаю Павловичу Забугину, отъ 13 марта 1895 года, съ приглашеніемъ его на вечеръ. — Писано скорописью на 2 страницахъ.

439. Письмо г. Чаманскаго изъ Іокагамы, отъ $^{3}/_{15}$ марта 1895 года, къ его превосходительству Николаю Павловичу Забугину, по случаю консульскихъ дипломатическихъ отзывовъ о Китаѣ, Японіи и Кореѣ за 1892, 1893 и 1894 года, а также изданія управленія приморскихъ китайскихъ таможень, съ обозначеніемъ цѣнъ.

Все, заключающееся въ этомъ письмѣ, представляетъ очень интересныя свѣдѣнія о Дальнемъ Востокѣ.

Писано скорописью на 2 листахъ.

440. Письмо члена-секретаря ученаго комитета А. Гурьева. Его превосходительству Николаю Павловичу Забугину.

Въ письмѣ говорится объ изданіи „Исторіи министерства финансовъ за столѣтіе его существованія".

441. По вопросу объ условіяхъ развитія якутской области. Сикорскаго.

Въ началѣ рукописи говорится, что до пріобрѣтенія Амура единственнымъ выходомъ изъ Сибири въ океанъ служило Охотское море, поэтому русское правительство, со времени Екатерины II, заботилось о возможно полномъ изслѣдованіи этого моря. Одной изъ задачъ изслѣдованія служило отысканіе лучшаго пути къ Охотскому морю и порта, удобнаго для стоянки судовъ въ бурную погоду. Этимъ вопросомъ занималось какъ морское министерство, такъ, впослѣдствіи, и образовавшаяся въ 1798 году „Россійско-Американская компанія".

Писано скорописью на 15 листахъ писчей бумаги. Въ концѣ рукописи находится собственноручная подпись: „П. Сикорскій. с. Альвамой".

442. **По вопросу объ улучшеніи контроля** за производствомъ табачныхъ издѣлій и увеличеніи табачнаго дохода казны, безъ увеличенія акциза.

Писано скорописью на 6 листахъ писчей бумаги.

443. **Поиски золота** въ Алтайскомъ горномъ округѣ, въ восточной его части, въ системѣ рѣки Обакона, предоставленной (разрѣшенной) Кабинетомъ Его Величества для частныхъ лицъ на общемъ основаніи.

Писано скорописью на 2 листахъ.

444. **Положеніе казенной соляной операціи** въ Якутской области за періодъ съ 1-го января 1884 по 1-е января 1894 года.

Писано на 10 листахъ, мелкою скорописью.

445. **Постановленіе торгующаго въ Кяхтѣ купечества, состоявшееся 17 ноября 1894 года.**

По внимательномъ обсужденіи отношенія г. генеральнаго консула въ Ургѣ къ старшинамъ кяхтинскаго купечества, отъ 17 сентября 1894 года, за № 374, послѣдовавшаго въ разъясненіе находимой купечествомъ неправильности въ примѣненіи ургинскимъ консульствомъ новаго консульскаго устава, поручаетъ гг. старшинамъ купечества сообщить его превосходительству свои постановленія.

Подписали старшины { *А. Швецовъ.* *С. Сибиряковъ.* *Осокинъ.*

446. **Поѣздка на побережье** Камчатскаго и Охотскаго морей г. Соврименича. Въ листъ 20 страницъ.

447. **Правила для чиновъ** постороннихъ пограничной стражѣ вѣдомствъ и взаимныхъ отношеній этихъ чиновъ между собою и къ лицамъ таможеннаго вѣдомства при преслѣдованіи и задержаніи контрабанды въ приграничномъ пространствѣ.

Писаны скорописью на 5 листахъ писчей бумаги.

448. **Правила для покупки** въ Приморской области русскими подданными казенныхъ земель. — Писаны скорописью на 15 листахъ, г. Хабаровскъ.

449. **Правила для отпуска и рубки лѣса въ приморскомъ краѣ.**

Писаны скорописью на 10 листахъ писчей бумаги.

450. **Преобразованіе Одесскаго порта.** Общія соображенія г. Лютеръ, строителя Бруневики.

Рукопись въ листъ, писана на 10 листахъ, мелкою скорописью.

451. **Пригласительное письмо** князя и княгини Лобановыхъ-Ростовскихъ къ его превосходительству Николаю Павловичу Забугину отъ 6/18 марта 1895 г.

452. **Протоколъ засѣданія коммисіи,** учрежденной по Высочайшему повелѣнію при Главномъ Штабѣ для разработки данныхъ къ усиленію состава и боевой готовности пограничной стражи и къ реорга-

низаціи командной части и управленія оной.

Писанъ мелкою скорописью на 16 листахъ.—Въ концѣ протокола подпись: полковникъ Афанасьевъ.

453. **Программа финансовыхъ мѣръ, ведущихъ къ обновленію Россіи.** Статья К. Бодиско. Писана на 4 листахъ. Въ концѣ рукописи собственноручная подпись: К. Бодиско.

Въ этой статьѣ говорится о слѣдующемъ:

I. Изобиліе зерновыхъ продуктовъ, не находящихъ никакого выхода.

II. Необходимость изъять изъ заграницы милліардъ сто милліоновъ металическихъ бумагъ.

III. Необходимость имѣть возможность уплатить свои обязательства не только золотомъ, а своими продуктами.

IV. Необходимость сократить конкуренцію Америки на европейскихъ рынкахъ.

V. Необходимость отвѣтить Германіи за наложенныя на русскій хлѣбъ пошлины, при чемъ нѣмцы, при значительномъ сокращеніи конкуренціи Америки, сами будутъ вынуждены уплачивать этотъ налогъ.

454. **Россійское Императорское консульство въ Ургѣ.**

Отвѣтъ старшинамъ торгующаго въ Кяхтѣ купечества.

Отъ 17 декабря 1894 г. Писанъ скорописью на 4 страницахъ.

455. **Обсужденіе вопроса о томъ,** какіе иностранные товары и въ какомъ размѣрѣ могли бы быть обложены въ портахъ Восточнаго океана привозною пошлиною, безъ особаго, при настоящихъ условіяхъ торговли, обремененія мѣстнаго населенія и существующихъ въ краѣ промысловъ.—Были приглашены, съ согласія г. военнаго губернатора Приморской области, нижепоименованные представители торговли и промышленности во Владивостокѣ: владивостокскій городской голова М. К. Федоровъ, коммерціи совѣтникъ М. Г. Шевелевъ, Ю. И. Бринеръ, А. К. Вальдейнъ, Я. Л. Семеновъ, А. Н. Кузнецовъ, К. Н. Шулынгинъ, В П. Бабинцевъ, К. Г. Альбертцъ, В. О. Адамсъ и торгующій во Владивостокѣ китаецъ Юнъ-Хо-Іонъ.

Писано скорописью на 68 листахъ писчей бумаги.

456. **Свидѣтельство,** выданное его превосходительству Н. П. Забугину для свободнаго проѣзда его за границу. Съ приложеніемъ государственной печати. Отъ 17 іюля 1881 г., за собственноручною подписью товарища министра иностранныхъ дѣлъ П. Берга.

Писано на 2 страницахъ въ большой листъ.

457. **Свѣдѣніе о жителяхъ пограничной полосы** съ русской и китайской стороны, на протяженіи Олочинскаго станичнаго округа.

Писано скорописью на 6 листахъ писчей бумаги. Безъ означенія года.

458. **Свѣдѣніе о винокуренныхъ заводахъ,** находящихся на заграничной сторонѣ: а) противъ Волынской бригады отдѣльнаго корпуса пограничной стражи.

Писано на 6 листахъ.

459. **Свѣдѣніе о наемныхъ переправахъ** чрезъ рѣки и рѣчки, впадающія въ Амуръ и Уссури, отъ

Покровки до ст. Красноярской.

Писано скорописью на 2 листахъ. Безъ означенія года.

460. **Свѣдѣніе о фарватерѣ р. Аргуни, прилегающей между Олочинскимъ станичнымъ округомъ.**

Писано крупной скорописью на 2 листахъ. Безъ означенія года.

461. **Свѣдѣніе о числѣ русскихъ, проживающихъ къ 1-му января 1895 г. за границей и иностранцевъ, проживающихъ въ тотъ же срокъ въ Россіи, русскихъ и иностранцевъ въ теченіи каждаго мѣсяца 1894 г.**

Писано скорописью.

462. **Современное состояніе иностранцевъ Амурской области и бассейна Амгуни. Статья П. П. Шимкевича.** Въ листъ 24 страницы.

463. **Соображенія инспектора пограничной стражи о реорганизаціи управленія оной.**

Писаны мелкою скорописью на 10 листахъ писчей бумаги.

464. **Соображенія по вопросу о землепользованіи иностранцевъ забайкальской области.**—Писаны на 10 листахъ.

Въ концѣ рукописи находится собственноручная подпись: Межевой инженеръ Азбукинъ. Въ Хабаровскѣ, 1894 г

465. **Соображенія** департамента таможенныхъ сборовъ, господину генералъ-губернатору Приамурскаго края.

Здѣсь говорится, что Приамурскій край, вслѣдствіе близости къ Китаю, имѣетъ возможность получать оттуда чай по значительно дешевой цѣнѣ, чѣмъ всѣ прочія мѣстности имперіи, и, не смотря на это, продуктъ этотъ не оплачивается никакимъ въ пользу казны сборомъ.

466. **Собственноручное письмо К. Грста** къ его превосходительству Николаю Павловичу Забугину, отъ 26 декабря.

Писано крупною скорописью на 2 страницахъ, въ 8 д. л.

467. **Собственноручное письмо Горація Робертсона** его превосходительству Николаю Павловичу Забугину, въ Токіо, отъ 20 февраля 1895 г.

Письмо это писано было изъ Ханькоу, 20 февраля 1895 г., на 58-ми листахъ.—Въ немъ подробно говорится объ открытіи агентства въ Шанхаѣ, для сбыта русскихъ товаровъ въ Китаѣ.

468. **Собственноручное письмо приамурскаго генералъ-губернатора С. Духовскаго** къ его сіятельству графу А. П. Кассини.—На 10 страницахъ, въ листъ.

Въ письмѣ говорится о ненормальномъ положеніи оставленныхъ по Айгунскому трактату на нашей территоріи китайско-подданныхъ, находящихся подъ вѣдѣніемъ манчжурскихъ властей.

469. **Собственноручное письмо г. Миллера его превосходительству В. Я. Голубеву.** Въ листъ, 12 страницъ.

Авторъ письма подробно высказывается о томъ, что:

„... желательно было бы имѣть корреспондентовъ во всѣхъ возможныхъ торговыхъ и политическихъ пунктахъ Китая и Японіи, Сибири и другихъ странахъ Дальняго Востока".

470. **Собственноручное письмо тайнаго совѣтника Н. П. Забугина,** изъ Іокогамы, отъ 23 февраля (7 марта) 1895 года.

Его сіятельству графу Артуру Павловичу Кассини.—

Писано на 24 страницахъ, въ 4 д. л.

Въ этомъ письмѣ говорится о весьма существенномъ вопросѣ относительно развитія торговыхъ сношеній Россіи съ Китаемъ.

471. **Собственноручное письмо В. Верховскаго** — его превосходительству Николаю Павловичу Забугину, — о присоединеніи къ Россіи по Пекинскому трактату 2 ноября 1860 года полуострова Муравьевъ — Амурскій и Русскаго острова.

Писано мелкою скорописью на 5 листахъ

472. **Собственноручное письмо г. Кассини** изъ Пекина, отъ 28 іюня 1895 г., тайному совѣтнику Николаю Павловичу Забугину, въ которомъ онъ говоритъ, что

„..... исполняя просьбу вашего превосходительства о сообщеніи вамъ моего личнаго взгляда на нѣкоторые возбужденные вами во время пребыванія въ Пекинѣ вопросы, позволяю себѣ изложить въ нижеслѣдующихъ строкахъ короткія соображенія по означеннымъ вопросамъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они помѣщены въ переданномъ мнѣ вами 31-го октября минувшаго года, памятной запискѣ".

Письмо это писано на 40 страницахъ и раздѣлено на XII отдѣловъ, въкоторыхъ говорится о слѣдующихъ предметахъ:

Отд. I. Постановленіе 1-й статьи торговыхъ правилъ, приложенныхъ къ С.-Петербургскому договору 1881 года, опредѣляющее право свободной торговли русскихъ и китайскихъ подданныхъ, на пространствѣ 50-ти верстной полосы по обѣимъ сторонамъ сухопутной границы нашей съ Китаемъ.

II. Вопросъ о зейскихъ маньжурахъ, оставленныхъ по Айгунскому договору на нашей территоріи, представляетъ много затрудненій для своего рѣшенія.

III. Вопросъ объ осуществленіи фиктивно принадлежащаго намъ по Айгунскому договору права плаванія и торговли по рѣкѣ Сунгари какъ извѣстно давно уже составлялъ больное мѣсто нашихъ дипломатическихъ сношеній съ китайскимъ правительствомъ.

IV. Почти полное отсутствіе непосредственныхъ пароходныхъ сношеній между различными китайскими портами и Приморской областью дѣлаетъ въ настоящее время труднымъ полученіе миссіею въ Пекинѣ сколько нибудь точныхъ свѣдѣній относительно товаровъ собственно китайскаго происхожденія, ввозимыхъ къ намъ чрезъ Владивостокъ, за исключеніемъ, конечно, чая, о которомъ миссіи доставляются точныя данныя.

V. Всецѣло раздѣляю взглядъ, высказанный въ запискѣ вашего превосходительства.

VI. Учрежденіе нашего срочнаго и хорошо организованнаго пароходства между Владивостокомъ и портами Китая, Японіи и Кореи является предметомъ настолько важнымъ, съ точки зрѣнія нашихъ торговыхъ и отчасти даже политическихъ интересовъ на Дальнемъ Востокѣ, что едва-ли представляется надобность останавливаться на общемъ вопросѣ о желательности учрежденія этого пароходства и притомъ по возможности безотлагательно, не дожидаясь окончанія постройки сибирской желѣзной дороги.

VII. Точныя и положительныя статистическія данныя, относительно дѣятель-

ности существующихъ въ китайскихъ портахъ иностранныхъ почтовыхъ учрежденій, до настоящаго времени не получены миссіею, не смотря на всѣ приложенныя ею старанія.

VIII. Тарифъ для телеграфныхъ сообщеній между Китаемъ и Россіею, какъ извѣстно, установленъ русско-китайскою конвенціею 13-го августа 1892 года.

IX. Крайне противорѣчивые отзывы нашихъ русскихъ торговцевъ въ Китаѣ, относительно своевременности и соотвѣтственности учрежденія въ Ханькоу, отдѣленія русскаго банка, лишаетъ всякой возможности высказать по этому вопросу какое либо положительное заключеніе.

X. Телеграммою отъ 10-го марта сего года я уже имѣлъ удовольствіе увѣдомить васъ о благополучномъ окончаніи дѣла о ввозѣ въ Китай бакинскаго керосина.

XI. Сдѣланное около 2-хъ лѣтъ тому назадъ кашгарскимъ доотаемъ распоряженіе объ отмѣнѣ взимавшихся ранѣе съ иностранныхъ товаровъ (кромѣ русскихъ) различныхъ сборовъ и преимущественно ликина, вызвано было, по объясненію китайскаго правительства, тѣмъ обстоятельствомъ, что при крайне незначительномъ проникновеніи въ этотъ край иностранныхъ товаровъ не русскаго происхожденія, сборы съ нихъ не могли покрывать расходовъ на содержаніе заставъ и чиновниковъ, назначенныхъ для этихъ сборовъ.

XII. Вопросъ о торговлѣ скотомъ въ Западной Монголіи всегда является однимъ изъ щекотливыхъ вопросовъ въ нашихъ сношеніяхъ съ китайскимъ правительствомъ и служитъ предметомъ обширной переписки, до сихъ поръ не приведшей къ положительному результату.

Пекинъ. 28 іюня 1895 года.

473. 10 собственноручныхъ писемъ тайнаго совѣтника Н. П. Забугина, съ береговъ Тихаго океана, отъ $^{15}/_{27}$ марта 1895, тайному совѣтнику Дмитрію Ѳомичу Кобеко, въ которыхъ говорится по вопросу о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ азіатскими государствами.

474. **Справка**: въ связи съ разсматривавшимся въ подготовительной коммисіи, образованной по Высочайшему повелѣнію при комитетѣ Сибирской желѣзной дороги, предположеніями военнаго министра о надѣленіи отставныхъ офицеровъ и чиновниковъ военнаго вѣдомства земельными участками по линіи Сибирской желѣзной дороги, возникаетъ общій вопросъ о желательности и своевременности образованія въ Сибири помѣстнаго дворянства.

Писано скорописью на 8 страницахъ въ 4 д. л.

Въ концѣ рукописи подпись: Управляющій земскимъ отдѣломъ А. Стишинскій.

475. Справка о постройкѣ желѣзной дороги въ Сибири.

Письмо его превосходительству г. министру финансовъ.

Писано мелкою скорописью на 2 листахъ писчей бумаги.

476. Справка по отчету о командировкѣ въ Суэцъ доктора Геппенера.

Изъ отчета видно, что Геппенеръ прибылъ въ Суэцъ 15-го іюня (н. с.) 1900 года и, немедленно же, войдя въ сношеніе съ директоромъ мѣстнаго карантина, докторомъ Феррари, получилъ возможность ознакомиться съ карантинными учрежденіями, находя-

щимися у Моисеевыхъ Ключей, такъ и съ обстоятельствами появленія чумной заразы на пароходѣ «Мехалли».

Писана справка на 6 листахъ.

477. **Справка по отчетамъ врачей Родзевича и Конаржевскаго**, командированныхъ на побережье Персидскаго залива для ознакомленія съ мѣстными карантинными учрежденіями.

Писана на 5 листахъ.

478. **Справка о разграниченіи между различными вѣдомствами земель въ г. Владивостокѣ.**

Писана скорописью на 4 листахъ писчей бумаги.

479. **Статья генералъ-губернатора приамурской области Духовскаго**, подъ заглавіемъ: О русскихъ коммерческихъ агентствахъ въ Китаѣ, Японіи, Кореѣ и Америкѣ.—

Писана мелкой скорописью на 6 листахъ. -- Въ концѣ рукописи слѣдуетъ собственноручная подпись генералъ-губернатора. — г. Хабаровскъ.

480. **Тайный провозъ товаровъ и взысканія таможенныхъ пошлинъ.**

Рукопись, писанная скорописью на 12 листахъ писчей бумаги.

481. **Такса на дрова** и разные сортименты лѣсныхъ матеріаловъ. №№: 1, 2, 3 и 4.

482. **Торговый отчетъ по Іокогамскому порту за 1892 годъ.**

Рукопись, писанная скорописью на 60 страницахъ, за собственноручною подписью вице-консула князя А. Лобанова—Ростовскаго.

Въ началѣ рукописи говорится, что:

„... Общій оборотъ иностранной торговли въ 1892 году показываетъ возращеніе надъ предыдущимъ почти на 20 милліоновъ іенъ и выразился для всей Японіи въ суммѣ 162.427.536.

Таковое крупное измѣненіе вызвано преимущественно соотвѣтствующимъ возращеніемъ вывоза, итогъ коего сильно поднялся вслѣдствіе исключительно хорошихъ для шелковаго дѣла вообще обстоятельствъ, а также вслѣдствіе громаднаго успѣха новой отрасли сего послѣдняго: торговли шелковыми тканями и платками. Но немногимъ отсталъ отъ него и ввозъ:—сей послѣдній далъ также возращеніе на $8^1/_2$ милліоновъ. Въ точныхъ цифрахъ ввозъ и вывозъ опредѣлились, какъ значится ниже; для удобства же сравненія, настоящія показанія сопоставлены съ прошлогодними“.

483. **Упадокъ нашей чайной торговли съ Китаемъ чрезъ Сибирь**, — происшедшій вслѣдствіе чрезмѣрно высокихъ цѣнъ за провозъ чая по сѣверу Китая и Монголіи и вслѣдствіе установившагося болѣе дешеваго морскаго сообщенія Одессы съ чайными рынками Китая, заставляетъ Сибирь озаботиться о болѣе дешевыхъ путяхъ для чайной торговли съ Китаемъ чрезъ Сибирь, нежели путь изъ Китая на Кяхту.

Рукопись, писанная скорописью за подписью: Федоръ Чертковъ; въ листъ, на 22 страницахъ.

[redacted]
3 6105 015 663 284

Z
2691.5
.B895
v.1

DATE DUE			